Альбер Собуль

ПАРИЖСКИЕ САНКЮЛОТЫ во ВРЕМЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 года - 9 термидора II года

перевод с французского *Б.С.Вайсмана, Д.Л.Каравкиной, Е.В.Рубинина*
редакция и вступит.статья *А.З.Манфреда*

по оригинальному изданию
«Les Sans-culottes parisienes en l'an II» (Paris, 1962)

М.: Прогресс. 1966

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

Для сопоставления дат и приведения их к одному стилю можно обратиться к республиканскому календарю

Вступительная статья ***А.З.Манфреда***

Введение. **Буржуазная революция и народное движение**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. **ПОДЪЕМ и УПРОЧЕНИЕ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ (июнь 1793 года - плювиоз II года)**

Глава I. **Монтаньяры, умеренные и санкюлоты** (2 июня - 13 июля 1793 года)
1. Политическая обстановка в парижских секциях
2. Политическая борьба: террор или умиротворение?
3. Социальное движение: регламентация или экономическая свобода?
4. Принятие Конституции, или искусственное единодушие
5. Рекрутский набор для похода против мятежного департамента Эр и федералистская попытка

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***А.Гордон*. Падение жирондистов**
***А.Гордон*. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая — 2 июня 1793 г.**
***А.Гордон*. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г.**
***Ц.Фридлянд*. Классовая борьба в июне-июле 1793 г.**

Глава II. **Наступление народных масс и Комитет общественного спасения** (13 июля - конец августа 1793 года)
1. Убийство Марата и его последствия
2. Кампания за проведение террора
3. Всенародное ополчение
4. Продовольственный вопрос: наступление народа и агитация умеренных
5. Политическая проблема: народное движение и Комитет общественного спасения

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Ц.Фридлянд*. Классовая борьба в июне-июле 1793 г.**
***В.Гавриличев*. Народные массы и плебейские революционеры Сент-Антуанского предместья летом 1793 г.**
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов)
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.) (подборка документов)

Глава III. **Движение 4-5 сентября 1793 года**
1. Кризис
2. Выступление

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Р.Тонкова-Яковкина*. Движение народных масс Парижа 4—5 сентября 1793 г. («Плебейский натиск»)**
«ТЕРРОР В ПОРЯДОК ДНЯ!» (подборка документов)

Глава IV. **Успехи народа и консолидация правительства** (начало сентября - 10 октября 1793 года)
1. Революционный порыв и секционные организации
2. Народное движение и чистка
3. Народное движение и репрессии
4. Народное движение и таксация
5. Народное движение и организация правительства
6. Уступки и консолидация революционного правительства

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Р.Тонкова-Яковкина*. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора**
***В.Гавриличев*. Якобинцы и принудительные налоги на богатых (весна—осень 1793 года)**
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**

Глава V. **Организация якобинской диктатуры общественного спасения** (10 октября 1793 года - 14 фримера II года)
1. Народные требования и правительственная узда
2. Наступление правительства на народные организации
3. Стабилизация правительства

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Р.Авербух*. Террористический режим во Франции в 1793-94 гг. По протоколам заседаний Конвента и протоколам Революционного Трибунала**

Глава VI. **Революционное правительство, передовые патриоты и новые умеренные** (14 фримера - конец плювиоза II года)
1. Передовые патриоты и новые умеренные: дело Венсана
2. Наступление якобинцев на секционные общества
3. Секционная демократия и правительственная централизация
4. Тревога народных масс

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***М.Славин*. Эбертисты под ножом гильотины**
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов)
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.) (подборка документов)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. **ПАРИЖСКИЕ САНКЮЛОТЫ, ИХ УСТРЕМЛЕНИЯ и ОРГАНИЗАЦИЯ**
Глава I. **Народные массы и санкюлоты-борцы: их социальные воззрения и социальный состав**
1. Осознание народными массами социальных противоречий
2. Статистические данные

Глава II. **Социальные чаяния парижских санкюлотов**
1. От права на существование к "равенству пользования благами"
2. От "равенства пользования благами" к ограничению права собственности
3. Санкюлоты и торговый капитал
4. Борьба за право на труд и помощь
5. Борьба за право на образование

Глава III. **Политические устремления парижских санкюлотов**
1. Народный суверенитет
2. Контроль над депутатами и их отзыв
3. Непрерывность заседаний секций и их независимость
4. Восстание

Глава IV. **Политическая организация парижских санкюлотов**
1. Общие собрания секций
2. Комитеты и должностные лица секций
3. От народных обществ к обществам секционным

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Я.Захер*. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация**
***А.Собуль*. Секционеры и бабувисты, их социальный состав**
***С.Абердам*. Право избирать и право решать в 1793 г.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. **ОСЛАБЛЕНИЕ и ЗАКАТ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ (вантоз - термидор II года)**
Глава I. **Кризис движения парижских санкюлотов** (вантоз II года)
1. Социальные трудности
2. Политические трудности
3. Передовые патриоты, якобинцы и умеренные
4. Вантозские декреты
5. Пароксизм вантоза

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Н.Чупрун*. Сен-Жюст и вантозские декреты**
***М.Славин*. Эбертисты под ножом гильотины**
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов)
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.) (подборка документов)
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**
***С.Моносов*. Очерки по истории Якобинского клуба**

Глава II. **Попытка кордельеров** (14-24 вантоза II года)
1. Политическое наступление и социальные волнения () 14-16 вантоза
2. Мнимое примирение (16-18 вантоза)
3. Брожение в народе в связи с недостатком продовольствия и кампания кордельеров (19-23 вантоза)
4. Позиция секционных организаций (17-23 вантоза)
5. Арест руководителей кордельеров (24 вантоза)

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***М.Славин*. Эбертисты под ножом гильотины**
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**
***С.Моносов*. Очерки по истории Якобинского клуба**

Глава III. **Драма жерминаля** (24 вантоза - 4 жерминаля II года)
1. Реакция общественного мнения (конец вантоза)
2. Лояльность секционных организаций
3. Обвиняемые: иностранцы и агенты иностранных держав
4. Обвиняемые: передовые патриоты и народные вожаки
5. Главные пункты обвинения
6. Группа кордельеров
7. Тревога патриотов и демагогия умеренных

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***М.Славин*. Эбертисты под ножом гильотины**
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**
***С.Моносов*. Очерки по истории Якобинского клуба**

Глава IV. **Репрессии. Передовые патриоты и вожаки секций** (жерминаль - флореаль II года)
1. Процесс Шометта (21-24 жерминаля II года)
2. Общие аспекты репрессий
3. Репрессии против служащих военного министерства
4. Репрессии против революционных комитетов
5. Репрессии против персонала секций
6. Политическая атмосфера

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Н.Фрейберг*. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны**
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**

Глава V. **Репрессии. Народные институты и секционные общества** (жерминаль - прериаль II года)
1. Уничтожение народных институтов
2. Наступление якобинцев на секционные общества (вантоз - жерминаль)
3. Инициатива секции Брута
4. Роспуск секционных общества (флореаль - прериаль)

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**
***С.Моносов*. Очерки по истории Якобинского клуба**

Глава VI. **Народное движение и якобинская диктатура от жерминаля до термидора II года**
1. Лояльность секций: патриотические дела и рост террора
2. Социальный кризис: продовольственный вопрос и заработная плата
3. Политический кризис
4. Репрессии против санкюлотов
5. Упорная народная оппозиция: новые формы движения (флореаль - мессидор)

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***А.Собуль*. Проблемы труда во II году Республики. Максимум заработной платы в Париже и события 9 термидора**
***Е.Киселева*. Политика якобинской диктатуры в области регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 года**
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**
***С.Моносов*. Очерки по истории Якобинского клуба**

Заключение. **Парижские санкюлоты и 9 термидора**
1. Народ накануне термидора
2. Парижские секции 9 термидора
3. Народное движение и буржуазная революция; опыт подведения итогов

тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
***Е.Киселева*. Парижская коммуна и секции 9 термидора**
***Е.Киселева*. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора**
***Я.Захер*. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора**
***Ц.Фридлянд*. Девятое термидора**
***Я.Старосельский*. Проблемы якобинской диктатуры**
***С.Моносов*. Очерки по истории Якобинского клуба**

Примечания
Список сокращений

Другие работы Альбера Собуля и материалы о нем:
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb

Имя Альбера Собуля знакомо советским читателям. Профессор университета в Клермон-Ферране, прогрессивный французский историк, уже свыше четверти века плодотворно работающий над изучением проблем Великой французской революции, сотрудник ряда левых органов французской печати, Альбер Собуль — друг Советского Союза. Работы Альбера Собуля не раз появлялись в переводе на русский язык. В 1960 году Издательством иностранной литературы был выпущен сборник его статей [1]. Ряд исследовательских этюдов Собуля был опубликован на страницах «Французских ежегодников» [2]. Его статьи печатались в журнале «Новая и новейшая история» [3].

По этим публикациям советские читатели смогли узнать Собуля и оценить его как одного из передовых историков Франции нашего времени. Как видно даже из перечня названий работ, главной темой исследований профессора Собуля являются по преимуществу вопросы истории первой французской революции XVIII века. Ему же принадлежит общий очерк истории революции, выдержавший несколько изданий [4], и ряд документальных публикаций [5] и специальных изысканий по той же проблематике [6].

И все же главным и самым ценным трудом профессора Собуля является его капитальная монография о парижских санкюлотах в период якобинской диктатуры, опубликованная им в 1958 году [7] и защищенная им с успехом как докторская диссертация.

Эта книга вышла уже в сокращенном переводе на английском и немецком языках. Настоящее издание — в русском переводе — также дается с немалыми сокращениями. Произведенные сокращения нетрудно понять: они в значительной мере продиктованы необ-

---

[1] А. Собуль, Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции, М., 1960.

[2] А. Собуль, Революционные комитеты французских секций, «Французский ежегодник», 1958; А. Собуль, Секционеры и бабувисты; их социальный состав, «Французский ежегодник», 1960.

[3] См., например, А. Собуль, Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы Французской буржуазной революции XVIII века, «Новая и новейшая история», № 6, 1963.

[4] Albert Soboul, La révolution française 1789—1799, Paris, 1948 (1-е изд.). «Précis d'histoire de la Révolution française», Paris, 1962 (3-е изд.).

[5] «1789. L'an I de la Liberté». Textes et commentaires, Paris, 1950; «L'Encyclopedie», textes choisis, Paris, 1952; Saint-Just. Discours et Rapports, Paris, 1957.

[6] A. Soboul, Les campagnes montpelliéraines à la fin de l'Ancien Régime. Propriété et cultures d'après les compoix, Paris, 1958 и др.

[7] Albert Soboul, Les Sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire (2-е изд.), Paris, 1962.

ходимостью. Дело в том, что в оригинале труд Альбера Собуля насчитывает 1168 страниц большого формата, что составляет около 80 печатных листов.

Естественно, что такая тяжелая, монументальная книга, значительную часть которой составляет научный аппарат в подстрочных примечаниях, не может рассчитывать на внимание сколько-нибудь широкого круга читателей; их отпугнут прежде всего устрашающие размеры издания. Специалисты же, число которых невелико, предпочтут изучать этот труд в оригинале. Вот почему и английское и немецкое издательства, а ныне советское издательство «Прогресс» сочли необходимым печатать труд Альбера Собуля со значительными сокращениями.

Автор также отдавал себе отчет в том, что проложить путь к читателю его книга может лишь в несколько измененном виде. То, что было нужным в труде, предназначенном для защиты докторской степени, становилось излишним, утяжеляющим в книге, рассчитанной и на неспециалистов. Альбер Собуль для настоящего издания провел значительное сокращение текста. В основном оно коснулось аппарата и довольно частых иллюстративных примеров. Произведенные автором сокращения оказались, однако, недостаточными, и редакция, чтобы довести издание до установленных размеров, должна была провести дополнительно некоторые незначительные сокращения. Они не отразились на научной ценности труда профессора Собуля; скорее напротив, освободившись от утяжеляющего орнамента, работа в целом стала легче, обозримей, яснее.

* * *

Французская буржуазная революция XVIII века, или, как называл ее В. И. Ленин, Великая французская революция, составляет одну из ярких, незабываемых страниц в летописях освободительного движения человечества. Не будет преувеличением сказать, что ни одна из буржуазных революций, известных в истории, не оказывала столь сильного, глубокого и длительного влияния на общественное развитие, как Великая французская революция. Это объясняется прежде всего ее своеобразием. Буржуазная по своему объективному содержанию и конечным результатам, она была народной по своему характеру и движущим силам и плебейской по своим методам. В этом были, конечно, заключены неустранимые внутренние противоречия революции, придавшие ей на всех этапах ее развития крайне острый, драматический характер, а в последних, заключительных ее актах — подлинный трагизм.

Величие и силу этой революции создал народ, являвшийся ее истинным творцом и сумевший поднять ее на такую высоту, которой не достигала ранее ни одна из революций. Именно благодаря творческому участию народа в революции она сумела с такой решительностью довести до конца, последовательно выполнить главные задачи, стоявшие перед ней. Но великие победы, одержанные народом, повергавшие современников в изумление, ускользнули из рук победителей; плодами победы, отвоеванной в титанической борьбе, воспользовались другие. По трупам героев, павших во имя торжества революции, к власти после 9 термидора пришла алчная, хищная, беспощадная буржуазия. Вместо ожидаемого «века разума», мира свободы, равенства, братства наступило царство всевластия денег, волчьей конкурентной грызни, погони за богатством, роскошью, низменными благами жизни.

Это одно из основных противоречий Великой французской революции, естественно, издавна привлекало внимание историков, философов, художников, романистов. Осознать, додумать до конца смысл трагических коллизий 1793—1794 годов пыталось не одно поколение мыслящих людей. Печатью этих раздумий отмечены столь разные произведения искусства, как, например, «Смерть Марата» знаменитого живописца Давида, «93-й год» Виктора Гюго, «Боги жаждут» Анатоля Франса, «Робеспьер» Ромена Роллана. Если столь различным было восприятие противоречий Французской революции мастерами искусства, то, естественно, еще больше споров, столкновений, противоположных концепций было в среде профессиональных историков.

Здесь не представляется возможным — да в этом и нет особой необходимости — рассматривать эволюцию исторической мысли в оценке Французской революции, и в частности ее высшего этапа — периода якобинской революционно-демократической диктатуры. Достаточно будет лишь сказать, что вопреки распространенному мнению, будто в изучении Великой французской революции все уже выяснено до конца, на самом деле лишь в последние десятилетия обозначились серьезные сдвиги в изучении этой неумирающей темы. И хотя за 177 лет, прошедших с начала революции, уже накопилась почти необозримая литература — написаны многие тысячи исследований, книг, статей,— все же остается еще немало вопросов в истории революции, ждущих своего разрешения.

Нельзя не согласиться с французским ученым, профессором Эрнестом Лабрусом, когда он на Венском международном конгрессе историков 1965 года заявил, что Французскую революцию XVIII века мы начинаем лучше понимать благодаря Октябрьской революции 1917 года и опыту последующих революций.

Действительно, это так. Лишь за последние сорок-пятьдесят лет стала фактически создаваться научная история якобинской диктатуры. Большая заслуга в этом принадлежит школам Альбера Матьеза и Жоржа Лефевра, несомненно испытавшим в своем научном творчестве влияние Великой Октябрьской социалистической революции. Немалый вклад, особенно в разработку методологических проблем этой темы, был внесен советской исторической школой.

Обо всем этом следует напомнить, чтобы лучше понять значение нового труда профессора Альбера Собуля.

Книга Собуля посвящена проблемам якобинской диктатуры. Но в истории этого героического периода революции его внимание обращено к тому вопросу, который до сих пор, в сущности, не был исследован. Это книга о парижских санкюлотах. И надо добавить, что, в сущности, это первое монографическое исследование этой важной темы.

В интересах точности надо, конечно, сказать, что в какой-то мере этой темы касались многие из предшественников Собуля. Здесь должно быть вспомянуто имя Петра Кропоткина, проявлявшего особый интерес к народным движениям в период революции [1]; недаром его работу ценил В. И. Ленин. Но широкие хронологические рамки труда П. А. Кропоткина, его преимущественное внимание к крестьянским движениям, наконец, предвзятость мнений автора, остававшегося и в историческом сочинении верным своим анархистским воззрениям,— все это в целом препятствовало созданию полной и правильной картины движения санкюлотов во Французской революции.

Много ценного внес в изучение этой проблематики Альбер Матьез [2]. Хотя Собуль в ряде случаев критикует Матьеза и отгораживается от него, влияние этого крупного французского ученого на автора монографии о парижских санкюлотах несомненно. Но для Матьеза тема о санкюлотах не была основной в его исследованиях; она разрабатывалась им фрагментарно. Одна из важных страниц в истории парижского плебейства — история так называемых «бешеных», одного из наиболее левых течений того времени, — была в свое время с большой полнотой изучена недавно умершим советским историком профессором Я. М. Захером. Первые работы Захера о «бешеных» появились около сорока лет назад [3]. Я. М. Захер продолжал работать над этой проблематикой, и его последние труды в этой области были опубликованы сравнительно недавно [4]. Линию исследований Я. М. Захера продолжил в нашей стране С. Л. Сытин [5] и в Германской Демократической Республике профессор Вальтер Марков [6].

---

[1] П. А. Кропоткин, Великая французская революция, Пгр., 1919; первое французское издание, Париж, 1909.

[2] См. A. Mathiez, La Vie chère et le mouvement social sous la terreure, Paris, 1927 (русский перевод 1928 г.), и другие его работы.

[3] Я. М. Захер, «Бешеные», Ленинград, 1930.

[4] Я. М. Захер, Очерки истории движения «бешеных», М., 1962; его же, «Последний период деятельности Жака Ру», «Французский ежегодник», 1958; его же, «Жан Варле во время якобинской диктатуры», «Новая и новейшая история», № 2, 1959, и ряд других.

[5] См. С. Л. Сытин, Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований, «Ученые записки Ульяновского пединститута», 1956, стр. 253—326.

[6] См. Walter Markov, Robespierristen und Jaqueroutins, «Maximilien Robespierre», Berlin, 1962, S. 113—175, и ряд его статей во «Французском ежегоднике».

Альбер Собуль не знает русского языка, и когда он работал над своей книгой, ему остались, к сожалению, неизвестными труды советских ученых о «бешеных». То, что в его монографии написано о Жаке Ру, о Теофиле Леклерке, о Варле, мало что прибавляет к известному нам ранее о них из трудов Я. М. Захера и его продолжателей.

Но не следует забывать, что «бешеные»— это отнюдь не главная тема исследования Собуля и что они занимают в его обширной монографии сравнительно небольшое место.

В целом его труд является новым и по привлеченным архивным материалам, и по самому существу предмета, крупным исследованием одного из важнейших вопросов истории якобинской диктатуры.

Монография Альбера Собуля — плод огромного, кропотливого, тщательного труда над колоссальным количеством рукописных и печатных источников, изученных им в процессе подготовки книги. В своей основе работа базируется на первоклассных архивных материалах, почерпнутых во многих фондах Национального архива, архива департамента Сена, архива префектуры полиции и др. Уже само богатство архивных материалов, поднятых исследователем и пущенных им в научный оборот, делает книгу Альбера Собуля выдающимся вкладом в историческую литературу, посвященную якобинской диктатуре.

Заслуживает также внимания та тщательность, с которой автор изучал прессу, брошюры и многочисленные иные печатные источники той эпохи; эти обширные материалы позволяли ему корректировать архивные документы. Должна быть особо отмечена высокая техника исторического письма Альбера Собуля; и с этой стороны обширное исследование прогрессивного французского историка должно быть признано образцовым.

Но труд профессора Альбера Собуля завоевал заслуженное признание и у себя на родине и за ее пределами не только богатством привлеченных автором источников и совершенством техники исторического исследования.

На протяжении многих десятилетий, прошедших со времени Французской революции XVIII века, историки, занимавшиеся изучением этого бурного времени, не раз перемещали центр своего внимания с одних героев на других. Было время, когда в поле зрения авторов исторических сочинений о революции находились главным образом герои 1789 года, либеральные вожди начального периода революции — Оноре Мирабо, маркиз де Лафайет, Сиейес, изображаемые почти восторженно. Затем — и это отражало, конечно, какие-то изменения в развитии борьбы классов — общественные симпатии, запечатленные в трудах историков, переместились несколько левее. Со времени выхода в свет в середине прошлого века «Истории жирондистов» Альфонса Ламартина — четырехтомной апологетической поэмы в прозе — прославление Верньо, Роланов, Бюзо и других деятелей Жиронды стало излюбленным

мотивом буржуазной исторической науки. Позже, уже в нынешнем столетии, Альфонс Олар, возрождая традиции Жюля Мишле, нашел главного героя революции в лице Жоржа Дантона. Альбер Матьез вступил с Оларом в ожесточенный и длительный спор; опираясь также на традиции прошлого (его предшественниками были Луи Блан и Амель), Матьез противопоставил Дантону — образ «Неподкупного»— Максимилиана Робеспьера.

Работа Альбера Собуля вносит нечто принципиально новое в исследование истории Великой французской революции. У него тоже есть свой главный герой исторического повествования, но этого героя он ищет не в парламентской истории революции, не в летописях словесных сражений и дуэлей, не в среде знаменитых прославленных деятелей революции. Его главный герой — это рядовые участники революции, простые люди, санкюлоты и их вожаки, остававшиеся до сих пор либо вовсе не замеченными в исторических сочинениях, либо чаще всего кратко упомянутыми под общим собирательным именем городского плебейства или городских низов.

Во избежание недоразумений, чтобы не быть неправильно понятым, я сразу же оговорюсь. Сказанное отнюдь не имело в виду исключить из науки или умалить значение трудов, посвященных знаменитым деятелям революции или крупным политическим событиям; эти исследования, конечно, нужны. Важно было лишь обратить внимание на то новое или, вернее сказать, на того нового героя исторического произведения, которого ввел в науку Альбер Собуль.

Могут сказать, наверное, что Собуль является вовсе не первым историком, обратившимся к изучению коллективного героя революции, что до него были написаны уже серьезные работы о роли тех или иных категорий трудящихся в революции. Это верно, конечно; спорить не приходится. Здесь, естественно, приходят на память старая, почти девяностолетней давности работа Кареева о крестьянах [1], старые исследования Е. В. Тарле о рабочих во время революции [2], Жоржа Лефевра о крестьянах департамента Нор [3] и другие. И все же, учитывая и эти серьезные исследования, значение которых было бы неправильно умалять, следует признать то новое, что внес в изучение этой постоянно возбуждающей интерес темы — истории Великой французской революции — Альбер Собуль.

Хотя работа Собуля и ограничена определенными локальными рамками — он пишет только о санкюлотах Парижа,— его исследование имеет не местное, не локальное значение, оно связано с коренными проблемами революции. Разве то, что характерно для санкюлотов Парижа, не присуще в значительной мере и санкюлотам Лиона или Марселя? Работа Собуля перерастает локальные рамки; это исследование о роли и значении определенной социальной категории, и именно той, которая была менее всего изучена, — в социальной и политической истории революции.

Новизна и главная ценность труда Альбера Собуля состоит прежде всего в том, что он показал санкюлотов революционной столицы Франции в решающие годы—в период якобинской диктатуры— с такой полнотой, так всесторонне, как это не удавалось до сих пор ни одному из его предшественников. Собуль показал народ — простых людей Парижа, санкюлотов, верный оплот революции — не в обобщенных характеристиках, не крупными мазками, как это делалось порою и раньше, не только в переломные критические дни, когда на первый план выступали героическая смелость, революционный порыв (и это тоже показано в его книге), но и в повседневных трудах и заботах, в его будничной героике.

Альбер Собуль отнюдь не идеализирует своего героя — санкюлотов. Если угодно, он даже снимает с самого понятия «санкюлот» тот покров романтической героики, который со времен «карманьолы» окружал это слово. Он как бы анатомизирует само это понятие: санкюлот, санкюлотство (Sans-culotterie). Он доказывает, опираясь на изучение архивных документов самых низовых организаций революционной столицы, пестроту, неоднородность социального состава санкюлотов. Он решительно возражает против попыток отождествить или даже сблизить понятие «санкюлот» с понятием «пролетарий», то есть фабричный рабочий. Санкюлот — это не только, или даже вернее, не столько мануфактурный рабочий, это чаще всего мелкий собственник — хозяин грошовой лавки, или копеечной мастерской, ремесленник, кустарь, подмастерье — трудовой, бедный люд огромного (по тем временам) столичного города. Мы бы назвали санкюлотов, пользуясь старым термином, применявшимся Энгельсом, плебейством; в советской исторической литературе оба этих термина — санкюлоты, плебеи — применительно к Французской революции весьма сближены. Собуль, насколько нам удалось проследить, термина «плебейство» не употребляет. Но дело, конечно, не в терминах. Отсюда, из этой крайней пестроты социального состава санкюлотов, Собуль выводит и противоречивость и различия в мнениях и оттенках социальных и политических устремлений парижских санкюлотов.

Но как ни различны, как ни пестры социальные чаяния трудового бедного люда Парижа, они — санкюлоты — составляют верную опору революции, они — рядовые армии революции, сыгравшие решающую роль в важнейшие переломные дни — 14 июля, 10 августа, 31 мая — 2 июня.

Монография Собуля (1-е изд.) имеет подзаголовок «Политическая и социальная история парижских секций со 2 июня 1793 года

---

[1] Н. И. Кареев, Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в., М., 1879.

[2] Е. В. Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху Революции, ч. 1—2, СПб., 1909—1911.

[3] G. Lefebvre, Les Paysans du Nord pendant la Révolution française, v. 1, 2, Paris — Lille, 1924.

по 9 термидора». К секциям, этим низовым ячейкам политического организма революционной столицы, не раз обращали свое внимание исследователи. Однако лишь ныне, после появления в свет работы Альбера Собуля, можно с определенностью сказать, что жизнь парижских секций в период якобинской диктатуры, и именно секций, где преобладали санкюлоты, предстала перед нами во всей ее полноте, со всеми ее сильными сторонами, со всеми присущими ей внутренними противоречиями.

Из монографии Собуля можно впервые с такой исчерпывающей полнотой увидеть и понять организационную структуру парижских секций, роль их общих собраний, их руководящих органов, можно впервые так отчетливо, как бы с короткой дистанции, увидеть портреты народных вожаков, рядовых участников восстания 31 мая — 2 июня в их повседневном революционном творчестве. С той же тщательностью и вниманием Собуль прослеживает деятельность народных обществ и революционных комитетов; он анализирует их взаимоотношения, их роль в организации оборонной мощи республики, их место в общей системе революционной диктатуры.

Опираясь на многочисленные материалы, которые в таком изобилии предоставляют протоколы собраний секций, народных обществ, революционных комитетов, Альбер Собуль, обобщая и синтезируя их, рисует впечатляющую картину социальных устремлений и политических тенденций парижских санкюлотов. Шаг за шагом, день за днем он прослеживает, как росло, как ширилось, как мужало то народное движение, которое он именует секционной демократией.

Собуль рассматривает основной предмет своего исследования — санкюлотов Парижа и в статике, анализируя самым тщательным образом все формы их общественной деятельности как бы в застывшем виде (формы их организации, их характер, их состав, их внешний вид и т. д.), и в динамике. Он прослеживает развитие и изменение движения и организации санкюлотов на протяжении всех четырнадцати месяцев власти якобинцев. Он детально рассматривает отношение санкюлотов столицы ко всем важнейшим событиям этого бурного времени: их отношение к Конституции, к задачам обороны республики, к продовольственным затруднениям, их роль в событиях 4—5 сентября, их отношение к жирондистам и другим врагам якобинской республики, их отношение к установлению революционной диктатуры, к террору, к мобилизации сил народа для отпора армиям интервентов и т. д. и т. п.

Конечно, было бы неправильным представлять, что все сообщаемое Собулем в его монографии было ранее неизвестным. При современном уровне изучения истории Великой французской революции уже невозможно, чтобы все было новым. И все же автору следует воздать должное: после Матьеза и Лефевра ни одному из историков Великой французской революции не удалось найти столько свежего и нового материала, как Собулю.

По своему содержанию монография Альбера Собуля шире своего названия. Это не только исследование о санкюлотах Парижа в 1793—1794 годах, это в значительной мере и исследование о якобинской диктатуре — ее становлении, ее развитии, ее истории. И здесь, надо также признать, тщательный анализ автором действий главного героя своего исторического повествования — парижских санкюлотов — позволяет ему по-новому осветить и некоторые страницы истории якобинской диктатуры.

Безусловно, свежей и во многом новой является нарисованная автором на основе архивных материалов картина обсуждения и принятия низовыми народными организациями якобинской Конституции 1793 года. Много нового вносит он и в освещение августовских событий в Париже, и в вопрос о взаимоотношениях между секциями и Коммуной, и в вопрос о конфликте между Шометтом и кордельерами, и во многие иные вопросы истории якобинской диктатуры; даже простое перечисление их невозможно: оно заняло бы слишком много места.

Скажем короче: «Парижские санкюлоты...» Альбера Собуля вносят так много нового в освещение истории якобинского этапа Французской революции, что ни один историк, занимающийся этим периодом, не сможет после выхода в свет книги Собуля пройти мимо нее.

* * *

И вместе с тем при всех сильных сторонах капитального труда профессора Альбера Собуля некоторые мысли, лежащие в основе его книги, и некоторые ее положения не могут не вызвать возражений.

Со всей дружеской откровенностью и прямотой здесь до́лжно сказать о том, что представляется нам в работе Альбера Собуля неправильным или спорным.

Как уже говорилось, одним из основных достоинств нового труда Альбера Собуля является чрезвычайно полный и всесторонний анализ роли и места парижских санкюлотов в революционном процессе 1793—1794 годов. Рассматривая общественную деятельность санкюлотов во всех ее аспектах, автор, естественно, уделяет значительное место и большое внимание выяснению взаимоотношений между санкюлотами столицы и Революционным правительством.

Тема эта не является чем-то случайным или эпизодическим в работе французского ученого. Не будет ошибкой сказать, что в общем построении труда Собуля, в его композиции эта тема — санкюлоты и Революционное правительство, — в сущности, является стержневой, ведущей; она проходит через всю книгу от ее начала до заключительных строк.

Такое внимание именно к этому аспекту темы вполне понятно и оправданно. Кто станет оспаривать его важность?

Но читатель, знакомящийся с книгой Альбера Собуля, вскоре убеждается в том, что эта тема, значение которой каждый может оценить, освещается автором как-то односторонне.

В самом деле, читая главу за главой обширное исследование профессора Собуля, начинаешь замечать, что внимание автора приковано главным образом к выявлению противоречий между санкюлотами, низовой секционной демократией Парижа, и Революционным правительством. На этом противоречии, в сущности, и построена в изложении Собуля вся динамика развития революции от победы якобинцев 2 июня 1793 года до их падения 9 термидора.

Можно ли говорить о противоречиях между санкюлотами и Революционным правительством в период якобинской диктатуры?

Да, в какой-то мере, конечно, можно. Противоречие, заложенное в самой природе якобинской власти, в ее классовой неоднородности, создавало почву и для некоторых противоречий, порой почти исчезающих, порой обостряющихся, между санкюлотами и Революционным правительством.

Однако представляется необходимым и, может быть, еще более важным выявление не только противоречий, но и общности интересов, общности целей и задач, объединяющих санкюлотов с Революционным правительством.

Рассматриваются ли в этом аспекте взаимоотношения санкюлотов и Революционного правительства в монографии Альбера Собуля? Почти не рассматриваются. Автор не ставит перед собой этой задачи, и не случайно; санкюлоты и якобинское Революционное правительство анализируются им не в плане общности стоявших перед ними задач, а в плане их противопоставления друг другу.

На стр. 214 своего труда Альбер Собуль пишет об «антагонизме между двумя социальными категориями: между секционной демократией и Революционным правительством, между санкюлотами и якобинцами». Не будем придираться к терминологии; на мой взгляд, здесь смешаны социальные и политические категории. Гораздо важнее существо вопроса.

Мысль, выраженная в приведенном отрывке, для автора не случайна; в других выражениях, иными словами она повторяется много раз в книге; она проходит через нее красной нитью. И главное в ней — это противопоставление санкюлотов якобинцам.

Вот этот основной тезис автора, скажем ему по-дружески со всей прямотой, представляется нам ошибочным, неверным.

Собуль не дает в своем труде прямого и четкого определения классовой природы якобинизма или якобинского правительства. Тем не менее из ряда его суждений можно ясно понять, что он рассматривает их как чисто буржуазные. Конечно, в якобинстве были и элементы буржуазного. Но можно ли сказать, что якобинцы представляли только буржуазию?

Советская историческая школа иначе рассматривает якобинство и якобинское Революционное правительство. Большинство советских историков сходится в том, что якобинство, якобинская партия представляли не какую-либо классово однородную силу, а *блок* классово разнородных сил, а именно демократической буржуазии (имея в виду ее средние и низшие слои), крестьянства и плебейства. Понятно, что внутри этого классово неоднородного блока были различия интересов и социальных устремлений, были и противоречия. Но еще важнее была *общность* задач — борьбы не на жизнь, а на смерть против могущественных сил иностранной и внутренней контрреволюции, борьбы, которая сплачивала и объединяла эти разнородные элементы в мощную революционную силу, совершавшую величайшие революционные подвиги.

Здесь уместно напомнить известное определение В. И. Ленина: «Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным *большинством* народа, с *революционными* передовыми классами *своего* времени»[1].

Следуя за В. И. Лениным, советские историки видят силу якобинизма прежде всего в его тесной связи с *народом*, в его умении идти вместе с народом и во главе народа.

Став на путь противопоставления санкюлотов якобинцам, Альбер Собуль закономерно приходит и к противопоставлению санкюлотской демократии якобинскому Революционному правительству. И здесь ему также представляется (см., например, стр. 334), что в основе этого противоречия лежат классовые противоречия между народом и буржуазией.

Альбер Собуль не ставит перед собой задачи выяснить действие центростремительных сил, что сплачивало и объединяло народ вокруг Революционного правительства. Он задается иным вопросом. «Как только,— пишет он на странице 286, — Революционное правительство укрепило свои позиции, двойственность власти — правительственной и народной — не замедлила проявиться, а вскоре обнаружилась и их несовместимость». Позволительно спросить, а чем, собственно, было якобинское Революционное правительство? Разве правительственная власть не была народной? Разве оно не опиралось в своей политике, в своих действиях на народ, разве оно не выражало его интересы? Разве оно не сумело возглавить революционно-демократическую диктатуру, сплотить и объединить народ и повести его на смертельный бой с контрреволюцией?

Здесь невольно снова вспоминаются знаменитые слова Ленина: «...чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контрреволюции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 216.

класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев)» [1].

Конкретный анализ политики Революционного правительства полностью подтверждает эту блестящую характеристику В. И. Ленина.

Конечно, было бы неправильным приукрашивать, идеализировать политику Революционного правительства. Якобинскому правительству были присущи и ошибки, и просчеты, и в особенности легко обозримая, порой бросающаяся в глаза противоречивость политической линии.

Искать объяснение этих ошибок, этой противоречивости в простой коллизии — правительство представляет буржуазию, а секционная демократия — санкюлотов, народ — вряд ли правильно. Такое слишком прямолинейное противопоставление подменяет необходимость более глубокого анализа. Причины противоречивости якобинской политики имеют более глубокие корни. Их надо искать не только во внутренних противоречиях якобинской революционно-демократической диктатуры как определенного соотношения классов, не только в классовой неоднородности якобинского блока и шедших за ним общественных сил. Их надо искать также в том глубоком противоречии, которое было присуще Французской революции, в особенности на ее высшем этапе: эта могучая народная революция, вовлекшая миллионные массы в справедливую освободительную борьбу, действовавшая самыми смелыми, плебейскими методами, в силу объективных условий того времени не могла быть не чем иным, как буржуазной революцией.

Конечно, действующие лица этой революции, ее знаменитые вожди — Робеспьер, Марат, Сен-Жюст, ее рядовые участники — секционные вожаки, чьи имена не были даже известны за пределами их улицы или квартала, не осознавали и не могли осознать этого трагического противоречия революции. Им казалось, что они сражаются за торжество справедливости, за свободу, за равенство, братство. Конечно, между ними возникали споры, у них могли быть разные представления о том, как достигнуть этого высшего справедливого общественного строя, как установить счастье для всех в республике. Но и для тех, кто направлял руль государственной политики в Комитете общественного спасения, и для санкюлотов — членов низовых обществ — в равной мере было неведомо, что независимо от их воли и намерений они сражаются в конечном счете в пользу ненавидимых ими богачей, в пользу буржуазии.

Представляется, что в монографии Альбера Собуля это своеобразие исторического процесса во время Французской революции не принимается в должной мере во внимание.

Это искусственное расчленение единого по своей сути революционного процесса на противопоставляемые друг другу якобинскую

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 37.

буржуазию и санкюлотскую демократию, на два как бы параллельно идущих процесса — буржуазную революцию и народное движение — можно встретить и в ранних его работах, в частности в его программной работе «Классы и классовая борьба во время Французской революции» и в некоторых других, опубликованных уже на русском языке [1]. А. В. Адо в предисловии к этому изданию справедливо указывал на ошибочность этого противопоставления [2].

В «Парижских санкюлотах» Альбер Собуль еще более настойчиво проводит это искусственное противопоставление, рассматривая его чуть ли не как главный конфликт этого этапа революции.

Квалифицируя якобинское правительство как чисто буржуазное, постоянно подчеркивая его стремление обуздать и подчинить народную санкюлотскую демократию, Собуль, хочет он того или нет, отказывает, в сущности, якобинскому правительству в том, что является для него определяющим — в его эгалитаристских устремлениях.

Именно так он освещает уже давно вызывающий споры в исторической литературе вопрос о вантозских декретах.

Альбер Собуль в данной монографии сообщает интересные и ценные своей свежестью сведения о том, что требования конфискации имущества врагов революции и распределения его среди неимущих еще до вантозского законодательства широко обсуждались в низовых секционных организациях и поддерживались общественным мнением санкюлотской демократии.

Но из этого интересного и важного наблюдения, которое, на наш взгляд, лишь подчеркивает народные корни вантозского законодательства и лишний раз подтверждает на частном примере тесные связи якобинских вождей с народными массами, Собуль делает совершенно неожиданные выводы. Он объявляет вантозское законодательство политическим маневром якобинцев.

Точности ради надо сказать, что эта точка зрения не является оригинальной. В исторической литературе она была сформулирована в свое время с большой определенностью Жоржем Лефевром [3]. Интерпретируя вантозские декреты как маневр, как ход в политической борьбе против эбертистов, Собуль лишь следует за Лефевром.

На наш взгляд, эта точка зрения является ошибочной. Она связана с той предвзято узкой трактовкой якобинства и в особенности Робеспьера и его приверженцев как представителей средней буржуазии, которая характерна для автора монографии о парижских санкюлотах. В действительности же, по нашему мнению, вантозские декреты представляли не маневр, не ловкий политический ход — они были закономерным для Робеспьера, для Сен-Жюста, для яко-

[1] См. А. Собуль, Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 гг., стр. 25—66.

[2] См. там же, стр. 15—19.

[3] См. G. Lefebvre, Questions agraires au Temps de la terreur, Strasbourg, 1932, p. 5.

бинского правительства социально-политическим актом, ибо в этих декретах нашли свое выражение уравнительские, эгалитаристские устремления народных «низов» города и деревни, то есть плебейства и крестьянства, поднятых на борьбу революцией.

В равной мере вызывает возражение и истолкование автором характера и значения борьбы Революционного правительства с эбертистами. Прежде всего здесь следует отметить расширительное толкование Собулем выступления эбертистов. В тексте работы профессор Собуль сначала растворяет эбертистов в движении кордельеров, а затем отождествляет одно понятие с другим. Так, известные события середины вантоза, освещавшиеся до сих пор в исторической литературе как попытка мятежа со стороны эбертистов, Альбер Собуль в своей монографии определяет как попытку выступления кордельеров [1]. Конкретный материал, приводимый Собулем по этому вопросу, интересный в деталях, не сообщает чего-либо принципиально нового, что не было бы ранее известно историкам. Поэтому и расширительное толкование эбертистского выступления как выступления кордельеров представляется недостаточно обоснованным.

Но с Альбером Собулем трудно согласиться и по существу. В его интерпретации разгром эбертистов как бы предрешал последующее падение якобинского правительства, как бы предопределял неизбежность Термидора. Эта линия последовательно проводится во всей последней части работы. Она связана со всей концепцией автора, расчленяющей единую во всей своей противоречивости революцию на два как бы параллельных процесса — буржуазную революцию и народное движение, противопоставляющую якобинскую буржуазию санкюлотам, народу. С этой точкой зрения нельзя согласиться.

В связи с предыдущим нельзя признать случайным, что в обширной монографии Альбера Собуля нет ясного развернутого определения существа якобинской диктатуры. Более того, и в этом вопросе приходится также констатировать известное расхождение в мнениях с выдающимся прогрессивным французским историком.

Альбер Собуль не употребляет того термина, который давно уже приобрел права гражданства в советской исторической литературе: якобинская революционно-демократическая диктатура. И в данной работе и в других, касающихся той же темы [2], он иногда пользуется термином «якобинская диктатура», а чаще говорит о диктатуре правительственных комитетов. Но спор здесь не терминологический, важнее то, что скрывается за этими терминами.

В понимании Альбера Собуля якобинская диктатура — это собственно диктатура якобинского Революционного правительства, якобинской буржуазии. Хотя кое-где Собуль и признает в декларативной форме, что и у санкюлотов были те же враги, что и у якобинцев, — аристократы, интервенты, он постоянно подчеркивает основное противоречие, отчетливо обозначившееся с осени 1793 года «между народной властью и санкюлотской демократией, с одной стороны, и якобинской диктатурой и Революционным правительством — с другой» [1]. В дальнейшем, по мнению Собуля, якобинская диктатура (т. е. диктатура правительственных комитетов) все более усиливается в ущерб санкюлотской демократии; с весны 1794 года уже полностью выявляется «непреодолимый антагонизм между санкюлотами и якобинской буржазией и тем самым подготавливается путь к Термидору».

В нашем понимании якобинская диктатура — это нечто иное. Главное в ней — это то, что она была революционно-демократической диктатурой. Но что это значит? Якобинцы, придя к власти, не имели идеи и плана установления диктатуры; скорее напротив, Конституция 1793 года, принятая якобинцами, должна была обеспечить переход к более демократическому строю. Однако уже решающая роль народных масс в восстании 31 мая — 2 июня создала новое соотношение классовых сил в революции, означавшее складывание революционно-демократической диктатуры. Настоятельные требования войны не на жизнь, а на смерть с превосходящими силами внешней и внутренней контрреволюции, давление народных масс ускорили процесс установления революционно-демократической диктатуры; к осени 1793 года в главном он был завершен. Декрет Конвента 10 октября 1793 года о создании временного Революционного правительства юридически оформлял режим диктатуры. Главная особенность якобинской революционно-демократической диктатуры заключалась в том, что строго централизованная власть сверху сочеталась с широкой народной инициативой снизу. Связи Комитета общественного спасения, якобинского Конвента с народом и поддержка народом Революционного правительства были основным источником силы якобинской революционно-демократической диктатуры.

Иное и, как представляется, слишком прямолинейное понимание социальной природы якобинской диктатуры Альбером Собулем, влечет за собой и более частные ошибки, о которых уже говорилось выше.

Спорной представляется характеристика Шометта в монографии Собуля. На наш взгляд, автор оценивает его слишком сурово.

Можно было бы поспорить с Собулем и по другим, более частным вопросам. Но и приведенных достаточно. Большое оригинальное исследование всегда вызывает споры, столкновение мнений.

---

[1] См. стр. 358 — 363 данной книги.

[2] Albert Soboul, Precis d'Histoire de la Révolution française, Paris, 1962.

[1] См. стр. 318 данной книги.

При всех своих спорных, вызывающих возражения положениях книга Альбера Собуля займет значительное место в современной исторической литературе.

И советский читатель, уже знакомый с предыдущими работами прогрессивного французского ученого-историка, с вниманием и интересом отнесется к его новому большому труду, являющемуся крупным вкладом в историческую науку, принесшим автору заслуженное признание.

Профессор
А. З. Манфред

ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА РАВЕНСТВО НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК РАВЕНСТВО В ПРАВАХ

Верньо, 13 марта 1793 года

УНИЧТОЖИТЬ НЕРАВЕНСТВО ПОЛЬЗОВАНИЯ БЛАГАМИ

Феликс Лепелетье, 20 августа 1793 года

ВВЕДЕНИЕ

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Французская революция и ее историки: ее развитие и углубление.— Историки народного движения: их усилия и недостатки.— Независимый характер и своеобразие народной революции.— Рамки и пределы данного исследования.

Французская революция наряду с английскими революциями XVII столетия завершает длительный период социально-экономического развития, утвердивший господство буржуазии во всем мире.

Эта истина может показаться сегодня избитой, но в начале XIX столетия ее провозглашали лишь наиболее проницательные историки буржуазии. Гизо хотел исторически обосновать Хартию*: одна из основных характерных черт французского общества — это зарождение, рост и конечное торжество буржуазии. Находясь между народом и аристократией, она постепенно подготовила руководителей и сформировала идеи нового общества, которое было освящено революцией 1789 года. «Каждому известна великая роль, какую третье сословие сыграло во Франции, оно было наиболее активным и самым решающим фактором французской цивилизации, и именно оно в конечном счете и определило направление и характер этой цивилизации. Если рассматривать класс, именуемый третьим сословием, с социальной точки зрения, в его взаимоотношениях с различными классами, сосуществовавшими на территории Франции, то мы видим, как он неуклонно рос и поднимался и вначале весьма изменил, а затем одолел и наконец поглотил или почти поглотил все остальные [классы]»[1]. Третьим сословием в глазах Гизо была буржуазия. Токвиль, освещая вслед за Гизо постепенное возвышение буржуазии, с «неким религиозным ужасом» говорил «об этой не ведающей

* Имеется в виду конституционная Хартия 1814 года, «дарованная» при реставрации Бурбонов Людовиком XVIII.— *Прим. ред.*

преград революции, которая столько веков продолжает двигаться, не взирая ни на какие препоны, и поныне шествует вперед среди совершенных ею разрушений» [2]. Тэн тоже описал медленное восхождение буржуазии по социальной лестнице, на вершине которой неравенство сделалось для нее нестерпимым. «С тех пор как дворянство, утратив особые качества, обеспечивавшие политические права, и третье сословие, обретя общую правоспособность, сравнялись между собой в образовании и способностях, разделявшее их неравенство, став бесполезным, сделалось тем самым оскорбительным» [3].

Но сколь ни были уверены историки в том, что первейшей причиной зарождения и прогресса буржуазии является появление и развитие движимого богатства, коммерческих, а затем и промышленных предприятий, они не приложили никаких усилий для глубокого изучения экономических истоков революции и совершивших ее социальных классов.

Однако уже в эпоху революции Барнав внес существенный вклад в анализ этих истоков. Он жил в Дофине, в атмосфере того бурного промышленного предпринимательства, которое превратило эту провинцию — если верить инспектору мануфактур Ролану, писавшему в 1785 году,— в одну из первых в королевстве благодаря множеству разнообразных предприятий и масштабам производства. Вот почему Барнав пришел к выводу, что *промышленная* собственность влечет за собой политическое возвышение владеющего ею класса. Провозгласив в своем труде «Introduction à la Révolution française» принцип, согласно которому собственность *оказывает влияние* на социальные институты, Барнав констатирует, что институты, созданные земельной аристократией в своих интересах, задерживают и тормозят наступление новой эры. «Как только ремесла и торговля становятся достоянием народа и создаются новые возможности обогащения для трудолюбивого класса, назревает революция и в политических законах; перераспределение богатства ведет к перераспределению власти. Точно так же, как собственность на землю возвысила аристократию, промышленная собственность усиливает вес народа» [4] (читай: буржуазии). Барнав совершенно определенно рассматривал противоречия между земельной и движимой собственностью как противоречия между классами, опирающимися на эту собственность. Дальнейшее развитие эта мысль нашла еще в первой половине XIX века у социалистов-утопистов, а в 1848 году была подчеркнута Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». В конце XVIII века феодальные отношения собственности, феодальная организация земледелия и промышленности уже перестали соответствовать развившимся производительным силам; они превратились в оковы производства. «Их необходимо было разбить,— писали авторы «Манифеста»,— и они были разбиты» [5].

Опираясь до известной степени на исторический материализм (только до известной степени: разве не писал он в общем введении,

что его истолкование истории будет «одновременно материалистическим в духе Маркса и мистическим в духе Мишле»?) [6], Жорес подвел под историю революции социально-экономический фундамент, нарисовав широкое полотно, увлекающее своим красноречием и остающееся и по сей день ценным произведением [7]. «Живя в лихорадочной атмосфере собраний и партийной жизни», Жорес был более других способен, как это признавал в 1922 году Альбер Матьез в своем предисловии к новому изданию «Социалистической истории», «воскресить переживания революционеров, их светлые и мрачные думы» [8]. «Мы знаем,— писал Жорес,— что экономические условия, форма производства и собственности составляют самую основу истории» [9]. Возможно, труд Жореса грешит излишним упрощением и схематизмом. Революция у него протекает почти гладко: ее причина коренится, по его мнению, в экономической и интеллектуальной мощи буржуазии, достигшей зрелости, а ее результат — освящение этой мощи законом. Но подобное объяснение не учитывает ни эпохи революции, ни ее насильственного характера, сделавшего ее самым драматическим эпизодом в борьбе буржуазии.

Альбер Матьез, идя еще дальше, определил вслед за Филиппом Саньяком, чем была в XVIII веке аристократическая реакция, достигшая своей кульминации в 1787—1788 годах, и охарактеризовал ее двусмысленным выражением «возмущение дворян»; это было яростное сопротивление дворянства любой попытке реформ, более того, захват всех государственных должностей привилегированным меньшинством, упорный отказ поделиться своим преимуществом с верхушкой буржуазии [10]. Этим объясняется насильственный характер революции и тот факт, что приход буржуазии к власти явился результатом не поступательной эволюции, а резкого коренного переворота.

Однако не следует объяснять драматические перипетии революции исключительно сопротивлением аристократии. Необходимо учитывать и быстрое расслоение третьего сословия, которое совершенно справедливо подчеркивали Жорес и особенно Матьез. Противоречия, возникшие вскоре между различными слоями буржуазии, а также между буржуазией и санкюлотами — ремесленниками и лавочниками, отражают всю сложность истории революции и ее развития на различных этапах. Альбер Матьез даже делит ее на четыре последовательные революции, из которых последняя, а именно революция 2 июня 1793 года, представляла уже собой попытку осуществления социальной демократии [11]. Считая подобное разделение неверным (революция была единой, оставаясь на всех своих этапах в основном буржуазной), необходимо тем не менее отметить с интересующей нас точки зрения значение труда Матьеза.

Оставив в стороне Париж и другие крупные города, до сих пор приковывавшие к себе все внимание историков, Жорж Лефевр занялся изучением крестьянства (ибо Франция в конце XVIII века все же оставалась преимущественно страной земледельческой).

До него крестьянское движение рассматривалось как отголосок выступлений в городах, направленных главным образом (в союзе с буржуазией) против феодализма и королевской власти; тем самым революция третьего сословия сохраняла свой однородный характер и величие своего развития. На основе точного социального анализа Жорж Лефевр показал, что крестьянское движение, развивавшееся в рамках буржуазной революции, было по своему происхождению, по своим методам, кризисам и тенденциям совершенно самостоятельным [12]. Ценность труда Жоржа Лефевра состоит в том, что он показал пример.

Стало ли после этого освещение Французской революции полным и верным? Нам кажется, что нет. Одной из социальных групп старой Франции и Франции революционной не было отведено то место, которое ей подобает: речь идет о тех, кого именовали в ту эпоху *санкюлотами*.

* * *

Все историки Французской революции отмечали роль городских народных масс, особенно народа Парижа: революция была в значительной мере делом его рук. С весны 1789 по весну 1795 года, с 14 июля до прериальских дней III года Республики он отдавал революции всю свою энергию, с ней связывал он все свои надежды, жил и страдал ради нее. Ни один историк не отрицал его решающей роли.

Народ — главное действующее лицо в «Истории французской революции» Мишле [13], не санкюлоты, а *народ*, причем ни точного определения этого понятия, ни его анализа не дается; *народ*, то есть вся нация, вся Франция в едином мифическом образе. Но была ли надлежащим образом оценена роль парижского народа в ходе всех перипетий революции? Отвели ли ему историки его настоящее место? Не было ли у них в большей или меньшей степени тенденции рассматривать его действия как зависящие от действий буржуазии, характеризовать их как движение, направленное главным образом против аристократии и феодализма, против королевской власти и старого порядка? Но всегда ли поступали санкюлоты, особенно парижские, в полном и совершенном согласии с революционной буржуазией?

Проблему эту, по правде говоря, кое-кто уже предчувствовал. И прежде всего Тьер, который то тут, то там отмечал роль парижских секций и независимый характер их действий. Так, говоря о продовольственных трудностях в феврале 1793 года, он противопоставляет секции, требовавшие таксации цен, якобинцам, «осуждавшим таксацию, как угрозу для свободы торговли» [14], простое беглое упоминание. Повествование носит в основном чисто политический характер: об экономической жизни, о социальной борьбе, этой основе народной революции, нет и речи. Информация покоится на официальных документах и мемуарах; к неисчерпаемым залежам

существовавших тогда документов парижских секций даже не прикоснулись.

Мишле пошел дальше. В своем предисловии к изданию 1868 года он рассказывает, как его книга родилась в *недрах архивов*. «Хранилище Ратуши открыло передо мной сокровища реестров Коммуны, раскрывающих великие трагедии революционного Парижа; а в полицейской префектуре я обнаружил разнообразнейшие протоколы всех наших сорока восьми секций». Мишле не удовольствовался изучением деятельности муниципалитета, то есть избранников народа; он обращается к самому народу, к его секциям. Исследуя события 31 мая, он, по его словам, с «религиозным рвением читал и переписывал реестры сорока восьми секций», а занявшись событиями 9 термидора, он *шаг за шагом* исследовал 31 протокол секций, которые уцелели [15]. Запомним, однако, его признание: Мишле интересуют только *великие трагедии революционного Парижа*, когда санкюлоты вырываются на авансцену. Введя в историю народ, Мишле счел, однако, излишним изучать его повседневную деятельность.

Каковы были заботы и чаяния народа, его нужды и побудительные причины его действий? И каков был вообще этот народ? Были ли санкюлоты однородной массой? И можно ли считать, что их интересы, от подмастерья до ремесленника-хозяина мастерской, были одинаковы? И что собой представляли, собственно, эти секции, эти комитеты, эти народные общества, внезапно возникшие в грохоте великих дней, чтобы вскоре вновь сгинуть во мраке? Познакомившись с документами, зная благодаря рассказам очевидцев живые подробности революции, Мишле мог выразить саму душу совершившего ее народа, его порыв, энтузиазм, а также все его иллюзии. Он рассказал о великих надеждах 1789 года, о народном гневе, вызванном *заговором аристократии*, о патриотическом порыве 1792 года. Живя среди народа, в тех кварталах, где еще были живы воспоминания о Марате, о Жаке Ру и об отце Дюшене, он проникся симпатией к Эберу и к «бешеным»; понял великое разочарование народа весной 1794 года. Осознал ли он подлинное значение политических и социальных устремлений парижских санкюлотов, когда сделал из Жака Ру одного из первых социалистов? «В самом сердце Парижа, в темных и узких рабочих улочках (Арси, Сен-Мартен),— пишет он в предисловии 1868 года,— зарождался социализм, зарождалась революция в революции» [16]. Уж не переносит ли Мишле в интересах своей полемики с Луи Бланом о Робеспьере на конец XVIII века свои тревоги человека XIX столетия?

Если Мишле отнесся к документам парижских секций благожелательно, с большой человеческой теплотой, то Мортимер-Терно рассматривал их с неизменной враждебностью. Для своей «Истории Террора» он упорно выискивал в протоколах все то, что могло подтвердить его политическую предубежденность и доказать, что парижские секции представляли собой всего лишь «сорок восемь очагов непрестанного брожения» [17]; но по крайней мере благодаря

этому сохранились записи документов, не дошедших до наших дней.

В своей книге «Происхождение современной Франции» И. Тэн, не прибегая подчас даже к первоисточникам, заимствует у своих предшественников, особенно у Мортимера-Терно, для обоснования своих предвзятых мнений все враждебные свидетельства. И все же не следует забывать, что Тэн указал направление поисков, которые не могли не принести плодов. Он пролил свет на социальный характер движения секций и показал, чем оно угрожало буржуазии.

Описывая народное движение не только с презрением, но и со страхом, он подчеркнул тем не менее всю его сложность, показав влияние различных наслоений — социальных сил, личных интересов и общих страстей.

Предрассудки и классовая предубежденность заставили Тэна отказаться от позитивного исследования; на этот путь вступил другой человек, чей труд, быть может, и не выдерживает сравнения с трудами его блестящих предшественников, но зато имеет иную заслугу — он указал правильное направление. В 1898 году Эрнест Мелье опубликовал свою работу «Парижские секции во время Французской революции». Стремясь изучить прежде всего организацию и деятельность секций, он хочет показать их не на улице, не в дни решающих событий или у барьера Собрания, а «в самой их среде, во время их повседневных собраний и разнообразных занятий» [18]. Мелье ограничился главным образом изучением секционных институтов: когда были основаны секции, в соответствии с какими законами они управлялись, как они были организованы, как распределяли между собой обязанности, как постепенно расширяли свои функции, как из обычных избирательных институтов переросли в автономные муниципалитеты, сумевшие заставить и парижские власти, и национальные собрания считаться с собой.

«Написать историю секций — почти все равно что рассказать о революции» [19],— писал Мелье. Это значит, по существу, признать, что деятельность народа развивалась в зависимости от деятельности буржуазии и была лишена какого бы то ни было своеобразия, самостоятельности. Если и верно, что парижские секции влияли на ход революции не только в дни решающих событий, но и повседневно вмешиваясь в работу национальных собраний и муниципальных органов и что в этом смысле их история довольно часто сливалась с историей самой революции, то это все же не значит, что они не жили самостоятельной, интенсивной жизнью, имевшей свои характерные черты. Написать историю парижских секций — не значит рассказать о революции, это значит написать (во всяком случае, начиная с 1792 года) историю парижских санкюлотов.

Эту историю секций, перед которой отступил Мелье, написал для периода с июня по декабрь 1792 года Ф. Бреш. Его диссертация посвящена в такой же мере истории Парижа, как и «Коммуне 10 августа 1792 года». «Мне казалось, что самый значительный исто-

рический герой Французской революции... этот стоглавый и тысячерукий герой, именуемый Парижем, заслуживает того, чтобы занять центральное место в истории эпохи Террора» [20]. Правильное объяснение муниципальной политики, а следовательно, во многих случаях и общей политики, следует искать не столько в действиях центрального организма самой Коммуны, сколько в действиях секций. Итак, Бреш поставил целью «скрупулезно проследить сложные перипетии политики секций» [21] и написать их историю, создав труд оригинальный, основанный на подлинных исторических фактах. Между тем этот труд грешит некоторой ограниченностью. Хотя автор и уделяет, по его собственному мнению, большое место экономическим и религиозным вопросам, он тем не менее пытается их рассматривать только *с политической точки зрения*. Повторяя слова Мишле, он видит в экономических вопросах лишь «следствие, дальнейшее развитие свободы», свобода *предшествует всему* [22]. Эта принципиальная позиция, это проведение ошибочной аналогии с социальными проблемами XX века довольно часто приводят к искажению перспективы. «Борьба тогда, как и сегодня, велась между тружениками и имущей буржуазией» [23]. Рассуждать так—значит забывать, что аристократия оставалась для санкюлотов главным врагом; это значит смешивать совершенно разные понятия — ремесленного подмастерья и заводского рабочего; тут дело не в «простом различии формы», это различие имеет гораздо более существенный характер.

Альбер Матьез доходит до самой сути проблемы, когда в своей работе «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху Террора» рассматривает вопрос об экономической свободе или регламентации торговли как главный в борьбе между санкюлотами и имущими, когда он показывает, как «бешеные» противопоставляли праву собственности право на существование. Но разве многие монтаньяры не проводили того же различия? Уделяя главное внимание продовольственному вопросу и справедливо подчеркивая *глубокий и резкий антагонизм* между системой всеобщего максимума, экономического террора, которого требовали санкюлоты, и «устремлениями общества, страстно преданного только что завоеванной свободе» [24] (точнее говоря, интересам буржуазии), Матьез оставляет без внимания политическую несовместимость санкюлотской демократии и Революционного правительства и в то же время переоценивает роль Робеспьера.

В противоположность ему Даниель Герен в своей книге «Классовая борьба в период Первой республики» превратил Робеспьера в некоего предвестника термидорианской реакции. Ему хотелось видеть в парижских санкюлотах авангард и в их стремлениях II года — зародыш пролетарской революции. Тем самым получила бы подтверждение теория перманентной революции, согласно которой в рамках буржуазной революции XVIII века уже вырисовывались контуры пролетарской революции XX века. «В 1793 году

буржуазная революция и зародыш пролетарской революции накладывались друг на друга» [25].

Это значит перенести в XVIII век проблемы нашего времени, превратить санкюлотов, ремесленников и лавочников в промышленный пролетариат, принять за пролетарский авангард тех, кто порой составлял арьергард, защищавший позиции экономики прошлого; это значит лишить народное движение эпохи революции XVIII века всяких специфических черт.

Итак, рассматривали ли историки народное движение под знаком буржуазии, *как направленное в основном против аристократии* и старого порядка и, следовательно, всецело растворившееся в буржуазной революции, или видели в нем движение, предвещавшее социальную борьбу XIX и XX веков, большинству из них была присуща тенденция недооценивать самобытный и своеобразный характер народной революции.

* * *

То, что санкюлоты прежде всего боролись против аристократии и королевского абсолютизма — непреложная истина. Доказательством тому служит 14 июля, как и битва при Вальми, и патриотический энтузиазм волонтеров.

Санкюлоты послужили для революционной буржуазии той маневренной массой, которая была столь необходима для свержения старого порядка и победы над иностранной коалицией. И все же не подлежит сомнению, что они представляли собой социальный элемент, который во многих вопросах стоял в оппозиции к буржуазии. Они не могли отклониться от генерального курса революции, но тем не менее они добивались и своих собственных целей нередко в союзе с буржуазией, а порой и вопреки ей. Так же как и крестьянство, санкюлоты стремились не только к ниспровержению аристократии, но и к другим целям, не вполне совпадавшим с целями руководящего революционного класса. Точно так же, как и самостоятельное крестьянское движение, в рамках революции существовало и развивалось специфическое движение санкюлотов.

Истоки этого движения надо искать в социальном положении ремесленников и лавочников при старом порядке, в кризисе французской экономики, получившем новое освещение в работах Э. Лабруса, в ухудшении условий существования народных масс Парижа еще задолго до 1789 года. Санкюлотское движение было ответом не только на заговор аристократов, но и на продовольственный кризис. Специфическое по своему происхождению, это народное движение специфично и по своим методам и по своей политической организации: общие собрания парижских секций, где санкюлоты безраздельно властвуют в течение II года Республики, и в еще большей степени их новые секционные общества,

созданные осенью 1793 года. Какая разница между этими последними и народными обществами периода цензовой республики! Какая разница даже во II году Республики между секционным обществом и Якобинским клубом! Даже его кризисы носили специфический и независимый характер; вспомним кризис летом 1793 года, приведший к событиям 4—5 сентября, которые Альбер Матьез назвал *наступлением эбертистов*, а Даниель Герен — *специфически рабочей* манифестацией [26]; это и было санкюлотское выступление, причем Эбер, Шометт и Коммуна не столько руководили санкюлотами, *сколько плелись у них в хвосте*. Это выступление не имело тесной и непосредственной связи с общим ходом революции: санкюлоты требовали установления твердых цен на продукты питания и регламентации торговли ими, на что якобинская буржуазия согласилась только 29 сентября 1793 года, да и то под сильным нажимом.

Итак, в конечном счете проясняется специфический характер устремлений санкюлотов. Приверженные к регламентации торговли и таксации цен, характерных для старой системы производства и обмена, они в большинстве своем были враждебны образу мыслей буржуазии, представители которой наводнили собрания и захватили все административные посты и которая не успокоилась до тех пор, пока не добилась свободы, благоприятной для ее предпринимательского дела. Умонастроение парижских санкюлотов подчас напоминало, в сущности, умонастроение крестьян, ожесточенно защищавших в связи с развитием капиталистических форм сельского хозяйства и аграрного индивидуализма свои общинные угодья и общие права, обеспечивавшие их существование. Помимо конфликта между третьим сословием и феодальной знатью, друг другу противостояли две Франции: Франция ремесленников и подмастерьев, лавочников, мелких крестьян, с одной стороны, и Франция крупных фермеров, крупных торговцев и хозяев предприятий — с другой.

Между тем социальный антагонизм усиливался политическими противоречиями. Народное движение еще с 1789 года тяготело к децентрализации и местной автономии — давняя тенденция, долго подавлявшаяся из-за настоятельной потребности в сильной монархической власти и получившая свободный выход во время революции. Мало заботясь об изучении умонастроения народа, Токвиль так и не обнаружил этой тенденции: она противоречила бы основному положению его книги, сводящему все развитие старого порядка к централизации. Война вновь сделала ее необходимой. Весной 1793 года логика национальной обороны вновь спаяла воедино все, что сохранилось от революционного третьего сословия: только это единство могло гарантировать общественное спасение. Народ настоял на создании Революционного правительства, на всенародном ополчении, на управляемой экономике, которая должна была кормить города и обеспечить снабжение армии. Но буржуазия,

с самого начала державшая в руках бразды революции, намеревалась в лице монтаньяров руководить ею и в дальнейшем. Согласятся ли санкюлоты подчиниться? Революционное правительство было создано, чтобы вести войну с внешним врагом и завершить разгром аристократии внутри страны: но поставив его у власти, захотят ли санкюлоты терпеть гнет сильного централизованного правительства? Конфликт должен был неизбежно обостриться из-за различия в представлениях и в политических взглядах: разве представление санкюлотов о демократии и революционной диктатуре могло быть таким же, как у буржуазии?

Таким образом, социальная и политическая борьба приобретает все более сложный характер. Историческая эволюция не сводится к механическому схематизму: это движение диалектическое. Упрощая, рискуешь извратить ее, поэтому люди, посвятившие себя изучению этой эволюции, должны отдавать себе отчет в сложностях, составляющих ее богатство, а также в противоречиях, сообщающих ей столь драматический характер.

* * *

Как ни пострадали оставшиеся от парижских секций и различных секционных комитетов документы, которые свидетельствуют об их широкой деятельности и решающей роли в революции, тем не менее, собрав воедино фонды и документы, рассеянные по различным хранилищам, мы располагаем многочисленными и самыми разнообразными материалами. Их изучение не может не пролить новый свет на историю революции и позволит определить подлинное место парижских санкюлотов, без чьей помощи буржуазии не удалось бы одержать победу.

Наша цель — обрисовать здесь роль санкюлотов в событиях революции начиная с 2 июня 1793 года, когда благодаря их действиям была свергнута Жиронда и либеральная республика, и кончая 9 термидора, когда с падением Робеспьера разбилась и их мечта об эгалитарной республике. Изучение деятельности Конвента и его комитетов, а также Парижской коммуны, которым историки уделяли до сих пор главное внимание, мы намереваемся дополнить изучением деятельности народа Парижа в его общих собраниях и секционных обществах; изменив освещение, мы выделим новые аспекты, которые углубят и расширят наши познания. История «великих трагедий революционного Парижа» (повторяя выражение Мишле) развивалась в нескольких планах: Конвента и его комитетов, Коммуны, самих секций, в плане общего развития революции и народного движения. Их взаимосвязь и влияние носили весьма сложный характер. В 1793 году и во II году Республики они поставили два ряда проблем. Одна проблема политического порядка — как примирить методы действий, присущие санкюлотам, с требованиями революционной диктатуры и нуждами национальной обороны; иначе говоря, как разрешить проблему взаимоотношений между народной демократией и Революционным правительством? Другая проблема социального порядка — как примирить экономические требования санкюлотов с притязаниями буржуазии, которая остается руководящей силой революции; иначе говоря, как разрешить проблему взаимоотношений между народными массами и имущими классами?

В этой работе мы поставили своей задачей показать на примере Парижа и в установленных нами хронологических рамках, что народному движению были присущи и самостоятельность, и своя специфика и что ему следует отвести важное место в истории революции; прежде всего для того, чтобы углубить наши знания об этом периоде, а также для того, чтобы определить более точно его место и роль в возникновении современной Франции и тем самым подчеркнуть своеобразные черты нашей национальной истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОДЪЕМ И УПРОЧЕНИЕ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

(июнь 1793 года — плювиоз II года)

ГЛАВА I

МОНТАНЬЯРЫ, УМЕРЕННЫЕ И САНКЮЛОТЫ

(2 июня — 13 июля 1793 года)

1. Политическая обстановка в парижских секциях после 2 июня 1793 года.—2. Политическая борьба: террор или умиротворение?—3. Социальное движение: регламентация или экономическая свобода?—4. Принятие Конституции, или искусственное единодушие.—5. Рекрутский набор для похода против мятежного департамента Эр и федералистская попытка.

2 июня 1793 года Гора захватила власть, заставив Конвент под давлением восставших санкюлотов подчиниться. Но она отнюдь не собиралась уступить им власть. В недели, последовавшие за переворотом, перед ней стояла задача — суметь сдержать народное движение, не вызывая в то же время реакции, благоприятной для жирондистов; сохранить подобное равновесие было весьма трудно, и к середине июля оно было нарушено в результате углубившегося кризиса.

Стремясь привлечь на свою сторону ту часть буржуазии, которая сохраняла во время конфликта с жирондистами нейтралитет, монтаньяры стали проявлять в своих отношениях с имущими и умеренными большую осторожность. В их планы отнюдь не входило осуществление социально-политической программы, выдвигаемой народными вожаками из повстанческого комитета, заседавшего в Епископстве: арест жирондистов, а также изгнание из Конвента всех *апеллянтов**, создание оплачиваемой «революционной армии», которая должна будет арестовывать всех подозрительных и обеспечивать снабжение Парижа продовольствием, проведение в жизнь максимума на зерно и распространение его на все продукты первой необходимости, чистка армии и административных органов, в частности путем изгнания лиц дворянского происхождения. Поддер-

* То есть всех тех членов Конвента, которые во время процесса над бывшим королем предлагали обратиться к народу для утверждения им приговора.— *Прим. ред.*

живаемые властями Парижской коммуны, мэром Пашем, прокурором Шометтом и заместителем прокурора Эбером, а также властями департамента, которые желали только изгнания жирондистов, монтаньяры старались успокоить буржуазию, удерживая народное движение в узких рамках.

Санкюлоты, столкнувшись внутри своих секций с сильной оппозицией умеренных, тщетно добивались применения тех мер, которые они рассматривали как меры общественного спасения: чрезвычайного режима против врагов революции и регламентации экономики, единственного, по их мнению, средства против дороговизны. Но монтаньяры не уступали. Они отвергли террор, успокаивали имущих и взяли под защиту частную собственность. Будучи склонными отменить максимум на зерно и фураж, введенный декретом от 4 мая 1793 года, они тем более отвергали всеобщий максимум. Голосование Конституции послужило для них поводом, дабы склонить народ к проявлению национального единодушия.

Но могла ли политика монтаньяров убедить оппозицию умеренных, прочно окопавшихся во многих парижских секциях?

1. *Политическая обстановка в парижских секциях*

В течение первых дней июня 1793 года политическая обстановка во многих секциях оставалась неопределенной. Санкюлоты далеко не везде утвердили свою власть.

Во время кризиса, завершившегося изгнанием жирондистов, позиция многих секций была разной, но революционный порыв наиболее патриотически настроенных сил в конце концов увлек даже самых безразличных [1]. 26 мая 1793 года только шестнадцать секций требовали у барьера Конвента освобождения Эбера [2]. Но 28 и 29 мая на роспуске Комиссии двенадцати * уже настаивали 27 секций [3]. 29 мая на заседании комитета восстания в Епископстве на призыв секции Сите откликнулись уже 33 секции.

Эти цифры не оставляют никаких сомнений относительно политического главенства санкюлотов в столице в целом, а также в различных секциях. В момент восстания число людей, находящихся под ружьем, колебалось не только от одной секции к другой, оно изменялось даже со дня на день [4]. Секции явно умеренного направления вынуждены были под нажимом присоединить свои силы к силам восставших. Так обстояло дело в секциях Французских гвардейцев, Бютт-де-Мулен и Братства.

---

* Комиссия двенадцати была создана Конвентом 18 мая 1793 года. В ее состав вошли жирондисты, старавшиеся превратить ее в орудие борьбы с революционными силами.— *Прим. ред.*

На следующий день после 2 июня умеренные еще главенствуют в некоторых секциях, а в других продолжают оспаривать власть у санкюлотов, только что завоевавших ее.

Западные секции находятся в их руках. Именно секция Елисейских полей предложила 20 мая Конвенту отменить постановления Генерального совета Коммуны «как угрожающие общественной свободе и посягающие непосредственно на свободу личности» [5]; эта секция воздержалась от участия в восстании; 2 июня ее председатель ограничился расплывчатым призывом к единству. В секции Республики, которая, однако, примкнула к восстанию, влияние умеренных уравновешивало влияние санкюлотов [6]. Умеренными были также секция 1792 года и секция Мон-Блан. Секция Бютт-де-Мулен присоединилась к выступлению только под давлением санкюлотского меньшинства; 24 мая она протестовала в Конвенте против действий Коммуны [7]. 25-го на общем собрании этой секции разразилась буря, когда один из ее членов предложил сместить установленные власти Парижского департамента [8]. 30-го Патриотическое общество взяло на себя смелость отправить двух уполномоченных в Епископство ввиду гражданской неблагонадежности и контрреволюционного духа большинства парижских секций [9].

Среди центральных секций умеренными были секция Музея, а также Тюильри, которая 24 мая представила свои реестры на проверку Комиссии двенадцати [10]. Секция Французских гвардейцев присоединилась 24 мая к адресу секции Братства в пользу народного представительства [11]; санкюлотам удалось обновить ее после трех бурных заседаний 29, 30 и 31 мая; и все же умеренные еще долго сохраняли там сильное влияние [12]. Секция Мольера и Лафонтена заверила 31 мая Конвент в своей преданности и послала туда шесть комиссаров [13]. Такой же умеренной была и секция Май, которую санкюлоты соседних секций Бон-Консей, Общественного договора, Арси и Ломбар тщетно пытались 21 мая революционизировать; 26-го эта секция разоблачала *«пагубные для свободы»* постановления Коммуны и происки *анархистов* [14].

Что касается секций, расположенных на севере Парижа, то секция Пуассоньер 31 мая долго обсуждала, отправиться ли ей к Конвенту всей массой или удовольствоваться посылкой туда сильного отряда, и, так и не решив ничего, перешла к обсуждению очередных дел. 1 июня она все еще колебалась, посылать ли ей своих комиссаров в Коммуну, и отложила решение на следующий день. Наконец 2 июня она ограничилась прокламацией в защиту свободы, равенства, неприкосновенности личности и собственности, заверяя муниципалитет в том, что она за «братское единство, которому не будет конца» [15]. В секции Друзей отечества умеренные были настолько сильны, что сумели добиться 1 июня изъятия и обследования реестров революционного комитета под тем предлогом, что они содержали проскрипционные списки [16].

В восточной части Парижа в секции Федератов общее собрание под давлением умеренных присоединилось 31 мая к *пагубным для свободы* постановлениям секций Борепера, Бютт-де-Мулен и Май [17].

В районе Сены умеренные господствовали в секции Нового моста. 23 мая она одобрила обращение 32 секций Марселя относительно «общей и личной безопасности представителей народа»; 31 мая председатель этой секции превозносил в Конвенте командира батальона секции, отказавшегося вопреки приказу Анрио подать выстрелом из пушки сигнал тревоги [18]. Секция Братства была одним из оплотов умеренных. 20 мая она подала петицию, осуждавшую действия Коммуны [19]; эта секция до конца упорно отстаивала свои позиции.

На левом берегу умеренные хозяйничали в секции Инвалидов, которая 29 мая отказалась присоединиться к адресу секции Единства [20], а также в секции Борепера, которая 28 мая отказалась подчиниться установленным властям [21]. Секции Круа-Руж и Люксембурга занимали шаткую позицию — санкюлоты укрепились здесь только после 2 июня. Что касается секции Финистера, то комиссары Коммуны констатировали 31 мая, что истинные патриоты еще не одержали здесь верх [22]. Итак, умеренные господствовали или оказывали в той или иной мере влияние в двадцати секциях.

Санкюлоты восторжествовали главным образом в восточной части города и в центре. Но их господство, достигнутое, как правило, совсем недавно, было не везде прочным.

Три секции Сент-Антуанского предместья: Монтрей, Попенкур и Кенз-Вен — были полностью в руках санкюлотов. Пять секций — Гравилье, Рынка, Общественного договора, Ломбар и Бон-Консей,— собравшись 18 мая, объединились и поклялись «поддерживать угнетаемых санкюлотов», постановив «в течение шести дней ежедневно собираться в одном и том же месте и сообща отправляться в секции Арсенала, Бютт-де-Мулен, Май, 1792 года и Нового моста, чтобы вырвать их из-под влияния аристократов» [23].

Секция Бон-Консей изгнала умеренных 5 мая с помощью представителей Коммуны и санкюлотов секции Ломбар, с которыми ее уже связывал пакт единства [24]. 12 мая секция Бон-Консей в свою очередь отправилась на общее собрание секции Общественного договора, где господствовали умеренные; в результате последние были изгнаны [25]. В секции Ломбар санкюлоты оставались хозяевами общего собрания, несмотря на попытку, предпринятую 17 мая умеренными [26]. Благодаря соглашению пяти секций, к которому присоединилась и секция Единства, санкюлоты секции Прав человека одержали 20 мая победу: бюро было обновлено, а умеренные изгнаны из общего собрания [27]. Секция Арсенала была очищена таким же образом 25-го и 26-го санкюлотами секций Прав человека, Кенз-Вен и Арси [28]. В секции Сплочения санкюлотский революционный комитет держал в руках общее собрание, несмотря на попытку

изменить положение, предпринятую умеренными 6 и 7 мая [29]. Секция Болота запросила 31 мая о причинах восстания; она была обновлена в тот же день или на следующий: 2 июня она одобрила все мероприятия революционного Генерального совета и приняла новое название — секции Вооруженного человека [30]. Этот блок патриотических секций еще более усилился в результате присоединения секций Арси, Тампля (последняя 25 мая потребовала вооружения санкюлотов), секции Предместья Монмартр, которая 25-го разоблачила во имя народного суверенитета Комиссию двенадцати [31], и секции Бонди, потребовавшей 26 мая освобождения Эбера [32].

Между двумя берегами Сены секция Сите была цитаделью санкюлотства [33]. И наконец, на левом берегу патриоты властвовали в секции Марселя. Если секция Пантеона колебалась, то секция Санкюлотов присоединилась 27 мая к решению секции Предместья Монмартр [34]. Что касается секции Единства, то 6 мая санкюлоты окончательно разгромили умеренных [35]; 27-го собрание объявило, что будет заседать непрерывно, и призвало граждан взяться за оружие [36]. В общем санкюлоты восторжествовали примерно в двадцати секциях.

Итак, хотя силы умеренных и силы народа были распределены среди парижских секций в целом неравномерно, они все же уравновешивали друг друга. Равновесие неустойчивое, подверженное колебаниям в зависимости от числа присутствующих на собрании. Непрерывные заседания секций подвергали общие собрания опасности неожиданных атак как с одной, так и с другой стороны. Первейшей задачей санкюлотов было овладеть секционными организациями и изгнать оттуда умеренных. Это было условием победы народного движения. Но прежде всего надо было остановить наступление умеренных, развернувшееся после 2 июня.

2. *Политическая борьба: террор или умиротворение?*

Санкюлоты Парижа, перейдя в наступление, принесшее им 2 июня победу в общеполитическом плане, потребовали осуществления своей программы общественного спасения. Но избавившись от жирондистской оппозиции, Гора проявляет сдержанность: ее больше тревожит обстановка в департаментах, ввиду предстоящего обсуждения Конституции следует быть помягче с буржуазией. Народное движение топчется на месте. Понадобилась чрезвычайная опасность, которая вскоре нависла над республикой в связи с объединением сил внутренней контрреволюции и внешней интервенции, чтобы сломить сопротивление Собрания, в сущности буржуазного, и добиться удовлетворения социально-экономических требований народа.

Программа санкюлотов получила более четкое выражение в дни майского кризиса. Национальная оборона и защита революции сливаются воедино в мыслях народа. Необходимо, кроме того, обеспечить существование и пропитание народных масс — главной опоры революции. Так, социально-экономические требования связываются с проблемой политической.

8 мая 1793 года санкюлоты секции Общественного договора сформулировали четкую программу: «Истребить всех заведомых заговорщиков, без промедления арестовать всех подозрительных; [создать] «революционную армию», которую должен сопровождать трибунал, чтобы узаконить ее действия; конфисковать имущество известных заговорщиков, дабы обеспечить 150 ливров пожизненной пенсии каждому революционеру, остающемуся под ружьем». Далее предлагалось приостановить работы, не имеющие большой срочности, и всем как один идти на врага [37]. 18 мая волонтеры Сент-Антуанского предместья, отправлявшиеся в Вандею, потребовали, чтобы столица была ограждена «от повальных грабежей и ужасов гражданской войны»; Конвент должен отдать приказ об аресте всех подозрительных и создать «гвардию из санкюлотов, которая... уже давно должна была бы действовать» [38]. Социальную сторону кризиса подчеркнула 31 мая секция Санкюлотов, разоблачившая *монополистов* и потребовавшая от Конвента установления твердых цен на продукты первой необходимости, «приведения этих цен в соответствие с оплатой труда каждого гражданина, дабы они стали легко доступны каждому» [39].

Наиболее цельной была программа, представленная к концу мая совместно секциями Обсерватории, Финистера, Санкюлотов и Французского Пантеона. Они требовали *дополнения* Декларации прав человека, «обсуждения и выработки французской Конституции»; «пусть немедленно после принятия Конституции [Конвент займется разработкой] закона о народном воспитании в соответствии с принципами Конституции и учреждением национальных праздников для оживления этих принципов»; пусть после общего учета ежегодно определяют максимум цен на продукты питания; пусть административные должности предоставляют преимущественно отцам семейства и патриотам почтенного возраста [40].

Итак, народная программа, подхваченная повстанческим комитетом, заседавшим в Епископстве, содержала в те первые дни июня меры политического порядка, а также социально-экономические требования: чистка армии и административного аппарата, а именно изгнание из них дворян, создание оплачиваемой «революционной армии», которая арестовывала бы подозрительных и обеспечивала бы снабжение столицы продовольствием, проведение в жизнь максимума и распространение его на все товары первой необходимости, проведение принудительного займа, распространение общественной помощи на всех неимущих.

Сразу же после 2 июня монтаньяры, поддерживаемые властями Парижской коммуны, проявили свое намерение ограничить борьбу за осуществление народных требований. Вопрос о создании «революционной армии» был решен, и декретом от 4 июня она была в принципе учреждена. Но и только. Разочарованные санкюлоты могли протестовать сколько угодно: движение умеренных служило для Конвента противовесом народным требованиям. 4 июня в Генеральном совете Коммуны Леклерк выступил с протестом против утверждения, будто революция завершена. «Почему вы так медлите расправиться с вашими врагами? Почему боитесь пролить несколько капель крови?» — спрашивал он. Эбер обозвал Леклерка дурным гражданином [41].

Но многие санкюлоты думали точно так же, как Леклерк. Полицейский наблюдатель Дютар сообщал 6 июня о словах одного из «сентябристов» *: «Скоро появится работа!» По словам Перьера, другого наблюдателя, некий национальный гвардеец с огромной саблей на боку и двумя пистолетами за поясом 8 июня восхвалял во Дворце равенства сентябрьские дни, давая понять, что не далее как через две недели избиение будет возобновлено [42]. Полицейские наблюдатели в первой половине июня поговаривают о *кордельерском расколе*: Клуб кордельеров, возглавляемый экстремистским меньшинством, вышел из-под влияния якобинцев и требует более решительных и смелых революционных действий. Уж не замыслили ли эти элементы крайних взглядов нового восстания? Власти опасаются этого. Бюро надзора полиции сигнализировало 15 июня, что брожение все возрастает: тревога в связи с волнениями в департаментах, подозрения против генералов, особенно против Кюстина, растущая дороговизна жизни — все заставляет опасаться *страшной развязки*. Возрождается атмосфера сентябрьских дней: страх перед бесконечными заговорами аристократов рискует вызвать ту же защитную реакцию. Опять-таки по сведениям Бюро надзора, в народе ходят разговоры, будто в Париже набирается контрреволюционная армия, которая присоединится к войскам восставших департаментов; люди с тревогой наблюдают, как из Парижа увозят пушки, боятся остаться безоружными в случае нападения на столицу [43]. В такой обстановке новое восстание было вполне возможным.

Конвент и Коммуна были единодушны в желании предотвратить его. Они считали, что, раз жирондисты изгнаны из Конвента, восстание 2 июня достигло своей цели: отныне нужно было заставить всю страну признать этот свершившийся факт, успокоить средние классы и имущих, отказавшись от чрезвычайных мер и террора, которых требовали экстремисты [44]. Робеспьер к этому и стре-

* Имеются в виду сентябрьские дни 1792 года, когда войска интервентов шли на Париж и народ, опасаясь контрреволюционного мятежа, самовольно казнил заключенных в тюрьмах Парижа аристократов.— *Прим. ред.*

мился; 10 июня, выступая в Якобинском клубе, он пытался, невзирая на протесты Шабо, добиться одобрения проекта Конституции, обсуждение которого только начиналось: «Конституция — вот ответ депутатов-патриотов». 14-го во время дискуссии в том же Якобинском клубе о назначении Богарне военным министром Робеспьер высказался более определенно: «Единственное, что может требовать народ,— это чтобы Конвент действовал в духе Революции; он так и действует в настоящее время». И возражая против идеи прямого народовластия, он заявил: «Народ в массе не может сам управлять собой»[45].

Монтаньяров поддержали в их усилиях муниципальные власти. Особенно усердствовал Эбер, который в своей газете «Пер Дюшен» делает попытку привлечь на свою сторону имущие классы. В номере 243, вышедшем после 2 июня, он успокаивает богачей, доказывая, что в их интересах примириться с санкюлотами; восстание не стоило ни капли крови, да и на собственность никто не покушался. «В интересах богатых самим санкюлотизироваться». В следующем номере «Пер Дюшен» нападает одновременно и на жирондистов, и на «бешеных». Защищая Гору от обвинений жирондистов, будто она жаждет аграрного закона, газета обличает «бешеных», проповедующих грабеж. В номере 245 она опять утверждает: «Санкюлоты не зарятся на собственность богачей». Опасная политическая позиция: как сдержать народное движение, не вызывая в то же время реакции, которая в конечном счете была бы выгодна жирондистам? В течение месяца и более центральные и муниципальные власти спокойно взирают, как санкюлоты истощают свои силы в схватке с умеренными. Их пассивность будет способствовать обострению кризиса революции.

Одним из главных политических требований народа была чистка как в секционном, так и в национальном масштабе и наказание изменников. Другие требования как бы отступают в тень, отчасти из-за разногласий среди санкюлотов по некоторым проблемам, отчасти потому, что острота продовольственного кризиса выдвигала на первый план социальные требования. Конституция, несмотря на призывы газеты «Пер Дюшен», не слишком волновала умы: народ был обеспокоен другим. Марат начинает кампанию против Комитета общественного спасения, обвиняя его 8 июня в своем органе «Люблисист»* в отсутствии энергии, а 21-го называет его членов «*усыпителями*»; санкюлоты, каким бы влиянием ни пользовался среди них Друг народа, остаются равнодушными. Примечателен и тот факт, что кампания в народной прессе, требовавшая суда над арестованными депутатами, не нашла широкого отклика. Начиная с 5 июня Марат отстаивает это требование в «Люблисист». В течение всего июня эта тема была главной на страницах «Пер Дюшен», то бурно выражавшей свою великую радость по поводу того, что «подлая клика бриссотинцев и жирондистов... наконец попала за решетку», то бешеный гнев «против подлеца Бриссо, которого давно пора обезглавить как изменника, клятвопреступника и мошенника»[46]. 4 июня секция Арси потребовала обвинительного приговора для «уполномоченных-клятвопреступников»[47]. 24-го секция Предместья Монмартр взяла на себя инициативу установить главные пункты обвинения против жирондистов, с тем чтобы оказать давление на Комитет общественного спасения, вручив ему это обвинительное заключение[48]. 26-го Комитет общественного спасения Парижского департамента потребовал объявления вне закона преступных депутатов, успевших скрыться[49]. Конвент и правительственные органы, верные своей политике примирения и равновесия, не могли проявить решительность в отношении жирондистов; с них было достаточно изгнания жирондистов из Конвента. Тон доклада Сен-Жюста от 8 июля отличался умеренностью.

* * *

Санкюлотов волновала гораздо больше общеполитических вопросов одна проблема местного порядка: разоружение подозрительных и чистка личного состава секций. В этом вопросе их поддержала народная пресса, особенно газета Марата «Люблисист» и в еще большей мере «Пер Дюшен» Эбера. Если Марат, политический ум, больше занимался общими проблемами революции, желая направлять деятельность самого Конвента, то Эбер, не столько руководитель, сколько эхо голоса народа, лучше выражал его чаяния. Когда в номере 243 своей газеты он выказывает «большую радость, что наконец-то задали трепку аристократам, которые смеют еще задирать нос», то никто не сомневается, что он выражает глубокое удовлетворение санкюлотов, которым удалось восторжествовать над своими противниками — аристократами и умеренными, между которыми в ту пору они не видели разницы.

31 мая революционный Генеральный совет принял решение о разоружении подозрительных[50]. Но для этого санкюлотам надо было еще одержать верх. 1 июня в тех секциях, где господствовали санкюлоты, началось разоружение, например в секции Бон-Консей[51]. Оно продолжалось и в последующие дни. Трудно подвести итоги этой первой чистки; в разных секциях она протекала по-разному, и многим арестованным уже через несколько дней была возвращена свобода. Наблюдатель Дютар сообщал 7 июня, что разоружение происходит в нескольких секциях; но в одной было оговорено, что дело каждого подозреваемого должно обсуждаться на общем собрании, в другой заявили, что в их округе вообще нет подозрительных, а некоторые приняли меры против разоружения[52]. Умеренные секции в самом деле решительно протестовали против арестов, которые они считали незаконными, и, как прави-

* Полное название газеты Марата: «Публицист Французской Республики».— *Прим. ред.*

ло, им удавалось добиться освобождения людей, задержанных по приказу революционных властей. 3 июня собрание секции Борепера, ссылаясь на Декларацию прав, осудило аресты и взяло граждан под защиту секции [53]. В тот же день умеренные, разогнав революционный комитет секции Люксембурга, провели решение, согласно которому общее собрание обязано было отныне оказывать сопротивление любому предписанию об аресте [54]. 5 июня секция Бютт-де-Мулен присоединилась к решению секции Борепера [55]; секция Май обязалась «всеми доступными ей средствами добиваться освобождения тех граждан, которые будут незаконно задержаны» [56]. Та же секция протестовала 11 июня перед Генеральным советом против ареста граждан «под тем предлогом, будто они являются подозрительными лицами»: общие собрания — вот первые судьи своих сограждан, поэтому именно им надлежит исполнять предписания о приводе или аресте, а посему им должны направляться копии доносов. Хотя председатель заседания нашел, что эта петиция составлена «в духе умеренных», он тем не менее пригласил депутацию присутствовать на заседании в качестве почетных гостей. Шометт добавил: «Побратаемся со всеми секциями... Нет, не бывать гражданской войне в Париже!» [57] Коммуна снова дошла до того, что опасалась выступления секций. Протесты умеренных секций против арестов продолжались.

В этих условиях случаи арестов и разоружения были не частым явлением. Большинство вожаков умеренных было арестовано только в сентябре, когда санкюлоты навязали Конвенту и Коммуне свою политику террора. В течение июня не отмечалось увеличения числа заключенных. Когда член Конвента Дефермон заявил, что в тюрьмах Парижа содержатся 10 тысяч заключенных, полицейские власти уточнили, что 6 июня их было всего 1310 человек, 19-го—1342, а 26 июня —1247 [58]. Часто нажим умеренных был настолько сильным, что заключенных освобождали: так, 8 июня был выпущен Лаборд, председатель секции Бютт-де-Мулен, арестованный 3 июня «по приказу высших властей» [59]. 2 июля собрание секции Французских гвардейцев призвало обратно вожаков умеренных, изгнанных 31 мая [60]. Кампания умеренных против незаконных арестов сопровождалась призывами к согласию и национальному единству. 8 июня секция Май, «убежденная в необходимости крепить узы, объединяющие все парижские секции», посылает комиссаров для братания с другими секциями; она возмущается тем различием, которое проводят между богатыми и бедными, тем, что первых считают контрреволюционерами, а вторых — патриотами; «богатый, если он честен,— это душа торговли, отец рабочего, друг и поддержка бедняка». Начав с отрицания классовых противоречий и борьбы, секция Май закончила призывами к национальному единству: «Объединимся же, чтобы отбросить врага, чтобы расстроить козни заговорщиков» [61].

Все эти призывы преследовали определенную цель: положить

конец чистке личного состава секций. Умеренными считали не только противников восстания 31 мая, но и тех, кто подписал так называемую петицию Восьми тысяч против создания вооруженного лагеря федератов под стенами Парижа и петицию Двадцати тысяч против событий 20 июня 1792 года [62]. При каждом новом обострении кризиса санкюлоты вновь обрушивались на подписавших эти петиции. 2 июня Генеральный совет Коммуны постановил исключить из гражданских и революционных комитетов всех подписавших петиции Восьми тысяч и Двадцати тысяч [63]. В ответ на это умеренные потребовали во имя необходимого согласия сжечь списки петиционеров. Угрозы, направленные против лиц, подписавших петиции, стихли. Умеренные еще занимали в секциях сильные позиции. Наступление против петиционеров возобновилось только в сентябре, когда санкюлоты окончательно восторжествовали.

Столь же безуспешными оказались попытки народных масс удалить лиц дворянского и духовного звания с гражданских и военных должностей: в самый разгар террора Революционное правительство будет упорно противиться этим мерам, ибо они дезорганизовывали работу штабов и органов администрации. Постановлением революционного Генерального совета Коммуны от 2 июня «бывшие люди, не присягнувшие, а также уклоняющиеся от военной службы увольнялись с офицерских должностей и государственных постов; но еще надо было, чтобы Конвент придал этому постановлению силу закона. Поддержанное умеренными, Собрание не уступило, несмотря на нажим народных масс и кампанию в печати.

11 июня Марат изобличил в лице Кюстина «второе издание Дюмурье» и потребовал его смещения, «пока он не погубил окончательно Республику». 15 июня он напомнил в своей газете «Публисист», что с самого начала революции требовал разоружения бывших дворян и священников, удаления их со всех общественных должностей; 17 июня он возмущался «непростительной тупостью тех, кто поставил во главе наших армий дворян, придворных, приспешников старого порядка». Назначение Богарне военным министром вызвало взрыв негодования у самых пылких революционеров. Меж тем Варле 14 июня потребовал от Коммуны смещения дворян со всех занимаемых ими постов [64], а Клуб кордельеров составил петицию, к которой присоединилось несколько секций [65]. Однако Робеспьер, возмущавшийся 14 июня в Якобинском клубе назначением Богарне, отверг петицию кордельеров [66]. Якобинцы ограничились 19 июня платоническим жестом, вручив Комитету общественного спасения выписку из своего постановления относительно «изгнания из армии и административного аппарата как дворян, так и смутьянов-священников» [67]. 23 июня Клуб кордельеров возобновил свои обвинения и познакомил Якобинский клуб с проектом обращения к Конвенту: «Никогда наши солдаты не добьются победы под командованием генералов — врагов свободы» [68]. 27 июня секция Пантеона настаивает на том же; ее петиция

доказывает — если в этом имеется еще необходимость,— насколько ненависть к привилегированным оставалась главной пружиной действий санкюлотов [69]. Нужды национальной обороны не позволяли Комитету общественного спасения прислушаться к подобной аргументации, если бы он даже желал этого. Эгалитаристские устремления санкюлотов не могли восторжествовать над требованиями буржуазной революции, а последние заставляли обращаться к людям способным и знающим.

* * *

К концу июня 1793 года в секциях назрел политический конфликт в связи с выборами командующего национальной гвардией Парижа: умеренные объединились вокруг кандидатуры Раффе, а санкюлоты — вокруг кандидатуры Анрио.

Бывший служащий управления октруа *, командир национальной гвардии секции Санкюлотов, которая еще 19 июня 1793 года выразила ему свое доверие 653 голосами из 678 голосовавших [70], Анрио был временно назначен 30 мая революционным Генеральным советом командующим вооруженными силами Парижа. 11 июня он подал в отставку: «Нужно, чтобы санкюлотский генерал умел быть солдатом». Роль, сыгранная Анрио в событиях 2 июня, навлекла на него ненависть умеренных: 13 июня какой-то депутат требовал обвинительного акта против Анрио [71]. По тем же причинам он стал кумиром санкюлотов.

Раффе, член секции Бютт-де-Мулен, участвовал в войне за независимость в Северной Америке. 14 июля 1789 года он командовал гражданами своего квартала, в августе был назначен капитаном первой роты батальона Сен-Рок, затем 16 августа 1792 года стал командиром национальной гвардии своей секции. Он оставался им еще 31 мая 1793 года; в тот день во Дворце равенства дело чуть не дошло до рукопашной между его ротами умеренных и санкюлотскими ротами Сент-Антуанского предместья [72]. 16 июня секция Бютт-де-Мулен вновь выразила свое доверие Раффе 671 голосом из 780, а 18 июня —714 голосами из 824 голосовавших [73]. Будучи командиром национальной гвардии той секции, которую с полным основанием считали одним из бастионов умеренных, Раффе, вполне естественно, стал их кандидатом и на пост командующего парижской национальной гвардии [74]. Все имущие объединились вокруг его имени. Некто Шапото из секции Бонн-Нувель, поверенный, призывал голосовать за Раффе, «врага сентябристов и грабителей» [75]; в секции Республики строитель-подрядчик Дебьер обзывал Анрио «банкротом, контрабандистом и вором» [76].

Завязалась упорная борьба, сопровождавшаяся порой беззакониями и насилиями. Первый тур выборов начался 18 июня. Санкюлоты секции Рынка, убедившись в тот день, что их кандидат не получит большинства, аннулировали результаты голосования и решили провести кандидата путем открытой подачи голосов. 19-го в секции Друзей отечества командир национальной гвардии секции получил 191 голос из 360, Раффе —131, Анрио —31. Секция Общественного договора в тот же день приняла депутацию секции Бонн-Нувель, предостерегшую ее против Раффе. В секции Бон-Консей большинство проголосовало 20 июня за Анрио [77]. Подсчет голосов этого первого тура состоялся 23-го; учитывая отсутствие протоколов секций Попенкур, Монтрей и Марселя (Французского театра), Раффе собрал 4958 голосов против 4573, отданных за Анрио [78].

Партия санкюлотов напрягла все силы, чтобы выправить положение. Комитет общественного спасения Парижского департамента 26 июня поднял на ноги весь Якобинский клуб [79]. Колло д'Эрбуа, желая успокоить имущие классы и отвратить их от Раффе, 1 июля, выступая в клубе, яростно обрушился на петицию Жака Ру по продовольственному вопросу. «Эта петиция лишь принесла значительное число голосов Раффе» [80]. В тот же день Анрио призвал *своих товарищей* «вместе спасать народное дело» [81]. 29 июня в своей газете Марат излагал «настоятельные причины, побуждающие патриотов отвергнуть кандидатуру этого ужасного контрреволюционера [Раффе.—*Ред.*], который не замедлит повторить бойню на Марсовом поле* и вызволить из Тампля маленького Капета».

В секциях санкюлоты мобилизовали все свои силы. Общее собрание секции Хлебного рынка постановило 23 июня, что Раффе никогда не пользовался ее доверием и не может быть назначен ни на какую должность [82]. В секции Марселя Раффе получил в первом туре голосования 120 голосов против 74, отданных за Анрио. Принимая во внимание, «что назначение Раффе могло быть продиктовано во всех секциях только партийным духом, подавившим волю добрых граждан», общее собрание секции Марселя объявило эти выборы «*недействительными* в отношении Раффе, поскольку он не пользуется ее доверием, и *правильными* и *действительными* в отношении тех, кто получил наибольшее количество голосов после него» [83]. Тщетно комиссары секции Бютт-де-Мулен требовали 25 июня объяснений: секция Марселя не изменила своего решения. Что касается секции Хлебного рынка, то, считая весьма «опасным для дела общества возлагать обязанности командующего вооруженными силами Парижа на человека бесхарактерного и не умеющего блюсти законы», она подтвердила 25 июня свое решение от 23-го и призвала Генеральный совет несколько отсрочить голосование, дабы провести разъяснительную работу в секциях [84].

Генеральный совет не внял призыву секции Хлебного рынка. Несколько дней, отделявших первый тур выборов от второго,

* Управление, ведавшее сбором налога, взимавшегося с ввозимых в город продуктов.— *Прим. ред.*

* 17 июля 1791 года на Марсовом поле была расстреляна республиканская демонстрация.— *Прим. ред.*

начавшегося 29 июня, были тем не менее использованы обеими сторонами. 27-го секция Бютт-де-Мулен вновь выразила свое доверие Раффе, отдав ему 960 голосов из 1215[85]. Накануне секция Единства приняла решение не подчиняться приказам Раффе в случае его избрания [86]. В секции Федератов депутация общества Социальной гармонии из секции Арсенала добилась 30 июня дискредитации и изгнания главного сторонника Раффе [87]. В тот же день депутация секции Французского Пантеона заявила общему собранию секции Бютт-де-Мулен, что она предает Раффе суду общественного мнения [88]. После того как секция Пуассоньер отдала большинство голосов Раффе, санкюлоты аннулировали выборы, у них «хватило мужества оставаться на месте до двух часов ночи, чтобы избавить секцию от сожалений и стыда за подобное назначение» [89]. Умеренные не забыли этих маневров: они стали одним из важнейших пунктов обвинения, предъявленных террористам после Термидора.

1 июля 1793 года Генеральный совет с удовлетворением констатировал, что из 15 354 выборщиков 9087 отдали свои голоса Анрио, в то время как за Раффе голосовало только 6095; эта цифра достаточно красноречиво говорит о влиянии партии умеренных в парижских секциях. Санкюлоты победили, но, пожалуй, только благодаря поддержке Коммуны. Ставка была чрезвычайно важна: муниципальные власти не могли допустить, чтобы умеренный возглавил вооруженные силы Парижа, это вдохновило бы реакцию восстать против положения, сложившегося в результате событий 2 июня. Это был, можно сказать, единственный успех санкюлотов в этой области; оппозиция умеренных и отсутствие доброй воли монтаньяров помешали им установить тот чрезвычайный режим, который казался им логическим следствием их победы.

Между тем во второй половине июня продовольственный кризис принял угрожающий характер, он вновь привел санкюлотов в движение, и возможность нового народного выступления становилась реальной. Но удастся ли санкюлотам взять реванш в социальной области за поражение в области политической?

3. *Социальное движение: регламентация или экономическая свобода?*

И на сей раз продовольственный кризис послужил толчком для народного движения. В июне 1793 года он касался двух вопросов: вопроса о снабжении и вопроса о ценах [90].

Кризис был вызван не столько неурожаем, сколько инфляцией и подрывом доверия к ассигнатам, стоимость которых не переставая падала после казни короля и создания общей коалиции. По мере углубления инфляции цены непрерывно возрастали. Конвент уступил требованиям борьбы с дороговизной, установив 4 мая твердые цены на зерно и фураж. Но фактически этот первый максимум, частично по вине законодательной власти, осуществлялся плохо. Впрочем, парижские санкюлоты не страдали от дороговизны хлеба, ибо цена его благодаря правительственным субсидиям поддерживалась Коммуной на уровне трех су за фунт. Но из-за нерегулярного подвоза запасы, накопленные Муниципальной продовольственной комиссией под руководством Гарена, постепенно иссякали. Правда, вопрос о запасах, который умеренные в дальнейшем используют в борьбе против Коммуны, пока еще не стоит, но у дверей булочных уже вырастают очереди и народ начинает волноваться. Поскольку максимум от 4 мая касался только зерна, то цены на другие продукты первой необходимости особенно возрастают, политическая же обстановка, сложившаяся после 2 июня, способствовала дальнейшему ухудшению доставки мяса. Снабжение Парижа мясом обеспечивали западные департаменты, гражданская же война в Вандее и Нормандии затрудняла подвоз скота, что привело к повышению цен на мясо.

Циркуляром от 11 июня 1793 года Гара, министр внутренних дел, предписал администрации департаментов произвести обследование цен на продукты питания, а также дневной оплаты труда. Печатные бланки, разосланные обследователям, содержали также для сравнения колонку с ценами 1790 года. Несмотря на свой поспешный и фрагментарный характер, эта анкета дает возможность судить о дороговизне жизни в Париже в июне 1793 года и оценить, таким образом, главную причину недовольства народа[91].

	Июнь 1790 г	Июнь 1793 г	Рост в %
Цена фунта говядины (медный разновес)	11 су	1 ливр 6 су	136
Цена фунта телятины	11 су 6 денье	14 су 3 денье	23
» » баранины	11 су	18 су	63
» » солонины (свинины)	15 су	1 ливр	33
Цена квинтала пшеницы	10 ливров 14 су 7 денье	13 ливров 12 су 6 денье	27
» » ржи	7 ливров 11 су 3 денье	9 ливров 2 су 6 денье	20
» » риса размолотого	47 ливров 10 су	105 ливров	123
» » очищенного оливкового масла	124 ливра	300 ливров	141
Цена квинтала неочищенного оливкового масла	100 ливров	180 ливров	80
Цена квинтала орехового масла	70 ливров	200 ливров	185
» » рапсового масла	60 ливров	140 ливров	133
» » картофеля	14 су	6 ливров	700

Если оставить в стороне пшеницу и рожь, на которые были установлены твердые цены максимумом от 4 мая 1793 года, а также исключительную дороговизну картофеля (ибо «только в августе начинается настоящая продажа этого продукта»), то рост цен по сравнению с 1790 годом был весьма неравномерным. Если фунт телятины вздорожал только на 23%, то цена на говядину подскочила на 136%. Надо еще выяснить, на какие источники опирается обследование администрации Парижского департамента и являются ли указанные ею цены действительно реальными. Согласно донесениям полиции, телятина продавалась 9 и 10 июня по цене 22—24 су за фунт, что составило повышение более чем на 90, а не на 23%.

Что касается заработной платы, то июньское обследование 1793 года выявило следующую картину:

Дневной заработок	Июнь 1790 г.	Июнь 1793 г.	Рост в %
Подмастерья сапожника	2 ливра 5 су	3 ливра 10 су	55
» портного	2 ливра	3 ливра 10 су	75
» шляпника	2 ливра 5 су	5 ливров	122
» слесаря	2 ливра 10 су	5 ливров 10 су	120
» столяра	2 ливра 5 су	4 ливра 10 су	100
» плотника	2 ливра 10 су	4 ливра	60
» каменщика	2 ливра	3 ливра	50
» шорника	2 ливра 10 су	7 ливров	180

И тут повышение очень неравномерно — от 50% для дневного заработка каменщика до 180% для заработка шорника. Разумеется, эти цифры следует расценивать только как приблизительную информацию; обследование производилось в ускоренном порядке и носило слишком общий характер. Авторы закона о максимуме заработной платы от 5 термидора II года дифференцировали заработок для каждого ремесла по разрядам в соответствии с квалификацией рабочих. В июне 1793 года обследователи чувствовали необходимость подобного различия: они отмечали, что в 1790 году заработок каретников колебался от 2 до 4 ливров «в зависимости от их способностей и усердия». Если придерживаться этих статистических данных, то рост заработка мог бы в известной мере компенсировать вздорожание продуктов питания. Нельзя, однако, забывать о тех санкюлотах, которые не были ни квалифицированными, ни вообще наемными рабочими и чьи средства не могли возрасти пропорционально заработной плате. А главное, существовавшие на деле цены были выше указанных обследователями, а потому вздорожание продуктов сводило на нет повышение заработной платы.

В еще большей мере, чем обследование 1793 года, о серьезности кризиса свидетельствуют доклады наблюдателей министерства внутренних дел. Весь этот месяц они сигнализируют о глухом брожении. По сведениям Бюро надзора полиции, 7 июня несчастные заявляли, что они предпочитают умереть от ружейной пули, нежели от голода; озлобление народа особенно вызывают мясники и бакалейщики. Согласно докладу от 9 июня, мясники, продавая телятину по 24 су за фунт, наживают при этом не менее 14 су; «народу надоело быть жертвой обмана и лихоимства, и он готов сам осуществить правосудие» [92]. 15 июня у дверей булочных образовались очереди, причем хозяева заверяли, будто они не получают с Центрального рынка муки. На следующий день Паш счел своим долгом успокоить секции, направив им письмо, в котором разоблачал злонамеренные элементы, спекулирующие на недостатке продовольствия: бояться нечего, магазины снабжены всем необходимым.

* * *

Еще до 31 мая самые плебейские по своему составу секции объявили недостаточным закон от 4 мая и потребовали введения всеобщего максимума на все продукты первой необходимости, так, например, объединившиеся секции Сен-Марсельского предместья, а также секция Санкюлотов [93]. Параллельно аналогичную кампанию вели наиболее передовые патриоты. 19 мая Клуб кордельеров и «Общество революционных республиканок» внесли в Якобинский клуб петицию, разоблачавшую спекулянтов, скупщиков и торговцев: «Истребите всех этих злодеев!» [94] Секция Гравилье подала 27 мая в Конвент петицию, над текстом которой явно поработал Жак Ру [95]. Санкюлотские секции и передовые патриоты были разочарованы результатами 2 июня в социально-экономической области, считая их недостаточными, тем более что максимум на зерно, а также принудительный курс ассигнатов плохо или совсем не осуществлялись. Экономическое положение все ухудшалось, и недовольство народа росло, это создавало благоприятную атмосферу для возобновления социальных выступлений.

8 июня 1793 года Варле зачитал в Генеральном совете Коммуны свою «Торжественную декларацию прав человека в общественном состоянии», призывая уничтожить при помощи «справедливых средств огромную диспропорцию в распределении богатств»; «богатства, нажитые за счет общественного блага путем воровства, спекуляции, монополий, скупки товаров, должны стать национальным достоянием» [96]. 14 июня секция Тампля представила Генеральному совету петицию по продовольственному вопросу: «Народ, изнуренный дороговизной, готов восстать». На следующий день секция Прав человека — секция Варле — потребовала в проекте

адреса Конвенту всеобщей таксации и издания закона против скупщиков. Эбер протестовал: продовольствие обеспечено до января следующего года; Конвент занимается в настоящий момент Конституцией, и было бы преступлением прерывать его работу. Совет предложил секции подождать со своей петицией [97]. 17 июня секция Общественного договора предложила выпустить прокламацию, чтобы успокоить народ относительно хлеба, но и на сей раз Совет уклонился от решения [98]. Однако на следующий день, выслушав соображения делегации из Орлеана относительно опасности, которую может представлять для снабжения столицы продовольствием наступление мятежников, Коммуна решилась направить в Комитет общественного спасения своих комиссаров для обсуждения продовольственного вопроса [99]: мера чисто символическая, ибо не приходилось ожидать каких-либо результатов. На деле муниципальные власти, и прежде всего Эбер и Шометт, старались сдержать натиск народа, настаивавшего на осуществлении своих требований. Однако благодаря инициативе Жака Ру их удалось обойти.

20 июня в Клубе кордельеров Жак Ру предложил внести в Конституцию, уже почти целиком принятую, дополнительный параграф, карающий смертной казнью за спекуляцию и ростовщичество. Под влиянием присутствующих, встретивших это предложение аплодисментами, Эбер с готовностью одобрил его и потребовал отправки депутации в Коммуну, с тем чтобы она также поддержала эту петицию [100]. На следующий день Жак Ру выступил в Генеральном совете Коммуны. Воздав предварительно хвалу «Обществу революционных республиканок» и выказав радость по случаю окончания работы над Конституцией, он выразил сожаление по поводу отсутствия в ней статьи против «кровопийц народа». Встреченный бурными аплодисментами, он предложил, чтобы Генеральный совет в полном составе отправился в Конвент и потребовал внести в Конституцию параграф, гласящий, что «свобода не есть право морить голодом себе подобных». Под тем предлогом, что на послезавтра назначена церемония поздравления Конвента с окончанием работы над Конституцией, Паш предложил Совету перейти к обсуждению очередных дел [101]. Не желая сдаваться, Жак Ру 22 июня возобновил свою попытку в Клубе кордельеров; отчаявшись убедить Коммуну, он призвал клуб самому вручить Конвенту предполагаемую петицию: «Если этот параграф не будет включен в Конституцию, мы вправе сказать Горе: вы ничего не сделали для санкюлотов... Пусть весь народ окружит Конвент, и пусть все в один голос воскликнут: мы боготворим свободу, но мы не желаем умирать с голоду. Обуздайте ажиотаж, и мы ничего больше не будем просить». Тут же были назначены двенадцать комиссаров, из коих один, по фамилии Дюре, отказался, возмущенный тем, что болтают о петиции, когда надо браться за оружие [102].

23 июня, после того как установленные власти поздравили Конвент с завершением работы над Конституцией, Жак Ру, оставшись у барьера, хотел зачитать свою петицию от имени революционного общества секции Гравилье и Клуба кордельеров, но Робеспьер прервал его: сегодня — национальный праздник, чтение петиции должно быть отложено [103].

Между тем Клуб кордельеров сообщил Якобинскому клубу свой проект петиции: кордельеры требовали не только мер предосторожности, как-то: удаления лиц дворянского происхождения со всех общественных должностей и обновления всех штабов, но и издания декрета (который «освятит великий принцип, что продукты питания являются достоянием народа»), а также смертной казни скупщикам товаров. Увлеченные движением, якобинцы присоединились к этим предложениям [104], присоединились просто в принципе, но этот факт свидетельствует о силе народного давления. На деле же якобинцы не пошли с петиционерами в Конвент.

В начале вечернего заседания 25 июня, происходившего под председательством Колло д'Эрбуа, секции Люксембурга и Круа-Руж потребовали таксации цен на продукты первой необходимости и принятия суровых мер против тех, кто не будет ее соблюдать [105]. Тут появился Жак Ру во главе депутации секций Гравилье, Бонн-Нувель и Клуба кордельеров. Конвент был оскорблен не столько содержанием, сколько тоном его петиции. Его требования были требованиями наиболее передовых секций: они неоднократно выдвигались во время майских событий и после них. Требования социально-экономического порядка — всеобщая таксация цен на продукты, репрессии против скупщиков, запрещение торговли звонкой монетой — он дополнил, как и наиболее сознательные санкюлоты, политическими требованиями: увольнение дворян из армии, арест родственников эмигрантов и задержание их в качестве заложников, изгнание из Конвента апеллянтов. Жак Ру представил здесь программу передового крыла санкюлотов: он не внес в нее ничего нового. Новым был только тон ее. Считая, что он выступает от имени суверенного народа, Жак Ру отчитывал Конвент. С первых же слов он начал его распекать: «Уполномоченные народа [он намеренно избегает термина «представители»], уже давно вы обещаете положить конец бедствиям народа, но что вы сделали для этого?» Он осудил беспечность Собрания, которое не искоренило ажиотаж и барышничество. Не обращая внимания на ропот, он приказывает Горе и угрожает ей: «Депутаты Горы, заложите основы процветания Республики, не завершайте свою деятельность столь позорным образом» [106].

Не привыкшие к подобному обращению депутаты Горы пришли в негодование: осыпая оскорблениями оратора, они, видимо, рассчитывали в то же время дискредитировать и его петицию. Возмущение Собрания повергло в смятение петиционеров; один из них высказался в том смысле, что эта петиция совсем не та, которую

одобрила секция Гравилье. Тюрио в бешенстве напал на Жака Ру, обличая в нем священника, «достойного соперника фанатиков Вандеи»; тем не менее он потребовал, чтобы был представлен доклад «о средствах временного снижения цен на продукты». Робеспьер возмутился тем, что на патриотов хотят бросить тень, обвинив их в «модерантизме, что может стоить им доверия народа». Потребовали ареста Жака Ру; Лежандр избавил его от этого, заверив, что секция Гравилье сама с ним расправится. Ру изгнали, а сопровождавшую его депутацию пригласили присутствовать на заседании в качестве почетных гостей. Конвент приказал своему Комитету земледелия и торговли * представить соображения о средствах снижения цен на продукты питания [107]. Чисто формальная уступка, ибо отчет так никогда и не был представлен. Тактика монтаньяров была ясна. Убежденные поборники экономической свободы, они не могли, однако, противостоять мощному народному движению за всеобщую таксацию. Тогда они попытались по крайней мере дискредитировать человека, который руководил этим движением и обладал достаточной смелостью, чтобы высказать им в лицо жестокую правду.

Дезавуированный одним из членов своей депутации, изгнанный из Конвента, Жак Ру вернулся к своим сторонникам. Заседание Конвента еще не закончилось, а несколько граждан уже сообщили в Гравилье, что Жак Ру задержан у барьера, что принято решение о его аресте. Возмущенное собрание готово было отправиться в Конвент и требовать, чтобы им вернули Жака Ру. Но тут он появляется сам, встреченный «самыми теплыми проявлениями дружбы и уважения своих сограждан». Он вторично зачитывает свою петицию. Собрание аплодирует и единодушно подтверждает, что это именно та петиция, которая им была зачитана первоначально; собравшиеся вновь заявляют о своем одобрении изложенных в ней принципов и назначают четырех комиссаров, дабы уведомить Конвент, что они будут преследовать человека, осмелившегося оклеветать Жака Ру у барьера Конвента [108].

* * *

Вопреки воле Конвента и несмотря на кампанию в прессе монтаньяров [109], народное движение за всеобщую таксацию восторжествовало. 26 июня Комитет общественного спасения Парижского департамента потребовал от Конвента не только объявить жирондистов вне закона, но и принять закон против скупщиков и ввести таксацию на все съестные припасы [110]. Того же 26 июня некоторые члены Генерального совета Коммуны, после того как Шометт

* Полное название комитета: Комитет земледелия, торговли, путей сообщения и речного судоходства.— *Прим. ред.*

зачитал статью из «Журналь дю суар» с отчетом о заседании Конвента 25 июня, осудили Жака Ру; тем не менее, перейдя к обсуждению очередных дел, Совет по предложению Шометта назначил двух комиссаров, чтобы поторопить Комитет земледелия с докладом о средствах снижения цен на съестные припасы [111]. Коммуна заняла примирительную позицию.

В тот же день волнения вспыхнули также на пристанях Сены: в Гренуйере, на пристани Сен-Никола, прачки разгрузили суда с мылом и разделили товар между собой, установив предварительно цену. Поставленный об этом в известность мэр Паш тут же прибыл на место и восстановил порядок [112]. На вечернем заседании Генеральный совет разрешил мэру бить сбор, если потребуется воспрепятствовать грабежам, и принял ряд мер для охраны собственности [113]. На следующий день волнения возобновились. Вызванный в Генеральный совет, командующий национальной гвардии Анрио жаловался, что командиры легионов не передали его приказов. Чувствуя, что принятых им мер предосторожности недостаточно, Совет решил обратиться к народу с воззванием, «чтобы рассеять его беспокойство по поводу распространяемых слухов о трудностях с продовольствием», а также направить петицию в Конвент, призывая его осуществить принудительный заем и сделать все возможное, чтобы уменьшить количество ассигнатов; о всеобщей таксации уже не было и речи [114]. Между тем прачки, стремясь как бы узаконить свои действия, в тот же день явились к барьеру Конвента и заявили протест против чрезмерной дороговизны мыла, свечей и «других продуктов»; их петиция была препровождена в Комитет торговли [115]. Волнения продолжались и 28 июня. Паш предупредил Генеральный совет о скоплении народа у Сен-Лазарской заставы вокруг повозки, груженной мылом; туда немедленно отправили четырех комиссаров, чтобы восстановить спокойствие [116]. Вскоре секция Пуассоньер сообщила Совету, что на ее территории собралась толпа. Затем явилась делегация женщин, потребовавшая, чтобы им отдали мыло по 20 су за фунт. Совет отказал им после того, как Эбер нарисовал «ужасающую картину бедствий, которые повлечет за собой посягательство на право собственности в Париже».

Между тем под натиском народных масс Конвент, казалось, готов был отказаться от своей непримиримой позиции. 27 июня, обсудив вопрос о волнениях, имевших место накануне, он направил в Комитет общественного спасения предложение Тюрио. Констатировав, что дороговизна является главной причиной беспорядков, Тюрио предложил предоставить «администрации департаментов право устанавливать максимум на продукты питания». Выслушав депутацию прачек, Конвент поручил Комитету общественного спасения представить доклад для решения вопроса, «следует ли при данных обстоятельствах временно разрешить администрации департаментов или дистриктов устанавливать максимум на съестные припасы и другие продукты первой необходимости» [117].

Стало быть, «мыльные бунты» 26—28 июня доказали властям всю глубину социального кризиса. Они не могли не знать, что Жак Ру тут совершенно ни при чем: 27 июня во время дебатов в Конвенте его имя даже не упоминалось. Более того, «Общество революционных республиканок», разделявшее взгляды Ру, в тот же день постаралось восстановить порядок и успокоить умы [118]. Конвент, 25 июня обвинявший Жака Ру, 27 июня уже почти готов был принять его программу: столь сильным было движение народа за таксацию. Это отступление побудило Жака Ру вновь ринуться в бой.

Прежде всего он хотел оправдать свои действия. Обвиненный в клевете, в том, что у барьера Конвента он фальсифицировал текст петиции, он заставил 27 июня общее собрание секции Бонн-Нувель подтвердить его честность [119]. Явившись в Клуб кордельеров, где его встретили возгласами: «Да здравствует Жак Ру! Да здравствуют санкюлоты!»— он в тот же день обрушился на тех депутатов-монтаньяров, которые на него нападали. Прослушав еще раз пресловутую петицию, которую вменяли Жаку Ру в вину, клуб выразил свое согласие с ее принципами и распорядился напечатать ее и расклеить [120]. Те, кто придерживался крайних взглядов, попытались увлечь кордельеров еще дальше. Дюре предложил еще раз отнести петицию Жака Ру в Конвент и заклеймить поведение Лежандра, члена общества. Леклерку этого показалось мало: надо изгнать его без обсуждения. Осторожный Руссийон, якобинец, председательствовавший на собрании, дал обществу время поразмыслить. Моморо напомнил кордельерам о *благодеяниях* Горы, увещевал их остаться «верными партии истинных патриотов» и добился того, что Лежандр был приглашен явиться и объяснить свое поведение [121].

Контратака Жака Ру приняла внезапно совсем иной оборот. Воспряв духом вследствие одобрения, которое ему снова выразили секции Гравилье, Бонн-Нувель и Клуб кордельеров, он явился 28 июня со своей петицией в Генеральный совет. По его словам, он пришел, чтобы пристыдить недоброжелателей, предъявив полномочия секций, выразителем которых он является. Встревоженный сведениями о новых волнениях, Совет возроптал: Шометт заявил, что петиция Жака Ру — это «призыв к грабежу и покушению на собственность»; Жака Ру изобразили «виновником всех беспорядков, заставивших граждан опасаться за свое имущество», и потребовали его исключения из Совета. Обсуждение дела было отложено до следующего дня [122]. Ветер переменился: всего лишь два дня до того Коммуна отказалась хулить Жака Ру. Причины такого крутого поворота, поскольку сам Конвент накануне был склонен пойти на уступки, остаются неясными. То ли волнения, не стихшие и 28 июня, напугали власти, опасавшиеся быть низвергнутыми, то ли они почувствовали, несмотря на силу народного движения за таксацию, слабость позиций Жака Ру, которого поддерживали только Клуб кордельеров и две секции, причем одна из них, Бонн-Нувель, колебалась, а в другой, Гравилье, под него подкапывались его противники.

Вечером в Якобинском клубе власти перешли в атаку. Робеспьер изобличал в лице Жака Ру «человека, прикрывшегося тогой патриотизма, но в намерениях которого позволительно по меньшей мере сомневаться». Больше всего он возмущался тем, что Жак Ру побудил кордельеров вновь представить его петицию в Конвент и предложить ее делегатам 33 секций, обсуждавшим в Епископстве продовольственный вопрос. Колло д'Эрбуа в свою очередь в резких выражениях обвинил Жака Ру в стремлении «спровоцировать беспорядки и вызвать анархию». Лежандр обратился к Руссийону, который председательствовал накануне в Клубе кордельеров и дал Жаку Ру братский поцелуй. Руссийон стал оправдываться: никогда поцелуй не казался ему столь горьким [123]. Получив такую поддержку — к тому же Жак Ру не явился, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения,— Генеральный совет Коммуны решил 29 июня 1793 года «в ожидании, пока аббат Ру сочтет нужным ответить», временно отстранить его с поста редактора «Афиш де ля Коммюн» [124].

Теперь оставалось заставить отречься от него тех, кто до сих пор его поддерживал. 30 июня якобинцы направили в Клуб кордельеров 12 комиссаров [125]. Лозунг был выдвинут, аудитория подготовлена: там-то уж не было, как заявил позднее Колло д'Эрбуа, «засилья тех вожаков, которые заставили одобрить самую жестокую сатиру на Конвент». Эбер, также по словам Колло д'Эрбуа, выступившего на следующий день в Якобинском клубе, «осветил факелом истины лицо криводушного попа, и маска спала с него». Кое-кто, например Леклерк, все же попытался выступить в защиту Жака Ру. Но тщетно. Клуб кордельеров постановил изгнать из клуба Жака Ру и Леклерка, сделав исключение только для Варле ввиду его заслуг перед революцией. Одна из революционных республиканок без колебаний осудила Жака Ру, «одного из тех людей, которые проникают в секции и меняют свои причуды в зависимости от обстоятельств». Клуб кордельеров, «признав, что его верой злоупотребила кучка интриганов, верховодивших на его предыдущих заседаниях», официально отрекся от спорной петиции [126]. Кордельеры вновь пошли в фарватере Якобинского клуба.

Разгром Жака Ру был довершен в следующие дни. 1 июля Генеральный совет Коммуны, признав, что Жак Ру «оклеветал Конвент в представленном им на днях вероломном адресе», осудил его поведение [127]. 4-го секция Бонн-Нувель отреклась у барьера Конвента от этого адреса: народ имел слабость аплодировать петиции Ру, но просвещенный на счет подлинных намерений ее составителя, он в конечном счете одобряет в ней «только то, что вы сами в ней одобрили» [128]. Вот что значит ловко выкрутиться из трудного положения. Секция Гравилье опередила секцию Бонн-Нувель. Противники Жака Ру во главе с членом Конвента Леонаром Бурдоном и не-

ким Трюшоном одержали верх на общем собрании: секция выразила свое свободное и единодушное одобрение той самой Конституции, которую Жак Ру считал недостаточной [129].

Последний удар ему нанес Друг народа, до сих пор хранивший молчание. 4 июля «Люблисист де ля Репюблик франсез» обрушилась на «лжепатриотов, более опасных, нежели аристократы и роялисты», изображая Жака Ру «поджигателем из секции Гравилье и Общества кордельеров», а *его сообщников*: одного, Варле,—«безмозглым интриганом», а другого, маленького Леклерка,—«весьма ловким плутом». Эти случайные патриоты кичатся своей гражданственностью, «дабы ввести в заблуждение добрых граждан и толкнуть их на необузданные, легкомысленные, безрассудные и губительные выступления». Бросив на весы весь свой авторитет (а он был столь велик среди народа), Марат обрушил на Жака Ру град обвинений.

Последний отвечал с достоинством, он вел спор, все время оставаясь на почве политики. «Разве не модерантизм загубил народное дело? Разве не полумеры ввергли французскую нацию в бездну порока и несчастий? Для дела общества полезны души пламенные, страстные, люди, способные просвещать, увлекать, покорять, люди, часто будоражащие общественное мнение, дабы оно совсем не закоснело». Конституция еще недостаточно прочно утверждена: народ еще не расправился со своими врагами. «Следовательно, мужественные, энергичные и честные люди должны срывать маски с предателей и почтительно напоминать законодателям об их долге». Правда, в его петиции высказывались жестокие истины, но разве право петиции состоит лишь в праве льстить законодателям? «На петиции отвечают не преследованиями, а серьезными доводами, хорошими законами». Когда ответ Жака Ру вышел из печати, Друга народа только что убили.

Тем не менее контратака якобинцев и Марата достигла своей цели. После того как Жак Ру был всеми отвергнут, Конвент забыл и думать о выполнении обязательств, взятых им на себя во время «мыльных бунтов». Не только была оставлена мысль о расширении максимума, но даже закон от 4 мая о таксации цен на зерно, хотя и не был упразднен, перестал осуществляться.

В связи с углублением кризиса Конвент торопился провести голосование Конституции, составлявшей самый смысл его существования: в то время как Жиронда призывала к восстанию, Конституция доказала бы, что Гора не намерена устанавливать своей диктатуры. Логика такой позиции требовала, кроме того, чтобы Гора отказалась от мероприятий, которые могли бы отпугнуть имущие классы. Более того, принятие Конституции первичными собраниями монтаньяры хотели превратить в манифестацию национального единодушия; надо было заставить умолкнуть политические и социальные разногласия. Таким образом, издержки политики примирения ложились на плечи санкюлотов.

4. *Принятие Конституции, или искусственное единодушие*

Вечером 24 июня Конвент принял окончательную редакцию Конституции. Через несколько минут Лежандр и Давид предложили Генеральному совету Коммуны, чтобы в ознаменование этого радостного события граждане Парижа устроили иллюминацию [130]. Конституция была провозглашена в атмосфере энтузиазма. На следующий день Генеральный совет заслушал текст Декларации прав и Конституционного акта. Один из членов захотел представить свои соображения. Эбер воспротивился, дав понять, как опасна сейчас любая критика [131]. Этим с самого начала подчеркивался священный характер Конституции: подвергнуть ее малейшей критике значило проявить себя аристократом и уж по меньшей мере умеренным. Санкюлоты имели лишь право принять ее в стихийном и единодушном порыве [132].

Правительственная пропаганда старалась заранее дискредитировать оппозицию. Подготовлена она или стихийна, эта пропаганда всегда исходит от якобинцев и обращена в равной мере как против аристократов, так и против крайних, она успокаивает богатого, порождает надежду у бедняка. Так, брошюра под названием «Вероломный поступок» («Le Coup de Jarnac») возмущается как «маневрами аристократии», так и «уловками анархистов». Возбуждать народ разговорами о чрезмерной дороговизне продуктов, требовать нового набора для похода против Вандеи, критиковать инертность Комитета общественного спасения — все эти маневры имеют целью отвлечь народ от принятия Конституции. «Приняв ее, санкюлоты станут такими же активными гражданами, как и банкиры; она объединяет все интересы, она обеспечивает богатому его собственность, ремесленнику — плоды его мастерства, а бедняку — помощь в соответствии с его нуждами» [133]. Невозможно было лучше оправдать политику монтаньяров. Принятие Конституции в июне 1793 года, независимо от искренности ее авторов и энтузиазма санкюлотов, видевших в ней воплощение демократии, являлось результатом двойного маневра. Он имел своей целью, с одной стороны, объединить умеренных и федералистов, соблазняя их, в частности, перспективой новых выборов, которые позволили бы аннулировать результаты восстания 2 июня, а с другой стороны, утихомирить санкюлотов и заставить их отказаться от своих социальных требований. Принятие в этих условиях первичными собраниями парижских секций Конституции было не чем иным, как искусственной манифестацией показного национального единодушия.

Согласно докладу Барера (27 июня), первичные собрания были созваны и должны были в течение недели высказать свое мнение [134]. В Париже они собрались 2 июля. В тот день заседание

Генерального совета Коммуны не состоялось: все его члены разошлись по секциям, чтобы представить Конституцию на одобрение своих сограждан [135]. Голосование в первичных собраниях было где более, а где менее быстрым, в зависимости от энтузиазма их участников, от преобладания в них санкюлотов, а также от того, удалось последним или нет навязать свой метод обсуждения и голосования путем простого выражения одобрения выкриками или вставания с мест. В этом смысле протоколы принятия Конституции позволяют обрисовать политическую обстановку в парижских секциях в начале июля 1793 года [136]. Не потому, что они достоверны: чтобы быть представленными в Конвент, они могли быть только одобрительными, если не хвалебными; все инциденты, имевшие место во время заседаний, неизбежно замалчивались. Однако преследования, начатые несколько месяцев спустя революционными комитетами против умеренных, дают возможность сопоставить факты и проливают свет на подлинную атмосферу, в которой развертывались в некоторых секциях дискуссии и голосование.

Голосование прошло особенно быстро в 8 секциях, которым понадобилось только одно заседание, 2 июля, для принятия Декларации прав и Конституционного акта. Два дня потребовалось для этого 17 секциям; еще 17 закончили голосование 4 июля. Две секции заседали до 5-го, а три — до 6-го. Но методы обсуждения и голосования были самыми разнообразными, ибо декрет о созыве первичных собраний не давал в этом смысле никаких точных указаний и собрания считали, что они вправе сами решать этот вопрос.

В 17 секциях Декларация прав и Конституционный акт были приняты без обсуждения, *в целом*; в четырех (Бонди, Елисейских полей, Республики и Санкюлотов) имело место постатейное обсуждение; в секциях Нового моста, Хлебного рынка и Финистера тоже происходило обсуждение, но иным образом; что касается еще 25 секций, то протоколы не дают возможности выяснить, имело ли в них место обсуждение или там голосовали их *в целом*. Одобрение *в целом* соответствовало умонастроению санкюлотов: для чего, собственно, обсуждать Конституцию, в совершенстве которой все убеждены!

В секции Единства после чтения и голосования Конституции путем выражения одобрения выкриками завязался спор о преимуществах и неудобствах обсуждения. Дора-Кюбьер возражал против любых дебатов: кое-кто из роялистов не преминул бы ими воспользоваться для «создания ревизионных комитетов, которые превратились бы в очаги интриг и раздоров». Лакруа, наоборот, требовал обсуждения Конституционного акта, «хотя бы для того, чтобы доказать, что его принятие является результатом глубокого внутреннего убеждения в его достоинствах, а не порыва энтузиазма, ибо это значило бы дать оружие в руки врагов Республики». Третий оратор предложил открыть два списка: один для граждан, готовых безотлагательно принять Конституционный акт, другой для

лиц, желающих обсудить его: это принудило бы безразличных и умеренных сбросить маску; собрание постановило перейти к обсуждению очередных дел [137].

В нескольких секциях нажим санкюлотов оказался недостаточно сильным, чтобы добиться *принятия в целом*. Однако протоколы содержат мало подробностей о том, каким образом велось обсуждение, и об инцидентах, которые должны были неизбежно сопутствовать ему. В секциях Бонди и Республики провели постатейное голосование, но была ли действительно обсуждена каждая статья? Столь же неопределенны наши сведения в отношении секции Елисейских полей, где Конституцию приняли постатейно *после обсуждения* [138]. Так же обстоит дело и с секцией Санкюлотов: в продолжение четырех заседаний были обсуждены первые 59 статей; на следующем заседании обсуждение прекратили и Конституцию приняли [139]. В секции Финистера, наконец, «были сделаны возражения политического характера, и их обсудили с той свободой, без которой немыслимо хорошее управление» [140], но оратор секции не уточняет, каким образом проходило обсуждение и каких пунктов оно касалось.

Что касается способов голосования, то на этот вопрос протоколы дают более точный ответ. По девяти секциям данные отсутствуют, в шести голосовали путем выражения одобрения выкриками, в четырех — путем вставания, в восемнадцати — путем поименной подачи голосов; в одиннадцати, наконец, перешли к поименной подаче голосов после того, как выразили одобрение выкриками. Конституционный акт был принят под *общие аплодисменты* в секции Мезон-Коммюн [141]. В секции Сплочения «все присутствующие поднялись в едином порыве и заявили, что они добровольно полностью одобряют [Конституционный акт]» [142]. Четыре секции (Ломбар, Попенкур, Нового моста и Обсерватории), не прибегая к поименной подаче голосов, сочли все же, что голосование путем выражения одобрения восклицаниями с мест носит слишком общий характер, и провели голосование путем вставания [143]. Но, как заметил Лакруа на первичном собрании секции Единства, принятие Конституции путем выражения общего одобрения в порыве энтузиазма и даже путем вставания могло послужить оружием в руках злонамеренных лиц: необходимо было одобрение более обдуманное, чтобы никто не посмел его оспаривать. Десять секций приняли это во внимание, и после принятия Конституции путем выражения одобрения выкриками приступили к поименной подаче голосов. В секции Братства Конституция была встречена 2 июля аплодисментами, она была уже «одобрена всеми в душе», но, следуя велению разума, решили «умерить эти первые порывы искреннего энтузиазма» и отсрочить ее принятие «с целью сделать его более зрелым, более продуманным»; поэтому на следующий день собрание провело голосование путем поименной подачи голосов [144]. Секция Единства поступила так же, «чтобы придать больше

торжественности принятию Конституции» [145]. В секции Хлебного рынка, если бы отдались порыву энтузиазма, Конституция была бы принята в тот же день, «но секция впервые осуществляла свое суверенное право, не будучи в состоянии восстания»; поэтому собрание было отложено на следующий день и высказало свое мнение путем поименной подачи голосов [146]. И, наконец, граждане секции Сите, «столь быстрые на подъем, когда свободе грозит опасность, сочли своим долгом при обсуждении Конституционного акта проявить мудрую медлительность, подобающую людям свободным, которые должны высказывать свое мнение как суверены» [147].

Это желание придать принятию Конституции торжественный характер, как и намерение разоблачить ее противников, побудили 29 секций провести голосование путем открытой, поименной подачи голосов, произнося «да» или «нет» *во всеуслышание*, *отчетливо* (согласно протоколу секции Общественного договора). Нужно было обладать мужеством, чтобы сказать *«нет»* в тех секциях, где господствовали санкюлоты; противники чаще всего предпочитали совсем не откликаться, когда их вызывали; так было в умеренных секциях Май и Бютт-де-Мулен [148]. Впрочем, лишь в очень немногих протоколах отмечалось, что голосование проводилось путем открытой подачи голосов, настолько это само собой разумелось для санкюлотов; и несомненно, именно так надо понимать выражение в протоколе секции Предместья Монмартр —«путем свободного голосования принять либо отвергнуть» [149].

Протоколы принятия Конституции и поздравительные адреса Конвенту не могли, конечно, дать представления о дискуссиях или возражениях, которые имели место в гораздо большем числе секций, чем это казалось сначала. В этом смысле весьма красноречивы указания, которые мы находим в мотивировке арестов, произведенных революционными комитетами в период с сентября 1793 года до весны II года. В целом ряде секций умеренные пытались вопреки энтузиазму санкюлотов навязать обсуждение Конституции; несомненно, более красноречивые, более ловкие и лучше ориентирующиеся в политических дебатах, они могли надеяться увлечь за собой поддающееся влиянию собрание; в этом смысле отказ от всякого обсуждения был для наиболее сознательных санкюлотов защитным рефлексом.

Протоколы одинаково тенденциозны и когда утверждают, будто принятие Конституции проходило без каких бы то ни было дискуссий, и когда заявляют о всеобщем единодушии. В секции Борепера гравер Филипп Маке возражал против принятия Конституции, «заявив, что достаточно хороша была и прежняя Конституция Учредительного собрания» [150]. Из 1800 граждан секции Французских гвардейцев, принявших Конституцию, вряд ли набралось бы и 300, по словам некоего Алибера, «которые приняли ее от чистого сердца»,[151] — слова, свидетельствующие о давлении, оказанном

санкюлотами на умеренных и колеблющихся. Столь же разоблачающим является высказывание Франсуа Перрье, нотариуса и бывшего депутата Учредительного собрания, о том, что Конституцию надо было принять, хороша она или плоха, «ибо лучше иметь плохую Конституцию, чем не иметь ее вовсе», и что после того, как он возражал против ее подписания, «он подписал бы ее 36 тысяч раз, если бы это потребовалось» [152]. Немало граждан, одобривших Конституцию путем выкриков с мест и путем поименной подачи голосов или же поставивших свою подпись на одобрительных списках, в глубине души, вероятно, разделяли мысли Филиппа Маке или Франсуа Перрье; но санкюлоты были бдительны.

* * *

Принятая санкюлотами с энтузиазмом, провозглашенная с ликованием, воспетая во многих песнях, отмеченная празднествами, Конституция должна была положить начало царству счастья: вот почему 32 секции заявили Конвенту о ее принятии без единого возражения. Однако 16 высказали свои пожелания политического, экономического и социального порядка. Четыре секции выразили пожелания сугубо политического характера, три потребовали мер против скупки, барышничества и дороговизны продуктов и, наконец, десять сообщили Конвенту о социальных требованиях. касающихся общественной помощи и народного просвещения.

Конституционный акт отвечал демократическим чаяниям санкюлотов, он разрешал в теоретическом плане проблемы политического устройства, но не в состоянии был решить актуальные, злободневные вопросы; этим, несомненно, и объясняется отсутствие каких бы то ни было предложений по самому существу Конституции. Три секции воспользовались случаем, чтобы настаивать на принятии мер, которых требовала, по их мнению, обстановка. Секция Обсерватории внесла в Конвент целую программу общественного спасения: «Организуйте работу административных властей, организуйте Исполнительный совет, очистите ряды наших армий от властолюбивой и вероломной касты, уничтожьте фанатизм, внесите успокоение внутри страны, избавьте Францию от внешних врагов и не возвращайтесь к вашим очагам до тех пор, пока Французская республика не будет признана всей Европой» [153]. Организация Исполнительного совета привлекает особое внимание секции Республики, но именно с точки зрения политической бдительности, а не по мотивам конституционного порядка [154]. Секция Рынка требует, чтобы Конвент пристально следил «за всеми подозрительными, за всеми сторонниками старого порядка», которые находятся во главе армий и могут лишь затормозить применение новой Конституции [155]. Эти пожелания объясняются кризисом революции в июле 1793 года; они отражают политическую действительность того периода. Более знаменательно с точки зрения

умонастроения санкюлотов требование одной гражданки из секции Борепера. Женщины деятельно участвовали в первичных собраниях и в выборах путем выражения общего одобрения выкриками с мест; но ни одна из них не принимала участия в голосовании путем поименной подачи голосов. Почему бы новой Конституции не узаконить фактическое положение вещей — вступление женщин в политическую жизнь? Благодаря Конституции мужчины наслаждаются всеми благами свободы. «Но женщинам,— заявила гражданка из секции Борепера,— еще далеко до этого; в политическом плане система с ними не считается. Мы просим вас об участии в первичных собраниях, и, так как Конституция покоится на Декларации прав человека, мы требуем сегодня ее полного осуществления» [156].

Требования, касающиеся снабжения, были предъявлены, причем в момент, когда кризис обострился, только тремя секциями, да и то весьма сдержанно: санкюлоты, надлежащим образом обработанные, хотели, чтобы принятие ими Конституции было актом единодушия. Гражданка Муруа из секции Бонди, выступая от своего имени, потребовала *сурового закона* против спекулянтов и таксации цен на предметы первой необходимости [157]. Секция Борепера просит Конвент, чтобы он заставил свои комитеты «в кратчайший срок представить доклад о продовольственном положении» [158]. Граждане секции Ломбар настаивают на большем: они разоблачают маневры контрреволюционеров, стремящихся завладеть товарами первой необходимости, сделать народ несчастным и заставить его мечтать о прежних оковах; секционеры ждут быстрого ответа от Комитета торговли и земледелия относительно «таксации цен на все товары, необходимые республиканцу, который прекрасно умеет обходиться без излишеств» [159].

Куда более многочисленны пожелания, касающиеся народного образования, которое статья 22 Декларации прав человека и гражданина объявляла одним из прав человека; в Декларации отмечалось также, что общество должно сделать образование доступным для всего народа. Санкюлоты особенно горячо встретили это принципиальное заявление, и 10 секций потребовали от Конвента его быстрейшего применения. 4 июля секция Неделимости потребовала «составления разумного плана воспитания» [160]. Секция Пуассоньер ратует за *национальное образование*, а секция Прав человека — за *общественное воспитание* [161]. Гражданка Бейар из секции Бон-Консей требует *национального воспитания*, которое разовьет в детях «спартанские доблести, семена коих мы заронили в их сердца» [162]. В этих обращениях выражено прежде всего желание вырастить детей подлинными гражданами, воспитать из них республиканцев, преданных новому порядку. Более ясно и конкретно выразили свои пожелания три секции Сент-Антуанского предместья и секция Предместья Монмартр, которые, будучи по своему составу более демократическими, больше чувствовали необходимость профессионального обучения, чем общего образования: все четыре секции просили о введении профессионального образования. В адресе секции Предместья Монмартр мы обнаруживаем отголосок идеи того века, свидетельство влияния мысли энциклопедистов и столь дорогой сердцу философов мысли, согласно которой благо общества немыслимо без материального прогресса и развития производительных сил [163]. Аналогичные требования выражены в адресе секций Сент-Антуанского предместья [164].

Санкюлоты Сент-Антуанского предместья, столь озабоченные введением образования, нацеленного на практическое изучение ремесел, оказались единственными, кто привлек внимание Конвента к социальной проблеме; как секции в основном демократические, они больше других интересовались этой проблемой. Правда, секция Друзей отечества требовала от Конвента «дополнить кодекс счастья» [165], но не уточняла, что она под этим понимает. Весьма четко сформулированы требования санкюлотов Сент-Антуанского предместья: они желают отныне избавиться от страха безработицы, болезни и старости, чтобы было гарантировано их право на труд и на социальную помощь, провозглашенные Конституцией [166].

Итак, поздравительные адреса, направляемые Конвенту по случаю принятия Конституции, были использованы санкюлотами для изложения некоторых своих социальных требований: тем самым они как бы отмечали, что Конституция, по их мнению, не вполне совершенна. Однако, как бы ни был велик их энтузиазм, увлечь оппозицию им все же не удалось. Правда, под давлением народа аристократам и умеренным волей-неволей пришлось подчиниться или покинуть собрание, но достигнутое таким путем единодушие не могло скрыть противоречий. Выражения лояльности в отношении Конвента были всего лишь проявлением искусственного национального единодушия, которое фактически было в то время недостижимо.

В тот самый момент, когда первичные собрания голосовали за Конституцию, что являлось как бы венцом политики единения, проводимой Конвентом, волнения, начавшиеся в парижских секциях в связи с рекрутским набором, разоблачали все лицемерие этого столь торжественно провозглашенного единодушия.

5. *Рекрутский набор для похода против мятежного департамента Эр и федералистская попытка*

После 2 июня, как и прежде, умеренные и аристократы ловко использовали в своей агитации вопрос о рекрутском наборе: многие мужчины из народа испытывали отвращение к военной службе, поэтому оппозиция располагала маневренной массой, которую

легко было привести в движение. Верный своей политике не вмешиваться в конфликты парижских секций, Конвент не желал себя компрометировать, предоставляя общим собраниям самим устанавливать способ набора необходимого контингента. Это приводило к бесконечным, запутанным спорам, часто переходившим в бурные столкновения: женатые люди требовали, чтобы сначала шли холостые; те, кто постарше, старались возложить эту обязанность на молодых, но и те и другие негодовали, что служащие были освобождены от воинской повинности.

8 июня мятежники заняли Сомюр, и паника охватила всю долину Луары. Требовалось подкрепление. 11 июня Коммуна обратилась к секциям с просьбой предоставить ей на время свои пушки. На следующий день Парижский департамент предложил Конвенту призвать в Париже тысячу человек и снабдить их пушками, затребованными у секций, что и было оформлено декретом. Этот набор прошел не без трудностей, ибо умеренные секции ни за что не хотели уступать свои пушки [167].

Все сложилось гораздо хуже, когда Конвент 24 июня, потеряв терпение, приказал взять восставший город Эврё и департамент Эр. Не имея достаточно войск, Комитет общественного спасения обратился к парижским властям, обязав их 27-го сформировать два батальона для обеспечения подвоза продуктов: это был лишь предлог, чтобы облегчить вербовку [168]. 1 июля Генеральный совет постановил мобилизовать 1800 человек и сформировать из них два батальона, причем каждая секция должна была выставить по два человека от роты. Чтобы успокоить секции, Совет заверил их, что дело идет лишь о *патриотической экспедиции*. «Восстановить спокойствие, заставить город Эврё уважать закон и установленные власти, побрататься с добрыми гражданами, принудить к подчинению злонамеренных и, наконец, восстановить и обеспечить торговый оборот и подвоз продовольствия» [169] — таковы главные политические цели этой экспедиции.

Несмотря на предоставленные рекрутам льготы, аналогичные льготам волонтеров, секции отнюдь не торопились выделить людей. 5 июля, выступая в Генеральном совете, встревоженном сообщениями патриотов из Вернона и Паси-сюр-Эр, Реаль обрушился на беспечность парижан в такой момент, когда *разбойники* буквально ломятся в ворота. Два члена Комитета общественного спасения подтвердили новости из департамента Эр и потребовали от парижан новых усилий, «дабы удушить в зародыше гражданскую войну». Членам Генерального совета было предложено первыми подать пример и «с ружьем и ранцем за плечами, повязав шею муниципальным шарфом», отправиться в поход; предложение необдуманное или провокационное, исходившее либо от умеренного, либо от крайнего. Наконец по предложению Реаля члены Совета отправились в секции [170]. Их уговоры не увенчались особым успехом: 7 июля некоторые из них сообщали о трудностях, все еще возникающих при формировании контингента. Совет опять послал в каждую секцию своего представителя, чтобы попытаться обеспечить на следующий день отправку двух упомянутых батальонов[171].

Наибольшее волнение царило в тех общих собраниях, где санкюлоты еще не изгнали умеренных: зачем выступать против департамента, чьи идеи разделяют некоторые секции? С другой стороны Генеральный совет, не уточнив метода назначения людей, сам создал условия для возникновения всякого рода беспорядков. «Журналь де ля Монтань» писала 10 июля, откликаясь на эти события: «оВ всех секциях царит злой дух, препятствующий набору. Изобретают различные предлоги: *пусть отправляются все*,— говорят одни,— *или мы не поедем вовсе. Зачем идти на Вернон с оружием в руках*,— твердят другие,— *не лучше ли явиться туда с пальмовой ветвью и побрататься с нашими братьями в этом департаменте*». Братание с мятежными властями департамента Эр или же всенародное ополчение — вот два рычага, с помощью которых умеренные секции пытались сорвать набор или помешать ему. Чтобы покончить с этими маневрами, Генеральный совет решил 8 июля по предложению Паша провести набор путем жеребьевки среди граждан первой очереди реквизиции [172].

Это решение запоздало. Конечно, патриотические секции немедленно подчинились постановлению от 1 июля. 7-го секция Санкюлотов сообщила Конвенту о своем присоединении к решению секции Монтрей: она также выделит для армии четвертую часть граждан, составляющих вооруженные силы секции [173]. Но много ли было таких исполнительных секций? Документы не позволяют утверждать это. Напротив, они весьма ясно указывают на волнения, вспыхнувшие в целом ряде общих собраний — это были либо обычные беспорядки, облегчаемые отсутствием указаний о порядке проведения набора, либо маневры умеренных, имевшие своей целью братание с федералистами.

6 июля секция Тампля сигнализировала Коммуне о брожении, вызванном в секции набором контингента для отправки в департамент Эр: ей пришлось прибегнуть к суровым мерам против одной из рот [174]. 8 июля Генеральный совет узнал о беспорядках в собраниях секций Друзей отечества, Арси, Арсенала и Сите [175]. Последняя требовала срочной присылки комиссаров; Совет тотчас отправил туда шесть членов Коммуны [176]. Более серьезными были волнения в секции Арсенала. Поставленный об этом в известность 8 июля, Совет послал туда четырех комиссаров, чтобы навести порядок в собрании, а потом еще шестерых, дав им право принять все необходимые меры, вплоть до применения вооруженной силы. Столкнувшись там с противодействием, комиссары разоблачили «агитаторов, которые сбили с пути истинного молодых граждан, упорно требовавших, чтобы выступили все члены секции поголовно» [177]. Беспорядки продолжались и 9 июля. Секция Люксембурга вся пришла в волнение[178]. Эта секция за три дня до того

подала в Конвент адрес с требованием, чтобы все 48 парижских секций поголовно выступили против департамента Эр и чтобы все граждане в возрасте от 16 до 50 лет «находились в состоянии постоянной реквизиции и составили эту вооруженную силу» [179].

Позиция секции Люксембурга проливает свет на тайные расчеты тех, кто предлагал созвать всенародное ополчение, чтобы обуздать департамент Эр: они знали, что такая мера неосуществима. После того как их расчеты были опрокинуты введением 8 июля обязательной жеребьевки, у них осталась только одна возможность — сеять смуту, чтобы помешать набору.

* * *

Более серьезной и более знаменательной для их внутренних убеждений была позиция секций, пославших своих комиссаров для братания с властями Эврё. Три секции — Мольера и Лафонтена, Братства и 1792 года,— не желавшие признавать власть Комитета общественного спасения и Генерального совета, сделали попытку узаконить в самом Париже федералистский мятеж.

Инициатива исходила от секции Мольера и Лафонтена. 7 июля, ссылаясь на постановление Коммуны от 1 июля, указывавшее среди прочих целей *патриотической* экспедиции «братание с добрыми гражданами», полагая к тому же, что «граждане департамента Эр являются их братьями, их друзьями, французами, наконец, и что в качестве таковых они не могут питать замыслов, губительных для свободы», общее собрание решило отправить четырех комиссаров в Эврё, чтобы «побрататься со всеми добрыми гражданами». Они разузнают, существуют ли там скопления вооруженных граждан, каковы их цели и действительно ли департамент Эр, как об этом сообщалось, препятствовал доставке продовольствия для Парижа. Поскольку миссия четырех комиссаров носит чисто *примирительный* характер, они будут всюду появляться с оливковой ветвью в руках в знак своих мирных намерений; они будут предлагать всем республиканцам поцелуй мира и единения [180].

Комиссары, выехавшие из Парижа 8 июля в 10 часов утра, прибыли в Паси в 10 часов вечера; они тотчас же приняли участие в заседании Генерального совета и нотаблей. Им тут же заявили, что вооруженные силы, овладевшие Паси, «поклялись отстаивать Республику единую и неделимую, защищать свободу и равенство, права личности и собственность и объявили войну тиранам и анархистам». Комиссары, «не усмотрев в этой клятве ничего, что могло бы представить опасность для Республики, к тому же она совпадала с чаяниями их доверителей», предложили братский поцелуй, принятый с восторгом. В час ночи 9 июля они выехали в Эврё, прибыли туда в 4 часа и немедленно отправились к департаментским властям, которые заседали непрерывно. Допущенные на заседание в полдень, они после долгой дискуссии были отпущены с миром, ибо в департаменте заявили, что, «судя по разъяснениям, данным комиссарами, можно только приветствовать усердие секции Мольера и Лафонтена». Комиссарам были вручены выдержки из отдельных постановлений мятежных властей, «чтобы познакомить парижан с намерениями граждан департаментов Эр и Кальвадос» и «чтобы открыть им глаза на лживость инсинуаций, распространяемых по их адресу», после чего последовал братский поцелуй. В 4 часа утра 10 июля комиссары выехали обратно в Париж, куда прибыли вечером [181]. Они тут же явились на собрание своей секции.

Парижские власти были извещены об этой федералистской попытке только 11 июля: это обстоятельство бросает свет на странную организацию политического надзора в Париже в те дни. Шометт сообщил Генеральному совету о письме, полученном из окрестностей Эврё, автор которого предупреждал «о сообщничестве злонамеренных лиц Парижа и Эр», а также о братании комиссаров секции Мольера и Лафонтена с мятежниками [182]. 12-го Генеральный совет узнал о протесте гражданского комитета этой секции [183]. В тот же день откликнулся ряд секций, которые секция Мольера и Лафонтена ознакомила вечером 11 июля с документами, врученными ей мятежными властями. Секция Музея одобрила постановление гражданского комитета секции Мольера и Лафонтена; секции Арсенала и Круа-Руж осудили перед Комитетом общественного спасения доклад комиссаров, ездивших в Эр. Секция Прав человека упрекала секцию Мольера и Лафонтена в том, что она послала своих комиссаров, «действуя изолированно от других секций и не предупредив установленные власти», комиссары вели себя как контрреволюционеры, «а их миссия не принесла иных плодов, кроме блевотины, изрыгаемой федералистским чудовищем» [184].

Наконец зашевелился и Комитет общественной безопасности. 12 июля он вызвал к себе комиссаров, ездивших в Эр. Умеренные тотчас же подняли тревогу среди граждан своей секции; *всей массой они явились* в Комитет и *с угрозами* потребовали освободить своих комиссаров. После того как Комитет общественной безопасности дал им понять, что такое выступление неправомерно, была назначена депутация для ведения переговоров с комитетом [185]. В результате был достигнут компромисс. Главари умеренных секции не были подвергнуты репрессиям; несколько позднее общее собрание секции Мольера и Лафонтена пошло на попятный и стало доказывать свою лояльность.

Еще более угрожающий характер носила попытка секции Братства. 7 июля, в тот самый день, когда секция Мольера и Лафонтена делегировала своих комиссаров, секция Братства, «взволнованная тревожными слухами, распространяемыми по поводу враждебных намерений департамента Эр», поручила четырем членам секции «с полным доверием отправиться к своим братьям и убедиться в их истинных намерениях» [186].

О том, как проходила эта миссия, позволяет судить выписка из решений установленных властей департамента Эр: последние объяснили комиссарам причины своего восстания, а именно события 31 мая, и рассказали о своем плане — идти на Париж, чтобы «сбросить иго, под которым стонет большинство обитателей этого великого города» [187]. 9 июля комиссары представили свой доклад общему собранию секции Братства, которое постановило отпечатать его вместе с документами, полученными от властей Эврё: «Нельзя допустить, чтобы от народа скрывались факты, которые ему надлежит знать и оценить» [188]. Их пример увлек секцию 1792 года: 10 июля она назначила двух комиссаров, «чтобы они побратались с гражданами департамента Эр» [189].

Получило ли это дело широкий резонанс в парижских секциях, или надзор установленных властей стал более бдительным? 10 июля секция Братства была разоблачена перед Генеральным советом Коммуны, особенно один из ее комиссаров, Муше, мировой судья секции, «друг Петиона»; в некоторых секциях чтение манифеста уже вызвало брожение в умах и сорвало набор рекрутов. Совет тут же переправил это разоблачение ведомству полиции, «чтобы задушить этот новый очаг контрреволюции»; одновременно он направил всем секциям циркуляр, чтобы предостеречь их «от вероломных инсинуаций, которые пытаются распространить с помощью манифеста мятежники, их корреспонденты в Париже и комиссары, ездившие в департамент Эр» [190].

Началась настоящая проба сил между секцией Братства и парижскими властями. Управление полиции опечатало бумаги Муше, но общее собрание секции 11 июля подтвердило свое вчерашнее решение относительно опубликования отчета комиссаров, побывавших в Эр; оно официально уведомило Коммуну, что берет последних под свою защиту; оно требует, наконец, чтобы печати, наложенные на бумаги Муше, были немедленно сняты [191]. Генеральный совет отменил на следующий день постановление секции Братства и переслал его в Управление полиции «на предмет привлечения к суду Революционного трибунала его авторов и всех подписавших его, как людей, пропагандирующих федералистские принципы» [192]. Собрание секции Братства в этот день столь же упорно настаивало на снятии печатей [193]. 13 июля, узнав о решении Совета от 12-го, секция заявила протест и решила всей массой сопровождать Муше в тот день, когда он должен будет предстать перед Революционным трибуналом [194]. Управление полиции издало постановление о приводе Муше, и секция Братства явилась 15 июля в полном составе в Генеральный совет, окружая Муше плотным кольцом. Его вызвали, заявил председатель, чтобы он ответил Совету на предъявленные ему обвинения. Но тут секция взяла его под защиту, поскольку он действовал только по ее приказу. Надсмеявшись таким образом над авторитетом Коммуны, секция Братства удалилась. Однако сила осталась на стороне закона: к концу заседания Совета было принято решение об аресте Муше [195]. Осуществить это удалось не без труда, ибо «вся секция, которая сопровождала его и окружала», всячески изощрялась, стараясь спасти Муше от инспекторов полиции [196].

В конце концов секция Братства сдалась. Этому способствовала твердая позиция Коммуны, а также изоляция самой секции. 13 июля секция Мольера и Лафонтена заверила Конвент в своей преданности. В тот же день секция 1792 года, которая вначале последовала за секцией Братства, приняла решение об отмене своего постановления от 11 июля (о поездке двух комиссаров в департамент Эр), полагая, что «секция не вправе иметь какие-либо сношения с людьми, не признающими ни Национальный Конвент, ни Конституцию, единодушно принятую указанной секцией» [197]. Таким образом, в своей федералистской оппозиции секция Братства оказалась в одиночестве. Взрыв революционных чувств, вызванный убийством Марата 13 июля, сделал ее изоляцию опасной. 19-го настал ее черед идти с повинной в Генеральный совет, который этим покаянием удовлетворился; о санкциях не было речи [198].

Итак, Коммуна справилась, правда не без труда, с секциями, побратавшимися с мятежниками из департамента Эр и пытавшимися распространять в Париже федералистские принципы. Этим дело и ограничилось. За исключением мер, принятых против Муше, никаких санкций не было применено, настолько слаба была еще революционная власть.

* * *

Если оставить в стороне манифестации единодушия в связи с принятием Конституции, то федералистские беспорядки, вызванные набором контингента для усмирения департамента Эр, свидетельствовали о провале политики, проводимой Горой после 2 июня. Напрасно, рискуя оттолкнуть от себя парижских санкюлотов, она отвергла террор как средство осуществления управляемой экономики. Это ничуть не сблизило ее ни с умеренными, ни с той частью буржуазии, которая во время конфликта Горы с Жирондой сохраняла осторожный нейтралитет. Хотя Конституция и была принята, она оставалась лишь символом, ни одна из серьезных проблем, разрешения которых требовали нужды национальной обороны и защиты революции, не была решена. Положение на фронтах было отчаянное; война велась без надлежащего рвения; производство оружия шло медленными темпами; ни продовольственный, ни финансовый кризис не были разрешены. Модерантизм оставался могущественным даже в самом Париже, обрекая на провал политику правительства. Пассивность монтаньяров способствовала дальнейшему углублению кризиса революции.

Убийство Марата 13 июля показало, что контрреволюция не разоружилась; это вызвало новый подъем народного движения.

ГЛАВА II

НАСТУПЛЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС И КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

(13 июля — конец августа 1793 года)

1. Убийство Марата и его последствия.— 2. Кампания за проведение террора.— 3. Всенародное ополчение.— 4. Продовольственный вопрос: наступление народа и агитация умеренных.— 5. Политическая проблема: народное движение и Комитет общественного спасения.

Провал политики, проводившейся со 2 июня 1793 года, стал очевидным уже с первых дней июля. Тщетно защищал Робеспьер Комитет общественного спасения во время назначения Богарне в военное министерство. 12 июня Лежандр заявил, что комитет начинает изживать себя; 23-го в Якобинском клубе Вадье разоблачил «усыпителей». Особенно резко обрушился на комитет в своей газете «Люблисист» от 4 июля Марат, назвав его «Комитетом общественной погибели» и не переставая с тех пор всячески разоблачать его. 7-го он клеймил его пассивность и «преступную небрежность в деле оказания помощи гарнизону Майнца»*. 8 июля Робеспьер еще выступил в защиту комитета; однако критика принимала все более широкий характер, заговор Диллона окончательно подорвал доверие к комитету; 10 июля 1793 года Конвент обновил состав комитета, удалив из него умеренных монтаньяров.

Новый комитет едва приступил к своим обязанностям, как произошло убийство Марата. Это убийство снова пробудило к нему недоверие. Но если второй Комитет общественного спасения, укрепленный введением в его состав 27 июля Робеспьера, а затем

* Речь идет о первом Комитете общественного спасения, организованном 6 апреля 1793 года, возглавлявшемся фактически Дантоном и проявлявшем после народного восстания 31 мая — 2 июля слабость и колебание. 10 июля 1793 года комитет был переизбран Конвентом. Дантон был устранен. В состав комитета вошли политические друзья Робеспьера — Сен-Жюст и Кутон; 27 июля в комитет вошел Робеспьер.— *Прим. ред.*

14 августа Карно и Приёра из Кот-д'Ор, решил со всей энергией взяться за дело национальной обороны, неотделимой для него от защиты революции, то он не был в такой же мере убежден в необходимости проведения тех мер, на которых настаивали народные вожаки. Управляемая экономика и всенародное ополчение являлись, с точки зрения последних, единственным средством, способным обеспечить оборону. Массовый набор казался комитету химерой; особенно враждебно отнесся он к таксации и управлению экономикой, которой упорно добивались санкюлоты. Комитет испытывал отвращение к террору; наконец, прямая демократия, еще ощупью осуществлявшаяся народными секциями, казалась ему несовместимой с эффективным управлением.

Потребностей национальной обороны было недостаточно, чтобы убедить Гору. Окажется ли движение народа, ожесточенного убийством Друга народа, но еще сдерживаемое оппозицией умеренных, достаточно мощным, чтобы навязать Конвенту и Комитету общественного спасения неугодные им меры?

1. Убийство Марата и его последствия

Убийство Марата, совершенное 13 июля, имело неисчислимые последствия для политического движения в парижских секциях. Смерть этого стража народа, его огромный престиж среди санкюлотов привели, когда несколько улеглась скорбь первых дней, к возникновению народного культа, являющегося одной из характернейших черт умонастроения секций. Особенно обострило это убийство ощущение контрреволюционной опасности, поэтому к жажде мести прибавилось требование принятия мер общественного спасения.

И наконец, когда Друга народа не стало, те, кто в свое время оспаривал у него влияние на санкюлотов, теперь возымели намерение продолжить его дело или заменить его; началось подлинное состязание, все старались извлечь политические выгоды из этой смерти, причем ставкой была маневренная масса, какую представляли собой санкюлоты; состязание это в свою очередь оказало влияние как на революционный порыв масс, так и на политику в целом.

Шло заседание Коммуны, когда явился Анрио с сообщением об убийстве Марата. Эбер, вознеся хвалу *Другу народа*, потребовал оказания ему наивысших почестей; один член Коммуны предложил установить бюст Марата в зале Совета [1]. Меж тем откликнулись и секции, и одной из первых секция Гравилье, предложившая Коммуне заменить намеченное на завтра празднование дня 14 июля днем всенародного траура, а также мобилизовать все вооруженные силы, «дабы предотвратить несчастье, угрожающее Республике» [2].

Секция Общественного договора потребовала «самой ужасной казни» для убийц Марата. Секции выражали свои чувства, являясь в Генеральный совет всей массой или направляя делегации.

14 июля в Конвент явились многочисленные депутации. Секция Пантеона потребовала для Марата почестей, какие родина оказывает великим людям [3]. Секция Общественного договора представила свою петицию от 13 июля. Окидывая взглядом места Горы, оратор секции заметил как раз против барьера портрет Мишеля Лепелетье и, обращаясь к Давиду, воскликнул: «Где ты, Давид? *Возьми в руки кисть, ты должен написать еще одну картину!*» [4] Первые черты подлинного культа Марата вырисовываются уже в то время. Секция Вооруженного человека постановила 15 июля, что ее члены должны надеть траурные повязки; секция Республики требует, чтобы Марата погребли у подножия «алтаря отечества» [5]. Кто будет хранить эти *драгоценные останки*? Секция Французского театра просит передать их ей: с самого начала революции она охраняла жизнь Марата, она спасла его от кинжалов королевского двора, от преследований Лафайета [6]. Настоящее состязание началось между Якобинским клубом и Клубом кордельеров за обладание сердцем Друга народа. Один член Якобинского клуба потребовал 15 июля, чтобы оно хранилось в их обществе, «естественным достоянием которого» оно является. Но Клуб кордельеров, членом которого Марат был до того, как стал якобинцем, уже завладел сердцем Марата; якобинцам не остается ничего иного, как хранить верность его духу [7]. Однако в Коммуне Шометт возражает против притязаний кордельеров на сердце Марата: Друг народа принадлежит всей республике [8]. Наиболее знаменательной была инициатива Клуба кордельеров: 26 июля он известил Конвент о задуманном на ближайшее воскресенье гражданском празднике, цель которого — «воздвигнуть алтарь для нетленного сердца Марата» [9]. Культ Друга народа родился, в дальнейшем он получил еще большее развитие.

Кончина Марата, с другой стороны, возбудила подлинное состязание среди политических деятелей, боровшихся за влияние на народные массы. Кто же станет наследником Друга народа? 13 июля, сообщая об убийстве, Эбер добавил: «Если бы я придавал значение своей особе, я бы рассказал вам, что почти каждый день получаю письма, полные самых страшных угроз» [10]. Это значило, прикрываясь маской ложной скромности, поставить себя почти рядом с Маратом. В № 260 газеты «Пер Дюшен» намек еще более прозрачен: «Моя жизнь не принадлежит мне, она принадлежит моей родине, и я был бы очень счастлив, если бы смерть моя послужила на пользу санкюлотам». И наконец 21-го, на заседании, которое «Журналь де ля Монтань» назвала одним из прекраснейших в истории Якобинского клуба, Эбер уже без колебаний заявляет: «Если нужен наследник Марата, если нужна еще одна жертва аристократии, она готова — это я» [11]. Ставка была велика. Убийство Марата усилило революционный порыв санкюлотов, их натиск на Конвент и на комитеты Конвента все возрастает. Кто извлечет из этого выгоду? Кто унаследует клиентуру газеты «Пюблисист де ля Репюблик франсез»? Газета Марата имела такое политическое влияние, что ни руководители Горы, ни вожаки секций не могли ею пренебрегать. Кроме того, это предприятие сулило и финансовые выгоды, к которым такой человек, как Эбер, не мог остаться равнодушным.

Вопрос был поставлен Шалем 14 июля в Якобинском клубе: общество должно продолжить издание «Ами дю пёпль» («Друга народа») «с завтрашнего же дня, если это возможно»; «это название слишком дорого для нас, чтобы мы могли позволить себе его потерять»; главное, чтобы орган печати Марата не попал в чужие руки, вот почему якобинцы торопятся его приобрести. Когда Лежандр заявил, что продолжать издание газеты Марата бесполезно, какой-то санкюлот схватил его за горло. На следующий день в связи с вопросом о распространении газеты «Журналь де ля Монтань» Шаль вернулся к своему предложению. Якобинцы постановили, что «Марата как общественного деятеля заменит общество литераторов, которые поставят своей целью увековечить его дух, пропагандировать его принципы и его мораль»; о продолжении же издания его газеты речь более не заходила. Робеспьер снова предложил обществу приобрести газету Марата, но его предложение не было поддержано [12].

Между тем якобинцев опередили. 16 июля под № 243, то есть продолжая нумерацию маратовской газеты, вышла «Пюблисист де ля Репюблик франсез, издаваемая тенью Марата, Друга народа» [13]. Забыв о своих распрях с Маратом, Жак Ру счел подходящим похваляться своей дружбой с ним и заявить о своей преданности Горе: «Французы, республиканцы, не покидайте *священную Гору*, этот оплот свободы. Марат *не умер*, он поддержит вас против болотных жаб». 17 июля появляется второе подражание газете Марата — «Пюблисист де ля Репюблик франсез пар л'Ами де Мара л'Ами дю пёпль» [14]. Кто же этот друг Марата? Этого нам не удалось установить. У анонимного автора мы обнаруживаем те же мотивы, которые развивал накануне Жак Ру: «Марат не умер», «Сплотимся вокруг Горы!». Хотел ли он помешать тому, чтобы славой Друга народа воспользовался «бешеный»? Исходила ли эта попытка (вышел всего один номер газеты) от руководящих кругов Коммуны? Вполне возможно, судя по следующему утверждению: «Слова *Гора*, *Паш*, *Шометт*, *Эбер*, *Реаль*, *Анрио* обладают, так сказать, магической силой и должны служить своего рода целительным бальзамом».

Третьим продолжателем дела Марата оказался Леклерк. Поскольку заголовок газеты Марата уже был использован Жаком Ру, он назвал свою газету просто «Ами дю пёпль пар Леклерк» [15]. Какова была его цель? Об этом ясно говорится в первом номере

от 20 июля. Его газета будет следовать «тем же принципам», что и газета Марата. «Народ, я беру на себя священное обязательство говорить тебе правду, как это делал он (*sic!*) всю свою жизнь... Даже если против меня (*sic!*) обратятся кинжалы всех убийц, духовных, титулованных или коронованных, я тоже жажду заслужить славное имя Друга народа. Я сорву маски с предателей, я разоблачу мошенников». Его читателями будут санкюлоты, «этот класс искусных и бедных», которые, конечно, не имеют «тех обширных знаний, какими кичится тщеславный человек», но зато обладают здравым смыслом.

Итак, три человека претендовали на политическое наследие Марата: Эбер, Жак Ру и Леклерк [16]. После смерти Друга народа, который с ними боролся, роль Жака Ру и Леклерка, объявивших себя его последователями, возросла. Не желая отстать, Эбер отказался от своей примиренческой политики, какой он следовал со 2 июня в социальной области; он мечет громы и молнии против торговцев и требует крайних мер. Между народными газетами началось состязание, часто носившее демагогический характер. Это только усилило санкюлотское движение.

2. *Кампания за проведение террора*

В последние недели своей жизни Марат начал энергичную кампанию за изгнание лиц дворянского происхождения со всех гражданских и военных постов. Теперь опасность представляется большей; уже не одни дворяне повинны в кризисе революции. Санкюлоты требуют применения мер общественного спасения и даже террора против всех врагов республики.

На следующий день после смерти Марата разгорелась жажда мести: секция Друзей отечества потребовала ареста подозрительных, а общество Революционеров 10 августа — поставить всех заговорщиков вне закона. «Чего вы ждете?— спрашивали они.— Чтобы нам снова пришлось проливать слезы отчаяния над истерзанными трупами Робеспьера, Дантона, Лежандра и всех верных обитателей Священной Горы?» А «друг санкюлотов», Лебуа, тревожно взывал: пусть *истинная* Гора остерегается! «Пусть изменников, плетущих заговоры в арестных домах, судят немедленно!» Лебуа обращает внимание на «парализованную» часть Конвента: «Большинство ее — и даже всех — следовало бы арестовать, ибо они виновны, можете в этом не сомневаться» [17].

В последние дни июля кампания за принятие исключительных мер была нацелена на смещение дворян с гражданских и военных должностей. В глазах народа наглядным доказательством их измены стало предательство Кюстина, приказ об аресте которого был отдан в ночь с 21 на 22 июля; все граждане, исключая аристократов, замечает 28-го наблюдатель Дюга, обвиняют Кюстина в измене республике [18]. Особенно яростную кампанию против дворян вел Эбер в своей газете «Пер Дюшен» и в Якобинском клубе. 21 июля он произносит длинную обвинительную речь против Кюстина и его сообщников. «Отныне речь идет уже не только о Кюстине, которого надо сместить, изгнать, но о всех дворянах, засевших в наших армиях, в суде, повсюду» [19]. К концу заседания, «одного из прекраснейших в истории нашего общества», по выражению газеты «Журналь де ля Монтань», якобинцы призвали народ потребовать от Конвента смещения с постов всех дворян. После ареста Кюстина Эбер отнюдь не ослабил своей кампании. 24 июля он опять выступил с тем же предложением, и якобинцы решили требовать от Конвента «вместе с народом и именем народа» удаления дворян со всех гражданских и военных должностей [20]. Более значительной по своему резонансу среди санкюлотов была ожесточенная пропаганда на страницах газеты «Пер Дюшен». В № 262 утверждается, что «более 20 тысяч бандитов, бывших дворян, скрываются в Париже и ждут сигнала, чтобы перерезать горло санкюлотам и осуществить контрреволюцию». В следующем номере газета призывает Конвент как можно скорее пустить в расход «усача», генерала Кюстина, «этого главаря разбойников». В № 265 она требует изгнания из армии всех дворян и замены красных каблучков * «добрыми, старыми вояками» [21]. С таким же рвением Жак Ру и Леклерк обрушились на дворян и, пойдя еще дальше, потребовали, чтобы священников также удалили со всех общественных должностей. «Призыв к народу во имя быстрейшего уничтожения дворянской и церковной аристократии» — так озаглавила свою статью «Ами дю пёпль» от 27 июля. Жак Ру, по примеру секционных вожаков, распространил свои обвинения и на лиц, подписавших петиции Восьми тысяч и Двадцати тысяч [22].

Кампания в прессе против офицеров дворянского происхождения и негодование народа тем более усиливаются, что как раз в эти дни объектом неоднократных нападок становится Бушотт **. 25 июля Конвент вновь принял решение о его замене. Потребовалось все красноречие Робеспьера, чтобы Собрание на следующий день отменило свой декрет. 26 июля, выступив в защиту Бушотта у барьера Конвента, кордельеры одновременно потребовали смещения дворян со всех военных постов [23]. Еще более ясный характер носила петиция, представленная на том же заседании обществом Революционеров 10 августа. Надо «вырвать из рук раболепной,

---

* То есть дворян.— *Прим. ред.*

** Жан-Батист Ноэль Бушотт был до революции капитаном. Крупный военный деятель (в 1793 году комендант Камбре), полковник Бушотт, став военным министром (апрель 1793 — март 1794), проводил демократическую политику. Его поддерживал не только Робеспьер, но и Марат.— *Прим. ред.*

продавшейся тирании касты» командование армией. «Пусть нас поведут на врага равные нам, и мы беспрепятственно пойдем вперед, к победе» [24].

* * *

Военные поражения, усугубив тревогу народа, способствовали усилению кампании в пользу террора. Через три дня после убийства Марата в Лионе был обезглавлен Шалье. 17 июля армия Сантера была разбита вандейцами, захватившими 27-го Пон-де-Се. 23 июля капитулировал Майнц, 28-го — Валансьенн. Начались домашние обыски. Анрио счел необходимым успокоить Конвент относительно проводившихся в некоторых секциях операций: «они касаются только людей подозрительных» [25]. Но 28-го в Конвенте объявили о взятии Майнца; Комитет общественного спасения был уполномочен выносить постановления о приводе и аресте [26]; Кюстину было предъявлено обвинение. Санкюлоты не сомневались, что капитуляция Майнца, происшедшая после поражения в Вандее, была результатом измены. Революционное общественное мнение было возмущено. Меры, принятые Конвентом по докладу Барера от 1 августа, который приписал все катастрофы измене, еще больше разожгли страсти. Вандею следует подвергнуть систематическому опустошению; Марию-Антуанетту предать Революционному трибуналу, всех Капетов, за исключением детей Людовика XVI, сослать; гробницы королей в Сен-Дени снести; имущество лиц, находящихся вне закона (бежавших жирондистов), конфисковать [27]. Одобрение этих мер Собранием позволяет судить о ярости парижских санкюлотов.

28 июля секция Мон-Блана приняла решение о розыске подозрительных лиц, о возобновлении домашних обысков и конфискации оружия у тех, «кто недостаточно проявил себя». Пусть создадут в Парижском департаменте отряд тираноубийц, чтобы очистить департамент от всех «бандитов, наводнивших его»; то был неприкрытый призыв возобновить сентябрьскую расправу [28].

28 и 29 июля секционные власти приступили к обыскам и арестам [29]. Грозящая нации опасность, приближение годовщины 10 августа вызвали лихорадочное революционное возбуждение; опасность угрожает повсюду; необходимо обезвредить врагов революции, прежде чем они попытаются нанести удар. Атмосфера в первые дни августа 1793 года после захвата Майнца напоминала ту, что сложилась после падения Вердена и предшествовала сентябрьским дням 1792 года.

Призывы к народному суду рождали опасения, как бы в связи с празднованием годовщины 10 августа не возобновилась сентябрьская расправа. Сходство обстановки давало крайним элементам возможность испытать свои силы. Комитет общественного спасения удвоил предосторожности. Дороги вокруг Парижа охранялись, дилижансы осматривались [30]. Среди делегатов первичных собраний сразу же по их прибытии проводилась агитация. 7 августа они собрались в Епископстве: якобинцы поспешили в тот же вечер предложить им свое гостеприимство. Чтобы успокоить страсти, власти усилили подвоз продовольствия, в соседние департаменты были направлены представители для надзора: Париж на время был обеспечен продуктами питания. 9 августа Конвент принял закон об учреждении государственных зернохранилищ — обещание на будущее. Параллельно проводились и полицейские меры; охрану тюрем усилили, штаб национальной гвардии принял чрезвычайные меры предосторожности [31]. 9-го вечером Анрио мог успокоить якобинцев: завтрашнее торжество не будет омрачено [32].

Особенно горячо выступал в Якобинском клубе и в Конвенте против призывов к террору Робеспьер. 4 августа в клубе он заклеймил планы избиения; 5-го дал резкую отповедь Венсану, изобличавшему «усыпителей»; 7-го он снова говорил о происках, цель которых «привести народ к тюрьмам и повторить ужасы сентября» [33]. 8 августа Симона Эврар, подруга Марата, появилась, несомненно по наущению Робеспьера, у барьера Конвента, чтобы обрушиться на тех, кто узурпировал имя Друга народа [34]. Конвент, вновь открывший 3 августа заставы, закрытые 1-го, принял 5-го декрет против тех, кто распускает слухи о предстоящей в скором времени расправе; 7 августа он постановил, что лица, самозванно присваивающие себе права патрулей, и мужчины, переодевающиеся в женское платье, будут приговариваться к смертной казни [35].

* * *

Празднество 10 августа прошло на редкость спокойно. Угроза новой сентябрьской расправы была отведена. Тем не менее давление санкюлотов не ослабевало: военное положение оставалось критическим, продовольственная проблема не была решена.

12 августа к барьеру Конвента явились делегаты первичных собраний и потребовали ареста подозрительных, чего давно уже добивались санкюлоты. Дантон подхватил и развил эту мысль. В заключение прений был принят декрет об аресте подозрительных [36], но ему недоставало конкретности, так что он остался мертвой буквой. Поэтому в печати и в секциях продолжалась кампания за арест подозрительных и за осуществление террористических мер.

12 августа Жак Ру выдвигает программу репрессий и провозглашает «третье пробуждение свободы» [37]. В тот же день секция Санкюлотов предложила закрыть заставы, бить сбор и дать залп тревоги из пушки, с тем чтобы «все граждане собрались и, узнав друг друга, объединились, дабы затем были везде произведены обыски среди бела дня, а патрули секций могли бы передвигаться по территории других секций» [38]. Тогда же, 12 августа, общее собрание секции Гренельского фонтана узнало о дурных

вестях, полученных из Северной армии; оно тут же потребовало смертной казни «для каждого гражданина, который своими речами или писаниями, своими поступками или поведением попытался бы помешать проявлению доблестной самоотверженности граждан, желающих идти защищать Республику»; каждый гражданин, который будет противиться осуществлению провозглашенных мер общественного спасения, должен быть объявлен подозрительным и арестован как таковой [39]. Инстинктивно санкюлоты стремились внести ясность в понятие «подозрительный» и наметить границы чистки, которая позволила бы им избавиться от всех противников. Секция Горы приняла 14 августа знаменательное в этом смысле решение. Устное признание Конституционного акта не может быть достаточным: добрые граждане должны узнать друг друга и объединиться, «дабы расстроить зловещие замыслы недоброжелателей всех мастей». В соответствии с этим будет открыт список, дабы все граждане, заявившие о своем желании отстаивать Конституцию, поставили в нем свои подписи: отныне только подписавшие его будут назначаться на официальные должности [40].

К середине августа под влиянием народной прессы цели санкюлотов в области общественного спасения получили более четкое выражение. Эбер в № 272 своей газеты возмущался тем, что «откладывают в долгий ящик суд над Бриссо, Кюстином и болотными жабами»; санкюлоты, прибывшие из департаментов, не должны покидать Париж, «прежде чем всем изменникам, которые хотели разжечь гражданскую войну, не снесут головы». На следующий день после декрета 12 августа о принципе всенародного ополчения * после волнующего призыва к оружию какой-то пройдоха задал вопрос: «Что же ты будешь делать, старый болтун, со всеми подозрительными?» И «Пер Дюшен» ответила: «Прежде всего следует очистить Францию от всех изменников, учредить трибуналы во всех общественных местах, дабы судить в них всех мерзавцев, злоумышлявших против отчизны». Эбер дает понятию «подозрительный» не столько политическое, сколько социальное толкование: к подозрительным относятся: скупщики, финансисты, адвокаты, клерки поверенных, приказчики... словом, все те, кто (в различных областях) ответственны за страдания народа и опасность, грозящую республике. 14 августа Жак Ру возмущается в «Публисист» медлительностью Революционного трибунала: «Именно излишняя снисходительность способствует нашей гибели; чем объяснить, каким роковым стечением обстоятельств, что Революционный трибунал до сих пор не удосужился допросить жестокосердную Антуанетту?» Столь же резко критикует пассивность Конвента Леклерк в «Ами дю пёпль» от 14 августа: «Ваши законы

* 12 августа 1793 года Конвент по докладу Комитета общественного спасения принял в принципе решение о всеобщей мобилизации народа, оформленное затем в декрет 23 августа о всенародном ополчении.— *Прим. ред.*

против ажиотажа и скупки не выполняются; дворяне не смещены со своих постов, подозрительные лица преспокойно себе поживают, а враг находится в 32 лье от Парижа». Леклерк начал в этом номере кампанию за создание «революционной армии», о чем одно время подумывали. И каждый номер его газеты заканчивался одним и тем же призывом к революционным действиям: «Неужели вы будете медлить с революционными мерами, пока враг не окажется у ваших ворот?.. Пробудитесь же или вы погибнете, ибо каждый день сна — это смертельный удар для Революции».

Нажим секций на Конвент усиливается. 18 августа многие делегации сменяют друг друга у барьера. Первая из них, от секции Арси, возмущается безнаказанностью преступных депутатов, находящихся в заключении. «Законодатель, изменивший своей отчизне, должен так же взойти на эшафот, как любой другой преступник. На каком основании проводится это различие?» [41] Более точно сформулированы требования секции Май, которая, известив о своем обновлении, предложила лишить политических прав всех дурных граждан, список которых будет составлен революционными комитетами [42]. 20 августа делегаты от первичных собраний и члены Якобинского клуба опять потребовали удаления дворян со всех постов [43].

Предпринимались меры против отдельных людей, но также меры предосторожности против определенной пропаганды. С начала августа стало намечаться движение за ограничение свободы печати. Когда появились анонимные памфлеты, бравшие под защиту Кюстина, один оратор, выступая 7 августа в Якобинском клубе, обрушился на этих бесстыдных журналистов [44]. 18 августа секция Санкюлотов обратила внимание Конвента на журналистов, действующих под «покровом свободы печати», предлагая в заключение арестовать их и ввести проверку всех писем и пакетов, отправляемых по почте или через курьера [45]. Конвент не принял никакого решения, ему претила мысль о введении цензуры и об упразднении свободы печати.

В последние дни августа положение снова обострилось. Несмотря на поддержку делегатов первичных собраний, народным вожакам секций и клубов не удалось заставить Комитет общественного спасения согласиться на принятие чрезвычайных мер, которых уже давно требовал народ. Дворяне не были изгнаны ни из армии, ни с государственной службы. Хотя закон об аресте подозрительных был принят еще 12 августа, эта мера носила чисто формальный характер, ибо случаи применения его не были уточнены. Проволочки с процессом Кюстина и безнаказанность жирондистов глубоко возмущали санкюлотов, уже столкнувшихся с жестокими продовольственными трудностями. Атмосфера накалилась до такой степени, что штаб национальной гвардии удвоил 24 августа число дополнительных постов и увеличил количество патрулей. В приказе Анрио разоблачались те, кто «хочет дезорганизовать общество

и проповедует анархию»[46]. Принятые меры предосторожности, равно как и возбужденный тон печати, еще более усилили тревогу народных масс.

Террор против внутренних врагов представлялся в эти последние дни августа тем более необходимым, что принятое наконец под давлением масс решение о всенародном ополчении могло оголить секции, лишив их наиболее пламенных патриотов.

3. *Всенародное ополчение*

Точно так же, как и в вопросе ареста подозрительных, инициатива народа сыграла определяющую роль и в случае со всеобщим ополчением, заставив Комитет общественного спасения и Конвент осуществить его.

Всенародное ополчение отвечало революционному духу и настроению санкюлотов. Оно было популярно в секциях и клубах, ибо санкюлоты считали, что армия не должна рекрутироваться только из их рядов, как это было при старом порядке: зажиточные и богатые классы, так же как и простой народ, обязаны участвовать в защите отечества. Оно было популярно еще и потому, что, обеспечивая численное превосходство войскам революции, позволяло надеяться на быструю победу над неприятельскими армиями с их ограниченным контингентом; доказательством тому служил Жемапп *.

Идея всеобщего набора родилась в дни июльского кризиса 1793 года, когда республике, рубежи которой уже подверглись нападению, стал угрожать федералистский мятеж. 6 июля, когда набор контингента против мятежников департамента Эр вызвал беспорядки, секция Люксембурга, «принимая во внимание, что родина подвергается нападениям со всех сторон», предложила секциям Парижа *всей массой* выступить против мятежного департамента, «чтобы все граждане без различия в возрасте от 16 до 50 лет находились в состоянии постоянной реквизиции и составили эту вооруженную силу»[47]. Идея была подхвачена как отдельными санкюлотами, так и целыми секциями, а также журналистами, прислушивавшимися к голосу народа. Среди прочих мер общественного спасения, предложенных 7 июля в Якобинском клубе Аристидом Валькуром, обрушившимся сначала на дворян и торговую аристократию, было требование вооружения народа. Валькур призывал не столько даже к всеобщему набору, сколько к поголовному вооружению, что не лишено некоторой логики.

* Сражение в Бельгии 6 ноября 1792 года при Жемаппе между войсками революционной Франции и австрийской армией, закончившееся победой французов.— *Прим. ред.*

Секция Финистера 21 июля уточняет идею всеобщего набора: восемь дней сроку дается внутренним врагам для сдачи оружия; по истечении этого срока все патриоты поднимаются на борьбу. Все мужчины в возрасте от 16 до 45 лет отправятся против мятежников; в возрасте от 45 до 55 лет — будут на страже внутреннего порядка; от 55 до 65 лет — будут охранять собственность; здесь уже чувствуется эпическое дыхание декрета от 23 августа[48].

Во второй половине июля передовые журналисты, всегда чутко прислушивавшиеся к голосу народа, подхватили идею всеобщего набора. Сначала о нем заговорили на страницах газеты Жака Ру. «Вперед, честные санкюлоты, единственная надежда Республики!» — восклицает он 17 июля. 23 июля (быть может, он узнал о решении секции Финистера, принятом за два дня до этого) его призыв становится более настойчивым: «Поднимайтесь все!», «Нужно всем как один отправиться к границе!» Эбер не отстает от него. В № 265 своего печатного органа он пишет: «Все мужчины, способные двигаться и носить оружие, должны быть мобилизованы, и пусть без промедления отправляются туда, где возникнет опасность».

Идея между тем пробивала себе дорогу. 29 июля ее впервые поддержали с трибуны Якобинского клуба. Один из ораторов заявил, что «спасение отечества можно ожидать только в результате широкого революционного движения, осуществленного одновременно во всех концах Республики». Все, независимо от возраста и социального положения, должны быть вооружены. «Поднимемся же как один и обрушимся массой на всех наших врагов без различия. В этом революционном движении может принять участие миллион человек, и тогда родина будет спасена»[49]. Военные неудачи, обостряя чувство опасности, еще более способствовали широкому распространению идеи всеобщего ополчения. Об этом свидетельствуют брошюры. Патриот Мусташ советует своим честным согражданам: «Покиньте ваши очаги, ваших жен и детей!»[50]

Идею, провозглашенную санкюлотами, подхватила и Коммуна. 4 августа Реаль, первый заместитель прокурора, заявил на заседании Генерального совета: «Нам часто говорили: «Поднимемся все как один»; час настал»[51]. Между тем хотя в петиции, представленной 5 августа в Конвент, Коммуна и вернулась к вопросу о поголовном ополчении («этот призыв к нации не должен остаться пустой фразой»), она ограничилась тем, что потребовала применения декрета от 4 мая, разделявшего французов на четыре призывных контингента: «чтобы спасти отечество», достаточно призвать граждан первой очереди, в возрасте от 16 до 25 лет, путем жеребьевки[52]. Знаменательная позиция: установленные власти, отдавая себе отчет в трудностях поголовного ополчения, ограничивают его осуществление. 16 августа Комитет общественного спасения

не сможет предложить ничего иного. Посланцы первичных собраний, которых санкюлоты по-братски приняли в своих секциях и сумели также сагитировать, 7 августа тоже одобрили идею поголовного ополчения, придав ей характер общенационального требования. Руайе, их оратор в Конвенте, потребовал 12 августа, чтобы весь народ поднялся как один [53]. Дантон, развивая далее идею Руайе, предложил, чтобы на делегатов первичных собраний была возложена задача учета оружия и набора людей. Собрание приняло обращение, призывавшее французов содействовать национальной обороне. Подобная формулировка была довольно нечеткой. Комитету общественного спасения было поручено представить декрет о проведении в жизнь этого мероприятия, но Комитет и Конвент не желали пойти дальше; Робеспьер, хотя он всецело поддержал Дантона, проявил сдержанность. Что делать с этой толпой, которую соберет всеобщее ополчение? Чем ее вооружить? Как прокормить? В сентябре 1792 года, как и в марте 1793 года, результаты были весьма плачевными.

Эти чисто формальные меры не удовлетворяли санкюлотов, брожение среди них не утихало. Обсуждение вопроса о всенародном ополчении вызвало в умеренных секциях такие же волнения, как и предыдущие наборы. Так, 12 августа 1793 года на общем собрании секции Бютт-де-Мулен «санкюлоты-монтаньяры этой секции удвоили усилия, чтобы побудить своих сограждан быть готовыми выступить всем поголовно... контрреволюционеры возобновили свои коварные маневры, которые удались им во время последних наборов» [54]. Революционный порыв и национальная оборона, безусловно, являлись двумя аспектами одной и той же классовой политики. Секция Арси, обсуждая 14 августа вопрос об угрожающей родине опасности, потребовала, чтобы жители всех секций Парижа и других больших городов с этой минуты находились в боевой готовности и чтобы четвертая часть граждан во главе с должностными лицами выступила против врага [55]. Агитация секций за всеобщее ополчение была поддержана печатью, особенно газетой «Пер Дюшен». «Поднимемся все,— писал Эбер в № 271,— пусть все граждане, способные двигаться, вооружаются пиками, саблями, вилами, косами, и мы заставим немецких медведей плясать Карманьолу; пусть наши жены и дочери кипятят масло, жгут серу, чтобы обрушить их на солдат-деспотов, осмеливающихся врываться в наши города».

Трудно точно определить, какова была в этом движении доля участия делегатов первичных собраний и какова — секционных деятелей. Вожаки секций выдвигали порой вперед посланцев первичных собраний, чтобы придать своим требованиям общенациональный характер. 12 августа в Конвенте слово взял Руайе, делегат из Шалона-на-Соне, а не парижский санкюлот. Точно так же 16 августа депутация делегатов от первичных собраний совместно с комиссарами секций выразила сожаление, что «такой возвышенный акт, как всеобщий призыв к народу», предложенный 12 августа, превратили в обычный рекрутский набор. Конвент уступил. Комитет общественного спасения, которому было предложено тотчас же представить доклад, поручил это дело Бареру. В декрете провозглашалось, что французский народ должен как один человек подняться на защиту своей независимости. Но никаких точных указаний по поводу практической организации всенародного ополчения еще не было дано. Волнения в секциях не прекращались.

18 августа несколько депутаций парижских секций потребовали принятия конкретных мер для осуществления всеобщего ополчения. Первой была секция Арси, выступившая на основании своего решения от 14 августа [56]. За ней — секция Ломбар: «Мы требуем скорейшей организации этого общенационального движения» [57]. Секция Кенз-Вен потребовала 22 августа, чтобы «две трети всех мужчин Франции отправились к ее границам», а тех, кто откажется выступить, удалили со всех общественных должностей [58].

23 августа Комитет общественного спасения решился наконец разработать по докладу Барера методы проведения всенародного ополчения, одобренного еще 16-го: декрет о всеобщем ополчении был принят в тот же день. Отвечал ли он полностью чаяниям санкюлотов? То, что они понимали под всеобщим ополчением, то есть выступление всего народа в едином порыве энтузиазма к границам, было нереальным. Отсюда и сдержанность Робеспьера, который сам без колебаний взывал при случае к революционному энтузиазму масс, и постепенные уступки Конвента, и намеренные оттяжки Комитета общественного спасения. Если все ресурсы нации будут мобилизованы, если ускоренное производство оружия будет налажено, то, согласно статье VII (которая, однако, начинается с утверждения, что «ополчение будет всеобщим»), будут призваны только холостые мужчины и бездетные вдовцы в возрасте от 18 до 25 лет: это было отнюдь не то всеобщее ополчение, на котором настаивали санкюлоты парижских секций. Но провозглашение принципа («все французы находятся в состоянии постоянной реквизиции для службы в армии»), меры, касающиеся вооружения, символические предписания (батальоны выступят под знаменами, на которых будет начертано «*Французский народ, восставший против тиранов*»), эпический тон декрета показались достаточной уступкой санкюлотам, уже поглощенным новыми заботами.

Активность народных масс заставила Комитет общественного спасения и Конвент пойти на уступки: декрет о всеобщем ополчении был издан, тем самым в национальную оборону вдохнули наконец революционный дух, чего давно уже требовали санкюлоты. Оставалось только приложить все силы, чтобы обеспечить ее успех. Таким образом, политическая и экономическая проблемы неразрывно связывались с проблемой национальной обороны.

4. *Продовольственный вопрос: наступление народа и агитация умеренных*

Убийство Марата вызвало тем большее негодование общественного мнения, что продовольственный кризис сплотил санкюлотов и усилил их боевой дух. Обесценение ассигнатов и соответствующее вздорожание продуктов питания шли быстрыми темпами.

Делоне 9 июля и Фабр д'Эглантин 3 августа указали на зло, причиняемое спекулятивной игрой на понижение, обвинив в ней банкиров и крупные финансовые компании, а также всех тех, кто, стремясь избавиться от ассигнатов, скупали продукты по любой цене и припрятывали большие запасы продовольствия [59]. Уборка и молотьба затянулись до самой зимы, и трудности еще более возросли. Снабжение Парижа продовольствием в продолжение всего августа оставалось необеспеченным.

Как и в конце июня, крайние использовали продовольственный кризис, дороговизну и недостаток продуктов как мощный рычаг, чтобы попытаться поднять народные массы против политики правительства. Жак Ру и Леклерк, а также присоединившийся к ним теперь Эбер искусно связывали политические цели с социальными и экономическими требованиями. Но в деле использования продовольственного кризиса в политических целях народных вожаков опередили элементы, враждебные Горе; умеренные сумели ловко воспользоваться трудностями в снабжении столицы. С середины июля и до конца августа, несмотря на относительное затишье перед 10 августа, велась двойная агитация по продовольственному вопросу, причем действия обеих сторон часто перекрещивались. В то время как народные вожаки начали кампанию за применение репрессий против скупщиков, за таксацию и регламентацию торговли, главари умеренных потребовали оглашения реестров Продовольственной комиссии и права инспекции магазинов. Умеренным удалось увлечь за собой многочисленные общие собрания, настолько непрочной была еще власть народа во многих секциях. Подвергшийся атаке с двух сторон, Комитет общественного спасения, пойдя на некоторые уступки, избежал необходимости высказаться по основной проблеме, а именно по управляемой экономике; к концу августа проблема эта все еще оставалась нерешенной.

* * *

В самый день убийства Марата секции Сент-Антуанского предместья жаловались Генеральному совету на чрезмерную дороговизну продуктов [60]. В последующие дни Совет получил короткую передышку (14 июля секции представили в Конвент адреса с единодушным одобрением Конституции, а 16-го состоялись похороны Марата), но с 18-го секции вновь перешли в наступление. Секция Арси потребовала в тот день, чтобы все булочники были обеспечены необходимым количеством муки в соответствии с числом их клиентов; Генеральный совет ответил на это, что необходимые меры приняты [61]. На следующий день он поручил Управлению полиции наблюдать за скоплением народа у дверей булочных, к концу заседания секция Люксембурга сообщила о своих опасениях [62]. Более определенно они были высказаны 20-го секциями Мезон-Коммюн, опять же Арси, Бон-Консей, Санкюлотов и Обсерватории [63]: булочники вынуждены закрывать свои лавки из-за отсутствия муки. Гарен, администратор по продовольственной части, объяснял недостаток продуктов кознями недоброжелателей; Совет предложил секциям поставить у двери каждой булочной двух часовых и двух гражданских комиссаров, чтобы обеспечить распределение хлеба [64]. 21 июля высказались секция Обсерватории, а затем Ломбар, Братства и Борепера [65]. Шометту не оставалось ничего иного, как подчеркнуть необходимость принятия репрессивного закона против ажиотажа, а Совету — назначить комиссию для изучения причин растущей дороговизны и ходатайствовать об издании закона, который положит ей предел. И, наконец, 26-го поступила петиция от секции Борепера [66]. Объектом давления секций была главным образом Коммуна, ответственная за снабжение продовольствием Парижа, и в гораздо меньшей степени Конвент: в документах упоминается только одна секционная депутация в Конвент, а именно — от секции Кенз-Вен 23 июля [67].

Некоторые секции не ограничились настойчивым ходатайством перед установленными властями: они сами принимали меры, регламентируя распределение хлеба или же ставя под контроль секции его выпечку. Другие, идя еще дальше, предлагали меры общего порядка для торговли всеми продуктами питания.

Секция Мезон-Коммюн ввела 21 июля систему хлебных карточек [68]. На следующий день секция Тюильри взяла под свой контроль лавку одного булочника, бросившего свое предприятие. «Все имущество, инструменты, утварь, необходимые для булочной» и найденные в лавке, были куплены секцией; по ее инициативе был назначен управляющий предприятием, предоставлены необходимые средства, гражданскому комитету поручили наблюдение за его устройством [69]. Таким образом, секция Тюильри, отнюдь не следуя заранее разработанной системе, осуществила опыт муниципализации булочной.

Между тем некоторые секции считали причиной всего (помимо трудностей момента) если и не саму систему производства, то, уж во всяком случае, порядок распределения. Два проекта разрешения продовольственного кризиса, в равной мере показательные, были приняты 13 июля секцией Сплочения и 21-го — секцией Финистера.

Гражданин Дидо из секции Сплочения возлагает ответственность за кризис на богачей и торговцев, которые, не имея никакого доверия к ассигнатам, создают огромные запасы продуктов и спекулируют на повышении цен. «Неравенство состояний допустимо, но землю и все, что она родит, бог создал для всех людей». Речь, следовательно, идет не о контроле над производством, но о регламентации распределения. По предложению Дидо, собрание приняло проект, предусматривающий осмотр всех магазинов и складов и регистрацию товаров; обо всех товарах, приобретенных после этой общей инспекции, должно быть заявлено под страхом конфискации и заключения виновных в их сокрытии на шесть лет в тюрьму. Фермеры, обеспечив потребности семьи и необходимый семенной резерв, должны доставлять на рынок излишки; максимум на зерно будет установлен администрацией дистриктов; скупщиками будут объявлены те, у кого во время всеобщей инспекции обнаружат большие запасы, хотя они не являются торговцами, не держат открытого магазина или не сделали заявления о своих запасах; те, кто владеет магазинами, не имеют права отказывать в продаже товаров ни под каким предлогом; свобода торговли распространяется на все товары, «кроме тех, которые необходимы, чтобы накормить, обуть и одеть человека». И в заключение: «У нас нет недостатка ни в каких запасах, ни в продуктах, ни в товарах, необходимых для жизни, плохо налажен лишь их оборот» [70].

Более систематичен проект секции Финистера, принятый 21 июля, причем он и более показателен с точки зрения отношения народа к свободе торговли и праву собственности. Не следует цепляться, заявляет прежде всего общее собрание, за паллиативные меры, надо искоренить причину, то есть самый принцип экономической свободы. Не то чтобы эта свобода была лишена преимуществ; без нее «ни у кого не будет уверенности в том, что он спокойно пожнет плоды своего труда, своей бережливости, своего уменья, своих бессонных ночей». Но бывают случаи, когда нельзя не считаться и с «другим основным законом нашего общества, дающим право социальному организму присваивать индивидуальную собственность». Абсолютная свобода торговли, благотворная в дни мира, превращается в бедствие в дни кризиса. «Что же мы можем, что должны мы сказать этим собственникам? Пусть остается при вас ваша собственность, движимая и земельная, но предоставьте нам ее плоды, по цене, которая была бы справедливым возмещением за них. Хлеб, например, и другие необходимые продукты, наша одежда являются национальным достоянием, вы же лишь их хранители». В соответствии с этим собрание предложило ввести всеобщую таксацию цен и применить репрессивные меры против скупщиков. Свобода торговли должна быть упразднена на все время войны. «На все виды зерна — пшеницу, рожь и прочие зерновые, на все так называемые продукты первой необходмости, на полотно, сукно и другие ткани, за исключением шелка, на мясо, животные

жиры, кожу, французское вино... будут установлены твердые цены в каждом дистрикте». Все собственники или хранители этих товаров должны заявить о своих запасах, каждый скупщик или монополист будет предан смертной казни. «Особым законом будет установлен порядок снабжения общественных рынков, богачи смогут приобретать там продукты только на определенный срок» [71]. Секция Финистера требовала классового подхода к регламентации торговли. Недостаток продовольствия был столь острым, а натиск санкюлотов настолько сильным, что Конвенту пришлось вскоре уступить в одном вопросе.

Серьезность обстановки, недовольство народа, терпение которого готово было вот-вот лопнуть (20 июля уже произошла стычка на площади Мобер), кампания в печати побудили 20 июля Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности принять меры для снабжения Парижа: важно было «немедленно успокоить умы» [72]. Но монтаньяры по-прежнему враждебно относились к максимуму. 20 июля депутация из Гонеса и Экуэна добивалась распространения максимума на все продукты первой необходимости, но Бийо-Варенн прибег к уловке [73]. Предложенная им панацея предусматривала не таксацию цен, а наказание скупщиков: угроза смертной казни якобы заставит их снизить цены. Конвент, сообразив, в чем тут дело, воспользовался случаем и 26 июля принял по докладу Колло д'Эрбуа декрет о предании смертной казни скупщиков продовольствия [74]. Это было лишь символическое удовлетворение, данное санкюлотам: ~~даже если бы закон~~ против скупщиков соблюдался (а власти проявляли чрезвычайную медлительность в его применении), все равно удалось бы достигнуть только частичных результатов. Суть проблемы заключалась в другом.

Но вскоре обнаружилась вся иллюзорность расчетов Конвента. Натиск народа, требования всеобщей таксации возобновились тотчас же после принятия закона против скупки продуктов; получив поддержку газет Эбера, Леклерка и Жака Ру, это движение еще более оживилось с прибытием в Париж делегатов первичных собраний и приближением празднования 10 августа.

Первая из обязанностей законодателя, говорится в петиции секции Мезон-Коммюн от 27 июля, «заключается в том, чтобы облегчить получение средств к существованию, особенно наименее зажиточному классу». Свобода, бесспорно, великое благо, но она лишь прелюдия к счастью, «у человечества есть и другие потребности, у бедности и другие нужды». Петиция с тревогой обращала внимание на безработицу, которая свирепствует в больших городах и неизбежно возрастет с наступлением холодной и дождливой поры. «Потребности бедняка невелики, но зато их уж никак нельзя сократить и ничего нельзя урезать из того немногого, что ему необходимо... Поэтому мудрые законы, насильственное ограничение безмерной алчности должны обеспечить им средства к существо-

ванию, в которых в силу капризов судьбы им отказано. Средства эти очень просты, они в вашей власти; это работа, это умеренные цены на продукты и на другие предметы первой необходимости». Секция Мезон-Коммюн требовала обеспечения бедняков работой и установления *справедливых и умеренных* цен на продукты и товары первой необходимости, причем «цены эти должны базироваться на минимуме 1790 года» [75].

Ближе к 10 августа волнения в связи с недостатком продовольствия приняли еще более широкий характер, но все еще невозможно определить, в какой мере эти волнения были вызваны происками умеренных и в какой непосредственно голодом. Конвент не мог более уклоняться от разрешения этой проблемы. 31 июля Конвент обсуждал вопрос о максимуме. Робеспьер потребовал отложить прения, обещав представить доклад комитета в течение трех дней [76]. В действительности же Комитет общественного спасения просто не знал, на что решиться. Чтобы избежать таксации цен, к которой и правительство и Собрание по-прежнему относились враждебно, были предложены два решения. 8 августа Шабо посоветовал продавать хлеб по три су за фунт по всей республике, выплачивая булочникам компенсацию за счет дополнительных налогов, то есть за счет богачей [77]. Это означало наступление на имущих; впрочем, вышеуказанная мера ничего не давала Парижу, поскольку его жители и так получали хлеб по три су за фунт. Решение было отложено. Другой выход предложил 5 августа в Якобинском клубе и 6-го в Конвенте Леонар Бурдон [78]. В каждом дистрикте будет создано государственное зернохранилище; оно будет пополняться путем реквизиций и за счет поступлений от выплаты земельного налога натурой. Внешняя торговля зерном, как экспорт, так и импорт, станет монополией государства. Комитет общественного спасения принял этот план, отвергнув, однако, не только обязательное взимание налога натурой, но и национализацию внешней торговли и реквизицию, что в достаточной мере свидетельствует о его враждебном отношении к управляемой экономике. 9 августа был принят декрет об организации государственных зернохранилищ [79]. Уступка народным требованиям, не принесшая никакого облегчения; закупка хлеба дистриктами не способна была устранить дороговизны, зернохранилища же могли принести некоторую пользу лишь много месяцев спустя.

Подготовка к празднествам 10 августа, меры, принятые по этому случаю для улучшения снабжения Парижа, ненадолго успокоили волнения народа, связанные с недостатком продовольствия. Но как и после принятия закона против скупки, проблема все равно оставалась нерешенной. Леклерк напомнил об этом в «Ами дю пёпль», выступив с генеральным планом ее решения [80]. Как только праздничное настроение рассеялось, продовольственный вопрос, вставший с еще большей остротой, вновь привел в движение массы санкюлотов.

* * *

И действительно, после затишья в связи с празднованием 10 августа вновь возобновилось движение за введение всеобщего максимума и за коренное решение продовольственной проблемы в целом.

Планов становилось все больше. Ксавье Одуен предложил 11 августа в Якобинском клубе меры, отвечавшие идеям санкюлотов в области управляемой экономики: объявить все зерновые запасы национальным достоянием, булочные муниципализировать, а распределение хлеба взять под контроль [81]. Ксавье Одуен пошел дальше, чем Леклерк, который 10 августа поставил вопрос только о национализации торговли зерном. Эбер в № 271 своей газеты «Пер Дюшен» тоже ограничился предложенной Леклерком мерой [82]. 14 августа в своей газете «Ами дю пёпль» Леклерк вновь требует, чтобы все зерно и предметы потребления приобретались республикой «при условии выплаты земледельцам справедливого вознаграждения, цены пота и труда, затраченных на их производство».

Якобинцы, выражая мнение людей, стоящих у власти, надеялись успокоить волнения народа отдельными уступками. 18 августа Шабо вновь потребовал снижения цены на хлеб до 3 су за фунт по всей республике. Симон настаивал на необходимости всеобщей таксации в целях общего равновесия цен, но к его голосу не прислушались [83]. На следующий день якобинцы приняли петицию [84], которую они представили 20 августа в Конвент; их поддержали делегаты первичных собраний. Подчеркивая несоответствие между непомерно высокими ценами и обилием урожая, они поддержали проект Шабо, не представлявший интереса для парижан, и удовольствовались тем, что предложили «универсальную меру, которая сделает необходимые продукты доступными для санкюлотов» [85]: якобинцы не осмеливались требовать всеобщей таксации цен. Однако, несмотря на умеренность, якобинцам не удалось преодолеть сопротивления Конвента, не желавшего вторгаться в экономическую сферу путем издания законов: петиция была отослана в Комитет земледелия и в Военный комитет.

Народное движение в связи с продовольственными трудностями имело своей целью не только таксацию цен, оно добивалось также выполнения закона против скупки, который фактически не применялся. 12 августа депутация от секции Борепера потребовала от Генерального совета выполнения закона: была разработана соответствующая инструкция [86]. 13-го секция Гравилье вернулась к этому вопросу: секции все еще не выделили своих комиссаров по борьбе со спекуляцией [87]. Следует ли усматривать в этом демарше влияние Жака Ру, чья газета вела кампанию за осуществление закона? Генеральный совет ничего не ответил. Наконец муниципалитет откликнулся: 16 августа муниципальные власти предложили секциям избрать своих комиссаров [88]. Многие, уже назначенные от-

дельными секциями, тотчас же принесли присягу Генеральному совету, другие сделали это на следующий день и 18 августа [89]. Когда выдвижение комиссаров было закончено, они договорились о том, чтобы действовать согласованно, применяя одни и те же методы. В результате этого обсуждения 20 августа была составлена петиция, поданная через два дня в Конвент. В ней запрашивались инструкции «во избежание каких бы то ни было действий, противоречащих духу закона» [90]. Составители петиции требовали также разъяснений относительно статьи V закона, касающейся декларации о запасах, запрещения всем частным лицам создавать у себя запасы продовольствия первой необходимости более чем на три месяца и снабжения комиссаров отличительными знаками [91]. Петиция была отправлена в Комитет земледелия, на том дело и кончилось. Жаку Ру представился прекрасный повод вновь негодовать в своей газете (24 августа) по поводу невыполнения закона: «Ни одна из декретированных спасительных мер против ажиотажа и скупки не проводится в жизнь. Хотите знать, почему? Дело в том, что администрацию возглавляют бывшие прокуроры, нотариусы и адвокаты, следовательно, люди, у которых есть причины ненавидеть народ Революции; дело в том, что во главе администрации стоят торговцы, лавочники, лжепатриоты, ненавидящие республиканский строй».

Точнее говоря, Комитет общественного спасения и Конвент, несмотря на давление народа, противились применению крайних мер в сфере экономики: эти меры были бы покушением на право собственности, как его по крайней мере понимали имущие классы и как они определили его в 1789 году. Сопротивление правительства еще более усилило движение за применение террористических мер, которое и без того приняло широкий характер после убийства Марата, трагически подчеркнувшего угрозу контрреволюции.

5. *Политическая проблема: народное движение и Комитет общественного спасения*

Проблема взаимоотношений между народным движением и Революционным правительством в период его формирования возникла с первых дней августа. Комитет, созданный в целях общественного спасения, хотел, чтобы все ему повиновались, между тем санкюлоты считали, что решающий голос должен принадлежать им или с ними по крайней мере должны советоваться. Но соответствовала ли прямая демократия интересам эффективной национальной обороны и защиты революции? Народные вожаки секций и клубов при поддержке Клуба кордельеров в конце концов убедили якобинцев; к тому же благодаря помощи комиссаров первичных собраний.

выступавших от имени патриотических сил департаментов, им удалось увлечь за собой парижских санкюлотов, они заставили провести всеобщее ополчение, требовали применения террора и введения максимума. Но Комитет общественного спасения желал быть единственным судьей своей политики и использовать меры, навязанные ему народным движением, для укрепления государства.

Терпимый Конвентом, который примирился с ним, как примирился со 2 июня, Комитет должен был заставить и санкюлотов признать себя.

Основное противоречие между двумя политическими направлениями дополнялось личным соперничеством и честолюбивыми устремлениями. Если Жак Ру и Леклерк как будто преследовали бескорыстные цели, то этого никак нельзя сказать об Эбере или Венсане. Требование введения в силу Конституции, а затем организации исполнительной власти стали главными козырями в борьбе народных вожаков против Комитета общественного спасения (в ту пору еще не окрепшего и пользовавшегося слабой поддержкой в Конвенте); в конечном счете его основной маневр заключался в том, чтобы держать в руках Собрание под страхом народного выступления и сдерживать народное движение именем Собрания. В этой политической игре, осложняемой тревогой за судьбу родины, задачами обороны, материальными лишениями санкюлотов, нельзя недооценивать роль темперамента отдельных личностей; но как определить точно, что проистекает от честолюбия, скажем, Эбера или необузданности Венсана?

Скрытые политические противоречия между правительственными властями и народным движением, обострившиеся в результате заговора аристократов и продовольственного кризиса, ясно обнаружили себя в связи с предложением, внесенным Дантоном 1 августа 1793 года, — о преобразовании Комитета общественного спасения во временное правительство. Предложение Дантона было отвергнуто на следующий же день. Робеспьер выступил против него, несомненно, потому, что считал его преждевременным: празднование 10 августа еще не состоялось и не время было потрясать всю организацию власти [92]. Тем не менее в результате предложения Дантона нападки на Комитет общественного спасения возобновились. «Если и есть мероприятие опасное, политически неверное, пагубное,— писал Леклерк 4 августа [93],— то это бесспорно то, что было предложено Национальному Конвенту, а именно преобразовать Комитет общественного спасения в правительство... В сосредоточении такой огромной власти в руках Комитета общественного спасения я вижу лишь чудовищную диктатуру; а в членах, которые составят комитет, если эта мера будет принята, я вижу лишь сонм диктаторов, председатель которого может стать Аппием». И заканчивает: «Это Капет с девятью головами, которого хотят посадить на место прежнего». 5 августа в Якобинском клубе с аналогичными нападками выступил Венсан — предложение Дан-

тона является посягательством на суверенитет народа и противоречит Конституции [94].

Эти ожесточенные нападки вызвали немедленный отпор со стороны Робеспьера, вошедшего 27 июля в состав Комитета общественного спасения. Будучи ловким политиком, он оставляет в покое Венсана, зная, что у того сильные позиции в военном министерстве, но слабые связи с санкюлотами, и обрушивается на Жака Ру и Леклерка, противников куда более опасных благодаря влиянию их газет в секциях; к тому же их систематические атаки на политику правительства грозили увлечь санкюлотов. Робеспьер жалуется на новых людей, на новоявленных патриотов, которые стараются очернить в глазах народа его самых старых друзей; клевещут на Дантона, которому никто не вправе бросить ни малейшего упрека. «Два человека, подкупленных врагами народа, два человека, которых разоблачил еще Марат, стали, вернее воображают, что стали, наследниками этого писателя-патриота». Робеспьер обвиняет Жака Ру в том, что он нападал на торговцев и хотел заставить отвергнуть Конституцию; что касается Леклерка, то это интриган, один из бывших. Эти люди расточают похвалы Марату, «чтобы с тем большей яростью обрушиться на живых патриотов» [95].

Леклерк ответил ему 8 августа в «Ами дю пёпль», разоблачив «систему клеветы, направленную против истинных друзей свободы» [96]; новые люди кажутся чересчур пылкими «только потому, что старые уже выдохлись». В следующем номере он бросает Робеспьеру вызов, заявляя, что он не сумеет доказать свои обвинения. Что касается Жака Ру, то он даже не удостоил Робеспьера ответом и лишь с еще большим ожесточением продолжал свою кампанию против ажиотажа и скупщиков. Чтобы погубить Жака Ру и Леклерка в общественном мнении, был подготовлен тайный маневр. Уже 7 августа Робеспьер намекнул в Якобинском клубе, что «враги народа никогда еще не прибегали к более ловким маневрам, чтобы погубить отечество, приписывая наиболее пламенным друзьям свободы свои собственные преступления» [97]; этим он хотел разоблачить агитаторов, прикрывающихся славным именем Друга народа. Маска с них была сорвана 8 августа у барьера Конвента Симоной Эврар, «вдовой Марата»; она возмущалась «гнусными писаками», которые присвоили имя Друга народа, но извращают его принципы и проповедуют сумасбродные идеи. «Особенно я предостерегаю вас от двух человек — Жака Ру и некоего Леклерка, претендующих на то, что они являются продолжателями издания его патриотических газет и говорят, как тень Марата; и все это только для того, чтобы оскорблять его память и обманывать народ». Установление авторства, полагаю, излишне! Симона Эврар лишь повторяла обвинения, уже изложенные Робеспьером 7 августа в Якобинском клубе: атаки на правительство, планы повторения сентябрьских дней, приуроченного к 10 августа, желчные нападки на «кровопийц народа» [98]. Робеспьер, вдохновитель выступления Симоны Эврар

и, без сомнения, редактор ее петиции, немедленно потребовал, чтобы Комитет общественной безопасности расследовал поведение двух «продажных писак», ныне разоблаченных. Конвент принял это предложение, и над Жаком Ру и Леклерком нависла угроза преследований.

Инсценировка 8 августа заставила их на несколько дней приостановить свои нападки на Конвент и Комитет общественного спасения. Но неожиданно они получили подкрепление в лице Эбера. До июля «Пер Дюшен» энергично поддерживала правительственные органы и разоблачала агитацию Жака Ру. Но побуждаемый честолюбием и желанием сохранить свое влияние среди народных масс, которого он мог лишиться ввиду успеха соперничающих газет, Эбер изменил тактику и переключился на тематику своих конкурентов. Вместе с ними он требует ареста подозрительных; вместе с ними изобличает «усыпителей» Конвента, новоявленных бриссотинцев, имея в виду Дантона и его приверженцев; вместе с ними он восстает против любого проекта амнистии. В № 269 своей газеты, незадолго до 10 августа, он даже превзошел своих соперников, открыто выступив против политики правительства: «Прежде всего необходимо засадить в тюрьму подозрительных, изгнать из наших армий всех дворян и интриганов; затем надо обновить Конвент, составив его на сей раз из истинных республиканцев; но в первую очередь необходимо организовать исполнительную власть и не сосредоточивать всю полноту власти в одних руках. Контрреволюция свершится не далее как через месяц, если оставить Комитет общественного спасения в том виде, как он организован сегодня. Министры — это всего лишь служащие, не несущие никакой ответственности, поскольку они вынуждены брести в потемках и рабски подчиняться приказам Комитета». Обновить состав Конвента, организовать исполнительную власть — это означало провести в жизнь Конституцию, только что принятую первичными собраниями. С другой стороны, это означало дать честолюбцам некоторую надежду на депутатский мандат или на министерское кресло; это означало наверняка создать новый повод для агитации, которым Жак Ру и Леклерк не преминули бы воспользоваться в свою очередь. Один ли Эбер несет за это ответственность? Венсан, как и Жак Ру и Леклерк, уже разоблачал Комитет общественного спасения, когда встал вопрос о реорганизации его в правительственный комитет. В народе также существовала некоторая неприязнь к министрам; об этом свидетельствует памфлет, появившийся около 10 августа и требовавший, чтобы министры отчитывались в своих действиях [99]. Но никогда еще политические цели, которые народная пресса ставила перед санкюлотами, не получали такого четкого определения.

Маневр этот был тем более опасен, что он встретил поддержку тех, кого в скором времени прозвали «снисходительными». 11 августа Делакруа заметил, что теперь, когда Конституция провозглашена, миссия Конвента исчерпана и он мог бы разойтись, если бы

только новые выборы не требовали некоторых приготовлений. Уже раздаются голоса, сказал он, обвиняющие Конвент в том, что он хочет стать постоянным органом [100]. Однако Робеспьер и Комитет общественного спасения хотели, чтобы правительство оставалось революционным до заключения мира, а вступление в силу Конституции было отсрочено: Конвент, очищенный 2 июня и согласившийся доверить управление Комитету, должен продолжать действовать.

Ответ не заставил себя ждать. Уже 8 августа Леонар Бурдон выступил в Якобинском клубе против людей, «осмелившихся заявить Конвенту: если вы хотите доказать нам, что у вас чистые помыслы, убирайтесь вон» [101]. 11 августа Робеспьер заявил, что это коварное предложение имеет своей целью заменить членов Конвента, прошедших чистку, агентами Питта и Кобурга [102]. Еще до 10 августа Руайе, комиссар из Шалона-на-Соне, уже высказался против немедленного вступления в силу Конституции. 11 августа делегаты первичных собраний вручили Конвенту *священный* акт, который был положен в кедровый *ковчег* [103]. И уже не было речи о том, чтобы изъять его оттуда, хотя о временной отсрочке проведения в жизнь Конституции недвусмысленно заявили только 10 октября.

Решительный отпор Робеспьера не мог не оказать влияния на санкюлотов. Общее собрание секции Гренельского фонтана 12 августа по инициативе Осселена заранее высказало осуждение всякому, «кто вследствие своих преступных происков или замыслов отвращал бы граждан от соблюдения декретов Национального Конвента, которые мы поклялись выполнять» [104]. В тот же день Центральный комитет народных обществ и Общество друзей конституции призвали к повиновению общественным властям [105]. Правительственная печать поддерживала эту кампанию.

* * *

Потерпев поражение в этом вопросе, оппозиция изменила направление своей атаки и начала кампанию за организацию исполнительной власти в соответствии с Конституцией. 14 августа в связи с одним незаконным арестом Жак Ру обрушился со страстными нападками на Комитет общественного спасения [106]. «Свобода скоро будет уничтожена, если один человек присвоил себе право подвергать заключению другого; если один комитет сосредоточил в своих руках столько полномочий, если он превратился в центральный комитет, в правительство, если в его распоряжение предоставили 50 миллионов». В тот же день Леклерк жалуется в «Ами дю пёпль» «на гонения со стороны нетерпимых, на обыски, производимые их альгвазилами», и резко критикует действия правительства: «Враг в 32 лье от Парижа, а вы не принимаете тех решительных мер, кои подобают человеку, который ничего так не страшится, как потерять свободу». Жак Ру и Леклерк не были связаны между собой, как это утверждал Робеспьер в своем

резком выступлении 5 августа, их деятельность развивалась параллельно. К середине августа они бросили против политики правительства две политические силы, которыми располагали: Леклерк —«Общество революционных республиканок», а Жак Ру — своих приверженцев из секции Гравилье.

«Общество революционных республиканок», помимо агитации за учреждение культа Марата, мало чем проявило себя до середины августа 1793 года. 15 августа гражданка Леон, явившаяся во главе депутации, внесла ходатайство об аффилиации (присоединении) их общества Якобинским клубом и о переписке с ним [107]. Вторая депутация явилась 18 августа: гражданка Лакомб заявила, что отныне Общество революционных республиканок» будет заниматься, как и якобинцы, делом общественного спасения [108]. Якобинцы не ведали еще, что за спиной гражданок Леон и Лакомб действует Леклерк. 21 августа, предостерегая об опасности «идолопоклонства», он обрушивается, не называя имени, на Робеспьера: «Кое-кто из наших общественных деятелей стали маленькими тиранами, они хотели бы, чтобы перед ними пресмыкались... За время революции можно насчитать семь-восемь главных идолов, и все они предали интересы народа, который курил им фимиам» [109]. Леклерк, как и санкюлоты, враждебно относился к представительному режиму, он склонялся к системе прямой демократии: народ, выражающий свою волю через представителей, не свободен, ибо волю нельзя представлять, должностные лица—только уполномоченные народа. Он оказывал давление на Конвент, постоянно угрожая ему надзором санкюлотов и вмешательством народа: угроза эта действовала парализующе, и Комитет общественного спасения не мог допустить, чтобы она долго висела над ним висела, иначе его усилия были бы обречены на провал.

Пока Леклерк подготавливал появление революционных республиканок на политической арене и угрожал правительственным властям выступлением народа, Жак Ру действовал в секции Гравилье, захватывая руководящие посты. В этой секции, населенной ремесленниками и мелкими лавочниками, у него было много приверженцев. Но после волнений в конце июня бюро и комитеты секции ускользнули из его рук и оказались во власти друзей члена Конвента Леонара Бурдона. 18 августа сторонники Жака Ру произвели в секции подлинную революцию [110]. Они подняли настоящую бурю на общем собрании, потребовав ареста нескольких комиссаров, которые скомпрометировали себя продажей движимого имущества церкви Сент-Элизабет, объявленной национальной собственностью [111]. Председатель из числа сторонников Леонара Бурдона отказался поставить на голосование это предложение. С девяти часов утра и до самой полуночи возбуждение непрерывно нарастало. Жаку Ру и его приверженцам удается вырвать желаемое решение: секретарь отказывается его подписать и выдать на руки выписку. Около полуночи председатель закрывает заседание и покидает помещение вместе с вице-председателем и секретарем. Согласно общепринятой проце-

дуре, противная сторона остается заседать; старейший член секции занимает председательское кресло и собрание без голосования, просто путем выкриков с мест выбирает Жака Ру председателем, после чего общее собрание принимает решение об аресте комиссаров, «основываясь на фактах хищения национального имущества». Новый секретарь опять-таки отказывается поставить подпись под выпиской из протокола, следовательно, нельзя приступить к арестам. 19-го вечером общее собрание утвердило Жака Ру на посту председателя. Не увлечет ли этот пример другие секции?

Ответ последовал без промедления. 21 августа Эбер, который весьма опасался, что успех Жака Ру подорвет влияние его газеты, жестоко обрушился на него в Якобинском клубе в большой программной речи, произнесенной им в тот день [112]. Жак Ру, «этот гнусный поп, который, как говорят, пользуется большим влиянием в секции Гравилье», навязал ей проект адреса, направленного на подрыв установленных властей. Но секция заметила ловушку: «Она аннулировала свое решение и, конечно, первая изобличит злодея, который ввел ее в заблуждение». На следующий день, 22 августа, в Коммуну явилась депутация от гражданского и революционного комитетов секции Гравилье во главе с Трюшоном, противником Жака Ру [113]. Трюшон обвинил Жака Ру в том, что он сверг «в интересах сколоченной им себе партии» установленные власти секции, ныне совершенно дезорганизованной. Совет передал дело в Управление полиции и назначил 6 комиссаров, чтобы восстановить порядок в секции. После того как Эбер возобновил свои злобные нападки на Ру, Фруадюр, из Управления полиции, объявил о его аресте [114].

Общее собрание секции Гравилье, узнав об этом, в тот же день направило комиссаров, чтобы выяснить мотивы этого ареста, но те ничего не добились [115]. Престиж Жака Ру был настолько велик, что 26 августа депутация от секции Гравилье, заявив, что она честно соблюдает законы и что Жак Ру не лишился ее уважения и доверия, потребовала его освобождения [116].

Несмотря на все свои усилия, несмотря на три допроса 23, 24 и 27 августа, несмотря на многочисленные свидетельства и доносы, полицейские власти вынуждены были признать несостоятельность возведенных на Жака Ру обвинений. 27 августа он был передан суду уголовной полиции, но тут же выпущен на свободу под поручительство «двух известных местных граждан» — токаря по дереву и сапожника [117]: неопровержимое доказательство того, как были привязаны к Жаку Ру эти простые люди, лавочники и ремесленники, в интересах которых он действовал, не всегда, правда, умело, но, бесспорно, искренне.

Между тем Жак Ру перешел в контратаку. 24 августа он поместил в своей газете «Люблисист» запоздалый «Ответ Друга народа мнимой (*sic*) вдове Марата». Отвергнув обвинения Марата, изложенные последним в газете за 4 июля [118], ответив затем «вдове Эврар», Жак Ру перенес спор на надлежащую почву: «В чем мое преступление? В том, что я требовал смертной казни для скупщиков; что я обратился [в Конвент] с адресом, содержавшим жестокие истины, как будто право петиции состоит только в праве льстить законодателям». Жак Ру может гордиться поддержкой народа. «Утешает меня в конце концов то, что я любим истинными санкюлотами»,— утверждение, которое не было опровергнуто ни одним документом, даже наоборот. 24 августа Жак Ру возвращается к причинам своего ареста: его поносят у якобинцев и кордельеров за то, что он разоблачал мошенников и спекулянтов, а также «спесивых представителей народа, уничтоживших королевскую власть только для того, чтобы захватить в свои руки бразды правления». Его упрекают в излишней горячности. Но горячность эта оправдывается опасностями, грозящими отчизне, и его любовью к ней. Таким образом, Жак Ру, которого некоторые, в частности Эбер, уже сбросили со счетов, продолжал участвовать в наступлении на правительственные власти, принявшем в конце августа 1793 года столь широкий характер.

В самом деле Эбер возобновил свою кампанию. Прикрываясь великим именем Марата, он в № 275 «Пер Дюшен» усматривает изменников и среди монтаньяров, новых государственных деятелей. Разделавшись с Дантоном, «Пер Дюшен» сетует на положение в республике: «Монтаньяры, как только комитеты захватят всю власть, у вас не будет никакого правительства... Наша Конституция навсегда останется только химерой, поскольку министры будут всего лишь мальчиками на побегушках у последних подметальщиков Конвента... Необходимо в кратчайший срок создать правительство, какое предусмотрено Конституцией... Свободе конец, если вся власть доверена неприкосновенным особам». В Якобинском клубе Эбер замаскировал свои нападки на политику правительства диатрибой по адресу Жака Ру. Его речь 21 августа преследовала двоякую цель: отделаться от опасного конкурента и покрасоваться перед санкюлотами программой, под которой не отказался бы подписаться сам Жак Ру. Заклеймив нерадивость Революционного трибунала, Эбер предложил программу из четырех пунктов: «Потребовать от Конвента наказания изменников, создать в каждом городе Революционный трибунал, придав ему гильотины, прислать в Париж из департаментов столько патриотов, скольких всеобщее ополчение лишит его, и, наконец, организовать исполнительную власть» [119]. Последний пункт, по мнению Эбера, был наиболее важен. В № 269, незадолго до 10 августа, газета «Пер Дюшен» уже требовала организации исполнительной власти [120]: это было простым предупреждением по адресу правительственных органов. Эту тему подхватили Жак Ру и Леклерк, сам же Эбер возвратился к ней только 21 августа, в своей речи в Якобинском клубе. Накануне в Конвенте происходило поименное голосование в связи с выборами нового министра внутренних дел: из 282 голосовавших 118 отдали свои голоса Паре, секретарю временного Исполнительного совета, который и был избран; одним из его конкурентов на эту должность был Эбер [121].

Раздосадованный своей неудачей, Эбер на следующий же день после своего поражения возобновил кампанию за организацию исполнительной власти. Он попытался скрыть от читателей свое разочарование и с улыбкой принять неудачу: об этом свидетельствует веселый тон № 278 его газеты. Но нападая на Паре, Эбер метил в того, кто стоял за ним,— в его покровителя Дантона, причем он не упускает случая вспомнить в связи с этим имя Дюмурье, а ругая Дантона, он обличает и правительственные органы. Было ли это местью уязвленного честолюбия? Или же Эбер надеялся увлечь санкюлотов и заставить Комитет общественного спасения и Конвент уступить? Этими двумя причинами и объясняется его натиск после 20 августа.

И вновь 23 августа в Якобинском клубе Робеспьер решительно встает на защиту политики правительства. Распустить Конвент? «Но законодательный орган, который займет его место, будет наверняка состоять из двух партий. Те самые люди, которых с таким трудом изгнали из Конвента, в новом органе обретут такую силу, как никогда прежде, а повторение 31 мая может и не спасти второй раз Республику». Что касается министерства, то «оно сейчас составлено таким образом, что его невозможно заменить, не причинив стране ущерба» [122]. Его твердость произвела сильное впечатление на секции. Указание на это мы находим в обращении обновленной секции Май, призывавшей Конвент 25 августа выполнять свои функции до заключения мира и требовавшей отсрочить организацию Исполнительного совета в соответствии с Конституцией на то же время [123]. Тем не менее положение Комитета общественного спасения оставалось шатким.

* * *

К концу августа ни одна из крупных животрепещущих проблем не была решена. Политическая проблема оставалась открытой; хотя Комитет общественного спасения и отбил нападки своих противников, правительство было еще далеко не организовано и не стабилизировано. Дело национальной обороны было улучшено под давлением народных масс, которому вновь уступили Конвент и Комитет общественного спасения; но ведь надо было еще прокормить, экипировать и вооружить людей, пришедших во всеобщее ополчение. Несмотря на пылкую кампанию за введение террора, защита дела революции не была систематизирована, репрессии не носили организованного характера. Но главное, не была решена экономическая и социальная проблема; не было предпринято никакой серьезной попытки разрешить тревожный продовольственный вопрос. Закон против скупщиков, как и закон о государственных зернохранилищах, были лишь иллюзорным облегчением. Конвент, как и Комитет общественного спасения, все еще упорно отказывался от таксации и регламентации, от которых, однако, зависела судьба ассигнатов, единственного финансового средства революции. Как долго смогут правительство и Собрание сопротивляться народному натиску?

ГЛАВА III

ДВИЖЕНИЕ 4—5 СЕНТЯБРЯ 1793 ГОДА

1. Кризис.— 2. Выступление

В последние дни августа в связи с дальнейшим обострением продовольственного кризиса натиск народа все возрастал. В это же время в умах секционных вожаков созрела мысль о необходимости нового выступления, которое бы наконец навязало правительственным властям волю народа.

1. Кризис

Агитация умеренных продолжалась. Потерпев поражение в вопросе продовольственного снабжения, они нашли новый повод для агитации в методах проведения всеобщего ополчения, встретившего столь же сильное противодействие, как и набор 300 тысяч человек. Холостые возражали против освобождения женатых; вопрос о специальных льготах (как-то: обозные части и военное снабжение) вызывал большое недовольство. 1 сентября секция Арси потребовала, чтобы бездетные вдовцы, холостяки моложе 54 лет и граждане, вступившие в брак после 31 мая, подлежали реквизиции [1]. 5 сентября в Конвент была подана петиция молодых людей против всеобщего ополчения; на следующий день во многих секциях пробили сбор, чтобы призвать граждан подписать эту петицию [2].

В общих собраниях умеренные отнюдь не сложили оружия. Хотя секция Бютт-де-Мулен, один из бастионов модерантизма, была обновлена 12-го, а секция Май — 14 августа, умеренные попыта-

лись 24 августа восстановить свое положение в первой из этих секций и внесли беспорядок в общее собрание секции Общественного договора. Санкюлоты секции Бон-Консей вынуждены были отправиться в полном составе в эти две секции, чтобы восстановить там порядок, но это привело на следующий день к наступлению умеренных на собрание секции Бон-Консей [3]. 31 августа Комитет общественной безопасности распорядился произвести в секции Круа-Руж восемь арестов, чтобы обеспечить спокойную деятельность общего собрания этой секции и защитить патриотов [4].

Умеренные развернули свою агитацию не только в секциях, но и в прессе и в театре. Постановка пьесы Франсуа-де-Нёфшато «Памела» вызвала настоящую бурю. Комитет общественного спасения вынужден был 29 августа запретить ее. Атмосфера была еще насыщена заговорами и изменами. Полицейский чиновник Мишуи был арестован за то, что провел барона де Батца в тюрьму Тампль к королеве. Аппарат самого Комитета общественного спасения был настолько ненадежен, что Робеспьер сделал в своей записной книжке пометку: «Иметь два плана на случай, если один будет выдан служащими врагу». В этих условиях не удивительно, что натиск народа все нарастал. Правительство подвергалось критике, потому что террористические меры были недостаточно суровы и Революционный трибунал действовал недостаточно быстро. Комитет никак не мог решиться начать суд над королевой и жирондистами; процесс над Кюстином оттягивался до бесконечности. В последние дни августа недовольство санкюлотов сильно возросло, тон народной прессы становился все агрессивнее.

23 августа Леклерк изложил в своей газете «Ами дю пёпль» программу общественного спасения, настаивая на необходимости нового выступления масс. Если Конвент действительно желает спасения отечества, пусть мобилизует всех санкюлотов без различия возраста и социального положения; заставы должны быть закрыты; все дела прекращены, кроме производства оружия, «а самое главное, когда народ уже поднимется, чтобы его не заставили отступить, как это было вечером 29 мая»; должны быть созданы народные трибуналы и пусть две гильотины всегда стоят наготове на площади Революции. «Тогда с декретом или без декрета» вооруженные люди отправятся ко «всем спекулянтам, скупщикам, подозрительным, себялюбцам, к людям, обогатившимся за время Революции, грабящим Республику», и повлекут их на гильотину. Эти меры можно было бы провести и в легальном порядке, если бы в Конвенте не царил дух модерантизма, пагубный для общественных интересов. «Я начинаю полагать, что, если так продлится еще некоторое время, Гора родит мышь и народ вынужден будет взять дело своего спасения в свои руки». 25 августа Леклерк обрушился на Комитет общественного спасения: «Если небольшому числу добродетельных людей, еще оставшихся в Конвенте, не удастся вернуть другим комитетам те функции, которые узурпировал у них так называемый Комитет общественного спасения, мы дождемся, как я уже говорил, что Робеспьер и два-три незапятнанных человека, которые являются еще его членами, будут заменены при первом же обновлении его состава комиссарами Бельгии». Леклерк еще щадил Робеспьера; но, требуя организации исполнительной власти, он ставил под сомнение правительственную политику.

18 августа «Общество революционных республиканок» заявило в Якобинском клубе, что оно намерено заняться вопросами общественного спасения. Плодом этих патриотических усилий явилась его петиция от 26 августа. Широко заимствуя идеи из программы Леклерка, революционные республиканки требуют осуществления конституционных законов. «Мы ждем, чтобы вы наконец от слов перешли к делу; если вы не хотите, чтобы мы думали, что ваши Комитеты движимы лишь честолюбием, сформируйте правительство в соответствии с Конституцией». Все дворяне должны быть уволены, и нечего бояться дезорганизации армии. Декрет об аресте подозрительных уже давно принят, но «не смехотворен ли этот закон, когда его претворение в жизнь доверено самим подозрительным». Должно быть создано достаточное количество чрезвычайных трибуналов, чтобы патриот, «отправляясь на фронт, мог сказать себе: я спокоен за судьбу моей жены и детей, я видел, как все внутренние заговорщики пали под мечом правосудия» [5]. Организация исполнительной власти, смещение дворян со всех постов, чистка административного аппарата, создание чрезвычайных трибуналов—все эти требования, если исключить важную продовольственную проблему, которую непосредственно не затрагивали, без конца повторялись примерно в течение месяца передовыми газетами, а теперь составили народную программу общественного спасения и легли в основу секционного движения.

Отныне вопрос об организации исполнительной власти занял центральное место в политической жизни. Якобинский клуб обсуждает его, Конвент им занимается, правительственная пресса его дебатирует. В статье «Об исполнительной власти», опубликованной в «Журналь де ля Монтань» 25 августа 1793 года и принадлежавшей, несомненно, перу Лаво, говорится, что главная причина расстройства управления кроется в несовершенной организации исполнительной власти, в ее непрочности, в ее полной зависимости от комитетов Конвента. Для устранения этих пороков одни желали бы организовать исполнительную власть в соответствии с новой Конституцией, другие — сохранить министров-патриотов. «Первые видят только пороки существующей ныне исполнительной власти; вторые — только опасность организации власти в соответствии с Конституцией в тех условиях, в каких находится сегодня Республика; те и другие со своей точки зрения правы, но думаю, что и те и другие в равной мере ошибаются; одни недостаточно учитывают опасность перемены, исход которой более чем сомнителен; другие все еще не замечают гибельных последствий деятельности порочного

правительства в наиболее критические и наиболее опасные моменты истории». Борьба мнений в Якобинском клубе продолжалась. Руайе с авторитетом, который давала ему роль глашатая делегатов первичных собраний, вновь отверг идею обновления Конвента, поддержав 28 августа предложение Эбера об организации министерства [6]. Прислушивавшийся к голосу народа Бийо-Варенн предложил на следующий день в Конвенте компромиссное решение: создать комиссию, уполномоченную наблюдать за Исполнительным советом и требовать от него отчеты об осуществлении законов. Робеспьер возражал против этой меры, способной в равной мере парализовать деятельность Комитета общественного спасения и подорвать авторитет Исполнительного совета. «Робеспьер меня не понял»,— заметил Бийо. Робеспьер, однако, прекрасно понимал, что Бийо, бывший заодно с Эбером и еще не состоявший членом комитета, хотел войти в новую комиссию, чтобы господствовать над комитетом. Дантон поддержал Робеспьера, но, не лишая окончательно надежды Бийо-Варенна, он предложил пополнить состав комитета тремя новыми членами; это предложение было направлено в сам Комитет [7].

Организация исполнительной власти была не единственной темой агитации против Комитета общественного спасения. Вопрос ведения войны все еще оставался в неопределенном положении. Санкюлоты с энтузиазмом отстаивали войну до победного конца. То ли из убеждения, то ли в демагогических целях Эбер занял аналогичную позицию, и со страниц его «Пер Дюшен» зазвучали призывы к оружию. Он не отступил и перед пропагандистской войной, на которую толкали Клоотс и Эро де Сешель *. Комитет общественного спасения стоял за национальную войну; но его политика еще точно не определилась. Леклерк мог сколько угодно возмущаться 25 августа перспективой «позорного мира, навязать который нам входит, возможно, в злодейские замыслы некоторых людей». Жак Ру в «Пюблисист» от 28 августа требовал ударить в набат по всей Франции, призывая к всенародному восстанию.

Террор, организация исполнительной власти, война до победного конца — эти три проблемы были тесно связаны между собой. Наталкиваясь на противодействие, вожаки секций и клубов приходили к мысли о неизбежности нового восстания. Напомнив о прекрасных днях фонаря и о памятных временах взрыва народной энергии, Леклерк провозгласил 27 августа его необходимость: *дворянская, церковная и торговая аристократия* слишком долго пользовалась бессилием судий, поэтому «отныне восстание становится самой священной обязанностью, поэтому отныне карающая секира должна помочь мечу закона. Довольно колебаний: враги Революции должны быть уничтожены законным или незаконным путем».

---

* Имеется в виду война до победы над всеми тиранами и установление Всемирной республики, о которой говорил Клоотс.— *Прим. ред.*

Правительство было поставлено перед альтернативой — либо уступить, либо пережить новое восстание.

Учитывая все эти вопросы, ставшие предметом агитации и причиной волнений, Комитет общественного спасения не имел оснований для самоуспокоения. И все-таки главной причиной недовольства народа и тревоги правительства оставался продовольственный вопрос.

* * *

Комитет общественного спасения и Конвент ничего не предприняли для борьбы с дороговизной и недостатком продовольствия, за исключением издания законов против скупки и о государственных зернохранилищах — мер случайных или символических; пассивность правительства в течение всего августа еще более ухудшила положение. В этой области члены Комитета не отличались от своих коллег из Собрания: в самый разгар кризиса они оставались поборниками свободной экономики.

Ассигнаты падали в цене с каждым днем, спекуляция на обмене, на торговле звонкой монетой и на товарах принимала все более широкие размеры, и Конвент прислушался наконец к обвинениям, выдвинутым против финансовых компаний 9 июля Делоне, а также 3 и 14 августа Фабром д'Эглантином, который изобличил все зло, причиняемое их спекуляциями. 24 августа Конвент упразднил акционерные общества, бывшие наиболее развитой формой капитализма той эпохи [8]. Мера демагогическая, ибо она отнюдь не решала проблемы в целом, только давала известное удовлетворение общественному мнению. В течение всего августа Жак Ру вел яростную кампанию против финансистов и банкиров, «главарей скупщиков и главных вдохновителей контрреволюции» [9].

Народ обвинял также многих иностранцев, участвовавших в финансовых и коммерческих делах Франции. Вину за ажиотаж частично возлагали на Питта, который действовал через иностранных банкиров, обосновавшихся в Париже. Поэтому общественное мнение требовало контроля над обменом валюты и над внешней торговлей. 15 августа Конвент дал первое удовлетворение общественному мнению, занявшись вопросами экспорта: он наложил эмбарго на иностранные суда во французских портах; судам разрешалось покидать порты только после досмотра грузов; товары первой необходимости изымались. Но и на этот раз речь шла лишь о частичной мере.

Чтобы справиться с обесценением ассигнатов и ростом дороговизны, Конвент попытался, следуя идее Камбона, провести дефляцию. 31 июля в целях уменьшения количества находящихся в обращении ассигнатов он издал декрет о демонетизации ассигнатов с изображением короля, что явилось еще одной уступкой общественному мнению [10]. Камбон попытался сократить расходы и занялся вопросом о государственном долге: 24 августа Конвент принял декрет о со-

здании Большой книги государственного долга. Но эта реформа могла принести плоды только в отдаленном будущем; как бы хитроумна и полезна она ни была, она не привела к сокращению количества находящихся в обращении бумажных денег, наоборот, для покрытия военных расходов потребовались новые эмиссии ассигнатов. Меры, принятые Камбоном, только смягчили инфляцию, но отнюдь не были настоящей дефляцией.

Итак, проблема дороговизны продолжала существовать. Декрет от 26 июля против скупки не разрешил ее. С тех пор Конвент ограничивался только частичными мерами. Декретом от 15 августа он постановил реквизировать по 4 квинтала зерна с каждого *плуга* в соседних с Парижем департаментах: продовольственному снабжению Парижа Комитет общественного спасения придавал исключительное значение [11]. 19 августа Конвент разрешил директориям департаментов в согласии с дистриктами и муниципальными наблюдательными комитетами назначать твердые цены на топливо, «как предмет первой и абсолютной необходимости» [12]. Этим была пробита первая брешь, но до всеобщего максимума еще было очень далеко.

В конце августа положение снова ухудшилось вследствие засухи, мельницы работали вполсилы. 25-го по предложению комитетов секции Музея делегаты революционных комитетов собрались и договорились относительно проекта петиции «с целью добиться продажи зерна по всей республике по единой цене, не считая транспортных расходов»; предлагалось выпекать всего один вид хлеба, который будет продаваться повсюду в одни и те же часы [13]. Депутации от секций вновь отправились в Генеральный совет. 25 августа секция Круа-Руж сообщила, что во избежание скупки хлеба она ввела карточки; на следующий день — новое появление той же секции с предложением печь только развесной хлеб [14]. Секции Братства и Друзей отечества потребовали 27-го распределения хлеба [15]. Наблюдатель Перьер в тот же день сообщал об одном человеке, который смог получить хлеб только после семичасового стояния в очереди. Опять у дверей булочных стали скапливаться толпы народа. По словам Перьера, поступление зерна не превышало 400 мешков в сутки — и это в городе, ежедневное потребление которого составляло 1500 мешков [16].

Безнаказанность скупщиков приводила народ в негодование: оправдание Революционным трибуналом некоего торговца углем, несмотря на обвинения присутствовавших в суде санкюлотов, произвело, по словам наблюдателя Русвиля (1 сентября), очень неблагоприятное впечатление, «ибо оно укрепляет надежды тех, кто заинтересован увиливать от таксации, и заставляет народ опасаться, что она не будет проводиться достаточно твердо» [17]. Анрио в своем приказе от 3 сентября обвиняет во всем только засуху: «Если бы реки не так обмелели, вы бы увидели, как изобилие пришло в наш город, и клеветникам пришлось бы замолчать» [18].

Крайние использовали продовольственные трудности в своих политических целях, особенно Эбер, который сделал их в своей газете мощным рычагом агитации. Встав в продовольственном вопросе на сторону санкюлотов (то есть заняв позицию, прямо противоположную той, какую он занимал во время июньского кризиса), Эбер создавал благоприятные условия для народного выступления. В то время как Леклерк, неутомимо ратовавший за необходимость террора и организацию исполнительной власти, больше внимания уделял политическому аспекту кризиса, Эбер, понимая, что недостаток продовольствия мобилизует массы, подчеркивал его социальный аспект: он поставил продовольственный вопрос в центре своей кампании и развернул против богачей и торговцев пропаганду которая, как он знал, должна была прийтись по вкусу санкюлотам. В № 279 [19] своей газеты он вновь обрушивается в пространной статье на богачей и торговцев. «Отечество, черт возьми, у купцов его нет. Пока они считали, что Революция может принести им выгоду, они ее поддерживали; они поддержали санкюлотов, чтобы уничтожить знать и парламенты; но они это сделали только для того, чтобы самим занять место аристократов. Вот почему с тех пор, как не существует более активных граждан, с тех пор, как самый бедный санкюлот пользуется теми же правами, что и самый богатый вымогатель, все эти трусы пошли на попятный и пускают в ход любые средства, чтобы погубить Республику; они скупают все продукты, все продовольствие, чтобы затем перепродать их нам на вес золота или заставить нас голодать».

Народные газеты помогли санкюлотам осознать свои политические цели, уточнить свои требования; но было бы неверно утверждать, что инициаторами этих требований были газеты, за исключением требования об организации исполнительной власти в соответствии с Конституцией, которое полностью совпадало с честолюбивыми устремлениями Эбера, предубежденностью Леклерка или озлобленностью Жака Ру против людей, стоящих у власти. Итак, это было народное наступление, а не эбертистское, как утверждает Альбер Матьез [20]. Только под натиском санкюлотов стал действовать Эбер, затем всколыхнулся Якобинский клуб и, наконец, пришла в движение Коммуна.

2. *Выступление*

Встревоженные трудностями первых шагов Революционного правительства, обеспокоенные кризисом, который обострялся и мог привести к восстанию санкюлотов, якобинцы поддались пропаганде Эбера: в последние дни августа они определили свою позицию.

28 августа Общество якобинцев приняло решение — в полном составе отправиться в Конвент и потребовать следующих мер·

чистки штабов. смещения дворян и принятия мер общественного спасения; секции и народные общества были приглашены присоединиться к манифестации. Руайе, чья роль в течение всего августа была безусловно определяющей, подхватил предложение, выдвинутое Эбером 21-го, а именно об организации исполнительной власти: он требует изгнания со всех постов не только дворян, но и неприсягнувших священников и всех подозрительных [21]. 30 августа продолжалась дискуссия по проекту петиции. Народный натиск был настолько сильным, что Робеспьера, как и Дантона, захлестнуло течением. «Народ требует отмщения,— заявил Робеспьер — Оно законно, и закон не вправе в нем отказать». Дантон полагает возможным, если это понадобится, осуществление *третьей революции*. Весьма действенный лозунг провозгласил Руайе: «Поставить террор в порядок дня! Это единственное средство пробудить народ и заставить его самого спасти себя». Эбер находит проект петиции, отредактированный Руайе, недостаточно решительным; он требует высылки дворян и подозрительных. Робеспьер возражает, Руайе признает возможным высылать только дворян, изобличенных в измене [22] 1 сентября Руайе вносит новое предложение· он поддерживает требование города Макон о создании «революционной армии»[23]. Продовольственный кризис позволил сторонникам террористических мер возобновить свои попытки.

2 сентября стало известно, что Тулон сдан англичанам. Хотя Комитет общественного спасения объявил о происшедшей катастрофе только 4-го, новость эта распространилась мгновенно К тревогам, связанным с продовольственными трудностями, присоединились опасения патриотов за судьбы родины и неотступная гнетущая мысль о заговоре аристократов: ничто не способно было так усилить движение за осуществление террористических мер. 2 сентября вечером якобинцы решились начать действовать. Натиск народа столь велик, что они соглашаются на аффилиацию «Общества революционных республиканок», от чего до сих пор упорно отказывались. Эбер возмущается медлительностью судопроизводства по делу жирондистов. «Необходимо призвать все население нашего города, народные общества, секции присоединиться к якобинцам, дабы заставить Конвент издать декрет о предании этих злодеев законному суду, чтобы они получили наконец сполна за все их преступления, притом в кратчайший срок». Предложение было принято простым выражением одобрения выкриками с мест. Эбера попросили составить адрес в этом духе. Затем была зачитана петиция о смещении с постов дворян, о чистке штабов, о создании «революционной армии». По предложению Руайе обе петиции были объединены в одну, и к концу заседания Эберу удалось ее провести [24].

Но якобинцам не пришлось идти в Конвент 3 сентября. Предвидя неизбежность народного восстания, Конвент решил пойти на некоторые уступки: он принял ряд статей декрета о принудительном займе, а также одобрил в принципе реформу максимума цен на зерно

,ла основе национального максимума,которого народ уже давно требовал [25]. Следует ли рассматривать эти сделанные в последнюю минуту уступки как маневр правительства, имевший своей целью поддержать группу якобинцев, враждебную террору, и обезоружить часть оппозиции? Документы не дают оснований утверждать это. Манифестация, которая могла иметь опасные последствия для Комитета общественного спасения, была отложена.

Народные вожаки секций и клубов не ослабили, однако, своего натиска. Общие собрания заседали непрерывно. Продовольственный вопрос, естественно связанный с проблемой защиты революции, поглощал все их внимание, волновал народные общества. 28 августа секция Арси потребовала генеральной чистки всех административных органов; она же подала мысль о назначении комиссаров, которым главы учреждений сообщили бы списки всех своих служащих и которые под контролем секций проверили бы их гражданскую благонадежность; они же представляли бы на вакантные места кандидатуры, предварительно обсужденные на общих собраниях [26] Такая мера поставила бы все административные органы под контроль санкюлотов и тем самым ослабила бы власть комитетов правительства.

Секции были озабочены не только политическими но и социальными проблемами. Эти социальные чаяния в период августовско-сентябрьского кризиса 1793 года были наиболее четко сформулированы 2 сентября секцией Санкюлотов, бывшей секцией Ботанического сада [27]: это была ясная политическая и экономическая программа, точно отражающая социальную позицию лавочников и ремесленников, которые составляли ядро санкюлотской партии, и в то же время свидетельствующая о ее ограниченности и противоречиях. Секция Санкюлотов требует удаления дворян с гражданских и военных постов, а также изгнания бывших членов парламентов, финансистов и священников со всех административных и судебных должностей; таксации цен на продукты первой необходимости, сырье и таксации арендных договоров; «чтобы был установлен максимум состояний, чтобы одно и то же лицо могло владеть только одним таким максимумом; чтобы никто не имел права арендовать больше земли, чем можно обработать с помощью установленного числа плугов; чтобы один гражданин владел только одной мастерской, одной лавкой». Такие меры приведут к благосостоянию и спокойствию, постепенно уничтожат слишком большое неравенство состояний и увеличат число лиц, имеющих собственность; секция Санкюлотов не подозревала, что существование частной собственности и ограничение состояний противоречат одно другому. Тем не менее эту петицию следует рассматривать как кульминационный момент народного наступления летом 1793 года: никогда санкюлоты не формулировали с большей определенностью свои социальные идеалы. Политический кризис и голод заставили их яснее осознать свои устремления в гораздо большей степени, чем агитация народных журналистов. Эбер, Жак Ру и Леклерк хорошо

выражали их стремления, но никогда не прибегали, и конечно, не без умысла, к таким резким формулировкам.

3 сентября политическое брожение еще более усилилось. Социальные заботы сливаются с политическими; но главным остается требование установления чрезвычайного режима, который позволил бы санкюлотам избавиться от всех своих врагов.

Это желание и огромная опасность, угрожавшая республике, объясняют позицию секции Кенз-Вен, отказавшейся 3 сентября подчиниться постановлению Коммуны и сдать все ружья определенного калибра. «Почитая опасным после лионских событий позволить разоружить себя и почитая всех граждан находящимися в состоянии реквизиции против врагов как внешних, так и внутренних, мы не можем отказаться от нашего оружия». Исходя из этого, секция постановила: не отдавать оружия «в момент, когда Париж, по собственному признанию муниципалитета, кишит иностранцами и злонамеренными лицами»; секция предложила военному министру выдать ружья всем тем, кто не имеет ничего, кроме пик [28]. Быть вооруженными — вот что составляет одну из постоянных забот санкюлотов и как бы символизирует их суверенность, еще больше оснований у них на это в смутные дни начала сентября.

* * *

Брожение в массах, долго сдерживаемое, прорвалось 4 сентября. Утреннее заседание муниципалитета заканчивалось, когда поступило сообщение о том, что на улицах Тампль, Сент-Авуа и других, прилегающих к ним, собрались толпы рабочих, особенно каменщиков, которые жаловались на то, как трудно достать ныне хлеб, и требовали повышения заработной платы [29]. Начиная с пяти часов утра, по словам Шометта, рабочих подстрекали бросить работу на строительных площадках и в мастерских — с одной стороны, строительных рабочих, а с другой — слесарей; движение началось на бульваре вблизи здания военного министерства, одной из цитаделей санкюлотства [30]. Там к первым манифестантам, без сомнения, присоединились рабочие военных мастерских. Каменщиков, судя по письму Паша к Анрио, призывали спуститься с лесов, дабы отправиться в Коммуну требовать хлеба [31]. Рабочее происхождение этого движения не вызывает сомнения: оно зародилось в наиболее пролетаризированных слоях санкюлотства, в рядах тех трудящихся, которые, не будучи ни лавочниками, ни ремесленниками и существуя за счет заработной платы, получаемой в непрерывно обесцениваемых ассигнатах, перебивались с большим трудом [32]. Уже намечалось движение за повышение заработной платы: 2 сентября Базир сообщал о беспорядках среди рабочих мастерских Национальной типографии; чтобы положить этому конец, Конвент издал декрет о реквизиции всех рабочих-печатников [33]. В то время как поток манифестантов направлялся к Ратуше, муниципалитет

приказал главнокомандующему усилить посты увеличить число патрулей и удвоить резервы [34].

Манифестанты тем временем заполнили Гревскую площадь. «В половине третьего пополудни,— по словам «Журналь де ля Монтань»,— около двух тысяч граждан — чернорабочие и рабочие обоих полов — явились к зданию муниципалитета. Они пришли сюда, говорили они, гонимые голодом, ибо многие из них не могут достать хлеба у булочников» [35]. Посреди площади поставили стол, выбрали руководителей собрания; была составлена петиция, толпа тут же ее одобрила, избранная депутация направилась в муниципалитет [36]. «Трудности с хлебом,— заявил оратор депутации,— вот причина, заставившая нас прийти сюда и оторвать вас на минуту от важных дел. Два месяца мы страдали молча, в надежде, что это положение кончится, но оно, наоборот, с каждым днем все ухудшалось. А потому мы пришли просить вас, чтобы вы приняли меры которых требует общественное спасение; сделайте так, чтобы рабочий, проработавший целый день и нуждающийся в отдыхе ночью, не был вынужден в поисках хлеба бодрствовать часть ночи и терять половину дня, и к тому же часто безрезультатно». Между мэром и рабочими завязался спор. Почему не воспрепятствуют вывозу хлеба из Парижа? Имеется ли в Париже продовольствие? «Если да, подавайте его сюда; если нет, объясните нам причину; народ поднялся; санкюлоты, совершившие Революцию, предлагают вам свою помощь, свое время, свою жизнь». Целый ряд депутаций от рабочих различных кварталов и предместий Парижа был принят в свою очередь. «Зал заседаний был полон, народ, смешавшись с членами муниципалитета, беседовал с ними» [37]. Толпа продолжала расти; со всех сторон неслись крики: «*Хлеба! Хлеба!*»

Шометт, видя, что восстановить порядок невозможно, бежит в Конвент. Там он излагает свои опасения: как бы злоумышленники не затесались среди добрых граждан и не толкнули их на опасные авантюры; некоторые секции Парижа охвачены волнением; секцию Нового моста взбаламутили аристократы: что касается рабочих, которых голод привел на площадь Ратуши, то они проявляют глубочайшее уважение [38]. Председательствовавший на заседании Робеспьер ответил ему, что Собрание занято сейчас продовольственным вопросом, «следовательно, вопросом о благе народа»: оно только что одобрило принцип всеобщего максимума. Шометт возвращается в муниципалитет с выпиской из протокола [39].

Муниципальные служащие во время перерыва перенесли собрание в большой зал Ратуши; вскоре он был переполнен; повсюду теснился народ — на скамьях, трибунах, в партере, в коридорах [40]; дискуссия между мэром и *оратором народа* возобновляется [41], в то время как толпа продолжает кричать: «*Хлеба! Хлеба!*» Возвратившийся Шометт зачитывает декрет о максимуме... «Нам нужны не обещания,— отвечают манифестанты,— а хлеб, и тотчас же» [42]. Шометт взбирается на стол, и ему удается угомонить толпу, воца-

ряется тишина: «Я и сам был беден, следовательно, знаю, каково приходится беднякам. Идет открытая война богатых против бедных; они хотят раздавить нас; ну что ж, надо опередить их и раздавить их самих; сила в наших руках!.. Негодяи! Они пожрали плоды наших трудов, содрали с нас последнюю рубашку, они пили наш пот... А теперь еще хотят крови нашей напиться». Речь ловкая, что не исключает ее искренности. Шометт требует принятия мер для обеспечения хлеба на завтрашний день, создания «революционной армии», которая должна «отправиться в деревни, где реквизируется хлеб, обеспечить уборку урожая, содействовать доставке его, пресечь маневры себялюбивых богачей и предать их в руки карающего правосудия». Эбер выступил вслед за Шометтом: «Пусть народ отправится завтра всей массой в Конвент; пусть окружит его, как он это сделал 10 августа, 2 сентября и 31 мая, и не оставит своего поста до тех пор, пока народные представители не примут мер для нашего спасения, кои в их власти... Пусть «революционная армия» отправится в путь в тот же миг, как будет издан декрет; но главное, пусть каждый отряд, каждая колонна этой армии захватит с собой гильотину» [43]. Эта речь была одобрена. Шометту и Эберу удалось повернуть манифестацию на политический путь

В половине девятого вечера муниципалитет закрыл заседание, но тут же началось заседание Генерального совета. Народ остается вместе с членами муниципалитета, *братская дискуссия* продолжается. Появляется депутация от Якобинского клуба во главе с Леонаром Бурдоном: все депутаты-монтаньяры будут добиваться принятия Конвентом мер, одобренных народом совместно с должностными лицами [44]. Совет постановил собраться всем завтра к одиннадцати часам у Ратуши, чтобы подать в Конвент петицию относительно создания «революционной армии». Всем рабочим, за исключением тех, кто работает на республику, предлагается закрыть свои мастерские. Уже десять часов; народ, удовлетворенный принятыми решениями, понемногу расходится, депутации от секций сменяют первых петиционеров [45].

В то время как Генеральный совет обсуждал свои дела под контролем народа, секции тоже заседали и через комиссаров поддерживали связь с Коммуной. В некоторых секциях было не совсем спокойно; секция Мольера и Лафонтена заявила Генеральному совету, что она готова выступить на защиту членов муниципалитета, если их оскорбили; секции Гренельского фонтана и Горы выступили с разоблачением готовящегося будто бы убийства мэра и нескольких других патриотов. Но передовые секции безоговорочно поддерживают народное движение. Секция Санкюлотов сообщает, что она объявила себя в состоянии восстания против богачей, «которые хотят поработить народ и Республику». Заседание было закрыто вскоре после полуночи.

Тем временем в Якобинском клубе Робеспьер пытался сдержать всенародное движение. Он сообщает о заговоре, цель которого — уморить Париж голодом, уверяет, будто «в настоящую минуту Паша осаждает не народ, а кучка интриганов, которые осыпают его угрозами и оскорблениями» [46]. Это значило отрицать подлинно народный характер движения, желая его скомпрометировать. Но Робеспьера не послушали. Якобинский клуб послал в Ратушу депутацию во главе с Леонаром Бурдоном, которая присоединилась к решениям, принятым народом в согласии со своими должностными лицами. Якобинцы между тем слушали пламенную речь Руайе: «Довольно заседаний, надо выйти на улицу и призвать народ последовать за нами, чтобы заставить Конвент принять революционные меры». Невзирая на усилия Робеспьера, народ и Якобинский клуб пришли к молчаливому согласию — отправиться на следующий день в Конвент.

* * *

5 сентября 1793 года, в полдень, следуя принятым накануне решениям, народ появляется в зале заседаний Генерального совета. Депутация от Якобинского клуба присоединяется к собравшимся и требует ареста «всех подозрительных мюскаденов *, нотариальных клерков, торговых служащих» [47]. Шометт зачитывает петицию в Конвент; буря аплодисментов покрывает его слова. Секция Пантеона сообщает, что она очистила себя от всех аристократов. В три четверти первого манифестанты, предводительствуемые Пашем, Шометтом и несколькими членами Совета, отправляются в путь.

В Конвенте как раз приняли решение о разделении Революционного трибунала на четыре секции, действующие одновременно, и приступили, на основе петиции секции Сите, к обсуждению продовольственной проблемы, когда появилась процессия [48]. Паш первым берет слово: причиной голода является невыполнение законов, злонамеренность и эгоизм богатых владельцев зерна; народ устал от этих происков. Шометт представляет петицию, требующую создания «революционной армии», «декрет о которой был уже принят, но остался неосуществленным из-за интриг и страха перед ним преступных лиц»; пусть за «революционной армией» повсюду следует трибунал с гильотиной. Председательствующий Робеспьер призывает добрых граждан сплотиться вокруг Конвента и приглашает депутацию присутствовать на заседании в качестве почетных гостей. За ней следует длинная вереница граждан. Они приближаются к барьеру и входят один за другим под аплодисменты собрания и трибун. Затем рассаживаются на скамьях амфитеатра с правой стороны. Среди толпы видны граждане с плакатами, на которых написано: «*Война тиранам, война аристократам, война скупщикам*». Конвент обсуждает дела на глазах народа.

* Мюскаден — распространенное в годы революции презрительное прозвище щеголей, знатных и богатых людей.— *Прим. ред.*

Бийо-Варенн счел недостаточными предложения, внесенные Шометтом: он потребовал ареста подозрительных, что было в глазах санкюлотов главной мерой, которой Эбер, Жак Ру и Леклерк не переставали требовать в своих газетах и о которой Шометт ни словом не обмолвился. Леонар Бурдон предложил, чтобы за «революционной армией» следовал трибунал, уполномоченный карать заговорщиков без проволочек, немедленно — еще одно требование, столь дорогое сердцу санкюлотов. Ромм потребовал было обсудить вопрос о целесообразности передвижных трибуналов, но в народе тут же поднялся ропот. Жанбон Сент-Андре сообщил, что Комитет общественного спасения готовит доклад об общих мерах: «Их сейчас вынашивают, их обдумывают». Вновь поднялся ропот «Их нужно принять немедленно!»— восклицает Друе, народ аплодирует ему. Тщетно Сент-Андре пытается отвести от себя обвинение, будто он тянет нарочно. «Было бы весьма странно,— заявляет Бийо-Варенн под гром аплодисментов,— если бы мы стали заниматься здесь прениями; надо действовать». Базир протестует против поспешного голосования и требует, чтобы выслушали Комитет общественного спасения. Но Дантон уже на трибуне, зал гремит аплодисментами, не давая ему какой-то момент вымолвить ни слова. «Я знаю, что когда народ говорит о своих нуждах, когда он предлагает выступить против его врагов, то надо принимать только те меры, которых требует он сам, ибо они продиктованы национальным гением». Итак, декрет о «революционной армии» должен быть принят немедленно. Дантон находит также выход, который мог в какой-то мере понравиться народу. Волнения в секциях перестанут быть опасными, если «рабочие люди, живущие за счет своего пота», будут присутствовать на общих собраниях; собрания в секциях должны созываться только два раза в неделю, и «люди из народа, присутствующие на этих политических собраниях, должны получать справедливое возмещение за то рабочее время, которое они затратили на это». Пусть парижские секции собираются по четвергам и воскресеньям; пусть каждому гражданину, который пожелает ввиду его нужд получать возмещение, выплачивают 40 су за каждое заседание. Судя по аплодисментам, народ одобрил эти меры, и они были приняты. Бийо-Варенн возвращается к своему предложению о немедленном аресте всех подозрительных. Базир, несмотря на ропот, протестует против этого: пусть вначале внесут ясность в понятие «подозрительный»— и среди дворян есть патриоты. Народ выражает недовольство. Бийо-Варенн упорно настаивает на необходимости арестовать всех подозрительных в течение суток; толпа многочисленна и Бийо-Варенн чувствует ее поддержку. Робеспьер делает попытку воспротивиться этому. Он уступает свое кресло Тюрио и заявляет, что идет в Комитет общественного спасения, доклад которого будет представлен через несколько минут. Бийо-Варенн без обиняков возражает: мнение комитета необязательно, Конвент может вынести свое решение немедленно. Собрание уступает и голосует не только за арест подозрительных, но и за чистку революционных комитетов, призванных выявлять этих подозрительных.

Тем временем появляется депутация от Якобинского клуба совместно с комиссарами от 48 секций. Она требует немедленного суда над жирондистами, создания «революционной армии» и придания ей передвижного трибунала. изгнания дворян со всех постов и их интернирования до заключения мира. И наконец, она требует поставить террор в порядок дня [49]: вновь всплывает лозунг, выдвинутый Руайе. Уже нет больше речи о продовольственных трудностях, бывших причиной рабочих манифестаций утром 4 сентября,— народное движение удалось обратить к политическим целям. Секция Единства требует осуществления тех же мер, но кроме того более сурового исполнения законов против ажиотажа и скупки [50]; низовые организации оказались более чуткими к подлинным нуждам народа. Друе энергично поддержал петиционеров. Но когда он заявил, что революционные комитеты, объявляя человека подозрительным, не обязаны указывать мотивов этого решения и что «эти преступные лица, если бы вопреки ожиданиям свобода оказалась под угрозой, (должны быть) безжалостно (уничтожены)», Конвент и народ выразили свое неодобрение: террор должен проводиться на основе закона.

Наконец, Барер от имени Комитета общественного спасения представил декрет, тотчас же принятый, о создании парижской «революционной армии», насчитывающей 6 тысяч пехотинцев и 1200 канониров; Комитет общественного спасения, который в лице Жанбона Сент-Андре тщетно пытался воспротивиться всеобщему движению, в конце концов присоединился к мерам, принятым Конвентом под давлением и контролем народа. Признавая важную роль, которую сыграл в этом деле Бийо-Варенн, ставший глашатаем народных требований, Конвент в тот же вечер ввел его в президиум. На следующий день он вместе с Колло д'Эрбуа вошел в состав Комитета общественного спасения. Такое же предложение получил Дантон, но он отказался; тем самым он заранее становился главой оппозиции Революционному правительству.

Заседание Генерального совета Коммуны возобновилось 5 сентября в половине восьмого вечера. Шометт доложил о принятых Конвентом мерах. Чистка Генерального совета началась немедленно. Революционным комитетам было предложено представить в ведомство полиции списки своих членов со сведениями о каждом из них, а также о членах Совета. Так была организована чистка персонала муниципалитета и секций. Весьма знаменательно дело, поднятое Шометтом против «одного гражданина, комиссара секции, заседающего среди своих коллег», рабочего-печатника Тиже из секции Пантеона [51]. По словам Шометта, в ходе заседания 4 сентября он беспрестанно прерывал мэра, требуя, чтобы последний ответил, есть у него мука или нет; 5-го утром он якобы явился на дом к

Шометту и заявил ему: «Смотрите, честно выражайте волю народа в петиции, которую мы подадим в Национальный Конвент». Во время шествия процессии из Ратуши в Конвент Тиже якобы опять язвительно обратился к Шометту, обвиняя его в том, что он не выполнил воли народа, петиция будто не содержит того, чего требовал народ. На основе этого доноса Шометта Тиже был немедленно арестован. Так обнаруживался скрытый разлад между народом и его уполномоченными — противодействие установленных властей народному давлению. Стремясь обеспечить себе кусок хлеба, санкюлоты требовали 4 сентября революционных мер, которые в их представлении не могли быть не чем иным, кроме таксации, немедленной реквизиции, пресечения скупки; Шометт в своей петиции свел все к требованию создания «революционной армии».

* * *

Было ли это победой Эбера, как пишет Альбер Матьез? [52] Это значило бы преувеличивать роль отца Дюшена. В действительности движение зародилось в самой гуще народа; оно созрело во время августовского кризиса; вожаки секций и клубов придали ему определенное направление и возглавили его. К сожалению документы не дают нам ни их имен, ни характеристики их, но это именно они, сильные поддержкой народных масс, увлекли за собой Коммуну, Якобинский клуб, Конвент и, наконец, Комитет общественного спасения. Эбер, так же как и Паш и Шометт, только последовали за этим движением. Конечно, и эту роль нельзя недооценивать — Эбер в своей газете, в своих выступлениях в Якобинском клубе и в Коммуне формулировал лозунги, подсказывал методы действия; но на сей раз он ни в какой мере не участвовал ни в организации, ни в руководстве, на сей раз он скорее шел в хвосте, чем во главе народного движения. 4 сентября Эбер играл лишь второстепенную роль в Коммуне, в Конвенте 5 сентября он даже не выступил; глашатаями народа были Паш и Шометт.

Движение 4—5 сентября явилось победой народа: в результате своей манифестации санкюлоты заставили коммунальные и правительственные власти считаться с собой, они принудили их принять некоторые решения, уже давно требуемые народом. Победа эта, однако, оказалась неполной. Меры, принятые Конвентом 5 сентября, носили в основном политический характер: 4-го же он лишь ограничился обещанием ввести всеобщий максимум, что было главным требованием народа. Политические уступки позволили дольше тянуть с экономическими мерами. Национальный максимум на зерно и фураж был введен только 11 сентября, а закон о всеобщем максимуме был принят только 29-го; вот до какой степени буржуазия, даже монтаньяры, испытывала отвращение к малейшему посягательству на экономическую свободу, в которой санкюлоты видели источник всех своих бед.

То была победа народа, но в то же время и успех правительства. Санкюлотам не пришлось прибегнуть к силе, как это произошло 2 июня, чтобы заставить Конвент пойти на уступки: законность была соблюдена. Законный террор восторжествовал над прямыми действиями, проповедуемыми газетами крайних. Комитет общественного спасения сопротивлялся, но он сумел вовремя уступить, причем в области, избранной им самим; в итоге авторитет его возрос и был сделан еще один шаг к укреплению Революционного правительства.

Таким образом, уже с этих сентябрьских дней наметился зародыш неотвратимого противоречия между Революционным правительством и народным движением.

ГЛАВА IV

УСПЕХИ НАРОДА И КОНСОЛИДАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(начало сентября — 10 октября 1793 года)

1. Революционный порыв и секционные организации.— 2. Народное движение и чистка.—3. Народное движение и репрессии.—4. Народное движение и таксация.—5. Народное движение и организация правительства.—6. Уступки и консолидация Революционного правительства.

После 5 сентября Конвент на основе принятых в тот день решений одобрил некоторые меры во исполнение обещаний, данных народной манифестации; таким образом, хотя и против воли, он вступил на путь террора и управляемой экономики. Некоторые из этих мер, как и намеренная медлительность Собрания и правительственных комитетов, вызывали недовольство санкюлотов. Народное наступление продолжалось в течение всего сентября 1793 года.

Оно развивалось в трех направлениях, тормозя стабилизацию Революционного правительства, которое к тому же сталкивалось с сильной оппозицией внутри самого Конвента. Вожаки секций и клубов стремились прежде всего сохранить и укрепить те организации, которые придали народному движению его силу и независимость и которые правительственные комитеты желали принудить к повиновению. Санкюлоты требовали усиления террора путем массовой чистки административного аппарата, устранения подозрительных из общественной жизни, усиления репрессий. Неослабевающий продовольственный кризис побуждал, наконец, их настойчиво добиваться полностью управляемой экономики и всеобщей таксации, обещанной, но неизменно откладываемой. Это недовольство могло повести к новому выступлению против Конвента и Комитетов, к которому призывали народные вожаки, чьи требования и устремления носили главным образом политический характер. Революционное правительство отдавало себе в этом отчет — оно избавилось от тех вожаков, которые вследствие своего экстремизма оказались в изоляции. Но конец «бешеных» сделал Комитет общественного спасения уязвимым для нападок со стороны его противников в Конвенте. Пойдя на две важные уступки, на которые он до сих пор не соглашался, комитет на какой-то момент предоставил свободу действий народному движению: всеобщий максимум был принят, королева и жирондисты преданы Революционному трибуналу.

Правительство, используя таким образом народный натиск, чтобы держать в руках Конвент, и Конвент, чтобы обуздывать народное движение, укрепляло свои позиции: 10 октября 1793 года оно было провозглашено Революционным правительством до заключения мира. Это не могло не нанести ущерба народному движению *.

1. Революционный порыв и секционные организации

Наиболее проницательные борцы народа понимали, что существование крепких низовых организаций является непременным условием активности народа. Начиная со 2 июня все их усилия в секциях были направлены на то, чтобы добиться преобладания в общих собраниях и их комитетах. Рост народного движения, его успехи 4—5 сентября, последовавшие за этим репрессии ускорили обновление нескольких секций, еще остававшихся умеренными.

Правительственные комитеты не могли мириться со стойким влиянием умеренных в парижских секциях. Но им были по душе только те организации, которые они контролировали. Революционное правительство, укрепив свои позиции, стремилось втиснуть народное движение в узкие рамки: отмена 9 сентября непрерывности заседаний в секциях нанесла весьма чувствительный удар независимости народных организаций. Революционный порыв санкюлотов не был, однако, сломлен: за несколько недель развелось множество секционных обществ и непрерывность заседаний была определенным образом восстановлена.

Так проявлялась жизнеспособность народного движения.

* * *

По предложению Дантона Конвент принял 5 сентября 1793 года декрет о сокращении числа заседаний в секциях до двух раз в неделю; неимущие граждане, присутствующие на этих собраниях, должны были получать вознаграждение в размере 40 су как спра-

* С этим утверждением автора нельзя согласиться; оно представляется ошибочным.— *Прим. ред.*

ведливое возмещение за отнятое у них рабочее время [1]. Предложение Дантона, подхваченное Комитетом общественного спасения, было окончательно принято 9 сентября с дополнением, которое еще более ухудшало его: заседания, начинающиеся в 5 часов, должны заканчиваться ровно в 10 часов [2]. «Добрые граждане, которые начинают свою работу с восходом солнца,— заявил Приёр из Марны,— нуждаются в отдыхе»; а ведь фактически споры в собраниях секций начинались в основном после 10 вечера, когда большая часть граждан уже расходилась.

Реакция некоторых секций на это постановление была немедленной. Уже 9 сентября, вечером, секция Бон-Консей, как только там объявили о сокращении числа общих собраний, потребовала отмены декрета [3]. Депутация от секции Мезон-Коммюн заявила 15 сентября в Генеральном совете, что декрет от 9 сентября пагубен для свободы и представляет собой первое покушение на суверенитет народа: «Уже забыты... права человека, разрешающие гражданам собираться в любое время и когда они сочтут подходящим». В ожидании отмены декрета секция объединится в клуб и будет заседать в те дни, когда не будет общих собраний [4]. Народ нашел выход — создание секционных обществ позволило обойти закон.

Вознаграждение в 40 су вызвало со стороны народных вожаков тем более резкую оппозицию, что они не знали, что возразить против него. Но можно ли утверждать, что лица, которым оно полагалось, были бы недовольны? Это вознаграждение явно противоречило тому чувству собственного достоинства, с каким санкюлоты-борцы относились к своему участию в политической жизни.

Надругались, писала 17 сентября «Журналь де ля Монтань», «над благородством, над республиканской гордостью санкюлотов, чтобы заставить их краснеть, принимая обещанное вознаграждение».

Наиболее бурный протест исходил от секции Прав человека, вдохновителем которой был Варле. Еще 4 июня она возражала в Генеральном совете против выплаты вознаграждения в 40 су «гражданам, не имеющим состояния, которые [31 мая и 2 июня] взяли в руки оружие для борьбы с угнетением»; «они никогда не примут никакой платы за услуги, которые они окажут родине» [5]. 13 сентября секция Прав человека заявила Генеральному совету о том, что она отказывается от вознаграждения [6]. Ее примеру последовали секции Санкюлотов [7], Хлебного рынка, Общественного договора, которая 15 сентября потребовала в Якобинском клубе отмены декрета: «Санкюлоты совершили Революцию и поддерживают ее бескорыстно и так же бескорыстно сумеют добиться ее торжества» [8]. Готовился демарш, дабы заставить Конвент аннулировать декрет. Хотя секция Тюильри отказалась присоединиться к решению секции Санкюлотов [9], хотя в секции Борепера Ламбен заявил, что «при соблюдении декрета об оплате в 40 су в собраниях будет участвовать гораздо больше санкюлотов» [10], многочисленные депутации ходили вечером 15 сентября из секции в секцию. Секция Рынка, которая во имя суверенитета народа высказалась против вознаграждения и за непрерывные заседания, сумела увлечь за собой секцию Арсенала; после бурной дискуссии, где одни уверяли, что вознаграждение — это благодеяние, а другие, что «это пятнает патриотов», было решено список граждан, составленный для оплаты, разорвать и сжечь немедленно [11].

Одни секции делали упор на вопросе о непрерывности заседаний, другие — на вопросе о вознаграждении, но все петиции, поданные в Конвент, требовали полной отмены декрета от 9 сентября.

Более значительной по своему резонансу были петиция, поданная 17 сентября комиссарами «большинства парижских секций» и составленная Варле. «Могли ли вы, не ущемляя прав суверена, сократить число народных собраний и ограничить их продолжительность?.. Неужели вы хотите закрыть око народа, усыпить его бдительность? И когда? Когда опасности, грозящие отечеству, вынуждают народ доверить вам огромную власть, требующую строжайшего надзора». Что касается возмещения, предоставляемого неимущим гражданам, то эта почтенная часть нации отвергает его. «В свободном государстве народ не может платить сам себе за осуществление своих прав», ибо равенство превратится в химеру и снова между гражданами будет воздвигнута преграда [12].

Столкнулись две концепции. Концепция санкюлотов, выразителем которой был Варле, заключалась в следующем: народ может собираться, где и когда пожелает, его суверенность нельзя ограничивать, он сохраняет постоянное право надзора за своими уполномоченными, и этот надзор должен быть тем большим, чем больше власть, доверяемая народом своим уполномоченным. Это была концепция неограниченного народного суверенитета, и ни Конвент, ни правительственные комитеты не могли ее принять, ибо это грозило подрывом всей правительственной деятельности. Будучи поборниками буржуазной и парламентской концепции, они отказывали народу (поскольку его суверенность теоретически провозглашена, а полномочия он передоверил) в праве надзора, которым санкюлоты столь дорожили. Неотложные политические нужды, стремление Конвента и Комитетов избавиться от постоянного контроля народа и вновь прибрать его к рукам, противоположные концепции, выражающие противоположные классовые позиции,— все эти причины объясняют твердое намерение Конвента и правительства сохранить декрет от 9 сентября, вопреки требованиям парижских санкюлотов. Базиру, Робеспьеру, Жанбону Сент-Андре без труда удалось отвергнуть петицию Варле, сославшись на угрозу контрреволюции в секциях [13]; но подлинные мотивы были иными. Опасность народного сопротивления казалась достаточно грозной, чтобы прибегнуть к санкциям в отношении автора петиции 17 сентября. И если Конвент, уважая право петиции, не осмелился отдать приказ о немедленном аресте Варле, то Комитет общественной

безопасности осуществил это на следующий день, инкриминировав ему «контрреволюционные речи в одной из групп» [14].

Арест Варле не положил конец движению протеста. Оно даже усилилось благодаря кампании, начатой секцией Прав человека за его освобождение. Хотя Конвент не отказался от декрета 9 сентября (который санкюлоты, впрочем, обошли, создав секционные общества), в этом пункте ему пришлось все же уступить.

«Декрет, предоставляющий вознаграждение санкюлотам,— отмечается в одном полицейском донесении от 19 сентября,— вызывает брожение и беспорядки. Санкюлоты собираются подать в Конвент вторую петицию, требующую отмены декрета» [15]. Эта петиция исходила от секции Друзей отечества; она была отклонена 19 сентября секцией Пик [16], которая донесла о ней в тот же день Генеральному совету Коммуны [17]. Эбер воспользовался случаем, чтобы выступить в защиту декрета,— запоздалая реакция. Отец Дюшен выжидал; он хотел знать позицию правительственных комитетов *, прежде чем вступить в схватку; Эберу, кроме того, доставляло удовольствие клеймить в «лице авторов этой поджигательской петиции» людей, которых он считал своими противниками, поскольку народ прислушивался к их голосу так же, как к его, если не больше. Итак, требуемая секциями непрерывность заседаний — не что иное, как «непрерывность заседаний мюскаденов» [18].

Секция Прав человека уже на следующий день после ареста Варле потребовала его освобождения, а также освобождения двух других комиссаров, задержанных по тем же мотивам. Секция вновь заявила о своем отрицательном отношении к оплате в 40 су и решила завесить Декларацию прав, если ей будет отказано в освобождении Варле [19]. Это волнение сопровождалось продолжавшими циркулировать слухами о готовящихся избиениях. «Злонамеренные лица стараются взбудоражить секции, они делают вид, будто опасаются повторения 2 сентября,— замечает наблюдатель Русвиль 19 сентября,— и истолковывают ограничение числа секционных собраний двумя в неделю, как некую подготовку к повторению этого полезного, но страшного дня» [20]. 22-го секция Прав человека сообщает о своем решении секции Арсенала [21]. Но решительная позиция, занятая правительственными комитетами, заставила большинство секций отказаться от присоединения к петиции и подтвердить свою лояльность по отношению к Конвенту. Руссийон, председатель секции Марселя и Марата, восхваляя 21-го Конвент за принятие декрета 9 сентября, приводит в обоснование ряд доводов: «Имея только два заседания в неделю, мы сможем присутствовать на собраниях Якобинского клуба.

* Имеется в виду Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности, то есть Революционное правительство.— *Прим. ред.*

которые мы вынуждены были пропускать». В этот же день секция Круа-Руж отвергла «как опасную и аристократическую» резолюцию, требующую, чтобы секции собирались по своему усмотрению. Секция Пуассоньер заявила 25 сентября Конвенту, что она не попалась на удочку: декрет от 9 сентября ничуть не задевает суверенитета народа и не ослабляет его бдительности.

Однако секция Прав человека продолжает упорствовать. 26-го она принимает решение явиться в Конвент всей массой и представить ему свою петицию; она тут же разослала своих комиссаров по всем секциям. Она встречает поддержку в собрании секции Друзей отечества, которая также упорно настаивает на отмене декрета. Секция Музея отказалась присоединиться к комиссарам секции Прав человека, а секция Брута — к комиссарам секции Друзей отечества [22]. В результате только пять секций присоединились к петиции секции Прав человека, четыре решили просить информации у Конвента; остальные перешли к обсуждению очередных дел. Тем не менее секция Прав человека решила предпринять демарш перед Коммуной и Комитетом общественной безопасности.

Ей все же пришлось отступить перед контратакой, предпринятой секцией Брута. 26 сентября депутация от этой секции явилась на собрание секции Прав человека. Не присоединившаяся к петиции 17 сентября секция Брута считала справедливым арест Варле, подстрекавшего к принятию этой петиции; она отказалась присоединиться к «уклончивому и подозрительному» адресу, который был ей предложен в тот же день и преследовал цель освобождения Варле. Председатель собрания секции Прав человека напомнил о священном праве петиций, нарушенном в отношении Варле. Комиссары секции Брута возобновили свои обвинения, уже высказанные в Конвенте по адресу Варле, интригана, изгнанного из Якобинского клуба, и тогда собрание сразу сделалось бурным [23]. Провал этого демарша не обескуражил секцию Брута, которая 1 октября 1793 года выступила в Генеральном совете с разоблачением секции Прав человека, где «контрреволюция в разгаре», к тому же эта секция отказывается, в частности, выполнить закон относительно оплаты; Совет решил послать комиссаров для проверки протоколов общего собрания секции Прав человека [24].

В то время как эта секция продолжала агитацию за освобождение Варле, борьба против декрета от 9 сентября приняла новую форму: уже не требовали его полной отмены, но лишь некоторого смягчения. Революционный календарь был введен 5 октября 1793 года. По предложению секции Музея [25], Конвент постановил, что общие собрания секций будут собираться на пятый и десятый день каждой декады [26]; следовательно, число собраний еще больше сократилось. Секции были уязвлены этим новым посягательством на их суверенные права. 7 октября Гассенфрац от имени секции Предместья Монмартр потребовал от Генерального совета, чтобы собра-

ния происходили в третий, седьмой и десятый день декады. Совет оставил это ходатайство без внимания [27]. Так же ответил он 9 октября на требование секции Бонн-Нувель [28].

* * *

Итак, некоторые секции упорствовали в своем стремлении добиться отмены декрета от 9 сентября. Меж тем санкюлоты-борцы, не желая ограничивать свою деятельность, обходили закон: в те дни, когда им не разрешалось устраивать общие собрания, они созывали так называемые *народные собрания*. Так в сентябре 1793 года появились народные общества нового типа, число которых в течение осени невероятно возросло. Поскольку члены этих обществ рекрутировались в пределах одной секции и пределами секции ограничивалась их деятельность, противники, не без тайного намерения дискредитировать эти общества, прозвали их *секционными*, намекая на сходство с секционными [федералистскими] движениями в городах, восставших против Конвента.

Желание восстановить в иной форме непрерывность общих собраний не было, однако, единственной причиной создания секционных обществ. Народные вожаки всегда ощущали необходимость комитетов или клубов, чтобы направлять деятельность санкюлотов. Существование в секциях активного ядра испытанных борцов усиливало эффективность общих собраний. Эту роль не могли выполнять революционные или гражданские комитеты, перегруженные административными обязанностями или политическими функциями; она выпала на долю народных обществ. Создание такого общества было часто первым актом санкюлотов после обновления секции; так, патриоты секции Мольера и Лафонтена 6 сентября сообщили Якобинскому клубу, что после изгнания аристократов они основали народное общество [29].

Закон от 9 сентября ускорил процесс образования этих обществ нового типа: чем реже происходили общие собрания, тем настоятельней была необходимость обеспечить их эффективность. Граждане из секции Монтрей 13 сентября предупредили Генеральный совет, что они будут соблюдать закон, но объединятся в общество Республиканцев улицы Монтрей [30]; граждане секций Бон-Консей и Неделимости заявили 14 сентября о своем намерении собираться на заседания народного общества [31].

Движение это быстро разрастается в последующие дни. О создании обществ сообщают 17 сентября секции Бонн-Нувель, Предместья Монмартр и Арси [32]; 18-го — секции Сплочения и Музея; 19-го — секции Пик и Финистера (под названием общества Лазовского); 21-го — секция Кенз-Вен (под названием республиканского общества Прав человека); 23-го об этом же сообщила секция Французских гвардейцев [33]; 25-го — секция Братства и 26 сентября — секция Общественного договора. Движение пошло на убыль

в последние дни сентября. Революционно-республиканское общество секции Рынка было организовано 30 сентября [34], и, наконец, 13 октября было учреждено общество секции Тюильри [35].

Так всего за несколько недель была создана густая сеть народных организаций, которая охватила решительно все секции и контролировала политическую жизнь общих собраний. Сразу же встал вопрос об ориентации этих секционных обществ и руководстве ими. Будут ли они действовать изолированно или попытаются координировать свою деятельность? Или же они окажутся под опекой организации, находящейся в руках правительства? 21 сентября Центральный клуб Парижского департамента объявил, что он возобновляет свои заседания в Епископстве; он предложил секциям и обществам «в целях упрочения уз братства» назначить по два комиссара от каждой секции, которые будут участвовать в заседаниях клуба [36]. Но попытка эта не имела успеха.

К тому же любые шаги в этом направлении наталкивались на явную враждебность Якобинского клуба, этого *материнского общества*, которое путем включения в свою филиальную сеть и переписки стремилось контролировать все общества и руководить ими, а также на недоброжелательность правительственных комитетов, видевших в Якобинском клубе действенное орудие в своей борьбе. Шометт и Эбер неоднократно приглашали общества, заявившие Генеральному совету о своем создании, примкнуть к Якобинскому клубу. Лишь очень немногие секционные общества проявили желание последовать этому совету. Патриотическое общество секции Горы получило 23 сентября согласие Якобинского клуба на его присоединение и на переписку с ним; секция Музея получила такое согласие 17 сентября; секции Единства и Неделимости — 19 сентября [37]. Процент ничтожный; большинство секционных обществ ускользнуло из-под влияния якобинцев, а следовательно, и из-под влияния правительственных комитетов.

Принимая в члены общества только тех, кого они желали, систематически очищая свои ряды, секционные общества очень быстро превратились в очаги народной активности, еще более грозные, нежели общие собрания секций. Революционное правительство не замедлило изобличить народные общества, а Якобинский клуб вступил с ними в ожесточенную борьбу, желая заставить их подчиниться диктатуре, находившейся тогда в стадии становления; секционные общества свидетельствовали о жизнеспособности народного движения и о его независимости в общем русле революции.

Революционный натиск принял еще более конкретные формы к середине сентября в связи с вопросом о ношении кокарды. Женщины-патриотки, вдохновляемые братским обществом секции Единства, ценой неоднократных бурных стычек с *рыночными торговками* в конце концов добились своего. Это была *война из-за кокард*. 20 сентября Генеральный совет Коммуны приказал парижанкам *носить эту революционную эмблему*; на следующий день Конвент

издал декрет об обязательном ношении кокарды [38]. И на этот раз Национальное собрание в конце концов уступило, приняв меру, которой оно долгое время противилось.

В тот период давление народа на Конвент и правительственные комитеты действительно усилилось. В политической области санкюлоты развернули широкое движение за чистку и требовали усиления репрессий. В социальной области первые принятые меры в духе управляемой экономики казались им недостаточными, всеобщая таксация оставалась их целью. Может быть, уступая в мелочах, Конвент и правительственные комитеты надеялись как можно дольше оттянуть осуществление важнейших требований?

2. *Народное движение и чистка*

Овладев положением в секционных организациях, вожаки народного движения хотели обеспечить себе такие позиции, которые позволили бы им контролировать всю политическую жизнь страны. После событий 4—5 сентября 1793 года развернулось широкое движение за чистку.

Санкюлотам не удалось добиться от Конвента снятия всех дворян с гражданских и военных постов. Некоторые требовали изгнания не только дворян, но и священников; другие выражались более расплывчато — богатых, *торговую аристократию*, которая не может не быть контрреволюционной. К желанию санкюлотов обеспечить путем исключения этих социальных категорий внутреннюю безопасность республики примешивались и мотивы более корыстные, в частности надежда занять освободившиеся места. Чистка административных органов отвечала не только политической необходимости, но и честолюбивым устремлениям и интересам вожаков.

По мере введения и усиления системы террора народные организации и власти, находившиеся под их влиянием, применяли на практике меры, которые Конвент отказывался декретировать в принципе. Так, чистку мало-помалу распространили с административного аппарата на установленные власти Парижа, а далее — на сами общие собрания и народные общества. Социальный критерий был окончательно отброшен, поскольку Конвент и правительственные комитеты решительно не желали преследовать граждан за их классовую принадлежность, даже если данный класс был в принципе связан со старым порядком. Его заменил критерий политический, особенно поведение людей в критические моменты революции. Результат был почти тот же.

Результаты генеральной чистки, проводимой таким образом народными вожаками начиная с сентября 1793 года (она возобновлялась неоднократно и в дальнейшем), сочетались с результатами

применения декрета о подозрительных, одна из статей которого (подозрительными считаются те, кому было отказано в свидетельстве о гражданской благонадежности) отмечала те же мотивы, что являлись основанием и для чистки. Таким образом, социальная и политическая база народного движения одновременно приобретала все более четкий характер, и в то же время сужалась — противоречие, которое Революционное правительство долго не могло осознать, ибо оно находилось между молотом и наковальней: с одной стороны, требования Конвента, а с другой — совершенно противоположные требования санкюлотов.

* * *

Чистка административного аппарата являлась главной целью, которой добивались секционные борцы.

Теперь уже имелись в виду не только лица дворянского происхождения: все противники санкюлотов должны были быть смещены. 5 сентября общее собрание секции Тюильри потребовало смещения со всех гражданских и военных должностей «на все время, пока будут осуществляться революционные меры», лиц, подписавших петиции, и членов антипатриотических, нелояльных клубов [39]. Секция Лепелетье присоединилась 7 сентября к решению, принятому 4-го в Санлисе Колло д'Эрбуа и Изоре́, согласно которому смещались все бывшие дворяне и родственники эмигрантов. 8-го секция Горы требует у Конвента отставки не только дворян, но и бывших должностных лиц, а также «людей, связанных с прежними финансовыми компаниями» [40]. 9 сентября в Якобинском клубе Эбер вновь требует увольнения дворян [41].

Шометт настаивает в Генеральном совете Коммуны 13-го не только на увольнении дворян, но и священников [42]. Того же требует 20 сентября в Конвенте секция Вооруженного человека [43].

Впрочем, к этому моменту проблема если и не была полностью изжита, то, во всяком случае, приняла другой оборот. Не принимая мер общего характера, нацеленных против всей социальной категории, подозреваемой во враждебном отношении к революции, административные власти тем не менее приступили к чистке своего персонала. Инициатива чистки канцелярий исходила от генерального секретариата военного министерства, которым руководил Венсан. 16 сентября секретариат разослал революционным комитетам циркуляр. Военный министр не допустит в свои канцелярии ни одного человека, пока последний не получит от революционного комитета своей секции свидетельства, удостоверяющего, что «он неизменно служил Революции начиная с 14 июля 1789 года, что за все это время он никогда не изменял ее истинным принципам, что он во всеуслышание объявил себя врагом фельянов, породивших гнусный федерализм, и проявил себя пламенным поборником единства и неделимости Республики» [44]. Итак, речь шла уже о смещении не

только дворян и священников. Фельяны и жирондисты тоже были изгнаны отовсюду; административный аппарат очищался от аристократов и умеренных. Эта мера, если верить наблюдателю Русвилю, была благоприятно встречена патриотами, но повергла в ужас умеренных [45]. Предложение, сделанное кордельерами в Якобинском клубе 18 сентября, преследовало ту же цель: отправить в армию всех мюскаденов, осевших в канцеляриях [46]. Сижа, связи которого с Венсаном известны, воодушевленный его примером, обвинил 20 сентября в Якобинском клубе министра внутренних дел в том, что у него недостаточно надежное окружение; следует обязать всех служащих административных учреждений по примеру служащих канцелярий военного министерства получить свидетельства о гражданской благонадежности [47].

Нарастанием революционного движения и неуклонным внедрением системы террора, а также стремлением все большего числа санкюлотов получить освободившиеся места объясняется тот факт, что критерий чистки был очень быстро уточнен. 16 сентября Венсан уволил из канцелярий «фельянов, умеренных, бриссотинцев, жирондистов». 5 октября он разослал всем революционным комитетам циркуляр, которому хотел придать более действенный характер [48]. Теперь уже изгнанию подлежали «предатели, составлявшие клику Лафайета, Бриссо, Дюмурье, Ролана, Кюстина... К этой банде негодяев я прибавлю почти всех умеренных, раффетистов *, состоятельных людей, скупщиков и так далее, вообще всех тех, кто был хулителем народных обществ и всех мероприятий, направленных (*sic!*) на укрепление Революции и неделимости нашего республиканского правления, покоящегося на основах равенства». Мотивы чистки стали такими же обширными, такими же расплывчатыми, как те, которыми руководствовались в тот момент секционные власти для определения подозрительных. В конце концов от чистки избавлялись только санкюлоты.

Чистка административного аппарата самими властями на основании политических критериев казалась уже недостаточной; деятели секций вскоре пожелали участвовать в ней через посредство своих организаций, общих собраний и народных обществ. 12 октября депутация от 48 секций обличает управление гужевых перевозок [49]. Наконец, когда секция Ломбар пожаловалась, что в административных органах подвизаются малоизвестные чиновники, Генеральный совет Коммуны отважился 2 брюмера принять решение, что ни один гражданин не получит места, не пройдя чистки в своей секции [50].

Благодаря такой комбинации чистки и надзора служащие оказываются под контролем секционных борцов, одной из гражданских обязанностей которых является строгий надзор за действиями этих

* Под раффетистами имеются в виду выступавшие за Раффе при выборах командующего национальной гвардии весной 1793 года.— *Прим. ред.*

служащих. Возмущаясь тем, что чиновники заставляют народ томиться в их передних, общество Свободных людей секции Нового моста потребовало 7 октября, чтобы над ними был учрежден надзор *санкюлотов, прошедших основательную чистку* [51].

Наиболее характерное выражение эта черта умонастроения народа нашла в решении секции Единства, поддержанном секцией Арси, которое ратовало за создание центрального комитета для наблюдения за административными органами; когда 7 октября это решение было вручено Генеральному совету Коммуны, последний перешел к рассмотрению очередных дел [52]. Если муниципальные и правительственные власти в интересах общественной безопасности и прибегали к помощи народных вожаков, чтобы очистить и сформировать свои административные органы, то они никак не могли согласиться официально поставить эти органы под постоянный надзор масс, опасаясь обречь их на бессилие. Поэтому народные борцы прибегали к доносам как к средству контроля, который они считали необходимым.

* * *

Чтобы быть эффективной, чистка не должна была ограничиваться только служащими административных органов, но должна была распространяться и на установленные власти, уполномоченные проводить эту чистку. Особенно важна с этой точки зрения роль революционных комитетов. Доверив им (5 сентября 1793 года) проведение арестов и разоружение подозрительных, Конвент, стремясь гарантировать эффективность этой меры, постановил, что революционные комитеты прежде сами должны подвергнуться чистке со стороны Генерального совета Коммуны. В тот же день Совет постановил проверить своих членов и наметил путь осуществления чистки революционных комитетов. Эта двойная чистка неизбежно должна была породить некоторые трения между Коммуной и общими собраниями, ревниво относившимися к своему суверенитету.

Генеральный совет приступил к чистке своих рядов 6 сентября [53]. На второй день секции уже начали проявлять нетерпение. Хотя секция Французских гвардейцев приветствовала строгость Совета, она одновременно предложила ему незамедлительно приступить к замене изгнанных членов Совета, созвав для этого первичные собрания [54]. 10-го секция Рынка пожелала узнать главные пункты обвинения против их представителя, исключенного 7 сентября; 12-го секция Мезон-Коммюн предприняла аналогичный демарш [55]. Генеральный совет настоял на своих решениях.

Еще большие трения начались между общими собраниями и Советом в связи с чисткой революционных комитетов, так как секции рассматривали их как органы, подчиненные секциям, а не Коммуне. На основании обвинительной речи Эбера Совет решил

21 сентября приступить к чистке революционных комитетов [56]. Она началась 30-го. В тот же день был исключен Добиньи, член революционного комитета секции Тюильри; в ответ на замечание, что он только что получил назначение на пост заместителя военного министра, Совет назначил двух комиссаров для расследования, был ли Добиньи безупречен в отношении Коммуны 10 августа [57]. Документы не дают возможности проследить в деталях за этой чисткой, длившейся в течение многих заседаний [58]. Мы узнаем о ней главным образом по конфликтам, порожденным ею.

Проблема компетенции, которая ставила под вопрос сам принцип народного суверенитета, возникла уже в связи с чисткой революционного комитета секции Ломбар, проведенной общим собранием этой секции. В докладе от 8 сентября комиссары сетуют на то, что собрание сочло себя вправе проверять их, а некоторых сместить [59]. Аналогичный конфликт возникает снова, когда к чистке приступает Совет; общие собрания протестуют против подобных посягательств на их суверенитет. Секция Лепелетье потребовала 4 октября реабилитации трех исключенных комиссаров, но Совет перешел к рассмотрению очередных дел [60]. 13 октября поступил протест от секции Прав человека против отвода пяти комиссаров; Совет согласился восстановить двоих из них, которые были просто временно отстранены, но оставил в силе решение в отношении остальных трех [61]. В последующие дни жалобы продолжают поступать. Секция Попенкур протестует 16 октября против приведения к присяге трех комиссаров — они не были назначены общим собранием; но Совет переходит к обсуждению очередных дел: право назначать комиссаров принадлежит ему одному [62]. 15-го секция Рынка осведомилась, по каким причинам был отстранен один из ее комиссаров, но Совет перешел к обсуждению очередных дел, поскольку закон не обязывал его излагать свои мотивы [63].

Таким образом, Генеральный совет ревниво отстаивал свои прерогативы в отношении контроля за революционными комитетами. Разумеется, он поступал так в интересах внутренней безопасности республики. «Журналь де ля Монтань» подчеркивала это 13 октября, осыпая похвалами Эбера и Шометта. Но этими двумя людьми скорее всего руководила задняя мысль — путем чистки и назначения преданных им людей обеспечить себе в секциях сторонников, через которых они могли бы влиять на общие собрания и побуждать их действовать в духе своей политики. Шометт вновь прибег к такому маневру во фримере. Но если правительственные комитеты благосклонно взирали на то, как революционные комитеты, главное орудие аппарата террора, ускользают из-под влияния секционных деятелей и общих собраний, то они никак не могли смириться с тем, чтобы эти комитеты подпадали под влияние Коммуны и ее руководителей. Они позволили Совету, руководимому Шометтом и Эбером, провести чистку; это лишь благоприятствовало их целям — стать хозяевами в прошедших чистку комитетах.

Пока же чистка восстановила многие секции против Коммуны. Уже в середине сентября секция Братства заявила торжественный протест во имя народного суверенитета против чистки Генерального совета самими членами Совета [64]. Чистка революционных комитетов вызвала аналогичные протесты. В середине фримера секция Инвалидов потребовала лишить Генеральный совет права назначать комиссаров, так как это право принадлежит исключительно общим собраниям [65]. И все-таки протесты были немногочисленны: правительственные комитеты были бдительны и энергично пресекали малейшую критику в адрес Коммуны.

Помимо протеста некоторых секций во имя суверенитета народа против действий Генерального совета Коммуны, был заявлен также протест против деятельности Генерального совета Парижского департамента и по тем же мотивам. Департамент, решив подвергнуть свой личный состав чистке, предложил секциям назначить по два комиссара от каждой, дабы они присутствовали 29 сентября при этой процедуре. В тот же вечер один из комиссаров секции Хлебного рынка сообщил на общем собрании, что, когда он хотел выразить свое мнение о незаконности подобной чистки «поскольку департамент не может сам проводить свою чистку», ему не дали слова. Собрание. «считая, что только суверену дано право подвергать чистке представителей установленной власти, которых он же сам избрал», немедленно приняло решение считать недействительной и иллюзорной чистку личного состава департамента, проведенную самими членами департамента. Оно обратилось к парижским секциям и кантонам дистриктов Бур-де-л'Эгалите и Сен-Дени с призывом назначить своих комиссаров с тем, чтобы поручить им провести чистку Директории и Генерального совета департамента [66]. Дело затянулось. 5 брюмера секция Муция Сцеволы приняла аналогичное решение, которое было опротестовано 15 октября секцией Арси в Генеральном совете Коммуны. Чистка, проведенная Генеральным советом департамента, абсолютно недействительна, поскольку он сам себе был судьей; собрание секции Муция Сцеволы требовало назначения по одному гражданину от каждой секции для сформирования нового Генерального совета департамента: этот совет пройдет чистку в секциях и народных обществах [67]. Коммуна ограничилась тем, что воспрепятствовала исполнению опротестованного решения секций. Она, пожалуй, была довольна этим столкновением между департаментом и секциями, напоминание о суверенитете народа не было ей неприятно, пока это задевало не ее, а департаментские власти.

* * *

Чистка административных органов и революционных комитетов ни к чему не привела бы, если бы низовые организации, общие собрания и народные общества, за которыми санкюлоты в конечном счете

признавали исключительное право чистки и надзора, сами не прошли чистку. Это было политической необходимостью, очевидной для всех деятелей секций и клубов Если они не смогли заставить Конвент изгнать дворян и священников со всех общественных должностей, то они прогоняли их с мест, назначение на которые подлежало компетенции секций. Раз начавшись, движение чистки все более разрасталось, подталкиваемое своего рода внутренней необходимостью, и вскоре чистка коснулась не только аристократов, подозреваемых в приверженности к старому порядку, но и умеренных, а затем равнодушных От такой широкой чистки уберегліись в конце концов только известные санкюлоты. Таким образом, народное движение обретало мощь и становилось более эффективным, но теряло свою широту и силу отзвука — противоречие, которое в конечном счете способствовало его краху.

Движение за чистку секций, их общих собраний и их должностных лиц усилилось к середине сентября 1793 года. Секция Горы одна из первых объявила 17 сентября, что она сместила со всех гражданских и военных должностей в своей секции «дворян, священников, фельянов, монархистов и всю эту шайку бюзотинцев» [68].

Секция Борепера определила 19 сентября свой несколько иной, но не менее действенный критерий чистки. Изжив аристократов, и, конечно, самым основательным образом, она обновила свои комитеты, в частности наблюдательный (чистка революционных комитетов Генеральным советом в те дни еще не начиналась); допущены были только те, кто дал удовлетворительные ответы на следующие вопросы: «Одобряете ли вы восстание 31 мая и последующих дней? Держите ли вы сторону тех депутатов, которых называют Горой? Одобряете ли вы народные общества, и особенно общество, известное под названием Якобинского?» [69]

Секция Горы, сочтя недостаточной свою первую чистку, провела в начале октября всеобщую проверку. 30 сентября она начала чистку своего гражданского комитета, 3 октября — волонтеров секции для «революционной армии», 6-го — благотворительного комитета, 8-го — офицеров своего батальона [70]. Эта чистка гражданских и военных должностных лиц секции показалась еще недостаточной гражданину Жиро. В середине октября он предлагает создать комитет по чистке из восьми членов «в целях тщательной проверки поведения и действий каждого гражданина секции; фельянов, людей из Сен-Шапель * и подписавших петиции Десяти и Двадцати тысяч следует рассматривать так, как они того заслуживают, одним словом, все подозрительные люди, вроде этих последних, должны быть исключены из ваших рядов и лишены права голоса» Итак, секция Горы должна будет состоять «только из братьев друзей и истинных санкюлотов» [71]. Комитет по чистке, которого требовал Жиро, был создан 16 октября. Этот комитет постановил лишить удостоверения на право голосования тех, кто не докажет своих личных революционных заслуг, а также домовладельцев, которые не напишут на фасаде своих домов девиза: «*Единство и неделимость Республики*» [72].

Таким образом, чистка общих собраний в секциях происходила на основании различных критериев и зачастую довольно беспорядочно. Некоторые секции пытались навязать общие правила чистки. Но точно так же как Конвент не согласился сместить дворян и священников, так и Коммуна не могла пойти, опасаясь беспорядков, на изгнание из общих собраний целой категории граждан.

Таким образом, чистка административных учреждений, как и народных организаций, осуществлялась по инициативе самих санкюлотов или, точнее, секций и клубов. Конвент и правительственные комитеты не столько руководили ею, сколько терпели ее; подобная пассивность не была лишена опасности, поскольку санкюлоты рассматривали чистку как дополнение к репрессиям. Долго ли еще смогут Национальное собрание и правительство сопротивляться натиску народа, требующего введения террора?

3. *Народное движение и репрессии*

Репрессии возбуждали страсти народа еще сильнее, чем чистка. Террор был поставлен в порядок дня уже 5 сентября. Сначала это была декларация принципа, за которой последовали отдельные частичные меры. Санкюлоты проявляли нетерпение. Сентябрь ознаменовался требованиями проведения террора, тем более настойчивыми, что Конвент и правительственные комитеты не решались расширить репрессии. Если в вопросе репрессий в отношении иностранцев определенная инициатива исходила от Собрания, то в отношении подозрительных лиц народ начал действовать до правительственных решений. Что же касается больших процессов против Марии Антуанетты и жирондистов, которых требовал народ, то их откладывали как можно дольше.

* * *

5 сентября 1793 года в результате упорных настояний Бийо-Варенна Конвент издал декрет о том, чтобы прошедшие чистку и реорганизованные революционные комитеты немедленно приступили к арестам подозрительных. Это было решение чисто теоретическое, ибо оно не уточняло случаев применения этого закона. Поэтому общие собрания и революционные комитеты были вольны толковать его по-своему. Когда же был принят декрет от 17 сентября, то его неопределенность давала возможность народным властям, на

---

* В клубе Сен-Шапель в 1791 году собирались парижские выборщики в Законодательное собрание — сторонники фельянов — *Прим. ред.*

которые возлагалось осуществление декрета, так свободно его истолковывать, что они могли усилить его репрессивный характер.

Прежде всего встал вопрос о самом определении подозрительного лица, ибо до сих пор термин этот оставался весьма неясным. Секция Лепелетье решила его 7 сентября, приняв определение, которое было дано 17 августа Колло д'Эрбуа и Изоре, находившимися в миссии в департаменте Уаза. По мнению Колло, подозрительными объявляются «неприсягнувшие священники, родственники эмигрантов, бывшие дворяне, не являющиеся должностными лицами, те, кто не получил свидетельств о гражданской благонадежности, те, кто был отстранен от выполнения своих обязанностей... те, кто был разоблачен как скупщик или продавал продукты первой необходимости по чрезмерно высоким ценам, выше установленного законом для некоторых продуктов максимума; наконец, те, кто будет изобличен как плохой гражданин народными обществами или определенным числом граждан (проживающих в данном квартале и являющихся признанными патриотами), установленным предыдущими законами о подозрительных лицах» [73]. При отсутствии законодательного документа существовал риск, что определение подозрительных может оказаться неодинаковым в различных секциях и будет широко истолковано, что не лишено было опасности. 13 сентября «Общество революционных республиканок» потребовало заключения в тюрьму не только проституток, согласно обычаю того времени, но и «женщин, заподозренных в том, что они принадлежат к аристократии» [74].

Не желая больше ждать, революционные комитеты приступили тем временем к арестам. Так, 8 сентября революционный комитет секции Единства арестовал 24 подозрительных, «из коих шесть бывшие дворяне и одно духовное лицо весьма предосудительных нравов; остальные банкиры, нотариусы и скупщики» [75]. Хотя аресты подозрительных приносили глубокое удовлетворение санкюлотам, которых неотступно преследовала мысль о заговоре аристократов, отсутствие точных указаний все же мешало деятельности революционных комитетов, которой без конца препятствовали административные и правительственные власти. 12 сентября депутация этих комитетов явилась с жалобой в Конвент: значительное число арестованных ими подозрительных лиц было освобождено; троих выпустили на свободу по декрету Собрания под предлогом того, что они были необходимы на своих постах [76]. Это противоречие между политическими требованиями и административными потребностями все еще продолжало удерживать Конвент от декрета о смещении дворян со всех общественных должностей. Аресты продолжались. «Наконец-то,— писал Лаво в «Журналь де ля Монтань» от 13 сентября,— аристократия вот-вот будет раздавлена в Париже. Заговорщики всех мастей либо уже находятся под замком, либо так напуганы, что не смеют показываться».

Деятельность революционных комитетов, какова бы она ни была, казалась недостаточной. Санкюлоты ратовали за те меры общего характера, которых с 5 сентября не переставал требовать Бийо-Варенн, а именно закрытия застав, домашних обысков, широкой революционной акции, которая в течение нескольких часов поразила бы аристократов и подозрительных. Этим натиском поборников террора и объясняются слухи об избиениях, вновь распространившиеся к середине сентября.

15 сентября 1793 года секция Братства предложила в Генеральном совете Коммуны организовать домашние обыски во всех секциях в один и тот же день и в один и тот же час. «Помогите нам,— сказал оратор-санкюлот,— и вы увидите, как покатятся головы деспотов, подобно тому как в Нормандии осенью падают яблоки» [77].

На том же заседании секция Сплочения жаловалась на Управление полиции, которое слишком легко освобождало контрреволюционеров. Эбер воспользовался этим, чтобы подать мысль о расширении понятия «подозрительный»: «Конвент дал вам самые широкие полномочия; он распорядился арестовывать всех подозрительных лиц; ну что ж, надо брать под стражу не только несомненных аристократов, но и тех, кто ничего не сделал для свободы» [78]. Расширение понятия «подозрительный» отвечало настроению народа. Даже газета «Журналь де ля Монтань» устами Лаво, обычно столь спокойного, обрушилась 16 сентября на «изменников, злопыхателей и людей с дурными намерениями». В порядок дня стал террор: «Довольно, мы слишком долго старались их урезонить».

Конвент почувствовал опасность, он рисковал быть обойденным. Чтобы положить конец слухам о возобновлении избиений, он издал 17 сентября декрет о предании суду Революционного трибунала тех, кто распространяет ложные сведения о подобных планах [79]. Но главное, стремясь избежать всяких неправильных толкований декрета от 4 сентября, Конвент еще ранее уточнил в связи с докладом Мерлена из Дуэ принципы проведения в жизнь закона о подозрительных [80]. Он все еще оставлял властям, на которые было возложено его осуществление, очень широкую свободу толкования.

Родственник эмигранта считался подозрительным лицом, если только он ничем не проявил своей преданности революции; но по каким признакам следовало судить об этом? Каждый, кому было отказано в выдаче свидетельства о гражданской благонадежности, считался подозрительным; но закон не говорил ни слова о поводах и мотивах для такого отказа. Третья группа положений позволяла косвенным путем нанести удар по всем противникам монтаньяров: по тем, кто своим поведением или своими связями, речами или писаниями проявил себя как сторонник тирании или федерализма и враг свободы, а также по тем, кто не сможет объяснить, откуда он черпает средства к существованию (здесь имелись в виду спекулянты).

Несмотря на неопределенность статей закона от 17 сентября и на многообразие толкований, которые они допускали, он вызвал недовольство тех, кто опасался, как бы некоторые группы, особенно враждебные революции, не ускользнули от его действия. 18 сентября Колло д'Эрбуа потребовал, чтобы подозрительными считались торговцы, продающие свои товары по спекулятивным ценам, а также распространители ложных слухов [81]. Колло обрушился на совершенно конкретные преступления. Эбер же демагогически обвинял целую социальную категорию. Номер 291 его газеты «Пер Дюшен» изобличал *крючкотворство*: бывших судей, адвокатов, секретарей суда, прокуроров, ответственных за все беды республики; пусть же их объявят подозрительными. Конвент воспротивился смещению дворян, на котором настаивали многочисленные петиции, он не изменил также определение понятия «подозрительный», данное статьей 2 закона от 17 сентября.

Не добившись изменения закона, народные вожаки всячески старались обойти закон, использовать саму неопределенность его формулировок, дабы по возможности расширить его применение. 25 сентября депутация Клуба кордельеров просила поддержки Якобинского клуба, чтобы добиться от Конвента ареста всех подозрительных и запрещения их освобождения, пока они не будут подвергнуты перекрестному допросу при участии революционных комитетов, ответственных за их арест [82]. Власти, на которые было возложено проведение в жизнь закона, истолковывали по-своему главным образом третий пункт определения «подозрительный»: считать подозрительными тех кому отказано в выдаче свидетельства о гражданской благонадежности. Следовательно, оставалось определить условия получения свидетельств о гражданской благонадежности. 5 октября Шометт уточнил этот порядок в Генеральном совете Коммуны. Напомнив, сколько зла причинили республике священники и дворяне, он потребовал возвращения ими полученных свидетельств; Совет в пылу рвения аннулировал все свидетельства, выданные до его чистки [83]. Начиная все заново, он мог уточнить признаки, по которым тем или иным лицам впредь будет отказано в выдаче свидетельств о гражданской благонадежности, вследствие чего они будут считаться подозрительными. Это значило заменить определение «подозрительный», данное статьей 2 закона от 17 сентября, новым определением, более соответствующим политическим взглядам народных борцов.

Постановление от 10 октября 1793 года, принятое на основании речи Шометта, значительно расширило понятие «подозрительный», придав ему в то же время более явно выраженный политический характер. Было очевидно, что свидетельства о гражданской благонадежности не должны были выдаваться членам антипатриотических клубов, лицам, подписавшим контрреволюционные петиции, сторонникам Лафайета и виновникам избиения на Марсовом поле (пункты 11 и 12). Все остальные пункты допускали самое широкое

толкование. Не получат свидетельств о гражданской благонадежности и те, кто вносит беспорядок в общие собрания криком или *лукавыми речами* (пункт 1), равно как и те, кто не посещает их (пункт 9), не получат и те, кто «намеками говорит о несчастьях республики, сетует по поводу судьбы народа и всегда готов с притворным огорчением распространять дурные вести» (пункт 2), а также «те, у кого слова «свобода, республика и отечество» не сходят с уст, но кто часто посещает бывших дворян, контрреволюционных священников, аристократов, фельянов, умеренных и интересуется их судьбой»; «те, кто изменил свое поведение и свои высказывания в соответствии с событиями» (пункт 3), а также и «те, кто не принимал активного участия во всем том, что касается Революции» (пункт 6); «те, кто *с безразличием* отнесся к республиканской Конституции» (пункт 7); «те, кто *с презрением* отзывался об установленных властях, о народных обществах и о защитниках отечества» (пункт 10); «те, кто сочувствует алчным фермерам и торговцам, против которых закон вынужден принять меры» (пункт 4); короче говоря, «те, кто, ничего не совершив против свободы, ничего не совершил также и для нее» (пункт 8) [84]. Индифферентность становилась основанием для подозрения.

20 сентября визирование свидетельств о гражданской благонадежности было поручено революционным комитетам [85]. Отныне эти комитеты главенствуют над коммунами и секционными собраниями. Назначенные сначала общими собраниями, а затем прошедшие чистку со стороны Коммуны, эти комиссары, получавшие первое время три ливра в день, а затем пять, превращаются в служащих, находящихся в прямом подчинении правительственных комитетов. Став настоящей государственной полицией, но еще связанные многими узами с народными организациями и разделяя стремление санкюлотов к применению террористических мер, революционные комитеты были энергичными проводниками репрессий.

Наступление сторонников террора было тем более опасным для Конвента и правительства, что продовольственный вопрос продолжал в тот момент волновать народ.

4. *Народное движение и таксация*

4 сентября 1793 года под давлением народной манифестации Конвент постановил, чтобы через 8 дней ему был представлен проект закона о введении всеобщего максимума. Отвращение Собрания и его комитетов к управляемой экономике было столь велико, что, прежде чем уступить, они пытались различными маневрами всячески оттянуть этот момент, что еще более усилило народное недовольство.

11 сентября был окончательно принят декрет, в принципе одобренный Конвентом еще 3 сентября. Несомненно, именно этим и объяснялось то, что Шометт умолчал 5 сентября у барьера Собрания о продовольственном вопросе. Этот декрет устанавливал максимум на зерно и фураж для всей страны, как того давно требовали санкюлоты. Таким образом, на пути создания управляемой экономики был достигнут значительный прогресс. Но в глазах санкюлотов этот декрет оставался недостаточным: во время дискуссии Конвент отверг предложение о введении всеобщего максимума [86]. 14 сентября Лекуантр ответил представителю департамента Изер Женисьё, который настаивал на всеобщей таксации («чтобы торговцы впредь не могли продавать сукно по дорогой цене, покупая хлеб по дешевой»), что комиссия, учрежденная для составления проекта окончательного закона о ценах на продукты питания, занимается составлением этого доклада [87].

Фактически же эта комиссия, раздираемая глубокими разногласиями по вопросу о всеобщем максимуме, затягивала все дело. Нетерпение народа принудило ее выйти из своего инертного состояния.

Проблема снабжения оставалась крайне острой в течение всего сентября. Ежедневные донесения наблюдателей министерства внутренних дел сообщают о тревоге санкюлотов и о волнении, которое некоторые лица пытаются вызвать в своих целях. «Продовольственное положение тревожит умы многих граждан,— отмечает 6 сентября Беро,— и особенно жителей Сент-Антуанского предместья» [88]. Если раздача хлеба проходила в течение нескольких дней без волнений, то дороговизна других продуктов вызывала все более сильное недовольство. «Агитаторы смешиваются с толпой,— отмечает тот же наблюдатель 10 сентября,— и ожидают возвращения рабочих с работы; они подстрекают их отправиться в Коммуну, чтобы заставить ее... установить твердые цены на дрова и уголь; кроме того, они говорят рабочим, что поведут их всех в Конвент, чтобы с оружием в руках заставить его таксировать цены на все съестные продукты» [89].

К середине сентября у дверей булочных вновь начали собираться толпы. Секция Мон-Блан приняла 15 сентября решение о контроле за распределением хлеба; комиссары смогут доверять его последним, ставшим в очередь; таким образом надеялись положить конец скоплениям народа у булочных; указанным коммисарам разрешалось брать на заметку людей, которые вели антигражданские разговоры, а если надо, производить аресты [90]. 18 сентября секция Пик потребовала установления максимума на все продукты первой необходимости, а также таксации иностранных товаров на границе [91].

Чтобы умерить недовольство народных масс, Колло д'Эрбуа, уже добившийся ранее в надежде избежать всеобщего максимума одобрения декрета о скупщиках, попытался прибегнуть к новому маневру. 18 сентября он предложил объявить подозрительными торговцев, которые будут продавать свои товары по вздутым ценам: во время пребывания его с миссией в департаменте Уаза эта угроза якобы привела к снижению цены за фунт масла с 40 су до 20 су. Купе из Уазы подхватил это предложение, разоблачив цель всего маневра: «Кара, предложенная Колло д'Эрбуа, будет иметь больший эффект, чем все таксации». Робеспьер, не порицая этой меры, заявил, однако, что ее нельзя превращать в общий закон. Никаких последствий все это не имело, и недовольство народных масс продолжало расти.

Домохозяйки острее всех ощущали дороговизну, и «Общество революционных республиканок» использовало их настроение для агитации. 21 сентября, по словам наблюдателя Русвиля, оно предложило секции Круа-Руж программу требований, включавшую требование «таксации всех продуктов питания, потребляемых народом» [92]. По сообщению наблюдателя Рубо, в тот же день в секции Хлебного рынка около церкви Сент-Эсташ женщины в *грубых выражениях* сетовали на дороговизну, заявляя, что так не может больше продолжаться, «что надо силой заставить продавать продукты по ценам 1789 года, что они установят цены сами, раз Конвент не обращает никакого внимания на их нищету».

Всеобщее недовольство побуждало секции к действию. Инициатором движения стало народное общество секции Мезон-Коммюн. Оно приняло адрес, который общее собрание тотчас же одобрило. 20 сентября Генеральный совет Коммуны выделил нескольких своих членов для сопровождения петиционеров в Конвент [93]. Адрес секций был подан 22 сентября. В нем говорилось: «Вы декретировали в принципе, что на все продукты первой необходимости будут установлены твердые цены... Народ ждет вашего решения с нетерпением людей, страждущих от нужды; он надеется, что цены на продукты будут не выше минимума продажных цен 1790 года, который будет принят за нынешний максимум... Согласно закону о скупщиках, должны быть выявлены запасы всех продовольственных товаров; как только вы урегулируете цены, народ сможет ими пользоваться, не совершая никакой несправедливости» [94].

23 сентября Конвент заслушал доклад Купе из Уазы о всеобщем максимуме. Секции требовали, чтобы за основу были взяты цены 1790 года; комиссия взяла эти цены за основу, но повысила их на одну треть; она предложила установить максимум на заработную плату по ставкам 1790 года, повышенным наполовину. Конвент без прений *постановил напечатать доклад и отложил решение* [95].

Давление народных масс продолжалось. В тот же день на вечернем заседании Конвента секция Бон-Консей вновь потребовала общей таксации цен [96]. 23 сентября наблюдатель Моник отмечал, что «декрет, предписывавший муниципалитету установить твердые цены на дрова и уголь, доставил народу большую радость; хотят,

чтобы твердые цены были установлены также на свечи» [97]. Решатся ли Конвент и его комитеты отважиться на новый шаг?

5. *Народное движение и организация правительства*

В результате непрестанного давления в течение всего лета 1793 года народное движение вынудило Конвент и правительственные комитеты пойти на уступки. Первой его победой явились декреты от 5 сентября. Но упорно добиваясь принятия всех провозглашенных ими революционных мер, секционные руководители стесняли свободу действий правительства. «Народные движения справедливы только тогда, когда их делает необходимыми тирания,— напишет вскоре автор редакционной статьи официозной «Журналь де ля Монтань».— К счастью, народ Парижа хорошо сознает эту истину; он всегда верно чувствовал момент, когда восстание было нужно, необходимо и полезно; и негодяи, которые, желая услужить нашим врагам или удовлетворить свои личные интересы, подстрекали его к жестоким и беспорядочным выступлениям, всегда оказывались покрытыми позором и преданными презрению» [98].

Если бы народное движение было единым и выступало сплоченно, то Комитетам было бы трудно его сковать, а затем обуздать. Им пришлось бы склониться перед ним. Но масса санкюлотов часто оставалась в политическом отношении далеко позади тех, кто считал себя ее вожаками. Такие выдвинувшиеся вперед люди, как Жак Ру, Леклерк или Варле, в гораздо большей степени, чем осторожный Эбер, могли служить мишенью для ударов правительственных властей, озабоченных тем, как бы их не обошли, и стремившихся сохранить шаткое социальное равновесие, в котором постепенно нашло опору Революционное правительство. В интересах самой эффективности своей политики Комитет общественного спасения не мог более терпеть этих *беспорядочных* выступлений, то есть наступления масс, порой стихийного. Логика событий привела его к необходимости обуздать народное движение, что могло в конце концов лишь вызвать неприязнь к властям, столь мало уважавшим суверенитет народа, как его понимали санкюлоты. Трагическое противоречие, которое кончилось падением Революционного правительства.

* * *

Из всех народных вожаков наиболее уязвимым был Жак Ру. Его священнический сан, его крайности, его стычки с установленными властями в июне и июле 1793 года и, наконец, его первый арест в августе того же года делали его особенно уязвимым. Когда утром 5 сентября составлялась петиция, которую комиссары секций, собравшиеся в Якобинском клубе, намеревались отнести в Конвент, Жак Ру, делегированный своей секцией, имел неосторожность появиться в клубе. Он был там изобличен и препровожден в революционный комитет секции Гравилье [99]. Один из комиссаров подчеркнул незаконность подобной процедуры. Якобинцы настаивали на своем решении, тогда гражданский и революционный комитеты секции Гравилье отказались взять на себя подобную ответственность и направили Жака Ру в Комитет общественного спасения Парижского департамента [100]. На следующий день, считая его подозрительным и видя «в единодушном решении Общества якобинцев... неопровержимый довод против него», Комитет распорядился перевести Жака Ру в тюрьму Сент-Пелажи [101].

После ареста Жака Ру развернулось наступление с целью окончательно погубить его. Дефьё, связи которого с Эбером известны, взял это дело на себя. 8 сентября он добился назначения комиссии для приема разоблачительных материалов против Жака Ру. Одновременно он предложил тем, кто может дать показания против Леклерка, сделать это перед той же комиссией [102]. Таким образом, преследованию подверглись два народных журналиста, газеты которых конкурировали с газетой «Пер Дюшен». Хотя Жак Ру и Леклерк и мешали деятельности правительственных комитетов, тем не менее трудно не заметить в этом двойном обвинении 8 сентября интриг Эбера, завидовавшего успеху своих соперников среди санкюлотов.

Жак Ру и Леклерк реагировали немедленно. Газета «Публицист» заявила протест против «нарушения права людей»: арест Жака Ру в Обществе якобинцев, куда он был делегирован секцией Гравилье, и при исполнении им своих обязанностей, является посягательством на суверенитет народа. Леклерк в № 21 своей газеты «Ами дю пёпль» отвечает на «довольно гнусные нападки Дефьё», но главным образом старается отмежеваться от Жака Ру: «Я заявляю перед общественностью, что никогда не поддерживал с Жаком Ру никаких отношений, ни прямых, ни косвенных». Заявление, которое невозможно опровергнуть. Между Жаком Ру и Леклерком не было никаких связей, несмотря на схожесть их политики: и тот и другой без всякого предварительного соглашения выражали чаяния наиболее передовых санкюлотов. Леклерк заявил Дефьё, что тот не сможет заставить его замолчать: «Сто тысяч гильотин не помешают мне сказать народу всю правду». Жак Ру, находясь в тюрьме, продолжал руководить изданием своей газеты, а Леклерк не оставлял своих атак. Оба они с удвоенной силой обрушились на террористические меры и на Революционное правительство: они мыслили их только под постоянным контролем народа. Меры против подозрительных и чистка (так, как она проводилась), казались им опасными: они могли с одинаковым успехом обернуться как против врагов революции, так и против народных борцов.

Начиная с 11 сентября Леклерк критикует в своей «Ами дю пёпль» само определение «подозрительный»: оно позволит ударить

по патриотам. 15 сентября он пишет: «Потребовав поставить террор в порядок дня, в него внесли пагубный дух мести и личной ненависти. Сильный давит слабого и сажает его в тюрьму. Так как это единственное средство заставить меня умолкнуть, то я каждое мгновение жду ордера на арест, который должен заткнуть мне рот».

Те же идеи развивал из недр своей тюрьмы Жак Ру, поднимаясь до общей критики системы террора и проявляя даже некоторый классовый подход к этому вопросу. Кто же те враги, которых надо бить? «Это дворяне, стоящие во главе администрации; это судебные исполнители, прокуроры, адвокаты, нотариусы, советники, которые при старом порядке были пожирателями рода человеческого... Это крупные торговцы, которые за время Революции приобрели огромные поместья» [103]. Жак Ру говорит о «Бастилии, возрождающейся из пепла». «Нельзя заставить любить и ценить правительство, властвуя над людьми с помощью террора» [104]. Аресты подозрительных доверены интриганам, которые злоупотребляют этим правом, чтобы утолить свою жажду мести тем, кто имел мужество сорвать с них маску. Жак Ру, по-видимому, судил об осуществлении закона о подозрительных на основании своего личного опыта. Он ставит под сомнение всю систему народных репрессий и чистки, когда пишет: «Верх жестокости — сажать в тюрьму, как подозрительных для Республики, тех, кто имел несчастье не понравиться комиссару секции, полицейскому шпиону, мелкому канцеляристу, секретарю казначейства, привратнику Национального Конвента, тюремщику или председателю народного общества». Дабы расстроить интриги и предупредить произвол, Жак Ру требует предоставления каждой секции права освобождать любого гражданина, чью гражданскую благонадежность она удостоверит. «Народ, который знает своих истинных друзей, сможет благодаря этому избавить их от ужасов тюрьмы... Кучка честолюбивых и мстительных комиссаров не сможет больше вымещать свою ненависть на почтенных людях» [105]. Жак Ру возлагал все свои надежды на общее собрание секции Гравилье, где у него были многочисленные сторонники. Но если, живя среди санкюлотов и ведя вместе с ними борьбу, он с полным основанием верил их революционному чувству, то в проблемах общей политики он не разбирался. Поручить аресты подозрительных общим собраниям как последней инстанции значило бы обречь на провал эту меру и внести в секции беспорядок. Тут явное противоречие между демократической концепцией народного суверенитета и необходимостью революционного действия. Будучи пылкими демократами, ни Жак Ру, ни Леклерк не были, однако, достаточно крупными политиками, чтобы разрешить это противоречие.

Их кампания против террора была тем более опасна для Комитета общественного спасения, что она сопровождалась резкими выпадами против организации правительственной власти.

«Чем объяснить, что счастье народа — только мечта?»,— спрашивает Жак Ру в № 265 газеты «Люблисист» [106]. «Это происходит потому, что люди, в руках которых находятся бразды правления, либо слишком бессильны, либо невежественны... Потому что добродетель неподкупных людей растворяется в толпе изменников, как растворяется в широкой реке слабый ручеек». Осудив Робеспьера, как и Дантона, Жак Ру в следующем номере своей газеты изобличает неспособность Исполнительного совета. Еще несколько дней и «мы увидим; удержатся ли они на своих местах; хотя они и создали для нас величественную конституцию, но только для того, чтобы каждое мгновение нарушать ее, чтобы насильничать над людьми и собственностью; еще несколько дней, и мы увидим, будет ли организована исполнительная власть». Если в № 267 своей газеты [107] Жак Ру превозносит депутатов-монтаньяров за то, что они дали «республиканскую конституцию», то это напоминание должно лишь побудить их не присваивать себе всех полномочий и прислушиваться «с уважением к голосу народа, который громко требует организации исполнительной власти и непереизбираемости лиц, составляющих ее органы» (указанное требование поддерживал также и Леклерк). В последних номерах своей газеты, выходившей до середины октября, Жак Ру не отказался от злобных выпадов против правительства. Скандальные события, затронувшие Конвент,— дело Перрена, арест которого за растрату был декретирован 23 сентября, дело Робера, «который скупил из патриотических побуждений множество бочек рома»,— послужили для него предлогом, чтобы осудить в № 269 своей газеты всю политику правительства: «Нечего более удивляться тому, что самые спасительные декреты, направленные против ажиотажа и скупки, не были проведены в жизнь, как и тому, что в комитетах чинили столько помех свободе и счастью народа». Слишком легко увлекались людьми (намек на Робеспьера) вместо того, чтобы твердо держаться принципов. Победы над внешним врагом ни к чему не приведут, если внутри страны «интриганы будут сеять среди граждан неверие, страх и отчаяние».

В своей газете «Ами дю пёпль» Леклерк вел такую же ожесточенную кампанию за проведение в жизнь Конституции, то есть за роспуск Конвента. «Конституция, вся Конституция, ничего, кроме Конституции»,— провозглашает он в номере от 4 сентября 1793 года. В следующем номере он требует утверждения принципа непереизбираемости лиц, входящих в правительство, который он считал «защитой народа и оплотом свободы»; привычка управлять разлагает людей; это была неприкрытая атака против правительственных комитетов. 11 сентября Леклерк вновь обличает «манию наших законодателей, которые не хотят введения Конституции».

Ни Жак Ру, ни Леклерк не ограничились этой кампанией в печати против террора и правительства. Они заставили действовать своих сторонников.

Партия Жака Ру развернула контрнаступление в общем собрании секции Гравилье. 9 сентября после чтения различных документов, относившихся к аресту Жака Ру, один гражданин заявил, что «партия, враждебная Жаку Ру, обольщала себя надеждой предать его смертоносному мечу, раз ей не удалось поразить его мечом закона». Эти слова вызвали целую бурю. После бурных прений председателю удалось закрыть заседание [108]. Попытка сторонников Жака Ру увлечь за собой общее собрание на этот раз потерпела неудачу. Но прошлые его заслуги и его необыкновенная доброта к обездоленным позволили им возобновить попытку. Впрочем, его сторонники оказались достаточно сильными, чтобы, вопреки революционному комитету и враждебной группе, вдохновляемой Леонаром Бурдоном, добиться решения направить в Коммуну депутацию. 13 сентября она потребовала освобождения Жака Ру. Эбер обрушился на него, перечисляя его «*преступления*»: он приписывал ему расхищения сахара и мыла; упрекал в том, что 31 мая он предлагал насильственные меры, напоминал об его изгнании из Клуба кордельеров; обвинял его «во множестве интриг, порочных поступков и подстрекательстве народа к восстанию» [109]. Совет перешел к рассмотрению очередных дел, мотивируя свое решение законом о подозрительных. Жак Ру остался в тюрьме, откуда он еще продолжал изобличать «*новых инквизиторов*». Но вскоре ему пришлось умолкнуть.

Наступление Леклерка, казалось, было опаснее. Благодаря «Обществу революционных республиканок», действия которого как раз в это время вызвали волнения на улицах и рынках (из-за ношения кокарды), он располагал более широкой аудиторией. Газету Леклерка, по-видимому, усиленно читали. Наблюдатель Латур-Ламонтань сообщал об этом 11 сентября, указывая, что она старается «посеять среди граждан раскол и ослабить доверие и уважение, которые надлежит питать к установленным властям». Латур-Ламонтань возвращается к Леклерку в своем донесении от 13 сентября: «Число подписчиков его газеты растет с каждым днем, ее рвут друг у друга из рук с жадностью, которая лишь доказывает, каких принципов дезорганизации она придерживается». Леклерк пытался воздействовать на секции через посредство «Общества революционных республиканок». 11 сентября в секции Горы одна из депутаций этого общества потребовала «ясного закона об ответственности министров». 15 сентября во время церемонии в честь Лепелетье и Марата в той же секции одна из женщин выступила с резкой критикой всех установленных властей, «не пощадив даже Конвента» [110]. Эта постоянная агитация революционных республиканок стала в конце концов раздражать правительственные круги.

Предлогом к наступлению против их общества послужило столкновение между его председательницей Клер Лакомб и гражданкой Гобен, которая «дала волю своим чувствам, обвиняя названного Леклерка, ежедневно оскорбляющего прах Марата изданием листка

в подражание газете этого великого человека». Клер Лакомб потребовала от нее доказательств обвинения, грозя ей исключением из общества за клевету. Гражданка Гобен в ярости передала в Якобинский клуб письмо Клер Лакомб. 16 сентября чтение этого письма послужило поводом к генеральной атаке [111]. Один оратор утверждал, что революционные республиканки «фанатически преданы Леклерку». Шабо поносил этих *мнимых революционерок*, и особенно Клер Лакомб, за то, что она добивалась освобождения одного бывшего дворянина: «Мадам Лакомб говорила со мной тогда самым настоящим языком фельянов, заявляла, что нельзя так держать людей в тюрьме; что и при революции и без революции их надо допрашивать в течение двадцати четырех часов и освобождать, если они невиновны, либо, если они виновны, тотчас же отправлять их на гильотину». Эти речи были вполне в духе кампании Леклерка. Кроме того, революционные республиканки осмелились задеть Робеспьера, назвав его *господин Робеспьер!* После Шабо выступил Базир, использовавший заявление делегации «Общества революционных республиканок» в связи с одним арестом; считая его несправедливым, эта делегация потребовала разрешения на коллективное посещение тюрем для ознакомления с причинами ареста и, когда это нужно, для освобождения арестованных. Клер Лакомб обвинялась в том, что она дала приют у себя «господину Леклерку, бывшему дворянину и известному контрреволюционеру», виновному, вдобавок, в краже пары пистолетов! По словам одного оратора, «эта женщина во все сует свой нос»; в одном собрании она начала с требования Конституции, ничего, кроме Конституции, всей Конституции (это был лозунг Леклерка), а кончила клеветой на установленные власти. «Женщина, которую перед вами изобличают,— заявил другой,— очень опасна, ибо она весьма красноречива; сначала она хвалит, а затем нападает на установленные власти». Так в этом потоке критики и клеветы приобретает более ясные очертания образ Клер Лакомб — женщины красивой, красноречивой и смелой, а также вырисовывается тактика «Общества революционных республиканок»: не давать покоя, подталкивать секционные собрания, народные общества и установленные власти. Их политические цели те же, что и у Леклерка, как он излагал их в своей газете «Ами дю пёпль»: проведение в жизнь Конституции, контроль народа над репрессиями.

Клер Лакомб присутствовала на заседании, сидя на трибуне. Она тщетно пыталась получить слово: завсегдатаи Якобинского клуба были против нее. В конце концов клуб предложил революционным республиканкам избавиться посредством чистки от подозрительных женщин, которые руководили их обществом. Клер Лакомб отвели в Комитет общественной безопасности. Ночью она была освобождена [112].

Первым результатом нападок Якобинского клуба на «Общество революционных республиканок» было закрытие газеты Леклерка.

Номер 21, в котором он еще протестовал против беззаконных арестов, вышел 15 сентября. Дальнейших номеров не последовало. Леклерк опасался участи Жака Ру: к концу заседания 16 сентября в Якобинском клубе уже потребовали его ареста [113]. Отныне Леклерк окончательно ушел с политической арены; в его лице передовые санкюлоты потеряли самого боевого выразителя своих чаяний, а правительственные комитеты избавились от самого опасного противника.

Итак, «Общество революционных республиканок» вынуждено перейти к обороне, Леклерк обречен на молчание, Варле, как и Жак Ру, в тюрьме — таков конец народных вожаков, от которых Комитет общественного спасения мог в какой-то момент ожидать, что они поднимут против Конвента новое восстание. «Лицемеры,— восклицал несколько дней спустя Жак Ру,— они использовали таких людей, как Леклерк, Варле, Жак Ру, Бургуен, Гоншон и т. д. Они использовали революционных республиканок, вроде Лакомб, Коломб, Шампион, Ардуен и множество других республиканок, чтобы сломать скипетр тирана, по которому они вздыхали, чтобы свергнуть касту государственных деятелей, осуществлявших деспотизм, которого они сами жаждали... А сегодня они топчут ногами тех, кто вершит революции» [114]. Жак Ру не понимает, что услуги, оказанные революции, не могут оправдать в глазах Комитетов, озабоченных равновесием, ни беспорядочной агитации передовых санкюлотов, ни атак на Революционное правительство, которое только начинало становиться на ноги.

* * *

Эти атаки нашли конкретное воплощение в петиции Клуба кордельеров, представленной в Конвент 18 сентября; петиция эта хотя и не имела в виду организацию исполнительной власти, однако резко порицала действия представителей, посланных с миссией в департаменты и в армии.

Петиция Клуба кордельеров, составленная Венсаном, пыталась ни более ни менее как оспаривать независимость Комитета общественного спасения в отношении народного движения, которую Комитет старался завоевать; она добивалась отмены августовского декрета об отозвании комиссаров исполнительной власти, избранных в большинстве из числа друзей Венсана и Бушотта и вообще хороших санкюлотов. Венсан в свою очередь обрушился на представителей, посланных с миссией, которые во многих случаях вступали в конфликт с комиссарами исполнительной власти; он требовал, чтобы им запретили принимать самостоятельные решения и осуществлять меры, идущие вразрез с действиями Исполнительного совета. Эта петиция была очень враждебно встречена Конвентом, хотя она была даже смягчена, поскольку кордельеры не посмели

настаивать на ее 5 пункте, требовавшем отозвания всех представителей, посланных с миссией [115].

Благодаря энергичному вмешательству Робеспьера Комитет общественного спасения отбил эту атаку. Вожди Клуба кордельеров тем не менее настаивали на своем мнении и 18 сентября попытались оправдать свою позицию в Якобинском клубе; кончили они тем, что расклеили свою петицию на стенах Парижа [116]. По словам наблюдателя Рубо (19 сентября), она вызвала некоторое волнение: «Прочитав ее, люди отходили, говоря, что петиция содержит правду, которую Конвент не имеет мужества признать, а тем более принять» [117].

Эбер воспользовался моментом и в № 292 и 295 своей газеты поставил вопрос не о переизбрании Конвента, а о чистке его личного состава. Поздравив Собрание с уже принятыми революционными мерами, он обрушивается на «некоторых новоявленных монтаньяров, которые вот уже несколько месяцев тявкают, подобно шавкам, вместе с болотными жабами»— почему их не рассматривают как подозрительных? «Уж не думают ли те, кто до 31 мая были закадычными друзьями каналий бриссотинцев и жирондистов, что они отделаются сегодня, изображая из себя святых?» Пусть Конвент сам подаст великий пример, пусть очистит себя от всех интриганов. В № 295 Эбер воздает должное Конвенту, *нашему единственному спасению*, но только для того, чтобы предостеречь Конвент от новоявленных бриссотинцев. Он даже не щадит некоторых членов Комитета общественного спасения, особенно Барера. Нападки Эбера тем более опасны, что Комитет общественного спасения становится как раз в эти дни объектом всеобщих атак внутри Конвента.

6. *Уступки и консолидация Революционного правительства*

В то время как Комитет общественного спасения силился сдержать народный натиск и справиться с наступлением крайних, он сам подвергся атакам в Конвенте.

Конфликт назревал уже давно. Усиление власти правительства обострило его [118]. Результатом этого явились неизбежно трения с представителями в миссии, действия которых усилили недовольство в Конвенте и среди самих монтаньяров. Начиная с августа поведение некоторых представителей, посланных с миссией в армии, вызывало нарекания: так, 8 сентября были поставлены под сомнение действия Мерлена из Тионвиля и Ребеля, подписавших акт о капитуляции Майнца. Хотя 17-го Собрание одобрило их действия, они все же остались подозрительными в глазах Комитета общественного спасения [119]. 11 сентября в Якобинском клубе резким

нападкам подвергся Бурдон из Уазы за его разоблачения, направленные против Россиньоля; Робеспьер, правда, не допустил его исключения, но признал правоту санкюлотского генерала [120]. Таким образом, отношения некоторой части монтаньярских депутатов с правительством обострились. Военные поражения в середине сентября и последовавшие за ними смещения дали им повод для внезапного наступления на Комитет общественного спасения.

Когда Бушотт 24 сентября сообщил о смещении Ушара и Ландремона, командовавших Северной и Рейнской армиями, это послужило сигналом к атаке [121]. Она возобновилась 25-го. Тюрио, который 20-го подал в отставку и вышел из Комитета общественного спасения, выступил с резкой критикой политики правительства. Он нападал на управляемую экономику. «Преступны те, кто хочет заставить народ поверить, будто он не достигнет процветания, если не подрубит все сучья древа торговли». Он обрушился на чистку. «Теперь пытаются внушить по всей Республике, что она не удержится, если не назначат на все посты кровожадных людей». И в заключение сказал: «Необходимо остановить этот бурный поток, который увлекает нас к варварству». С этой пламенной обвинительной речью он обращался не столько к Комитету общественного спасения, сколько к народному движению; она отвечала тайным намерениям Конвента, который покрыл эту речь аплодисментами и распорядился ее отпечатать [122]. После того как Бриез, представитель Конвента, капитулировавший в Валансьенне, представил неблагоприятный для Комитета отчет о положении в Северной армии, оппозиция ухватилась за этот предлог и добилась решения ввести Бриеза в Комитет общественного спасения.

Робеспьеру пришлось бросить на весы весь свой авторитет и использовать все свое красноречие. Он очень ловко обрушился на всех оппозиционеров, как на представителей Конвента, желающих свалить Комитет общественного спасения, так и на народных вожаков, которые совсем из других побуждений стремятся к тому же. «Всякий, кто пытается унизить, расколоть, парализовать Конвент,— враг отечества, независимо от того, заседает ли он в нашем кругу или он непричастен к нему... Он существует, этот план опорочивания, он существует даже в тех местах, где должен властвовать патриотизм, в клубах, претендующих быть более чем патриотами». Осудив таким образом крайних, Робеспьер с тем большей легкостью смог оправдать политику Комитета. В конце концов Конвент выразил Комитету общественного спасения свое полное доверие [123].

Сочетание нападок ряда депутатов и кампании Эбера и Клуба кордельеров — все это, конечно, не могло не поразить сторонников Комитета. В тот же вечер, 25-го, Рессон доложил в Якобинском клубе «о неоднократных, хотя и тщетных атаках на Комитет общественного спасения»; он намекнул на петицию Клуба кордельеров, «которая явно содержит принципы, идущие на пользу нашим

врагам», а также на речь, произнесенную Эбером 21 августа в Якобинском клубе, в которой тот требовал организации исполнительной власти в соответствии с Конституцией: «Такое требование производит весьма сильное впечатление в устах человека, пользующегося репутацией патриота, чьи знания и ум общепризнанны». Робеспьер еще раз доказал, что добиваться «в такой момент организации министерства в соответствии с Конституцией равносильно разгону самого Конвента» [124]. Итак, впервые ясно обнаружились первые признаки раскола. В августе Эбер развернул свою кампанию за организацию исполнительной власти, и никто не обвинял его в лжепатриотизме или в том, что он действует в интересах врагов республики. Примечательно, что обвинения против него были выдвинуты не Робеспьером, постоянно заботившимся о единстве патриотической партии, а менее влиятельными якобинцами.

Как всегда проницательный, наблюдатель Русвиль верно определил всю важность этого соперничества и его суть. «Приходится опасаться,— писал он 26 сентября,— как бы не вспыхнула своего рода ссора между писателями-патриотами и Комитетом общественного спасения, между Конвентом и народными обществами из-за организации исполнительной власти в соответствии с Конституцией. Если бы Конвенту и его комитетам не повезло на войне или в делах внутреннего управления, не было бы никакого иного средства исправить политическую систему, между тем как в другом случае [то есть организовав исполнительную власть в соответствии с Конституцией.— *Ред.*] всегда можно было бы свалить ошибки на министров, а законодательная власть никогда не утратила бы доверия. Но неудобство состояло бы в том, что после организации исполнительной власти потребовали бы обновления самого Национального Конвента. Но покарайте Бриссо и компанию, обновите администрацию департаментов, пустите в ход «революционную армию», довершите до конца законы и процессы против всех подозрительных лиц — тогда либо злонамеренные не посмеют заговаривать о вашей замене, либо, если они посмеют, вы будете иметь на своей стороне всю массу патриотов, а она, будьте уверены, непобедима» [125].

Принять программу народных вожаков и крайне левых журналистов и примириться таким путем с санкюлотскими массами — вот какое решение избрал в конечном счете Комитет общественного спасения. Такое решение имело еще и то преимущество, что давало возможность держать в руках Конвент, запугивая его народным наступлением, которому, таким образом, была дана полная свобода. Итак, Комитет общественного спасения решился на две основные меры из программы, требуемой народом: управление экономикой было усилено введением всеобщего максимума, террор был ускорен, королева и жирондисты преданы Революционному трибуналу.

* * *

Обсуждение проекта всеобщего максимума, отложенное 23 сентября, было возобновлено 25-го и продолжалось в последующие дни [126]. У народа вновь вспыхнула надежда. «Повсюду только и разговоров, что о продовольствии»,— замечает Латур-Ламонтань 27 сентября,— и хотя беспокойство продолжает терзать народ, он, несмотря на это, «осыпает благословениями» своих представителей, наконец-то приступивших к обсуждению проекта.

29 сентября закон о максимуме был принят [127]. «Весь санкюлотский народ,— замечает Русвиль,— очень доволен тем, что воздвигнуты преграды для спекуляции и алчности, он благословляет Конвент и Революцию» [128]. Таксация отвечала глубоким чаяниям народных классов.

Попутно начали осуществлять террор. 2 октября за заседании Якобинского клуба был представлен обвинительный акт по делу жирондистов. На следующий день Амар наконец представил свой отчет. Декрет от 28 июля, поставивший 18 депутатов вне закона, был утвержден; 48 были преданы Революционному трибуналу; что касается лиц, подписавших протесты против движения 2 июня (75 человек), то благодаря вмешательству Робеспьера было просто принято решение об их аресте [129]. Хотел ли Робеспьер, делая этот шаг, дать отпор притязаниям сторонников террора или же хотел сохранить для себя заложников против Болота?.. К концу заседания Бийо-Варенн провел декрет, согласно которому королева в течение недели должна была быть предана Революционному трибуналу [130]. Лебуа, один из руководителей обновленной секции Борепера, опубликовал на следующий день «Общий список выигравших в Святую Гильотину», выразив этим удовлетворение народных борцов [131]. Эбер высказал свою бурную радость по поводу того, что «негодяй Бриссо и вся жирондисткая клика» предстанет перед Революционным трибуналом [132].

Эти уступки на время успокоили общественное мнение: маневр правительства удался. Его, правда, облегчили некоторые обстоятельства. После движения 4 и 5 сентября мощный патриотический порыв всколыхнул секции. Если набор людей, подлежащих реквизиции, вначале был сопряжен с трудностями, которыми умеренные не замедлили воспользоваться, то он возобновился с новым подъемом после победы санкюлотов в соответствующих секциях. Представление мобилизованных молодых людей у барьера Конвента дало им возможность продемонстрировать свою преданность республике и, кроме того, свое лояльное отношение к Собранию [133]. Так, 22 сентября секция Круа-Руж и общество Друзей свободы просили Конвент оставаться на своем посту [134]. В тот же день мобилизованная молодежь из секции Бонди убеждает Конвент не расходиться «до тех пор, пока Республика не будет утверждена на незыблемой основе» [135]. Кампания Эбера, так же как Леклерка, не смогла увлечь ни общие собрания, ни народные общества; это доказывает, что влияние их, несмотря на все, было ограниченным, что национальное чувство, кроме того, играло важную роль в умонастроении народа, что, наконец, государственная власть неуклонно крепла.

Доверие, вновь выраженное Конвентом Комитету общественного спасения, удовлетворение, высказанное общественным мнением в связи с уступками, сделанными Собранием, спокойствие в секциях и народных обществах — все это означало провал кампании крайних. В начале октября единство патриотов, казалось, было вновь восстановлено. «Раскол, уже намечавшийся между членами Горы,— писал автор редакционной статьи в «Журналь де ля Монтань» 1 октября,— почти полностью ликвидирован. Народ, чья душа раскрывается навстречу великим и спасительным мерам, применяемым Комитетом общественного спасения, может отнестись к этому пагубному расколу только с полным равнодушием».

Никто — ни Конвент, ни народ — не препятствовали укреплению власти Комитета общественного спасения: 10 октября 1793 года по предложению Сен-Жюста временное правительство Франции было объявлено революционным впредь до заключения мира [136]. Комитет общественного спасения подчинил своему контролю исполнительную власть, не только министров, но и администрацию на местах. Так закончилась длительная эволюция: введение Конституции было официально отложено, существование Революционного правительства узаконено.

* * *

Все эти преобразования должны были иметь весьма серьезные последствия для народного движения. Революционное правительство начало набирать силы после 2 июня 1793 года, перед лицом грозящей опасности и благодаря помощи санкюлотов. Пока оно формировало свой руководящий орган в лице Комитета общественного спасения, обновленного 10 июля и до 6 сентября постепенно все более укреплявшегося, народное движение заставило его осуществить большие революционные преобразования лета 1793 года: всеобщее ополчение, арест подозрительных и введение террора, всеобщий максимум и управляемую экономику.

Но по мере того как Революционное правительство укрепляло свои позиции при поддержке того же народного движения, тенденция менялась: Комитет общественного спасения постепенно завоевывал независимое положение. Играя на страхе Конвента перед новым восстанием, которое могло бы кончиться его роспуском, а также используя престиж Собрания в глазах народа, комитет понемногу брал на себя роль посредника. Ревниво относясь к своей власти, Конвент мог терпеть все возраставшую роль Комитета только в той мере, в какой он охранял его от новых посягательств санкюлотов.

Конвент состоял из представителей буржуазии, которых обстоятельства заставили принять политическую демократию и голосовать за законы, требуемые народом, ибо только таким образом они могли побудить массы защищать революцию, но он стремился сохранить за своим классом руководящую роль и не мог допустить, чтобы политическая демократия превратилась в демократию социальную. Опираясь на санкюлотов, без содействия которых, как он знал, ему не спасти революцию, Комитет общественного спасения не хотел все же отдаться целиком на их волю. Сосредоточив все свои усилия на достижении победы в войне, он считал необходимым обеспечить себе содействие всех элементов нации; он не мог позволить захлестнуть себя народному движению, рискуя оттолкнуть от себя те группы буржуазии, которые его поддерживали.

В период со 2 июня по 10 октября 1793 года санкюлоты дали возможность Комитету удержаться, преодолеть кризисы, вызванные военными поражениями и интригами контрреволюционеров, заставить Конвент признать себя и мало-помалу укрепить свои позиции. Комитет же в это время старался сдержать народное движение. Санкюлоты тянулись к прямой демократии. Руководители секций и клубов желали, чтобы с ними советовались и чтобы им предоставили часть мест в административных органах; они страстно добивались чистки и репрессий. Что касается народных масс, интересовавшихся главным образом продовольственной проблемой, то они требовали всеобщей таксации. Если Комитет общественного спасения в конце концов уступил в этом вопросе, если он смирился с усилением террора, то он все же не переставал сдерживать натиск народа, отказываясь в ряде вопросов идти на какие-либо уступки, например в вопросе изгнания со всех постов дворян, которого упорно требовали санкюлоты.

Таким образом, уже тогда наметились разногласия между Революционным правительством и санкюлотами. Сохранится ли это непрочное равновесие между натиском народа и сопротивлением правительства, или же оно будет нарушено?

ГЛАВА V

ОРГАНИЗАЦИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

(10 октября 1793 года — 14 фримера II года)

1. Народные требования и правительственная узда.— 2. Наступление правительства на народные организации.— 3. Стабилизация правительства.

Правительство, провозгласившее себя революционным вплоть до заключения мира, мало-помалу налаживало свою работу. Все его усилия были направлены на разрешение военных задач. Уже в октябре были достигнуты первые результаты: проведено всенародное ополчение, начато военное производство; первые ружья, выпущенные новыми мастерскими, были представлены в Конвент в начале ноября. Военные усилия увенчались успехом: интервенты начали отступать. Еще 6—8 сентября в результате победы при Гондсхооте (Гондшот) был освобожден Дюнкерк; 16 октября благодаря победе под Ваттиньи был освобожден Мобеж; 17 октября вандейцы были разбиты в Шоле.

В области внутренней политики все старания Комитета общественного спасения были направлены на то, чтобы организовать деятельность правительства, упорядочить политическую жизнь и взять народное движение под контроль. Требования народа не ослабевают, особенно требования политических и экономических репрессий. Меры, принятые в течение сентября, дали санкюлотам некоторое удовлетворение, но не заставили их разоружиться. В октябре и в начале ноября их влияние находится в апогее. Но уже ощущается стремление правительства ограничить народное движение узкими рамками и не позволить ему выйти за них; это нашло отражение в роспуске женских клубов и наступлении на секционные общества.

В этой подспудной борьбе против народного движения Революционное правительство получило поддержку умеренной фракции партии монтаньяров, порвавшей с крайними, использовавшими в своих политических целях социальные требования санкюлотов.

Соглашению, которое, таким образом, намечалось и которое могло состояться только при повороте руля вправо, был внезапно положен конец. Началась дехристианизация, вызвавшая новый подъем народного движения. Комитет общественного спасения пытался его обуздать, чем и подчеркнул свой разрыв с массами санкюлотов. Декрет от 14 фримера II года, организовавший правительство и укрепивший его власть, санкционировал эволюцию, начавшуюся после 2 июня.

1. *Народные требования и правительственная узда*

Осенью 1793 года наступление народных масс развивалось в обычном направлении, характерном для умонастроения санкюлотов. Укрепляя свои позиции в тех немногих секциях, которые до сих пор еще ускользали из-под их влияния, санкюлоты страстно добивались чистки и репрессий, требуя в то же время для себя улучшения условий жизни путем усиленного контроля над экономикой.

* * *

Движение за проведение чистки, начавшееся после 4 и 5 сентября 1793 года, продолжалось всю осень. Но хотя Революционное правительство соглашалось с санкюлотами в том, что в административные органы следует набирать преданных и политически надежных служащих, оно намеревалось ограничить чистку точно установленными рамками, дабы не восстанавливать против революции новые категории граждан.

Административные органы и Комитеты обращались к общим собраниям и к народным обществам в целях организации в своих рядах чистки и набора нового штата. В брюмере гражданин Шоссар, бывший начальником канцелярии Революционного правительства при Комитете общественного спасения, просил общее собрание секции Музея, куда он входил, назначить десятерых граждан, «сочетающих в себе революционное чувство и общепризнанную гражданскую благонадежность со способностями, умением и предприимчивостью» [1]. Циркуляром от 2 фримера Комитет общественного спасения в свою очередь обратился к обществу Лепелетье, предложив ему составить список граждан, способных выполнять всякого рода общественные обязанности. Общество постановило открыть запись кандидатов [2]. Таким образом, принадлежность к какому-либо народному обществу стала обязательным условием для получения места. Активные секционеры старались еще более усилить эту тенденцию. В связи с жалобой на неудачный выбор большинства секретарей и агентов представителей, находящихся в миссии, Клуб кордельеров потребовал 27 брюмера от Комитета общественного спасения, чтобы они были снабжены «удостоверениями о гражданской благонадежности и свидетельствами, выданными народными обществами, членами которых они обязаны состоять. Помимо того, они должны пройти проверку в материнских обществах — Якобинском клубе и Клубе кордельеров, которым непосредственно и путем переписки надлежит убедиться в гражданской благонадежности и пригодности этих служащих» [3].

Наиболее явным свидетельством такой нетерпимости санкюлотов была петиция народного общества секции Лепелетье. 27 брюмера один из его членов потребовал, чтобы были изгнаны со всех административных должностей «сыновья королевских секретарей, все бывшие дворяне, биржевые маклеры и вообще все лица, о которых известно, что они имеют более трех тысяч ливров ренты». Принятая 2 фримера и утвержденная собранием секции, эта петиция направлена против той *массы мюскаденов*, которая захватила все должности и живет за счет нации —«деньги бедной Республики» должны идти только санкюлотам. Кроме того, холостяки с годовым доходом более 2400 ливров не должны допускаться к занятию платных общественных должностей. Этот же декрет предполагалось еще распространить на молодых людей, чьи родители были достаточно богаты, чтобы дать им возможность избрать другую профессию, а не служащих республики [4]. Речь шла прежде всего об отстранении богатых от платных должностей. Общество секции Пуассоньер одобрило эту петицию 22 фримера, уточнив, что любая платная должность, назначением на которую ведает секция, должна предоставляться лишь по конкурсу и предпочтительно, при прочих равных качествах, неимущим. Однако конкурс был сопряжен с риском поражения кандидатов-санкюлотов, как правило, менее образованных. Поэтому, когда 22 нивоза общество секции Пуассоньер составляло список кандидатов на должность комиссара по борьбе со спекуляцией и один из его членов заметил, что рассмотреть, насколько кандидаты пригодны к занятию платных должностей, поручено комиссии, другой гражданин горячо восстал против этого решения, потворствующего богачам, интриганам и аристократам; в результате общество распустило комиссию [5]. Гражданская благонадежность была важнее способностей. Санкюлоты хотели удержать за собой монополию на занятие должностей, исходя при чистке из социальных критериев; ими руководило смутное классовое чувство.

Параллельно чистке административных органов шла чистка общих собраний. Она вызвала скрытый конфликт, который быстро

выявил, что как цели, так и средства Революционного правительства отличны от целей и средств народного движения. 5 брюмера забота об эффективном проведении чистки побудила секцию Санкюлотов назначить комиссаров для разбора постановлений общего собрания, принятых до 10 августа 1792 года. Тогда она узна́ет «приверженцев Лафайета и Байи (Бальи), объявивших себя патриотами только после того, как опасность миновала» [6]. 19 брюмера та же секция предложила Коммуне исключить тех, кто был сторонником Раффе во время выборов командующего парижской национальной гвардии. Шометт выступил против этого предложения, которое лишило бы гражданских прав значительное число граждан [7].

Хотя никаких мер общего характера против бывших сторонников Раффе принято не было, их тем не менее часто изгоняли из собраний и считали подозрительными. Критерии, на которых базировалась чистка, были столь широки, что их можно было легко применить к ним.

Такая систематическая чистка протекала не всегда гладко. Наиболее знаменательный инцидент был вызван постановлением секции Муция Сцеволы, принятым 5 брюмера под влиянием Венсана. Из собраний были исключены и лишены гражданских прав все подозрительные, освобожденные из-под ареста, лица, подписавшие антигражданские петиции, и члены антинародных клубов; у них должны были быть отобраны гражданские удостоверения личности и заменены красными удостоверениями, список их имен вывешен у дверей собраний и внесен в протокол, пока не будет отпечатан общий список [8]. Это постановление было 15 брюмера осуждено Коммуной и 19 брюмера подверглось критике в официозной «Журналь де ля Монтань», особенно в связи с исключением освобожденных из-под ареста подозрительных лиц. «Если,— пишет автор передовой статьи,— достаточно подвергнуться аресту как подозрительное лицо, чтобы потерять навеки право гражданина, то от революционного комитета одной лишь секции, который может оказаться неосведомленным или подпасть под влияние интриганов», будет зависеть удаление из собраний лучших патриотов. «Давайте чистить, чистить и чистить; но чистить на благо Революции. Если государственный корабль дает крен в одну сторону, то не будем накренять его в другую. Вернем ему его подлинное равновесие». Нельзя было сказать яснее о том, что Революционное правительство, бывшее правительством коалиционным, не намерено было позволить санкюлотам увлечь себя; потребность сохранить свое социальное равновесие делала необходимым противодействие народному влиянию.

Народные общества являлись одной из главных движущих сил в деле проведения чистки: они контролировали ее ход в общих собраниях и следили за набором служащих. Но их деятельность могла быть эффективной только в том случае, если сами они состояли только из испытанных санкюлотов. При чистке круг замыкали народные общества.

27 сентября общество Лазовского заявило Якобинскому клубу, что оно будет гнать аристократов из секции Финистера. Речь шла еще только о чистке общего собрания [9]. Но очень скоро выявилась необходимость провести чистку среди членов обществ, влияние которых возрастало.

Общество секции Мезон-Коммюн объявило 9 брюмера, что оно исключает «всех, кто имел слабость расписаться в преданности изменнику Лафайету» [10]. 12 брюмера общество Лепелетье отвергает «граждан, которые с июня 1792 года и до 10 августа 1792 года проявляли на общих собраниях секции в высшей степени антигражданские настроения» [11]. 24 брюмера общество Защитников отечества объявило, что оно подвергнет своих членов чистке [12].

Общества, прошедшие чистку, взялись за проверку тех, члены которых внушали им подозрение в смысле гражданской благонадежности. 23 брюмера народное общество секции Бонн-Нувель разоблачило перед Генеральным советом Коммуны общество Революционеров 10 августа как зараженное аристократами; его гражданскую благонадежность может укрепить только чистка [13]. Движение усиливается, ибо пример заразителен, а страх перед разоблачением велик. Общество Защитников Республики приступает в брюмере к чистке под лозунгом «смерть интриганам». Оно отвергает умеренных, эгоистов, равнодушных, «которых следует больше опасаться, чем самых оголтелых аристократов», исключает *господ* и *мюскаденов* и принимает только «добрых и искренних санкюлотов... нравственные качества которых не уступают их гражданской благонадежности (ибо без добрых нравов нет и Республики)» [14].

Критерии чистки некоторых обществ были крайне расплывчатыми: так, общество секции Бон-Консей исключило из своих рядов «аристократов, подозрительных лиц и людей умеренных взглядов» [15].

Порой чистка била по определенной социальной группе. Например, 17 фримера в зале заседаний Клуба кордельеров под Декларацией прав человека появилось написанное крупным шрифтом объявление: «Общество не принимает в свои члены ни бывших священников, ни бывших дворян» [16].

* * *

Еще более горячо, чем за чистку, борцы секций и члены клубов ратовали за проведение репрессий. После укрепления Революционного правительства эта область ускользнула из-под их власти.

Революционные комитеты представляли собой те низовые органы, на обязанности которых лежало осуществление закона о подозрительных. По декрету от 20 сентября 1793 года на них была еще возложена проверка выдачи удостоверений о гражданской

благонадежности; они внушали правительству большее доверие, чем секционные собрания или муниципалитеты. Поскольку революционные комитеты состояли на жалованье, все более и более подчинялись исключительно Комитету общественной безопасности и вскоре подверглись чистке со стороны самого правительства, то они казались более надежными. И они стали главным орудием репрессий, изъятых из ведения общих собраний.

Это протекало не без трудностей. Леклерк и Жак Ру повели во имя народного суверенитета кампанию против произвольного характера репрессий. Секции Люксембурга, Тюильри и Музея 1 октября потребовали, чтобы во избежание сведения личных счетов арестованным сообщали причины их ареста [17]. 15 октября в связи с арестом Проли и Дефьё Шометт потребовал занесения причин ареста в тюремную книгу; один из членов Совета Коммуны обвинил революционные комитеты в произволе [18]. В тот же день появился памфлет мирового судьи Фюльпена из секции Арси, предостерегавший комиссаров от соблазна сведения личных счетов. Ввиду всех этих упреков и жалоб Лекуентр провел 18 октября декрет, предписывавший революционным комитетам вручать арестованным копию протокола с указанием причин ареста. 27 октября комитеты протестовали у барьера Конвента: часто причиной ареста служит лишь внутреннее убеждение, а посему изложить его в протоколе было бы трудно. Декрет от 18 октября был отменен 24 октября. «Несомненно, личную свободу надо охранять,— заявил Робеспьер,— но разве можно допустить, чтобы из-за всяких тонкостей погибла общественная свобода» [19]. 19 брюмера Шометт вновь вернулся к «злопыхателям, которые обвиняют всех без разбора», и предложил создать комиссию для принятия решений по этим обвинениям. Это значило бы лишить революционные комитеты функции осуществления декрета от 17 сентября, а посему Генеральный совет перешел к обсуждению других вопросов повестки дня [20]. Комитеты сохранили свободу действий.

В какой мере и в каком духе преследовали они подозрительных? После 5 сентября аресты участились. Декрет от 17 сентября дал им новый толчок. 22 сентября «Монитер» отмечала, что «в парижских секциях продолжают принимать меры общественной безопасности, которых требуют обстоятельства; подозрительных то и дело берут под стражу» [21]. Может быть, революционным комитетам декрет казался недостаточным? 9 брюмера 43 комитета вынесли постановление о проведении 12 брюмера в 6 часов утра домашних обысков по всему Парижу. Эта полицейская мера имела целью выявить запасы продуктов, обнаружить «доказательства контрреволюции», а также произвести аресты неприсягнувших священников, «дезертиров, иностранцев, лионцев, марсельцев» и беглецов из контрреволюционных департаментов [22]. Правительственные комитеты, считая «момент неблагоприятным для подобной операции», запретили ее [23].

Тем не менее число заключенных росло. К концу августа в парижских тюрьмах находилось около 1500 заключенных; 15 сентября (поскольку после событий 5 сентября случаи арестов участились) там содержалось уже более 2 тысяч человек. 2 октября насчитывалось 2398 арестованных. Их число неуклонно увеличивалось и 18 октября превысило 3 тысячи, удвоившись за полтора месяца. 13 брюмера (3 ноября) оно достигло 3322 человек, несколько снизилось к концу месяца, а затем снова увеличилось, несомненно в связи с проведением политики «дехристианизации». В первой половине фримера число арестованных колебалось между 3400 и 3500, а 16-го перевалило за 4 тысячи, достигнув 1 нивоза 4525 человек [24]. Но не все заключенные парижских тюрем были арестованы по инициативе революционных комитетов. Рост их численности отражал усиление репрессий, последовавшее после событий 4—5 сентября и после принятия декрета о подозрительных.

Более детальное изучение проводимых репрессий, несомненно, выявило бы определенные различия между отдельными революционными комитетами и позволило бы уточнить некоторые социальные аспекты, но отрывочный характер документации и особенно пропажа реестров протоколов большинства комитетов сильно затрудняют это изучение и, пожалуй, делают его вообще невозможным.

Революционный комитет секции Единства, по-видимому, осуществлял декрет умеренно. В августе он произвел два ареста, в сентябре — шесть, с 1 по 21 октября — 27 арестов, но 17 арестованных были через несколько дней освобождены. В тюрьме остались: один родственник эмигранта, один офицер из Тулона, четверо иностранцев. В отношении четырех заключенных мотивы подозрений не указаны. В брюмере комитет секции Единства арестовал 35 человек, из коих 14 за соучастие в производстве фальшивых ассигнатов, троих за продажу принадлежащих народу вещей эмигрантов, пятерых за сокрытие серебра (четверо из них были немедленно освобождены), двух за подлог метрики, чтобы избежать мобилизации. Три ареста были совершены по распоряжению Комитета общественной безопасности. На основании декрета от 17 сентября было арестовано всего 8 человек, причем четверо подозрительных (в том числе один священник, один купец и один лавочник) были через несколько дней освобождены. Во фримере были арестованы 27 человек, из коих всего девять на основании декрета о подозрительных, в том числе двое — бывшие дворяне, двое — родственники эмигрантов, один неаполитанец и один продавец лимонада, причем последние двое были немедленно освобождены. За первые три месяца применения декрета от 17 сентября революционный комитет секции Единства держал под стражей 21 подозрительного [25].

Изучение личных досье алфавитной серии из фонда Комитета общественной безопасности дает более точное представление о причинах ареста, чем реестры протоколов революционных комитетов. Но и здесь возможно лишь выборочное исследование, поскольку

ку алфавитная серия не включает дел всех арестованных как подозрительных лиц. Если не считать дворян и родственников эмигрантов, то главной причиной ареста был модерантизм, причем пробным камнем чаще всего служило поведение во время набора для борьбы с восстанием в Вандее, во время событий 31 мая — 2 июня, выборов командующего национальной гвардии или принятия Конституции первичными собраниями. Согласно одному доносу от прериаля III года, революционный комитет секции Гренельского фонтана установил в принципе, что ни одно свидетельство о гражданской благонадежности не может быть выдано тем, кто не голосовал за Анрио [26]. Порой причины ареста были крайне неясными, например пренебрежительное отношение к санкюлотам, проявление вражды к свободе, крайне грубое обращение с патриотами, стремление не допустить санкюлотов в общие собрания, проявление эгоизма или безразличия к общественным делам. Чаще всего приводилось несколько вышеуказанных мотивов сразу [27]. В секции Братства был составлен список подозрительных, но неизвестно, были они арестованы или нет. Из 24 человек семеро были охарактеризованы аристократами, один умеренным, четверо беззаботными, но никаких конкретных обвинений против них выдвинуто не было; в трех случаях попросту было сказано: «Неизвестно, что он из себя представляет»; два человека показались подозрительными, потому что были людьми состоятельными и ни разу ничем не выказали своего патриотизма; чаще всего основанием к аресту служили *порочащие речи* против патриотов, Конституции или установленных властей [28]. Фактически, как заявил 24 сентября Робеспьер, важны не мотивы, достаточно, чтобы «голос общественности обвинил гражданина в преступлениях, не подтвержденных даже никакими письменными уликами, доказательством этих преступлений служит негодование всех возмущенных граждан» [29].

Профессии, в тех случаях когда они указаны, подчеркивают классовый характер этих репрессий. Антагонизм между умеренными и санкюлотами был явно экономического и социального характера. Из 18 подозрительных лиц, арестованных революционным комитетом секции Рынка, было восемь торговцев, к их группе можно еще отнести одного продавца лимонада и одного часовщика, два ремесленника — один парикмахер и один маляр; один юрист и один нотариальный клерк (причем мать последнего торговала галантереей на улице Сен-Дени). Профессия остальных четырех подозрительных не была указана [30]. Из пятнадцати подозрительных, арестованных комитетом секции Общественного договора и еще 30 термидора находившихся под стражей, было девять торговцев, пять ремесленников и один поденщик [31]. Социальный состав подозрительных, по-видимому, был неодинаков в различных секциях, в одних он был более буржуазным, в других более народным большинство подозрительных, арестованных по распоряжению революционных комитетов, принадлежало если не к крупным, то

во всяком случае, к зажиточным торговцам, к тем кругам, представители которых составляли массу партии умеренных; именно их санкюлоты считали виновниками голода и роста дороговизны.

К удовлетворению народных борцов, наряду с арестами подозрительных усилился террор. Начиная с октября активизировалась деятельность Революционного трибунала и увеличилось число обвинительных приговоров: в течение трех последних месяцев 1793 года из 395 обвиняемых к смертной казни было приговорено 177 человек, то есть 45%.

Октябрьские процессы нашли живой отклик в народных массах, и прежде всего процесс Марии-Антуанетты, осужденной 16 октября. Ее казнь была «самой великой из всех радостей Пер Дюшена» [32]. 3 брюмера (24 октября) начался процесс жирондистов. «Вот, наконец, ты и на роковой скамье, подлый Бриссо»,— писал Эбер в № 303 своей газеты. Но процесс оказался не таким легким делом, как это полагал Эбер. Эбер выступил 6 брюмера в Якобинском клубе с разоблачением журналистов, которые вводят в заблуждение общественное мнение; в особенности обрушился он на «Бюллетен дю Трибюналь революсьоннер», которая не поместила показаний свидетелей обвинения, и требовал, чтобы «Журналь де ля Монтань» публиковала отчеты о процессе [33]. Судебное разбирательство продолжалось уже шесть дней и грозило затянуться до бесконечности; тогда «Пер Дюшен» подала «Революционному трибуналу свой добрый совет не заниматься пустяками, а побыстрее свернуть шею этим злодеям, которых уже осудил народ» [34]. 7 брюмера Эбер заявил в Якобинском клубе, что «преступления этой кучки негодяев в центре внимания общественного мнения», и предложил направить в Конвент депутацию, дабы потребовать вынесения приговора в течение 24 часов [35]. На следующий день Конвент подчинился предъявленному ему требованию. После трехдневного разбирательства дела присяжные сочли себя вправе вынести свое решение [36]. 10 брюмера II года жирондисты были казнены [37]. Кампания Эбера продолжалась всю осень и способствовала росту настроений в пользу террора и карательных тенденций среди санкюлотов. После казни герцога Орлеанского, 16 брюмера, «Пер Дюшен» советовала Революционному трибуналу «ковать железо, пока оно горячо, и немедленно отправить под нож гильотины изменника Байи, подлого Барнава и всех спекулянтов из Учредительного собрания» [38]. В номере 312 он превозносил добродетели *святой гильотины* и заранее протестовал против всякого призыва к милосердию.

Именно в тот момент, когда террористическая кампания Эбера была в полном разгаре, контрнаступление умеренных едва не восторжествовало над Революционным правительством. Разоблачение скандальных злоупотреблений некоторых депутатов и особенно дело Осселена послужили поводом к ожесточенным нападкам на политику правительства. 19 брюмера Дюбаран от имени Комитета общественной безопасности потребовал осуждения Осселена. Мер-

лен из Тионвиля предложил выслушать сначала обвиняемого. Конвент пренебрег этим предложением и вынес обвинительное постановление [39]. На следующий день Филиппо предложил, чтобы депутаты дали отчет о своем имущественном положении с 1789 года; Базир заявил против этого протест и вдруг, переменив тему, восстал против террора, который давит на патриотов. Его поддержал Шабо, потребовавший, чтобы ни одного депутата не привлекали к ответственности, пока его не выслушают. Тюрио, еще 20 сентября изобличавший кровожадных, обрушился на тех, кто «проповедует резню»; в то же время он возмущался теми, кто «стремится погубить гений и все то, что связано с торговлей и промышленностью»: социальные опасения восторжествовали, классовые противоречия усиливались [40]. Конвент в принципе одобрил предложение Шабо: Осселена выслушают. Правительство потерпело поражение [41].

21 брюмера в Якобинском клубе сторонники террора и члены правительства объединились против намечавшейся группировки. Дюфурни, хотя он и был другом Дантона, потребовал сохранения террора до заключения мира. Этим воспользовался Эбер, чтобы развить свои идеи: «Нужно уничтожить виновных, даже тех, которые находятся внутри Конвента, ибо они виновны больше других». Он потребовал скорого суда над депутатами — *сообщниками Бриссо*, находившимися в заключении с 3 октября, но спасенными тогда Робеспьером от Революционного трибунала. Якобинский клуб одобрил в принципе петицию, спрашивающую, «может ли французский народ рассчитывать на энергию Конвента» [42]. Такой отпор восстановил прежнее положение. 22 брюмера Конвент по требованию Барера аннулировал свой декрет от 20 брюмера [43] — Комитет общественного спасения одержал верх.

Петиция Якобинского клуба получила одобрение некоторых народных обществ, например общества Защитников Отечества, а также обществ секций Горы, Друзей Отечества, Бонне-Руж, Гренельского фонтана, Общественного договора и Братства. Представленная в Конвент 23 брюмера, она разоблачала «план срыва революционных мероприятий путем их смягчения»; «приостановить революционное движение, остановиться в разгар победы — это значит отступить, это значит утратить свободу». Помимо предания суду сестры Людовика XVI и отмены чрезвычайного декрета, избавлявшего от ареста подлежавших ему депутатов [44], петиционеры требовали «соблюдения равенства перед лицом Революционного трибунала, которому наряду с главными виновниками должны быть преданы все их сообщники, причем еще более сурово следует отнестись к генералам и депутатам». Наконец, петиционеры требовали сохранения революционных мер во всей их строгости, «передачи в этих целях комитетам, на которые возложено их выполнение, и особенно Комитету общественной безопасности, всей полноты полномочий» [45]. Конвент принял постановление, обязывавшее Комитет общественной безопасности в восьмидневный срок представить доклад о депутатах, находящихся под стражей как сообщники федералистов [46].

Требуя расширения террора, якобинцы выражали настроение народа. Около середины брюмера наблюдался явный натиск сторонников террора, который Комитет общественного спасения старался обуздать. По его мнению, террор должен был осуществляться трибуналами под контролем правительства, в то время как многие санкюлоты считали суд народа более скорым. 11 брюмера правительственные комитеты запретили проведение домашних обысков, намеченное на следующий день революционными комитетами [47]. 22 брюмера бывшего адъютанта Сантера отбельщика Жюльена Ришара обвинили в народном обществе секции Инвалидов в том, будто он сказал: «Надо повторить день 2 сентября и в ближайшие две недели снести с плеч долой не менее 10 тысяч голов» [48]. Сентябризады и домашние обыски были обычными средствами народного террора. Но после сентября 1792 года революционная власть укрепилась. В брюмере II года движение в пользу террора сводилось только к словам и петициям.

Разногласия между Комитетом общественного спасения и народными борцами из секций и клубов могли лишь углубляться, ибо, как далеко правительство ни шло по пути репрессий, сторонники террора все же считали их недостаточно суровыми. Все большее укрепление позиций Революционного правительства сдерживало натиск поборников террора, постепенно ограничивая террор узкими рамками контролируемых организаций и революционных комитетов. Отныне террор становился делом одного правительства.

* * *

Между тем народные общества были озабочены другой проблемой, которая в гораздо большей степени способна была вызвать волнения и привести к разрыву между Революционным правительством и санкюлотами. Речь идет о проблеме обесценения ассигнатов и о применении максимума.

Декрет от 11 сентября о максимуме на зерно и фураж осуществлялся теперь во всех производящих районах вокруг Парижа, где действовали отряды «революционной армии», организованной в начале октября. Крестьяне сдавали зерно. Тем не менее нельзя утверждать, что снабжение Парижа хлебом и мукой было удовлетворительным: 8 брюмера Коммуна решила ввести хлебные карточки, выдача которых была закончена к 25 фримера [49]. Очереди у дверей булочных на некоторое время исчезли. Но трудности с другими продуктами первой необходимости остались прежними. Итак, в результате остроты продовольственного вопроса и кампании в печати одним из основных требований народа стали репрессии против скупки продовольствия, которой можно было тем более опасаться, что введение всеобщего максимума вызвало недоволь-

ство торговцев и побуждало их прятать свои товары. Эта опасность не ускользнула от внимания Эбера. Его газета беспрестанно громила скупщиков и призывала санкюлотов и «революционную армию» расправиться с ними.

Действительно, принятие столь желанного всеобщего максимума вызвало у санкюлотов опасение, как бы торговцы, стремясь уклониться от продажи товаров по твердым ценам, не стали широко заниматься спекуляцией. 30 сентября Клер Лакомб от имени «Общества революционных республиканок» представила в Генеральный совет Коммуны предложение о «средствах помешать торговцам прятать товары первой необходимости, лишая граждан этих товаров». Предложенные ею средства сводились главным образом к домашним обыскам как у торговцев, так и у частных лиц [50]. 4 октября по требованию Шометта Генеральный совет одобрил петицию, которая 6 октября была представлена в Конвент. Она требовала создания сопровождающего «революционную армию» трибунала с походной гильотиной, который будет судить и карать скупщиков [51]. В тот же день секция Ломбар сообщила Конвенту свои соображения по продовольственному вопросу. Чтобы декреты о скупщиках и о максимуме оказались эффективными, все собственники, торговцы и фабриканты должны заявить об имеющихся у них запасах; комиссары проверят эти заявления; оптовые торговцы должны будут продавать в розницу всякий раз, как от них этого потребуют; против скупщиков должны быть предусмотрены *жесточайшие* наказания [52].

Однако проведение в жизнь декрета о скупщиках наталкивалось на все большие затруднения. Известным примером этого является дело о скупке рома депутатом Робером [53]. Подобные затруднения побудили даже комиссаров по борьбе со спекуляцией потребовать 3 октября инструкции о случаях применения декрета [54]. Они вновь явились к барьеру Конвента и, чувствуя свое бессилие вследствие неясного характера декрета от 26 июля, потребовали немедленного внесения проекта дополнительных статей, которые должны были его уточнить [55]. Нетерпение санкюлотов было столь же велико, как и бессилие комиссаров. 9 октября «Общество революционных республиканок» вновь выразило Генеральному совету свое удивление по поводу того, что декрет не выполняется [56]. Волнения возобновились. Встревоженный Генеральный совет немедленно постановил завтра же опубликовать максимум [57].

Объявление максимума еще более озлобило торговцев. 14 октября в Генеральный совет поступили сведения о том, что многие торговцы закрыли свои лавки; другие заявили, что у них нет больше ни сахара, ни растительного масла, ни свечей. Шометт обвинил *не мелких*, розничных торговцев, интересы которых часто совпадали с интересами санкюлотов, а «оптовых торговцев, банкиров и вкладчиков капиталов — этих кровопийц, всегда строивших свое счастье на горе народа». Генеральный совет решил направить в Конвент

петицию, чтобы обратить его внимание на производство и на запасы сырья, дабы «реквизировать их и покарать тех предпринимателей, которые прекратят производство на своих фабриках» [58]. 15 октября один из членов Генерального совета, обвинив бакалейщиков в том, что они закрывают свои лавки под предлогом отсутствия товаров, предложил производить домашние обыски у торговцев и даже у частных лиц для выявления скупленных товаров [59]. Подобная настойчивость, а также опасение, как бы положение еще более не ухудшилось, в конце концов восторжествовали над нежеланием Коммуны выполнить требования секционных борцов. 17 октября муниципальные власти постановили приступить к домашним обыскам у торговцев и считать подозрительными — и соответственно с ними поступать — всех тех, кто прекратил торговлю или злонамеренно дал ей захиреть; но обязать оптовиков торговать в розницу он отказался [60].

В глазах санкюлотов эти меры все еще были недостаточными. Новый проект, касавшийся борьбы против скупщиков, доложенный Осселеном, все еще не был принят; секции считали иллюзорными наказания, предусмотренные декретом от 26 июля ввиду отсутствия специальной юрисдикции, определяющей преступления, связанные со скупкой. 29 сентября, поддержав предложение служащих Управления полиции, общее собрание секции Обсерватории одобрило петицию о создании специального суда присяжных для разбора дел скупщиков [61]. 1 брюмера эта петиция, поддержанная всеми секциями, была представлена в Генеральный совет Коммуны, а на следующий день — в Конвент. Она требовала создания специального суда присяжных для борьбы со скупщиками, причем присяжные ни в коем случае не должны были выбираться из числа купцов, банкиров, биржевиков и вообще богатых; голосование должно было быть открытым. Таким образом, осуществление декрета будет возложено на бедных граждан, на подлинных санкюлотов, то есть на сам народ [62].

Санкюлоты натолкнулись на упорное нежелание административных и правительственных властей пойти дальше по пути законодательства против скупщиков. Когда комиссары секций 4 брюмера снова явились в Генеральный совет Коммуны с требованием принятия нового декрета против скупщиков и осуществления строгих мер в целях возвращения в торговый оборот припрятанных товаров, жалуясь, в частности, на полицейские власти, распорядившиеся снять арест с изъятых товаров, председатель Совета ответил им, что достаточно применять существующие декреты [63].

5 брюмера комиссары по борьбе со спекуляцией жаловались на то, что они уже три месяца ничего не получают, хотя по закону им установлено вознаграждение; они настаивали, чтобы Конвент ускорил представление нового декрета. Конвент отказался вступить на столь опасный путь и передал петицию в продовольственную комиссию.

Серьезный характер кризиса толкнул секционных борцов на крайние меры. 9 брюмера делегаты революционных комитетов постановили приступить на заре 12 брюмера к домашним обыскам «с целью обнаружения запасов муки, хлеба и продуктов первой необходимости, которые граждане могли бы иметь сверх необходимого для их потребления» [64]. Поставленные в известность об этом, правительственные комитеты запретили домашние обыски [65], в их намерения не входило нарушать частную жизнь граждан точным исполнением законодательных постановлений. Однако одобрение этих предложений 43 революционными комитетами из 48 свидетельствовало о том, что требования народа в области экономического контроля являются основным противоречием между Революционным правительством и санкюлотами.

Но в Генеральный совет Коммуны не переставали сыпаться протесты по поводу невыполнения декрета о борьбе со скупкой и нарушения максимума многими торговцами. 7 брюмера Генеральный совет вынужден был вынести постановление о составлении новой петиции Конвенту с требованием учредить при «революционной армии» трибунал с гильотиной, чтобы судить скупщиков [66]. В соответствии с постановлением от 7 брюмера депутация парижского муниципалитета повторила 10 брюмера в Конвенте требование создать при «революционной армии» трибунал. Однако этот шаг имел не больше успеха, чем все предыдущие [67]. Но требования секций были вполне обоснованными, если только вообще декрет от 26 июля 1793 года хотели провести в жизнь. Об этом свидетельствует петиция, составленная Вивье, председателем обвинительного жюри III округа, хорошо знакомого благодаря занимаемой им должности с трудностями применения декрета. Проведению его в жизнь мешал состав присяжных. Поэтому 13 брюмера Вивье предложил создать специальный суд присяжных, состоящий исключительно из санкюлотов; присяжные будут избраны не на основе департаментского списка присяжных, а назначены общими собраниями секций путем открытой подачи голосов и подвергнутся чистке со стороны революционных комитетов и народных обществ. Каждый присяжный будет выражать свое мнение открыто [68]. Эта петиция была передана в Законодательный комитет, как и вторая, поданная 22 брюмера и настаивавшая, в частности, на необходимости передачи дел обвиняемых в скупке продуктов на рассмотрение санкюлотских присяжных [69].

Отказ Конвента пойти дальше по пути борьбы со скупкой, трудности снабжения, толпы у дверей лавок — разве не должно было все это способствовать усилению волнений из-за недостатка продовольствия и позволить некоторым лицам воспользоваться этим, чтобы восстановить секции против правительственных властей? Такая попытка была предпринята: 9 брюмера секция Французского Пантеона предложила другим секциям назначить двух комиссаров, чтобы подумать о средствах обеспечения населения

продовольствием [70]. Правительство чувствовало себя теперь более прочно, чем в августе 1793 года, когда ему пришлось допустить маневр умеренных. Реакция правительства оказалась быстрой: 11 брюмера временный Исполнительный совет на основании декрета от 25 августа 1793 года, запрещающего создание всяких частных комиссий по вопросу продовольственного снабжения Парижа, аннулировал постановление секции Французского Пантеона [71].

Наконец, с проблемой максимума была связана проблема обесценения ассигнатов. Спрос на звонкую монету резко возрос. В связи с этим возникла идея отказаться от металлических денег, чтобы таким образом приостановить обесценение ассигнатов. Еще 29 и 30 сентября Фуше, находившийся в миссии в Ньевре, принял решение о сдаче звонкой монеты и ценных металлов. Камбон ратовал за аналогичные мероприятия. Но Конвент аннулировал постановления Фуше, ограничившись распоряжением (23 брюмера) о конфискации припрятанных металлических денег, которые будут обнаружены при обысках [72]. Однако запрещение звонкой монеты превратилось в одно из экономических требований народных вожаков. 6 фримера секция Санкюлотов потребовала, чтобы обращение звонкой монеты было запрещено до заключения мира, «чтобы все расчеты производились только в ассигнатах из опасения скупки золота и серебра» [73]. Это предложение не имело никаких последствий.

В области экономических требований народное движение топталось на месте. Правительственные комитеты, Конвент и сама Коммуна, несмотря на некоторые уступки на словах, были твердо намерены ограничиться уже принятыми мерами и больше ни в чем не уступать, ибо эти меры были пределом, на который могли согласиться имущие классы, даже наиболее тесно связанные с революцией. К тому же единство парижских санкюлотов было нарушено в результате установления твердых цен. Один только максимум на зерно удовлетворил всех санкюлотов, обеспечив их дешевым хлебом. Ремесленники же и лавочники, составлявшие большинство в парижских секциях, были не очень довольны общим максимумом, который стеснял их деятельность. Явно заинтересованы были в нем только работавшие по найму, составлявшие основную массу участников манифестации 4 сентября. Муниципальные и правительственные власти, напротив, старались оградить интересы мелких лавочников, что было возможно только за счет потребителей, особенно работавших по найму. 7 брюмера Коммуна потребовала, чтобы оптовых торговцев обязали продавать товары по ценам на 10% ниже установленных, это предоставило бы розничным торговцам возможность получения достаточной прибыли. Но 11 брюмера по предложению Комитета общественного спасения Конвент предоставил оптовикам пятипроцентную, а розничным торговцам — десятипроцентную надбавку к твердым ценам, то есть сделал это за счет

потребителей. Максимум заработной платы давал еще одно преимущество товаропроизводителям, ремесленникам, а также лавочникам, пользовавшимся трудом рабочих, заработная плата которых была ограничена. Таким образом всеобщий максимум обернулся в конечном итоге против наемных рабочих, тем более что максимум на продукты питания, за исключением хлеба, соблюдался плохо. Работавшие по найму не смирились с таким положением и потребовали более высокой оплаты, чем установленная максимумом. С помощью Коммуны, на которой лежала обязанность проведения декрета в жизнь, но которая не решилась установить твердые ставки поденной оплаты, работавшие по найму с грехом пополам сохранили свой жизненный уровень. Судьба рабочих, занятых в военном производстве, находившемся под контролем правительства, оказалась менее благоприятной. Правительство, платившее поставщикам по ценам максимума, навязало рабочим под угрозой инфляции таксацию заработной платы. Следуя традиционным методам старого порядка, Учредительное собрание приняло закон Ле Шапелье о запрещении стачек и рабочих ассоциаций, что позволило Комитетам положить конец требованиям рабочих. Таким образом, всеобщая таксация усиливала различия в положении масс; в то же время она способствовала расколу рядов санкюлотов и по разным причинам восстанавливала их против Революционного правительства, которое они сами привели к власти.

Конфликт оставался скрытым до тех пор, пока порыв народного движения оставался прежним и пока не обострился экономический кризис. Правительство еще надеялось повысить ставки оплаты, а рабочие, опираясь на поддержку Коммуны, требовали их увеличения от предпринимателей, которые не смели настаивать на соблюдении максимума заработной платы. Но в последние месяцы 1793 года разрыв можно было уже предвидеть.

* * *

Итак, хотя благодаря своим организациям народное движение и господствовало в политической жизни секций, однако наступление народных масс, настаивавших на удовлетворении своих требований, встречало со стороны Революционного правительства все большее сопротивление. Оно еще находится в апогее, но его пытаются уже остановить. Как в политической, так и в экономической сферах правительственные комитеты установили границы, которые они твердо решили не переходить: секционным борцам не удалось добиться от них ни усиления репрессий, ни усиления контроля над экономикой.

Более того, Революционное правительство решило теперь приняться за организации, составлявшие силу народного движения.

2. *Наступление правительства на народные организации*

Усиление позиций Революционного правительства в последние месяцы 1793 года проявлялось не только в противодействии требованиям санкюлотов, но и в планомерном наступлении на наиболее боевые народные организации. После устранения «бешеных» нападки на революционную организацию исполнительной власти прекратились. Даже Эбер был вынужден соблюдать осторожность. Но хотя Варле в конце концов освободили, «Общество революционных республиканок» и женские клубы были распущены. Якобинская пропаганда и правительственный аппарат теперь особенно рьяно взялись за секционные общества, благодаря которым санкюлоты обошли закон, отменивший непрерывные заседания секций. Народные организации как таковые внушали властям подозрение. Так с осени 1793 года обозначился зарождавшийся конфликт между Революционным правительством и народным движением.

* * *

Кампания Эбера за организацию исполнительной власти в соответствии с Конституцией прекратилась. Его тактика стала гибкой. Он больше не нападал в своей газете ни на Конвент, ни на Комитет общественного спасения, ограничиваясь обвинительными речами в Якобинском клубе по адресу исполнителей политики правительства. «Как велик Конвент, как он силен,— писал Эбер в № 306 своей газеты,— когда он действует в согласии с санкюлотами». Но в то же время он обрушился 18 брюмера в Якобинском клубе на редактора официозной «Журналь де ля Монтань» Лаво, который «в своих пространных статьях о боге, верховном существе и о религии» не одобрял дехристианизацию. На том же заседании Эбер выступил с резкой критикой по адресу депутата Дюкенуа и его брата, генерала из Северной армии, в связи со штабными назначениями [74]. Это было равносильно критике самого Комитета общественного спасения. Дело было настолько серьезным, что побудило Робеспьера выступить на следующий день. Его речь была не только защитой Дюкенуа и политики Комитета, но и резким выпадом против Эбера. «Хотел бы я видеть этих людей, которые клевещут на нас и мнят себя большими патриотами, чем мы! Они хотят сесть на наше место...» Робеспьер задел больное место Эбера, и тот ничего ему не возразил [75].

Прекращение кампании в печати позволило правительственным комитетам освободить Варле, дав тем самым внешнее удовлетворение народным требованиям. Подталкиваемое секционным народным обществом, общее собрание секции Прав человека энергично выступило в защиту этого борца, «неизменного апостола и мученика свободы». Протокол от 3 октября напоминал о его революционном прошлом.

Да, Варле обвиняли в экзальтации и крайностях. «Но разве самого Марата не обвиняли, не клеветали на него из-за его крайностей?» [76] 4 октября депутация секции Прав человека представила в Коммуну протокол общего собрания. Согласно «Журналь де ля Монтань», это было «сплошное восхваление гражданина Варле» [77]. В тот же день Комитет общественной безопасности обещал вскоре освободить его [78]. Однако 21 октября Варле еще находился под стражей *как слишком пылкий*. Собрание секции Прав человека решило предпринять новые шаги. Народное общество улицы Вер-Буа заявило, что оно разделяет чувства собрания в отношении Варле. Но Комитет общественной безопасности по-прежнему не реагировал; тогда 5 брюмера секция Прав человека заявила, что берет Варле под свою защиту [79].

Несмотря за упорство секции, понадобилось вмешательство Коммуны, чтобы Варле освободили. 22 брюмера Генеральному совету напомнили, что Варле все еще находится в тюрьме. Эбер заявил, что надо проявить справедливость, «на которую, по его мнению, Варле имеет право». Совет назначил двух комиссаров, дабы потребовать либо суда над Варле, либо его освобождения [80]. Эта мера оказала свое действие — 24 брюмера Варле был освобожден [81]. Секция встретила его как триумфатора. На следующий день, выразив Генеральному совету признательность за обретенную вновь свободу, Варле попросил разрешения продолжать свою проповедь с трибуны в общественных местах. Шометт с лицемерным добродушием ответил, что Декларация гарантирует каждому гражданину право выражать свое мнение; что же касается возведения трибун в общественных местах, то по этому вопросу надо обратиться в Конвент, ибо ими могут завладеть интриганы [82]. Муниципальные власти во главе с Эбером поддержали Варле. Но Коммуна и Революционное правительство решили поставить деятельность секционных борцов под свой контроль.

* * *

Стремлением включить народные организации в рамки официальных учреждений объясняется и ликвидация женских клубов, и первые попытки наступления якобинцев против секционных обществ.

В последние дни сентября, когда Жак Ру и Варле находились в тюрьме, Леклерк был вынужден умолкнуть, а Клер Лакомб угрожал арест, «Общество революционных республиканок» стало действовать весьма осторожно. Такая предосторожность была далеко не излишней. 6 октября общество Революционеров 10 августа обвинило в антигражданских замыслах женщин, *называющих себя* революционерками, и потребовало роспуска их общества [83]. В тот же день депутация гражданок, подвергшихся осуждению, явилась к барьеру Конвента, желая оправдаться. Ее не приняли. На следующий день она явилась опять во главе с Клер Лакомб, которая смело

обратилась к Собранию и закончила свою речь следующей угрозой: «Наши права — это права народа, и если нас будут притеснять, мы сумеем дать отпор» [84].

Отныне дни «Общества революционных республиканок» были сочтены. Его погубило одно опрометчивое выступление. 7 брюмера революционный комитет секции Рынка сообщил Коммуне о столкновении между революционными республиканками и *рыночными торговками*. Последние боялись, как бы их не заставили надеть красные колпаки. Комитет счел необходимым запретить революционным республиканкам собираться в течение некоторого времени. Генеральный совет постановил направить депутацию, которая должна была разъяснить им, что «...мать семейства, занятая приготовлением пищи для своего мужа, заботами о семье и о поддержании чистоты в доме, тоже выполняет свой патриотический долг». Что же касается красного колпака, то гражданки вольны носить его или не носить [85]. Хотели ли действительно революционные республиканки насильно навязать ношение красного колпака и кокарды?.. Во всяком случае, это притязание, а также столкновение 7 брюмера были использованы их противниками. Комитет общественного спасения Парижского департамента вывесил 8 брюмера афишу, усматривавшую в этом маневр сторонников Бриссо [86].

В тот же день делегация женщин из нескольких секций обратилась к Конвенту с жалобой на *мнимых* революционерок, которые хотят заставить их носить красный колпак. Они требовали свободного выбора одежды. Фабр д'Эглантин обрушился на женские общества, состоявшие будто бы не из матерей семейств, а из «авантюристок, искательниц приключений, девиц свободного поведения и гренадеров в юбке». Конвент приветствовал подобный антифеминизм и вынес постановление о свободном выборе одежды [87]. Решение о роспуске женских клубов, которого требовала одна из женщин, подписавших петицию [88], было принято на следующий день, 9 брюмера, по докладу Амара, выступившего от имени Комитета общественной безопасности. Крайне преувеличив размеры агитации революционных республиканок и столкновение с рыночными торговками из секции Рынка Невинных из-за ношения красного колпака, Амар тем не менее перенес этот вопрос на действительную почву. Пользуются ли женщины политическими правами, спросил он и ответил на этот вопрос отрицательно. Следовательно, женщины не вправе объединяться в народные общества. Конвент тут же вынес постановление о роспуске женских клубов и женских обществ [89].

Приняв такое решение, Конвент проявил большую консервативность, чем санкюлоты, допускавшие женщин к участию в политической жизни своих низовых организаций. Надо было еще считаться с обстоятельствами, как откровенно подчеркнул Базир: боязнь уличных волнений и агитации, которую вели революционные республиканки, была главной причиной издания Конвентом этого дек-

рета. Желая расправиться с народной организацией, ускользнувшей из-под контроля правительства, Конвент нанес чувствительный удар всему движению. Тщетно пытались протестовать революционные республиканки. Их депутация, заявившая 15 брюмера у барьера Конвента, что их общество состоит «большей частью из матерей семейств», была встречена шиканьем [90]. Напрасны были все их попытки продолжать свою деятельность. 27 брюмера в Коммуну явилась депутация революционных республиканок в красных колпаках. Напомнив о беспорядках, вызванных этими «бой-бабами, не похожими на женщин», Шометт потребовал, чтобы их не допускали в зал заседаний Совета. Один из членов Совета сослался на право петиций. Тем не менее Генеральный совет постановил больше не принимать женских депутаций [91]. Так был положен конец участию женщин в политической жизни, которое было столь значительным и активным начиная с весны 1793 года. А это не могло не ослабить народного движения.

Еще более серьезным по своим дальнейшим последствиям явилось наступление якобинцев и правительства на секционные общества.

* * *

Создание этих обществ после отмены непрерывности заседаний секций вызвало со стороны правительственных властей и Якобинского клуба, их естественной опоры, сильнейшее противодействие. Оно усилилось с сентября 1793 года и не ослабевало вплоть до весны II года.

Секционные общества, олицетворение революционного порыва санкюлотов, осенью 1793 года представляли собой низовые организации народного движения. Этим и объясняется их значение в политической жизни. Но будучи созданными борцами секций, они чаще всего ускользали из-под контроля как муниципальных, так и правительственных органов и особенно из-под контроля Якобинского клуба, который считал себя материнским обществом, родоначальником всех народных обществ, и ввиду отсутствия организованной партии обеспечивал революционному движению путем аффилиации народных обществ и переписки с ними то единство на службе правительству, которое составляло силу якобинцев. Однако число секционных обществ стало расти именно тогда, когда окрепшее наконец Революционное правительство постаралось подчинить своему контролю народное движение и, придав ему единый характер, полностью направить его на борьбу с внутренним и внешним врагом. Такой рост числа народных обществ явно противоречил правительственной политике объединения революционных сил для служения делу национальной обороны и общественного спасения. Сплачивая в секциях подлинно народные элементы, тогда как представители средней буржуазии посещали Якобинский клуб, новые общества, по-видимому, способствовали развитию настоящего социального

федерализма, причем именно тогда, когда политика правительственных комитетов была направлена на объединение всех социальных слоев, поддерживавших революцию. Совокупность этих различных причин объясняет подозрительность, с какой правительственные круги и Якобинский клуб относились с сентября 1793 года к секционным обществам, а также резкие нападки, которые очень скоро посыпались со всех сторон на эти общества.

Проблема возникла 23 сентября, когда секция Арси объявила в Якобинском клубе, что поскольку ее собрания происходят только дважды в неделю, то во все прочие дни она будет собираться как народное общество. Броше напомнил, что комиссия, назначенная Якобинским клубом, предложила признавать секционными народными обществами «только такие, ядро которых было создано революционным комитетом после того, как сам он прошел чистку, и все члены которых подверглись чистке со стороны того же комитета». Это означало поставить новые общества путем чистки под контроль правительственных властей, поскольку революционные комитеты ускользали от контроля общих собраний и даже муниципалитетов, а были подчинены Комитету общественной безопасности. Броше предлагал отказывать в аффилиации и в установлении корреспондентской связи всем обществам, не прошедшим через *эту формальность*. Якобинский клуб одобрил такой принцип, полагая, что «превращение общих собраний секций в клубы без соблюдения этих предварительных формальностей было бы верным средством парализовать разумный декрет Национального Конвента и свести на нет спасительные цели, которые он наметил» [92]. Якобинский клуб считал, что, угрожая отказом в аффилиации и в переписке, ему удастся распространить свой контроль на новые общества, стать связующим звеном между ними и правительством и с успехом выполнять свою роль материнского общества. События опрокинули эти расчеты. Если некоторые общества, основанные сразу же после издания декрета об отмене непрерывности заседаний секций, и просили об их аффилиации Якобинским клубом (и просьба их не всегда удовлетворялась), то большинство народных обществ ревниво отстаивало свою независимость, что не замедлило навлечь на них многочисленные нападки.

Но некоторым лицам постановление от 23 сентября показалось недостаточным. 19 октября Дюфурни настоял на том, чтобы отказали в аффилиации обществу секции Неделимости. По его предложению Якобинский клуб постановил присоединять только те общества, в которые будут входить все граждане-патриоты, а не только члены секций, «что было бы настоящим федерализмом» [93]. Это значило лишить новые общества всякой революционной эффективности, превратив их в органы академической дискуссии. Состоя только из граждан секции, общества контролировали и в то же время побуждали к более энергичным действиям общие собрания и различные их комитеты; таким образом, они выполняли функции важного органа в по-

литической жизни секции. Но очень часто в своей деятельности они приходили в столкновение с революционными комитетами, стремившимися под руководством Комитета общественной безопасности вести секции в желательном для правительства направлении. Такая двойственность, часто превращавшаяся в соперничество, подрывала силу правительства. Принимать же в общества всех патриотов значило бы уничтожить их секционный характер, отвлечь их от активной политики и заставить ограничиться проблемами общего характера, при обсуждении которых из-за отсутствия специальных знаний они могли бы лишь выполнять волю материнского общества, то есть Якобинского клуба. Это значило бы сделать их политически безобидными, если не бессильными, и навязать низовым организациям политической жизни единство действий и контроль, желательные для Революционного правительства. Это значило бы также лишить народные силы всякой инициативы и в конечном счете укротить их. Этой опасности тогда, по-видимому, не предвидели политические руководители, ослепленные — одни недоверием к народу, другие — горячим стремлением к единству.

Проявления недоверия к новым обществам участились, когда обнаружилось, что большинство из них ускользало из-под власти Якобинского клуба и контроля властей. 9 брюмера во время дебатов о женских клубах Ромм присоединился к Амару, настаивая на принятии декрета, согласно которому все заседания обществ должны быть публичными, «ибо злонамеренные лица устраивают теперь в них свои тайные сборища» [94].

Таковы были проявления антагонизма, зарождавшегося между санкюлотами и средней буржуазией, в руках которой находились важнейшие органы революционной власти. После отмены непрерывности заседаний общих собраний народные деятели намерены были участвовать в политической жизни благодаря секционным обществам. Посредством этих организаций они стремились осуществлять ту прямую демократию, которую отвергала находившаяся у власти буржуазия. Об этой тенденции свидетельствуют шаги, предпринятые 20 фримера народным обществом секции Кенз-Вен совместно с депутацией из Руана; они отправились в Конвент с целью добиться от него согласия на то, чтобы в этом городе, «так же как и в Париже, в соответствии с законом устраивались собрания секций и народные собрания». Мотивировка этого требования была весьма знаменательна. Народ не только опора, но и помощник Конвента. «Если истинные санкюлоты помогут законодателям, то их огромный труд станет менее тяжким, и вам легче удастся упрочить [уже начатое] дело!» Поэтому нужно, чтобы все коммуны республики, подобно Парижу, имели свои секционные собрания и народные общества. До сих пор Руану не удавалось воспользоваться таким преимуществом, ибо «одну половину его населения составляют рабочие, а другую — богатые торговцы, купцы и фабриканты, которые до сего дня большей частью не проявляли (*sic*!) желания брататься с людьми небогатыми, но истинными санкюлотами». Секция Кенз-Вен и общество Защитников прав человека предлагали установить активную связь с обществами, которые могли бы быть основаны в Руане [95]. Санкюлоты заимствовали методы (аффилиация и переписка), составлявшие силу Якобинского клуба.

Но в тот момент, когда правительственные комитеты втихомолку подкапывались под секционные общества, не могло быть и речи о том, чтобы создать наряду с официозной якобинской организацией соперничающую организацию, которая способствовала бы усилению народного движения. Если наступление правительства против секционных обществ не приняло осенью 1793 года большего размаха, то только потому, что Комитету общественного спасения пришлось одновременно бороться против новой формы народного движения, которая едва не стала преобладающей. Речь идет о дехристианизации.

3. *Стабилизация правительства*

Народное движение, организованное в секции и общества, представляло собой большую политическую силу, ревностно оберегавшую свою независимость. Однако правительственные и муниципальные власти не могли не стремиться использовать ее в своих целях. Наиболее сознательные борцы отдавали себе в этом отчет и для увеличения своего влияния и сохранения своей независимости неоднократно пытались создать центральную организацию для руководства секциями и народными обществами. Подобные попытки явно внушали подозрение правительственным комитетам, а также Коммуне: отнюдь не желая допускать, чтобы подобная, политическая сила действовала вне их контроля, они не могли не жаждать поставить ее на службу своим интересам.

Декрет от 17 сентября 1793 года подчинил Комитету общественной безопасности революционные комитеты, которые были отныне непосредственно связаны с ним. Генеральный совет Коммуны со своей стороны пытался установить путем проверки и чистки свой контроль над членами тех же самых комитетов. Ставка в этой игре была очень крупной. Речь шла не только об осуществлении закона о подозрительных и о революционном надзоре. Во многих секциях революционные комитеты сами или через посредство народных обществ навязывали свою волю общим собраниям, которые они направляли в соответствии со своими целями. Благодаря революционным комитетам правительственные комитеты либо Генеральный совет Коммуны могли подчинить своему контролю всю политическую жизнь секций. Эта борьба за влияние явилась новым эпизодом в соперничестве между правительственными и муниципальными властями за руководство народным движением.

Во фримере была предпринята новая попытка лишить Комитет общественной безопасности контроля над революционными комитетами и, следовательно, вообще над всеми секциями. Ее инициатором был Шометт, на сей раз, по-видимому, действовавший в одиночку, независимо от своего заместителя Эбера или других руководителей Коммуны. 9 фримера, в тот же день, когда, отступив, Шометт добился от Генерального совета признания свободы культов, он резко выступил против народных вожаков, «постоянно стремящихся оторвать секции от Генерального совета, внушая последним, что они могут обойтись без общего центра». Для укрепления братства и единства между секциями он предлагал направлять в последний день каждого месяца делегации в храм Разума «для оглашения там всех интересных новостей и прославления доблестных дел и республиканских добродетелей» [96]. Стремясь навязать секциям волю Коммуны, Шометт вновь выдвинул идею создания центрального комитета или клуба, напоминающего Центральный клуб народных обществ; он хотел подменить Якобинский клуб Коммуной в качестве *единого центра* парижского революционного мнения. Предложение Шометта было принято без затруднений Генеральным советом.

Возможно, легкая победа, одержанная Шометтом, ввела его в заблуждение. Возможно, что, уверившись таким образом в своем влиянии, он решил пойти еще дальше и после секций навязать свою волю революционным комитетам. Он мог быть уверен в своем влиянии в секциях только в том случае, если бы ему удалось установить свой контроль над революционными комитетами. Кроме того, их еще надо было вырвать из-под контроля Комитета общественной безопасности. Шометт решился на этот шаг. 11 фримера обсуждение доклада о выдаче свидетельств о гражданской благонадежности дало ему повод выразить свое беспокойство в связи с тем, что «революционные комитеты, по-видимому, изолируются от Генерального совета Коммуны». Они забыли, что Коммуна — это тот центр, который их связывает между собой и объединяет; именно ей они обязаны своим основанием; именно она хлопотала и добилась выплаты жалованья их членам. «И несмотря на все, именно эти комитеты стараются унизить Парижскую коммуну, прилагают все свои усилия, дабы объединить в союз секции Парижа, да что я говорю! Дабы создать столько коммун, сколько есть секций». Желая не допустить *секционного раздробления* Парижа, Шометт потребовал, чтобы комитеты сносились с Генеральным советом по всем вопросам, касающимся полицейских мер и безопасности. «Революционные комитеты порождены Коммуной и не должны от нее отмежевываться». 14 фримера Генеральный совет созвал их, «чтобы они поделились опытом, побратались и совместно содействовали счастью республики» [97].

На следующий день, продолжая идти тем же путем, Генеральный совет присвоил себе функции контроля при выдаче свидетельств о гражданской благонадежности, ограничив тем самым полномочия революционных комитетов. Все выданные прежде свидетельства аннулировались. Впредь их должны были выдавать общие собрания по представлению революционных комитетов. Зарегистрированные в муниципалитете, они должны были передаваться на рассмотрение Генерального совета, который обеспечивал себе таким окольным путем общий надзор за чисткой [98].

Инициатива Шометта вызвала резкую оппозицию: она противопоставляла Коммуну Комитету общественной безопасности. Оказавшись между Генеральным советом и правительством, революционные комитеты, естественно, склонились на сторону последнего. По инициативе революционного комитета секции Французских гвардейцев часть комитетов собралась 13 фримера, чтобы обсудить постановление Коммуны, созывавшее их на следующий день. Узнав об этом, Генеральный совет тотчас же делегировал двух комиссаров «для разъяснения этим гражданам истинных мотивов своего постановления» [99]. Революционный комитет секции Бореперa долго обсуждал этот вопрос. Один из комиссаров подчеркнул предвзятое отношение Шометта к комитетам и разоблачил политический маневр некоторых членов Коммуны; в конце концов было решено доложить об этом Комитету общественной безопасности [100].

Наиболее ожесточенное противодействие оказали, естественно, правительственные комитеты. Того же 14 фримера, когда Конвент одобрил декрет о временном Революционном правительстве, подтверждавший статьи декрета от 17 сентября, касающиеся революционных комитетов [101], Бийо-Варенн осудил постановление Генерального совета, и Конвент аннулировал его своим декретом. По мнению Барера, нельзя было ни в коем случае позволить установленным властям стать центром, объединяющим революционные комитеты. «Ошибка Коммуны состоит еще в том, что она стремится популяризовать коммунальные власти за счет авторитета Конвента» [102].

Шометт признал себя побежденным. Он переоценил силы Коммуны. 14-го вечером он в соответствии с законом предложил членам революционных комитетов, заполнившим зал Совета, разойтись. После слабых протестов против тенденциозных отчетов некоторых журналистов и отказа председателя открыть прения комиссары удалились [103]. Коммуне и в особенности Шометту был нанесен тяжелый удар. Вся эта история доказала, что правительственные комитеты могли дать отпор муниципальным властям и удержать их в повиновении; это свидетельствует о том, какой огромный путь был пройден после событий 4—5 сентября 1793 года. Она доказывала также, что революционные комитеты секций превратились в послушное орудие правительства.

Намерение поставить комитеты в подчиненное положение и возникшее у народных борцов чувство, что через голову коми-

тетов Шометт метил в секции, делают понятным резко отрицательную реакцию секций на предложения Шометта в последующие дни. Впрочем, требование главного прокурора от 9 фримера было вполне ясным: Шометт собирался превратить Генеральный совет в *единый центр* секций. Любовь секций к независимости, их приверженность к методам прямого управления не могли не восстановить руководителей секций и обществ против такой попытки.

15 фримера общее собрание секции Рынка объявило Шометта недостойным занимать какие-либо общественные должности, оставив на усмотрение Якобинского клуба и Клуба кордельеров, членом которых он состоял, решение вопроса о том, «достоин ли он оставаться далее в их рядах» [104]. 20 фримера секция Фобур-дю-Нор в свою очередь изобличила *вероломные* намерения Шометта в отношении революционных комитетов, а также Комитета общественной безопасности; она объявила его подозрительным и предложила Комитету общественного спасения сместить его и отдать под суд Революционного трибунала. Секция Фобур-дю-Нор перешла всякие границы. Комитет дал ей это почувствовать, когда дважды — 27 и 28 фримера — отказался принять ее депутацию [105].

Впрочем, столь резкая реакция могла показаться подозрительной или по меньшей мере не лишенной раболепия по отношению к правительственным комитетам. Народное общество секции Музея восстановило истинное положение вещей, заявив 19 фримера в Генеральном совете, что прокурор Коммуны по-прежнему пользуется его полным доверием. «Общество видит в Шометте человека, которому, как и всем людям, свойственно ошибаться, но оно ценит его выдающиеся заслуги перед отечеством». Стараясь положить конец вызванному этой историей шуму и не возбуждать новых разногласий среди народных обществ, Шометт призвал общество секции Музея во имя единства прекратить всякие шаги в его пользу [106]. Присутствовавший на заседании Эбер не вмешивался. За это дело ухватился Клуб кордельеров, тогда как осторожный Эбер не хотел себя компрометировать.

Узнав о постановлении секции Рынка, Клуб кордельеров 17 фримера в свою очередь изобличил *убийственное для свободы* требование Шометта, «стремящегося лишить революционные комитеты благих задач народного надзора за подозрительными лицами». Клуб кордельеров с величайшим удовлетворением констатировал, что Эбер, «чистота которого до сих пор равнялась его гражданской добродетели», не имеет никакого отношения к этому требованию; он выражал свое удивление, что Шометт ни словом не предупредил своих коллег о мере, «столь нелепой, чтобы не сказать контрреволюционной». Клуб кордельеров всячески старался отделить Шометта от Эбера: недоверие к одному не должно было коснуться другого [107]. Обсуждение этого дела началось 22 фримера [108]. После оглашения требования Шометта ему было дано слово, чтобы оправдаться. Требуя объединения революционных комитетов

под эгидой Генерального совета, он хотел избежать раздробленности в Париже. Такое объяснение показалось неубедительным. Многие кордельеры взяли под защиту революционные комитеты, «состоящие из истинных санкюлотов»: «подло объединять их всех вместе, чтобы заставлять отчитываться в произведенных ими арестах; это противоречит декрету [от 17 сентября]». Дискуссия носила беспорядочный характер, и Шометт, по-видимому, играл роль козла отпущения для кордельеров во всех их разочарованиях и недовольствах. Дебаты продолжались 24 фримера. Один из ораторов потребовал снисхождения к простой ошибке: «Остерегайтесь агентов Питта, которые стараются посеять среди нас раздоры». Шометт вновь привел те же доводы, но тщетно. 27 фримера кордельеры под председательством Гобера все еще занимались этим делом. Один из членов клуба назвал химерическим мнение, высказанное на собрании 24 фримера, будто опасно затевать подобную дискуссию «в такой момент, когда патриоты должны сплотиться». Прения были прекращены, и общество постановило отпечатать свое решение от 17 фримера, в котором оно выразило свое возмущение требованием Шометта; оно приветствовало декрет Конвента от 14 фримера, отменявший спорное требование и постановление, принятое затем Генеральным советом. «Ввиду того что Шометт, приглашенный в свое общество, не дал удовлетворительных обяснений по поводу этого требования, общество объявляет, что оно считает его намерения антигражданскими и опасными, поскольку он занимает общественную должность». Вследствие этого Клуб кордельеров лишил Шометта доверия и вычеркнул его из списка своих членов [109].

Исключение Шометта из Клуба кордельеров внесло смятение в общественное мнение масс. Оно было предметом обсуждения всех групп, отмечает наблюдатель Мерсье 1 нивоза: «Одни, по-видимому, были за него, другие — против».

Шометт маневрировал, пытаясь плыть против течения. 5 нивоза в Генеральный совет Коммуны явилась депутация от народного общества Невера, которая огласила письмо трибунала своего дистрикта. Трибунал протестовал против клеветы на Шометта: в коммуне Невера культ был отменен самим народом по его собственной инициативе еще до приезда Шометта. Последний воспользовался этим протестом как предлогом, чтобы оправдаться; он рассказал всю историю своей жизни. Совет воздал ему должное [110]. 8 нивоза Совет заслушал еще несколько писем от установленных властей департамента Ньевр. Они опровергали обвинения, выдвинутые против Шометта, будто он разбогател и приобрел поместья в этом департаменте: «Мнимое богатство Шометта состоит в его родной хижине». Совет объявил, что «вопреки интриганам и раскольникам он никогда не лишал Шометта своего доверия и уважения» [111].

Несмотря на хвалебный отзыв Генерального совета, Шометту, муниципальным властям, а следовательно, и народному движению

был нанесен удар. Неудачный маневр Шометта позволил Революционному правительству укрепить свою власть и посеять раскол среди крайних. Клуб кордельеров, исключив Шометта, дал тем самым гарантии правительственным комитетам. Этот маневр позволил кордельерам более энергично защищать тех из своих, против кого в тот момент были направлены все нападки умеренных. Он свидетельствовал о том, что им пришлось перейти к обороне.

* * *

Наступление правительства против дехристианизации привело в замешательство вожаков санкюлотов и сломило народный порыв, который Комитет общественного спасения всячески старался после 2 июня умерить и подчинить своему руководству. Дело Шометта ослабило и раскололо ряды крайних. Усилия Комитета общественного спасения увенчались изданием декрета от 14 фримера, закрепившего в принципе его диктатуру [112].

Все органы установленной власти и лица, занимающие общественные должности, были поставлены под непосредственный контроль Комитета общественного спасения; им запрещалось принимать постановления, расширявшие или ограничивавшие буквальный смысл закона, под предлогом его толкования или дополнения [113]. Это был прямой удар по естественному стремлению народных властей к осуществлению прямого управления. Прокурор Коммуны превращался в национального агента, в простого представителя государства, подчиненного контролю правительственных комитетов [114]. Право посылать агентов или комиссаров предоставлялось только Комитету общественного спасения, Исполнительному совету, Продовольственной комиссии, представителям в миссии [115]. С комиссарами Коммуны, которые в определенные моменты играли столь важную роль в революционном движении, было покончено. Установленным властям запрещалось сноситься между собой посредством комиссаров или уполномоченных и созывать центральные собрания [116]; парижские секции сплошь и рядом пользовались этим методом, и он составлял их силу. То же относилось и к народным обществам: отныне им воспрещалось объединяться путем создания центрального комитета или клуба, поскольку это подрывает единство действий правительства [117]. Централизованная «революционная армия» была, правда, сохранена, но отныне она должна была воздерживаться от малейших действий, входящих в компетенцию гражданских властей [118]. И наконец, всем лицам, занимавшим общественные должности, и всем установленным властям этот декрет угрожал чисткой и санкциями в случае ошибки или даже простой небрежности [119].

Так логика развития событий и политическая и экономическая необходимость привели к восстановлению централизации, к восстановлению авторитета и стабильности правительства, необходимым условиям той победы, которой упорно добивался Комитет общественного спасения. Но с автономией секций и свободой действий народного движения было покончено.

* * *

В то же время обстоятельства вызывали сомнения в необходимости такой диктаторской централизации. С сентября революция одержала много побед: 19 декабря был взят обратно Тулон; 13—14 декабря вандейцы были раздавлены на улицах Ле-Мана, а 23 декабря разгромлены в Савене. 26 декабря был освобожден Ландау. Разве нельзя было теперь ослабить террор и смягчить диктатуру? Все, стремившиеся к мирной жизни, все, желавшие возрождения экономической свободы, хотели, чтобы Революционное правительство ослабило свои тиски и смягчило свою власть.

Отказавшись от крайних мер, которых требовали секционные борцы, перейдя в наступление против их наиболее активных организаций и положив предел дехристианизации, Комитет общественного спасения явно выказал свою враждебность народному движению и дал гарантии «снисходительным». Не шел ли он на риск оказаться их пленником?

Продолжавшаяся война и предстоящая весенняя кампания предъявляли, однако, все те же требования. Нужны были новые усилия, в особенности от народа. Но если Комитет общественного спасения уступал все усиливавшемуся наступлению «снисходительных», то мог ли он сохранить доверие санкюлотов, что было важнейшим условием победы?

ГЛАВА VI

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПЕРЕДОВЫЕ ПАТРИОТЫ И НОВЫЕ УМЕРЕННЫЕ

(14 фримера — конец плювиоза II года)

1. Передовые патриоты и новые умеренные: дело Венсана.— 2. Наступление якобинцев на секционные общества.— 3. Секционная демократия и правительственная централизация.— 4. Тревога народных масс.

Наступление на народные организации и группу крайних свидетельствовало о стремлении Комитета общественного спасения отмежеваться от народа, за которым он до сих пор, скорее, шел (вопреки своему желанию), чем руководил им. Но тем самым он отдавал себя во власть Конвента и создавал благоприятные условия для наступления своих противников в Конвенте и среди общественности.

Поддерживая Робеспьера против поборников дехристианизации, Дантон действовал не без задней мысли и соображений личного и политического характера. Он хотел спасти своих друзей, которых только что арестовали или, подобно Фабру д'Эглантину, могли обвинить, ослабить Революционное правительство, разъединяя Комитет общественного спасения, где Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн слыли сочувствующими санкюлотам. Дантонистская политика была во всех пунктах прямо противоположна народной программе, которую поддерживали Эбер и группа кордельеров. Она была направлена против крайнего террора, против жесткого максимума, против войны до победного конца. Выступление правительства против движения дехристианизации положило начало реакции и благоприятствовало дантонистскому наступлению.

Борьба различных групп имела самые серьезные последствия для народного движения. На карту была поставлена не только судьба Революционного правительства. Речь шла не только об отдельных деятелях, но о передовом крыле революции, а следовательно, в конечном счете и о самих санкюлотах, а также о той роли, которую они играли в революции. На первых порах это усилило смятение среди активных деятелей секций и клубов, но вскоре они стали оказывать противодействие и перешли в контрнаступление. С момента ареста Венсана и Ронсена 27 фримера II года до их освобождения 14 плювиоза политические действия санкюлотов были сосредоточены вокруг этих двух деятелей, ставших символом передовых патриотов.

Но в этой борьбе гибло революционное единство, а доверие народа к правительственным властям было поколеблено — ведь они благоприятствовали такому маневру. В то же время они пытались втихомолку подорвать низовые организации народного движения, секционные общества и общие собрания, и старались отвлечь народные массы от политических задач, направляя их энергию исключительно на военные цели. Так между массами санкюлотов и Революционным правительством постепенно разверзалась пропасть, их расхождения усиливались с каждым днем.

1. Передовые патриоты и новые умеренные: дело Венсана

Арест Венсана и Ронсена 27 фримера II года явился завершением длительного наступления «снисходительных»; этот удар, направленный против двух наиболее видных вождей группы крайних, метил по существу в само Революционное правительство.

Руководимое Дантоном наступление «снисходительных» было направлено против всех тех позиций, где передовые революционеры резко выдвинулись вперед. 2 фримера Дантон выступил против антирелигиозных *преследований*, заявив, что нужно «щадить человеческую кровь». 6 фримера он протестовал против антирелигиозных маскарадов и потребовал, чтобы комитеты подготовили доклад «о так называемом иностранном заговоре» [1]. 11 фримера, когда Камбон внес предложение о принудительном обмене звонкой монеты на ассигнаты, Дантон выступил против этой меры, которой требовали санкюлоты, а также Клуб кордельеров в своей петиции от того же дня. Время *пик* кончилось, заявил Дантон [2]. Усилия «снисходительных» были одновременно направлены и против якобинцев. 13 фримера один из членов Клуба якобинцев Гавра просил направить в департамент Нижняя Сена отряд «революционной армии» с гильотиной и передать одну из городских церквей в распоряжение общества, на что Дантон ответил разоблачением тех, кто хочет повести народ за пределы революции и предлагает ультрареволюционные меры. Поднялся ропот, но Дантон призвал в свидетели тень Марата и предложил сформировать следственную комиссию для рассмотрения выдвигаемых против него обвинений.

Робеспьер выступил в защиту Дантона и побудил отказаться от назначения комиссии.

15 фримера вышел первый номер «Старого кордельера» («Вьё корделье»). По мнению Камилла Демулена, все передовые революционеры были платными агентами Питта [3]. Еще через день, когда одна из депутаций настаивала на освобождении из-под ареста мэра Амбуаза, Мерлен из Тионвиля потребовал, чтобы находящимся в департаментах представителям в миссии предоставили право высказываться относительно законности арестов, произведенных революционными комитетами. Его поддержал Тюрио, ибо надо же пойти навстречу настояниям арестованных патриотов [4]. 19 фримера Симон, связи которого с Шабо и братьями Фрей были общеизвестны, выступил в Якобинском клубе с предложением предоставить народным обществам право вступаться за арестованных патриотов [5]. Это было демагогическое предложение, принятие которого лишило бы всякой силы революционные комитеты. 21 фримера якобинцы снова занялись чисткой своих рядов. Еще один друг Шабо и Фреев — Бантаболь — обвинил Эбера в том, что тот «с чрезмерной горячностью бросает обвинения, в которых он недостаточно уверен» [6]. Встретив слабый отпор, «снисходительные» пошли в своих нападках еще дальше. 22 фримера Бурдон из Уазы потребовал обновления состава Комитета общественного спасения, и Конвент решил приступить на следующий день к голосованию. Но дело приняло иной оборот. 23 фримера Конвент спохватился и продлил полномочия комитета [7]. 22 вечером толпа женщин пришла к барьеру Конвента, чтобы протестовать против ареста своих мужей. Это был заранее рассчитанный маневр, они надеялись воздействовать на чувства членов Конвента [8]. 25 фримера вышел третий номер «Старого кордельера», в котором ставилась под сомнение вся система террора и даже самое Революционное правительство. «Снисходительные» еще более осмелели после огромного успеха этого номера, пробудившего надежды контрреволюции.

27 фримера в результате действий одного агента Исполнительного совета, находившегося в Сен-Жермене для контроля курьеров и позволившего себе задержать представителей в миссии, Исполнительный совет стал объектом ожесточенных нападок. Бурдон из Уазы назвал его «чудовищной силой, которая, не будучи признана народом, тем не менее хотела соперничать с его представителями». Особенно рьяно Бурдон обрушился на служащих канцелярии военного министерства, обвиняя их в неудачах в Вандее. Кутон изложил события в их подлинном свете. Но на предложение Бурдона упразднить временный Исполнительный совет Конвент ответил постановлением, обязавшим Комитет общественного спасения в трехдневный срок представить ему доклад. Фабр тотчас же воспользовался этим, чтобы разоблачить агента Комитета общественной безопасности Эрона, и потребовал предъявления ему обвинения. Кроме того, он обвинил Майяра, арестованного

еще в брюмере, но освобожденного за отсутствием улик, а также Венсана, генерального секретаря военного министра, и генерала «революционной армии» Ронсена; особенно свирепо он обрушился на Венсана, якобы скомпрометировавшего военного министра Бушотта. Без дальнейшего обсуждения Конвент вынес постановление об аресте Венсана, Ронсена и Майяра [9]. Мнения комитетов даже не спросили; весь маневр был направлен на то, чтобы запугать их и подорвать их авторитет.

Вечером в Якобинском клубе победители яростно набросились на свои жертвы. Бурдон из Уазы, заметив в зале Ронсена, потребовал его исключения. Рессон старался предостеречь якобинцев против озлобления Бурдона. Его никто не слушал. Вспомнил свои обиды на Венсана и Лаво, которого прогнали со службы из военного министерства за то, что он не хотел «разделить точку зрения господина Венсана» [10]. Дюфурни обвинял Венсана в тщеславии и честолюбии, а главное — в «желании вырвать исполнительную власть из-под благотворного влияния, которое оказывает на нее Комитет общественного спасения». Маневр с целью погубить также и друзей Венсана вырисовывался все яснее. Фабр задал вопрос, кто рекомендовал Венсана в Общество якобинцев. Это был Эбер. Реноден напомнил постановление о временном исключении из общества тех его членов, которые рекомендовали или поддерживали отвергнутых обществом лиц. Это постановление было оставлено в силе с оговоркой, что «надо проявлять некоторую снисходительность по отношению к рекомендателям», то есть по отношению к Эберу. Для Фабра было достаточно и того, что он помог восстановить против Эбера общественное мнение, это «было уже само по себе подлинным наказанием» [11]. 29 фримера Бурдон из Уазы уже мог заявить: «Контрреволюционная группа из канцелярии военного министерства будет вскоре раздавлена» [12]. Никто не выступил против этого утверждения Бурдона, явно метившего через голову Венсана в Бушотта.

Наступление «снисходительных» продолжалось еще в течение нескольких дней после ареста Венсана и Ронсена. 30 фримера Конвент услышал новые призывы о милосердии. После делегации женщин из секции Гравилье, заявившей, что арест их мужей по распоряжению революционного комитета лишил женщин и детей средств к существованию [13], у барьера Конвента появилась депутация из Освобожденного города (Лиона), которая заявила: «Война кончилась, но мы испытываем худшие несчастья, чем во время войны». Депутация жаловалась на репрессии, проводимые Военной комиссией. «Тот, кто стал ультрареволюционером, столь же опасен, как и контрреволюционер... Пусть на смену царству террора придет царство любви» [14]. За депутацией из Лиона сразу же последовала многочисленная делегация матерей, жен, дочерей и сестер заключенных, уже обращавшихся к Конвенту 22 фримера. Она требовала «свободы для всех невинно арестованных или ставших жертвой

ошибки или человеческих страстей». Она напомнила Конвенту, что он поручил своему Комитету общественной безопасности в трехдневный срок представить доклад по поводу петиции от 22 фримера, а прошло уже восемь дней. Двенадцать членов комитета не могут рассмотреть все дела тысяч арестованных; поэтому нужно назначить комиссию для изучения причин ареста [15]. Нажим на Конвент был столь силен, что по предложению Робеспьера, все же подчеркнувшего аристократическую сущность этого маневра, Конвент постановил создать из членов обоих правительственных комитетов комиссию для рассмотрения мотивов ареста и для освобождения патриотов [16].

Наступление «снисходительных» было направлено не только против репрессий, но и против экономической политики Комитета общественного спасения. Виноторговец Гандон был приговорен к смерти, так как он не заявил о своих запасах; 2 нивоза его зять подал в Конвент петицию, вызвавшую движение в пользу милосердия. Казнь была тотчас же отсрочена, и Конвент приостановил применение смертной казни к скупщикам до пересмотра декрета от 26 июля 1793 года [17]. 8 нивоза приговор был кассирован, и Гандона освободили [18]. Это был удар по народному движению.

Итак, маневр дантонистов успешно развивался. Ему поддался Комитет общественного спасения, стремившийся начиная с июня затормозить народное движение; даже сам Робеспьер в своей враждебности к дехристианизации не понял его опасности. Положение изменилось только после того, как Колло д'Эрбуа, вернувшийся из Лиона, поддержал народное движение.

* * *

Наиболее сознательные борцы уже вступили в борьбу. Заранее восставая против любых мер милосердия, кордельеры потребовали 24 фримера суда над 73 депутатами, арестованными как сообщники жирондистов. Одновременно они выдвинули обвинение против тех представителей, которые хитростью добились от Конвента декрета, предусматривающего обновление состава Комитета общественного спасения, тех самых, что оклеветали генералов-санкюлотов и министра Бушотта [19]. 27 фримера Клуб кордельеров, хотя и равнодушный к судьбе Майяра, единодушно встал на защиту Ронсена и Венсана, особенно последнего — «одного из самых ревностных своих членов» [20]. Некоторые секции заняли такую же позицию, например секция Тампля, где, вопреки революционному комитету, общее собрание 27-го вечером разоблачило тех, кто преследовал «вождей патриотического движения и самых пламенных защитников свободы» [21]. 30 фримера, в тот же день, когда Конвент вынес постановление о создании комитета милосердия, кордельеры протестовали у барьера Конвента против помех, чинимых осуществлению революционных мер обоих Комитетов, и требовали предания

семидесяти трех суду. «Может ли стоящий в порядке дня террор быть направлен против патриотов? Никоим образом... Лишь против аристократов, злонамеренных и агентов-предателей он может быть направлен с полным правом» [22]. Конвент не мог на одном заседании принять и отменить одно и то же решение, и петиция Клуба кордельеров была передана в Комитет общественной безопасности. Было ясно, что без поддержки правительства Клуб кордельеров бессилен изменить ход событий.

Охваченный тревогой Колло д'Эрбуа внезапно вернулся из Освобожденного города. Протест лионцев против расстрелов, арест генерала «революционной армии» Ронсена, отозванного комитетом и тотчас же взятого под стражу по предложению Фабра,— все это внушало ему беспокойство. 1 нивоза, сопровождаемый толпой народа, шедшей за ним от Бастилии до Тюильри, и делегацией лионских санкюлотов, несших голову и прах Шалье, Колло явился в Конвент. По предложению Кутона останки мученика за дело свободы было решено похоронить в Пантеоне [23]. Колло д'Эрбуа представил свой доклад о положении в Освобожденном городе. Он оправдывал репрессии опасностью, которой подвергалась республика. Дивизия «революционной армии» исполнила свой долг. Ее генерала (Колло не назвал Ронсена), прибывшего в Париж, чтобы договориться с Комитетом общественного спасения, арестовывают через два часа после приезда: «Аристократы сообщали еще до его отъезда, что его требуют к вашему барьеру... Вы понимаете, какую выгоду смогут извлечь из этого обстоятельства злонамеренные?» Конвент одобрил действия Колло в Лионе и постановил, чтобы Комитет общественной безопасности немедленно представил ему доклад «о причинах ареста генерала революционной армии» [24]. «Снисходительные», не посмевшие возражать, отыгрались на вечернем заседании, когда Фабр д'Эглантин добился распоряжения об аресте командующего революционной кавалерией Мазюеля [25].

Колло д'Эрбуа в тот же вечер отчитал якобинцев, упрекая их в слабости. Эбер воспрял духом. Он обличает Бурдона из Уазы, Филиппо, Камилла Демулена, Фабра д'Эглантина, требуя их исключения из Якобинского клуба, и предлагает петицию по примеру петиции Клуба кордельеров, чтобы потребовать от Конвента суда над депутатами, арестованными как сообщники жирондистов, и немедленного представления доклада о заговоре, разоблаченном Шабо и Базиром; пусть Общество якобинцев наконец объявит, что Венсан и Ронсен по-прежнему пользуются его полным доверием. Якобинский клуб вызвал своих членов, против которых были выдвинуты обвинения, и вручил Венсану и Ронсену выдержку из протокола, свидетельствующую о том, что Общество якобинцев сохраняет по отношению к ним чувства *братской дружбы* [26]. На следующий день Якобинский клуб обратился в Конвент с петицией, аналогичной петиции Клуба кордельеров, но составленной в более

умеренных выражениях; немедленно должен быть представлен доклад о депутатах, арестованных как сообщники жирондистов, о новом заговоре, разоблаченном Комитетом общественной безопасности, и об аресте Венсана и Ронсена, которых Общество якобинцев считает безупречными [27]. Между тем 2 нивоза кордельеры поздравили Колло д'Эрбуа с тем, что он продемонстрировал в Якобинском клубе *всегда присущую ему энергию*. Они вычеркнули из списков клуба Камилла Демулена и лишили своего доверия Бурдона из Уазы, Филиппо и Фабра д'Эглантина [28].

Венсан, находясь в тюрьме, всеми силами добивался оправдания. Еще 30 фримера он организовал расклейку *множества* афиш, где, не довольствуясь опровержением выдвинутых против него обвинений, нападал на своих обвинителей. «У него много сторонников, с жаром выступающих в его защиту»,— заметил в этой связи 1 нивоза один полицейский осведомитель [29]. 2 нивоза в Клубе кордельеров было оглашено письмо Венсана: «Революционный трибунал,— писал он,— или свобода». Общество кордельеров решило направить в Конвент депутацию и «потребовать, чтобы он немедленно покарал этих патриотов, если они виноваты, или предоставил им свободу, если они невинны» [30]. 3 нивоза Генеральный совет Коммуны ознакомился с оправдательной запиской Венсана [31]. 6 нивоза, как сообщил наблюдатель Латур-Ламонтань, «стены были покрыты афишами Ронсена, Венсана и Мазюеля» [32]. Венсан призывал Амара арестовывать тех, кто доносит на патриотов, и вновь требовал суда Революционного трибунала или свободы. «Пер Дюшен» поддерживала эту кампанию, в первых числах нивоза она твердила о великом гневе, который охватил ее «при виде того, как санкюлоты позволяют надувать себя аристократам в красных колпаках» [33]. В свою очередь вмешались и вожаки секций, как, например, Теодор Жерар, который в своей прокламации «*Ко всем свободным людям*» поставил проблему во всей ее широте. «Эти макиавеллисты злобствуют не против генерального секретаря военного министерства, не против генерала «революционной армии»... они злобствуют против всякой администрации, которая идет в ногу с революцией» [34].

Столь широкая кампания всколыхнула общественное мнение. Первых результатов она достигла 6 нивоза, когда по требованию Бийо-Варенна Конвент отменил свой декрет от 30 фримера, даже не рассмотрев доклада Барера о пересмотре дел арестованных [35]. Маневр с милосердием потерпел провал. Но контратака крайних метила дальше: они стремились не только к освобождению Венсана и Ронсена, но и к устранению их противников. Под давлением народных вожаков народные общества и секции становились на сторону Революционного правительства и высказывались за продолжение террора.

Наиболее ярким примером такого движения народа в пользу притесняемых патриотов и против «снисходительности» являлась

петиция секции Вильгельма Телля, принятая 7 нивоза и поданная 11 нивоза в Конвент секцией в полном составе. В ней говорилось, что петиция *мнимых* лионцев была составлена в Париже, «чтобы надуть жалостливых» депутатов; требования жен арестованных были «одним из колесиков этой адской машины»; арест Венсана и Ронсена являлся составной частью заговора. «Такое странное стечение обстоятельств» — не случайность, «это плод усилий аристократии — священнической, дворянской, парламентской, финансовой, буржуазной; этому способствовали все, за исключением народа». «Лионские господа, действуя по указке парижских господ», требуют помилования впавших в заблуждение и раскаявшихся граждан, а сами-то они помиловали Шалье? Эти «мягкосердечные господа», помиловали ли они «200 тысяч французов, убитых в боях, на крепостных валах или на родных полях — железом, огнем или в результате измены?» Пусть Конвент отвергнет моderантизм — открыть тюрьмы значило бы открыть «ящик Пандоры». В заключение в петиции секции Вильгельма Телля говорилось: «В оковы подозрительных, под топор повинные головы. Но не забудем здесь — из опасения, как бы об этом совсем не позабыли,— что нам еще должно быть уплачено по большому счету новых заговоров. Как он запоздал, этот счет!» [36] Это была явная угроза по адресу друзей Дантона, замешанных в деле о коррупции, разоблаченном Шабо.

Состоявшееся 16 нивоза многолюдное собрание Якобинского клуба внесло еще большее смятение. Если Колло д'Эрбуа требовал исключения Филиппо, введения цензуры для газеты Камилла Демулена, если Эбер требовал правосудия, защиты от клеветы, возведенной на него в пятом номере «Старого кордельера», то Камилл Демулен возобновил все свои обвинения против Эбера, что произвело на слушателей немалое впечатление. Неудачное замечание Робеспьера младшего, желавшего положить конец личным спорам, обернулось против Эбера. Все это повредило его популярности. Что касается Максимилиана Робеспьера, то он еще раз поставил себя над партиями [37]. Поскольку правительство не высказало своей точки зрения, взаимные обвинения филиппотистов * и эбертистов, как отметил 17 нивоза наблюдатель Латур-Ламонтань, остались в центре внимания общественности. Однако наблюдатель подчеркнул, что Эбер потерял опору: «В общественных местах больше не осмеливаются так открыто брать сторону этих людей, на защиту которых несколько дней назад, можно сказать, готов был подняться народ». Причину этого он усматривал в брошюре Филиппо и в статьях пятого номера «Старого кордельера», исходивших злобой [38].

* Филиппотистами, по имени Пьера Николо Филиппо (1756—1794), близкого сподвижника Дантона, называли сначала их сторонников, подразумевая под ними дантонистов. Позже их стали прямо называть дантонистами, по имени главного лидера группы «снисходительных».— *Прим. ред.*

Осмелев в результате пассивности правительства, «снисходительные» 18 нивоза ожесточенно атаковали в Конвенте Исполнительный совет и особенно Бушотта; Бурдон из Уазы, подхватив обвинения Камилла Демулена, упрекал Бушотта в том, что он взял из казначейства 120 тысяч ливров, «чтобы снабдить журналиста, чье имя не осквернит этих стен». Филиппо возобновил свои нападки против Ронсена и Россиньоля, считая их ответственными за все допущенные ошибки во время войны в Вандее [39]. Вечером их противники дали им отпор в Якобинском клубе. Демулен, защищаясь, сослался на то, что Робеспьер читал в рукописи номера его газеты. Тогда Робеспьер спохватился: он поддержал генерала «революционной армии» Буланже, против которого были выдвинуты обвинения в Комитете общественной безопасности, отчитал Демулена и в завершение сжег номера его газеты. Но желая придать дискуссии другое направление, он попытался отвлечь членов Якобинского клуба от этих споров и предложил включить в повестку дня обсуждение преступлений английского правительства и пороков британского общества [40]. Это предложение ничего не решало, тем более что Камилл Демулен не желал снисхождения: «Сжечь — не значит ответить». Конфликт оставался открытым.

Эбер, задетый обвинениями «Старого кордельера», ответил 19 нивоза афишей, которую все читали с *жадным интересом*; и, по-видимому, она снова склонила общественное мнение в его пользу [41]. Главным центром контрнаступления оставался Клуб кордельеров. Еще 13 нивоза народное общество секции Марата, находившееся под его влиянием, одобрило петицию к Конвенту, «чтобы потребовать либо освобождения Венсана, либо немедленного суда над ним» [42]. 14 нивоза Моморо сделал в клубе доклад «о военных событиях в Вандее и о плане притеснения, направленном против пламенных республиканцев». Он разоблачал в нем новых умеренных, которые «под благовидным предлогом справедливости, снисходительности и милосердия, который всегда с энтузиазмом подхватывают аристократы, изо всех сил стараются повернуть вспять спасительное революционное движение»; он требовал для изменников кары, «какое бы положение они ни занимали»; наконец, он опровергал письмо Филиппо от 16 фримера Комитету общественного спасения и превозносил достоинства Ронсена и Россиньоля [43]. 16 нивоза Моморо выпустил брошюру, направленную против Филиппо и обвинявшую его в *жирондизме* [44]. 22 нивоза кордельерам сообщили о письме Венсана, который требовал *во весь голос* суда Революционного трибунала, и об афише в его защиту, расклеенной клубом, заседавшим в Епископстве [45]. По докладу Моморо Общество кордельеров в тот же день приняло постановление «относительно клеветников, порочащих Венсана, и притесняемых патриотов» [46]. Оно рассматривало Филиппо как клеветника, «который оскорбил патриотизм в лице защитников Революции и особенно в лице членов Комитета общественного спасения». Постановление

отказывало в доверии Фабру д'Эглантину, «одному из вожаков интриги», и Бурдону из Уазы за то, что они «столь ожесточенно преследовали патриотов Венсана, Ронсена и военного министра и его служащих, не осмеливаясь еще открыто напасть на Комитет общественного спасения». Что касается Камилла Демулена, то Общество кордельеров напомнило, что оно его уже исключило, «хотя он и оказал Революции очень большие услуги». Клуб кордельеров вновь выразил свое доверие Комитету общественного спасения, «который клевета может лишь едва задеть», Комитету общественной безопасности, «который интриганы тщетно пытались обмануть ложными сообщениями», и, наконец, Конвенту, как «центру объединения всех республиканцев» [47]. Этим проявлением лояльности Общество кордельеров рассчитывало достигнуть примирения с правительственными властями. Кордельеры попытались добиться присоединения к своему постановлению Якобинского клуба, но из осторожности последний ограничился тем, что 23 нивоза напечатал его в «Журналь де ля Монтань» [48].

Комитет общественного спасения не отказывался от своей позиции беспристрастного арбитра. Желая оказать на него давление и пресечь наступление «снисходительных», Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн заручились поддержкой Комитета общественной безопасности. Дело о коррупции, разоблаченное Шабо и Базиром, осталось незаконченным. Чтобы расстроить замыслы дантонистов, Комитет общественной безопасности поднял его вновь. Амар возобновил расследование и снял с бумаг Делоне печати. Обнаруженный в его бумагах проект декрета о ликвидации Ост-Индской компании с поправками карандашом, сделанными Фабром д'Эглантином, позволил его скомпрометировать [49]. Но хотя 19 нивоза Робеспьер обвинил его в Якобинском клубе, хотя в конце концов в ночь с 23 на 24 нивоза Фабр был арестован, атаки на обе фракции то усиливались, то ослабевали. 19 нивоза Робеспьер изобличил обе фракции, которые угрожают Революционному правительству, но договариваются между собой «подобно разбойникам в лесу» [50]. 21 нивоза Робеспьер спас Камилла Демулена от исключения из Якобинского клуба, но 23-го Конвент вынес по докладу Вадье постановление об освобождении Мазюеля [51]. Чтобы добиться свободы для Венсана и Ронсена, их сторонникам пришлось усилить свой нажим.

* * *

Кампания в пользу Венсана и Ронсена, которую яростно продолжал Клуб кордельеров, достигла в последние дни нивоза особенно широкого размаха. Сторонники Венсана и Ронсена, раздраженные пассивностью правительства, начали волноваться. Наблюдатель Ле Бретон сообщал 19 нивоза, что в кафе Кретьен близ Итальянского бульвара возник «своего рода народный клуб»; «именно там изыскиваются способы защиты Ронсена и Венсана» [52].

Донесение Ле Бретона позволяет составить себе представление о партии Венсана; она главным образом состояла из служащих канцелярий военного министерства и канониров, бывших всегда авангардом санкюлотов. К ним следует еще добавить политических деятелей секции Муция Сцеволы, к которой принадлежал Венсан, и особенно членов ее революционного комитета.

24 нивоза Моморо выступил в Клубе кордельеров с отчетом о шагах, предпринятых в пользу Венсана. «Согласно указаниям Робеспьера и Колло д'Эрбуа», он обратился в Комитет общественной безопасности, где Амар заверил его в том, «что против Венсана не было никаких улик... и более всего виновны его обвинители, что это дело не может долго тянуться и что он сам им займется». Такие речи Амара раскрыли маневр Комитета общественной безопасности и позицию Робеспьера, стремившегося к тому, чтобы с этим делом обращались к Комитету. Клуб кордельеров, опираясь на заявление Робеспьера от 19 нивоза о существовании нового заговора и на свое собственное постановление от 22 нивоза о Фабре и К°, назначил комиссию для приема разоблачений, «которые могут содействовать раскрытию этого заговора» [53]. Заседание 27 нивоза свидетельствовало о стремлении кордельеров довести до конца свою кампанию в защиту Венсана и Ронсена. Заседание открылось чтением Декларации прав человека, которую Общество кордельеров считало нарушенной арестом этих двух лиц. Впредь все заседания должны были начинаться подобным образом [54].

Секции и народные общества последовали примеру кордельеров. 5 плювиоза общее собрание секции Вооруженного человека направило в Комитет общественной безопасности и в Конвент делегацию, чтобы потребовать либо суда над Венсаном и Ронсеном, либо их освобождения [55]. Венсан из Люксембургской тюрьмы торопил своих сторонников. 6 плювиоза он направил в Конвент письмо, одновременно поручив расклеить его по всему Парижу. «Хватит и того, что действиями против меня нарушили священные права человека, меня уже 40 дней держат под стражей, но ни разу не выслушали». Венсан требовал суда на основании 34 статьи Декларации прав [56].

10 плювиоза одна из депутаций выразила Конвенту *скорбь* кордельеров. Конвент вновь ограничился тем, что направил эту жалобу в Комитет общественной безопасности [57]. 12 плювиоза аналогичный демарш предприняли перед Конвентом объединенные секции Муция Сцеволы, Бонне-Руж, Единства и Марата; приводились те же аргументы, которые имели тот же результат [58]. Вечером в Клубе кордельеров был заслушан отчет о различных мерах, принятых для освобождения Венсана и Ронсена. При «глубоком молчании и удивительной сосредоточенности» присутствующих один из кордельеров заявил, что *попраны* права человека. «Тщетно возвышаете вы голос [протеста] перед законодателями. Они глухи к нему; вам дают уклончивые ответы; безвинные

по-прежнему остаются в оковах. Притеснители торжествуют». Оратор предложил завесить покрывалом скрижали, на которых начертана Декларация прав [59]. Кордельеры «в стихийном порыве» объявили о наличии притеснения и завесили Декларацию прав. Они назначили комиссаров, чтобы «твердо и настойчиво» потребовать от Комитета общественной безопасности доклада по поводу заключения в тюрьму Венсана и Ронсена [60].

Откажется ли Комитет общественного спасения от своей промежуточной позиции? Когда 1 плювиоза Ксавье Одуен внес в Якобинском клубе предложение дополнить поздравительный адрес по случаю годовщины казни Людовика XVI «соображениями, которые должны заставить Конвент поторопить свой Комитет общественной безопасности с составлением доклада о Венсане и Ронсене», Общество якобинцев ограничилось предложенным Кутоном простым обращением к Комитету [61]. Когда 9 плювиоза Леонар Бурдон призвал Якобинский клуб употребить свое влияние на то, чтобы добиться освобождения Венсана и Ронсена, Робеспьер опять предложил обратиться с этим в Комитет общественной безопасности [62].

Однако настойчивые демарши Клуба кордельеров, скрытая угроза, исходившая от завешенных покрывалом скрижалей с Декларацией прав, отсутствие малейших доказательств виновности, равно как и необходимость для правительственных комитетов пойти на какие-нибудь уступки передовым патриотам, чтобы уравновесить влияние умеренных — все эти причины делают понятным освобождение 14 плювиоза Венсана и Ронсена. Предложенное Комитетом общественной безопасности, оно было декретировано Конвентом без всяких прений [63]. Дантон поддержал предложение Комитета, несомненно в надежде на то, что правительство, верное своей политике равновесия, решится освободить Фабра д'Эглантина.

* * *

Робеспьер и Комитет общественного спасения могли думать, что путем чередующихся уступок они сохраняют свою позицию арбитра. Но крайние партии не разоружились и угрожали равновесию, созданному правительством. «Снисходительные» продолжали свои попытки добиться освобождения Фабра д'Эглантина. Между тем кордельеры намеревались отомстить своим противникам и, поощряемые первым успехом, хотели с ними покончить. Венсан, обладавший желчным и мстительным характером (даже по словам «Пер Дюшен»), не был способен успокоить умы. Он вышел из тюрьмы с неукротимым желанием мести. Под его влиянием стремление народных борцов покарать виновных обратилось против новых умеренных. Политическая ситуация постепенно ухудшалась.

Направление, которое кордельеры намеревались отныне придать своей деятельности, наметилось на вечернем заседании 14 плювиоза. Возвращенный с триумфом в круг своих друзей, Венсан «с мужест-

венной энергией и пламенными чувствами, всегда его вдохновлявшими», развил «самые чистые принципы, более всего способные привести в замешательство клеветников, которые его преследовали». Тот же тон и та же угроза сквозили и в речи Ронсена: «Только правосудие должно разрешить спор между нами и нашими преследователями, и наша радость будет полной, если после того, как будет доказано, что виновны они одни, меч рассудит нас и поразит тех, кто изменил отечеству и плохо служил своей стране». Председательствовавший на собрании Моморо закончил призывом к мщению, и все присутствовавшие повторили его клятву [64].

Передовые секции и народные общества последовали примеру кордельеров. 17 плювиоза наблюдатель Ле Аривель сообщил о многолюдном собрании, состоявшемся в Епископстве и требовавшем от Конвента декрета об аресте Камилла Демулена, Бурдона из Уазы, Филиппо и других; дело дошло даже до разговоров о том, что, если Конвент отвергнет эту меру, они их все равно найдут, хотя бы пришлось добраться до самих монтаньяров [65]. 18 плювиоза общество Защитников прав человека предало анафеме новую группу, наследницу бриссотинцев, и объявило разоблаченных депутатов «недостойными заседать среди представителей нации и особенно среди обитателей Горы, для них [разоблаченных депутатов] она является Тарпейской скалой, с вершины которой они будут когда-нибудь низвергнуты» [66].

Развернувшаяся таким образом кампания за чистку Конвента и устранение новых умеренных была внезапно прервана вмешательством Робеспьера, по-прежнему верного своей политике равновесия 19 плювиоза помощник начальника канцелярии военного министерства Брише в ироническом тоне критиковал в Якобинском клубе повестку дня общества, принятую 18 нивоза под давлением Робеспьера: «Общество испытывает огромное удовлетворение, слушая, как вскрываются преступления английского правительства; но было бы еще приятнее услышать о том, как сотня пушечных жерл установит на берегах Темзы свободу». Это были речи, знаменательные для умонастроения народных борцов. Брише предложил направить в Конвент петицию, «чтобы убедить его судить в течение будущей декады все грязные остатки бриссотинской клики... и выгнать всех жаб, пытавшихся взобраться на Гору». Робеспьер не пощадил *«господина»* Брише, несмотря на «крайне популярный» характер его предложений. Он подчеркнул позицию правительства: ударить одновременно по Болоту и по новой фракции — это значило бы обеспечить последней поддержку Болота; «считая, что ему грозит эшафот, оно бы объединилось с вожаками фракции, которую разоблачает господин Брише, чтобы совместно с ней раздавить в Конвенте монтаньяров». Брише был изгнан из Якобинского клуба [67]. Кампания за новую чистку Конвента сразу прекратилась. Но чувства народных борцов не вызывали никакого сомнения.

Позиция, занятая Робеспьером, благоприятствовала «снисходительным»: 23 плювиоза они добились того, что Венсану было отказано в приеме в Общество якобинцев. Это еще более ухудшило отношения между обоими обществами и усилило разногласия патриотов.

19 плювиоза приемный комитет Общества якобинцев представил свой доклад о кандидатуре Венсана; он показался неточным, общество перешло к обсуждению дальнейших вопросов повестки дня, и Венсану, согласно уставу, было предложено удалиться [68]. Это глубоко ранило его самолюбие. На следующем заседании, 21 плювиоза, председателю приемного комитета Дельклошу было предъявлено обвинение в том, что он составил свой доклад под влиянием Моморо [69]. Эта первая стычка обнаружила глухую оппозицию против Венсана и его друзей. 23-го она проявилась еще сильнее. Дельклоша обвинили в том, что он представил свой доклад самочинно. Моморо написал письмо, в котором тщетно пытался оправдаться и расхваливал достоинства Венсана. Стараниями Дюфурни, который обвинял Венсана еще тогда, когда тот был арестован, разбор этого дела отложили, дабы дать Дельклошу и Моморо возможность оправдаться [70]. «По-видимому, в обществе образовалась сильная группа противников Венсана»,— констатировал наблюдатель Дюга [71].

Заседание Якобинского клуба 26 плювиоза было почти целиком посвящено этому новому делу Венсана. Моморо и Дельклош отбивались от обвинения в том, будто они интриговали, добиваясь его принятия в Общество якобинцев. Дантонист Дюфурни пространно инкриминировал Моморо и Венсану их поведение в целом, упрекая последнего в честолюбии и в создании группы сторонников из числа друзей и людей, пользовавшихся его милостями. Дюфурни повторял в основном обвинения, которые впервые привели Венсана в тюрьму. Председатель тщетно силился вернуть дебаты к их подлинной теме, указывая, что речь не может идти ни о Клубе кордельеров, ни о патриотизме Венсана. Жанбон Сент-Андре напрасно призывал якобинцев и кордельеров прекратить их распри. Дюфурни упорствовал. Чтобы утихомирить спорщиков, понадобился авторитет Колло д'Эрбуа [72].

Решение Клуба кордельеров от 2 вантоза взять на себя издание газеты Марата свидетельствовало об их намерении не разоружаться и атаковать в лоб всех своих противников. Они расстроят все маневры врагов народа и сорвут маску с «изменников, которые его обманывают, или с мятежников и любителей властвовать, которые хотели бы его подкупить или обольстить» [73].

* * *

Комитет общественного спасения, боровшийся в брюмере против дехристианизации и крайних, допустивший во фримере арест Венсана и Ронсена, отошел от своей позиции верховного арбитра, или сохранения равновесия. Вмешательство Колло д'Эрбуа и

реакция самих якобинцев раскрыли тактику «снисходительных», которую к тому же еще неосторожно разоблачил «Старый кордельер». Робеспьер спохватился и изложил позицию правительства в больших речах, произнесенных им в Конвенте 5 нивоза и 17 плювиоза; он отмежевался и от *умеренных* и от *крайних*, отметив, однако, во второй из своих речей, что промежуточная позиция комитета отнюдь не означает уступки модерантизму.

Тем не менее политическое равновесие было непоправимо нарушено. Наступление «снисходительных» еще более ухудшило общую атмосферу, а колебания правительства увеличили недоверие. Кордельеры были убеждены, что комитет покровительствовал их противникам, так как он щадил Демулена и не предавал суду находившихся в заключении Фабра и других друзей Дантона. Дух мщения, обуревавший освобожденного наконец Венсана, сумевшего настроить своих друзей не только против новых умеренных, но и против членов правительства, делал невозможным какое бы то ни было примирение.

Инспирированные правительством атаки против низовых организаций санкюлотов, секционных обществ и общих собраний укрепили передовых патриотов в убеждении, что на карту поставлено будущее самого народного движения.

2. *Наступление якобинцев на секционные общества*

Народное движение, прочно опиравшееся до сентября 1793 года на общие собрания и революционные комитеты, сосредоточилось после отмены непрерывных заседаний секций и установления опеки над комитетами в секционных обществах. Благодаря инициативе немногих борцов они превратились в органы контроля и руководства политической деятельностью народных масс. Во многих секциях они заменили общие собрания, превратившиеся отныне в регистрирующие органы: их решения оспаривались и приостанавливались, назначения подготовлялись секционными обществами. Многие собрания переложили на общества выдачу свидетельств о гражданской благонадежности, что сделало их всемогущими, ибо таким образом они контролировали набор служащих и держали их под своим надзором. Членство в народном обществе стало главным доказательством гражданской благонадежности.

Подобная политическая практика неизбежно вызывала резкую оппозицию со стороны социальных элементов, которых санкюлоты отстраняли, равно как и со стороны правительственных властей, опасавшихся, как бы от них не ускользнул контроль над народным движением. Отсюда интриги и глухая борьба. Революционные комитеты старались создавать свои ячейки в секционных обществах, чтобы через их посредство руководить общими собраниями. Многочисленные конфликты, осложнявшие политическую жизнь секций в течение зимы II года, как и крайние их формы, порождали все большее недоверие к обществам. Тщетно пытались общества рассеять его путем чистки. Она лишь облегчила упорно продолжавшееся наступление правительства. Секционные общества никогда не были так близки к гибели, как теперь, находясь в апогее своего могущества.

* * *

Народные борцы, не обладавшие ни политическими, ни ораторскими талантами представителей средней буржуазии, шедших за якобинцами, понимали, что им удастся увлечь за собой общие собрания, лишь воздействуя на них иными средствами. Отсюда чистка, усиленный надзор и разоблачения, использование скрытого влияния секционных обществ. Все эти способы несколько напоминали конспиративные методы, применявшиеся при подготовке великих революционных выступлений. Таким путем санкюлотам часто удавалось устранить имущих из общих собраний и подавить в секциях влияние средней якобинской буржуазии.

Секционные общества были созданы для того, чтобы обойти декрет, ограничивший число заседаний общих собраний двумя в неделю, а затем в декаду. Под предлогом того, что повестка дня последних была перегружена, секционные общества стали подготовлять доклады, а затем и сами решения; собраниям оставалось только утверждать представляемые им постановления. 24 нивоза Беро заметил, что «народные общества присваивают себе право принимать постановления, в то время как они должны лишь резюмировать их проекты для представления общим собраниям» [74].

Общества не довольствовались подготовкой постановлений общих собраний, они контролировали назначения.

Общество секции Республики оказалось в нивозе настолько могущественным, что провело чистку революционного комитета и заставило одного из комиссаров подать в отставку [75]. Эта тайная власть нередко вызывала протесты. Один из членов секции Бореперa прямо заявил 15 фримера в общем собрании, что «народное общество — это настоящая клика, которая хочет захватить все места».

Наконец, чрезвычайно сильную власть обеспечивал секционным обществам контроль за выдачей свидетельств о гражданской благонадежности. 10 нивоза, приступая к чистке секции, общее собрание секции Горы аннулировало все свидетельства о гражданской благонадежности, выданные до 13 августа, то есть до момента ее обновления; 15-го общее собрание вынесло постановление о том, что свидетельства будут считаться действительными только при наличии визы народного общества, помимо визы революционного комитета [76]. Во многих секциях визирование свидетельств о граж-

данской благонадежности и пропусков было доверено исключительно обществам.

Если верить тому, что говорилось в прениях общего собрания секции Гренельского фонтана 20 и 30 плювиоза III года, то *«мнимое»* народное общество захватило право «назначения на гражданские и военные должности и все суверенные функции, которые закон предоставляет народу, объединенному в первичные коммунальные или секционные собрания. Пока существовало это общество, общее собрание не вынесло ни одного постановления, не выдало ни одного свидетельства о гражданской благонадежности, или о бедности, или даже о местожительстве, которое не было бы продиктовано членами этого общества, чей предварительный доклад и согласие считались обязательными» [77]. Как бы ни были преувеличены эти сообщения, относящиеся к III году, такое описание роли секционных обществ зимой II года, по-видимому, довольно близко к действительности.

* * *

Секционные общества отдавали себе отчет в грозившей им опасности. Их роль, их положение и нападки, которые они вызывали, заставили их распространить на своих собственных членов активный надзор, установленный ими над остальными гражданами. Отсюда чистки, к которым они периодически прибегали за время своего существования (несколько месяцев) и которые им позволили одновременно усилить свою политическую эффективность и заранее опровергнуть обвинения своих хулителей.

Критерии, на основе которых проводилась чистка, были весьма различны для разных обществ и разных периодов. Они становились все более и более широкими. 17 фримера общество Свободных людей секции Нового моста удовольствовалось исключением подписавших петиции Восьми тысяч и Двадцати тысяч [78].

Из общества Бон-Консей были исключены «аристократы, подозрительные лица и умеренные» [79]. Если в обществе секции Рынка чистка, по-видимому, была умеренной, то в обществе Арси она проводилась гораздо более сурово; во флореале III года председателя комиссии по чистке упрекали в том, что по отношению к кандидатам он действовал как тиран: по его мнению, не следовало принимать ни нотариусов, ни клерков, ни вообще юристов, равно как и торговцев и приказчиков[80]. Таким путем утверждался определенный классовый подход, но он делал секционные общества подозрительными в глазах правительственных властей, прежде всего заинтересованных в социальном равновесии.

Когда возобновились чистки, общества ввели уставы, которые позволяют определить моральный и политический облик санкюлота-борца. Все это вело к опасному расширению критериев чистки. В этом отношении знаменателен устав общества секции Пик [81]. Он

был принят 22 плювиоза, и ему предшествовало изложение принципов, которые должны вдохновлять народные общества, названные «оплотом Республики» и «очагами бдительного надзора». Критерии чистки носили в первую очередь моральный характер: трусы, лицемеры, интриганы подлежали исключению наравне с умеренными и контрреволюционерами.

* * *

Несмотря на всю энергию, с которой общества взялись за чистку своих рядов, они не могли снискать расположение правительственных властей. Они выступали почти как соперники власти, влияние Якобинского клуба уравновешивалось их влиянием. Находясь в руках подлинных санкюлотов, общества подрывали преобладающие позиции средней буржуазии, на которую опирались Якобинский клуб и Революционное правительство.

Во внутренних убеждениях членов правительственных комитетов не приходится сомневаться. О них достаточно ясно свидетельствует позиция Робеспьера, его решающие выступления 19 брюмера и 6 нивоза во время дебатов о секционных обществах в Якобинском клубе. Могло ли правительство пойти дальше? Статья 7 Декларации прав от июня 1793 года признавала за гражданами «право мирно собираться». Даже после декрета от 14 фримера, определявшего компетенции всех революционных органов, Комитетам трудно было вмешиваться в их деятельность. Но заботясь прежде всего об эффективности деятельности Комитетов, воодушевляемые идеей единства и централизации, правительственные деятели все же подумывали об уничтожении секционных обществ, с тем чтобы сохранить под руководством материнского Общества якобинцев только контролируемую сеть народных обществ, построенную по принципу иерархии.

В бумагах Комитета общественного спасения обнаружен проект декрета без даты и подписи, относящийся, несомненно, к нивозу или плювиозу.

«Во избежание создания контрреволюционных обществ, которые вследствие своей оппозиции подлинным патриотическим обществам вызвали бы гражданскую войну, Комитет общественного спасения предлагает:

1. Ради сохранения в Республике единства воспретить создание новых обществ, помимо тех, которые будут филиалом Общества друзей свободы и равенства.

2. Ради сохранения единства в каждом большом городе воспретить там формирование новых обществ, не связанных с обществом, которое было первым аффильировано парижским обществом и как бы является его секцией»[82].

Этот проект обеспечивал Обществу якобинцев руководство и контроль над всеми обществами; фактически он аннулировал положения статьи 7 Декларации прав. Народное движение было

еще слишком мощным, чтобы такой проект мог быть принят без сопротивления. Не будучи в силах распустить своей властью народные общества, Комитет общественного спасения атаковал их окольным путем: он поддерживал направленное против них наступление якобинцев.

Оно возобновилось 6 нивоза в связи с тем, что 19 брюмера Якобинский клуб отказал в аффилиации обществу секции Инвалидов. Последнее обвинили в том, что в него входят бывшие сторонники Лафайета. В дебатах принял участие Робеспьер, резко выступивший против всех «*мнимых*» народных обществ. Особенно он упрекал их в намерении уничтожить «патриотическое влияние Общества якобинцев». Именно в этом крылась глубокая причина недоверия правительства к секционным обществам. Якобинский клуб отказал в аффилиации обществу секции Инвалидов. Эбер счел необходимым заявить, что он всегда считал весьма опасным создание новых обществ. Дюфурни, питавший упорную ненависть к народному движению, потребовал, чтобы «число этих обществ не было тождественно числу секций». Это значило бы лишить их секционного характера и тем самым всякой политической эффективности. Умеренную позицию занял один лишь Моморо. Создание секционных обществ позволило *злонамеренным* обойти *спасительный* декрет, ограничивший заседания общих собраний двумя в декаду; в некоторых секциях интриганам при посредстве обществ удалось добиться господства в общих собраниях. Кордельеры хорошо почувствовали эти неудобства; но право объединяться в народные общества свято. Кордельеры восставали против злоупотреблений этим принципом, а не против самого принципа. Опасаясь воздействия речи Моморо, Робеспьер возобновил свои обвинения: народ не посещает собраний секционных обществ, попавших в руки интриганов. Дюфурни разоблачал создание в Епископстве *центра*, соперничающего с Якобинским клубом. Это был намек на Центральный клуб народных обществ. В конце концов Якобинский клуб отказал в аффилиации всем обществам, основанным после 31 мая [83]: не будучи в состоянии подчинить секционные общества своему контролю, он объявил им войну.

Клуб кордельеров с некоторым запозданием занял аналогичную позицию, лишь несколько отличавшуюся от позиции Якобинского клуба. 7 нивоза кордельеры в свою очередь отказали в аффилиации обществу секции Инвалидов, хотя и признали священный характер права «опекать и просвещать народ путем основания народных обществ» [84]. Но отказывать систематически они еще остерегались: будучи ближе к народу, чем якобинцы, и более или менее открыто соперничая с материнским Обществом якобинцев, они не решались безоговорочно осудить действенные органы народной власти. Тем не менее к концу нивоза Клуб кордельеров поставил на повестку дня вопрос о «чрезмерном количестве народных обществ» и о «злоупотреблениях, которые там совершаются». «Многие члены клуба

указывали на неблагоприятные последствия существования этих обособленных обществ [имеются в виду секционные общества] и, наоборот, на преимущества обществ, имеющих общий характер». Заняв в конце концов позицию, идентичную позиции Якобинского клуба, кордельеры постановили отказывать в аффилиации обществам, основанным после 31 мая [85].

Однако это решение не привело к результатам, на которые рассчитывали его инициаторы: секционные общества как ни в чем не бывало продолжали свою деятельность. Якобинский клуб счел необходимым пойти дальше, чтобы избавиться от их конкуренции. После того как 8 плювиоза секретарь огласил несколько просьб об аффилиации, один из ораторов предложил вообще прекратить всякую новую аффилиацию. Кутон выступил еще решительнее, потребовав не только отказывать в аффилиации обществам, основанным после 31 мая, но и давать согласие на аффилиацию ранее основанных обществ только после тщательной проверки их поведения. Так проявлялось глубокое недоверие якобинцев к санкюлотам, которые позднее стали принимать участие в политической жизни. Кутон подчеркивал: «Парижские секционные общества поставили под угрозу даже свободу». Якобинский клуб присоединился к его мнению и вновь отказал в аффилиации обществам, основанным после 31 мая, аннулировал аффилиацию «всех тех обществ, которые, существуя всего лишь два года, прерывали свою деятельность в критические для Революции времена», и потребовал чистки всех остальных присоединенных обществ. Эти меры были направлены вообще против всех народных обществ. Но наиболее опасными для Якобинского клуба оставались, однако, парижские секционные общества. Дюфурни еще раз перечислил таившиеся в них опасности: они обособляются в небольшом округе, они служат убежищем для лжепатриотов и интриганов из секций, они хотят основать в Епископстве центральный комитет «в противовес Обществу якобинцев». Эбер выступил в свою очередь: обходят декрет, касающийся общих собраний секций, добиваются торжества секционной контрреволюции. Якобинский клуб объявил, что он больше не признает секционных обществ и будет считаться только с обществами, имеющими общий характер, куда принимаются все граждане без каких бы то ни было различий [86].

* * *

Полемика продолжалась, но ее центр тяжести переместился. Освобожденный Венсан дал ей новое направление. До сих пор кордельеры шли за якобинцами; одно это могло бы послужить доказательством того, как далеко им еще было до борцов из секционных обществ. Понял ли Венсан всю выгоду, которую можно было извлечь из этих обществ?

14 плювиоза, в тот самый день, когда уязвленный и думающий только о мщении Венсан вышел из тюрьмы, кордельерам сообщили, что народное общество выборщиков — бывший Электоральный клуб Епископства — поставило на повестку дня своего собрания вопрос о «сравнении преимуществ и неблагоприятных последствий наличия большого числа народных, или секционных обществ» [87]. 17 плювиоза ораторы Епископства единодушно потребовали уничтожения секционных обществ; они упрекали их в «узурпации незаконного влияния, которое они оказывают на выдачу свидетельств о гражданской благонадежности, на выборы, на определение контрибуции и даже на аресты» [88]. В то же время, если верить донесению от 19 плювиоза одного из наиболее проницательных наблюдателей — Гривеля, Венсан якобы предложил Клубу кордельеров обратиться к Конвенту с призывом передать секционным обществам *часть власти*, принадлежащей революционным комитетам, которые были бы уничтожены. Предложение Венсана будто бы было принято большинством голосов. Такой крутой поворот Клуба кордельеров кажется на первый взгляд невероятным: было ли влияние Венсана столь велико?..

«Итак,— комментирует Гривель,— вот два общества, совершенно противоположные по своим оценкам, взглядам и решениям. Одно хочет роспуска революционных комитетов, а другое — уничтожения всех секционных клубов. Последнее видит коренной порок в своеобразии уставов этих различных обществ и считает федералистским признаком их территориальное наименование... А Клуб кордельеров полагает, что революционные комитеты представляют собой излишнее звено в иерархии власти» [89].

Независимо от того, было ли донесение Гривеля обоснованным или нет, оно дает представление о глухой борьбе между различными группами за контроль над народным движением и над низовыми органами революционной власти. Наблюдательные комитеты после провала во фримере попытки Шометта подчинить их власти Коммуны оставались в непосредственном ведении Комитета общественной безопасности, который через их посредство хотел установить свой контроль над политической жизнью секций. Общества, если они не находились под руководством революционных комитетов, как это случалось порой, представляли собой соперничающие органы власти и с успехом оспаривали у революционных комитетов руководство народным движением. Отсюда недоверие к ним Революционного правительства, всех людей, более или менее сознательно враждебных санкюлотам, и их желание уничтожить общества или по крайней мере поставить их под контроль Якобинского клуба путем аффилиации и установления с ним переписки. Отсюда также враждебность людей, отстраненных от власти, к революционным комитетам и их стремление использовать секционные общества для ее достижения. Освобождение Венсана могло изменить линию поведения Клуба кордельеров, до тех пор враждебного секционным

обществам, несмотря на позицию Моморо, проявлявшего большее понимание. Отмежевываясь от Якобинского клуба, отвергнувшего Венсана, думали ли кордельеры использовать секционные общества как орудие нажима на правительственные комитеты, чтобы покончить со своими противниками? В условиях назревавшего кризиса секционные общества явно представляли собой силу, которой нельзя было пренебрегать. Кордельеры давали понять, что они намерены с ними примириться, тогда как Якобинский клуб упорствовал в том, что их надо нейтрализовать, если не уничтожить. Передовые патриоты не могли питать никаких иллюзий относительно истинных причин якобинского наступления против секционных обществ. Оно было составной частью правительственной политики, враждебной народному движению и санкюлотской демократии, жертвой которой стали одновременно и общие собрания.

3. Секционная демократия и правительственная централизация

Революционное правительство, теперь уже упрочившееся и организованное, было несовместимо с методами политических действий санкюлотов, приведших его к власти. Декрет от 14 фримера закрепил подчинение революционных комитетов власти Комитета общественной безопасности; а революционные комитеты старались в свою очередь подчинить себе общие собрания секций. В то же время при замещении вакансий правительство ввело практику назначения кандидатов Генеральным советом Коммуны вместо их выборов общими собраниями. Так было ликвидировано право секций выбирать и контролировать своих комиссаров и своих представителей в Коммуне. Принципы народного суверенитета и осуществление прямой демократии были принесены в жертву централизации и эффективности действий правительства. «Это было хорошо,— заявил Шометт 25 фримера по поводу заместителей, которых секции имели обыкновение назначать в помощь комитетам,— для тех бурных времен, когда революционные комитеты были перегружены делами, когда закон, так сказать, оставался нем, предоставляя самое широкое поле деятельности революционному гению; но теперь, когда закон заговорил... все обстоит совершенно иначе: нужно, чтобы осуществление закона было сосредоточено только в руках тех, кого он избрал для этой великой задачи» [90]. С революционной стихийностью было покончено.

Это совершилось не без трудностей. В секциях возникло движение протеста двоякого рода: против революционных комитетов, обвиненных в посягательстве на права общих собраний, и против Генерального совета Коммуны, обвиненного в нарушении народного суверенитета, так как он стал сам осуществлять назначения.

Эти протесты — и первого и второго рода — свидетельствуют о том, что парижские санкюлоты дорожили своими политическими правами, и говорят об определенной концепции прямой демократии. И те и другие протесты остались безрезультатными: уступить им значило бы лишить правительственный аппарат его *силы принуждения*.

* * *

Постепенное усиление Революционного правительства вплоть до кодификации 14 фримера, когда общие собрания лишились контроля над наблюдательными комитетами и в руках этих комитетов сосредоточились все полицейские функции под эгидой Комитета общественной безопасности, значительно укрепило власть комитетов в секциях. Они были, естественно, склонны распространить свой контроль на всю политическую жизнь; отсюда их конфликты с секционными обществами и общими собраниями.

Незаконно превышая свои компетенции, наблюдательные комитеты считали себя вправе контролировать решения общих собраний. Член революционного комитета секции Тампля Малле будет обвинен в жерминале в попытках воздействовать на общее собрание, «ибо, когда нужно было сделать те или другие назначения или вынести те или иные решения... он указывал, какого надо придерживаться мнения» [91].

Более серьезными и более показательными в отношении изменения секционной демократии в результате действий комитетов были обвинения, выдвинутые 16 нивоза служащим здравоохранения Жаве против комитета секции Неделимости: комиссары руководят секцией через посредство «семейного комитета народного общества, где они властвуют, как настоящие тираны»; они нарушают порядок голосования, подавляют общественное мнение; они провели в председатели общего собрания одного из своих сторонников, который остается на этом посту бессменно, так как отказывается устроить перевыборы бюро; заместитель председателя собрания является членом революционного комитета, так же как и председатель народного общества. «Когда дело касается свидетельств о гражданской благонадежности или других дел, граждане оказываются ущемленными со всех сторон и вынуждены хранить гробовое молчание из страха перед арестом, которым им часто угрожают. Это порождает в секции глухой раскол, который может стать опасным. Комиссары относятся к своим согражданам с немыслимой спесью... они деспотически вышвыривают людей с занимаемых мест или из комиссий и сажают туда своих сторонников; они с пренебрежением отказываются выслушивать жалобы и требования» [92]. Но подобные методы вызвали в конце концов недоверие, а затем и злобу санкюлотов.

* * *

Более серьезными представлялись отмена выборов и непризнание суверенитета секций при назначении членов революционных комитетов и Генерального совета Коммуны.

Совет, широко толкуя декрет от 14 фримера, присвоил себе право самому заменять своих членов, не считаясь с желанием секций. 13 фримера Дюнуи, на которого возложили ответственность за решение Коммуны об отстранении священников от всех должностей, осужденное Шометтом как слишком крайняя мера, был исключен из Совета, причем Совет сам нашел ему замену [93].

Секция Вильгельма Телля, которую он представлял, предложила Совету созвать секции и сообщить им свои мотивы. После речи Эбера 22 нивоза Совет перешел к очередным делам, считая, что во время революции он может сам проводить чистку своего состава [94].

В тот же день Совет должен был рассмотреть конфликт, возникший между секцией Попенкур и ее революционным комитетом. Если верить комитету, общее собрание отказалось признать трех комиссаров, официально назначенных Коммуной и утвержденных Комитетом общественной безопасности; затем оно объявило неправомочным весь революционный комитет в целом [95]. В действительности имелись три вакантных места, на которые комитет секции Попенкур предложил трех кандидатов Генеральному совету, и тот на них согласился; Комитет общественной безопасности утвердил эти назначения. Так совершилась кооптация. Но когда 10 нивоза председатель комитета представил трех новых комиссаров общему собранию, «некоторые его члены внесли встречные предложения, заявив, что права народа попраны». Собрание аннулировало назначения и решило сделать их само. Дискуссия возобновилась 20 нивоза. Один из присутствовавших заявил, что комитет действовал *тайком*, что лишь одно собрание вправе назначать своих уполномоченных; другой указывал, что декрет от 5 сентября, разрешивший Коммуне проводить чистку революционных комитетов, имел силу только для тех дней. Один комиссар хотел огласить декреты от 5 сентября и 14 фримера, но собрание отказалось его выслушать и в конце концов решило обновить весь состав своего комитета: «...комитет потерял доверие секции в результате допущенного им обмана и интриг, а также из-за слишком широкого толкования им закона» [96]. Общее собрание защищало свои суверенные права, но оно ставило под сомнение принципы Революционного правительства.

22 нивоза Генеральный совет ограничился тем, что потребовал явки председателя и секретаря общего собрания секции Попенкур. 23-го после долгих дебатов Совет кассировал решения собрания как направленные на то, чтобы «помешать выполнению закона и упразднить установленные власти». Долг Совета «осудить и пресечь превышения власти, характеризующие указанные решения» [97]. Опираясь на это постановление, революционный комитет распоря-

дился об аресте в ночь с 23 на 24 нивоза пяти несогласных. Общее собрание не сочло себя побежденным. Оно обратилось к Конвенту с петицией, отстаивая принцип народного суверенитета. «Если народ не может более выражать свое мнение, когда он считает, что задеты самые дорогие для него права, особенно право назначать своих представителей, то свобода не более чем химера... Уважение к установленным органам власти — это плод доверия, а доверие граждан является полным только тогда, когда они выразили его в общих собраниях» [98].

Дело показалось Комитету общественной безопасности настолько важным, что 27 нивоза он поднял тревогу в Комитете общественного спасения и поставил политическую проблему во всей ее полноте. Ввиду того что комитеты заполнили вакантные места под контролем Комитета общественной безопасности, секции сочли этот акт, не санкционированный никаким законом, нарушением своих прав. Но убежденный, что, согласно декрету от 14 фримера, это дело относится к компетенции Комитета общественного спасения, Комитет общественной безопасности переслал ему петицию секции Попенкур с просьбой как можно скорее установить порядок замещения свободных мест в революционных комитетах [99]. Комитет общественного спасения не дал хода делу: он не мог принять определенное решение, противоречащее принципу народного суверенитета, но и не мог ослабить власть Революционного правительства. Ту же позицию он занял и по отношению к революционному комитету секции Финистера, не ответив на его письмо от 6 плювиоза по поводу замещения вакантных должностей [100].

Таким образом, к великому неудовольствию санкюлотов, система выборов общими собраниями была заменена системой кооптации членов революционных комитетов под контролем Комитета общественной безопасности и при условии чистки их Коммуной. Безвозвратно утратив возможность надзора за полицейскими мероприятиями комитетов, Коммуна тем не менее рассчитывала сохранить над ними власть благодаря признанному за нею декретом праву их чистки. 9 плювиоза Фруадюр указал, что «Генеральный совет сохраняет право высшего надзора за революционными комитетами во всем, кроме того, что определенно исключено законом; так, декреты от 17 сентября и 14 фримера предусматривают прямую связь, без каких бы то ни было посредников, между революционными комитетами и Комитетом общественной безопасности только в тех случаях, когда дело касается ареста подозрительных лиц». Таким образом, Совет пользовался правом контролировать всю их прочую деятельность и проверять комитеты [101]. Генеральный совет попытался распространить это право контроля и проверки на гражданские комитеты. Когда 1 плювиоза секция Прав человека обратилась к Генеральному совету с запросом, вправе ли общее собрание проводить чистку своего гражданского комитета, многие члены Совета заняли отрицательную позицию. «Ибо, если Совет вправе проводить чистку

революционных комитетов,— заявил Паш,— то тем более он имеет право проводить чистку гражданских комитетов, которые в некотором роде ведут свое происхождение от Генерального совета». По мнению Шометта, для которого муниципалитет был *центром* всех органов гражданской власти, секции не имели права проводить чистку своих комитетов. Но, будучи человеком осторожным, он все же отказался высказаться официально. Поскольку декрет от 14 фримера ставил общественных должностных лиц под непосредственный надзор Комитета общественного спасения, дело было отослано [102].

Хотя конфликт из-за сферы компетенции все еще оставался нерешенным между Коммуной и Комитетом общественного спасения, так как последний еще отказывался высказаться по этому вопросу, одна цель была достигнута: контроль за гражданскими, равно как и революционными комитетами был изъят из ведения общих собраний. Расширенное толкование декрета о Революционном правительстве постепенно лишало санкюлотов суверенных прав секций (которые они завоевали силой несколькими месяцами ранее), чтобы сосредоточить всю власть в руках Комитета общественного спасения.

* * *

Наиболее ярким свидетельством антагонизма между секциями и властями, первоначально ими же созданными, свидетельством упадка, перерождения секционной демократии перед лицом требований Революционного правительства было дело Тальбо, в котором столкнулись секция Тампля и Коммуна [103].

13 фримера в Генеральном совете член революционного комитета секции Тампля [104] Малле обвинил Тальбо в том, якобы он заявил на общем собрании, что Марат был негодяем, которого поддерживал *отпетый сброд*. В тот же вечер Малле подтвердил свое обвинение перед революционным комитетом. Последний постановил, что, поскольку Тальбо был выдвинут аристократами, он более не пользуется доверием санкюлотов секции [105]. На следующий день комитет в полном составе предпринял новый демарш перед Генеральным советом, и обвинение против Тальбо было направлено в Управление полиции. Таким образом, вначале дело Тальбо носило характер конфликта по мотивам честолюбия между революционным комитетом и представителем секции в Генеральном совете. Однако вскоре оно обрело иной, более глубокий смысл как проявление классовых противоречий между санкюлотами и средней буржуазией и поставило на карту сами принципы секционной демократии, равно как и принципы Революционного правительства.

Тальбо, выбранный нотаблем Коммуны за семь месяцев до событий 10 августа, назначенный 18 августа 1792 года членом временной Коммуны, а затем в конце марта 1793 года — членом постоянной Коммуны, назначенный в августе 1793 года администратором

секции Кенз-Вен, сам именовал себя *патриотом 89 года* и бесспорно принадлежал к той парижской средней буржуазии, которая составляла силу революции в ее начале [106].

Социальное происхождение Тальбо и его политическое прошлое могли лишь вызвать недоверие, если не некоторую зависть у санкюлотов, поздно приобщившихся к политической жизни. Тальбо называл себя жертвой *новых патриотов*, начавших посещать общие собрания лишь с 1793 года: «Многие из них полагают, что первые патриоты перестали ими быть сегодня». На это Малле и его друзья возражали, что Тальбо утратил доверие секции, так как был назначен во времена господства аристократов.

30 фримера Малле потребовал в общем собрании обновления всех установленных властей секции; он предложил Тальбо подать в отставку и побрататься со своими согражданами; тогда он мог бы «быть переизбранным как всякий другой». Тем самым Малле утверждал требования санкюлотской демократии: секция не могла иметь своим представителем в Генеральном совете человека, в избрании которого не участвовала большая часть ее членов. Тальбо отказался пойти на предложенную ему сделку. Тогда революционный комитет применил обычную процедуру: 3 нивоза народное общество лишило Тальбо своего доверия, 5 нивоза его примеру последовало общее собрание. 16 нивоза общество, отныне заменившее собою революционный комитет, назначило комиссаров, которые совместно с комиссарами общего собрания потребовали от Генерального совета немедленного доклада о деле Тальбо.

24 нивоза дело поступило в Генеральный совет. Фруадюр от имени Управления полиции подчеркнул, что трудно установить, сохраняет ли Совет, согласно декретам Революционного правительства, право проводить у себя чистку. Было запрошено мнение Комитета общественного спасения, который ответил утвердительно. Перейдя к вопросу о Тальбо, Фруадюр заявил, что общее собрание и народное общество могут рассматриваться как исполняющие функции обвинительного жюри и в таких случаях они не обязаны мотивировать свои обвинения. Пока Тальбо не докажет, что секция выразила свое мнение под влиянием страха, «Совет не сможет принять решения, противоположного постановлениям властей и народного общества секции Тампля». Вследствие этого ведомство полиции, «считая, что изложенные обстоятельства властно требуют, чтобы представители народа были облечены его полным доверием», предложило исключить Тальбо из Генерального совета [107]. Это значило бы признать суверенитет секций.

Совет почувствовал угрозу, крывшуюся в таком постановлении для его членов, которые впредь в любой момент могли бы быть отозваны своими секциями; он отказался последовать совету полицейских властей. Многие члены Совета подчеркивали отсутствие доказательств выдвинутого обвинения, дышавшего «ненавистью и местью». Один из ораторов обрушился на санкюлотов, разделив патриотов

на три категории — 1789, 1792 и 1793 годов; «относящиеся к двум последним годам — это большей частью контрреволюционеры, затесавшиеся среди истинных патриотов; они куда более горазды орать, чем рассуждать, но тем не менее пытаются сеять повсюду дух раскола». Генеральный совет перешел к очередным делам ввиду отсутствия доказательств, подтверждающих обвинение против Тальбо [108].

Общее собрание секции Тампля не признало себя побежденным. 25 нивоза оно решило составить обращение к секциям и народным обществам, чтобы поставить их в известность о мотивах, побудивших его лишить Тальбо доверия [109]. Этот документ говорит о политических настроениях санкюлотов и может служить свидетельством принципов секционной демократии. «Права секции Тампля не были признаны; она заявила во всеуслышание — ее оттолкнули те, кто обязан ее уважать; слишком долго терпит она заносчивость неразборчивого человека, который смеет вести против нее постыдную борьбу, упорствуя против ее желания в своем намерении оставаться ее представителем в Коммуне». Управление полиции признало принцип, требующий, чтобы представитель народа был облечен полным доверием тех, кого он представляет. Не настаивая на обвинениях, выдвинутых против Тальбо и отошедших теперь на второй план, обращение выносило вопрос на широкое обсуждение. «В ходе дискуссии один член Генерального совета позволил себе заявить, что истинными патриотами являются только патриоты 89 года, а участники событий 10 августа и 31 мая — это новоявленные патриоты...» «...Если бы организаторы священного восстания 31 мая... не восстановили Генеральный совет в его функциях после того, как он был их лишен, разве нам бы осмелились отказать в правосудии и оскорблять нас столь недостойным образом?» Это значило напомнить Совету о примате народного суверенитета и о том, что крайним средством его является восстание. Тальбо должен был бы пройти проверку секций, которые в соответствии с принадлежащим им правом высказали бы свое суждение об основательности выдвинутых против него обвинений, «ибо каждый гражданин допускается в Генеральный совет Коммуны с одобрения 48 секций». Перейдя к очередным делам при рассмотрении вопроса об исключении Тальбо и не известив об этом секции, Совет совершил акт самоуправства. «Люди, раздавившие 31 мая чудовище федерализма, не должны допустить, чтобы их лишили самого священного из прав свободного народа — права отказывать в доверии уполномоченным, которых они не считают более достойными его». Обращение кончалось призывом к секциям: «Сохранение наших прав зависит от нашего взаимного согласия; они неотъемлемы и, без сомнения, вы не потерпите, чтобы нас их лишили» [110].

Изобличение *патриотов 89 года* секцией Тампля вызвало некоторое волнение. 9 плювиоза народное общество сочло своим долгом дать по этому поводу пояснения. Протокол его заседания содержит

определение «этих так называемых патриотов 89 года, носивших лишь маску патриотов»; это определение включает соображения как политического, так и социального порядка. Под патриотами 89 года секция Тампля имела в виду богачей, плативших ежегодные налоги в размере «марки серебра», тех, «кто считал, что для служения родине надо носить синий мундир»*, сторонников Конституции 1791 года, завсегдатаев клубов, фельянов, лиц, подписавших петиции, «поборников введения военного положения и убийц с Марсова поля»; короче говоря, «тех надменных людей, которым удалось изгнать из общих собраний несчастного санкюлота, совершившего Революцию». Это определение в какой-то мере отражало классовое чувство. Но народное общество секции Тампля ополчилось не только против тех, кто извлекал выгоды из цензовой системы. Оно нападало также на всех, кто после событий 10 августа противодействовал народному движению. Так, под патриотами 1789 года оно подразумевало также хулителей Коммуны 10 августа, апеллянтов и «всех тех, кого разжалобила казнь тирана», сторонников федерализма, «людей, которые с помощью коварных и хитрых средств противодействовали» принятию Конституции 1793 года, тех, кто «называл мужественных санкюлотов мятежниками, поджигателями и дезорганизаторами», «кто провоцировал открытие складов Коммуны, чтобы посеять в народе тревогу по поводу снабжения продовольствием», то есть всех умеренных. Стараясь оградить себя от гнева правительственных властей, у которых ожесточенность нападок на Коммуну могла вызвать подозрения, общество отнесло еще к патриотам 89 года клеветников на партию монтаньяров и врагов Революционного правительства. Особенно, заявляло оно, надо проводить резкое различие между этими людьми и «участниками событий 14 июля, 5 октября, выступления на Марсовом поле — людьми, скрепившими республиканский договор на «алтаре отечества», основавшими 10 августа Республику и спасшими ее 31 мая, раздавив заговорщиков» [111].

Секция и народные общества колебались, какую им занять позицию. Народное общество секции Ломбар 12 плювиоза присоединилось к обращению, но на следующий день оно предусмотрительно отсрочило это решение, чтобы снестись с Генеральным советом и узнать его мнение. Этот демарш, имевший место 17 плювиоза, послужил поводом к новым дебатам, в ходе которых обнаружилось, что, хотя «значительное большинство секций» (sic) встретило обращение секции Тампля возмущенными криками, 29 секций присоединилось к нему — столь велико было недовольство народа Советом.

Значительность этого оппозиционного движения заставила Совет маневрировать. Нельзя осуждать секцию, заявил один из ораторов; надо винить *инициаторов и составителей* обращения, председателя

* Имеется в виду дорогостоящий мундир национальной гвардии, который должны были за свой счет приобретать вступающие в нее в 1789 году. Этот дорогой мундир преградил плебейству доступ в национальную гвардию.— *Прим. ред.*

и секретаря собрания. Любен сослался на декрет об организации Революционного правительства, согласно которому всякий, кто будет подстрекать к действиям, направленным против установленных властей, будет объявлен контрреволюционером. Поэтому дело было передано в Управление полиции для расследования вопроса об *инициаторах и составителях* обращения, признанного оскорбительным [112].

Такая позиция произвела сильное впечатление на секции. Некоторые из них явились в Совет с заверениями в своей лояльности. Подобное неодобрение побудило общество секции Тампля предпринять 22 плювиоза попытку умиротворения Генерального совета. Оно отвергло тенденциозную интерпретацию его обращения и особенно выражения «патриоты 89 года»; оно никогда и не помышляло ни нападать на патриотов 89 года, всегда проявлявших себя как защитники народа, ни порочить установленные власти, ни уклоняться от надзора Генерального совета. «Желая полностью исправить ошибки, которые оно могло допустить», общество представило проект обращения, соответствовавший этим декларациям. Любен отказался его принять; Совет, уверенный отныне в победе, отказался пойти на малейшие уступки [113].

24 плювиоза Управление полиции представило свой доклад о *гнусном* обращении секции Тампля. Позабыв свой первый доклад, Фруадюр указал на Поля Дютиля, литератора, члена революционного комитета, и на Клода Клерваля, служащего канцелярии военного министерства, как на составителей обращения. «Одна из главных целей этого обращения, по-видимому, состояла в том, чтобы провести различие, тем более пагубное, что оно явно отдавало пальму первенства в патриотизме тем, кто стал патриотом только тогда, когда наибольшие опасности, грозившие отечеству, миновали». «Горе тому, кто был немым свидетелем великих событий... а теперь путем непомерных преувеличений хочет предать забвению свою беспечность, а может быть, и нечто худшее». Фруадюр упрекал секцию Тампля в клевете на Коммуну, в «системе опорочивания органа власти, до сих пор оказывавшего важные услуги отечеству». Совет передал все дело в Комитет общественной безопасности. Это значило выдвинуть обвинение против вожаков секции Тампля [114].

Однако тем все и ограничилось. Комитет общественной безопасности воздержался от каких бы то ни было репрессий. Может быть, он боялся возбудить недовольство народных масс, резко высказавшихся против Тальбо?

* * *

Дело Тальбо, по-видимому, символизировало политическую тревогу, которая охватила секции зимой II года. Коалиция, приведшая к власти Революционное правительство, распалась. Противоречия между патриотами 89 года и патриотами 31 мая отражали не

только столкновение личных честолюбивых устремлений. Они символизировали столкновение двух концепций политической жизни и в конечном счете антагонизм между двумя социальными категориями: между секционной демократией и Революционным правительством, между санкюлотами и якобинцами. Опирающееся на якобинцев Революционное правительство все подчиняет нуждам национальной обороны и путем постоянного нажима урезывает политические права, завоеванные санкюлотами в великой борьбе. Несомненно, в своих действиях оно проявляет пока умеренность: народное движение еще не утратило своей мощи, да и оппозиция «снисходительных» заставляет правительственные комитеты соблюдать некоторую осторожность. Тем не менее политической жизни секций нанесен непоправимый удар.

4. *Тревога народных масс*

Секции, где после 31 мая развернулась интенсивная, хотя порой и беспорядочная политическая деятельность, продолжали действовать зимой II года весьма активно. Но их активность изменила свой характер. Если продовольственный вопрос оставался в центре внимания народа, то проблемы общей политики все менее и менее интересовали собрания и общества. Борьба фракций, несомненно, находила отклик в секциях. Наиболее передовые решительно стали на сторону Венсана, но они составляли меньшинство. Также несомненно, что секции ревниво оберегали свои политические права. Но поскольку Революционное правительство уже было создано, то об этом нечего было и спорить. Народное общество секции Лепелетье, дабы «проникнуться своей истинной целью и способствовать ее достижению», включило в повестку дня каждого заседания чтение статей декрета от 14 фримера [115]. Так утихает политическое движение и ослабевает натиск сторонников террора.

Отныне политическая инициатива санкюлотских организаций становится ограниченной. Энергия народных масс направлена на решение задач национальной обороны. В этой области Комитет общественного спасения заслужил доверие санкюлотов. Проявления лояльности все более множились; они диктовались патриотическими чувствами и политическими мотивами, которые столь тесно переплетались между собой, что разграничить их невозможно. Комитет общественного спасения, созданный, по существу, для защиты революции и стремившийся все подчинить этой цели, явно хотел направить на решение этих задач деятельность секционных организаций; он был также заинтересован в этом политически. Начиная с фримера такая позиция патриотической лояльности по отношению к правительственным властям нашла конкретное выражение в возросшем стремлении парижских санкюлотов принять участие в военных усилиях и вести борьбу до победного конца: вооружение якобинской кавалерии и сбор селитры ставятся на повестку дня общих собраний и секционных обществ.

Мысль побудить секции и общества принять участие в военных усилиях путем снаряжения ими кавалеристов возникла летом 1793 года в момент величайшей национальной опасности: 15 августа секция Арси внесла в Якобинский клуб предложение, чтобы каждый муниципалитет вооружил за свой счет одного кавалериста [116]. Это предложение, несомненно, было подхвачено самими якобинцами. Именно по их примеру секция Вильгельма Телля 3 октября решила открыть подписку для вооружения двух кавалеристов [117]. Пока политическое движение в общих собраниях и секционных обществах носило активный характер, примеру Якобинского клуба не очень следовали. 18 брюмера общество секции Музея открыло подписку. Она была покрыта немедленно, что являлось доказательством патриотического пыла санкюлотов, и 19 брюмера общество представило своего кавалериста Конвенту [118]. Патриотический порыв превращался в проявление лояльности.

Однако всю осень санкюлоты были полностью поглощены дехристианизацией, чисткой, проведением репрессий и борьбой за экономические требования. Когда дехристианизацию приостановили и декретом от 14 фримера было организовано Революционное правительство, а деятельность общих собраний и народных обществ ограничили более жесткими рамками, тогда часть своей деятельности они посвятили военным усилиям, идя, таким образом, навстречу желаниям правительственных властей. С этого момента участились случаи организации подписки на вооружение так называемых якобинских кавалеристов. Вскоре для патриотического рвения санкюлотов открылось новое поле деятельности: сбор селитры для изготовления пороха, несущего смерть тиранам. Начиная с нивоза, деятельность народных борцов утратила свой в основном политический характер; на первый план выдвигаются преимущественно патриотические задачи. Это опять-таки свидетельствовало о спаде народного движения и о его непрерывно возраставшей зависимости от правительственных комитетов.

В связи с активизацией военных действий осенью 1793 года стала очевидной недостаточность принятых мер по сбору селитры. Комитет общественного спасения воззвал к патриотическому рвению санкюлотов. 14 фримера, говоря от его имени, Приер из департамента Кот-д'Ор подчеркнул в докладе Конвенту заинтересованность всех граждан в «обеспечении того, что может способствовать защите отечества».

Конвент предложил гражданам выщелачивать землю в их погребах; муниципалитеты организуют коллективную мастерскую для извлечения содержащейся в земле селитры. Управление производством селитры и пороха будет платить по 24 су за каждый фунт селитры, добытый общим трудом [119]. Санкюлоты получили новую

возможность проявить свой патриотизм; они тотчас же взялись с энтузиазмом за сбор селитры. Якобинский клуб и органы власти поощряли это движение.

8 нивоза Дюфурни огласил в Якобинском клубе прокламацию парижского департамента, призывавшую секции принять все необходимые меры для исследования всех без исключения погребов в поисках селитры [120]. 12 нивоза с аналогичным призывом выступила Коммуна [121]. 2 плювиоза Комитет общественного спасения направил новый циркуляр в дистрикты, в парижские секции и в народные общества, чтобы стимулировать их рвение: сбор селитры — это революционный акт, и каждый гражданин должен найти в нем новую возможность послужить республике. Движимый этим призывом, Генеральный совет Коммуны на следующий день постановил создать в каждой секции комиссию по добыче селитры; граждане были обязаны в десятидневный срок провести осмотр принадлежавших им погребов, в противном случае они будут считаться подозрительными; следить за проведением этого постановления в жизнь должна была комиссия из шести членов Генерального совета [122]. Таким образом, сбор селитры должен был проходить под эгидой Коммуны, в то время как до сих пор каждая секция проводила его сама, в зависимости от своего патриотического рвения.

После декрета от 14 фримера наиболее пламенные санкюлоты взялись за дело, выщелачивая землю в подвалах, собирая и очищая землю с содержанием селитры.

Однако даже после решения Коммуны секции сами распоряжались организацией и работой своих комиссий по добыче селитры. В секции Брута комиссия была сформирована 5 плювиоза; вначале она насчитывала 5 членов, но в конечном счете число их возросло до 20. Они поочередно контролировали работу мастерских. Комиссия получила разрешение мобилизовать рабочих-специалистов и получить взаем необходимые суммы на организационные расходы. 9 плювиоза общее собрание разрешило использовать в этих целях труд наемных рабочих [123].

Подобные меры были приняты большинством секций. Добыча селитры и снаряжение кавалеристов отныне шли параллельно. В них находил свое выражение патриотический порыв санкюлотов и в то же время утверждалась их лояльность по отношению к Конвенту и к Революционному правительству. Снарядив кавалеристов и собрав селитру, многие секционные организации отправлялись всей массой в Конвент, чтобы выразить ему свое уважение. Так множились в плювиозе проявления лояльности народа по отношению к правительственным властям.

Однако проявления лояльности, связанные с представлением в Конвент якобинских кавалеристов или добытой селитры, не должны внушать иллюзий. Победы, одержанные в декабре 1793 года, укрепили в народе престиж Комитета общественного спасения; существовало полное единство взглядов по вопросу продолжения

войны; кроме того, выражения преданности Конвенту и правительственному Комитету были ответом народа на нападки «снисходительных» на Революционное правительство. Это было естественно в атмосфере интриг и глухой борьбы, которая предшествовала открытой войне фракций. Но каков бы ни был патриотический пыл санкюлотов, конформизм играл большую роль в подобных проявлениях лояльности: поскольку движение началось, запоздавшие секции рисковали заслужить обвинение в равнодушии. Секционные должностные лица и революционные комитеты, все более и более подчиняемые надзору и контролю правительства, были явно заинтересованы в том, чтобы усилить движение и замаскировать разногласия под ложной видимостью национального единодушия.

15 вантоза Моморо, возглавлявший депутацию своей секции, принесшую на носилках большие бруски селитры, напомнил депутатам Конвента, что секция обладает «моральной селитрой, источник которой неистощим и взрывы которой уже не раз служили делу свободы и равенства» [124]. Демонстрации лояльности не могли скрыть кризиса, назревавшего в секциях и клубах.

* * *

Принятие закона о максимуме отнюдь не устранило всех затруднений с продовольствием. Хотя хлеба теперь хватало и волнения у дверей булочных прекратились, однако стали остро ощущаться недостаток и дороговизна бакалейных товаров. Санкюлотам трудно было приобрести их вследствие нежелания торговцев продавать их по ценам максимума. Начиная с плювиоза серьезный кризис в снабжении мясом довел недовольство народа до крайней остроты. Таким образом, в то время как движение за удовлетворение народных требований в политической области после фримера ослабело, в экономической области оно оставалось весьма сильным, особенно в отношении снабжения продольствием. Враждебность к торговцам, столь характерная для настроения народа, непрестанно усиливалась в течение зимы, несмотря на создание органов контроля над экономической жизнью и даже на старания Революционного правительства сохранить социальное равновесие.

20 фримера секция Мон-Блан, констатируя продолжающуюся нехватку продуктов и беспорядки у дверей бакалейных лавок, одобрила проект петиции, требующий от Коммуны принятия более энергичных мер для снабжения Парижа [125]. 26 фримера поступила жалоба от общества секции Ломбар против бакалейщиков, которые отказываются продавать сахар без кофе. Генеральный совет вынес решение, что те торговцы, которые откажутся продавать свои товары в отдельности, будут считаться подозрительными [126].

Враждебность народа к торговцам находила отражение и в политической сфере. Общее собрание секции Республики, которое долж-

но было назначить комиссаров для проверки лавок виноторговцев и бакалейщиков, *единодушно* отвергло предложенных комитетами кандидатов: последние были сами торговцами. Комитеты тщетно протестовали, доказывая, что ни один декрет не обязывал их «набирать комиссаров из числа санкюлотов» [127]. Комитеты, следуя указаниям правительства, старались сохранить равновесие и не допускать никаких насилий. Революционный комитет секции Бонн-Нувель отдал распоряжение об аресте некоего Коппена, сапожника, бывшего лейтенантом канониров, «так как он пытался подстрекать народ к восстанию, сея в нем беспокойство по поводу снабжения продовольствием». 1 нивоза Коппен обрушился в народном обществе на мясников, заявив, что они, пятьдесят революционных канониров, «не дремали, чтобы добиться применения закона», и что комитету стоит только приказать [128].

Недовольство народа изливалось в резких речах, однако секции бездействовали. Это может служить мерилом того, насколько ослабло революционное движение и укрепилась власть правительства. Хотя общие собрания и народные общества чаще, чем когда-либо, ставили на повестку дня вопрос о снабжении продовольствием, они не принимали никаких решений, поскольку их раздирали глубокие разногласия. Влияние наиболее народных элементов уменьшилось: им больше не удается навязывать свою точку зрения. Наоборот, влияние лавочников усилилось. Противоречия в среде санкюлотов мешали им проводить в этом вопросе последовательную политику. Если санкюлоты, работавшие своими руками,— рабочие и подмастерья—требовали энергичных мер против торговцев и строгого проведения закона о максимуме, то ремесленники и торговцы стремились сохранить экономическую свободу. В этом отношении характерна дискуссия, возникшая в секции Революционной, по вопросу торговли сахаром. Гражданский комитет установил в нивозе систему выдачи талонов, но многие заявляли, что подобное решение «нарушает свободу торговли и может вызвать недовольство граждан, нуждающихся в этом продукте»; 19 нивоза решение было кассировано, и торговля сахаром, который был как-никак дефицитным продуктом, осталась свободной [129].

Во второй половине плювиоза кризис еще более обострился, охватив, в частности, снабжение мясом. 17 плювиоза общество секции Бон-Консей протестовало против нарушения мясниками декрета о максимуме [130]. 21 плювиоза Генеральный совет засыпали жалобами подобного рода. 23 плювиоза последовали новые жалобы, в частности от секции Кенз-Вен. Тщетно старались Шометт и Эбер успокоить членов депутаций. В Совет в свою очередь явились и мясники, перелагавшие ответственность за кризис на скототорговцев [131]. Общие собрания и народные общества поставили вопрос о мясе в порядок дня. 28 плювиоза в обществе секции Арсенала обсуждались *мошеннические проделки* мясников и торговцев дровами. На следующий день в обществе секции Предместья Монмартр изобличали мясников и вообще всех лавочников, которые неодобрительно смотрели на «Конституцию санкюлотов» [132].

По-видимому, максимум безнаказанно нарушался в отношении всех продуктов, кроме хлеба, на который была установлена цена три су за фунт. В двух прокламациях революционного комитета секции Борепера, которая считалась передовой, подробно говорилось о том, как проводился закон о максимуме. 22 плювиоза этот комитет напомнил, «что закон о максимуме не отменен и должен полностью соблюдаться»; следовательно, всякий, кто покупает или продает по ценам выше максимума, должен быть внесен в списки подозрительных; комитет будет за этим внимательно следить. 24 плювиоза появилась новая прокламация, на сей раз по поводу декрета против скупщиков. В ней говорилось, что торговцы продуктами первой необходимости не вывешивают объявлений, что именно, в каком количестве и по каким ценам имеется у них в продаже. Разве им не известен закон? «С послезавтрашнего дня закон больше не пойдет ни на какие компромиссы» [133]. Пустая угроза!

От этого кризиса, по-видимому, больше всего страдали две социальные категории: ремесленники, профессии которых не были связаны с военными нуждами и которые остались почти без работы, и поденные рабочие. Полицейский наблюдатель Перьер в своем донесении от 29 плювиоза подробно остановился на затруднениях, которые переживали эти последние. Они жаловались на «большое несоответствие их заработков расходам на удовлетворение потребностей». «Мы раньше жили лучше на 40 су,— говорили они,— чем теперь на 3 ливра 10 су» [134]. Работницы прядильной мастерской на улице Сен-Жак, недовольные новыми ставками, навязанными им администрацией, выступили с экономическими требованиями. Их петицию поддержало народное общество Друга народа секции Марата [135]. Использование народного недовольства политической оппозицией могло лишь встревожить Комитеты. Эбер, прилагавший в Коммуне все усилия, чтобы рассеять тревогу народа, старался воскресить в своей газете на время ослабевший дух террора. Пусть удвоят или утроят численность «революционной армии» — это единственное средство заставить соблюдать максимум.

Санкюлоты были того же мнения: насилие — это единственное средство достигнуть изобилия. Идея народного выступления приобретает конкретную форму. 21 плювиоза полицейский наблюдатель Бакон сообщал: «Я слышал, как не одна, а двадцать женщин говорили, что народ с оружием в руках пойдет в Конвент, чтобы потребовать у него ответа, собирается ли он наконец положить предел разбою торговцев, которые грабят бедняков». 22 плювиоза комиссар по борьбе со спекуляцией Каррон заявил на собрании общества секции Прав человека: «Если мы, добрые республиканцы, не примем решения выступить тремя колоннами вместе с «революционной армией» и следующей за нами гильотиной, чтобы доставить в Париж все необходимое, то все пропало».

Продовольственный кризис грозил привести в движение массы санкюлотов.

* * *

Решительные действия Колло д'Эрбуа, поддержанные передовыми патриотами, остановили наступление «снисходительных». Комитет общественного спасения, какой-то момент отклонившийся от своей средней позиции между модерантизмом и крайними, которую он занимал до фримера, вновь вернулся к ней. Проводить такую политику было нелегко. Подчиняя все требованиям национальной обороны, Комитет не намерен был уступать ни требованиям народа в ущерб революционному единству, ни требованиям умеренных в ущерб управляемой экономике, необходимой для продолжения войны, или за счет прекращения террора, который обеспечивал ему всеобщее повиновение. Но как найти точку равновесия между этими противоречивыми требованиями?

Робеспьер не видел иного средства, кроме добродетели. 17 плювиоза от разъяснил это в своем докладе о принципах политической морали. Добродетель — это личное бескорыстие, преданность интересам общего дела и, если нужно, дух жертвенности. Кроме того, гражданскую добродетель надо подкрепить различными установлениями, законными и юридическими гарантиями. Но их не было!

Несомненно (признаком этого служило ослабление террора в департаментах начиная с фримера), Комитет общественного спасения, не изгоняя крайних, как того требовали «снисходительные», намерен был все более их ограничивать. Такой политической линией объяснялись как его усилия подорвать секционную демократию, так и нежелание освободить Венсана. Итак, он ослабил террор, сохранив его, однако, как средство в руках правительства.

К концу зимы продовольственный кризис внезапно обострился. Положение в Париже ухудшилось; можно было ждать взрыва народного гнева. Но могло ли народное движение поставить под угрозу существование Революционного правительства?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Парижские санкюлоты, их устремления и организация

ГЛАВА I

НАРОДНЫЕ МАССЫ И САНКЮЛОТЫ-БОРЦЫ: ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

1. Осознание народными массами социальных противоречий.— 2. Статистические данные.

Движение парижских санкюлотов в период с июня 1793 года по февраль 1794 года обеспечило упрочение Революционного правительства и организацию диктатуры общественного спасения; в то же время оно навязало колеблющемуся Собранию ряд экономических мер, направленных на улучшение положения народных масс. Если, оставив в стороне эти аспекты, попытаться выяснить движущие мотивы народного движения, то прежде всего встает проблема определения социального состава парижских санкюлотов.

Между тем за неимением финансовой и экономической документации, которая позволила бы провести точный анализ, сделать это довольно трудно. Те немногие статистические сведения, которые можно собрать, не отличаются точностью и ясностью.

Таким образом, основным источником изучения социальных аспектов движения санкюлотов остаются политические документы и, в частности, материалы дел, возбужденных в III году против бывших поборников террора. Антагонизм между двумя социальными группами дает возможность путем контраста определить как умонастроение, так и поведение парижского санкюлота — его характеризует прежде всего оппозиционность. Об этом отсутствии классового самосознания дает представление социальный состав парижского населения в той мере, в какой можно его определить, а еще в большей степени — социальный состав политического персонала секций.

1. Осознание народными массами социальных противоречий

Чтобы обрисовать социальные контуры санкюлотства, следует прежде всего выяснить то, как они сами себя характеризовали. Мы располагаем достаточным количеством документов, которые дают возможность составить об этом некоторое представление.

Внешне санкюлот отличался своим костюмом, который противопоставлял его представителям более высоких социальных категорий: выходцы из народа носили длинные штаны — это был их отличительный признак, аристократы и представители высших слоев прежнего третьего сословия носили короткие панталоны. Робеспьер противопоставлял *санкюлотам расшитые золотом панталоны*. Точно такое же различие делали и сами санкюлоты. Наблюдатель Русвиль, указывая в своем донесении от 25 мессидора II года на интриги, подрывающие наблюдательный комитет Со, подчеркивал антагонизм между *шелковыми чулками* и *санкюлотами* [1].

Своим костюмом санкюлоты противостояли также и мюскаденам. Рабочий-часовщик Барак из секции Ломбар, арестованный 4 прериаля III года за то, что он сказал, что «пройдохи-мюскадены получат скоро лопатой по з...», на вопрос о том, что он подразумевает под этим словом, ответил, что «мюскадены — это, по его мнению, те, кто хорошо одет» [2].

Одежде сопутствует и определенное общественное поведение. Санкюлоты стремятся противопоставить себя также и в этом отношении. Манеры, которые были приняты при старом порядке, во II году Республики стали неуместными; санкюлоты не признают более в общественных отношениях никакой подчиненности. Подрядчик плотницкого дела и лесоторговец Жан-Батист Жантий, арестованный 5 плювиоза II года за невыполнение своих подрядных обязательств в отношении республики, своим обхождением вызвал нарекания со стороны революционного комитета секции Кенз-Вен: «Приближаясь к нему, надо было непременно снять шапку, при обращении он по-прежнему пользовался словом «господин» и все еще сохранял высокомерную манеру поведения», по этой причине его никогда не считали хорошим гражданином [3].

По внешним манерам санкюлоты очень легко судят о характере человека, а по его характеру — о политических убеждениях; во всем, что оскорбляло присущее им чувство равенства и братства, они усматривали причастность к аристократии. Любому человеку из бывших было трудно снискать расположение санкюлотов, даже если они не могли предъявить ему никаких конкретных обвинений. «Такие люди вообще не могут быть на высоте нашей Революции, в их сердце непременно сидит гордыня, и мы никогда не забудем их прежнего могущества и власти, которую они имели над нами»: так 16 октября 1793 года революционный комитет секции Республики мотивировал арест герцога Бранка-Сереста, указав при этом, что он по-прежнему владеет 89 980 ливрами ренты [4]. Санкюлоты не выносят высокомерия и презрения: эти чувства свойственны аристократам, они противоречат духу братства, который должен царить между равными гражданами.

Еще более нетерпимым, чем высокомерие, презрение или просто безразличие, было для санкюлотов отношение к ним как к низшей подчиненной социальной категории. Торговец кожами Бержерон из секции Ломбар «при виде санкюлотов, исполняющих свой гражданский долг... говорил, что было бы куда лучше, если бы они занимались своим делом и не совались в политику». 18 плювиоза Бержерон был арестован как подозрительный [5]. Санкюлоты не выносили, когда кто-нибудь настаивал на своем превосходстве перед ними, ссылаясь при этом на свое общественное положение или состояние, а также на образованность.

У санкюлотов была система уравнительных взглядов на социальные отношения. Между тем за их поведением скрывалась более конкретная реальность. В какой же мере они эту реальность осознавали и выражали?

В народном сознании наиболее ясно выступал социальный антагонизм между аристократией и санкюлотами. Именно против аристократии выступали санкюлоты с 14 июля по 10 августа и именно против нее продолжали они борьбу и позже. Обращение общества Санкюлотов Бокера к Конвенту от 8 сентября 1793 года весьма примечательно в этом смысле: «Мы, санкюлоты...— говорится в этом документе,— бедные и добродетельные, мы создали общество ремесленников и крестьян... мы знаем наших друзей: это те, кто избавил нас от духовенства и от знати, от феодализма, от десятины, от королевской власти и всех бедствий, которые ей сопутствуют; это те, кого аристократы именуют анархистами, мятежниками, маратистами» [6]. Дух классовой борьбы нашел еще более ясное выражение в адресе народного общества Дижона от 27 нивоза II года: «Мы должны стать единым народом, а не двумя противостоящими друг другу нациями»; пусть издадут декрет о том, что «каждый человек, признанный аристократом» [7], подлежит смертной казни. Для механика Гийо из секции Республики «все дворяне без исключения заслуживают гильотины» [8].

Аристократия является главным врагом санкюлотов, причем до такой степени, что в конечном счете они начинают именовать так вообще всех своих противников, даже тех, которые принадлежали вовсе не к бывшему дворянству, а к высшим слоям прежнего третьего сословия. Так обозначается место санкюлотов в революции и подчеркивается самостоятельность их движения.

25 июля 1792 года, требуя низложения короля, секция Лувра наряду с дворянской аристократией изобличала также «министерскую, финансовую и буржуазную аристократию, а особенно аристократию неприсягнувшего духовенства» [9]. Таким образом, по

сравнению с первоначальным смыслом слово «аристократия» получило более широкое толкование, и во II году Республики это понятие охватывало уже все социальные категории, против которых боролись санкюлоты. Отсюда и такое знаменательное выражение, как «буржузная аристократия», столь часто встречающееся в документах. Отсюда и специфически народное определение аристократии, которое во II году дал анонимный петиционер и в котором сочетаются политические и социальные доводы. Аристократ — это, разумеется, тот, кто сожалеет о старом порядке, не одобряет революции, ничем ее не поддерживает, не принял гражданской присяги, не вступил в национальную гвардию; это тот, кто не приобрел национального имущества, хотя и имел возможность и случай это сделать, кто оставляет земли необработанными и не желает ни продать их по их действительной цене, ни сдать их в аренду, ни отдать их в аренду исполу. Аристократ — это, наконец, тот, кто не дает рабочим и поденщикам работы, хотя и может это сделать, причем «за плату, возрастающую соответственно стоимости продуктов»; аристократ — это человек, отказавшийся участвовать в сборе средств для волонтеров, не заботящийся об улучшении участи неимущих и патриотов. *Истинный патриот* — это тот, кто во всех случаях ведет себя прямо противоположным образом. Таким образом, слово «аристократ» в конечном счете обозначает всех противников санкюлотов, как буржуа, так и дворян [10]. Наиболее радикально настроенные санкюлоты обозначают словом «аристократы» уже не бывшее дворянство, а буржуазию. 21 мая 1793 года один народный оратор секции Май заявил, что «аристократы — это все богачи, все крупные торговцы, все скупщики, все клерки, банкиры, лавочники, все судейские крючкотворы и все, кто что-то имеет» [11].

Экономический кризис способствовал обострению социальных противоречий. По мере его углубления и раскола патриотической партии 1789 года к основному противоречию — противоречию между санкюлотами и аристократией — прибавились еще и противоречия между санкюлотами и высшими слоями бывшего третьего сословия. В обращении к Конвенту от 27 вантоза *славным санкюлотам* противопоставляются не только духовенство, дворяне и объединившиеся короли, но и прокуроры, адвокаты и нотариусы и, кроме того, «крупные фермеры, себялюбцы, все эти богатеи купцы; это против нас ведут они войну, а не против наших тиранов» [12]. Что же это, противопоставление имущих неимущим? Для такого утверждения нет оснований: среди санкюлотов ремесленники и лавочники являлись собственниками. Так что речь скорее идет о противопоставлении сторонников ограниченной и контролируемой собственности поборникам неограниченного права собственности, как оно было провозглашено в 1789 году. Речь идет о противопоставлении сторонников регламентации и таксации поборникам экономической свободы, о противопоставлении потребителей производителям.

Кроме этих общих высказываний и прямолинейных утверждений, ряд документов позволяет уточнить и в то же время более детально выяснить, кому же противопоставляли себя санкюлоты в социальном отношении. Они обличали «порядочных людей», разумея под этим тех, кто обладает если не богатством, то по крайней мере известным достатком и культурой, граждан более образованных, лучше одетых, людей если и не гордящихся своим достатком и своею образованностью, то, во всяком случае, исполненных сознания своего превосходства. Они выступали против рантье, то есть против тех, кто, не трудясь, живет на свои доходы. И, наконец, они выступали вообще против богатых, не обязательно собственников или имущих, но против «толстых», противостоящих «тощим», какими являются они сами; санкюлоты не были противниками собственности, которой уже владели ремесленники и лавочники и о которой мечтали их подмастерья, только бы она была ограниченна.

Выражение «порядочные люди» возникает после 2 июня, когда выявляется противоположность между санкюлотами и умеренными в социальном и политическом плане. Поначалу это выражение означало буржуа, выступавших против равенства, но в дальнейшем оно обрело столь же широкий смысл, как и слово «аристократ», и обозначало вообще всех врагов санкюлотов [13]. 16 плювиоза III года наблюдательный комитет VI округа сигнализировал о бурных стычках, происходивших в общем собрании секции Ломбар между «людьми 40 су» и «порядочными гражданами» [14]; так скрыто проявлялся антагонизм между классом зажиточных или богатых и теми, кто трудится собственными руками.

Этот антагонизм выражался также и во враждебном отношении санкюлотов к рантье, которое с особенной силой проявилось осенью 1793 года, когда экономический кризис и материальные трудности привели к обострению классовых противоречий. В этот период уже само наличие ренты становится поводом для подозрений. 18 сентября 1793 года революционный комитет секции Муция Сцеволы распорядился об аресте Дюваля, первого секретаря парижской полиции, по двум причинам: его подозревали в неуважении к секционным собраниям и в том, что он получал ренту в размере 2 тысяч ливров [15].

Враждебность санкюлотов к крупным рантье была лишь более резким выражением их инстинктивной вражды к богатым вообще. Крайние санкюлоты недалеки от того, чтобы, подобно Бабефу в IV году, рассматривать революцию как открытую войну «между богатыми и бедными» [16]. Эта враждебность в значительной мере обусловливала и требования проведения террора. Исполненные неприязни или вражды к богатым, санкюлоты, захватив власть в секциях, не упускали случая проводить по отношению к ним дискриминационную политику. Наличие богатства часто являлось поводом для подозрений. И если единственным мотивом для обвинения оно служило редко, то очень часто им пользовались в качестве дополни-

тельного довода, чтобы подтвердить смутные политические обвинения.

Если верить показаниям, послужившим мотивом для ареста сапожника Жана Батиста Малле, революционного комиссара секции Тампля, заключенного в тюрьму 13 вантоза III года, то он преследовал главным образом богатых. Он заявил одному гражданину, что «не арестовал его, поскольку считает его санкюлотом, а хозяина его посадил в тюрьму, поскольку так он поступает со всеми богачами»; какой-то женщине он сказал, что, «если бы ее муж имел 20 тысяч ливров, он был бы гильотинирован; но так как тот ничего не имеет, то он считает его санкюлотом» [17]. Даже принимая в расчет провокационные намерения, эти высказывания тем не менее определенно свидетельствуют о стремлении к террору. Одному гражданину из секции Прав человека в августе 1793 года было отказано в свидетельстве о гражданской благонадежности только потому, что «у него есть состояние» [18].

Так инстинктивная реакция самых обездоленных становилась постоянной позицией у более сознательных, а затем и основой их политических действий. В конце июля 1793 года, когда выяснилось, что имущие поддерживают федералистские попытки и образуют ядро партии умеренных, секция Санкюлотов в своей петиции потребовала лишить богатых аристократов собственности и обратить их в нищих [19]. В петиции, которую Коммуна подала 5 фримера Конвенту, требуя возвращения в Париж бежавших в деревню богачей, указывается, что богатство, как «гангрена, поражает все, что к ней прикасается и что с ней связано» [20].

Это глубокое стремление санкюлотов подняться против богачей поощрялось во II году руководящими политическими деятелями. «Здесь перед нами революция бедняка»,— писал Мишель Лепелетье в проекте национального воспитания, который был зачитан Робеспьером в Конвенте 13 и 29 июля 1793 года. А Сен-Жюст заявил 8 вантоза: «Обездоленные — это движущая сила земли; они вправе говорить голосом хозяина с правительствами, которые пренебрегают ими». Не собираясь уточнять здесь ни социальных концепций монтаньяров и якобинцев, ни их взглядов на отношения между классами, ни подвергать сомнению искренность робеспьеристов, надо тем не менее признать, что подобная политика диктовалась тактической необходимостью, а порой и честолюбивыми устремлениями. Кризис революции в период с весны до осени 1793 года делал необходимым сплочение народа: санкюлоты составляли силу, которая позволила наиболее сознательной части буржуазии одержать победу над аристократией и ее союзниками. «Внутренняя опасность,— помечает Робеспьер в своей записной книжке во время восстания 2 июня,— исходит от буржуазии; чтобы победить буржуа, надо сплотить народ». Некоторые представители в миссии отдавали себе отчет в этой необходимости и решительно проводили социальную политику в интересах народных масс. Так, например, поступал Фуше в департаменте Ньевр.

Наиболее проницательные из санкюлотов понимали, что если раньше привилегии давались происхождением, то теперь их обеспечивают деньги; они чувствовали, что место прежнего разгромленного господствующего класса — аристократии — должна занять буржуазия. 16 марта 1793 года тогда еще не обновленная секция Французских гвардейцев осудила в своем решении плакат, подчеркивавший «это роковое различие»: «Слово «буржуа», противопоставляемое слову «народ», обнаруживает преступное намерение» [21].

Наблюдатель Пурвуайер в своем донесении от 8 вантоза противопоставляет *неимущего санкюлота* «тому классу людей, которых называли прежде *буржуа*» [22]. Однако не следует считать, что такое умонастроение носило всеобщий характер: ясно осознать социальное господство буржуазии народные массы смогли лишь после окончательного уничтожения аристократии.

* * *

Враждебное отношение санкюлотов к богачам дополнялось их неприязнью к торговцам, причем эта неприязнь составляла одну из характерных черт умонастроения народных масс во II году Республики.

Горожане-потребители, парижские санкюлоты, естественно, должны были встать в оппозицию к тем, кто держал в своих руках торговлю продуктами первой необходимости. Мелкие лавочники, они ополчаются против оптовых торговцев. Ремесленники или подмастерья, реже рабочие в современном смысле этого слова, они оставались, по существу, независимыми мелкими производителями, враждебными обладателям торгового капитала. Экономический кризис и политическая борьба обострили этот антагонизм, естественно, присущий санкюлотам как социальной группе. В условиях усугубившегося продовольственного кризиса и роста дороговизны на любого крупного торговца моментально падало подозрение в том, что он является *монополистом* или спекулянтом. Борьба против жирондистов, а затем, после 31 мая, против умеренных превращалась очень часто, по крайней мере в масштабах секций, в борьбу против торговой буржуазии. Поскольку санкюлоты требовали таксации и регламентации, конфликт обострился: торговцы становились подозрительными уже потому, что они защищали свободу производства и торговли. К дворянской и церковной аристократии санкюлоты присоединили теперь и торговую аристократию. Когда в III году в результате поворота хода событий верх одержали умеренные, одним из обвинений, которое они чаще всего выдвигали против бывших поборников террора, было именно обвинение в преследовании торговцев.

В 1793 году и во II году враждебное отношение народа к торговцам в наиболее острые моменты проявлялось в насилии и грабежах. Оно сказывалось также в постоянном стремлении к репрессиям.

В марте 1793 года во время набора волонтеров для отправки в Вандею сбор средств в их пользу очень часто служил санкюлотам поводом проявить свою враждебность к торговцам. Каменщик-подмастерье Жан Батист Ларю, член революционного комитета секции Ломбар, заявил, что волонтеры будут «простофилями и дураками, если они отправятся, не имея в кармане ста пистолей, что достаточно снести головы всем пройдохам-торговцам, и деньги эти будут быстро найдены» [23].

После утверждения народной власти в глазах революционных комитетов уже само звание торговца служило мотивом для подозрений. В этом их поощряла Коммуна, чье постановление от 19 числа первого месяца зачисляло в разряд подозрительных всех тех, «кто проявляет сочувствие к алчным фермерам и торговцам, против которых закон вынужден принимать меры» [24]. Некоторые комитеты не дожидались этого поощрения. 14 сентября революционный комитет секции Ломбар, где ненависть к торговцам была особенно острой, арестовал некоего Дюссотуа; помимо индифферентизма, ему вменялось в вину и то, что он был бакалейщиком [25].

Враждебное отношение санкюлотов к торговцам проявлялось не только в преследовании отдельных личностей, оно распространялось на целую социальную категорию; речь шла о том, чтобы если и не устранить ее из политической жизни, то по крайней мере подавить и обезвредить. 3 октября 1793 года общее собрание секции Единства потребовало исключить из состава трибуналов *всех без различия* торговцев. 30 нивоза II года та же секция приняла решение назначить шесть комиссаров для наблюдения за *всеми* торговцами [26]. 27 плювиоза народное общество секции Бонн-Нувель заслушало речь члена Генерального совета Коммуны гражданина Жо, направленную против торговой аристократии [27]. И наконец, нападки на торговлю и на торговцев составляют одну из излюбленных тем «Пер Дюшен». После осуждения Эбера и Шометта аресты торговцев, как и выпады против торговли, прекратились. Комитет общественного спасения начал проводить новую торговую политику; власти Коммуны хотели покончить с кампанией, шедшей вразрез с традиционной политикой социального равновесия, и реабилитировать сферу деятельности, необходимую для ведения войны.

В еще большей степени, чем в словесных выпадах против торговцев и в призывах к грабежу, глубокая вражда санкюлотов к торговой буржуазии проявлялась в их настойчивых требованиях репрессий и террора. Очень многие санкюлоты считали, что в борьбе с недостатком продовольствия гильотина является эффективным средством. Чтобы заставить фермеров продавать зерно по таксе, они требовали создания «революционной армии». Когда «революционная армия» была создана, они не переставали требовать, чтобы для усиления эффективности ее действий ей была придана передвижная гильотина. Этими настроениями объясняются все требования

проведения террористических мер против торговцев во II году Республики. Вдова Барбо из секции Неделимости, по словам ее обличителей бывшая настоящей *фурией*, имела обыкновение говорить, что, «пока себялюбцы-торгаши, дворяне, богачи и пр. ... не будут гильотинированы или высланы всем скопом, ничего хорошего не будет» [28]. Вдова Барбо вполне естественно ставила на первое место торговцев, а потом уже аристократов.

* * *

Из приведенных материалов явствует, что санкюлоты утверждали себя путем противопоставления аристократам, богачам и торговцам. Подобный антагонизм свидетельствует о неясности социальных границ внутри бывшего третьего сословия и о невозможности определить санкюлотов как некий общественный класс. Санкюлоты четко отделяют себя только от аристократии, границы же между ними и буржуазией уже неопределенны. Представляя собой объединение различных социальных элементов, санкюлоты были раздираемы внутренними противоречиями, чем и объясняется их неспособность выработать последовательную связную программу и в конечном счете их политический крах.

Глубокая враждебность к аристократии была, впрочем, характерна не только для санкюлотов: в 1789 году ее разделяло все третье сословие. Безусловно, по мере углубления революции в третьем сословии шел процесс расслоения, некоторые группы буржуазии готовы были пойти на компромисс, как это имело место во время Английской революции 1688 года. Но во II году Республики монтаньярская буржуазия и особенно якобинцы возглавили решительную борьбу с аристократией как внутри страны, так и на границах; потребности этой борьбы определяли всю политику Революционного правительства.

Ненависть народа к богачам и торговцам не была лишена известных противоречий именно в силу того, что сами санкюлоты являлись собственниками то ли лавки, то ли мастерской. Разумеется, их глашатаи при всех случаях непременно подчеркивали, что их ненависть обращена против крупной собственности, крупных торговцев. Так, «Пер Дюшен» выражала свою ярость по поводу того, что «толстые продолжают пожирать тощих». «Отечество, черт возьми, у торговцев его нет»,— заявив так, Эбер спешит уточнить: «Пусть не думают, будто я презираю торговцев. Никто так не почитает честного человека, живущего своим ремеслом, как я» [29]. Он имеет в виду независимого ремесленника и лавочника, мелкое производство и мелкую торговлю. Эберу не приходит в голову, что интересы ремесленников и лавочников могут противоречить интересам подмастерьев и рабочих.

Эти противоречия, опасные для единства санкюлотов, проступают в некоторых документах, посредством которых санкюлоты

пытаются охарактеризовать себя. Подобные тексты довольно редки, потому что исходят они из самых плебейских слоев, и тем не менее они ясно подчеркивают неоднородный состав санкюлотства.

В ряде документов санкюлоты отождествляются с теми, кто ничего не имеет, с пролетариями в традиционном смысле этого слова [30]. Определяя в брюмере II года дух республики («Précis sur la Révolution et le caractère français»), председатель революционного комитета секции Сплочения Дидо противопоставляет богачам «истинных патриотов, по большей части неимущих». Санкюлот защищает собственность богача, «и каждый день богатый аристократ посягает на собственность народа, то есть на его права, на его жизнь, на его свободу» [31]. Вскоре Бабеф будет говорить о санкюлотах, *не имеющих собственности* (impropriétaires) [32]. Что санкюлоты составляют среди патриотов массу людей, лишенных собственности, в этом имущие также отдавали себе отчет. 5 июля 1793 года Шабо зачитал в Якобинском клубе письмо Рамеля из Тулузы, который писал, что «только собственники могли бы отстоять общественные интересы. Как можете вы терпеть,— спрашивал он их,— чтобы дело защиты ваших интересов доверяли другим? Неужели ваше оружие должно быть отдано в руки санкюлотов?» [33] Наиболее четким в этом смысле определением, исходящим к тому же от санкюлотов, является, однако, определение, о котором с негодованием говорил 10 апреля 1793 года в Конвенте Петион: «...когда говорят о санкюлотах, вовсе не подразумевают всех граждан, исключая дворян и аристократов, но людей неимущих в отличие от имущих» [34].

Не имея никакой собственности, санкюлоты трудятся, чтобы заработать на жизнь, говоря точнее, трудятся собственными руками; в некоторых документах понятие «санкюлот» еще более сужается и одновременно уточняется. В своем обращении к Конвенту от 24 сентября 1793 года секция Пуассоньер противопоставляет *богатым эгоистам* «эту трудовую часть народа, которая живет только собственным трудом» [35].

Из приведенных текстов явствует, что часть санкюлотов выдвигала на первый план антагонизм между имущими и трудящимися, в то время как умеренные, вернувшиеся к власти в III году, подчеркивали традиционное противопоставление третьего сословия аристократии. Смутное осознание этого антагонизма не могло не способствовать расслоению санкюлотов, обособлению ремесленников и лавочников, которые, хотя и были мелкими собственниками, являлись все же имущими.

* * *

Ясно сознавая главное противоречие общества старого порядка и питая жгучую ненависть к аристократии — этим они напоминали монтаньярскую буржуазию,— санкюлоты, разумеется, не могли

иметь классового сознания. Разделенные на разные категории, зачастую с совершенно различными устремлениями, они не составляли единого класса, их единство имело негативный характер. Об этом свидетельствует следующий штрих. В народном сознании для определения санкюлота недостаточно социальных черт: трудящийся, но контрреволюционер не мог бы быть хорошим санкюлотом; патриотически же настроенный буржуа, буржуа-республиканец легко может быть причислен к санкюлотам. Социальная характеристика уточняется и дополняется характеристикой политической; одна без другой не существует. «Добродетель и патриотизм,— заявляет «Пер Дюшен»,— можно встретить только у санкюлотов; без них Революция погибла бы, только они спасут Республику» [36]. Здесь слово «санкюлот» становится синонимом патриота и республиканца [37].

Применительно к санкюлоту речь идет не о патриотизме на словах и не о простой склонности, но о политическом поведении. Санкюлот участвовал в великих событиях революции, он сражается за демократическую республику. На заседании общего собрания секции Рынка, которое 9 прериаля III года упрекало санкюлота Эрбе, торговавшего лекарственными травами вразнос, в терроризме, обвиняемый ответил, подчеркнув свои заслуги: «Конечно, я террорист, но я доказал это лишь перед дворцом тирана Капета 10 августа 1792 года, где мой терроризм стоил мне левой руки... Я человек кровавый. Но я пролил только свою кровь — было это 10 августа,— и я жалею об этой потере только потому, что не смог отправиться вместе с моими братьями сражаться на границах» [38]. Таким образом, санкюлот характеризует себя как своим политическим поведением, так и своим социальным положением; последнее было значительно труднее уяснить, чем первое.

Один документ от мая 1793 года, отвечая на «дерзкий вопрос, кто же такой санкюлот» [39], суммирует все эти черты. «Это существо, которое ходит всегда пешком... и живет очень просто со своей женой и детьми, если таковые имеются, на четвертом или пятом этаже». Жак Ру в свою очередь будет говорить о чердаках, где обитают санкюлоты, а «Пер Дюшен» будет восклицать: «Хотите увидеть цвет санкюлотства, отправляйтесь на чердаки, где ютятся рабочие» [40]. Санкюлот приносит пользу, «потому что он умеет пахать поле, ковать, пилить, шлифовать, крыть крышу, тачать башмаки... И так как он занят работой, то его наверняка не встретишь ни в кафе «Де Шартр», ни в игорных домах, где плетут заговоры и ведут игру, ни в театре Наций, когда дают „Друг законов“». «Вечером он является в свою секцию. Он не приходит напудренным, напомаженным, в щегольских сапогах в надежде привлечь к себе внимание сидящих на трибунах гражданок. Он приходит затем, чтобы решительно поддержать хорошие предложения... впрочем, санкюлот всегда имеет наготове саблю, чтобы отсечь уши всем злоумышленникам. Иногда он выступает со своей пикой; но едва раздается барабанная

дробь, как он немедля отправляется в Вандею, в Альпийскую или Северную армии».

Таково политическое поведение народа, которое, несмотря на пестроту социального состава парижских санкюлотов, упрочивало их единство.

2. *Статистические данные*

Если, оставив в стороне политические документы, попытаться провести статистическое исследование парижских секций во II году Республики, то при определении санкюлотства, границ этой категории и ее численного состава сталкиваешься с теми же трудностями.

Какова была численность населения в целом? Определить это с точностью невозможно. Еще труднее установить, какой процент от всего населения каждой секции составляли санкюлоты. Декрет от 11 августа 1793 года предписывал провести в каждой коммуне перепись населения. Эта работа, начатая во II году в парижских секциях, проводилась крайне медленно — к термидору она была закончена только в десяти секциях. Перепись продолжалась в течение всего III года. 11 фрюктидора Комитет распределения дал распоряжение составить списки для выдачи хлебных карточек на основе списков секционных комитетов. По данным его «Общего списка», численность парижского населения составляла в целом 640 504 жителя [41]; эта цифра превышает данные переписи 1789 года, произведенной в связи с созывом Генеральных штатов (524 186 жителей), и, бесспорно, является преувеличенной, поскольку секции были заинтересованы в завышении фактических данных о количестве едоков. Однако эта цифра почти совпадает с численностью парижского населения, указанной в списке на предмет *обеспечения* города *продовольствием* (13 плювиоза III года). Цифра эта — 636 772 едока — до сих пор, видимо, ускользала от внимания исследователей [42].

Несмотря на приблизительный характер этих данных, они позволяют, однако, сделать интересные выводы относительно нажима, который оказывали жители различных секций в вопросах продовольственного снабжения. На первом месте по числу населения стояла секция Французского Пантеона (24 977 человек), за ней шла секция Гравилье (24 774 человека). Напротив, примечательно, что секции Сент-Антуанского предместья и Сен-Марсельского предместья не числились среди наиболее населенных. Что касается Сент-Антуанского предместья, то секция Кенз-Вен насчитывала 18 283 жителя и стояла на 5 месте, а секция Монтрей занимала только 17 место (13 479 жителей), секция Попенкур была на 36 месте (10 933 жителя). Секция Финистера Сен-Марсельского предместья занимала 30 место (11 755 жителей). Два густонаселенных района находились в самом сердце Парижа, по обеим сторонам Сены. На правом берегу это были 12 секций центра, в которых проживало более 180 тысяч человек. На левом берегу население 4 секций — секций Единства, Бонне-Руж, Муция Сцеволы и Марата — в целом составляло 70 тысяч человек. Во II году эти различные секции были в числе наиболее передовых, продовольственная проблема ставилась здесь острее, чем в остальных. Уже одно имя Дюкроке, комиссара по борьбе со спекуляцией из секции Марата, говорит о том нажиме, который народные массы оказывали на власти, а также о тех средствах, которые они стихийно предлагали для избавления их от нищеты.

Размещение рабочего населения соответствовало этой группировке зон: основная масса трудящихся проживала в сердце столицы. Исследование Ф. Бреша на основе ответов предпринимателей по поводу обмена крупных ассигнатов на мелкие купюры для оплаты рабочих дает возможность уточнить число наемных рабочих в 41 из 48 секций около 1791 года [43]. Их число достигает 62 743, или, считая, что в среднем семья состояла из 4 человек,— 250 972 человек. Бреш считает, что в целом рабочее население столицы составляло 293 820 человек, то есть приблизительно половину всего парижского населения [44]. Два района наибольшей концентрации рабочих находились в центре города по обоим берегам Сены. На левом берегу секции Единства, Марата, Бонне-Руж, Муция Сцеволы, Шалье и Французского Пантеона насчитывают более 10 тысяч тружеников. На правом берегу, от Сены до застав, проживала большая группа рабочего населения, насчитывающая около 28 тысяч наемных рабочих. В предместьях, зарекомендовавших себя в истории как самые революционные, напротив, проживало меньше рабочих, чем в центре города. Три секции Сент-Антуанского предместья насчитывали всего 4519 рабочих, в секции Финистера Сен-Марсельского предместья их было только 613, а если прибавить две соседние секции, Обсерватории и Санкюлотов,— то эта цифра составит 3441 человек.

Не менее примечательна также и концентрация рабочих по мастерским и секциям. Если число рабочих на одного хозяина для всего Парижа в среднем составляет 16,6, то для Сент-Антуанского предместья оно снижается до 14,9; в секции Финистера оно равняется 16,1. Для рабочих районов центра оно составляет 15,6 на левом берегу и несколько выше, 19,6,— на правом. Наименее рабочей секцией была секция Братства, в которой проживало 305 трудящихся, в то время как секция Друзей отечества (в центре Парижа) насчитывала 5288 рабочих. Концентрация рабочей силы наблюдается в секциях Рынка и Фобур-дю-Нор: среднее число рабочих, занятых на одном предприятии, в этих секциях достигало соответственно 27,9 и 31,8 человека. В секции Санкюлотов оно составляло 25,7. Напротив, в секциях Брута, Вооруженного человека и Революционной преобладало мелкое ремесленное производство; здесь среднее число рабочих, занятых на одном предприятии, снижается до 10,2, 9,9 и 8,5 человека.

Вне этого мира труда стоит масса бедных и голодных неимущих людей, которая оказывает на все парижское население решающее влияние в периоды продовольственных затруднений. Согласно докладу, представленному 14 жерминаля II года Генеральному совету Коммуны Данжу, заведовавшим больницами [45], число неимущих, получавших помощь, составляло в общей сложности для всех секций Парижа 68 981 человек, или, если сравнить эту цифру со списком населения, составленным 13 плювиоза III года на предмет обеспечения города продовольствием, приблизительно один неимущий, получавший помощь, на каждых девять жителей. Давление этой массы бедняков было различным в разных секциях. Особенно велико оно в исторических предместьях: это проливает свет на их политическую роль. Три секции Сент-Антуанского предместья насчитывали 14 742 неимущих, получавших помощь, то есть приблизительно одного неимущего на каждых трех жителей Ясно, что вопрос о хлебе насущном превалировал здесь над всеми остальными соображениями. Когда 4 прериаля III года предместье было разоружено, генерал Мену, спросивший у каретника Делорма, капитана канониров секции Попенкур, является ли тот республиканцем, получил такой ответ: «А ты можешь дать мне хлеба?» [46]

Секция Кенз-Вен стоит на первом месте среди парижских секций по числу неимущих, получавших помощь (6601). За ней следует секция Финистера (4951 человек, то есть один неимущий на 2,3 жителя). В Сен-Марсельском предместье это соотношение выше, чем в Сент-Антуанском. Так, на левом берегу 4 секции — Шалье, Французского Пантеона, Обсерватории и Санкюлотов — насчитывают 10 625 неимущих, или приблизительно одного на 6 жителей. Эти секции во II году были в числе наиболее передовых. Так же обстояло дело и в секции Бонне-Руж, тоже на левом берегу, в которой было 2037 неимущих, то есть один на 8 жителей. Напротив, в секциях западных районов было меньше неимущих. Их число растет в секциях северных районов города· секции Предместья Монмартр, Фобур-Пуассоньер, Фобур-дю-Нор, Бонди, Тампля насчитывают в целом 8448 неимущих, то есть одного на 6,4 жителя В центре наибольшему давлению подвергалась секция Мезон-Коммюн, в ней проживало 4258 неимущих, и она занимала третье место при соотношении 1 неимущий на 2,9 жителя. Напротив, секция Гравилье имела только 1616 неимущих на 24 774 жителя, то есть одного неимущего на 16,5 человека.

Так уточняется картина социального состава парижских санкюлотов и в то же время подтверждается, что основной движущей силой народных выступлений был голод [47].

* * *

Если в периоды кризисов парижские санкюлоты в основной своей массе доводили революционное движение до пароксизма, то в период затишья, менее тревожный для их существования, они не всегда проявляли интерес к политической жизни. Изучение политического состава секций во II году позволяет уточнить социальную характеристику парижских санкюлотов [48].

Основным источником для изучения данного вопроса служат досье из фондов Комитета общественной безопасности, размещенные в алфавитном порядке [49]. Разумеется, речь идет главным образом о делах, связанных с репрессиями прериаля III года, которые в некоторых отношениях проливают свет как на термидорианскую психологию имущих классов, так и на настроения санкюлотов в пользу террора. Однако ко многим из этих доносов следует относиться с чрезвычайной осторожностью; в условиях ожесточенной классовой борьбы весной III года малейший повод непомерно раздувался и служил основанием для ареста. Очень многих людей, не имевших никакого отношения к сентябрьским событиям 1792 года, обвинили и арестовали как участников этих избиений. Злоба и личная месть цвели пышным цветом. Прибавим к этому великий страх лишиться своего социального и политического преобладания, который охватил «порядочных людей» во II году; это также способствовало усилению репрессий. Многие дела о разоружении и об арестах дают все же ценную документацию — единственную, касающуюся политического состава санкюлотов в целом.

Однако состояние этой документации отнюдь не дает возможности для точного статистического анализа. Возраст секционных деятелей указан лишь в редких случаях, их профессия часто не обозначена. Надо прибавить еще нечеткость самого словаря. Нетрудно понять, что всякое исследование социального состава санкюлотов неизбежно остается неопределенным и неясным. Людей, работающих своими руками, собственники, аристократы или буржуа обозначали в конце XVIII века несколько пренебрежительным словом «простонародье» («peuple»). Книготорговец Арди в своем «Дневнике» [50] подразумевает под выражением «мелкий люд» («menu peuple») не только неимущие классы, но и парижскую мелкую буржуазию, чаще всего владеющую собственностью,— мелких торговцев, владельцев мастерских, а также подмастерьев, поденщиков и неимущих. В действительности же как различия, так и противоречия между разными общественными группами от мелкой буржуазии до пролетариата были весьма многочисленны. Жан Жак Руссо писал в своей «Исповеди», что он родился «в семье, по своим обычаям отличавшейся от народа»: отец его был часовщиком. Ему вторит как эхо, столяр Дюпле, у которого жил Робеспьер: часто цитировались слова его дочери, жены члена Конвента Леба, которая говорила, что отец ее, заботясь о своем буржуазном достоинстве, никогда не сажал с собой за стол своих «слуг» («serviteurs»), то есть рабочих. Что касается столяра Дюпле, то Жорес напоминает, что он получал от 10 до 12 тысяч ливров как домовладелец, не считая доходов от его предприятия.

Словарь отражает нечеткость социальных границ и ту неизгладимую печать, которую ремесленное сословие накладывало на своих членов: определение давалось в силу принадлежности к определенной профессии или корпорации и совершенно не отражало места, занимаемого человеком в производстве, и его отношения к труду. *Столяр* Дюпле принадлежит, разумеется, к миру труда; тем не менее он является довольно крупным предпринимателем столярного дела. Работал ли он в молодости рубанком? Работал ли рубанком его отец? Или дед? На этот счет, возможно, нет никаких сведений, но в интересах воссоздания подлинной социальной истории революции это надо было бы выяснить. Глава предприятия продолжал называться «столяром» или «плотником», даже когда он использовал труд не одного десятка рабочих. Так, например, если взять *веерщика* Моважа, вожака санкюлотов из секции Фобур-дю-Нор, то необходимо тщательно изучить его досье, чтобы выяснить, что он владел предприятием по изготовлению вееров, в котором работало более 60 рабочих. Поскольку одним и тем же словом обозначали людей, занимавших совершенно различное социальное положение, то в каждом отдельном случае необходимо устанавливать ступень социальной иерархии, на которой находится тот или иной ремесленник, тот или иной лавочник. Где кончается ремесленник и где начинается предприниматель? На основании документов эпохи чаще всего невозможно провести четкое различие между подмастерьем, мелким ремесленником и предпринимателем: нюансы здесь слишком многочисленны, а переходы от одной категории к другой очень неясные и постепенные.

Всякая классификация оказывается произвольной, поскольку она пытается зафиксировать в жесткой схеме крайне подвижную социальную действительность. К тому же исследование вопроса на основе одних только политических документов не может быть вполне удовлетворительным. Важно было бы определить размеры состояния секционных деятелей, между тем отсутствие фискальной документации для парижских секций делает эту проблему неразрешимой. Тщательное изучение нотариальных архивов, возможно, позволило бы восполнить этот пробел, по крайней мере в отношении тех категорий санкюлотов, которые приближались по своему положению к средней буржуазии, ибо наиболее демократические слои не оставили после себя никаких следов, если не считать дел, связанных с репрессиями против бывших поборников террора.

Как по своим функциям, так и по своему происхождению политический состав парижских секций во II году подразделяется на три категории, которые отражают пестроту социального состава санкюлотов. Члены гражданских комитетов представляют собой наиболее старую и устойчивую группу, группу наиболее зажиточных; очень часто они примыкают к средней буржуазии. Состав революционных комитетов, возникших позднее (его члены вскоре начали получать жалованье), более демократичен по своему происхождению; с марта 1793 года до фрюктидора II года он изменился под влиянием превратностей политической борьбы; до осени 1793 года он все более и более демократизировался. Что касается рядовых борцов, группировавшихся начиная с осени в секционных обществах, то они являлись среди санкюлотов самым демократическим элементом.

Созданные на основе муниципального закона от 21 мая — 27 июня 1790 года и составленные из граждан, отвечавших определенным требованиям ценза, гражданские комитеты были в значительной степени обновлены после 10 августа 1792 года. Большая часть этих комиссаров сохранилась (после 10 августа 1792 года) до III года, причем многие из них избежали даже прериальских репрессий; исполнение в основном административных функций давало им возможность держаться в стороне от политического террора. К тому же если комитеты получали на свои служебные расходы средства от муниципалитета, то сами комиссары в течение долгого времени не получали никакого вознаграждения; только 6 флореаля II года Конвент постановил выплачивать им три ливра за день, посвященный выполнению общественных функций. Эта мера была слишком запоздалой, чтобы привести к демократизации состава этих комитетов. Большинство этих комиссаров принадлежало к высшим слоям санкюлотов: доходы от мастерской или от торгового предприятия позволяли им выполнять свои административные обязанности.

Из 343 гражданских комиссаров, числившихся во II году, 91, то есть более четверти (26,2%), жил за счет своей собственности. Хотя собственниками или рантье указаны только 12 комиссаров (3,4%), однако 77 (22,8%) прекратили всякую профессиональную деятельность: они живут на средства, накопленные в бытность свою ремесленниками, лавочниками или лицами свободных профессий, составляя категорию мелких рантье. В целом бывшие представители свободных профессий составляют 7,8% — бывшие служащие, бывшие юристы, бывшие священники. Бывшие ремесленники и торговцы составляют самую многочисленную группу —14,1%. В ней представлены все профессии, все виды торговой деятельности: первое место занимают бывшие бакалейщики, за ними следуют виноторговцы, портные, парикмахеры или цирюльники. Лавочников или торговцев, оставивших свое занятие, здесь значительно больше, чем бывших ремесленников в собственном смысле слова: 36 (10,4%) на 13 (3,7%). Следовало бы также установить степень благосостояния этих мелких отставных служащих, этих скромных рантье, но документы не позволяют этого сделать. Однако доходы их были достаточными, чтобы позволить им заниматься делами секций, не получая никакого вознаграждения до флореаля II года.

В группе комиссаров, не оставивших своей профессии и посвящавших часть времени выполнению административных функций (252, то есть 73,8%), пролетарский элемент, учитывая неопределенность словаря, отсутствует полностью. Напротив, хозяев предприятий, предпринимателей или подрядчиков, насчитывается 8 чело-

век (2,3%). Комиссары, представители свободных профессий, составляют группу в 42 человека (12,2%): на первом месте стоят архитекторы, скульпторы и художники, затем идут юристы, врачи без диплома, хирурги и служащие. Если прибавить комиссаров, которые в какой-то период своей деятельности принадлежали к лицам свободных профессий, то эта группа составит 20% от общего числа.

Основную массу комиссаров составляли ремесленники и лавочники: 201 из 343, то есть 58,6%. Если прибавить сюда бывших ремесленников или бывших торговцев, то эта группа достигнет 250 человек (72,7%), то есть почти три четверти всего состава гражданских комитетов. Из этого числа 120 комиссаров (34,9%) можно рассматривать как ремесленников, 81 (23,6%)— как лавочников или коммерсантов. Соотношение здесь обратное тому, какое наблюдается среди комиссаров, оставивших свою профессию. Следует ли из этого, что лавка приносила больше дохода, чем мастерская? Среди коммерсантов 35 определены как торговцы: их торговля, следовательно, была в какой-то мере значительной, поскольку торговец бакалейными товарами или торговец галантереей принадлежали к более высокой социальной категории, чем просто галантерейщик или бакалейщик. 46 других были, по-видимому, простыми лавочниками. Эту группу торговцев или лавочников возглавляют 12 галантерейщиков, за ними следуют 9 лимонадчиков, 9 бакалейщиков, 5 виноторговцев. Мелкие торговцы продовольствием, и в частности напитками, составляли значительную часть гражданских комиссаров.

Среди 120 ремесленников (34,9%) первое место занимают 13 портных, за ними следуют 12 маляров, однако группа представителей художественных ремесел (34 человека) является самой многочисленной. Группа мебельщиков и деревообделочников насчитывает 16 ремесленников; кожевенников было 11, ткачей 10, строителей 9; к этому надо добавить 6 парикмахеров, или цирюльников. И в данном случае важно было бы установить размеры их ремесленных предприятий: сколько подмастерьев работало у мелкого хозяина? Личные досье не позволяют уточнить, на какой ступени социальной иерархии стояли эти гражданские комиссары. Есть, однако, два указания. Ладент, гражданский комиссар секции Друзей отечества, старая профессия которого не указана, имел 1400 ливров ренты, то есть годовое жалованье мелкого служащего; кроме того, в коммерческом суде он бесплатно выполнял обязанности судьи [51]. Что касается Верена, гражданского комиссара секции Ломбар, то у него на *фабрике* работало 80 рабочих; этот хороший санкюлот был уже крупным предпринимателем [52].

Революционные комитеты, получавшие сначала вознаграждение, а с 5 сентября 1793 года заработную плату, по своему составу были более демократичны, чем гражданские комитеты: они представляли более демократические слои санкюлотов. Число комиссаров, живших за счет своего имущества, незначительно —20 человек, то есть 4,6% из общего числа 454 комиссаров, в то время как в гражданских комитетах они составляли 26,2%. Среди них только 4 настоящих рантье (0,8%), 11 комиссаров принадлежали к лицам свободных профессий (2,4%), 6 — бывшие лавочники или ремесленники (1,3%). Если предпринимателей здесь ненамного больше, то этого нельзя сказать о собственно народных элементах. Владельцы мануфактур, предприниматели или самостоятельные хозяева составляют 13 человек (2,8% вместо 2,3% в гражданских комитетах). Напротив, среди революционных комиссаров было 22 лица наемного труда — рабочих, подмастерьев или подручных, и 23 человека, находящихся или бывших в услужении, то есть 9,9% от общего числа. Свободные профессии были представлены 52 комиссарами (10,5%): в первую очередь артисты, скульпторы, художники, музыканты, затем идут учителя; юристы относительно менее многочисленны. К этой категории можно отнести также 22 служащих, в том числе 7 почтовых служащих (4,8%).

И в революционных комитетах большинство комиссаров принадлежит к лавочникам и ремесленникам —290 из 454 значащихся в списках, то есть 63,8% от общего числа. Из них 206 комиссаров (45,3%) связано с ремесленным производством, а 84 (18,5%)— с торговлей. Ремесленники здесь относительно более многочисленны, чем в гражданских комитетах: вознаграждение в размере 3, а затем 5 ливров в день возмещало многим упадок или полный крах их дела; в этом отношении примечательно число представителей художественных ремесел и лиц, производивших предметы роскоши. 28 сапожников составляют самую многочисленную группу (6,1%), за ней следуют 18 столяров (3,9%), затем 16 парикмахеров или цирюльников (3,5%). Но в целом к представителям художественных ремесел принадлежали 42 комиссара (9,2%). 37 комиссаров (8,1%) представляли строительное дело, 29 комиссаров (6,3%)— деревообделочников и мебельщиков.

Из 84 коммерсантов 41 фигурирует как торговцы (9%): по-видимому, они имели нечто большее, чем обыкновенную лавку. Группу торговцев или лавочников открывают десять виноторговцев, к ним можно причислить и 6 лимонадчиков — торговцы напитками играли значительную роль в политической жизни секций. Еще 15 комиссаров имеют отношение к торговле продовольствием, в том числе 6 бакалейщиков, 3 кондитера, один булочник, один фруктовщик. К ним можно еще добавить 2 трактирщиков и 2 содержателей постоялого двора.

Хотя состав революционных комитетов был более демократичным, чем состав гражданских комитетов, однако в социальном отношении он тоже был неоднородным — от наемных рабочих до крупных хозяев, ибо санкюлоты представляли собой объединение разнородных социальных элементов.

Если обратиться к третьей группе политического состава секций во II году, то есть к народным борцам и вожакам, то напрашивается тот же вывод, с тем, правда, отличием, что среди них было больше

наемных рабочих. Из 514 взятых на учет борцов (мы обозначаем этим термином любого гражданина, игравшего активную политическую роль либо в народном обществе, либо в общем собрании и ставшего по этой причине в III году объектом репрессий) 64 были лицами наемного труда, подмастерьями, рабочими, подручными, поденщиками или чернорабочими, что составляло 12,4% от общего числа борцов. Если прибавить сюда слуг, лиц, не имеющих определенной профессии и зарабатывавших себе на жизнь поденным трудом, канцелярских служащих и приказчиков, то есть еще 40 человек (7,7%), то наиболее народный элемент составит 20,1% всех борцов, в то время как в революционных комитетах он составлял 9,9%, а в гражданских комитетах — 0,8%. Напротив, среди них мы обнаружим всего одного рантье и одного домовладельца, восемь лавочников или бывших коммерсантов, что равняется 1,9%, в то время как эта категория составляла 4,6% революционных комиссаров и 26,2% гражданских комиссаров. Предприниматели или фабриканты тоже немногочисленны: их всего 4, то есть 0,7% (в гражданских комитетах —2,3%, в революционных комитетах —2,8%). Что касается свободных профессий, то они представлены 35 борцами (6,8%). К ним можно присоединить 45 служащих, тогда процент возрастет до 15,5. Группа служащих особенно велика: чаще всего именно они были душой секционных обществ.

Лавочники и особенно ремесленники здесь преобладают, хотя и не в такой пропорции, как в гражданских и революционных комитетах: 81 коммерсант (15,7%), 214 ремесленников (41,6%). В числе первых 34 (6,6%) названы торговцами. 18 владельцев продовольственных лавок составляют самую многочисленную группу; но 10 виноторговцев занимают первое место. Этим еще раз подтверждается их важная роль в политической жизни секций.

В числе 214 ремесленников сапожники составляют компактную группу — 41 человек (7,9%) от общего числа активных борцов, затем следуют 24 парикмахера-цирюльника и 20 портных. Возникает вопрос: не существовало ли связи между политической активностью этих мелких ремесленников и затруднениями, возникшими для их профессий? 30 активных борцов (5,8%) занимались строительным делом, 29 были деревообделочниками и мебельщиками (5,6%) и только 23 представляли художественное ремесло и производство предметов роскоши (4,4%). Таким образом, из рядов ремесленников, чей труд требовал менее высокого профессионального мастерства, вышло большое количество активных борцов; для гражданских и революционных комитетов соотношение обратное. Ремесленники составляли настоящую элиту, которая во многих секциях поставляла кадры для движения санкюлотов.

* * *

Таким образом, если обратиться к рассмотрению состава политического персонала секций во II году и роли секций Сент-Антуанского предместья и в меньшей степени Сен-Марсельского в развитии революции и во всех ее важнейших событиях с июля 1789 года по прериаль III года, то приходится констатировать, что революционный авангард движения парижских санкюлотов составлял не фабричный пролетариат, а коалиция мелких хозяев и их подмастерьев, которые работали и жили бок о бок с ними. Это наложило определенный отпечаток на характер народного движения, обусловило поведение народных масс, а также породило некоторые противоречия, вытекающие из этого двойственного положения.

Работая и живя бок о бок со своими подмастерьями и зачастую сам бывший подмастерье, мелкий хозяин-ремесленник оказывал на них решающее идеологическое влияние; таким образом буржуазное влияние проникает в мир труда. Даже находясь в конфликте со своими хозяевами, подмастерья мелких ремесленников, прошедшие их школу и часто живущие под одной с ними крышей и питающиеся за их столом, усваивают взгляды своих хозяев на основные проблемы того времени; мелкая ремесленная буржуазия формирует таким образом рабочее сознание. Тут, конечно, есть свои нюансы. В частности, наряду с независимым ремесленником в Париже существовали и зависимые ремесленники, классическим типом которых остается лионский ткач. Будучи юридически свободным, являясь владельцем мастерской, имея собственные орудия, этот ремесленник может даже нанять подмастерьев и внешне выглядит хозяином. Но в экономическом отношении он всего лишь наемный рабочий, полностью зависимый от купца, который поставляет ему сырье и покупает и сбывает его товар. У зависимого ремесленника и подмастерья одни и те же интересы: перед лицом торгового капитала оба они отстаивают тариф и прожиточный минимум. Однако они не доходят до требования соответствия между трудом и заработной платой; заработная плата определяется в соответствии с ценами на продовольствие, а не в соответствии со стоимостью труда: у них нет еще ясного сознания общественной функции труда. Зависимый ремесленник занимает промежуточную позицию между подмастерьем и независимым ремесленником, который граничит с мелким буржуа.

Что касается наемного рабочего уже централизованной и анонимной мануфактуры, более распространенной в центре Парижа, между Сеной и заставами, чем в предместьях, то он ведет себя более независимо, напоминая пролетария современного крупного предприятия. Примером могут служить события на фабрике обоев Ревейона, которые 28 апреля 1789 года переросли в бунт. Но чаще всего наемные рабочие больших предприятий начинали в маленьких мастерских; они оставались проникнутыми духом ремесленной среды, усилению этого духа способствовало еще то окружение, в котором они жили, а именно подмастерья, среди которых они составляли меньшинство. Мир труда в целом несет на себе печать мировоззрения мелкой ремесленной буржуазии

и, подобно ей, связан с идеологией буржуазии. Поэтому ни по своему мышлению, ни по своим действиям рабочие в эпоху революции не могли быть независимым элементом.

Это положение приводило к серьезным противоречиям, которые довлели над представлениями санкюлотов, их пониманием труда, их собственной общественной роли, и над их политической борьбой. Связанные со своими подмастерьями условиями существования, ремесленники тем не менее владели своей мастерской, своими орудиями труда и выглядели внешне независимыми производителями. Тот факт, что они имели в своем подчинении подмастерьев и учеников, способствовал усилению их буржуазного сознания. Но система мелкого производства и непосредственной продажи неизбежно противопоставляла их торговой буржуазии и торговому капиталу. Поэтому социальный идеал этих ремесленников и лавочников, составлявших передовое крыло санкюлотов, противоречил экономическому развитию. Они выступают против концентрации средств производства, между тем как сами являются собственниками. Когда наиболее передовые из них потребовали во II году установления максимума состояний, то от них явно ускользнуло противоречие между их социальным положением и этим требованием. Требования этих ремесленников находили выражение в страстных жалобах или взрывах возмущения, но никогда не были четко сформулированы в связной программе. Так же обстояло дело с лицами и политическими группами, разделявшими их умонастроение, как с Жаком Ру и Эбером, так и с Робеспьером и Сен-Жюстом.

Плохо сознавая свое место в обществе в качестве трудящихся, санкюлоты не имеют отчетливого и ясного представления и о самом труде: они не отдают себе отчета в том, что он сам по себе выполняет определенную общественную функцию, они мыслят его только в связи с собственностью. Буржуазия эпохи Просвещения восстановила в правах ремесла, она дала огромный толчок изобретательству. Но очень чуткая к проблемам техники и производства, она не мыслила труд как общественную функцию. В 1789—1794 годы она никогда не рассматривала проблем труда самих по себе или применительно к трудящимся, она рассматривала их лишь с точки зрения своих классовых интересов. Свидетельство тому — закон Ле Шапелье. Хотя 29 сентября 1793 года Конвент и принял требуемый санкюлотами всеобщий максимум, однако монтаньярская буржуазия рассматривала это лишь как тактическую уступку. К тому же таксация была связана, в сущности, с вопросом пропитания, таксация заработной платы не ставилась в зависимость от труда. Разделенный между господствовавшим ремесленным производством и зарождавшейся крупной промышленностью, лишенный какого бы то ни было классового самосознания, мог ли трудовой люд противопоставить концепции буржуазии свою собственную концепцию? Целиком поглощенный борьбой против аристократии, защиту своих собственных интересов он в значительной мере доверил буржуазии: его позиция в вопросах труда неизбежно являлась отражением господствовавших тогда социальных и политических отношений. Для буржуазии вопросы собственности стоят в центре социальных проблем: Декларация прав 1793 года, так же как и Декларация прав 1789 года, причисляет право собственности к неотъемлемым правам человека, после того как унитожение феодализма сделало его абсолютным правом. Проблемы труда не стоят в центре социальных тревог санкюлотов II года. Они гораздо более озабочены своими интересами как потребителей: не право на забастовку или требование повышения заработной платы способны поднять санкюлотов, их волнует продовольственный вопрос. Рост или падение цен на основные продукты народного потребления, зерно, особенно хлеб (на него расходуется по меньшей мере половина средств семьи), являются решающим фактором, который оказывает то или иное влияние на бюджет наемного рабочего. Санкюлоты требовали таксации цен на продовольствие; требование тарифа — явление исключительно редкое, что показательно как для социально-экономических условий, так и для мировоззрения той эпохи.

Вожаки требовали таксации цен на продовольствие тем более настойчиво, что в своих секциях они подвергались давлению не только трудящихся, но и значительной массы неимущих, страдавших от голода. Голод, этот важнейший фактор народных движений, подобно цементу, соединял такие различные социальные категории, как ремесленники, лавочники, рабочие; общие интересы объединяли их в борьбе против крупных торговцев, предпринимателей, скупщиков, будь то дворяне или буржуа. Сам термин «санкюлоты» может показаться расплывчатым с точки зрения современного социологического словаря, но для социальных условий того времени он отражал вполне конкретную действительность. Разумеется, объясняя поведение народных масс, не следует исключать и политические мотивы, особенно такие, как ненависть к аристократии, убежденность в заговоре аристократов, стремление уничтожить привилегии и установить равноправие. В противном случае как понять воодушевление и самоотверженность волонтеров? Но волнения февраля 1793 года, как и народный натиск летом того же года, были каким-то отклонением от основной линии буржуазной революции; по словам самого Робеспьера, возникновение этих волнений было связано с заинтересованностью народа в каких-то *жалких товарах*. Максимум, которого они так упорно добивались и который в конце концов был введен 29 сентября 1793 года, имел своей целью не облегчить дело национальной обороны, а обеспечить трудящимся их насущный хлеб. Неизменной причиной народных выступлений были тяжелые условия их жизни; в конечном счете можно утверждать, что экономические колебания определяли подъемы и спады революционного движения. Требования террора неразрывно связаны с требованием насущного хлеба: этот двойной фактор цементирует единство парижских санкюлотов.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНЫЕ ЧАЯНИЯ ПАРИЖСКИХ САНКЮЛОТОВ

1. От права на существование к «равенству пользования благами».—2. От «равенства пользования благами» к ограничению права собственности.—3. Санкюлоты и торговый капитал.—4. Борьба за право на труд и на помощь.—5. Борьба за право на образование.

Условия жизни санкюлотов, а также обстоятельства объясняют, почему они ставили вопрос о хлебе в центре своих социальных требований. Они смутно усматривали в этом утверждение своего права на жизнь: нужно, чтобы все люди ели досыта. Но не следует искать здесь цельной теоретической программы: требования санкюлотов конкретизировались под воздействием обстоятельств. Их единство проистекает из глубокого чувства эгалитаризма, характерного для умонастроения и для поведения народных масс: условия существования должны быть для всех одинаковы. Всеобщему праву собственности, порождавшему неравенство, санкюлоты противопоставляют принцип *равенства пользования благами*. Отсюда их разнообразные социальные требования, вплоть до требования права на помощь и права на образование.

1. От права на существование к «равенству пользования благами»

Согласно Декларации прав, принятой в июне 1793 года, целью общества является всеобщее счастье. Санкюлоты идут дальше: революция совершена народом [1], и именно ему в первую очередь она должна гарантировать право на существование. Документы, разумеется, не содержат какого-либо теоретического обоснования этого права, ибо даже наиболее опытные борцы не были теоретиками. Право на существование утверждается под давлением событий и в связи с продовольственным вопросом Исходя из этих предпосылок, санкюлоты, естественно, приходят в конечном итоге к требованию *равенства пользования благами*.

В первые месяцы 1793 года усиление продовольственного кризиса побудило борцов уточнить свою позицию в социальном вопросе. 7 февраля секция Французских гвардейцев заявила, что бедняк не должен зависеть от богача: «иначе люди лишились бы равенства в правах... иначе существование бедняка было бы всегда под угрозой, а богач навязывал бы ему самые суровые законы» [2]. Еще более показательна датированная 9 марта 1793 года петиция гражданина из секции Болота: «Настало время обеспечить хлеб наемнику, этому скромному племени, обреченному на упорный и тяжелый труд. Настало время, когда республиканское правительство должно воспретить спекуляцию на человеческой жизни» [3].

Эти идеи составляют общую основу народных воззрений. Жак Ру развил их в петиции от 25 июня 1793 года. «Свобода становится призрачной, когда один класс людей может безнаказанно морить голодом другой. Свобода становится призрачной, когда богач пользуется монопольным правом распоряжаться жизнью и смертью себе подобных» [4]. Во время кризиса летом 1793 года именно эти идеи утверждаются самым настойчивым образом. Говоря от имени комиссаров первичных собраний, Феликс Лепелетье заявил 20 августа в Конвенте: «Недостаточно, чтобы Французская республика была основана на равенстве, надо еще, чтобы законы и нравы ее сограждан были в счастливом согласии направлены на упразднение неравенства в пользовании благами; надо, чтобы счастье было обеспечено всем французам» [5]. 2 сентября, требуя максимума на продукты питания, секция Санкюлотов утверждала: «Республика должна также гарантировать каждому возможность обеспечить себе продукты первой необходимости в таком количестве, без которого он не сможет существовать» [6]. По замечанию Временной комиссии Освобожденного города (26 брюмера II года), было бы просто смешно без конца твердить о равенстве, «когда огромная разница в благосостоянии все еще разделяет людей».

Это требование *равенства пользования благами* соответствует одной из основных черт народного мировоззрения — эгалитаризму. Особенно чувствительный к вопиющему неравенству, которое становится особенно явственным в период голода и подчеркивает привилегии богатства, санкюлот требует прежде всего равенства в отношении продуктов питания. Но эта стадия скоро оказалась пройденной: равенство — всего лишь пустой звук, если оно не применяется ко всем условиям жизни. Богач не должен жить лучше, чем бедняк, он должен уступить ему свои излишки, а вскоре и разделить с ним свое добро. «Возьмите все, что не нужно тому или иному гражданину,— заявляет Временная комиссия Освобожденного города,— ибо

излишек — это явное и безнаказанное нарушение прав народа. Каждый человек, имеющий больше, чем ему нужно, не может использовать, а может лишь злоупотреблять этим; таким образом, ему следует оставить лишь самое необходимое, все остальное принадлежит Республике и ее обездоленным членам». Санкюлот выступает уже сторонником раздела собственности.

Установление твердых цен на продовольствие имело своей целью урезать преимущества богачей в интересах трудящихся. Ту же цель преследовало и требование, чтобы производители продавали на рынках: туда приходят все потребители, «без различия между богатым и бедным», чтобы купить продукты по твердым ценам. Уравнительные требования идут еще дальше. Богатство не должно давать возможности приобретать, хотя бы и по твердым ценам, продукты лучшего качества, недоступные беднякам. Заслушав одно постановление Фуше и Колло д'Эрбуа, находившихся в миссии в Освобожденном городе, Генеральный совет принял 3 фримера II года на основе выступления Шометта решение о том, что будет только один сорт хлеба, *хлеб равенства*: «Богатство и бедность должны исчезнуть в результате установления режима равенства; отныне не будут выпекать один хлеб из лучшей муки — для богачей и другой хлеб из отрубей — для бедняков» [7].

Неравное распределение различных продуктов вызывало постоянные протесты со стороны санкюлотов.

Секционные власти стремились упразднить в сфере снабжения различия, связанные с наличием богатства. Когда благотворительный комитет секции Обсерватории назначил 5 булочников для снабжения хлебом неимущих, то революционный комитет отменил это решение, «стремясь уничтожить всякое различие между обездоленными гражданами, вынужденными получать вспомоществование, и теми, более счастливыми, которые могут обеспечить свое существование» [8].

Народный эгалитаризм касается не только продовольствия, но и всех благ, которые обеспечивают богачу социальное превосходство. Неосознанная, так сказать, первая реакция побуждает неимущего санкюлота или санкюлота — мелкого собственника жаждать того, чего он лишен. Такое поведение примечательно для умонастроения народных масс того времени и для определенного понимания социальных отношений. Оно стихийно проявляется в высказываниях или в шутках, которые сразу же фиксируются полицейским осведомителем или более состоятельным слушателем, который припомнит их в III году.

Согласно донесению наблюдателя Прево от 9 брюмера II года, некая женщина, называвшая себя якобинкой, говорила другой: «У тебя красивое домашнее платье; ничего, скоро, если у тебя их два, ты мне дашь одно. Мы считаем, что так будет хорошо. И так будет с любой другой вещью». Подобные речи были обычным явлением в те времена.

В период репрессий против бывших сторонников террора подобные высказывания часто служили поводом для ареста. 10 прериаля Удар, учитель из секции Хлебного рынка, был арестован за то, что настаивал на гильотинировании «всех богачей, которые все сплошь аристократы, и на разделе их имущества» [9]. Суммируя все претензии собственников против народных вожаков секций, комиссары секции Бютт-де-Мулен писали в докладе от 30 плювиоза III года: «Тогда, наконец не встречая более сопротивления, они замыслили захватить все силой, уничтожить не только собственность, но и самих собственников, чтобы потом разделить собственность» [10].

2. *От «равенства пользования благами» к ограничению права собственности*

Как утверждали в III году комиссары-умеренные из секции Бютт-де-Мулен, санкюлоты ни в коей мере не были враждебны собственности, они хотели лишь сами пользоваться этим правом и не страдать от злоупотреблений, которые оно влечет за собой. От требования *равенства пользования благами* они, естественно, пришли к ограничению права собственности, но не к его упразднению.

Будучи потребителями, санкюлоты прежде всего выступили против права собственности на сельскохозяйственные продукты. Право народа на существование всегда формулировалось не абстрактно, а в связи с конкретной обстановкой, в целях узаконения таксации цен на продукты первой необходимости, ибо считалось, что только она способна обеспечить *равенство пользования благами*. Так санкюлоты приходят к ограничению права собственности земледельца на свой урожай и к контролю над торговлей сельскохозяйственными продуктами, что являлось вторым общим моментом, характерным для умонастроения народа.

Этот принцип был четко сформулирован секцией Французского Пантеона 22 сентября 1792 года: «Не должно быть никакого предлога, никаких доводов, никаких ссылок на закон или на право собственности, коль скоро выявляются злоупотребления, особенно в трех областях торговли [зерно, мясо и вино], поскольку от них непосредственно зависит жизнь бедняка, все общество в целом и общественное спокойствие». Нельзя ссылаться на незыблемый характер права собственности в целях узаконения свободы торговли продуктами первой необходимости, ибо от этого зависит само существование народа [11].

В своей петиции от 25 июня Жак Ру обосновывает законность таксации цен на продукты первой необходимости правом на суще-

ствование: «Неужели собственность мошенников более священна, чем жизнь человека?» По словам Леклерка («l'Ami du peuple», 14 août 1793), «зерно и вообще все предметы потребления первой необходимости принадлежат Республике, за исключением справедливого вознаграждения, которое земледелец должен получить за пот и труд, затраченный на их производство». И вновь 17 августа: «Продукты потребления принадлежат всем».

Но речь идет еще о том, чтобы обеспечить осуществление этого права. Наиболее сознательные санкюлоты отдают себе отчет в том, что таксация является лишь полумерой, они предчувствуют, что радикальное решение проблемы заключалось бы в передаче распределения сельскохозяйственных продуктов в руки нации. И снова именно в период кризиса намечается это новое направление в умонастроении народа.

Исходя из того принципа, что «все люди имеют одинаковое право на продукты питания и на все плоды земли, которые ему (sic!) крайне необходимы для обеспечения его существования», Леклерк заключает из этого («l'Ami du peuple», 10 août 1793), что республика должна стать их покупателем: «Отныне никто не сможет продавать эти предметы первой необходимости никому, кроме государства». Секция Арси потребовала 18 брюмера II года в Якобинском клубе своего рода национализации не только продуктов, но всех предметов потребления. *Социальные* законы должны определять пределы пользования свободой, особенно свободой торговли; ажиотаж, скупки можно уничтожить только путем создания *национальных складов.* «Земледельцев, собственников и промышленников надо обязать продавать по умеренным ценам излишки продуктов и товаров сверх необходимого для их потребления; нация должна сама распределять эти товары» [12]. Обсуждая в вантозе вопрос о распределении запаса растительного масла, изъятого из подвала одного эмигранта, общее собрание секции Елисейских полей в свою очередь поставило под сомнение саму необходимость существования частной торговли. «Что такое торговец? Это всего лишь хранитель, а вовсе не собственник предметов, необходимых для жизни, как неразумно считали до сих пор. Он хранитель этих товаров, так же как другие граждане являются хранителями какой-то части власти; следовательно, он общественное должностное лицо, причем самое важное, поскольку в его руках само существование народа».

Под давлением обстоятельств народное сознание прояснялось, и в повседневной практике начала складываться социальная теория. Из принципа *равенства пользования благами* санкюлоты делали вывод о необходимости ограничить право собственности на продукты земледелия; неизбежная логика привела их к критике неограниченного осуществления права собственности, по крайней мере в том виде, как оно было определено Декларацией прав 1789 года и Декларацией прав 1793 года.

* * *

Сам принцип собственности никогда не ставится под сомнение: санкюлоты крепко привязаны к мелкой собственности. Но являясь мелкими производителями, они считают, что она должна быть основана на личном труде. Эта частная собственность работника на средства труда отвечает ремесленному укладу, который был еще в значительной мере характерен для Франции конца XVIII века; условием расцвета данного способа производства является свободный собственник, крестьянин, владеющий своим полем, ремесленник, владеющий своей мастерской и своими орудиями труда. Предлагая продовольственной администрации выплатить возмещение булочнику секции, общество секции Пуассоньер заявило 27 нивоза II года, что «мелкая собственность, приобретенная в результате труда, полезного для общества, не пользуется необходимым уважением и защитой от посягательств» [13]. Труду, указывается в инструкции Временной комиссии Освобожденного города, должен «всегда сопутствовать достаток».

На богатых и «толстых»— вот на кого обрушиваются санкюлоты, смутно сознавая, что если власть богатства будет прежней и право собственности не будет ограничено, то *равенство пользования благами* останется лишь пустым звуком. В обращениях и петициях санкюлотов, особенно в период кризиса, их эгалитаристские устремления обретают бóльшую определенность и находят выражение в более или менее продуманных планах и проектах уравнения состояний: не должно быть ни богатых, ни бедных; соответствующее законодательство должно исключить возможность концентрации собственности и средств производства. Санкюлоты не видели противоречия в сохранении частной собственности, которой они уже владели или которой добивались, и в ее ограничении узкими рамками в соответствии с их социальным положением.

18 августа 1792 года Гоншон, оратор обществ Людей 14 июля и Революционеров 10 августа, заявил у барьера Законодательного собрания: «Создайте такое правление, которое поставило бы народ выше его скромных ресурсов, а богатых — ниже их средств. Тогда будет достигнуто полное равновесие». Спустя год Леклерк, как эхо, повторит ту же мысль в «Ами дю пёпль» от 10 августа 1793 года: «Государство всегда находится на краю гибели, когда чрезмерная бедность соседствует с чрезмерным богатством».

Петиция секции Санкюлотов от 2 сентября 1793 года считает нужным не только установить размеры «прибылей в промышленности и барышей в торговле» посредством общей таксации и ограничить размеры сельских хозяйств, но и определить максимальный размер состояний. Каков же он должен быть? Это в петиции не уточняется, но из нее можно заключить, что он должен соответствовать мелкой собственности ремесленника и лавочника: «чтобы один гражданин владел только одной мастерской, одной лавкой». Эти радикаль-

ные меры, заключает секция Санкюлотов, «приведут постепенно к исчезновению слишком большого неравенства имуществ и к увеличению числа собственников» [14]. Ни на каком другом этапе революции социальный идеал народа не был столь лаконично и ярко сформулирован. Идеал этот отражает чаяния ремесленников и лавочников, составлявших основные кадры санкюлотов и оказывавших на своих подмастерьев и приказчиков решающее идейное влияние. Идеал этот отражал также чаяния потребителей и мелких городских производителей, относившихся враждебно ко всем прямым и косвенным продавцам продовольствия и ко всем предпринимателям, чья инициатива могла низвести их до положения зависимых тружеников.

* * *

Идеи, выдвинутые санкюлотами под воздействием продовольственных трудностей, не отличаются особой новизной. В том или ином виде они уже были выражены представителями различных фракций монтаньярской буржуазии, которая в свою очередь заимствовала их из общей сокровищницы философской мысли века, отмеченной влиянием Руссо.

Прежде всего это мысль о том, что земледелец не должен пользоваться абсолютным правом собственности на продукты своей земли. В своей речи о продовольствии, произнесенной 2 декабря 1792 года в связи с волнениями в департаменте Эр и Луар, Робеспьер подчиняет право собственности праву на существование: «Самое главное право — это право на существование; следовательно, главный социальный закон — это закон, гарантирующий всем членам общества средства к существованию; все прочие законы подчиняются этому закону» [15]. В мае 1793 года в своем «Мнении об установлении максимума цен на зерно» Моморо, хотя и не принадлежавший к санкюлотам, однако умевший выражать их социальные чаяния, определяет собственность, как обычно, правом пользования и злоупотребления и спрашивает: «Располагает ли земледелец этим правом в отношении продуктов, которыми земля вознаграждает пролитый им пот? Разумеется, нет. Эти продукты предназначены обеспечивать существование общества при условии предварительного справедливого возмещения, которое является их ценой; это возмещение должно соответствовать «способностям граждан» [16]. Что касается Эбера, он и в данном случае скорее подобен звонкому эху, нежели теоретику. «Земля,— пишет он в августе 1793 года, —создана для живых существ, и от муравья до гордельвого насекомого, именуемого человеком, каждый должен находить средства к существованию в плодах этой общей для всех матери». И в заключение: «Первейшая собственность — это существование; надо есть, не считаясь ни с какими ценами» [17].

Ничего иного санкюлоты не утверждали: единственное, в чем они были оригинальны, — это в стремлении воплотить эти идеи в

жизнь и навязать экономике регламентацию и таксацию. Гора приняла максимум вопреки своему желанию под давлением. Молчание Робеспьера при обсуждении этих важных вопросов в течение всего лета 1793 года весьма примечательно в этом смысле: он был слишком проницательным политиком, чтобы, несмотря на свою любовь к народу, пренебречь равновесием социальных сил и интересами буржуазии. Несмотря на внешние проявления единодушия, противоречие интересов оставалось непримиримым.

Так же обстояло дело и с правом собственности. В этом вопросе руководители монтаньяров или якобинцев формулировали предложения, аналогичные предложениям санкюлотов. Но пытались ли они когда-либо оформить их в законодательном порядке? В заявлениях Шометта с трибуны Генерального совета или Эбера в его газете недостатка не было: они хотели быть неизменными глашатаями санкюлотов. Бийо-Варенн, в большей степени теоретик, в своих «Основах республиканизма» утверждает, что собственность есть основа гражданских ассоциаций. Следовательно, «политическая система должна не только обеспечивать каждому спокойное пользование своей собственностью, но эта система должна быть устроена так, чтобы, насколько возможно, обеспечить если и не совершенно равное, то, во всяком случае, пропорциональное распределение имущества между гражданами». Если право собственности неотъемлемо, то «оно должно осуществляться в интересах всех людей, составляющих нацию»; таким образом, ни один человек в республике не будет находиться «в прямой и односторонней зависимости от другого человека» [18]. 24 апреля 1793 года Робеспьер определил собственность не как естественное право, а как социальный институт, пользование которым желательно для всех граждан [19]. Сен-Жюст в своих «Установлениях» указал в качестве цели республики «предоставление всем французам средств для удовлетворения первейших жизненных потребностей, вне зависимости ни от чего, кроме законов, и без взаимной зависимости в их гражданском состоянии». Иначе говоря, каждый француз должен быть мелким собственником и независимым производителем. И в другом месте: «Надо, чтобы человек жил независимо... не должно быть ни богатых, ни бедных» [20]. То, что республика не может существовать без определенного социального равенства,— это общее место для всех мыслителей XVIII века от Монтескье и до Руссо; руководители монтаньяров были не более оригинальны, чем народные борцы.

Однако в одном пункте парижские санкюлоты проявили некоторую смелость мысли. Даже самые решительные монтаньяры имели в виду ограничение только земельной собственности. В «Республиканских установлениях» Сен-Жюст говорит, что «установлен будет лишь максимум на земельные владения». Бийо-Варенн, если он и намерен в своих «Основах республиканизма» «ослабить губительное влияние [крупных состояний] посредством ускоренного раздела и ликвидации возможности дальнейшего укрупнения», то

имеет в виду только земельную собственность. «Ни один гражданин не сможет владеть большим количеством арпанов земли, чем это установлено»,— в среднем 20 арпанов. Еще яснее позиция Моморо, который, впрочем, являлся кордельером и стоял ближе к санкюлотам. Его проект Декларации прав (сентябрь 1792 года) гарантирует лишь *«индустриальную собственность»*, собственность же, «которую ошибочно именуют *земельной*, будет гарантирована только до того момента, пока на этот счет не будут изданы соответствующие законы» [21]. Многие революционеры, якобинцы или монтаньяры, занимавшие по своему социальному положению промежуточное место между санкюлотами и буржуазией, относились более враждебно к земельной собственности, нежели к другим формам собственности. Еще одно тому доказательство — опыт о народном правлении лета 1792 года: если нация должна установить в качестве максимума земельной собственности доход в 120 тысяч ливров, то она тем не менее не намерена «определять границы и пределы для роста собственности, состоящей из какого-либо движимого имущества вроде денег, ценных бумаг, товаров, кораблей и т. д. ...» [22].

Потребители сельскохозяйственных продуктов, но также мелкие городские производители, дорожащие независимостью своей лавки или мастерской, санкюлоты идут дальше: опасаясь более всего быть низведенными в ряды пролетариев, они враждебно относятся как к крупной торговой или промышленной собственности, так и к крупной собственности или к крупным земледельческим хозяйствам. Отсюда и требование секции Санкюлотов: чтобы воспрепятствовать концентрации средств производства, никто не может владеть более чем одной мастерской или лавкой.

* * *

В завершение этого очерка следует высказать еще два соображения.

Прежде всего весьма характерны неопределенность социальных устремлений народных масс и в какой-то мере недостаток оригинальности. Первая особенность вытекает из самого положения санкюлотов в обществе. Санкюлотов, разнородных по своему составу, объединяла только ненависть к аристократии. Объединяя в своих рядах ремесленников и торговцев, принадлежавших к мелкой, а иногда и к средней буржуазии, подмастерьев, которые, живя вместе с ремесленниками, разделяли и их взгляды, рабочих немногочисленных крупных промышленных предприятий, имевшихся тогда в Париже, не говоря уже о представителях интеллигенции, артистического мира и некоторых деклассированных элементах, санкюлоты не могли иметь ни классового сознания, ни четкой социальной программы, их устремления оставались смутными и не лишенными противоречий. Кроме того, эти устремления не носили никакого специфического характера, они проистекали из того же общего источника, из которого в большей или меньшей степени черпали все революционеры, в частности монтаньяры и якобинцы. Социальный идеал санкюлотов весьма близок идеалу робеспьеристов — сообщество независимых производителей; посредством законов государство обеспечило бы между ними приблизительное равенство. В противовес буржуа-монтаньярам, борцы-санкюлоты требовали таксации и регламентации; некоторые из них настаивали на ограничении собственности ремесленников и торговцев. Они обосновывали требования максимума не столько теоретическими соображениями, сколько нуждами национальной обороны, а главное, усматривали в нем средство восстановления равновесия между противоположными экономическими интересами. Действуя подобным образом, они оставались верны монтаньярской Декларации прав от июня 1793 года, последняя рассматривала нацию как сообщество, в котором все граждане равны и цель которого — всеобщее благоденствие. В социальной области санкюлоты в целом, за исключением некоторых отличий, следуют за монтаньярами и особенно якобинцами со всеми присущими им противоречиями. Своеобразие санкюлотов было в другом — в их политических действиях.

В какой мере эти социальные идеи были типичны для всех санкюлотов? Решения, адресы, петиции, в которых эти взгляды зафиксированы, отражают мнение небольшой части секционных борцов, людей достаточно образованных, чтобы составить их, и если даже они не познакомились непосредственно с философскими теориями своей эпохи, то в какой-то мере все же испытали на себе их воздействие. Через клубы и народные общества идеи Руссо (главным образом) широко распространились в народе. Их приглушенное эхо слышится во многих документах секционных организаций. Тем не менее многие борцы и должностные лица секций не умели ни читать, ни писать — многие документы свидетельствуют об этом. Широкие массы санкюлотов пришли в движение не столько под воздействием идей, сколько вследствие нищенских условий существования; голод является неизменной движущей силой народных выступлений, начиная с бунта на мануфактуре Ревейона в апреле 1789 года и кончая выступлениями в жерминале и прериале III года. Тем не менее не следует забывать и о политических факторах, особенно говоря о великих революционных выступлениях. Во II году все санкюлоты смутно стремятся к этой эгалитарной республике, которую они называют демократической или народной. Если благодаря известному образованию отдельные борцы вслед за руководителями монтаньяров и якобинцев способны были наметить ее черты и теоретически их обосновать, то санкюлоты в своей массе довольствовались борьбой за свои насущные требования.

В конечном счете социальные устремления санкюлотов обнаруживаются именно в этой борьбе, так, например, в борьбе за таксацию и регламентацию. В 1793 году они требовали максимума на зерно, дабы привести в соответствие цены на хлеб с заработной пла-

той, то есть обеспечить возможность существования трудящихся: право на существование выдвигалось в качестве подкрепляющего аргумента. Социальное требование предшествовало и порождало теоретическое обоснование, которое в свою очередь усиливало борьбу. Борьба санкюлотов в защиту своих требований в большей степени, нежели принципиальные декларации, позволяет выявить их социальные чаяния.

Так, например, требования секций, касающиеся различных форм спекуляции и особенно концентрации военных поставок в руках крупных подрядчиков, лучше, чем любые системы, подчеркивают народный идеал ограниченной собственности и независимого мелкого производства, размеры которого должны быть строго определены законодательством.

3. Санкюлоты и торговый капитал

Враждебное отношение санкюлотов к торговому капиталу выражалось прежде всего в их настойчивых выступлениях против торговли звонкой монетой.

Для этого имелись причины общего порядка. Наличие в обращении золотой и серебряной монеты способствовало обесценению ассигнатов и усугубляло тем самым экономический и продовольственный кризис. Звонкая монета становилась символом социальных классов, выступавших против эгалитарной республики санкюлотов. Отсюда и столь частые во II году пылкие речи с осуждением золота и роскоши. Требование запрещения торговли звонкой монетой было выдвинуто в феврале 1793 года в энергичной петиции, подчеркивавшей ее последствия — обесценение ассигнатов и дороговизну жизни [23]. Новый адрес в этом же духе был представлен всеми секциями 3 марта. 11 апреля Конвент в конце концов уступил [24]. Тем не менее торговля звонкой монетой не прекратилась. 27 июня депутат Дентцель изобличал денежных спекулянтов с улицы Вивьен [25]. 29 августа секция Единства уведомила Генеральный совет Коммуны о спекуляции звонкой монетой в галереях сада Равенства [26]. Введение террора привело к усилению репрессий, которое казалось все еще недостаточным. 7 фримера Генеральный совет одобрил петицию Клуба кордельеров, требовавшую запретить хождение звонкой монеты до заключения мира [27]. Кордельеры требовали, в частности, «чтобы каждый торговец, негоциант и вообще любой человек, получающий плату за что бы то ни было, обязан был сдавать на Монетный двор все без исключения золото и серебро [28] для обмена их на ассигнаты». Это могло бы послужить новой причиной для недовольства делового и торгового мира, и поэтому петиция была переслана в Комитет общественного спасения [29].

Однако преследований биржевых игроков было недостаточно. Надо было выступить также и против тех организмов, которые служили опорой для торгового капитала. Санкюлоты требовали закрытия биржи и упразднения акционерных компаний. 1 мая 1793 года секция Фобур-дю-Нор потребовала закрытия биржи [30]; на другой день секция Общественного договора присоединилась к этой петиции [31]. После устранения жирондистов Конвент удовлетворил это требование: 27 июня 1793 года он издает декрет о закрытии Парижской биржи [32]. Однако он пошел на это лишь под давлением народных масс и в качестве уступки требованиям секций: 25 числа Жак Ру представил свою угрожающую петицию, 26-го на пристанях Сены вспыхнули волнения в связи с нехваткой мыла.

Политика национальной обороны в области поставок побуждала, однако, обращаться к частным предприятиям, национализация была санкционирована только для производства оружия. Будучи заинтересованными в наибольшей производительности, правительственные комитеты сосредоточили заказы в руках нескольких крупных подрядчиков или дельцов, вместо того чтобы распылить их между множеством мелких мастерских. А это послужило источником бесконечных конфликтов между Революционным правительством и санкюлотами в течение всего II года, которые способствовали ухудшению их отношений.

Когда была объявлена война, то секции, желая смягчить нужду и уменьшить безработицу, постарались обеспечить членам секций заказы на обмундирование войск. 8 сентября 1792 года Генеральный совет Коммуны потребовал, чтобы эта работа была равномерно распределена между 48 секциями. Кризис начала 1793 года и возникшая в связи с этим необходимость нового набора увеличили потребность в обмундировании. Секции открыли мастерские, в частности, была создана мастерская в секции Тюильри, которая, чтобы собрать необходимые средства, учредила 4 февраля 1793 года «гражданский взнос деньгами и натурой». Соображения, которыми секция Тюильри мотивирует свое решение, весьма показательны для враждебного отношения народа к торговому капиталу. «Прежде всего жадные, злонамеренные или неумелые поставщики не смогут впредь служить помехой продвижению наших армий, не будут срывать наши успехи; судьба свободы впредь не будет зависеть от спекуляций некой монополии. А, во-вторых, горстка богатых подрядчиков не будет более присваивать все доходы от огромных поставок; эти доходы будут распределяться между всеми нашими торговцами, нашими рабочими, между всеми нами. И, в-третьих, поскольку дело в небольших предприятиях всегда ведется разумно и рачительно, то мы с меньшими затратами сможем производить больше и лучше качеством» [33]. Трудно было бы воздать большую хвалу независимому мелкому производству. Но соответствовало ли оно огромным потребностям национальной обороны?

В самом деле, труд там был организован так, как это было принято в ту эпоху: подрядчики получали от администрации сырье и

организовывали пошив одежды. Секции без конца протестовали против подобной организации дела, но за неимением субсидий им трудно было от нее отказаться. 15 июня 1793 года, желая дать возможность рабочим извлечь выгоду из введения нового тарифа на пошив, секция Финистера решила создать мастерскую под своим контролем. Однако ей пришлось прибегнуть к помощи комиссаров, могущих представить поручительство, равное стоимости сырья, предоставленного данной секции, и авансировать заработную плату рабочих; два комиссара, далеких от каких бы то ни было спекуляций, должны были от имени секции осуществлять наблюдение и принимать жалобы [34]. Нашелся только один гражданин, согласившийся представить поручительсто в размере 6 тысяч ливров; он также был предпринимателем, но свобода его деятельности была ограничена контролем со стороны комиссаров секции.

Эта система, отвечавшая народным чаяниям, шла, однако, вразрез с нуждами национальной обороны, которая требовала значительного роста производства, а следовательно, его концентрации. Управление по производству обмундирования, естественно, стремилось к созданию крупных мастерских, где бы производство было организовано на рациональной основе. Но оно сталкивалось с постоянным противодействием рабочих, привыкших к независимому труду и неизменно требовавших организации мелких секционных мастерских. Таким образом, друг другу противостояли две концепции экономической организации, а также политика правительства и народные требования.

25 июля 1793 года военный министр Бушотт вновь попытался примирить эти противоречивые интересы и устранить «на благо дела» трения между секциями и Управлением по производству обмундирования. 30 июля комиссары 48 секций довели до сведения Генерального совета Коммуны, «с какими неудобствами сопряжено объединение в одной мастерской большого количества граждан»; они считали гораздо более выгодным распределение работы между секциями [35]. 9 августа Конвент тем не менее принял постановление об организации в Париже 6 крупных закроечных мастерских и бюро по распределению и доставке при каждой из них; распределение работы по пошиву обмундирования должно было осуществляться в соответствии с потребностями каждой секции. Работницы еще энергичнее выступили против принятого администрацией порядка распределения работы. 25 августа женская делегация потребовала от Конвента реорганизации пошивочных мастерских и «передачи работы в секции» [36]. Чтобы положить конец этим жалобам, Конвент разрешил 30 августа 1793 года военному министру довести количество бюро по распределению до 36. Это должно было избавить работниц от необходимости ходить за работой так далеко. Общие собрания должны были назначить в каждой секции комиссаров для наблюдения за распределением работы и доставкой готовой продукции.

4. Борьба за право на труд и на помощь

Требование права на труд и на помощь имело целью обеспечить каждому гражданину средства к существованию и независимую жизнь. Право на труд и право на помощь как бы вытекают из права на существование: они призваны обеспечить *равенство пользования благами*.

22 мая 1793 года, представляя своих волонтеров для отправки в Вандею, секция Гравилье потребовала от Конвента обеспечить санкюлотам средства к существованию, в частности путем *общественных работ* [37]. Декларация прав от 24 июня была менее четкой, в ней не говорилось определенно о праве на труд, а лишь о праве на помощь [38]. В народном сознании одно без другого не существовало. Секция Мезон-Коммюн в петиции от 27 июля 1793 года выводит оба эти права из права на существование. Безработица и дороговизна лишают «наименее обеспеченный класс» средств к существованию: законодатель должен предоставить их ему; средства эти очень *просты* — «это работа, это умеренные цены на продовольствие». В связи с этим секция Мезон-Коммюн требует организации общественных работ [39]. Это было требование права на труд.

Народные требования в отношении помощи были более определенными и настойчивыми.

Еще до 31 мая в борьбе против умеренных передовые секции рассматривали организацию общественной помощи как одну из своих главных задач; надо было объединить наиболее бедных санкюлотов. Уже Конвент своим декретом от 26 ноября 1792 года предоставил помощь родителям и детям волонтеров. 4 мая 1793 года эта мера была распространена на семьи военных всех родов войск. Секция Инвалидов пошла еще дальше, потребовав 8 мая пенсий для вдов и сирот, для инвалидов, для лиц, потерявших средства к существованию; необходимый для этого фонд должен был бы быть создан из отчисления одной двенадцатой части годового дохода граждан призывного возраста [40]. Речь шла уже не только об оказании помощи родителям и детям волонтеров; следовало также поддержать неимущих за счет богачей; предлагавшиеся меры, как правило, не были свободны от классовой ненависти к имущим. Принудительный заем у богачей, которого требовали секции Сент-Антуанского предместья 1 мая 1793 года, имел своей целью не только экипировать волонтеров, но и помочь беднякам [41].

После 2 июня тон меняется и становится более категоричным. В своем обращении от 10 июня канониры секции 1792 года требуют Конституции, «которая провозгласила бы, что помощь Родины — это право бедняка» [42]. Декларация прав удовлетворяет это требование: общественная помощь провозглашается в ней *священным долгом* [43]. Но эту помощь нужно еще организовать. Еще в марте Конвент заложил основы общей организации общественной помощи. 28 июня он принял декрет об оказании ежегодной помощи детям,

старикам и неимущим; 15 октября он обсуждал вопрос об искоренении нищенства. Но меры по осуществлению этих общих декретов так никогда и не были приняты; поэтому не прекратились и требования.

Во время принятия Конституции многие парижские первичные собрания приветствовали Конвент в связи с провозглашением им права на помощь, но вместе с тем они торопили его с «завершением своего дела», в частности первичные собрания Сент-Антуанского предместья. Секции Кенз-Вен, Попенкур и Монтрей, в которых было особенно много неимущих, 4 июля 1793 года заявили, что настало время, когда бедняк, один только и поддерживавший до сих пор революцию, должен уже «начать пожинать ее плоды»; они требовали «создания долгожданных мастерских, где трудящийся человек всегда и везде найдет работу, которой он лишен; приютов, где старик, больной и калека получат братскую помощью, которую им обязано предоставить человечество» [44].

В брюмере меры, принятые Фуше в департаменте Ньевр, о которых с энтузиазмом сообщил Генеральному совету Шометт, вызвали волну новых требований. «Мне пишут,— заявил 11 брюмера прокурор Коммуны,— что в этой области нет больше ни дворян, ни священников, ни богатых; я говорю — богатых, потому что было найдено средство покончить с нуждой, предоставив помощь всем несчастным калекам и нищим». Шометт потребовал разработки плана оказания помощи, «чтобы облегчить участь стариков, калек и изыскать средство обеспечить работой неимущих, дабы уничтожить в Париже нищету и оказать помощь страждущему человечеству». Финансирование этого дела предполагалось осуществить за счет богачей. «Богачи! Надо заставить их творить добро, надо заставить их волей-неволей содействовать всеобщему благоденствию» [45]. Но и на этот раз дело ограничилось провозглашением этих принципов. Секция Муция Сцеволы 22 брюмера предложила Конвенту изъять необходимые суммы в принудительном порядке (принудительный заем) у богачей. Это предложение не было принято.

Ухудшение жизненных условий в конце зимы II года вызвало новую волну требований об организации общественной помощи. Наблюдатель Анрио сообщает 3 вантоза, что секция Общественного договора организовала приют, «куда будут принимать беременных женщин и где им будут предоставлять бульон и мясо, необходимые в их положении» [46]. Секция Вооруженного человека приняла обращение «об оказании помощи беднякам», к которому присоединились, в частности, народное общество Лепелетье (14 вантоза) и секция Инвалидов (15 вантоза)[47]. Секция Вооруженного человека, опираясь на статью 21 Декларации прав, напомнила Конвенту, «что наступило время предоставить неимущим гражданам их права». Она потребовала учреждения приюта в каждой секции «таким образом, чтобы богатый себялюбец в собственном доме не мог желать большего уважения и удобств, чем обретут наши неимущие братья в приютах, созданных для них руками наших республиканцев».

Ни один работоспособный бедняк не должен приниматься в эти приюты: ему следует оказать временную помощь, в которой он нуждается; главным образом надо предоставить ему работу или дать сырье, необходимое для его профессии [48]. 29 вантоза народное общество секции Ломбар обсуждало проект создания кассы благотворительности: «Каждый ее член в соответствии с внесенными средствами будет получать от общества в случае болезни помощь» [49]. В этом уже был заложен принцип социального страхования. Декрет от 22 флореаля об основании в каждом департаменте книги общественной благотворительности наметил систему социального страхования, которую, сами того ясно не сознавая, требовали санкюлоты, еще не освободившиеся от традиционных представлений о благотворительности.

После Термидора если от этого что и осталось, то лишь обманутая великая надежда.

5. Борьба за право на образование

Так же точно обстояло дело и с народным образованием, организация которого в свою очередь должна была способствовать претворению в жизнь равенства пользования благами.

Сыновья своего века, санкюлоты относили право на образование к числу своих первоочередных требований на том же основании, что и другие социальные права. В нем они усматривали средство улучшить условия своей жизни, подняться по социальной лестнице и уничтожить власть богатства, ибо право на образование, не будучи обеспечено каждому, становится наиболее важной привилегией имущих классов. Санкюлоты ожидали также от народного образования упрочения республики: будущее, по их мнению, будет обеспечено лишь в том случае, если новое поколение будет воспитано на их идеалах. Таким образом, требование бесплатного обучения являлось составной частью социальной программы санкюлотов, одной из характерных ее черт.

Еще до 31 мая наиболее передовые секции настаивают на организации народного образования либо стремятся организовать его своими силами. 17 марта 1793 года патриотическое общество секции Люксембурга решило учредить «временное общественное обучение детей». В связи с тем что дело это не терпит промедления, оно само возьмет на себя обучение детей чтению и письму; дети, мальчики и девочки в возрасте от шести до двенадцати лет, будут приходить на занятия два раза в неделю. Общество уделит особое внимание нравственному и гражданскому воспитанию. «Основой обучения явится разъяснение долга и обязанностей детей по отношению к своей отчизне и своим родителям, воспитание нравственных качеств и чувств, коими они должны стремиться обладать, дабы быть полез-

ными обществу; в детях будут развивать их врожденную доброту, они будут воспитываться в духе сострадания и уважения к старикам... В простой и доступной форме им разъяснят цель всякого общества, различные виды правления, какие могут в нем существовать; особое внимание будет уделено при этом правлению, основанному на свободе и равенстве. Детям объяснят естественные, политические и гражданские законы. Кроме того, им разъяснят понятия суверенитета, санкции народа, свободы, равенства, Республики, расскажут о бедствиях, сопутствующих всякому тираническому правлению, и о благоденствии — естественном следствии республиканского правления» [50]. Общество секции Люксембурга отводило главное место гражданским и политическим задачам.

Об этом же заботились секции Обсерватории, Финистера, Санкюлотов и Французского Пантеона, когда они требовали в мае *кодекса национального воспитания*, который соответствовал бы принципам республики [51]. Секция Гравилье 22 мая призвала Конвент обеспечить единство и неделимость, в частности путем национального воспитания.

Декларация прав от 24 июня 1793 года, признав право на образование, теоретически удовлетворила народные требования. Но, как утверждала секция Французского Пантеона 27 июня, «это еще ничего не значит создать законы, надо еще обеспечить их выполнение». Конституция создана, теперь необходимо «воздвигнуть опору, которая послужит преградой против предрассудков духовенства и дворянства: декретируйте, организуйте общий республиканский институт; этот институт, которым слишком долго пренебрегали, является, по существу, одной из важнейших мер общественного спасения. Невежество и фанатизм таят в себе больше зла, чем Вандея и оружие мятежников». В данном случае речь также идет в основном о политической цели: об организации «национального института, который облегчил бы санкюлотам приобретение знаний, что позволило бы им занимать любые должности» [52].

В поздравительных адресах по случаю принятия Конституционного акта подчеркивается необходимость немедленной организации народного просвещения. Так, 4 июля на этом настаивала секция Друзей отечества [53]. В тот же день секция Федератов требовала «хорошо задуманного плана воспитания, чтобы обеспечить счастливое будущее нашим детям» [54]. 7 июля секция Бон-Консей требует национального воспитания, которое будет способствовать развитию «ростков патриотических добродетелей» [55]; секция Прав человека 14 июля потребовала «общественного образования, которое учит граждан выполнять свой долг и проявлять добродетели».

Однако санкюлоты не намерены были довольствоваться одним лишь гражданским воспитанием, имеющим целью формирование будущих граждан; они стремятся также и к утилитарному практическому образованию, которое, давая профессиональные знания, готовит молодежь к полезной деятельности. Здесь, бесспорно, сказалось влияние идей века, в частности влияние «Эмиля» Руссо: детям следует прививать не столько интеллектуальные знания, сколько моральные принципы и профессиональные навыки. Секция Предместья Монмартр потребовала 4 июля «не одной из разновидностей того метафизического воспитания, которое подрывает республиканские нравы и добродетели, а образования, способного совершенствовать искусства и ремесла, дать толчок развитию национальной промышленности, наших фабрик, нашей торговли и навсегда положить конец тирании» [56]. В тот же день три секции Сент-Антуанского предместья заявили, что они ожидают издания закона об образовании: «Мы глубоко убеждены, что найдем в нем средства, которые дадут возможность земледельцу пользоваться... всеми открытиями, которые могут облегчить его труд и умножить его плоды; что ремесленник, душа торговли, найдет в нем средство усовершенствовать свое мастерство, рабочий — свой талант и что вы устраните из него все, что могло бы способствовать возрождению или увековечиванию духа суеверия» [57].

13 июля Робеспьер познакомил Конвент с планом Лепелетье де Сен-Фаржо; 29 июля от имени Комитета по народному образованию он предложил принять этот план. Но на этом дело и кончилось, хотя организация народного образования была одной из главных тем в выступлении оппозиции. 17 июля ее потребовали революционные республиканки. 17 августа в «Ами дю пёпль» Леклерк выражает благодарность «тому, кто разработал проект общего воспитания для всех детей», а именно Лепелетье. «Почему Национальный Конвент не одобрил в целом эту мудрую меру, почему он боится заставить родителей подчиниться принципу равенства, посылая своих детей в общие учебные заведения?» Эбер выразился еще более сильно: «Пока настоящее образование не переделает людей, у нас не будет ни хороших генералов, ни хороших судей». Конвент должен поскорее «дать образование санкюлотам, чтобы освободить их от тирании судейских и умников» [58].

Ободренные таким образом секции возобновили попытки. 25 августа секция Ломбар подала в Конвент петицию о том, чтобы национальное образование было *обязательным и бесплатным* [59]. 12 сентября секция Французского Пантеона изложила следующий принцип: «Закон карает, образование убеждает» и потребовала открытия в каждой секции или кантоне бесплатной общественной школы. Впрочем, речь идет не только о воспитании детей и юношества; не следует забывать и о людях *зрелого* возраста, которые еще «во власти старых предрассудков» [60]. 21 октября Конвент принял декрет об учреждении государственных начальных школ, программа которых сочетала элементы духовного и физического воспитания, основы морали и гимнастику, учение и практические навыки. Но 14 брюмера (4 ноября) [61] этот декрет был поставлен под сомнение. Движение за дехристианизацию выявило срочную необходимость определенной организации: только разрушать было недостаточно.

Медлительность властей порой вынуждала секции и народные общества опережать их. Так, народное общество Лазовского открыло «школу морали для юных граждан» [62]. Народное общество секции Сплочения 27 брюмера предложило ввести «курс морали в соответствии с принципами природы и истины»; общее собрание приняло это предложение и образовало комиссию по вопросам народного образования [63].

29 фримера Конвент принял декрет относительно народного образования, и в частности о *начальных школах*. Он вводил контролируемую, но децентрализованную систему обучения, вполне соответствовавшую народным представлениям. Но надо было осуществить эту систему на практике, однако всецело занятое военными делами Революционное правительство пренебрегало этой задачей.

В течение вантоза раздражение, вызванное задержкой с организацией народного образования, способствовало обострению общего кризиса движения санкюлотов. Согласно донесению наблюдателя Шармона от 5 вантоза, «люди устали ждать для своих детей этой новой системы обучения, которая должна принести счастье будущим поколениям»; хотят, чтобы были наконец созданы начальные школы [64]. 10 вантоза секция Санкюлотов приняла энергичную петицию; следует *крайне срочно* организовать начальное обучение «так, чтобы каждый человек развил свои дарования и обрел добродетели, необходимые для полного использования своих естественных прав» [65]. 15 вантоза общим собраниям была сообщена петиция секции Санкюлотов. Она получила одобрение секции Горы [66]. В ответ на это единодушное требование департамент 21 вантоза расклеил афиши, в которых сообщалось о его решении ускорить создание начальных школ. По свидетельству наблюдателя, «жадность, с какой читалась эта афиша, говорит о том, что добрые граждане желают скорейшей организации республиканских школ» [67].

Начало ли осуществляться это постановление? По-видимому, да. Но несмотря на стремление властей, трудности были весьма велики: не хватало помещений, учебников, инвентаря. Ни секции, ни Коммуна не располагали достаточными средствами для организации школ. 19 жерминаля комиссары секции Хлебного рынка сообщили департаментским властям, что их секция не имеет ни одного школьного помещения. Для организации одной школы для мальчиков и одной для девочек они просят разрешения использовать два дома, являющихся национальным имуществом; что касается скамеек и столов, то они просят передать им их из коллежа Дюплесси, превращенного в арестный дом. Департамент мог лишь поручить одному из своих членов сопровождать комиссаров в Комитет по народному образованию [68]. Но и этот последний не имел права распоряжаться национальным имуществом.

Это свидетельствует о тех непреодолимых трудностях, с которыми приходилось сталкиваться народным властям при создании секционных школ; многие из секций от этого дела отказывались. Разочарование санкюлотов было тем более велико, что они возлагали большие надежды на образование, видя в нем средство упрочения режима и улучшения условий своей жизни.

* * *

Концепция ограниченного права собственности, борьба против сосредоточения поставок в немногих руках и за организацию общественной помощи и образования, которые обеспечили бы *равенство пользования благами* (и все это во имя права на существование, всегда смутно ощущаемого, даже если оно нечетко выражено),— все эти черты характеризуют социальный идеал, соответствовавший экономическим условиям той эпохи.

Будучи крестьянами или ремесленниками, санкюлоты, чтобы свободно распоряжаться своей личностью и своим трудом, должны были прежде всего положить конец зависимости от других лиц, прикреплению к земле или цеховым узам. Отсюда их ненависть к феодальной аристократии, их враждебность к старому порядку с его корпоративной организацией; без помощи санкюлотов буржуазия не смогла бы восторжествовать. Непосредственные производители, они считают, что собственность должна покоиться на личном труде, и мечтают об обществе мелких собственников, где бы каждый владел своим полем, своей мастерской, своей лавкой. Государство должно вмешиваться для поддержания относительного равенства; это вмешательство должно проявляться в защите мелких предприятий, в законах о наследовании, в прогрессивном налоге на доход, в организации общественной помощи. С помощью этих мер оно будет восстанавливать мелкую собственность по мере того, как экономическое развитие будет ее разрушать. Речь идет прежде всего о том, чтобы предотвратить возникновение монополии богатства, а также зависимого пролетариата.

Какие бы усилия ни предпринимало Революционное правительство, оно не могло оправдать этих надежд в конце зимы II года, когда назревал величайший кризис революции. Позволила ли конфискация имущества духовенства и эмигрантов обеспечить участками безземельных крестьян? Достаточно ли было упразднения корпораций, чтобы подмастерья могли завести собственное дело?

Режим независимых мелких производителей предполагал дробление земли и собственности; он исключал общественную кооперацию и концентрацию средств производства. Санкюлоты не понимали, что, достигнув определенной ступени развития, этот режим порождает факторы собственного разрушения — существование индивидуальных раздробленных средств производства неизбежно приводит к концентрации средств производства, мелкая собственность массы непосредственно независимых производителей вытесняется крупной собственностью небольшого числа капиталистов. Собственность,

основанная на наемном труде, приходит на смену собственности, основанной на личном труде

Санкюлоты столкнулись с неразрешимыми противоречиями. Враждебные богачам и крупным собственникам, они были связаны с буржуазным порядком, ибо сами либо уже были собственниками, либо стремились ими стать Они выступали за таксацию или ограничение собственности, но в то же время они требовали независимости лавки, ремесленной мастерской и земельной собственности, выступая в этом отношении сторонниками экономического либерализма, столь дорогого капиталистической буржуазии. Эти противоречия являлись отражением социального состава санкюлотов, которые, не будучи классом, не могли выдвинуть последовательной социально-экономической программы. Связанные с системой производства, основанной на личном труде, ремесленники в своем большинстве были обречены на разорение по мере развития капиталистической экономики — лишь меньшинство из них преуспеет с развитием промышленного капитализма.

Самые передовые представители монтаньяров, главным образом робеспьеристы, чьи социальные идеи почти совпадали с воззрениями санкюлотов, страдали от тех же противоречий: как и санкюлоты, они были жертвой этих противоречий. Так проявляется непреодолимый антагонизм, который может существовать между чаяниями определенной социальной группы и объективной исторической необходимостью. Так, с зимы II года приобретает конкретные очертания трагический конфликт, в котором перед лицом требований буржуазной революции погибла эгалитарная республика, о которой мечтали санкюлоты.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ПАРИЖСКИХ САНКЮЛОТОВ

1. Народный суверенитет.— 2. Контроль над депутатами и их отзыв. — 3. Непрерывность заседаний секций и их независимость.— 4. Восстание.

Если народные вожаки не могли разработать самостоятельной и действенной социальной программы, то в политической области они выдвинули целый комплекс идей, который характеризует их как наиболее передовую группу революции.

Исходя из принципа народного суверенита, понимаемого во всей его полноте, то есть независимости и непрерывности заседаний секций, а также права санкционировать законы, контролировать и отзывать выборных лиц, они стремились к осуществлению на практике прямого управления и установлению народной демократии [1]. Но возможно ли было примирить буржуазное понимание демократии и требования Революционного правительства с политическими устремлениями санкюлотов?

1. Народный суверенитет

Носителем суверенитета является народ — из этого принципа исходят в своей политической деятельности народные вожаки, причем для них речь идет не об абстракции, но о конкретной реальности, о народе, объединенном в своих секционных собраниях и осуществляющем всю полноту своих прав. Народный суверенитет является «неотъемлемым, неотчуждаемым, непередаваемым». Секция Сите 3 ноября 1792 года сделала из этого вывод, что «любого

человека, который сочтет себя облеченным им, будут рассматривать как тирана, узурпатора общественной свободы, достойного смерти» [2].

13 марта 1793 года, когда один гражданин заявил на заседании общего собрания секции Французского Пантеона, что «нам угрожают диктатором», все присутствовавшие поднялись со своих мест и поклялись уничтожить «любого диктатора, протектора, трибуна, триумвира, управителя или любого другого, как бы он ни именовался, кто попытается нарушить суверенитет народа» [3]. Этим стремлением к сохранению народного суверенитета, безусловно, и объясняется столь ничтожный успех неоднократных предложений Марата назначить народного трибуна или диктатора, равно как и обвинение, выдвинутое против Эбера и других с целью дискредитировать их в народном мнении как людей, помышлявших об учреждении поста *верховного судьи*.

Неотъемлемый и неотчуждаемый характер народного суверенитета санкюлоты закрепили на практике, начав с июля 1792 года регулярно посещать в массовом порядке заседания секционных собраний. Так было упразднено различие между «активными» и «пассивными» гражданами. «Ни один класс граждан,— говорится в обращении секции Французского театра от 30 июля 1792 года,— не может присвоить себе исключительное право спасения родины». В связи с этим секция призывала граждан, «известных в период господства аристократии под именем пассивных», служить в национальной гвардии, принимать участие в дебатах общих собраний, короче, участвовать «в осуществлении той части суверенных прав, которые принадлежат секции» [4]. Выражая те же взгляды, Анрио выразился еще проще 31 мая на плац-параде секции Финистера: «Уже давно богач творит законы, надо наконец, чтобы этим занялся в свою очередь и бедняк и чтобы между богатым и бедным воцарилось равенство» [5]. Стремление к полному равенству побудило секции вопреки закону допустить в первичные собрания слуг: не должно здесь существовать никаких «различий между французскими гражданами»,— заявила 27 сентября 1792 года секция Мирабо [6] и 5 октября секция 1792 года [7]. Идя еще дальше, секция Тюильри допустила 4 августа 1793 года на свои общие собрания, правда только с совещательным голосом, бельгийских и майнцских беженцев [8].

Осуществление народного суверенитета не должно было страдать ни от каких ограничений: санкюлоты хотели пользоваться им во всей полноте и во всех областях. И прежде всего в области законодательной: закон имеет силу, только если он исходит от народа или санкционирован им.

Когда 10 мая 1791 года Учредительное собрание, отвергая суверенитет определенной группы во имя права личности, запретило коллективные петиции и хотело ограничить компетенцию коммунальных собраний «административными вопросами чисто муниципального характера», братское общество Патриотов обоих полов, заседавшее в Якобинском клубе, выступило с протестом против этого ограничения: «Это значит лишить коммуны, то есть суверенный народ, главного общественного права, то есть лишить их самой жизни». Носителем суверенитета является объединение граждан, нельзя запретить им осуществлять суверенитет, ни лишить их права отвергать законы, которые они не одобряют: всякий закон, в создании которого они не участвовали, является произволом [9]. Этот принцип приводит к практике прямого управления, особенно в период кризиса: именно тогда санкюлоты особенно настойчиво требуют осуществления своих прав. В адресе секции Французского театра от 30 июля 1792 года утверждается, что, если отечество в опасности, «народ считает естественным вновь взять в свои руки осуществление верховного надзора». Более того, в этом обращении утверждается в принципе «необходимость предоставить каждому департаменту право издавать свои местные законы до тех пор, пока над отечеством висит угроза» [10]. Подобные тенденции противоречили необходимости совместных усилий всей нации. Согласно одной брошюре, изданной летом 1792 года, в критических обстоятельствах народ не может ограничиться избранием своих представителей и передачей им своих полномочий: собрания суверена должны существовать, пока существует Национальный Конвент. «До тех пор пока отечество находится в опасности, суверен должен быть на своем посту — во главе своих армий, во главе своих дел, он должен быть повсюду» [11].

В исключительных обстоятельствах санкюлоты практически осуществляют законодательную власть. Так было в период восстания. Так было во время принятия Конституции. 14 июля 1793 года многие секции явились к барьеру Конвента, чтобы заявить о своем одобрении Конституционного акта. Под их давлением Собрание постановило, что ораторы секции после своего выступления останутся в зале, «ибо они явились не как петиционеры, а как представители суверена» [12]. Так же и 4 сентября 1793 года зал заседаний Генерального совета Коммуны заполнил народ: он заседает вместе со своими должностными лицами и вместе с ними обсуждает вопросы.

* * *

Из принципа народного суверенитета, смутно доводимого санкюлотами до теории прямого управления, вытекает и главное требование в законодательной области, неустанно отстаиваемое народными вожаками: санкционирование законов самим народом.

30 мая 1791 года кордельеры утверждали, что нация может руководствоваться только теми законами, которые она *признала* или *требовала*, что Конституция становится окончательной лишь после ее утверждения народом; если первичные собрания будут лишены права критиковать законы и высказывать свои пожелания, то место дворянской аристократии займет аристократия представителей [13].

Во время кризиса летом 1792 года, когда санкюлоты навязали свою волю в политической сфере, когда восстание 10 августа явилось проявлением народного суверенитета, эти принципы были подтверждены с новой силой. 9 августа общее собрание секции Рынка Невинных, предлагая *основы* Национального Конвента, потребовало, чтобы «декреты, которые Конвент будет разрабатывать для определения Конституции и постоянных законов, регулирующих брачные отношения, порядок наследования и судопроизводства», вступали в силу лишь после их принятия первичными собраниями [14].

Секция Сите, считая, «что не может быть Конституции без свободного принятия ее народом», заявила 29 сентября, что она одобряет упразднение Конвентом монархии и провозглашение единой и неделимой республики; она просит, чтобы Конвент, прежде чем он займется конституционными законами, «как можно скорее поставил в известность первичные собрания о порядке санкционирования его декретов» [15]. Право народа на санкционирование законов осуществляется, таким образом, не в исключительных случаях и касается не только Конституции, но всего законодательства в целом. 2 ноября 1792 года общее собрание секции Пик приняло еще один проект «относительно порядка санкционирования законов»: поскольку суверенитет является неотъемлемым, «только мы должны предписывать наши законы, единственная их [представителей] обязанность — предлагать нам эти законы». Законы должны предлагаться на утверждение народа в его первичные собрания, а не *санкционирующего* собрания, состоящего из уполномоченных [16].

В народном понимании суверенитета нет места принципу разделения властей: народ, суверенный законодатель, является также и суверенным судьей. «Правосудие всегда пребывает в народе»,— заявил Леклерк 16 мая 1793 года в Генеральном совете Коммуны [17]. В общем собрании секции Финистера санкюлот Булан не раз утверждал после 10 августа: «В эти критические дни нет нужды в трибуналах, народ суверенен, он сам может судить и карать виновных» [18]. Не являлось ли правосудие во все времена одним из непременных атрибутов суверенитета? В системе секционной демократии оно, естественно, становится прерогативой народа, который в случае необходимости берет его в свои руки. Трибуналы, заседавшие в период сентябрьских дней, получили полномочия от народа, который вовсе не отказался от своего суверенитета, доверив его трибуналам: когда народ заявлял о своей воле, трибуналы повиновались.

Народное правосудие — один из атрибутов суверенитета — нашло свое наиболее яркое выражение во время сентябрьского кризиса 1792 года; в то время оно почти не встречало на своем пути никаких препятствий; надо было узаконить результаты, достигнутые восстанием 10 августа, и ликвидировать угрозу, нависшую над родиной, впрочем, те же требования выдвигались при всех

критических обстоятельствах. В марте 1793 года во время набора 300 тысяч солдат в общем собрании секции Бонн-Нувель Пуландри, вскоре ставший революционным комиссаром, потребовал новых «сентябрьских дней», заявив, что народ должен *воздать по заслугам* всем депутатам, голосовавшим за обращение к народу во время суда над королем [19].

И, наконец, важным атрибутом народного суверенитета, на котором постоянно настаивали санкюлоты и последствия которого неизменно сказывались с июля 1789 по прериаль III года, была вооруженная сила. Суверенный народ должен быть вооруженным. Определяя в августе 1792 года в одном из обращений к избирательному корпусу *основы* свободы, автор одной брошюры отмечал непрерывность заседаний секций, свободу печати и «свободное вооружение всех граждан без различия» [20]. Наводнив общие собрания, санкюлоты заполнили и ряды национальной гвардии. Пика являлась символом вооруженного суверенного народа и нового порядка: ее прославляли, она стала «священной пикой» и в конце концов символом самих санкюлотов. Их политические успехи определялись силой их оружия, их разоружение означало конец их влияния. Поскольку огнестрельное оружие было гораздо эффективнее пики, санкюлоты неизменно требовали именно его, точно так же они протестовали, когда осенью 1792 года стал вопрос об изъятии у секций их пушек и передачи их войскам. Адрес секции Кенз-Вен напомнил Конвенту в декабре 1792 года о том, что только граждане имеют право быть вооруженными в Париже; министры не могут вызывать в Париж войска [21]. 2 июня 1793 года одновременно с политической победой произошло и общее вооружение санкюлотов: в этот день секция Сплочения, как и другие передовые секции, разоружила аристократов и умеренных, «чтобы дать оружие в руки тех, кто действительно достоин сражаться за свободу» [22]. В III году разоружение санкюлотов было не только мерой предосторожности, оно символизировало политическую реакцию, поскольку обычно сопровождалось исключением из общего собрания. Одной из первых мер, на которой настаивали повстанцы в прериале, был возврат оружия гражданам, у которых оно было изъято. Это предложение было сделано Дюруа и явилось одним из главных пунктов предъявленного ему обвинения [23]. Вооруженный народ, путем восстания [24] берущий в собственные руки осуществление своих прав,— это высшее проявление принципа народного суверенитета, отвергнутого термидорианцами.

* * *

Народное понимание суверенитета со всеми вытекающими отсюда последствиями таило в себе революционное содержание; подкрепляемое силой вооруженных секций, оно проявлялось в ходе всей революции, особенно летом 1792 года. Однако год спустя обнару-

жилось противоречие между политическими устремлениями и практикой санкюлотов, с одной стороны, и потребностями Революционного правительства — с другой; это была исключительно серьезная проблема, которая наряду с социальным вопросом лежала в основе кризиса, приведшего в конечном счете к крушению Революционного правительства и народного движения.

Народная идея суверенитета была решающим оружием в борьбе против монархии. 31 июля 1792 года секция Моконсей объявила в своем знаменитом постановлении о том, что она возвращает себе свои права и не признает более Людовика XVI королем французов; сохраняя верность нации, она отрекается от «своих чрезмерных присяг, считая, что ее верой злоупотребили» [25]. Из принципов народного суверенитета и автономии секций также делались крайние выводы — роспуск органов политической власти. По докладу Верньо Законодательное собрание 4 августа аннулировало постановление секции Моконсей: суверенитет принадлежит всему народу, а не какой-то его части. Таким образом, друг другу противостояли две концепции суверенитета: не было иного выхода, кроме восстания. И секции отважились.

После 10 августа суверенитет очень скоро сосредоточился в руках Конвента, затем в руках его правительственных комитетов. Проблема августа 1792 года вновь встала во всей своей остроте во II году, но уже в иной форме: как примирить требования народного суверенитета, как его понимали секционные вожаки, с потребностями Революционного правительства, всецело поглощенного делом национальной обороны?

Само выражение «народный суверенитет», получившее широкое распространение в 1792 и 1793 годах, во II году совершенно исчезло из политического словаря правительственных деятелей: тщетно было бы искать его в речи Сен-Жюста от 10 октября 1793 года о необходимости провозглашения Революционного правительства до заключения мира [26], в декрете от 14 фримера об организации этого правительства, в речи Робеспьера от 5 нивоза о принципах Революционного правительства. Весьма многозначительное молчание: согласно декрету от 14 фримера, секции не играют в революционном правлении никакой роли. Уже декрет от 5 брюмера отменил выборы муниципалитетов; отныне от выборов отказываются; при замене судей и должностных лиц представители в миссии и национальные агенты ограничиваются консультациями с народными обществами. Санкюлоты больше всего дорожили правом избирать, символом их суверенитета. Во II году их лишили его. Революционные комитеты, избранные общими собраниями весной 1793 года, были переизбраны в сентябре, осенью подверглись чистке со стороны Генерального совета Коммуны, а зимой были подчинены контролю Комитета общественной безопасности; весной II года их члены будут назначаться Комитетом общественного спасения. Так же обстояло дело и с Генеральным советом Коммуны. После событий жерминаля

и казни Эбера и Шометта Комитет сместил членов Совета и назначил на их место других без консультации с секциями. 16 флореаля национальный агент Парижской коммуны Пейан напомнил секциям, что «при Революционном правительстве не существует первичных собраний, здесь признают только общие собрания» [27]: это было напоминанием санкюлотам о том, что их суверенные права переданы Революционному правительству. Сапожник Потель, комиссар секции Общественного договора, заявил в жерминале с трибуны общества Друзей Республики, что общество, как часть суверена, имеет право издавать законы; он был арестован [28]. Пренебрежение народными чаяниями в вопросе суверенитета в значительной мере способствовало охлаждению санкюлотов к Революционному правительству весной II года.

После термидора реакционеры, отдавая себе отчет в том, насколько понятие народного суверенитета опасно для главенства буржуазии, выступили с разоблачением тех злоупотреблений, какие, по их мнению, имели тут место. У народа было совершенно конкретное представление о суверенитете: его носителем являлись общие собрания секций. Такой взгляд сочли слишком упрощенным, заменив его отвлеченной концепцией, соответствовавшей устремлениям и интересам буржуазии. 12 вандемьера III года депутат Ламбер жалуется в Комитете общественного спасения на то, как опрометчиво используют такие слова, как «*народ*» «*суверен*»: «только народу в целом принадлежит подлинный суверенитет; отсюда следует, что суверен, в сущности, един и неделим, что он чисто метафизическое существо, то есть выражение общей воли» [29]. Для санкюлотов суверен был из плоти и крови, для них это был народ, сам осуществляющий свои права в секционных собраниях. Твердость подобного убеждения не вызывает никаких сомнений.

Ворвавшись 1 прериаля в Конвент, санкюлоты заняли места на депутатских скамьях; один из них крикнул: «Убирайтесь вон! Мы сами будем заседать в Конвенте» [30]. Поскольку депутаты не справлялись со своею задачей, народ вновь брал осуществление суверенитета в свои руки.

К концу эпохи Конвента граждане, обладавшие избирательным цензом, пользующиеся преимуществами на основе Конституции III года *, использовали в качестве аргумента принципы санкюлотов, когда протестовали против декрета, на основании которого две трети членов Конвента оставались непрерывно у власти. «Когда собирается суверенный народ,— заявила 20 фруктидора III года секция Верности,— он не может и не должен признавать никакой вышестоящей власти, ибо только он один может издавать законы и ни от кого не должен их получать» [31]. Нелепое утверждение со стороны граждан, обладающих избирательным цензом, который сам по себе является отрицанием принципа народного суверенитета.

* Конституция III года — цензовая Конституция 1795 года, принятая термидорианским Конвентом.— *Прим. ред.*

2. Контроль над депутатами и их отзыв

Из принципа неотъемлемости и непередаваемости народного суверенитета вытекает и другое обстоятельство, ставшее одним из рычагов в руках народа: это право утверждения и отвода, контроль и отзыв депутатов.

И на этот раз истоки этих идей восходят к Руссо, к его «Общественному договору». Руссо резко критиковал представительную систему в том виде, как она существовала в Англии. «Английский народ считает себя свободным; он горько ошибается. Он свободен только во время выборов членов парламента; как только они выбраны, он становится рабом; он — ничто». «Народные депутаты не суть и не могут быть представителями народа; они только его комиссары» [32]; санкюлоты скажут — его *уполномоченные*. Депутаты Конвента, заметил 22 сентября 1792 года один гражданин из секции Тюильри, «должны называться не представителями, а уполномоченными народа» [33]. Перефразируя Руссо, Леклерк в своем «Ами дю пёпль» от 21 августа 1793 года ясно выразит то, о чем смутно думали санкюлоты: «Помни прежде всего о том, что представленный народ не свободен, и не расточай этого эпитета представителя... воля не может быть представлена... все твои должностные лица — это только твои уполномоченные». Многие санкюлоты, обращаясь во II году к представителям, подписывались «*равный тебе в правах*».

Чтобы согласовать представительную систему с нуждами подлинной демократии, санкюлоты требовали права санкционировать законы; контроль народа над своими избранниками преследовал ту же цель. Секции энергично на этом настаивали во время выборов в Конвент. Поскольку с точки зрения народного суверенитета двухстепенные выборы увеличивали недостатки представительной системы, многие секции пытались поправить это путем утверждения (или отвода) результатов выборов собрания выборщиков Парижского департамента и путем осуществления своего права контроля и отзыва.

Поскольку Законодательное собрание упразднило различие между «активными» и «пассивными» гражданами, но сохранило систему двухстепенных выборов, наиболее передовые секции выдвинули требование прямых и всеобщих выборов. В своих «Средствах, предложенных секции Марселя... для бесповоротного утверждения свободы и равенства», Лакруа разоблачает двухстепенные выборы, считая их «аморальными, губительными для суверенитета народа, благоприятствующими интригам и всяческим проискам» [34]. 27 августа секция Вандомской площади под влиянием Робеспьера присоединилась к двухстепенным выборам, но заявила, что «в принципе все уполномоченные народа должны избираться непосредственно самим же народом, то есть первичными собраниями»; чтобы преодолеть недостатки системы не прямого голосования, выборщики будут подавать голос вслух и в присутствии народа [35]. В тот же день первичное собрание секции Бонди заявило, «что суверенный народ никому не должен передавать осуществление прав, передача которых неизбежно связана с неудобствами, и что представительство только в том случае является подлинным, когда оно исходит непосредственно от самих представляемых» [36]. Генеральный совет Коммуны санкционировал эти пожелания, приняв 27 августа постановление, согласно которому выборщики должны были голосовать вслух, в присутствии народа, а решения собрания выборщиков должны быть санкционированы различными секциями [37].

Отвод или чистка депутатов путем голосования имели целью не только устранение недостатков двухстепенных выборов, они являлись выражением неделимости народного суверенитета. 27 августа секция Вандомской площади потребовала, чтобы депутаты, назначенные выборщиками, были «подвергнуты проверке и контролю со стороны секций или первичных собраний с тем, чтобы большинство могло отвергнуть тех, кто недостоин доверия народа». Генеральный совет Коммуны в тот же день, 27 августа, вновь присоединился к этой точке зрения. 31 августа секция Мезон-Коммюн постановила, что выборщики будут лишь намечать депутатов, утверждать же или отвергать их будут секции [38].

Народный нажим был столь велик, что 12 сентября собрание выборщиков решило представить секциям список депутатов, избранных в Конвент, «дабы подготовить санкционирование его народом путем чистки, а также в целях пробуждения чувства суверенитета у всех членов политических органов» [39].

Какова бы ни была вера народа в свой суверенитет, нельзя, однако, отрицать того, что принципы, провозглашенные самым торжественным образом, зачастую приспосабливались к обстоятельствам. Если принцип, согласно которому депутаты до своего назначения должны были подвергнуться утверждению в секциях, провозглашался с такою настойчивостью, то объясняется это стремлением гарантировать себя от неудачных решений собрания выборщиков: это давало народу возможность непосредственно исправлять результаты голосования выборщиков.

Отвод и утверждение депутатов не только отвечали общему принципу народного суверенитета, но и сообразовывались с тактическими потребностями. Когда выяснилось, что депутаты, назначенные собранием выборщиков, в большинстве своем принадлежат к Горе, передовые секции изменили свою тактику и отошли от своих принципов; утверждение депутатов, если бы оно было проведено, могло бы привести к совершенно противоположным результатам, чем к тем, которых они ожидали. Генеральный совет Коммуны, который 27 августа объявил о санкционировании результатов выборов секциями, не останавливается перед пересмотром своего же решения: в середине сентября он опубликовал обращение относительно «неудобств, которые возникли бы для депутатов Конвента в связи с чисткой путем голосования» [40].

В самом деле, некоторые секции и агитаторы уже обрушиваются на самых безупречных патриотов. 19 сентября секция Рынка утвердила избрание в Конвент Марата лишь после длительной дискуссии, не преминув изобличить *«дезорганизаторские принципы»* Друга народа [41]. Мее-сын возмущался тем, что хотят лишить граждан права утверждать или отвергать депутатов, назначаемых выборщиками: это говорилось лишь для того, чтобы лучше атаковать Робеспьера [42].

Перед лицом опасности некоторые секции, заявляя о своей приверженности принципу чистки депутатов, отказывались от этого принципа в виду его несвоевременности. Так, общее собрание секции Сплочения заявило 18 сентября 1792 года о своем отказе *«лишь на этот раз»* от утверждения или отвода депутатов, назначенных собранием выборщиков [43].

Для соблюдения принципа народного суверенитета недостаточно было исправления недостатков двухстепенных выборов путем отвода депутатов. Для этого необходимо еще, чтобы избранники хранили верность полученному императивному мандату. Не возвращаясь формально к теории императивного мандата в том виде, как ее утверждали во время выборов в Генеральные штаты и составления «тетрадей жалоб», парижские секции в период выборов в Конвент ясно провозгласили принцип контроля над депутатами и их отозвания суверенным народом; это в какой-то мере смягчало недостатки представительной системы.

9 сентября на собрании выборщиков Парижского департамента один выборщик от секции Центрального рынка предложил «объявить в качестве принципа, что неотъемлемый суверенитет народа предполагает неотчуждаемое право отзывать своих представителей всякий раз, когда он считает это уместным и отвечающим его интересам». Собрание выборщиков, которое 6 сентября в ответ на предложение об отзыве депутатов «в случае пренебрежения своими обязанностями или нарушения долга» ограничилось передачей вопроса на рассмотрение первичных собраний [44], на этот раз приняло предложение секции Центрального рынка. Общее собрание секции Сплочения заявило, что «оно решительно оставляет за собой право отзывать избранных депутатов в случае, если за время исполнения ими своих функций они совершат какие-либо действия, которые внушат подозрение в их гражданской неблагонадежности или в желании ввести во Франции правление, враждебное свободе и равенству» [45].

Провозглашение секциями Парижа принципа контроля и отзыва депутатов носило отнюдь не абстрактный характер: в условиях лета 1792 года этот принцип, как и принцип отвода депутатов, назначенных собранием выборщиков, отвечал весьма конкретным тактическим задачам. Речь шла о том, чтобы обеспечить победу передовой партии. Поэтому об этом принципе вспоминали каждый раз, когда революционная политика оказывалась под угрозой.

Во время конфликта между жирондистами и монтаньярами, вспыхнувшего осенью 1792 года, передовые секции требовали права отвода депутатов, их подотчетности избирателям, в то время как умеренные секции протестуют против этих требований.

В период избирательной кампании, начавшейся 11 ноября 1792 года в связи с обновлением состава парижских властей, секция Французского Пантеона постановила 2 декабря, что она оставляет за собой право подвергнуть чистке избранных граждан [46]. Секция Елисейских полей изобличала 30 декабря 1792 года эти «постановления, продиктованные макиавеллистским и дезорганизаторским духом: здесь насилуют волю граждан под угрозой изгнания, здесь принципы преданы забвению до такой степени, что хотят повлиять на представителей всей нации путем гласности нескромной клятвы»; секция требовала *полнейшего* уважения свободы представителей [47]. Так обнаружилась полная противоположность между двумя концепциями представительной системы: концепцией народной и концепцией буржуазной.

В связи с обострением кризиса в марте 1793 года передовые патриоты потребовали применить в отношении *преступной клики* право народа на отзыв своих представителей. 10 марта секция Четырех наций потребовала в качестве высшей и единственно эффективной меры созыва секций, чтобы уполномочить собрание выборщиков Парижского департамента «напомнить недостойным и неверным уполномоченным, что они должны быть законодателями общественного блага», ибо они нарушили свой мандат, голосуя за «сохранение тирана и за обращение к народу» [48].

Поскольку принципу отзыва депутатов жирондисты противопоставили принцип их неприкосновенности, секция Тюильри заметила 10 апреля 1793 года, что неприкосновенность «была мыслима лишь при монархическом правлении» и что при республиканском правлении депутаты не могут ею пользоваться; «в своих поступках и делах уполномоченные должны быть подотчетны свободному народу». Секция Тюильри потребовала в результате упразднения неприкосновенности, «как отвратительной привилегии, как лживой завесы, под покровом которой растленный уполномоченный может безнаказанно предавать интересы народа» [49].

Это народное убеждение в ответственности и сменяемости депутатов является теоретическим оправданием восстания 31 мая — 2 июня 1793 года: Конвент не подчинился приказаниям суверена в отношении представителей, которые, по мнению народа, изменили своему мандату, и тогда народ взял осуществление суверенитета в свои руки и заставил отозвать депутатов-жирондистов. 31 мая Люлье, главный прокурор департамента, от имени революционных властей потребовал, чтобы Конвент уступил желанию нации. Депутация и толпа граждан смешались «по-братски с членами левой партии» [50]. 2 июня оратор депутации от революционных властей заявил, что граждане Парижа «требуют от своих упол-

номоченных вернуть их подло преданные права» [51]. Восстание являлось крайним следствием, вытекавшим из принципа народного суверенитета.

Готовы ли были монтаньяры, которые с августа 1792 года поддерживали и выражали народные требования в отношении суверенитета, готовы ли были они, придя к власти, узаконить эти требования? 25 мая секция Единства, «считая, что ответственность есть сущность Республики», потребовала, чтобы «трибунал эфоров, состоящий из представителей 86 департаментов, высказался во время перевыборов депутатов относительно поведения депутатов прошлой сессии и чтобы те из них, которые оказались недостойными уважения родины, были... навсегда лишены всех постов в Республике» [52]. Секции Арраса поставили этот вопрос во всей его неотложности 18 июня, когда они заявили Конвенту, что пять депутатов от Па-де-Кале утратили их доверие. Собрание не приняло по этому поводу никакого решения [53]. В ответ на эти тревоги Эро де Сешель представил 24 июня в ходе обсуждения проекта конституции главу под названием «О праве отвода народом его депутатов и о гарантии против притеснения избирательного корпуса». Эта глава встретила ожесточенный отпор. Кутон от имени Комитета общественного спасения добился ее отклонения [54]. В данном случае тактические соображения вновь восторжествовали над принципами

Усиление Комитета общественного спасения, затем постепенное создание Революционного правительства не могли заставить секции полностью отказаться от своих требований в этой области, к тому же народная пресса поддерживала их требования. Леклерк в «Ами дю пёпль» от 21 августа 1793 года напоминал депутатам о том, что они находятся «под неусыпным наблюдением» народа: «Его рука будет воздавать по заслугам или карать в зависимости от того, будете ли вы в своих действиях учитывать его мнение о том, как вам надлежит вести себя».

Этот контроль народа тем не менее упрочил авторитет тех его представителей, которым он оказывал доверие; некоторые монтаньяры отдавали себе в этом отчет, и в период кризиса летом 1793 года они сочли необходимым отчитаться в своих действиях перед своими секциями. Так, Колло д'Эрбуа, член секции Лепелетье, находившийся в миссии в департаментах Уаза и Эн, направил 4 сентября из Санлиса доклад о своих действиях и о принятых им решениях, которые были обсуждены и одобрены общим собранием. Такие сообщения давали возможность секциям контролировать своих депутатов, а представителям оказывать влияние на общественное мнение.

После того как декретом от 14 фримера было окончательно создано Революционное правительство и власть Комитета общественного спасения сделалась непререкаемой, о принципах народного суверенитета никто уже не упоминает. Стремясь прежде всего к централизации и эффективности своих действий, правительственные комитеты отныне уже не терпят даже простого упоминания о праве народа на контроль и на отзыв своих депутатов. Таким образом принципы были подчинены требованиям политики общественного спасения.

3. *Непрерывность заседаний секций и их независимость*

Быть может, еще в большей мере, чем общей политикой, санкюлот-борец интересуется политикой местной. Отсюда то значение, которое он придает низовым организациям политической жизни — коммунальным собраниям, а еще более секционным собраниям и народным обществам. Отвлеченное понятие суверенитета, осуществляемого через посредство национального собрания, он заменяет вполне конкретной реальностью — народом, объединенным в своих секционных собраниях. Здесь санкюлот действительно полностью осознает свои суверенные права и то, как ими следует пользоваться. Вот почему среди неотъемлемых атрибутов суверенитета на первое место он ставит непрерывность заседаний и независимость секций.

Действуя подобным образом, санкюлот II года воскрешает требование «активных» граждан 1790 года, но вкладывает в него новое содержание. Дистрикт Шоссе-д'Антен напоминал 18 марта 1790 года, что «патриотизм и непрерывность заседаний дистриктов являлись основой французской свободы»; секции должны сохранять «свое неотъемлемое право свободно собираться либо для решений своих внутренних дел, либо для оказания противодействия мероприятиям муниципалитета, либо в интересах любого справедливого и разумного дела» [55].

Успехи демократического движения с начала 1792 года, последовавший затем общий кризис в связи с объявлением войны разрушили хрупкие барьеры, искусственно воздвигнутые Учредительным собранием в целях ограничения суверенитета и автономии секций. 2 февраля 1792 года братское общество Патриотов обоих полов, заседавшее в Якобинском клубе, потребовало непрерывности заседаний секций не для осуществления законодательных, исполнительных или административных функций, которые «большое общество может осуществлять только через делегатов», но для осуществления «надзора, который каждое общество свободных людей имеет право осуществлять непосредственно»; никакая власть не вправе мешать коммуне или секции собираться, когда она пожелает, и столь часто, как она захочет. Братское общество выдвигало обычные аргументы: непрерывность заседаний секций будет способствовать политическому воспитанию граждан, рассеет недоразумения и объединит все классы в «единое сплетение силы и воли».

Осложнение обстановки весной 1792 года придало патриотическому требованию непрерывности заседаний секций неодолимую

силу; только оно, по выражению петиции братского общества, позволит установить надзор за «агентами австрийского кабинета и комитета в Кобленце». 28 мая секции Французского театра, Круа-Руж и Гренельского фонтана потребовали от Законодательного собрания декрета, который наделил бы их функциями надзора, «столь необходимого в нынешних условиях» [56]. Секция Ломбар предложила 30 мая, чтобы общие собрания заседали непрерывно до тех пор, пока не кончатся «эти критические дни» [57]. 2 июля депутация парижских граждан также потребовала непрерывности заседаний секций [58].

Объявление 11 июля отечества в опасности повлекло за собой провозглашение непрерывности заседаний установленных властей, но секции не считались таковыми, поскольку они не имели ни определенной власти, ни особой компетенции. Однако в течение июля заседания секций стали фактически постоянными: они заседали ежедневно, на них могли присутствовать все граждане. 3 июля секция Почт приняла решение о публичности ее заседаний. 24 июля она приняла в принципе петицию к Законодательному собранию о средствах предотвращения опасностей, угрожающих родине; в первую очередь это непрерывность заседаний секций. В тот же день эта секция приняла решение собираться три раза в неделю «до тех пор, пока Национальное собрание не даст другого распоряжения» [59]. 25 июля Законодательное собрание в конце концов уступило и приняло декрет о непрерывности заседаний секций [60]. Обстоятельства вынудили принять ту меру, которую учредители, а затем законодатели упорно отвергали в течение двух лет.

С этих пор непрерывность заседаний секций стала одной из основ народной политической системы и того прямого управления, которое народные вожаки, смутно сознавая это, пытались установить. В период кризиса непрерывность заседаний оказалась весьма эффективным орудием действий. Поэтому ее тщательно оберегали. В начале сентября 1792 года один из выборщиков секции Терм Юлиана в обращении к избирателям охарактеризовал ее как один из «четырех столпов свободы» [61]. 16 ноября 1792 года общее собрание секции Бютт-де-Мулен решило заседать только три раза в неделю, но указало при этом, что оно не отказывается от непрерывности заседаний [62].

В борьбе между жирондистами и монтаньярами непрерывность заседаний секций составляла решающее оружие в руках санкюлотов. Вот почему с начала 1793 года жирондисты стали яростно требовать ее упразднения. 6 января с этим требованием выступил Ришо; Саль подчеркнул, что поскольку непрерывность заседаний секций является *орудием революции*, то ее дальнейшее существование не может не угрожать общественной безопасности. Марат, напротив, считал, что угрозой общественной безопасности была бы отмена непрерывности заседаний, он потребовал, чтобы секции, пока отечество находится в опасности, заседали непрерывно. В том же духе высказался и Робеспьер [63]. В мае с углублением кризиса споры возобновились. 24 мая Комиссия двенадцати провела решение о том, что общие собрания ежедневно будут прекращать заседания в 10 часов вечера — косвенная мера, подрывавшая преимущества непрерывных заседаний в том виде, как они практиковались санкюлотами [64]. Передовые секции совершенно игнорировали этот декрет: 28 мая секция Рынка заявила, что она не намерена ему подчиняться; секция Бонн-Нувель по предложению Эбера решила после 10 часов собираться как клуб «для обсуждения своих дел» [65].

Однако непрерывность заседаний секций была обоюдоострым оружием. Если в период кризиса санкюлоты устремлялись в общие собрания, то с ликвидацией опасности они имели тенденцию покидать их. И тогда их противникам достаточно было только более регулярно посещать заседания, чтобы достигнуть изменения большинства в свою пользу. Такое явление наблюдалось в парижских секциях после 2 июня; умеренные, потерпев поражение в плане общей политики, попытались взять реванш в общих собраниях секций, которые они буквально наводнили. Это привело к ожесточенной борьбе, к подлинной скрытой гражданской войне; в некоторых секциях санкюлотам удалось окончательно захватить власть в свои руки только летом или в начале осени 1793 года. В больших городах, таких, как Лион или Марсель, непрерывность заседаний секций стала орудием контрреволюции. Об этой опасности предупреждал Марат, человек реалистического ума (если бы он был им в тот момент!). 21 июня в письме к Конвенту он потребовал отмены непрерывности заседаний секций, так как она явилась причиной бед, случившихся во многих крупных городах; «ибо богачи, интриганы и злоумышленники толпами устремляются в секции, хозяйничают в них и проводят там самые губительные для свободы решения, в то время как поденщики, рабочие, ремесленники, розничные торговцы, земледельцы, словом, масса обездоленных, вынужденных работать, чтобы жить, не могут присутствовать на их заседаниях и пресечь преступные происки врагов свободы» [66].

Этот аргумент был подхвачен Дантоном и содействовал принятию декрета от 9 сентября 1793 года, который ограничил заседания общих собраний двумя в неделю. Сколь бы обоснованным оно ни было, упразднение непрерывности заседаний секций нанесло чрезвычайно тяжелый удар по народной политической системе. Оно явилось элементом эволюции Революционного правительства, которое стремилось контролировать народное движение и втиснуть его в рамки создававшейся якобинской диктатуры. Такие известные представители умеренных, как Николо, бывший председатель Парижского департамента, приветствовали этот декрет.

Если предоставление возмещения в 40 су породило волнение среди санкюлотов и раскололо секции, то упразднение непрерывности заседаний вызвало единодушную оппозицию; санкюлоты

обходили декрет от 9 сентября, создавая секционные общества. В течение всего II года они не переставали настойчиво требовать более частого проведения заседаний. Коммунальные власти упорно отвечали отказом, робеспьеристская Коммуна еще в большей мере, чем ее предшественники, требовала строгого соблюдения закона.

* * *

О значении, которое санкюлоты придавали непрерывности заседаний секций и их автономии, свидетельствует то упорство, с каким они после 9 термидора настаивали на более частом проведении заседаний, а также постоянные заседания, которые они проводили во время попытки прериаля III года.

Реакционеры, напротив, все строже и строже регламентировали время проведения заседаний собраний, чтобы в конце концов упразднить их вовсе. 9 термидора Конвент запретил созыв секций без разрешения правительственных комитетов [67]. 4 фрюктидора, упразднив возмещение в 40 су, он одновременно сократил число заседаний общих собраний до одного в декаду: Тюрио, который 25 июля 1792 года предлагал непрерывность заседаний секций, настаивал теперь на «неуместности бесконечных заседаний секций» [68].

Так постепенно исчезли общие собрания секций, которые служили санкюлотам ареной политической борьбы и непрерывность заседаний которых символизировала в глазах санкюлотов сам принцип народного суверенитета.

4. *Восстание*

Последнее прибежище суверенного народа — восстание. Учредительное собрание не записало этого права в августовскую Декларацию прав 1789 года. Но Конвент как для того, чтобы узаконить восстания 10 августа и 31 мая, так и для того, чтобы охранить народ от угнетения, подтвердил это право в статье 35 июньской Декларации прав 1793 года.

Санкюлоты не видели в этом теоретического и формального подтверждения их суверенитета. Исполненные сознания своих прав, смутно осуществляя методы прямого управления, они, естественно, приходили к мысли о необходимости вновь взять в свои руки осуществление суверенитета, когда считали, что его уполномоченные предали права суверена. Заявления о праве народа на восстание приобретали массовый характер в период всех кризисов вплоть до III года. 1 прериаля III года сапожник Дюваль из секции Арсенала, зачитав петицию повстанцев с трибуны Конвента, потребовал, чтобы председательствующий Буасси д'Англа признал восстание самой святой из всех обязанностей, поскольку эти слова записаны в Декларации прав [69].

Однако в зависимости от обстоятельств это слово приобретает различные смысловые оттенки. Восстание, как его понимают санкюлоты, не является обязательно вооруженным выступлением. 6 октября 1792 года общее собрание секции Гравилье заявило, что Конвент не признает народный суверенитет, притязая на «осуществление нелепой и неограниченной власти в отношении парижских секций». «Поднимемся же в последний раз,— говорилось в заключение,— и будем начеку до тех пор, пока не докажем уполномоченным, что люди 89 года, люди 10 августа и 3 сентября сумеют своей твердостью и отвагой, присущими лишь суверену, заставить их выполнять свой долг и вспомнить о наших правах, которыми они бесстыдно пренебрегают» [70]. Секция Французского театра 27 декабря 1792 года объявила себя в состоянии восстания «до тех пор, пока Франция не будет очищена от своих тиранов»; под этим она понимала «состояние непрерывной полезной бдительности, активности, надзора, патриотического рвения, в котором должны пребывать все честные республиканцы до тех пор, пока свобода не будет упрочена на незыблемой основе» [71]. В таком же смысле понимала это слово и секция Единства, когда 24 мая 1793 года она отказалась предоставить свои реестры Комиссии двенадцати и постановила перейти к очередным делам, «сославшись на то, что позволительно оказывать отпор угнетению» [72]. Когда 14 вантоза Клуб кордельеров объявил себя в состоянии восстания, он имел в виду скорее массовую манифестацию, нежели вооруженные действия. И наконец, в III году, когда Военная комиссия сослалась на его план «мирного восстания» и выразила недоумение по поводу такого необычного сочетания слов, Брут Манье ответил, что мирное восстание заключается в «величественном движении народа, который приказывает своим уполномоченным: действуйте так, потому что такова моя воля» [73]. Таким образом, для санкюлотов восстание могло означать сопротивление народа, который поднялся и отказывается повиноваться законам, не принятым им, который вновь берет в свои руки осуществление своих суверенных прав, требует отчета от своих уполномоченных и диктует им свою волю. На этом этапе восстание является массовой манифестацией, выражающей одновременно и единодушие и величие народа.

Мирные средства не всегда эффективны; поэтому, напоминая о своих правах, поднявшийся народ навязывает свою волю, демонстрируя свою силу и угрожая прибегнуть к насилию. 1 мая 1793 года депутация секций Сент-Антуанского предместья, предложив Конвенту меры общественного спасения, предъявила ему настоящий ультиматум: «Если вы их не примете, то мы, мы, желающие спасти [народное дело], заявляем вам, что находимся в состоянии восстания — 10 тысяч человек собрались у входа в зал» [74].

Вооруженное восстание является крайним проявлением народного суверенитета. Оно начинается с набата, бьют общий сбор, а это означает, что народ берет в свои руки осуществление своих

прав и готов навязать свою волю силой оружия. В ночь с 9 на 10 термидора Лекривен, бывший член Комитета общественного спасения Парижского департамента, главный секретарь Революционного трибунала, заявил, «что не следует подчиняться приказам комитетов Конвента, ибо, когда звучит набат, Конвент уже ничего не значит» [75]. В силу своего эмоционального воздействия, в силу воспоминаний о великих днях 14 июля, 10 августа и 31 мая, когда народ предстал во всем величии своей суверенной власти, восстание обретало в глазах многих санкюлотов какой-то элемент экзальтации. Атмосфера тех дней оставалась для них незабываемой. Закрытие застав, общий сбор, набат, выстрел из пушки как сигнал тревоги, щекоча нервы и возбуждая умы, способствовали экзальтации народа. К тому же простые и обездоленные люди видели в этой акции действия, которые возвышали их над их положением и посредством которых они оказывали влияние на судьбы нации. В ночь с 9 на 10 термидора некий Пеллека из секции Кенз-Вен заявил молодому национальному гвардейцу: «Ты еще в революции новичок и не знаешь, что такое Коммуна, когда она бьет общий сбор и ударяет в набат!» [76]

Вновь возвращая себе путем восстания осуществление суверенных прав, народ сосредоточивает в своих руках всю власть: он может издавать законы, вершить правосудие, осуществлять все функции исполнительной власти. Когда народ в состоянии восстания, он один приказывает.

Один из документов III года показывает, как понимали санкюлоты самый механизм восстания. 11 флореаля в секции Бонне-Руж толпа мужчин и женщин после тщетной осады пустых булочных около 5 часов вечера отправилась к гражданскому комитету, «именем суверенного народа и закона» она арестовала его членов. Один из санкюлотов обратился к барабанщику секции: «Сходи за своим барабаном, чтобы дать сигнал общего сбора и объявить секцию в состоянии восстания». Другой санкюлот заявил: «Когда народ в состоянии восстания, когда его уполномоченные ему изменяют, им надо предъявить обвинение, их надо судить и наказывать немедленно». Народ в *состоянии восстания* назначил тогда четырех комиссаров, чтобы расследовать поведение установленных властей секции. Считали ли они достаточным этот акт, посредством которого они облекают своим доверием новых уполномоченных и доверяют им осуществление своей суверенной власти? Многие санкюлоты тотчас же разошлись; для них восстание закончено. Около полуночи вооруженным силам во главе с четырьмя представителями не составило никакого труда разогнать оставшихся и освободить арестованный гражданский комитет [77].

Здесь с очевидностью проявляются как сильные, так и слабые стороны народных представлений о суверенитете и о восстании. Недостаточно объявить восстание во имя прав суверена, его еще следует организовать. Недостаточно облечь новых уполномоченных народным доверием, в их распоряжении следует еще оставить вооруженную силу. События 10 августа и 31 мая служат тому доказательством; трагические дни прериаля в свою очередь свидетельствуют о том, что происходит, когда эти условия не соблюдаются.

* * *

Так выясняются пределы политической зрелости санкюлотов и руководящая роль буржуазии в революции. Санкюлоты обеспечили маневренную силу, необходимую для атаки, буржуазия же или, во всяком случае, та ее часть, которая видела спасение революции в союзе с народом, подготовила и организовала великие революционные выступления и воспользовалась их результатами. Так было 10 августа и 31 мая. Великие дни народных выступлений остаются в этом смысле буржуазными революционными выступлениями.

Могло ли быть иначе? Попытки санкюлотов выступить самостоятельно в вантозе II года, так же как и в жерминале и прериале III года, закончились трагической неудачей, ибо, действуя изолированно и опираясь только на свои силы, они были обречены на бессилие. Суть этого также в противоречии между народными действиями и объективными потребностями буржуазной революции. В области политической это противоречие проявлялось между устремлениями санкюлотов, которые понимали свои права буквально, и характерными особенностями буржуазной демократии, для которой права суверена осуществляются только во время назначения своих представителей, а затем через их посредство 13 марта 1793 года, выступая от имени Жиронды, Верньо восстал против злоупотребления *анархистами* словом *суверенитет*: «Они чуть было не погубили Республику, внушая каждой секции мысль о том, будто она является носителем суверенитета» [78].

Народная концепция суверенитета послужила для монтаньярской буржуазии оправданием восстаний 10 августа и 31 мая. Но все-таки она оказалась несовместимой с нормальным функционированием Революционного правительства и с эффективной политикой национальной обороны — противоречие, которое в объективных условиях той эпохи могло быть разрешено лишь путем подчинения парижских секций. Но это значило сломить порыв народного движения, которое привело к власти Революционное правительство и было единственной силой, поддерживавшей его. Это не могло не усугубить кризиса.

ГЛАВА IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРИЖСКИХ САНКЮЛОТОВ

1. Общие собрания секций.—2. Комитеты и должностные лица секций.—3. От народных обществ к обществам секционным

Та сила, которую парижские санкюлоты поставили на службу буржуазной революции, равно как и их собственные требования, потеряли бы всякую действенность, если бы санкюлоты не были организованы. Используя законные учреждения, созданные Учредительным собранием, но придав им новое содержание, используя революционные институты, навязанные Конвенту, выковав, наконец, из секционных обществ специфически народное орудие, вожаки санкюлотов дали революционному движению гибкую и в то же время эффективную организацию. С весны до осени 1793 года эта организация доказала свою состоятельность в борьбе против умеренных и в значительной мере облегчила установление Революционного правительства. Как только Революционное правительство укрепило свои позиции, двойственность власти, правительственной и народной, не замедлила проявиться, а вскоре обнаружилась и их несовместимость.

Пользуясь очень широкой автономией, руководимые своими комитетами, поддерживаемые своими обществами, секции смогли, действуя совместно, навязывать свою волю правительственным комитетам и Конвенту. Так было 5 сентября 1793 года. В условиях кризиса и особенно в преддверии тревожной весны 1794 года не грозило ли новое народное выступление смести Революционное правительство? Так, в период с осени до весны II года со все большей трагической остротой вставала проблема взаимоотношений между Революционным правительством и секционной демократией, которая благодаря своим организациям представлялась в революции совершенно независимой силой [1].

1. Общие собрания секций

На основании королевского указа от 13 апреля 1789 года город Париж в связи с выборами в Генеральные штаты был разделен на 60 дистриктов. По окончании выборов эти дистрикты продолжали собираться и обсуждать вопросы в постоянных общих собраниях. Так проявлялось стремление дистриктов к самоуправлению и к участию в общественных делах [2]. 30 августа в соответствии с муниципальным постановлением управление каждым дистриктом было возложено на комитет, состоявший из 16—24 человек.

Учредительное собрание, создавшее своим декретом от 14 декабря 1789 года муниципалитеты королевства, не могло допустить для Парижа существования особой организации, благоприятствующей стремлению к независимости. После долгих дебатов оно приняло декрет от 21 мая — 27 июня 1790 года, который явился муниципальной хартией Парижа. Вместо 60 дистриктов было создано 48 секций. Непрерывность заседаний дистриктов, с которой до тех пор мирились, была упразднена; секции становились избирательными округами — они собирались для выборов и, как только те заканчивались, тотчас же распускались. Однако если закон и ограничивал свободу секций собираться, то полностью это право не было ликвидировано; секции собирались и по иным поводам, не связанным с выборами, но при определенных условиях и если этого требовало не менее 50 граждан.

Собрание являлось высшим органом секции: это был «суверен в действии». В первичных собраниях граждане собирались для голосования; обсуждение происходило в общих собраниях.

Первичные собрания, составлявшие основу секций и являвшиеся самыми важными с точки зрения законодателя, собирались редко: 50 раз с 11 ноября 1791 года по 11 февраля 1794 года. Упразднение различия между «активными» и «пассивными» гражданами, проведенное секцией Французского театра 27 июля 1792 года, примеру которой тотчас же последовали другие парижские секции, изменило характер собраний: они превратились в подлинный орган народного суверенитета. Законодательное собрание, приняв декрет от 10 августа, согласно которому все граждане в возрасте 25 лет, проживающие в Париже не менее года, допускаются к выборам мировых судей, санкционировало существующее положение вещей. О том же шла речь и в декрете, принятом на следующий день: «Деление французов на активных и неактивных граждан упраздняется».

Закон от 21 мая 1790 года оговаривал, в каких условиях имеют право собираться общие собрания, однако закон не уточнял ни их продолжительности, ни того, как часто они могут собираться, ни их компетенции и цели. Если поначалу общие собрания собирались не очень часто (так, в секции Почт состоялось 50 заседаний общего собрания с 4 декабря 1790 года по 25 июля 1792 года, когда оно

стало заседать непрерывно), то все же секции широко истолковывали этот закон; они продолжали интересоваться общественными делами и вмешиваться в вопросы общей политики. Тогда Учредительное собрание дополнило закон специальным декретом от 18—22 мая 1791 года, ограничивавшим права общих собраний: они могли собираться только для решения вопросов муниципального управления. Обсуждение иных вопросов считалось противоречащим Конституции, то есть не имело силы. Таким образом, сфера деятельности секций была значительно ограничена: они превратились в простые административные районы Парижа. С 30 мая по 9 сентября 1791 года секция Почт собиралась всего 6 раз.

Война и угроза, нависшая над родиной, привели к восстановлению непрерывных заседаний общих собраний и наделили их теоретически неограниченными функциями. Хотя непрерывность заседаний была упразднена 9 сентября 1793 года одновременно с установлением вознаграждения в 40 су, однако до весны II года собрания продолжали заниматься как вопросами общей политики, так и местными делами.

Муниципальный закон 1790 года имел в виду главным образом организацию первичных собраний; он не содержал ни одного пункта, касавшегося порядка деятельности общих собраний. Этот закон устанавливал лишь, что каждое собрание после его образования должно назначить председателя и секретаря. Собрания сами определяли свою организацию. Отсутствие документов, в частности о внутреннем регламенте собраний, не позволяет дать точную картину этой организации. В 1793 году и во II году она была, по-видимому, очень проста. Собранием руководил председатель, при котором существовало бюро, и секретарь-письмоводитель для составления протоколов; счетчики занимались подсчетом голосов и определением результатов голосования; цензоры обеспечивали порядок в зале. Состав бюро обычно обновлялся каждый месяц, причем голосование происходило путем вставания или путем выкриков с мест. Этот личный состав мало менялся, небольшое число борцов делило между собой места; так, некоторые председатели общих собраний были обновлены только во II году.

Заседания начинались с чтения протокола, потом оглашались законы и декреты или постановления Коммуны. Это отнимало время и оттягивало начало обсуждения вопросов, стоявших на повестке дня, которую председатель обычно должен был составить совместно с бюро. Поэтому заседания, которые начинались по правилам в 5 часов, чтобы закончиться к 10 часам в соответствии с законом, затягивались допоздна. В секции Горы они заканчивались обычно в 11—11.30 вечера, в результате чего рабочий, согласно донесению наблюдателя Анрио, «на следующий день не поспевал вовремя в свою мастерскую». 25 вантоза II года один гражданин настойчиво требовал открытия заседаний в 5 часов, начала обсуждений — в 6, с тем чтобы собрание заканчивало свою работу к 10 часам[3]. Заседания,

по-видимому, проходили беспорядочно, если не бурно, даже тогда, когда санкюлоты были на них единственными хозяевами; им часто недоставало порядка. В секции Шалье 1 вантоза председатель общего собрания, сидя в своем кресле, выпил стакан вина, в связи с чем некоторые потребовали, чтобы он был лишен своего поста: «Выходит, что у нас тут винная лавка, так недалеко и до кабака». Некоторые заметили, что многие граждане поступили таким же образом; после часа шумихи и беспорядка снова вернулись к обсуждению вопросов повестки дня[4]. Сами помещения, в которых происходили заседания общих собраний, отнюдь не способствовали поддержанию порядка. Церкви и часовни, ставшие национальным имуществом, не подходили для подобных собраний. Секции не переставали требовать их оборудования или новых помещений.

Чтобы правильно оценить роль общих собраний в политической организации и деятельности парижских санкюлотов, надо выяснить два момента: во-первых, какое число людей присутствовало на заседаниях первичных и общих собраний, и, во-вторых, какое число из них получало вознаграждение в 40 су.

* * *

Утрата большей части протоколов общих собраний не позволяет составить хронологические таблицы, по которым можно было бы проследить в связи с ходом событий посещаемость общих собраний и вычертить кривую посещаемости. К тому же составители протоколов чаще всего не отмечали числа присутствовавших, ограничиваясь туманной общей оценкой, потому мы располагаем отрывочными и разрозненными сведениями, которые касаются в основном только выборов. Следовательно, можно получить лишь приблизительные данные: они обретают значение, если сопоставить их с числом «активных» граждан, списки которых с 1790 года составлялись весьма тщательно, или же с числом граждан, учет которых неоднократно проводился после 10 августа 1792 года.

С самого начала революции, исключая критические периоды и дни великих революционных выступлений, в политической жизни секций участвовало лишь меньшинство. В условиях цензового режима лишь небольшое число «активных» граждан присутствовало на заседаниях общих собраний, даже когда они превращались в первичные избирательные собрания. Процент посещаемости оказывается чрезвычайно низким, изменяясь в зависимости от секции и от периода в пределах от 4 до 19. Разумеется, чтобы быть возможно ближе к действительности, надо учитывать социальный состав различных секций и политический нажим, который оказывали санкюлоты на «активных» граждан. В этом смысле весьма показательно, что в трех секциях — Предместья Монмартр, Гренельского фонтана и Лувра, население которых в целом составляло примерно 12 тысяч человек, процент посещаемости общих собраний в апреле — мае

1792 года был тем более высок, что число «активных» граждан в них было невелико. В секции Предместья Монмартр, наиболее демократической по составу населения, посещаемость составляла 18% всей численности «активных» граждан, в то время как в наиболее зажиточной — в секции Лувра — она не превышала 5%. В секции Гренельского фонтана посещаемость в апреле — июле 1792 года примерно одна и та же — 7%, тогда как общее собрание секции Лувра оказывается более чутким к осложнению обстановки, его посещаемость возрастает с 5% в начале мая до 19% в конце июля — в собрание проникают «пассивные» граждане.

Чтобы составить себе верное представление о посещаемости общих собраний, надо еще учитывать повестку дня их заседаний. Выборы какого-либо должностного лица привлекают больше граждан, нежели обсуждение обычных вопросов. Важные проблемы общей политики привлекают в конце июля 1792 года как «активных», так и «пассивных» граждан. Об этом свидетельствует пример секции Лувра. Следовательно, необходимо проследить посещаемость общего собрания какой-либо определенной секции за весь период цензового режима. Возьмем, к примеру, данные для секции Арсенала и секции Почт. Посещаемость их собраний остается чрезвычайно низкой. Она несколько возрастает при важных выборах на тот или иной муниципальный пост или при назначении должностных лиц секции. В этом проявляется тяга к автономии секций. Продолжительность и сложность выборов властей Парижской коммуны надоели «активным» гражданам, как об этом свидетельствует слабое участие в февральских выборах 1792 года граждан секций Арсенала и Почт. Не менее показателен для этого отхода «активных» граждан от политической жизни и процент посещаемости (6%) собрания 23 июня 1792 года в секции Почт, несмотря на важную повестку дня, посвященную разбору поведения мэра и Парижского муниципалитета во время событий 20 июня. Чем же это вызвано: равнодушием или страхом перед народным давлением? Плохая посещаемость при цензовом режиме была доминирующей чертой политической жизни секций. Она вызывала многочисленные протесты: так, например, 21 ноября 1791 года [5] против нее протестовала секция Люксембурга. 28 декабря — секция Почт.

Появление «пассивных» граждан в секционных собраниях в июле и августе 1792 года на какой-то срок сделало их многолюдными. Однако довольно скоро посещаемость снизилась. В этом отношении кривая посещаемости заседаний собрания секции Общественного договора (бывшей секции Почт) весьма показательна. Число присутствующих возрастает в октябре — ноябре 1792 года и достигает цифры, которой оно никогда не достигало при цензовом режиме. К тому же речь идет о выборах мэра Парижа. Приток посещающих падает когда повестка дня представляется менее интересной. Если 12 ноября 1792 года присутствовало 330 человек, то 28-го при выборах одного нотабля — только 151. Сложность избирательной процедуры

и бесконечные выборы надоедают даже гражданам, бывшим до сих пор весьма усердными; наиболее робкие или наименее убежденные ретируются при обострении политической борьбы. 11 февраля 1793 года во время выборов Паша в парижскую мэрию первичное собрание насчитывало всего 194 голосовавших и еще меньше, 123 человека, 18 января при выборах простого нотабля; хотя социальный состав и изменился, число посещающих собрание снизилось, однако, до среднего уровня цензового периода. Газета «Монитёр» от 25 октября 1792 года подчеркивала в связи с голосованием в секции Французского Пантеона это слабое участие в политической жизни секций: «Каждая из 48 секций может иметь не менее 4 тысяч голосующих... случается же, что в собрании, обсуждающем тот или иной вопрос, порой присутствует 150, 100 и даже меньшее число граждан» [6]. Анонимный редактор «Монитёр» обходит молчанием важный факт: изменение социального состава общих собраний после 10 августа.

С притоком санкюлотов многие граждане — бывшие «активные» — отныне отходят от всякой политической деятельности. Среди граждан — бывших «пассивных» — после устранения опасности только меньшинство продолжает интересоваться общественными делами. Собрания просто переходят в другие руки: немногие цифровые данные, имеющиеся в протоколах, позволяют констатировать, что вступление санкюлотов в политическую жизнь незначительно изменило численный состав собраний.

По сравнению со всей массой граждан процент остается по-прежнему ничтожным. Аудитория заполняется лишь во время самых важных выборов. Так, в секции Бон-Консей число присутствующих почти удваивается с 14 по 30 ноября 1792 года: речь шла о перебаллотировке мэра Парижа. Выборы других муниципальных должностных лиц привлекают, напротив, незначительное число людей: 8 января 1793 года в секции Бонди во время выборов одного нотабля присутствовало всего 55 человек. На выборах членов наблюдательных комитетов, проходивших в марте и апреле 1793 года, присутствовало меньшинство решительных санкюлотов: 30 марта в секции Обсерватории их собралось только 94. В секции Бон-Консей на выборах полицейского комиссара 7 мая присутствовало больше граждан (328 человек), чем на выборах наблюдательного комитета 1 апреля (229 человек). Назначение временного командующего парижской национальной гвардии вместо отбывшего в Вандею Сантера, назначение, политическая важность которого в эти дни кризиса была очевидной, привлекло 22 и 26 мая на заседания общих собраний секций Единства и Лувра незначительное число людей. Что касается заседания общего собрания секции Французского театра 29 мая, то оно было относительно более многолюдным, очевидно потому, что на повестке дня стояли перевыборы бюро — секционные дела зачастую интересовали санкюлотов больше, чем общеполитические вопросы. Следует ли из этого, что во время майского кризиса 1793 года

мобилизация народных сил шла медленно? Здесь необходимо учитывать социальные и политические особенности каждой секции, ибо от них зависела быстрота реакции. В этом отношении показателен пример секции Май: 23 апреля 1793 года во время перевыборов бюро на общем собрании присутствовало всего 83 человека, а 23 мая при назначении временного командующего их было 252 [7].

После 2 июня политическая жизнь секций сосредоточивается в руках все более определенного в социальном отношении меньшинства. Умеренных все более и более устраняют. Среди санкюлотов лишь меньшинство посещает заседания собраний и еще более узкий круг — народные или секционные общества. Однако общие собрания посещались чаще, чем при цензовом режиме, даже чаще, чем в период с 10 августа по 31 мая, когда санкюлоты и умеренные противостояли друг другу. Став отныне единственными хозяевами собрания, санкюлоты почувствовали себя там лучше. Присутствие на заседаниях становится в значительной мере свидетельством сознания гражданского долга: вознаграждение в 40 су привлекает если и не всех трудящихся, то по крайней мере некоторых из них, самых бедных [8].

Согласно данным за период со 2 июня до 9 термидора, которые можно почерпнуть в разрозненных документах, число посещавших секционные собрания было особенно высоким во время выборов командующего парижской национальной гвардии во второй половине июня 1793 года: в борьбе между умеренными и санкюлотами это была важная ставка. Интерес, естественно, возрос в секции Санкюлотов, бывшей секцией Анрио (19 июня на собрании присутствовало 678 человек), и в секции Бютт-де-Мулен, к которой принадлежал Раффе (во время трех голосований 16, 18 и 27 июня число присутствовавших соответственно возрастало — 780, 824 и 1215 граждан) [9]. Во II году самый большой приток граждан наблюдался 10 вантоза, когда на заседании общего собрания секции Бон-Консей присутствовало 900 человек, что объяснялось важностью политических дебатов, которые волновали секцию; Люлье в этот день отвечал на обвинения Маршана. Выборы на военные должности всегда привлекали больше присутствующих, чем выборы гражданских должностных лиц. В секции Брута 15 жерминаля II года на перевыборах бюро присутствовало всего 100 голосующих, а 15 флореаля при назначении командующего войсками секции присутствовало 430 человек [10]. Обязанные нести службу в национальной гвардии, рассматривая военную службу как право, а не как обязанность, санкюлоты явно придавали большое значение выборам своих офицеров.

Скудная документация не позволяет определить, исходя из посещаемости заседаний общих собраний, степень охлаждения санкюлотов к Революционному правительству после жерминаля и казни Эбера и Шометта. Редкие данные, которые можно почерпнуть тут или там, как будто указывают на то, что посещаемость осталась примерно на том же уровне, она более высокая во время выборов на военные должности и более низкая при назначении гражданских должностных лиц, что бывало довольно редко, поскольку немногие из этих постов еще оставались в компетенции собраний. Интерес к выборам сохранился, но каковы были теперь собрания?

После термидора социальный и политический состав общих собраний вновь изменился. Санкюлоты были постепенно устранены, посещаемость сократилась. 30 фримера III года на заседании общего собрания секции Единства присутствовало всего 40 человек [11]: в 1791 году она насчитывала 2653 «активных» гражданина! 20 жерминаля на выборах благотворительного комитета секции Инвалидов присутствовало 69 граждан [12], тогда как во II году секция насчитывала 2440 голосовавших. Если в конце III года после длительного перерыва в выборах «порядочные люди», освободившись от санкюлотов, толпами возвращаются в первичные собрания, то при оценке этого явления не следует забывать условий голосования: в секции Арси оно производилось с семи часов утра до десяти часов вечера и продолжалось три дня [13]. Начиналось господство нотаблей.

* * *

Какой процент народного меньшинства, посещавшего общие собрания во II году, пользовался возмещением в 40 су? Иначе говоря, в какой мере участвовали трудящиеся во II году в политической жизни секций?

5 сентября 1793 года Дантон потребовал, чтобы заседания общих собраний были сведены до двух раз в неделю и «чтобы все санкюлоты могли присутствовать на этих собраниях, они будут получать возмещение за то рабочее время, которое у них отнимут эти заседания»; в связи с этим Конвент принял декрет о том, что «бедные граждане» имеют право на возмещение в 40 су за одно заседание. 9 сентября Барер внес на рассмотрение правила применения этого декрета. В соответствии со статьей II «граждане, которые не имеют других источников существования, кроме повседневного личного труда, могут требовать возмещения в 40 су за одно заседание». Комиссары, назначенные секциями, говорится в статье IV, будут удостоверять «нуждаемость граждан, означенных в статье II», и подтверждать их присутствие на общих собраниях [14].

Однако с самого же начала в отношении этой важной меры существовала определенная неясность. Шла ли речь о возмещении рабочим, присутствовавшим на общих собраниях, потери их заработка? Дантон утверждал именно это. Но в принципиальном решении от 5 сентября упоминаются только «бедные граждане». Шла ли, таким образом, речь просто о помощи неимущим санкюлотам? Высказывания Барера, докладчика по декрету от 9 сентября, по-видимому, дают основание думать именно так: он напомнил о принципе, одобренном за четыре дня до того, согласно которому «любой гражданин, который живет лишь трудом своих рук, должен иметь право,

если его *нуждаемость будет установлена*, на получение возмещения». Статья IV повторяет это же выражение: комиссары секций будут удостоверять *нуждаемость* лиц, имеющих право на возмещение. И наконец, статья II утверждала совершенно четко: возмещение не будет выплачиваться автоматически всем гражданам, «которые не имеют других источников существования, кроме повседневного личного труда»; они лишь *могут* такое возмещение потребовать. Правила применения декрета очень ограничивали значение меры, предложенной Дантоном; они имели в виду не столько наемных рабочих, сколько неимущих граждан. Такое ограничительное толкование усугублялось еще и презрением, с которым относились высшие слои санкюлотов и некоторые секции к возмещению в 40 су и к тем, кто этим возмещением пользовался. Согласно донесению наблюдателя Перьера от 14 вантоза II года, граждане секции Санкюлотов постоянно отказывались от возмещения, «не желая, чтобы их называли патриотами 40 су» [15].

Правила применения декрета, принятые секциями, зачастую отражают то же самое умонастроение. Статья IV декрета от 9 сентября указывала, что секции должны назначать комиссии для составления списка лиц, пользующихся возмещением, и для учета посещения ими общих собраний. 25 сентября 1793 года общее собрание секции Гравилье принимает соответствующие правила. Гражданин, «имеющий право на возмещение и желающий таковым воспользоваться», должен получить от капитана своей роты «свидетельство, которое бы подтверждало, что он действительно не имеет иных источников существования, кроме повседневного личного труда». Комитет из 8 комиссаров должен составить общий список и проверить его, причем любой гражданин, получивший отказ в возмещении, может апеллировать к общему собранию, которое и вынесет окончательное решение. Пользующиеся возмещением получают красную карточку с печатью комитета возмещений — подлинный дискриминационный знак. Тщательно разработанные правила уточняют «средства установления непрерывного присутствия» на заседаниях: два комиссара проверяют удостоверения личности при входе в зал заседаний; в шесть часов, через час после начала собрания, список присутствующих закрывается; отсутствие в течение более получаса лишает права на возмещение [16]. Эти правила, принятые 25 сентября после устранения Жака Ру и его сторонников, отражают скрытую враждебность к гражданам, которые вскоре получат прозвище «*сорока су*». Ни один документ не дает возможности точно определить их процент в секции Гравилье и уточнить, таким образом, как интерпретировали комиссары закон от 9 сентября: выплачивали ли они возмещение наемным рабочим (тем, которые действительно жили исключительно повседневным личным трудом, употребляя выражение, фигурировавшее в декрете) или только неимущим, бедным гражданам?

Каковы бы ни были ограничения, вносимые обычно секционными правилами, до термидора возмещение оставалось объектом самых

острых нападок и способствовало углублению социального антагонизма среди санкюлотов. Если трудящиеся настойчиво требовали выплаты возмещения даже за чрезвычайные заседания общих собраний, то имущие граждане зачастую рассматривали их как граждан низшего сорта. Когда 17 жерминаля комиссары по делам обмундирования секции Пуассоньер были исключены из народного общества, один из них заявил протест: «Так как общее собрание было очень малочисленным и состояло сплошь из «людей 40 су», то его решения не имеют законной силы» [17]. Заявление это весьма показательно для враждебного отношения человека имущего к простому труженику, вместе с тем оно отражает устойчивость прежнего деления между «активными» и «пассивными» гражданами.

Во многих собраниях «люди 40 су» вскоре образовали партию, на которую опирались передовые патриоты (например, Моморо в секции Марата). В секции Сплочения некий Дидо, вступив в конфликт с революционным комитетом, который подчинил себе общее собрание, явно опирался на «людей 40 су»; 5 вантоза, собрав рабочих, которым было отказано в выплате возмещения, он убеждал их требовать свои 40 су. Арестованный 9 вантоза, он заявил, что «его арестовали за то, что он взял сторону народа и поддержал людей, получавших эти самые 40 су», между тем революционный комитет обвинял его в создании своей партии [18]. Согласно донесению наблюдателя Жаруссо, вокруг решений о выплате сорока су возникали всевозможные интриги [19]. Получавшие возмещение часто составляли как бы маневренную массу, которую соперничающие группы оспаривали друг у друга. Так было в секции Ломбар, власти которой, по свидетельству наблюдателя Пурвуаера от 17 нивоза, отказывались выплачивать возмещение неимущим гражданам, но предоставляли его тем, кто был им предан [20].

Под предлогом того, что выплата возмещения вызывала постоянные споры и служила объектом злоупотреблений, имущие требовали ее отмены, ссылаясь на огромные расходы, с которыми она сопряжена. Зачем же платить 40 су в последний день декады, когда рабочие в этот день не работают? — вопрошал 1 нивоза наблюдатель Мерсье [21]. Перьер отмечает 14 вантоза, что «люди, явно заинтересованные в устранении из общих собраний этого важного класса естественных сторонников подлинно народной революции, пытаются лишить этих плохо обеспеченных граждан скромной суммы, посредством которой неизменно справедливый и гуманный Конвент пожелал возместить часть затраченного ими драгоценного времени» [22]. Так в вопросе о выплате возмещения в 40 су выкристаллизовывалась противоположность между народной революцией и революцией буржуазной. Конвент принял 9 сентября соответствующий декрет не столько из чувства гуманности, сколько для того, чтобы добиться согласия на отмену непрерывности заседаний секций. Когда заходила речь о применении этого декрета, секционные власти, как правило принадлежавшие к высшим слоям санкюлотов, значительно сужи-

вали сферу его действия, а то и открыто препятствовали выплате возмещения. Правительственные власти стали вмешиваться лишь после жерминаля, когда народное движение уже удалось обуздать.

27 флореаля секция Неделимости снова подняла в Генеральном совете Коммуны вопрос о злоупотреблениях, связанных с выплатой 40 су: «Благодетельный закон не должен оборачиваться на пользу людей беспечных или алчных» [23]. Эти соображения были направлены в Комитет общественного спасения. Комитет предложил ограничительное толкование закона от 9 сентября: речь шла уже не о выплате возмещения рабочим за время, потраченное ими на посещение общих собраний, а лишь о помощи неимущим. В этой области концепции якобинской диктатуры также господствовали над концепциями санкюлотской демократии. 7 мессидора по распоряжению Комитета общественного спасения Комитет общественной помощи направил парижским секциям циркуляр «относительно злоупотреблений, которые допускают многие граждане в отношении права присутствия на общих собраниях своих секций, получая положенные в этих случаях 40 су, хотя они не принадлежат к неимущим и не присутствуют на собраниях, где они появляются лишь на минуту, чтобы получить возмещение». Циркуляр настаивал на этом ограничительном толковании декрета от 9 сентября: возмещение полагается лишь *бедным патриотам*, ибо это «помощь, которую родина оказывает только неимущим» [24].

Во исполнение упомянутого циркуляра секции пересмотрели списки лиц, получающих возмещение, многие санкюлоты были из них исключены; это явилось для них еще одной причиной для недовольства Революционным правительством. К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством документов, чтобы точно определить число лиц, ставших жертвой этой чистки, и, следовательно, масштабы недовольства, которое она вызвала. В секции Республики некий Рошери был арестован 5 термидора за то, что он взбудоражил общее собрание: он протестовал против своего исключения из списков получающих 40 су [25]. Общее собрание секции Мезон-Коммюн, принявшее 30 прериаля весьма строгий регламент, 10 мессидора назначило 12 комиссаров для проведения в жизнь циркуляра от 7 числа. Их доклад, представленный 15 термидора, разоблачает злоупотребления, «которые ведут не более не менее как к подрыву нашей славной революции, разбазаривая под видом выплаты возмещения часть наших средств, хотя эти средства предназначены только защитникам отечества, их нуждающимся семьям и неимущим республиканцам». В заключение говорилось: «Республика не нуждается в платных сторонниках». Комиссия исключила из числа получающих 40 су 104 санкюлотов, оставив в списке всего 91 человека, лиц безусловно неимущих [26].

К этому времени санкюлотская демократия была уже обречена. 4 фрюктидора Бурдон из Уазы осудил «роковой декрет о выплате 40 су», подчеркнув, что именно *промежуточный* класс (то есть класс, стоящий между аристократией и санкюлотами, иными словами, буржуазия) позволил Конвенту восторжествовать в ночь с 9 на 10 термидора. Камбон в свою очередь ополчился против злоупотреблений, связанных с выплатой возмещения. И выплата была отменена [27].

Какие бы изменения ни претерпела выплата 40 су и как бы ограничительно ни истолковывали порядок применения закона от 9 сентября, важно было бы уточнить для каждой парижской секции, какое именно число граждан получало денежное возмещение; это позволило бы попытаться выяснить, в какой мере трудящиеся влияли на политическую жизнь секций. Однако документы на этот счет весьма отрывочны. Закон от 13 фримера III года обязывал все власти и агентов-счетоводов подсчитать все суммы, полученные с начала революции, с этой целью в каждой секции были назначены комиссары. Большая часть этих общих подсчетов, к сожалению, утрачена. Найдены лишь подсчеты секции Французского театра и секции Мон-Блан. Вместе с некоторыми другими документами они свидетельствуют о том, что процент получавших возмещение был очень невелик по сравнению с общим числом граждан.

11 сентября, по свидетельству наблюдателя Беро, в секции Тампля 40 су получали *немногим больше пятидесяти граждан* [28] — цифра поразительно малая, если учесть, что 6 июня 1791 года в секции числилось 1662 «активных» гражданина и 2950 голосовавших во II году и что в жерминале II года она насчитывала 1340 неимущих [29]. То же соотношение наблюдалось повсеместно.

2. Комитеты и должностные лица секций

Посещавшиеся во II году убежденным меньшинством, которое рассматривало «людей 40 су» почти как граждан низшего сорта, общие собрания, являвшиеся теоретически суверенным органом секции, были бы обречены на бессилие, если бы в их распоряжении не было исполнительных органов для обеспечения непрерывности их функционирования.

В соответствии с законом секции являлись не только избирательными округами. Они представляли собой административные районы Парижской коммуны. В качестве таковых они имели исполнительные органы, чиновников и выборные комитеты. Во главе каждой секции стоял комитет, предусмотренный законом от 21 мая 1790 года и служивший посредником между муниципалитетом и общим собранием секции. Этот закон предусматривал также для каждой секции полицейского комиссара и его секретаря-письмоводителя. Когда по закону от 25 августа — 29 сентября 1790 года в городе Париже были созданы трибуналы, каждая секция получила мирового судью и заседателей. В дальнейшем по мере необходимости к этим основным органам добавились специальные комитеты. Когда закон от 19—

21 августа 1792 года узаконил новую организацию национальной гвардии, созданную в результате восстания 10 августа, появились военные комитеты; во исполнение закона от 21 марта 1793 года были учреждены революционные комитеты; после принятия закона от 28 марта 1793 года возникли благотворительные комитеты; во II году были учреждены комиссии по добыче селитры; весной 1794 года появились даже сельскохозяйственные комитеты. В какой мере эти органы обеспечивали осуществление подлинной автономии секций? В какой мере также благодаря этим органам народные вожаки могли приобщиться к административным вопросам и участвовать во II году в политической жизни?

* * *

По закону от 21 мая 1790 года гражданские комитеты являлись одновременно органами, выполняющими административные постановления, и органами, информирующими муниципалитет о состоянии дел в их округе; они осуществляли функции наблюдения и помогали полицейским комиссарам. Призванные следить за исполнением ордонансов, постановлений или решений, они, кроме того, должны были давать муниципалитету, Генеральному совету, а также мэру и прокурору Коммуны или его заместителям все разъяснения и сообщения, которых они потребуют.

10 августа деятельность Коммуны была прервана, а 11 числа была прервана деятельность гражданских комитетов, созданных при цензовом режиме. 15 августа новая Коммуна установила новый порядок избрания этих комитетов общими собраниями. Состоявшие из 16 членов, которые избирали из своей среды председателя и секретаря, сменяемых через каждые две недели, гражданские комитеты были вновь облечены всеми своими прежними прерогативами. Но в связи с тем, что секции стали заседать непрерывно, комитеты утратили свое значение и оказались в большей или меньшей степени под контролем общих собраний, весьма ревниво отстаивавших свои суверенные права. Они издавали регламенты, имевшие целью держать комитеты в тесной зависимости от воли собрания. Так поступила 30 сентября 1792 года секция Республики и 13 октября секция Гравилье. В соответствии с постановлением общего собрания секции Гравилье гражданские комиссары могли быть отозваны по ее желанию; «уполномоченные общего собрания, они получают его приказы и обязаны их выполнять». Комитет не имел права принимать решения без ведома общего собрания, которому одному принадлежало это право; комитет не мог принимать даже временных решений; «его задача — заниматься административными вопросами». Регламент тщательно определяет порядок ведения реестров, архивных дел и контроля за ними. Раз в неделю комитет обязан отчитываться перед общим собранием [30]. Все это должно было гарантировать права суверена и автономию секций.

Гражданские комитеты, как и все исполнительные органы, назначение которых находилось в ведении секций, оказались в двойственном положении. Избиравшиеся общими собраниями секций, они являлись их представителями и их уполномоченными. В качестве же административных органов они зависели от Коммуны, чьи постановления они обязаны были выполнять даже вопреки воле общего собрания. Перегруженные делами, осмотрительно ограничиваясь своими административными функциями, гражданские комитеты не вступали в конфликт с общими собраниями: в 1793 году, как и во II году, они почти не вмешивались в общеполитические дела; в частности, 31 мая они тоже оставались в стороне. Поэтому в этот день революционные комитеты отодвинули их на второй план: до 7 фрюктидора II года они играли лишь подчиненную роль, с той, однако, оговоркой, что в критических обстоятельствах, например 9 термидора, гражданские и революционные комитеты заседали сообща.

Во II году гражданские комитеты занимались главным образом вопросами продовольствия и оказания вспомоществования — область деятельности, где функции гражданских комитетов и благотворительных комитетов никогда не были четко разграничены. Распределение хлеба и мяса особенно требовало тщательного наблюдения со стороны гражданских комиссаров, и этому они уделяли очень большое внимание, о чем свидетельствуют некоторые постановления, к примеру, постановления, принятые 27 июля и 15 сентября 1793 года секциями Мезон-Коммюн и Мон-Блан [31]. Часто, несмотря на усердие комиссаров, их усилий оказывалось недостаточно: 25 вантоза II года комитет секции Инвалидов обратился к общему собранию с просьбой выделить ему дополнительно шесть помощников [32].

Самоотверженность гражданских комиссаров тем более заслуживает похвалы, что до весны 1794 года они не получали никакого вознаграждения. Муниципальное постановление от 18 января 1791 года предоставило каждому комитету 1200 ливров в год, но они предназначались на расходы бюро. Эта сумма была сочтена недостаточной и вызвала множество протестов. После того как секции стали заседать непрерывно, эти ассигнования оказались и вовсе смехотворными. Это было признано и Коммуной, которая 2 апреля 1793 года выделила каждой секции по 3 тысячи ливров на погашение задолженности, которая могла образоваться у комитетов за период после 10 августа [33]. Сумма, ассигнованная каждому комитету, была увеличена с 1 января до 1500 ливров в год, а постановлением Коммуны от 25 апреля 1793 года она была доведена до 1900 ливров, причем до тех пор, «пока заседания будут происходить непрерывно»[34]. Эти меры не могли удовлетворить гражданских комиссаров, тем более недовольных, что члены революционных комитетов с 5 сентября 1793 года получали три ливра, а с 8 ноября — пять. Вопрос этот был важный; один из членов Генерального совета 11 сентября подчеркнул его политическое значение. Он потребовал, «чтобы санкюлоты, которые будут служить в гражданских комитетах, впредь

получали вознаграждение и жалованье. Так как человек не может питаться одним воздухом, сказал он, то без принятия упомянутой меры исключительное право занимать эти посты окажется в руках тех, кто носит парик, — у бывших адвокатов, нотариусов, прокуроров, чья гражданская благонадежность по меньшей мере вызывает подозрение» [35]. Общие собрания, которые отныне были санкюлотизированы, в свою очередь, пришли в движение. По инициативе общего собрания секции Обсерватории 26 секций потребовали 22 брюмера от Конвента, чтобы гражданские комиссары получали такое же вознаграждение, что и революционные комиссары: «Вы что, хотите, чтобы в комитетах заседали только богачи и торговцы, чтобы добродетельный бедняк был из них изгнан?» [36] Конвент счел себя тем более вправе отклонить эти петиции, что секции не были единодушны. Когда 10 плювиоза секция Обсерватории предприняла новую попытку в этом направлении, секция Горы заявила по поводу ее проекта петиции: «Настоящий санкюлот, если он предан общественным интересам, всегда найдет поддержку у своих братьев, у добрых граждан» [37]. Секция Горы (бывшая секция Бютт-де-Мулен) была одной из наименее демократических. Шестого флореаля Конвент тем не менее уступил и предоставил гражданским комиссарам вознаграждение в размере трех ливров в день в виде возмещения «за то время, что они вынуждены тратить на общественные дела» [38].

Эта мера была запоздалой и, несмотря на то что этот декрет имел обратную силу, не могла изменить состава гражданских комитетов. Большинство действовавших в то время комиссаров было назначено в августе или сентябре 1792 года; какой санкюлот мог в те дни существовать без жалованья? Этим и объясняется, что члены гражданских комитетов рекрутировались среди высших слоев мелкой буржуазии. Среди них было много торговцев и ремесленников, отошедших от дел, мелких рантье и лиц свободных профессий. Из всех секционных органов гражданские комитеты были наименее демократичными по своему составу.

Гражданские комитеты проделали ту же эволюцию, что и все другие институты, которые являлись воплощением секционной автономии. Поначалу уполномоченные своих сограждан, комиссары по мере упрочения Революционного правительства превращаются в простых чиновников, сперва назначаемых под контролем правительственных комитетов, а затем состоящих на жалованье у муниципалитета. Эта эволюция, на первых порах едва заметная, усилилась весной 1794 года и завершилась после падения Революционного правительства. Если закон от 7 фрюктидора II года, сокративший число революционных комитетов до двенадцати, вернул былое значение гражданским комитетам, если они даже получили ряд новых прерогатив, то 28 вандемьера III года Конвент постановил, что в каждой секции должно быть не более 12 комиссаров, что одна четверть их должна обновляться через каждые три месяца Законодательным комитетом. Подчиненные таким образом гражданские

комитеты просуществовали еще один год: они были упразднены законом от 19 вандемьера IV года. Так исчезали последние остатки секционной автономии.

* * *

В системе муниципальной организации цензового периода двумя главными чиновниками секции наряду с гражданским комитетом были полицейский комиссар и мировой судья. Они существовали все еще во II году; но и здесь упрочение Революционного правительства привело к изменению характера этого института.

В соответствии с муниципальным законом от 21 мая 1790 года каждая секция назначала полицейского комиссара сроком на 2 года из числа граждан округа с правом его переизбрания; на заседаниях гражданского комитета полицейский комиссар пользовался совещательным голосом. Полномочия его были велики: при наличии подписи одного из гражданских комиссаров он мог отправить в тюрьму лиц, задержанных на месте преступления. В его подчинении находился секретарь-письмоводитель, избиравшийся, как и он, сроком на 2 года и постоянно переизбираемый; этот чиновник вел записи на заседаниях гражданского комитета, составлял протоколы, снимал копии, делал выписки, отправлял корреспонденцию и следил за реестрами комитета и комиссариата. Коммуна 10 августа упразднила полицейских комиссаров; полномочия вновь избранных комиссаров (на основании декрета от 19 сентября 1792 года) были подтверждены. Состав их стал более демократичным; годовое жалованье в 3 тысячи ливров для полицейских комиссаров и 1800 ливров для секретарей-письмоводителей дало возможность санкюлотам занять эти должности. Однако к осени 1793 года их значение падает, они становятся помощниками революционных комитетов.

Мировые судьи и заседатели были учреждены в парижских секциях на основании закона от 25 августа — 29 сентября 1790 года об организации парижских трибуналов. В их компетенцию входили все личные споры и дела, связанные с движимым имуществом, не превышающим 50 ливров, а в случае апелляции — размером до 100 ливров. Они же занимались делами о нанесении ущерба, о праве владения, о ремонте, производимом за счет квартиронанимателя, о выплате жалованья, о выполнении взаимных обязательств хозяевами и их служащими, наконец, делами о нанесении оскорблений или о насильственных действиях, по поводу которых стороны не обратились в уголовный суд. Мировые судьи избирались сроком на два года и могли быть переизбраны, и именно в связи с их выборами Законодательное собрание упразднило 10 августа 1792 года различие между «активными» и «пассивными» гражданами. 15 августа Коммуна изменила порядок их избрания: отныне секционные комитеты должны были состоять из 18 членов, и два кандидата, собравшие большинство голосов, избирались: первый — мировым судьей, вто-

рой — секретарем-письмоводителем. Шесть кандидатов, набравшие после назначения 16 комиссаров максимум голосов, становились заседателями.

* * *

Из всех народных институтов, порожденных революцией и развивавшихся вместе с ней, революционные комитеты более других символизировали если и не секционную автономию, то по крайней мере народную власть.

После 10 августа 1792 года, следуя примеру или указанию Коммуны и ее наблюдательного комитета, ряд секций создал настоящие революционные наблюдательные комитеты, предвосхитившие комитеты, созданные в соответствии с законом от 21 марта 1793 года. Так, 11 августа 1792 года был создан комитет в секции Французского театра [39]. Секция Друзей отечества назначила комитет из 14 членов [40]. 21 августа секция Почт избрала комитет из 12 человек [41]. В соответствии с указаниями Коммуны на эти комитеты в первую очередь возлагалась задача проверки и наблюдения за подозрительными.

В марте 1793 года в связи с возросшей угрозой возникла необходимость в создании новых комитетов. 13 марта общее собрание секции Круа-Руж образовало *революционный комитет* из 7 человек, уполномоченных принимать разоблачительные заявления и проводить домашние обыски у лиц, на которых поступил донос. Комитет общественной безопасности, созданный на следующий день после 10 августа, был упразднен; новый комитет не подчинялся более Коммуне и действовал самостоятельно [42]. Конвент узаконил новый институт, который начал приобретать общее распространение: закон от 21 марта 1793 года учредил во всех коммунах или секциях коммун комитеты из 12 человек. Однако функции их были крайне ограниченны: закон предоставил им лишь право наблюдения за иностранцами.

Вскоре компетенция новых комитетов была расширена. Созданные в конце марта или в начале апреля в обстановке бурных событий, состоящие чаще всего из испытанных санкюлотов, они очень скоро превратились в органы борьбы против умеренных. 1 апреля 1793 года общее собрание секции Французского Пантеона *временно* предоставило своему революционному комитету «неограниченные и необходимые полномочия, дабы он позаботился о спасении родины и общей безопасности граждан» [43]. В ответ на просьбу секции Люксембурга от 30 марта дать разъяснения относительно функций комитетов Коммуна ответила циркуляром от 4 апреля и попыталась координировать их деятельность. В то же время она расширила функции комитетов. Отныне они стали заниматься не только наблюдением за иностранцами, но и выдачей свидетельств о гражданской благонадежности, проверкой документов военных, они имели право подвергать последних аресту, если их документы оказывались не в порядке, а также

арестовывать всех граждан, не носивших кокарды [44]. Это значительно превысило те права, которые были им предоставлены законом от 21 марта.

Закон от 17 сентября 1793 года лишь зафиксировал полномочия, которые фактически уже были присвоены комитетам: им поручалось составлять списки подозрительных лиц, выдавать ордер на их арест и опечатывать их бумаги. Очень широкое толкование, даваемое Коммуной понятию «подозрительный», значительно расширило полномочия комитетов: освободившись уже от опеки общих собраний, избавляясь постепенно от опеки Коммуны, они пытались теперь контролировать всю жизнь секций. В противовес народным тенденциям к автономии комитеты становились действенным орудием революционной централизации.

Вознаграждение, предоставленное комиссарам, являлось одним из средств, с помощью которых правительственные комитеты изменили характер этого института и в конце концов поставили его под свой контроль. Если расходы секретариата были предусмотрены, то комиссары в первые месяцы исполняли свои обязанности бесплатно. 27 апреля 1793 года делегаты секций собрались в секции Общественного договора, чтобы потребовать вознаграждения [45]; такая мера была необходима для обеспечения нормальной деятельности комитетов и для демократизации их состава. Это требование было удовлетворено лишь после 2 июня: 12 июля Комитет общественного спасения Парижского департамента предоставил революционным комиссарам жалованье в размере 3 ливров в день. 7 августа Комитет общественного спасения передал с этой целью в распоряжение мэра Парижа 30 тысяч ливров [46]. 5 сентября Конвент узаконил эту меру. 18 брюмера II года их вознаграждение было увеличено до 5 ливров в день. Денежное вознаграждение революционных комиссаров изменило их функции. Избиравшиеся до сих пор общими собраниями, они выступали как уполномоченные секций, независимые от административных властей. Теперь же они становились оплачиваемыми чиновниками, находящимися под контролем Коммуны: 5 сентября, предоставив комиссарам вознаграждение в 3 ливра, Конвент вместе с тем распорядился, чтобы комиссары подверглись чистке со стороны Генерального совета, которому было предоставлено право отзывать их со своих постов и замещать другими. Закон о подозрительных, принятый 17 сентября, увеличил эту зависимость, несколько изменив ее: отныне комитеты были непосредственно связаны с Комитетом общественной безопасности, ускользая, таким образом, из-под контроля Коммуны. Паш подчеркнул неудобства этого положения в своем циркуляре от 27 брюмера II года, адресованном комитетам; если в том, что касается ареста подозрительных лиц, они должны согласовывать свои действия лишь с Комитетом общественной безопасности, то было бы полезно, чтобы Коммуна была в курсе всей их другой деятельности [47]. Муниципальные власти попытались восстановить утраченное ими влияние: Шометт созвал на 14

фримера всех членов комитетов, но эта попытка окончилась полной неудачей.

Шестого плювиоза II года комитет секции Финистера направил одного из своих комиссаров в Комитет общественной безопасности, чтобы получить инструкции о порядке замещения комиссаров в связи с тем, что один из них подал в отставку. Комитет обратился за консультацией к Комитету общественного спасения, от которого разъяснений не последовало. Тогда комитет секции Финистера обратился к этому последнему непосредственно. Ответ гласил, что назначение комиссаров следует доверять не общим собраниям, в которых часто одерживают верх «тартюфы от революции», а самим комитетам, более прозорливым, а за Коммуной сохранить право отвода [48]. В итоге пришли к кооптации; действительно, 22 плювиоза комитет секции Пик попросил подтвердить назначение им двух новых комиссаров [49]. Однако очень скоро эти назначения от революционных комитетов перешли в руки правительственных властей. В плювиозе Комитет общественного спасения не высказался, чтобы не нарушать прерогативы Комитета общественной безопасности. В результате кризиса в вантозе Комитет упрочил свои позиции: 9 жерминаля оба комитета на совместном заседании назначили новый комитет секции Марата, проведя его чистку [50]. В прериале Комитет общественного спасения присвоил себе назначение комиссаров, бывшее настоящим яблоком раздора между двумя правительственными комитетами, в то время как общие собрания секций не переставали протестовать против этого ущемления их суверенных прав [51].

Революционные комитеты, составлявшие одно из главных орудий якобинской диктатуры, после 9 термидора перестали существовать — закон от 7 фрюктидора II года заменил их 12 окружными наблюдательными комитетами, каждый из которых имел в своем ведении 4 секции; Комитет общественной безопасности был уполномочен назначить новые комитеты, которые оставались в его непосредственной зависимости. Требование уметь читать и писать, предъявлявшееся к членам комитета, решительно исключало из их состава самых бедных санкюлотов [52].

По своему составу революционные комитеты, особенно после чистки, произведенной Генеральным советом Коммуны, являлись наиболее демократичными из всех секционных органов. Гражданские комитеты, члены которых получили денежное вознаграждение только после 6 флореаля II года, рекрутировались среди зажиточных слоев санкюлотов; революционные же комитеты, члены которых стали получать денежное вознаграждение с июля 1793 года и которые играли в основном политическую роль, состояли, как правило, из решительных санкюлотов, занимавших более скромное положение, а иногда и вовсе бедных. Они видели в своей деятельности не только средство служения республике, но подчас и возможность улучшить свое материальное положение и подняться по социальной лестнице.

* * *

Секционные институты, как гражданские, так и военные, возникли с самого начала революции, а цензовая система предопределила их первоначальную форму. Очень скоро они начали видоизменяться, сначала под влиянием тяги к местной автономии, которая была присуща тем, кто пользовался преимуществами этой системы, а затем под давлением народных сил, требовавших своей доли власти. Таким образом, секционные органы развивались по мере развития самой революции, стремясь ко все более явной автономии и принимая все более и более народный характер. По сравнению с государственными учреждениями и органами центральной власти они проявляли несомненную революционную энергию. Ни 10 августа, ни 31 мая не были бы возможны без той организации и тех сил, которые были предоставлены секциями в распоряжение повстанческих комитетов. Рожденные революцией, секционные органы содействовали ее успехам и сами укреплялись в результате этих успехов. Вскоре они захирели и в конце концов оказались под контролем того самого Революционного правительства, приходу к власти которого они же способствовали.

Дело в том, что секционные органы подтачивало двойное противоречие, делавшее их гибель неизбежной. Как согласовать народное стремление к местной автономии с усилением центральной власти и требованиями якобинской диктатуры? Более того, может ли буржуазия, после того как опасность контрреволюции устранена, смириться с органами, являющимися воплощением революционного порыва санкюлотов и сохраняющими бесспорный народный характер? Секционные институты исчезли после 9 термидора, сметенные реакцией; но они были обречены на гибель уже с упрочением Революционного правительства.

3. От народных обществ к обществам секционным

После упразднения непрерывности заседаний общих собраний, когда над секционными комитетами была установлена опека, вожаки санкюлотов, стремящиеся к автономии своих организаций и недовольные контролем Революционного правительства, использовали в своих интересах старый институт: они преобразовали народные общества в секционные или создали новые общества. Парижские народные общества с 1791 года играли выдающуюся роль в ходе революции [53]. Во II году секционные общества выступают как низовая организация народного движения, через их посредство вожаки санкюлотов направляют политику секций, контролируют административные органы, подталкивают муниципальные и правительственные власти.

Если умеренные стремились ограничить задачи общества чисто воспитательной ролью, то патриоты с самого же начала ставили перед ними политическую цель. Во время больших дебатов, развернувшихся в Учредительном собрании в сентябре 1791 года, смысл которых сводился к тому, чтобы запретить обществам какую бы то ни было политическую деятельность [54], Бриссо и Робеспьер единым фронтом выступили против такого ограничения. С точки зрения Бриссо, перед народными обществами стоят три задачи: «обсуждение законов, которые должны быть приняты, ознакомление с изданными законами, наблюдение за всеми общественными должностными лицами» [55]. По мнению Робеспьера, они должны следить за тем, чтобы не нарушались права нации [56]. Между тем Марат с его обостренным чутьем политической необходимости 7 февраля 1791 года писал в «Ами дю пёпль» о той роли, которую будут играть секционные общества во II году: народные клубы не удовольствуются лишь воспитательной ролью; патриоты каждой секции будут обсуждать в них постановления, представляемые на рассмотрение общих собраний; «таким образом, члены клубов смогут представить собраниям своих секций зрелые и продуманные суждения, и лучшие граждане не позволят более торговцам словом оглушать себя пустой болтовней»; кроме того, народные общества будут наблюдать за общественными должностными лицами вплоть до правительственных органов.

Если 10 августа 1792 года старейшее из братских обществ, заседавшее в библиотеке якобинцев (ул. Сент-Оноре), поставило перед обществами еще и задачу заниматься вопросами образования, то патриотическое общество секции Нового моста намеревалось 6 июня 1792 года создать орган контроля и наблюдения; сами события побуждали общества принимать активное участие в политической жизни. Кризис весны 1793 года сыграл в этом отношении решающую роль. Согласно декларации от 18 апреля, народно-патриотическое общество секции Май не собиралось ограничиться «пресечением интриг, преследованием злонамеренных лиц, разоблачением всяческих козней, поощрением гражданского рвения, пробуждением угаснувшего патриотизма»; оно будет «неустанно бороться с роялизмом, фанатизмом, модерантизмом, роландизмом *, который является высшим проявлением всех этих зол»; его члены будут деятельными и неутомимыми миссионерами, его крестовый поход будет походом во имя свободы [57]. Роль обществ в борьбе против умеренных и федерализма оказалась столь значительной, что 25 июля 1793 года Конвент принял декрет об уголовной ответственности лиц, так или иначе препятствующих их деятельности [58].

Пока существовала внутренняя угроза, правительственные комитеты всемерно опирались на народные общества в деле утверждения революционного режима и мобилизации военных усилий нации. 23 брюмера II года Комитет общественного спасения предложил парижским обществам составить списки граждан, «наиболее пригодных для занятия различных общественных должностей» [59]. Если органический декрет от 14 фримера не уточнял места обществ в системе Революционного правительства, если он воспрещал им посылку комиссаров и созыв какого-либо конгресса или создание центрального органа, то Комитет общественного спасения счел необходимым своим циркуляром от 16 плювиоза [60] определить их роль: наблюдение и бдительность, а также сотрудничество с установленными властями в вопросах назначения на должности. Народные общества должны стать помощниками представителей в миссии, уполномоченных проводить чистку и формирование установленных властей.

Как бы ни определяли роль народных обществ, все же фактически они играли куда более эффективную роль. Циркуляр от 16 нивоза явился одной из обширных мер, предпринятых правительственными комитетами в целях обуздать народное движение, свести его роль до уровня вспомогательной силы. На деле же в течение всей зимы II года общества, и особенно общества секционные, не желая довольствоваться этой второстепенной ролью, являлись низовыми организациями политической жизни.

С осени до весны II года в столице создается обширная сеть обществ. Независимо от того, было ли связано или нет их основание с упразднением непрерывности заседаний общих собраний, народные общества в большинстве своем стремились стать секционными.

В той мере, в какой можно установить дату их создания, два общества, возникшие в 1790 году, и три, созданные в 1791, по-видимому, собирались непрерывно до II года. То же можно сказать о 8 обществах, основанных в 1792 году, о 4, возникших до 10 августа, о 3, созданных после этой даты. Кризис 1793 года привел к тому, что до сентября были основаны 7 народных обществ. И наконец, 26 обществ были созданы, чтобы обойти закон, упразднявший непрерывность заседаний общих собраний; эти общества с момента их возникновения выступают как общества секционные. В некоторых секциях какое-то время функционировали два соперничающих общества одновременно. Так, в секции Общественного договора существовало ранее созданное общество Друзей отечества и секционное общество, основанное 26 сентября 1793 года. Старые общества, пользовавшиеся поддержкой властей и Якобинского клуба, одерживают верх над секционными обществами, которым пришлось самораспуститься,— это эпизод из истории борьбы *патриотов 89 года* с *патриотами 93 года*, так называемым *новым поколением*, борьбы, имеющей под собой существенную социальную подоплеку, которую не следует недооценивать. В секции Сплочения и в секции Единства секционные общества, по-видимому, вобрали в себя более старые, но менее сильные братские общества.

* То есть со сторонниками Ролана — одного из лидеров жирондистов.—*Прим. ред.*

Наряду с этими обществами, старыми или новыми, функционировавшими на базе секции, во II году продолжал существовать и ряд старых обществ, не превратившихся в секционные. В секции Монтрей это было общество Друзей прав человека и врагов деспотизма, возникшее в 1791 году, а в секции Мезон-Коммюн — общество Защитников прав человека и гражданина. Помимо почетного братского общества Патриотов обоих полов, заседавшего в Клубе якобинцев, укажем в числе наиболее важных общество Людей 14 июля, бывшее общество Французских гвардейцев, общество Защитников единой и неделимой Республики, которое собиралось в кафе Кретьен на бывшей площади Итальянцев; общество Революционеров 10 августа, заседавшее на улице Сен-Дени, в монастыре Христовых невест; Электоральный клуб в Епископстве. Эти общества посещались обычно борцами, которые сыграли первостепенную роль в событиях 14 июля, 10 августа и 31 мая. В этом смысле эти общества зачастую выступали во II году в качестве организаций, руководивших революционный борьбой. То же можно сказать, только на высшем уровне, о Клубе кордельеров. Что касается Якобинского клуба, то если санкюлоты, особенно женщины, часто присутствовали на его заседаниях, сидя на трибунах, то они не имели там никакого влияния. Секционные вожаки чувствовали себя лучше в своих обществах: в период с осени 1793 года до весны II года эти общества составляли основной костяк народного движения.

* * *

По примеру якобинцев народные общества также приняли уставы, определявшие их цели, разработали правила приема в общество, равно как и порядок ведения заседаний. В 1790—1791 годы общества, созданные ранее, тоже приняли аналогичные уставы. Их примеру последовали общества, основанные весной 1792 года. В 1793 году эти общества обновили свои уставы, приведя их в соответствие с политической обстановкой, изменив декларации принципов либо формулы клятвы и условия приема. К осени или к началу зимы II года наконец и секционные общества приняли уставы, которые во многих случаях были скопированы с уставов старых обществ.

После указания целей общества в уставах определялись условия приема. Для того чтобы быть принятым в общество, обычно достаточно было доказать гражданскую благонадежность и патриотизм в решающие моменты революции. Патриотическое общество секции Люксембурга принимало в свои ряды «всех граждан, побуждаемых к тому патриотизмом, если по своим гражданским чувствам они будут сочтены достойными состоять в этой ассоциации». Согласно уставу общества секции Хлебного рынка, который повторял устав общества Французских гвардейцев, в общество мог быть принят только тот, кто «явил доказательства своего последовательного патриотизма, всеми признанного, и имеет личные заслуги» [61].

Вступление в общество сопровождалось обычно уплатой вступительного взноса. Его небольшие размеры не останавливали санкюлотов, даже самых бедных. В обществе Свободных людей секции Нового моста сумма взноса составляла 4 ливра; 1 сентября 1793 года один оратор заметил, что «следовало бы снизить вступительный взнос, чтобы облегчить настоящим санкюлотам возможность вступления в общество, которое только выиграет, если в него вольется самая безупречная часть граждан». 18 сентября вступительный взнос был установлен в размере 3 ливров, а ежеквартальный взнос — в размере 30 су. Что касается Республиканского клуба секции Вооруженного человека, то он вообще отверг *всякие денежные условия* и «протягивает руку всем патриотам секции независимо от их достатка»; члены общества просто бросали деньги в кружку для пожертвований. Различные размеры взносов отражали социальный состав секций: обычно они были выше в более старых обществах и ниже в секционных обществах.

Уставы обществ предусматривали создание бюро. Бюро состояло, как правило, из председателя, заместителя председателя, одного или двух секретарей, иногда даже трех или четырех, избиравшихся сроком на один месяц и имевших право быть переизбранными; казначей и архивариус были чаще всего постоянные. Инспекторы проверяли людей при входе и следили за порядком в зале. В помощь бюро для управления обществом создавались различные комитеты и комиссии: комитет по приему в члены общества, административный комитет, комитет, ведавший перепиской. В каждом обществе количество комитетов было различно. В обществе Друзей Республики был благотворительный комитет, в обществе секции Хлебного рынка — наблюдательный комитет, собиравший жалобы и доносы.

Старые общества собирались обычно два раза в неделю. Общества, созданные в 1793 году, по-видимому как и общие собрания, заседали непрерывно, по крайней мере после 2 июня: они представляли собой органы борьбы против умеренных, к примеру общество секции Бютт-де-Мулен. Когда непрерывность заседаний общих собраний была упразднена, секционные общества, созданные для того, чтобы обойти закон, заседали в те дни, когда общие собрания не собирались, то есть ежедневно, кроме пятого и десятого дня декады. Так обстояло дело в обществах секции Рынка, Друзей отечества и Мезон-Коммюн.

У секционных вожаков было очень мало свободного времени. Поэтому некоторые общества ограничили число своих заседаний четырьмя в декаду — во 2-й, 4-й, 7-й и 9-й дни; так было в обществах секций Единства, Хлебного рынка и в обществе Республиканских добродетелей. Другие проводили всего три заседания — во 2-й, 4-й и 7-й дни декады (например, общества секций Республики, Пуассоньер и общество Друзей Республики в секции Пик). Старые общества, чаще всего ставшие филиальными отделениями Якобинско-

го клуба, следуя примеру материнского общества, собирались не более двух-трех раз в декаду.

Хотя зал заседаний открывали с 5 часов вечера, заседания начинались не раньше 6, а летом — 7 часов. Члены бюро в красных колпаках заседали на возвышении за длинным столом; ораторы выходили на трибуну. Позади бюро возвышались бюсты мучеников за дело свободы, порой это был бюст Брута или *статуя свободы* [62]. Стены были украшены трехцветным знаменем, красным колпаком, эмблемой общества, республиканскими девизами и символами [63]. Заседания проходили при открытых дверях, зал был разделен на две части деревянной перегородкой в половину человеческого роста; на трибунах часто сидела публика — женщины с одной стороны, мужчины с другой.

Заседания начинались чтением протокола и корреспонденции. Затем оглашались кандидаты для приема в общество и соответствующая комиссия излагала свои соображения. Потом заслушивались различные доклады. Народное общество секции Республики приступало собственно к повестке дня в 7 часов. Между 8 и 9 часами читали «Журналь дю суар» и «Бюллетен де ля Конвансьон».

Голосование производилось открытой подачей голосов, путем выкриков с мест, поднятия рук или вставания. В некоторых случаях назначения осуществлялись подачей бюллетеней: в этих случаях под ними полагалось ставить подпись. Тайное голосование — для санкюлота понятие чуждое: в нем они всегда усматривают интриги или происки. Несмотря на все предписания уставов, несмотря на то, что цензоры следили за порядком в зале, заседания зачастую проходили шумно, порой и беспорядочно. Часто дело доходило до препирательств и ссор. Члены общества, как и присутствующая публика, легко поддавались энтузиазму ораторов. Они бурно реагировали на их выступления и проявляли свои *республиканские чувства*. Все поднимались со своих мест, члены общества повторяли клятву жить свободными или умереть. Один из членов общества запевал «песню на любимый мотив Карманьолы», *общий хор* подхватывал ее, затем исполнялась «Марсельеза». Это были минуты огромного волнения, патриотический пыл достигал высшего накала, самые скромные участники собрания в единодушном порыве прославляли культ свободы и республики.

* * *

Подобно общим собраниям, которые упрочивали свое влияние путем переписки друг с другом, народные общества тоже хотели увеличить эффективность своих действий посредством аффилиации [64].

В своей речи от 29 сентября 1791 года Робеспьер определил присоединение (аффилиацию) как «связь одного законного общества с другим законным обществом, посредством которой они договариваются о переписке друг с другом по вопросам, затрагивающим общественные интересы» [65]. Переписка являлась необходимым следствием присоединения. Этот двойной способ имел целью создать обширную сеть политических организаций и таким образом значительно увеличить влияние обществ. «Как создать этот тесный и необходимый союз?» — говорилось в циркуляре народного общества Бельвиля во II году. «Этого, братья и друзья, можно достичь, разъясняя друг другу наши права, наши обязанности, совместно трудясь и совместно проявляя бдительность... Чтобы достичь этой цели, граждане всей страны должны объединиться в патриотические общества, а эти общества должны регулярно переписываться друг с другом и с центральным или материнским обществом, от которого будут исходить и к которому будут устремляться лучи света и жизни, дабы просвещать, воодушевлять и воспламенять патриотизм» [66]. Сеть обществ, связанных такими узами, как бы составляла костяк некой партии.

Право аффилиации и переписки послужило предметом горячих споров. Учредительное собрание обсуждало этот вопрос 29 сентября 1791 года; однако если оно запретило тогда подачу коллективных петиций, то на право аффилиации покуситься не осмелилось [67]. Споры возобновились весной 1792 года, когда сеть клубов, связанных филиальными узами с Якобинским клубом, проявила себя в качестве действенного орудия революционного движения. В одной анонимной брошюре некий *друг Конституции* заявлял, что «клубы должны быть изолированы, независимы друг от друга и не должны состоять между собой в какой-либо переписке» [68]. В 1793 году аффилиация и переписка парижских народных обществ явились одним из факторов, обеспечивших успех народного натиска против умеренных. «Рвите нити переписки между народными обществами», — заявил один жирондист-оратор. «А мы, мы ответим ему, — возразила депутация секции Арсенала, — пусть они существуют, эти спасительные нити. Именно они свяжут все участки периферии с центром; только они обеспечат прочность» будущей Конституции [69].

Старые общества, уже связанные филиальными узами с Якобинским клубом, и общества, созданные весной 1793 года, требовали аффилиации или возобновления ее после 2 июня. Создание секционных обществ должно было внести известное расстройство в филиальную систему и систему переписки. Поскольку старые общества были аффилиированы между собой и с Якобинским клубом, инициатива совершенно явно исходила от материнского общества. Секционные общества, более демократические по составу и чисто местные по своему характеру, хотя и аффилиировались между собой, однако обычно не требовали их аффилиации Якобинским клубом: они стремились к созданию самостоятельного движения. Отсюда и недовольство в правительственных и якобинских кругах, нараставшее с осени 1793 года; вскоре началось и общее наступление на секционные общества. Секционные общества попытались реабилитировать себя, прося о включении их в филиальную сеть. Как правило,

им в этом отказывали, а это их еще больше дискредитировало. После роспуска народных обществ весной II года аффилиация и переписка служили интересам одних якобинцев: эти средства представляли собой всего лишь орудие правительственной централизации.

После падения Революционного правительства реакционеры поняли опасность аффилиации. 24 фрюктидора II года Дюран де Майян обратил внимание Конвента на *опасность для свободы* включения народных обществ в филиальную сеть Якобинского клуба [70]. 25 вандемьера III года был издан декрет, категорически запрещавший обществам «какую бы то ни было аффилиацию, объединения, федерации, переписку» [71].

В критические периоды аффилиация и переписка оказывались недостаточными для обеспечения единства действий обществ; их наиболее дальновидные вожаки попытались создать орган, который координировал бы и направлял их деятельность. Эта попытка создания Центрального комитета народных обществ столкнулась с теми же препятствиями, что и идея центрального бюро переписки, с которой одно время носились общие собрания. Инициатива эта исходила от братского общества Патриотов обоих полов, заседавшего в Якобинском клубе, которое, «видя опасность, грозящую отечеству, и убежденное в том, что в народных обществах находятся люди, способные его спасти», призвало их 25 августа 1793 года направить комиссаров для образования Центрального комитета [72]. Братское общество, безусловно, столкнулось с трудностями и особенно с враждебностью Якобинского клуба. Сначала предполагали, что местопребыванием комитета будет зал Братства у бывших якобинцев (ул. Сент-Оноре), но в итоге оно было установлено в Епископстве. Устав Центрального комитета был принят только 20 октября 1793 года. Комитет был создан просто в результате объединения представителей от различных парижских обществ (по два от каждого). Его цель состояла в том, чтобы «поддерживать регулярную переписку со всеми народными обществами Республики, служить для них объединительным центром, передавать на обсуждение обществ вопросы, поставленные на обсуждение в Центральном комитете, а также вопросы, поднятые другими обществами, если, по мнению комитета, эти вопросы могли близко затрагивать интересы Республики» [73]. 12 брюмера II года Генеральный совет Коммуны принял к сведению образование Центрального комитета, который заявил о себе 18 числа, представив петицию, требующую «искоренения злоупотреблений фанатизма и заблуждений» [74]. Новый комитет встал во главе народного движения.

Его деятельность сразу же вызвала протест Электорального клуба, или Центрального клуба Парижского департамента, заседавшего в Епископстве, восстановленного 21 сентября 1793 года и претендовавшего на ту же роль. 27 брюмера Электоральный клуб изобличил перед Генеральным советом Центральный комитет народных обществ, действия которого вызывали у него тем большие подозрения, что заседал он при закрытых дверях. Дело было направлено в Управление полиции [75]. Оказавшись перед такой угрозой, Центральный комитет вынужден был, видимо, прекратить существование — больше он не давал о себе знать. К тому же наступление якобинцев на секционные общества не замедлило развернуться. Статья 17 раздела III декрета от 14 фримера запрещала народным обществам созывать какие бы то ни было съезды или создавать центральные объединения. В системе Революционного правительства не могло быть иного *боевого центра общественного мнения*, кроме материнского Общества якобинцев.

* * *

Общества на деле не довольствовались теми функциями просвещения и наблюдения, которые были указаны в их уставах. Захватывая незаметно все новые и новые функции, они подменяли общие собрания в большинстве секций и зачастую подчиняли своей власти секционных должностных лиц: народная власть в известной мере дублировала правительственные органы, явно лишая их *принудительной* силы.

Просветительская деятельность занимала значительное место в заседаниях обществ; весной II года, когда общества подпали под власть якобинцев и правительственных властей, она становится доминирующей. Заседания обычно начинались с чтения патриотических газет, речей, произнесенных в Конвенте или в Якобинском клубе, декретов и законов; вожаки выступали с речами на гражданские и нравственные темы, дети декламировали отрывки из Конституционного акта и из Декларации прав.

Надзору в самом широком смысле также уделялось много внимания на заседаниях [76]. В ходе широкой чистки осенью 1793 года правительственные власти, естественно, обратились к народным обществам. 13 сентября им было предложено направить в Комитет общественного спасения «список всех нечестных уполномоченных, чья гражданская неблагонадежность известна»; 9 октября им предложили осуществлять надзор за администрацией, занимающейся делами продовольствия и обмундирования для войск; 15-го — предоставить сведения о решениях администрации, касающихся эмигрантов и их имущества. Общества не дожидались этих призывов; 5 сентября общество Свободных людей решило обсудить все кандидатуры на общественные должности [77]. В свою очередь руководители служб взяли за правило обращаться к обществам, прежде чем высказаться относительно кандидатур на ту или иную должность. Выдача свидетельств о гражданской благонадежности, которая чаще всего зависела от обществ, была в их руках эффективным средством контроля над чиновниками. 2 брюмера общество Свободных людей приняло постановление о том, что все служащие административных органов, проживающие в секции Революционной, должны в течение месяца обновить свои свидетельства о гражданской благона-

дежности [78]. Их миссия надзора наизбежно обеспечила обществам сначала контроль, а затем и руководство политической жизнью секций. По мнению общества секции Пуассоньер, народные общества — это не что иное, как «очищенные секции» [79], следовательно, они стремились заменить собой общие собрания. Эта эволюция еще более усилилась после упразднения непрерывности заседаний общих собраний; секционные общества были созданы, чтобы обойти закон и под иным названием возродить общие собрания, заседания которых в определенные дни были запрещены. Обеспечивая непрерывность и преемственность заседаний, общества сосредоточили в своих руках во многих секциях фактическую власть и свели роль собраний к роли простых регистраторов.

В течение нескольких месяцев — с осени 1793 года и до весны 1794 года — осуществление функций народной власти ускользает от собраний, а подчас и от секционных властей и сосредоточивается в руках народных обществ; во многих секциях общие собрания довольствовались тем, что утверждали решения обществ. 15 брюмера II года собрание секции Инвалидов разрешило обществу принять петицию секции Мезон-Коммюн, касающуюся продовольствия, и, действуя от его имени, «либо согласиться на требуемое присоединение к этой петиции, либо отказать в нем» [80]. Секция Горы, получив циркуляр Комитета общественного спасения с просьбой выделить в его распоряжение граждан различных профессий, 30 брюмера передала этот документ для выполнения обществу [81].

Еще в большей степени, чем дебатами общих собраний, общества интересовались назначениями. Впрочем, к осени 1793 года в соответствии с ролью, отведенной им правительственными властями, они утверждали должностных лиц в секциях и проводили среди них чистку. Право отвода, судя по доносу от III года против общества Брута, представляло собой «мощное средство устранения и преследования патриотов», то есть в данном случае умеренных [82]. 20 октября 1793 года это общество подвергло также проверке и членов революционного комитета, мирового судью, его секретаря-письмоводителя, полицейского комиссара, комиссара по борьбе со скупкой [83]. Общества не ограничивались проверкой уже назначенных должностных лиц: они вмешивались даже в выборы. На упрек, что оно действовало «тиранически, пытаясь оказать давление на общее собрание во время назначения» должностных лиц и провести списки кандидатов, которые были заранее обсуждены, братское общество секции Французского Пантеона ответило 25 августа 1793 года, что оно никогда не отрицало факта обсуждения кандидатур: «Мы этим тем более гордимся, что мы подвергаем их вторичному утверждению и что наш выбор всегда получал одобрение» [84].

И наконец, общества отнимали у общих собраний, а часто и у революционных комитетов право выдачи свидетельств о гражданской благонадежности. Чаще всего комитеты и собрания полагались на общества или по крайней мере требовали от просителей, чтобы они

получили визу общества. 11 сентября 1793 года общество секции Борепера предложило Генеральному совету, чтобы все прошения о выдаче свидетельства о гражданской благонадежности направлялись отныне ему для утверждения [85]. В конце концов собрание передало обществу эти свои функции: 5 жерминаля оно принимает решение о том, что удостоверения о гражданской благонадежности будут выдаваться комиссией из двенадцати членов, избираемых в обществе [86]. Таким образом, общества, которые уже играли определяющую роль при назначении общим собранием должностных лиц, а также при составлении адресов и петиций, поставили в конечном счете под свой контроль всю жизнь секций; граждане, которым они отказывали в выдаче свидетельств о гражданской благонадежности, оказывались лишенными всех прав.

* * *

Чтобы точно оценить роль народных обществ, необходимо знать число их членов и их социальный состав. При этом не следует придавать слишком большое значение теоретической численности того или иного общества, в расчет надо принимать только тех, кто присутствовал на заседаниях, и присутствовал регулярно. Силу общества составляли не столько его члены, сколько его вожаки. Исследование этого вопроса весьма затруднено; в этом смысле документы носят весьма фрагментарный характер отчасти из-за того, что архивы обществ велись очень плохо, отчасти потому, что после термидора они были из соображений предосторожности уничтожены.

Численный состав обществ, по-видимому, менялся в зависимости от времени и от секции, но изменялся в узких пределах. Республиканское общество Единства на 23 нивоза II года насчитывало 280 членов [87] примерно на 4 тыс. граждан секции [88], то есть 9%. По данным докладчика комиссии чистки, в плювиозе II года в обществе секции Пик состояло 400 граждан [89], в то время как в секции было выдано 3538 свидетельств о гражданской благонадежности [90]: здесь процент возрастает до 11. Общество секции Брута к моменту своего роспуска 30 жерминаля насчитывало 208 членов [91] на 2670 голосовавших в секции [92], то есть примерно 7%. Таким образом, число членов народного общества по отношению ко всем гражданам той или иной секции, по-видимому, редко превышало 10%.

Если проследить за эволюцией какого-либо одного общества в той мере, в какой это позволяют сделать документы, то можно констатировать, что число членов, временно возросшее весной 1793 года, в течение зимы II года по мере упрочения Революционного правительства проявляло тенденцию к снижению. В июне 1792 года общество Свободных людей (секция Нового моста) насчитывало 44 члена, из которых четверо не платили членских взносов [93]. В течение лета — точной даты установить не представляется возможным — численный состав общества достигает 72 человек: «господа члены

общества», вступившие в него в июне, открыли доступ в свои ряды санкюлотам. Конфликт между жирондистами и монтаньярами, санкюлотами и умеренными привел к отдельным случаям выхода из общества; к исходу зимы 1793 года общество насчитывало 69 членов. Их число вновь возрастает после 2 июня, в период усиления политической борьбы, когда санкюлоты и умеренные оспаривали друг у друга секционные органы власти, общие собрания и народные общества; к началу августа численность общества Свободных людей достигает сотни человек. Она еще больше возрастает после победы санкюлотов либо потому, что последние укрепили свои организации, либо потому, что умеренные из предосторожности примкнули к народному обществу. В итоге чистки, закончившейся 2 фримера II года, число членов общества сократилось до 85, так как 17 человек были исключены, а вопрос о 22 членах, как «недостаточно известных» или подписавших антигражданские петиции, был отложен. Ослабление пульса политической жизни секций, дискредитация обществ в начале весны, страх, охвативший многих вожаков, привели к окончательному снижению численности общества — 14 прериаля, в день роспуска общества Свободных людей, число его членов не превышало 53 человек [94].

Если численность обществ сильно колеблется, то их социальный состав представляется более устойчивым, однако с явной тенденцией к демократизации во II году. Созданные в целях просвещения народа, а точнее, «пассивных» граждан, лишенных права голоса, они на первых порах объединяли граждан скромного достатка, «уличных торговцев фруктами и овощами» (по данным «Кроник де Пари» от 2 ноября 1790 года), «водоносов и иных добрых людей» (согласно «Бабийар» от 25 июня 1791 года). Однако в начале революции преобладание, по-видимому, было за торговцами и хозяевами-ремесленниками. После 10 августа мастеровые, ремесленники, лавочники составляют основную массу членов обществ. Подмастерья, рабочие, мелкий люд проникают в общества и начинают играть в них некоторую роль лишь с осени 1793 года. И наконец, на всех этапах среди членов обществ фигурируют лица свободных профессий, но среднего достатка — артисты, служащие, чиновники, не говоря уже о некоторых категориях деклассированных элементов. Социальный состав, разумеется, менялся в зависимости от секции. Патриотическое общество секции Библиотеки в течение длительного времени рекрутировало своих членов главным образом среди буржуа. «Активные» граждане, одни имевшие право присутствовать на чрезвычайных заседаниях, где обсуждались вопросы, имевшие отношение к делам секции, сперва были на привилегированном положении; «пассивные» граждане играли там лишь второстепенную роль. В начале лета 1792 года эти различия исчезли. Однако бывшие «активные» граждане продолжали играть еще главенствующую роль примерно в течение года. Осенью 1793 года санкюлоты стали безраздельными хозяевами обществ; при этом надо различать старые общества, объединявшие *патриотов 89 года*, и секционные общества, более демократические по своему составу, которые объединяли патриотов 92 или 93 года, *новоявленных патриотов*, как их называли противники. Полицейские наблюдатели нередко отмечали народный характер аудитории, собиравшейся во II году в секционных обществах. 11 вантоза Бакон отмечает, что среди участников заседания общества секции Арси много *людей в куртках*, рабочих и каменщиков[95]; однако идет ли речь о членах общества или о публике? 29 жерминаля общество секции Мезон-Коммюн заявляет, что оно состоит из граждан, «лишенных состояния» [96]. 24 плювиоза III года общество, заседавшее на улице Вер-Буа (секция Гравилье), изобличалось как состоящее «почти сплошь из рабочих и малообразованных людей, которых легко сбить с пути» [97]. Из-за нехватки документов трудно все-таки точно установить социальный состав народных обществ; в немногочисленных списках членов обществ, которые можно найти, профессия чаще всего не указана.

В июне 1792 года среди 20 членов общества Свободных людей (секция Нового моста), профессия которых известна, помимо одного «парижского буржуа» числились главным образом ремесленники или торговцы определенного уровня, в их числе 9 часовщиков, 3 ювелира, 2 гравера [98].

Состав народных обществ осенью 1793 года демократизировался, секционные общества стали широкодоступны для самых бедных слоев населения, однако как в тех, так и в других преобладали представители мелкой ремесленной и торговой буржуазии, категории достаточно широкой, чтобы охватить людей самого различного социального положения, где переход от представителей собственно народа к средней буржуазии совершенно неощутим.

Точно так же и в политическом движении основная масса членов обществ значила гораздо меньше, чем небольшое число вожаков, которые направляли остальных. Какова бы ни была численность обществ, регулярно их посещало меньшинство борцов, и только они составляли костяк народного движения и представляли собой нечто вроде кадров партии.

Некоторые документы могут породить иллюзию. Секционные общества, как и общие собрания, допускали на свои заседания публику. Весной 1793 года общество Свободных людей, которое наверняка насчитывало менее 100 членов, оборудует зал для своих заседаний— в нем устанавливают 200 стульев [99]. Среди посетителей заседаний обычно бывало много женщин. Однако очень скоро на тех из них, которые примыкали к народным обществам, распространилось недоверие, ставшее уделом «Общества революционных республиканок»; им чаще всего приходилось довольствоваться просто присутствием на заседаниях. Точно так же обстояло дело и с детьми и юношами, которые приходили сюда, «чтобы просветиться и воспринять революционные принципы». Этим объясняются многолюдные заседания, о которых сообщают полицейские наблюдатели. Если до весны

II года наблюдается известный наплыв в секционные общества, то число членов, участвующих в обсуждении вопросов, по-прежнему остается небольшим и еще меньшим в старых обществах. Как и в общих собраниях, вожаки народных обществ то и дело призывают своих коллег регулярно посещать заседания. Такой призыв имел место 25 мая 1793 года со стороны председателя патриотического общества секции Бютт-де-Мулен [100]. 24 плювиоза II года один из членов общества секции Пуассоньер решил сообщать в приемный комитет имена тех, кто пропустит подряд три заседания [101]. Все эти призывы были тщетны.

Посещаемость заседаний общества Свободных людей, по-видимому, была также весьма слабой [102]. В списках присутствующих за август 1793 года редко значится больше 20 подписей, между тем как теоретически в обществе насчитывалась сотня человек. После исключения умеренных санкюлоты более регулярно посещают заседания: 24 нивоза в списке присутствующих стоит 31 подпись, в то время как общество после чистки насчитывало 85 членов. Кризис конца зимы II года мобилизует санкюлотов, посещаемость повышается; в последние дни плювиоза и в первые дни вантоза на заседаниях присутствуют в среднем более 50 человек; максимальное число присутствующих было 19 вантоза, во время кульминационного момента кризиса, когда на заседание собралось 58 человек. Растерянность вызванная казнью Эбера, отразилась на посещаемости заседании 4 жерминаля присутствовало 45 человек, 22-го — 34, в флореале их было меньше 30. Кампания против народных обществ вызвала некоторое оживление: 4 прериаля на заседании общества Свободных людей присутствовало 36 человек. Им также пришлось распустить свое общество: 53 подписи в списке присутствующих 14 прериаля явились свидетельством приверженности к обществу и выражением протеста.

* * *

Народные общества представляли собой в 1793 году организации борьбы с умеренными; этим объясняется и поддержка, которую оказывало им Революционное правительство, создававшееся в течение лета. Осенью увеличение числа секционных обществ отражало стремление секционных вожаков сохранить свой контроль над политической жизнью. С этой поры начинает проявляться противоречие между секционными обществами и правительственным аппаратом: оно отражало коренной антагонизм между народной властью и санкюлотской демократией, с одной стороны, и якобинской диктатурой и Революционным правительством — с другой.

Располагая вооруженной силой и назначая своих офицеров, имея свое самоуправление, выбирая своих должностных лиц и свои комитеты, секции представляли собой внутри столицы автономный организм. Посредством переписки в обычных условиях и путем братания в периоды кризиса секционные организации — собрания, комитеты и общества — дублировали парижский муниципалитет. Они представляли собой опасную силу, которая угрожала захлестнуть правительственные комитеты и проявляла тенденцию нарушить в пользу санкюлотов социальное равновесие, на котором покоилась власть Революционного правительства. Поставленные у власти ради спасения буржуазной революции *, Комитеты не могли долго мириться с существованием народной организации, ускользающей из-под их контроля: они лишили секции права назначать комиссаров, которые, оказавшись на жалованье у правительства, имевшего право их отзывать, превратились в обычных чиновников; они подчинили себе общие собрания и упразднили секционные общества. Из-за этого они лишились доверия санкюлотов, которые составляли их силу. Форма осталась, лишившись всякого народного содержания. Якобинская централизация восторжествовала над секционной автономией. Но способны ли были якобинцы перед лицом реакции, выжидающей только удобного момента, удержаться долгое время без поддержки санкюлотов?

---

* Эта формулировка может вызвать у читателей недоумение. Надо иметь в виду, что и правительственные комитеты и их деятели, в равной мере как и низовые организации и их деятели, не сознавали тогда, что творимая ими революция по своему объективному содержанию является буржуазной.— *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСЛАБЛЕНИЕ И ЗАКАТ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

(вантоз — термидор II года)

ГЛАВА I

КРИЗИС ДВИЖЕНИЯ ПАРИЖСКИХ САНКЮЛОТОВ (вантоз II года)

1. Социальные трудности.—2. Политические трудности.—
3. Передовые патриоты, якобинцы и умеренные.—
4. Правительственный маневр с вантозскими декретами.—
5. Пароксизм вантоза.

К концу зимы II года черты социальной и политической эволюции, наметившиеся с установлением Революционного правительства, обретают четкий характер. В то время как таксация, регламентация и жесткое руководство экономикой, которого добивались санкюлоты и против которого выступали собственники, не смогли обеспечить снабжения парижского населения, потребности национальной обороны, как и буржуазная концепция политической власти, все больше и больше побуждали Революционное правительство добиваться пассивного повиновения народных организаций и ограничивать демократию санкюлотов в соответствии с желанием якобинцев. Таким образом, в начале вантоза выявились двойные затруднения — социальные и политические, которые отразились как на материальном положении санкюлотов, так и на их революционных действиях. На этом кризисном фоне противоречия между умеренными и передовыми патриотами (когда личные распри и антипатии усиливали политический антагонизм) еще более обострились. В то же время якобинцы, выражая правительственную линию, не решались занять твердую позицию. Сочетание оппозиции передовых элементов и народного недовольства являлось для правительства серьезной угрозой, которая могла заставить его выйти из инертного состояния. При помощи вантозских декретов оно попыталось умиротворить народные массы. Провал этого маневра усугубил напряженность и довел ее до крайнего предела.

1. Социальные трудности

Причины кризиса революции в начале вантоза следует искать прежде всего в ухудшении условий существования санкюлотов. Разумеется, отсутствие статистических данных не дает возможности точно определить степень этого ухудшения; но другие источники описательного характера единодушно рисуют печальную картину. Нехватка продовольствия сочетается с дороговизной, они взаимно усугубляют друг друга. Увеличение заработной платы, бывшее часто возможным ввиду не слишком строгого применения максимума, уже не может компенсировать роста цен. Народные организации попусту тратят время на обсуждение этих тревожных проблем; их адресы и петиции отражают лишь растерянность.

Донесения наблюдателей из министерства внутренних дел того периода посвящены в основном продовольственному кризису. Если снабжение хлебом удалось обеспечить, то в мясе и других продуктах первой необходимости, особенно в овощах, ощущалась острая нехватка.

Как прежде у булочных, так теперь у мясных лавок выстраиваются длинные очереди; люди приходят сюда с трех часов ночи, толкаются, оттесняют один другого, чтобы не уйти с пустыми руками[1]. Наблюдатель Гривель 1 вантоза ратует за введение в Париже карточек на мясо; реквизиции и закупки, проводимые многими муниципалитетами, утверждает он, угрожают полностью расстроить торговлю и обречь столицу на голод [2].

Продовольственный кризис, от которого страдало все население, особенно тяжело ударил по трудящимся. 1 вантоза Беро доносил о жалобах позолотчиков и скульпторов на длительное отсутствие работы: «Как же вы хотите, чтобы мы работали? Ведь все богатые люди, патриоты и непатриоты, заключены в тюрьмы, и только те, кто работает для армейских поставщиков, могут зарабатывать на жизнь». По донесению Прево от того же числа, рабочие жалуются, что они больше не в состоянии питаться в харчевнях: «Несколько дней назад обед стоил 10 су, а теперь вместе с хлебом он стоит 15 су». Тот же Прево 5 вантоза отмечает, что даже если у рабочих хороший заработок, «они все равно не могут свести концы с концами» из-за невероятно высоких цен на продовольствие [3]. Вопреки утверждению позолотчиков рабочие, занятые в военном производстве, выражали недовольство, как и все остальные. 11 вантоза революционный комитет секции Шалье выступает в мастерской своей секции: рабочие объединились для совместного протеста против новой регламентации, установленной Комитетом общественного спасения; они не работали целый день [4]. Волнения в оружейных мастерских не прекращаются в течение всего вантоза.

Подобное же недовольство среди *подмастерьев* каменщиков и плотников констатирует в своем донесении от 14 вантоза Перьер; они отказываются работать менее чем за 6 ливров в день, с каждой новой декадой они требуют очередной прибавки в 10 су; подручные этих двух профессий добиваются заработной платы в 3 ливра 10 су. «Если их непомерные требования не будут сразу же удовлетворены, они угрожают прекратить работу»[5].

* * *

Проблемы продовольствия и заработной платы мобилизуют санкюлотов. Народные организации, общие собрания, секционные общества, революционные комитеты обсуждают на своих собраниях вопрос о недостатке продовольствия. Общество секции Прав человека 4 вантоза занималось распределением мяса; общество секции Арсенала рассматривало вопрос о возделывании картофеля и овощей. 6 вантоза общество секции Гравилье обсуждает меры, которые следует принять, дабы обеспечить продовольственное снабжение Парижа; общество постановило, чтобы на следующий же день революционный комитет произвел обыск у богатых людей и у тех, «кто, опасаясь тюрьмы, укрылся в своих поместьях у них, безусловно, «припрятано много всего, в чем нуждается народ».

Продовольственный кризис способствовал росту террористических настроений в среде санкюлотов. «Зачем нужны все эти аристократы?— восклицает 8 вантоза какая-то женщина в обществе секции Прав человека.— Разве всем злодеям, которые морят голодом Париж, не пора уже давно быть на гильотине?» [6] В то же время в какой-то мере дает себя знать и классовое сознание. Согласно донесению наблюдателя Пурвуаёра от 3 вантоза, народ заявляет, что «пора уже обрушить топор нации на фермеров и крупных торговцев, единственных виновников тех бедствий, от которых мы сегодня страдаем» [7]. Гривель, охотно пускающийся в рассуждения, зачастую весьма проницательные, 5 вантоза указывает на некоторые различия, существующие между различными течениями общественного мнения: «Наименее просвещенная часть народа [то есть санкюлоты] считает единственными виновниками своих бед торговцев и мясников. Эти люди говорят, что достаточно изрядное количество их гильотинировать, и этот суровый урок поможет вновь прийти к изобилию». Такое рассуждение отражает свойственные санкюлотам примитивные представления о распределении и классовых отношениях. Гривель повторяет также суждения, распространенные среди умеренных и предвосхищавшие обвинения, которые спустя две декады будут предъявлены Эберу и его сподвижникам. По мнению некоторых, «считающих себя более просвещенными и дальновидными», нехватка продовольствия есть результат давнишнего заговора «довести народ голодом до отчаяния, посеять среди него смуту, свергнуть Конвент и разрушить Францию». Коммуна подозревается в том, что она тайно поддерживает эти происки, чтобы утвердиться на обломках Конвента. Некоторые из ее членов якобы находятся в числе главарей этого

заговора; «они косвенно направляют деятельность секционных клубов, где их сторонники то и дело вносят ультрареволюционные и дезорганизующие предложения, обманывая даже якобинцев»[8]. Примечательно, что сюда же примешиваются обвинения по адресу решительных патриотов со стороны умеренных, не желающих, чтобы санкюлоты контролировали политическую жизнь, а также обвинения представителей буржуазии, ратующих за свободу предпринимательства и прибыли, то есть те самые обвинения, которые будут повторены во время процесса в жерминале. По свидетельству того же Гривеля, максимум больше, чем что-либо другое, сковал торговлю и вызвал нехватку продовольствия, а реквизиции привели к отчужденности коммун; в обвинительном акте Фукье-Тенвиля речь будет идти о «плане уморить Париж голодом, лишив его продовольствия»[9]. На самом деле только обычные речи санкюлотов против торговцев, разоблачительные статьи в «Пер Дюшен», которые эти высказывания подхватывали и усиливали, могли послужить предлогом для подобного обвинения. Однако противоречие было куда более глубоким: это было непримиримое противоречие между двумя противоположными концепциями экономической жизни и социальной справедливости — концепцией буржуазии и концепцией санкюлотов.

Народная точка зрения ясно выражена в петициях собраний секции Единства и секции Финистера, в которых преобладали санкюлоты: единственное средство борьбы с голодом они видят в терроре.

Секции колебались между двумя крайними позициями, то требуя репрессий, террора, то призывая к примирению классов, в зависимости от того, кто господствовал в секциях — мелкобуржуазные или собственно пролетарские элементы. Санкюлоты, лишенные какой бы то ни было социальной однородности, не могли проводить последовательной, единой экономической политики, их разброд лишь возрастал от этого и усугублял социальные трудности.

2. *Политические трудности*

Острота продовольственного кризиса, естественно, способствовала оживлению политической жизни секций. Организации санкюлотов разворачивают активную деятельность, побуждаемые интересами широких народных слоев. Заседания общих собраний, секционных обществ, декадные празднества проходят при большом стечении народа, много здесь и женщин. Это служит бесспорным свидетельством приверженности санкюлотов к политической системе, созданию которой они способствовали. Однако целый ряд симптомов предвещает близящийся разрыв между Революционным правительством и народным движением. Секции все больше внимания уделяют военным усилиям, оставляя в стороне общеполитические проблемы; низовые организации все более подпадают под власть революционных комитетов, в свою очередь подчиняющихся правительству: это не обходится без инцидентов и конфликтов. Умеренные используют этот зарождающийся антагонизм для возобновления своей пропаганды, усиливавшей то политическое смятение, которое оставалось главной чертой, характеризующей эти первые дни вантоза. Экономический кризис, от которого столь тяжко страдали санкюлоты, усугубляется, таким образом, политическими трудностями; эти последние хотя еще и не поднимают санкюлотов против Революционного правительства, но все-таки способствуют их отходу от него.

То, что санкюлоты охотно посещали общие собрания, заседания секционных обществ, декадные празднества, не должно порождать иллюзий относительно активной политической жизни народных масс. Под влиянием правительственных властей, которым оказывали активную помощь революционные комитеты, в деятельности народных организаций происходит очевидный сдвиг. Если продовольственная проблема по-прежнему остается в центре их внимания, то вопросы общей политики начинают уступать место вопросам, связанным с общественной безопасностью и национальной обороной. Отныне политическая инициатива начинает ускользать от санкюлотов, внимание которых Революционное правительство пытается занять каждодневными административными заботами.

Главное внимание начинают уделять военным усилиям. Санкюлоты уже поставили основной контингент волонтеров. Речь идет теперь о том, чтобы те из них, кто находится в тылу, поддержали тех, кто сражается на границах, увеличивая добычу селитры, организуя вербовку в армию, окружая семьи волонтеров общей заботой. Селитра, вооружение *якобинских* кавалеристов, помощь женам и детям бойцов — все эти вопросы стоят в повестке дня общих собраний и секционных обществ. 1 вантоза общество секции Прав человека, а 4-го общество секции Вооруженного человека занимаются этими вопросами. 5 вантоза общее собрание секции Вильгельма Телля обсуждает вопрос о добыче селитры и о помощи солдатам[10]. В начале вантоза в секциях складывается обычай представлять в Конвент добытую ими селитру; так поступила 12 вантоза секция Кенз-Вен, оратор которой заявил, что республиканцам ничего не нужно, «кроме хлеба, железа и селитры»[11]. Приношение селитры вскоре сделается ритуальным жестом, посредством которого секции будут выражать свою приверженность Революционному правительству.

Другим существенным объектом деятельности народных организаций было их участие в обеспечении общественной безопасности путем выдачи свидетельств о гражданской благонадежности и — в более широком плане — путем чистки и проверки граждан. В соответствии с постановлением Коммуны от 12 фримера общие

собрания по докладу революционных комитетов должны были решать вопрос о выдаче свидетельств о гражданской благонадежности [12]. Фактически же многие общие собрания довольствовались тем, что утверждали предложения секционных обществ, на которые они переложили эту обязанность. Поскольку отсутствие удостоверения о гражданской благонадежности лишало возможности какого-либо участия в общественной жизни, то посредством этой уловки санкюлоты преграждали дорогу своим противникам. Поэтому они и придавали такое большое значение этому вопросу как в своих собраниях, так и в секционных обществах. Строгость, с которой общества и собрания рассматривали прошения, вызывала известное недовольство среди граждан, о чем сообщал 4 вантоза наблюдатель Ролен; по свидетельству Перьера (8 вантоза), Шометта считали виновным в тех *придирчивых* правилах выдачи свидетельств о благонадежности, которые установила Коммуна [13]. У общих собраний и секционных обществ, посвящавших большую часть своих заседаний продовольственному вопросу, военным усилиям и свидетельствам о благонадежности, оставалось уже мало времени для рассмотрения собственно политических проблем, особенно если учесть личные дрязги, к которым зачастую сводились дискуссии. Вот почему они чаще всего ограничивались тем, что ждали указаний правительственных властей, заслушивали чтение законов или речей, уже произнесенных либо в Конвенте, либо в Якобинском клубе; таким образом, санкюлоты утрачивают дух политической инициативы. 4 вантоза общество секции Прав человека знакомится с речью Робеспьера, произнесенной 17 плювиоза в Конвенте; «читавший этот доклад занимал трибуну полтора часа, потому что после каждого абзаца ему аплодировали» [14]. В донесениях Бакона за первую декаду вантоза всего три раза упоминаются собственно политические дискуссии: 5 числа в общем собрании секции Ломбар — по поводу проекта петиции секции Муция Сцеволы, требующей, чтобы мадам Елизавету * и обоих детей Людовика XVI, содержавшихся в тюрьме Тампль, перевели в тюрьму Консьержери [15]; того же 5 вантоза в общем собрании секции Мезон-Коммюн — по поводу постановления Парижского департамента, объявлявшего, что церкви, являющиеся национальным имуществом, подлежат продаже [16]; и наконец, 10 вантоза в секции Бон-Консей — по поводу разоблачения Маршаном Люлье, национального агента Парижского департамента [17].

* * *

За этой слабой политической активностью секций скрывалось серьезное неблагополучие и подспудный кризис. Несомненно, санкюлоты были по-прежнему искренне преданы людям, воплощавшим революцию, в частности Робеспьеру; свидетельство тому — тревога, охватившая санкюлотов во время его болезни в начале вантоза. Однако наступление умеренных элементов поколебало народное движение, приведенное уже в замешательство действиями правительства; в эти первые дни вантоза санкюлоты, тяжело пострадавшие от продовольственного кризиса, утратившие политическую инициативу, колеблются, вынужденные уже перейти к обороне.

Модерантизм продолжает оказывать влияние на умонастроение народных масс и на секционные организации; ему удается сломить дух террора, несмотря на то что продовольственный кризис способствовал его усилению [18]. Если в отношении земледельцев и торговцев, которых считали ответственными за голод, санкюлоты и требовали усиления террора, то по отношению к аристократам террористический дух проявлялся уже реже. Петиция секции Муция Сцеволы о переводе мадам Елизаветы и детей Людовика XVI в Консьержери не встретила никакого отклика. Правда, в одной группе, согласно донесению наблюдателя Пурвуаёра, 9 вантоза требовали создания секционных революционных трибуналов, «чтобы покончить с заговорщиками». Но очень часто передовым патриотам приходится теперь защищаться от нападок, которым они подвергаются, и их усилия направлены теперь не столько на расширение террора, сколько на то, чтобы он не был прекращен вовсе. 4 вантоза в обществе секции Вооруженного человека один оратор воскликнул: «Если вы упустите хоть один момент в революционном движении, тогда прощайте, патриоты! Конец их близок» [19].

Народные позиции оказываются настолько поколебленными, что умеренные уже не довольствуются словесной пропагандой и начинают плести свои интриги в секциях, с тем чтобы подорвать основы санкюлотских организаций, а через них и основы Революционного правительства. Когда комитет секции Предместья Монмартр арестовал трех граждан, в том числе командира вооруженными силами секции, который «не постеснялся заявить в народном обществе, что он не знал, на чью сторону встать 20 июня 1792 года», умеренные воспользовались случаем, чтобы с трибуны общества потребовать «сопротивления притеснению»; была составлена петиция с требованием освободить незаконно арестованных граждан. Потребовалось энергичное вмешательство революционного комитета, изобличившего модерантизм как путь, незримо ведущий к контрреволюции. В своем заявлении, сделанном 5 вантоза на заседании общего собрания, комитет разоблачил происки умеренных, разглагольствующих о гуманности, чтобы сыграть на чувствах народа и повернуть его против революционных мер. «Патриоты же, наоборот, взывают к вашим чувствам, к вашей человечности во имя спасения отечества и отмщения убийцам ваших братьев, павших за общее дело» [20].

* Сестра Людовика XVI.— *Прим. ред.*

В тот самый момент, когда умеренные начали вести свою пропаганду в народных организациях, правительственная политика породила в секциях трудности, а вскоре и конфликты, которые способствовали дезориентации санкюлотов и их отходу от Революционного правительства. Революционные комитеты, которые первоначально назначались общими собраниями и находились под их контролем, постепенно превратились в действенные органы правительственной централизации, ускользнув таким образом из-под влияния народных вожаков, по инициативе которых они были созданы. Более того, являясь чаще всего послушным орудием воли правительства, они пытаются теперь руководить политической жизнью секций и контролировать деятельность общих собраний и народных обществ. А это вызвало раздражение, а затем и оппозицию санкюлотов, дороживших своей автономией. Нередко к этому примешивались и личные интересы, крайне ожесточавшие отношения: к оплачиваемой должности комиссара стремились многие. В начале вантоза в двух секциях общее собрание во имя суверенного народа выступило против комитета, поставив тем самым под вопрос самые принципы Революционного правительства.

В секции Бонди революционный комитет и контролируемое им народное общество взяли под свое наблюдение гражданский комитет. Некий Дюпюи, ювелир, был исключен из его состава. Дюпюи был известен своими крайними настроениями; 5 нивоза на общем собрании он обличал *злонамеренность* торговцев. Тем самым он выражал народное мнение — 10 вантоза его избрали председателем общего собрания. Это показалось опасным революционному комитету, который на следующий же день оговорил Дюпюи и его сторонников в Комитете общественной безопасности. Дюпюи обвинили в том, что он осуждал методы комитета, его инквизиторские действия, «направленные на то, чтобы сковать свободу выражения мнений граждан, запугав их».

В секции Сплочения конфликт зашел еще дальше. Дидо, бывший прокурорский клерк, тоже был горячим патриотом. Будучи революционным комиссаром, он допустил какое-то злоупотребление властью. 27 фримера его коллеги вынесли решение о его исключении за «экзальтацию, тиранию и деспотизм» в отношении своих сограждан. Тем не менее Дидо считался хорошим патриотом и пользовался доверием санкюлотов: по мнению самого комитета, «люди 40 су» были его приверженцами. Имея такую поддержку, Дидо обвинил 4 вантоза в Комитете общественной безопасности своих бывших коллег: революционный комитет не уважает прав народа, он ни разу не отчитывался в своей деятельности перед общим собранием. «Главная цель врагов Республики состоит в том, чтобы убедить, будто народ неспособен сам управлять». 5 вантоза на общем собрании в связи с назначением комиссии по выплате возмещения в 40 су Дидо возражал против подчинения этой комиссии утверждению революционного комитета: он снова изобличил эту

чудовищную инквизиторскую власть, «противоречащую праву народа». Комитет, опасаясь, как бы Дидо «не заполуччл голоса истинных санкюлотов, которые еще недостаточно сознательны», решил его арестовать. Дидо поднял народ: его «арестовали за то, что он создал свою партию и поддерживал людей, получающих 40 су». 11 вантоза Комитет общественной безопасности приказал его освободить. 15 вантоза на общем собрании Дидо увлек санкюлотов и добился их заявления о том, что революционный комитет утратил доверие секции [21]. И на этот раз сами принципы Революционного правительства были поставлены под сомнение.

Это уж было слишком. Немедленно поставленный в известность Комитет общественной безопасности, встревоженный согласованностью атак санкюлотов на революционные комитеты, 17 вантоза приказал арестовать Дидо и Дюбуа, председателя общего собрания секции Сплочения, который 15 вантоза не побоялся оставить свое кресло, «чтоб стать активным орудием раздора». В тот же день было приказано арестовать в секции Бонди Дюпюи и четырех его сторонников. Мотивировка решения вскрывает побудительные мотивы Комитета общественной безопасности и показывает, как власти представляли себе роль народа в системе Революционного правительства. Наблюдательные комитеты — это *опора* революции: уничтожить их — значит парализовать меры общественной безопасности, играть на руку аристократии; в момент, когда должна начаться кампания, тираны могут рассчитывать на успех только в том случае, если предатели внутри страны будут выпущены на свободу и поддержат их. Поэтому попытки секции Сплочения, направленные против ее революционного комитета, есть «результат происков агентов тиранов». Впрочем, закон совершенно ясен в этом отношении: общее собрание не имеет права судить революционный комитет. «Таким путем пытались превратить секцию в некий трибунал, причем в такое время, когда достаточно простого доноса, чтобы легко добиться справедливости от Комитета общественной безопасности» [22]. Потребности национальной обороны и общественной безопасности восторжествовали таким образом над стремлением отстоять права народа и примирить Революционное правительство и санкюлотскую демократию.

Подобные меры могли только дезориентировать санкюлотов, и так раздраженных ролью революционных комитетов, которых они считали притеснителями. В момент, когда оппозиция умеренных ставит под сомнение принцип террора и исподтишка подрывает народные организации, а следовательно, и основы Революционного правительства, эти меры еще больше осложняли политические трудности. Расхождение между принципами действий правительства и устремлениями санкюлотов начинает открыто проявляться в первую декаду вантоза, что было весьма опасно. Для честолюбивых политиканов было весьма соблазнительно использовать народные чувства, чтобы заставить Комитеты считаться с собой.

3. *Передовые патриоты, якобинцы и умеренные*

Скрытый политический антагонизм между Революционным правительством и санкюлотами принимает четкий характер в связи с секционными обществами. Находясь чаще всего в руках решительных патриотов, они подвергались атакам не только умеренных, но даже якобинцев. Отдельные эксцессы, строгости чистки, когда моменты личного порядка неизбежно играли определенную роль, послужили поводом для нового наступления. Но метили при этом в народное движение. Особенно выделяется конфликт между якобинцами и кордельерами; эти последние являлись цитаделью решительных патриотов и центром объединения секционных обществ. После чисто внешнего примирения 8 вантоза кордельеры, пылая ненавистью, возобновили атаки против своих противников — «снисходительных» и обвинили якобинцев в том, что они их покрывают: таким образом, позиции еще больше определились и кризис, который Революционное правительство какой-то момент надеялось предотвратить, еще более углубился.

В первые дни вантоза секционные общества в гораздо большей степени, чем общие собрания, проявляют себя как главные органы политической активности народных масс. Ведущее крыло санкюлотов, они еще больше, чем общие собрания, озабочены разоблачением умеренных и стремлением не допустить ослабления террора. Чистка стояла в повестке дня; перед лицом наступления умеренных необходимо было более, чем когда-либо, сохранить чистоту этих важнейших организаций народного движения. Общество Лепелетье решило 4 вантоза образовать комиссию из 20 человек для проведения новой строжайшей чистки, поскольку предыдущая не привела «к желаемому результату»; тотчас же назначенные члены комиссии были запрошены насчет их гражданской благонадежности «и насчет того, что ими сделано для Революции начиная с 14 июля 1789 года».

Донесения наблюдателя Бакона позволяют яснее представить себе атмосферу, в которой проходили чистки [23]. 13 вантоза собрание общества Бон-Консей проходило при большом стечении людей. Из 26 кандидатур, поставленных на обсуждение, принято было всего семь человек. Кандидатура торговца табаком, 68 лет, который всегда исполнял свой долг, была отвергнута по той причине, что он назвал председателя общества «господин» и выступал с трибуны с непокрытой головой (то есть без красного колпака); некоторые на этом основании заметили, что он, безусловно, умеренный. 23 вантоза общество Бон-Консей после шумной дискуссии отклонило кандидатуру некоего Леонара, столяра с улицы Паве, назначенного в третий раз командиром своей роты и незадолго до того избранного заседателем мирового судьи своей секции. Приемный комитет

обвинял его в «некоторой слабости», хотя более 15 граждан засвидетельствовали его революционность и патриотизм. И Бакон комментирует в своем донесении: «Проявляется такая строгость, что человек, который в критические моменты не проявил себя самым энергичным образом, не может быть участником собрания, кандидатуры отвергают из-за пустяка».

Столь жесткая чистка, в которой личные мотивы играли далеко не последнюю роль, разумеется, вызывала недовольство многих граждан. Этим объясняется дурная репутация, которой пользовались секционные общества среди части общественного мнения, о чем часто сообщают наблюдатели, и неприязнь, которую они вызывали даже у патриотов. Раздаются жалобы на их всемогущество и на то, что некоторые комитеты отказывают в выдаче свидетельств о благонадежности тем, кто не является их членами. «Это значит давать обществам чересчур большую власть,— отмечает 1 вантоза Латур-Ламонтань,— это значит упразднить юрисдикцию общих собраний... интриганам удалось превратить народные общества в центр всей общественной жизни секций, чтобы ими было легче командовать. Надо поскорее предотвратить и пресечь злоупотребление, которое может оказаться гибельным для Республики» [24].

Враждебное отношение якобинцев к секционным обществам не ослабевает. 6 вантоза, по свидетельству Ролена, прошел слух, «что якобинцы отказались от 400 своих аффилиаций и что они больше не желают так называемых братских обществ парижских секций» [25]. Отказ от филиальных связей и переписки представлял серьезную угрозу, заставившую некоторые общества заявить о своем антисекционном характере. Общество секции Пуассоньер заявило 6 вантоза в Генеральном совете Коммуны о том, что оно никогда не рассматривало себя как секционное общество и всегда принимало всех республиканцев, к какой бы секции они ни принадлежали [26]. Показателен в этом отношении циркуляр от 7 вантоза Электорального клуба, заседавшего в Епископстве. В нем в систематическом порядке повторялись обвинения, давно уже выдвигавшиеся против секционных обществ. Положительные результаты народных обществ сведены на нет, ибо «их стало так много, что они лишились той энергии и силы, которые часто свойственны лишь большому объединению людей». Клуб, верный принципу неделимости республики, установит филиальные связи лишь с теми обществами, которые будут принимать без различия всех патриотов, а не только граждан своей секции. Циркуляр Электорального клуба ясно показывает, что атака на секционные общества в конечном счете была направлена против передовых патриотов. Он фактически изобличает тех, «кто, видя благотворное влияние, оказываемое на общественное мнение национальными праздниками, пытается напичкать ими народ досыта, увеличивая количество празднеств, посвященных жертвам свободы»; «возбуждая высокие чувства (которые они сами никогда не испытывают), они пытаются выдать за уме-

ренных тех людей, которых ни деспот Капет, ни предатель Лафайет, ни лицемер Ролан, ни тартюф Бриссо, ни все злодеи, помогавшие им в их мерзких заговорах, не могли принудить к молчанию»[27]. Это значило подчеркнуть антагонизм между патриотами 89 и патриотами 93 года.

* * *

Этот антагонизм лежал в основе кризиса, в свою очередь отражавшего непримиримое противоречие между санкюлотами и якобинцами *, между народной концепцией политической жизни и социальной организации и соответствующей концепцией буржуазии. В начале вантоза этот антагонизм нашел выражение в конфликте между якобинцами и кордельерами, который, помимо принципиальных вопросов, усугублялся также вопросами личного порядка. Хотя в первые дни вантоза казалось, что распри между якобинцами и кордельерами утихли, однако спорные вопросы тем не менее оставались нерешенными. Это продолжало отравлять политическую атмосферу.

Каковы бы ни были претензии кордельеров к якобинцам, они сочли уместным если и не придать их забвению, то по крайней мере скрыть свою ненависть. Депутация от их общества явилась 8 вантоза в Якобинский клуб, чтобы поклясться в единстве и братстве. Колло д'Эрбуа, который после возвращения из Лиона (1 плювиоза) всячески старался восстановить согласие среди расколовшихся патриотов, с радостью приветствовал дружбу, «которая должна царить между друзьями свободы». Оратор кордельеров разоблачил происки врагов революции, стремившихся разъединить оба общества и убедить народ в том, что между ними нет больше согласия [28]. Такой шаг мог породить иллюзии. Его ждали все честные якобинцы, и, по словам Дюга, этот шаг укрепил союз, который должен царить между якобинцами и кордельерами. Более проницательный Беро видел в нем лишь маневр, что, безусловно, соответствовало истине. «Поход кордельеров всей массой к якобинцам,— писал он 10 вантоза,— был вдохновлен не... любовью, которая должна царить между братьями, а надеждой, что якобинцы не устоят перед приманкой тесного союза и отрекутся от Камилла Демулена и других, которых Венсан, член и вдохновитель Клуба кордельеров, то и дело выставляет в смешном виде и приписывает им преступления, на которые они неспособны» [29].

На деле же кордельеры и не собирались отказываться от своих целей. Обезопасив себя со стороны якобинцев своим демаршем от 8 вантоза, они еще более яростно продолжали кампанию против своих противников умеренных, исключая тем самым возможность примирения, к которому в начале вантоза, по-видимому, действительно стремились якобинцы и правительственные комитеты. Увлекая за собой передовых патриотов, кордельеры ускорили кризис. 9 вантоза, на следующий день после того, как они клялись якобинцам в единстве и братстве, кордельеры с энтузиазмом присоединились к решению, принятому 18 плювиоза обществом Защитников прав человека, которое объявило предателями, недостойными заседать в Конвенте, Фабра д'Эглантина, Филиппо, Бурдона из Уазы и Камилла Демулена [30].

Так с каждым днем на глазах колеблющихся Комитетов продолжали обостряться отношения между различными фракциями и усугубляться политические трудности.

* Это положение автора представляется нам ошибочным. Сила якобинцев как раз и была в том, что они «были с народом» и, следовательно, не были противниками санкюлотов, как это получается у автора.— *Прим. ред.*

4. Вантозские декреты

Чтобы правильно оценить декреты, принятые Конвентом 8 и 13 вантоза по докладу Сен-Жюста, их надо рассматривать в свете политической и социальной атмосферы начала вантоза: это была мера, которая должна была предотвратить кризис, объединив вокруг Революционного правительства передовых патриотов и санкюлотов, но она не имела успеха, ибо не отвечала требованиям, выдвигавшимся в этот момент народом, и слишком поздно удовлетворяла давние требования санкюлотов.

Клика «снисходительных» добилась успеха, настояв на проведении декрета от 4 вантоза, по которому оба Комитета, собравшись вместе, должны были пересмотреть дела подозрительных лиц, находившихся в заключении, и решить, кого из них следует освободить. Позволят ли правительственные комитеты, чтобы их потеснили справа, доказав тем самым правоту передовых патриотов, которые вели кампанию против модерантизма, провозвестника контрреволюции? Чтобы исправить положение вещей, комитеты поручили Сен-Жюсту доложить 8 вантоза о лицах, подвергнутых аресту. Речь Сен-Жюста была прежде всего апологией террора и Революционного правительства. «От арестов зависит провал или победа наших врагов... Сетуют на революционные меры, но по сравнению с другими правительствами мы еще умеренны... Монархия, цеплявшаяся за власть, плавала в крови трех десятков поколений; а вы еще колеблетесь, когда надо проявить суровость по отношению к горстке преступников». В речи Сен-Жюста звучала едва скрываемая угроза по адресу «снисходительных» и умеренных. «Те, что требуют свободы для аристократов, не хотят Республики и боятся за себя... Ручаюсь, что все те, кто выступает в защиту арестованных аристократов, не рискнут предстать перед лицом общественного обвинения...» Сен-Жюст совершенно ясно намекал на главных руководителей клики «снисходительных»: на Дантона («кое-кто лелеет в душе замыслы заставить нас отступить»),

на Камилла Демулена («когда вы говорите о терроре, она [некая политическая секта] говорит вам о милосердии; когда вы проявляете милосердие, она начинает превозносить террор; она хочет благоденствовать и пользоваться всеми благами...»), на Делакруа («...нельзя молчать насчет безнаказанности самых главных виновников, которые хотят уничтожить эшафот из страха, что однажды им самим придется на него взойти...»). Готов ли был Сен-Жюст закончить призывом к аресту если не Дантона, которого еще спасало его революционное прошлое, то по крайней мере этих филиппотистов, которые в глазах передовых патриотов олицетворяли модерантизм? Это значило бы встать на сторону одной или другой фракции. Правительственные же комитеты намерены были, несмотря ни на что, сохранить равновесие, а это становилось все более трудным делом. Восславив террор и высказав угрозу по адресу «снисходительных»— слабое удовлетворение для передовых патриотов,— Сен-Жюст, дабы заставить их молчать о своих требованиях, предложил им более существенную меру: конфискацию имущества подозрительных лиц. Уже заканчивая свою длинную обвинительную речь против снисходительности и ее поборников, Сен-Жюст делает неожиданный поворот: «В силу самих вещей мы, возможно, придем к результатам, о которых вовсе и не помышляли. Богатства сосредоточены в руках довольно изрядного числа врагов Революции, нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Допускаете ли вы мысль о том, что страна может существовать при условии, когда гражданские отношения сводятся к отношениям, которые противоречат форме правления?» Конвент аплодисментами принял предложенный проект декрета об изъятии в пользу республики имущества лиц, *признанных* врагами революции [31].

Смысл политики правительства — ослабить народное наступление против умеренных и заставить санкюлотов замолчать о своих требованиях — был с очевидностью раскрыт вечером того же дня в Клубе якобинцев устами Колло д'Эрбуа, неизменно озабоченного единством всех патриотов. «Мы уже привыкли слышать и читать о том, что Конвент вот-вот позволит увлечь себя на путь снисходительности, первые шаги по которому сделали некоторые друзья свободы, легко введенные в заблуждение»; Конвент ответил «этим милосердным по отношению к аристократам людям», издав «закон, который продиктовал бы сам французский народ, если бы он при сем присутствовал». Приняв закон о конфискации имущества подозрительных лиц, об их содержании в тюрьме до заключения мира и об их последующей высылке, Конвент и Гора доказали, что они не намерены впадать в модерантизм, и пусть вокруг них сплотятся все патриоты! «Будем же едины, не будем слушать тех, кто клевещет на Конвент и правительство». И как бы боясь быть непонятым, Колло повторяет в заключение: «Достаточно сказать вам, что Конвент объявил войну не на жизнь, а на смерть всем врагам свободы

и провозгласил нерушимое единство патриотов» [32]. Конфискация имущества подозрительных лиц служила залогом этого единства. В завершение маневра Сен-Жюст от имени Комитета общественного спасения провел 13 вантоза декрет о составлении в коммунах списка всех неимущих патриотов; получив эти списки, комитет представит доклад «о средствах возмещения всех нуждающихся за счет имущества врагов Революции» [33].

Правительственный маневр на этом и закончился. Нападки Сен-Жюста на «снисходительных» и его угрозы в адрес вожаков этой клики, равно как и заверения Колло д'Эрбуа, что Конвент не впал в модерантизм, не могли обмануть передовых патриотов — правительственные комитеты не решались идти на строгие меры. Впрочем, если конфискация имущества подозрительных лиц и предполагаемое возмещение неимущих патриотов были с удовлетворением встречены в народных кругах, меры эти, эффект которых мог сказаться не скоро, не соответствовали требованиям момента; они ничуть не облегчали продовольственного кризиса. Наконец, они отвечали требованиям, уже давно сформулированным санкюлотами или вожаками, выражавшими их чаяния, а это лишало их характера исключительности и значительно ослабляло впечатление, которое они произвели на народные массы.

* * *

Что враги революции не имеют никаких прав в республике, что их имущество должно пойти на вознаграждение патриотов, защищавших ее с риском для жизни,— эти идеи уже давно получили распространение в среде санкюлотов, а также среди тех представителей буржуазии, которые отдавали себе отчет в угрозе со стороны аристократии и в необходимости союза с народом. 8 мая 1793 года в разгар борьбы с жирондистами один из ораторов секции Общественного договора предложил на заседании общего собрания конфисковать все имущество заговорщиков, чтобы обеспечить 150 ливров пожизненной ренты каждому вооруженному революционеру [34]. 7 сентября 1793 года общество якобинцев Седана, ссылаясь на мятежи в Лионе, Бордо, Тулоне и Марселе, потребовало от Конвента призвать бедных граждан восставших городов организоваться в революционную вооруженную силу: после подавления мятежа они получат в *качестве вознаграждения* половину имущества контрреволюционеров, другая половина которого будет конфискована в пользу республики [35]. Кризис революции летом 1793 года, обнаруживший тайный сговор богачей и контрреволюционеров и потребовавший новых усилий санкюлотов для защиты республики, способствует углублению такого умонастроения. В сентябре число аналогичных требований множится. Наблюдатель Русвиль сообщает, что 16 сентября в Якобинском клубе зачитывалось письмо бойцов батальона Эро, в котором они требовали

разделить после войны земли эмигрантов и предателей среди солдат [36]. В период недостатка продовольствия земледельцы, не отдававшие свое зерно, играли тем самым на руку контрреволюции; в этой связи Леметр, комиссар при представителях в миссии в департаментах Йонна и Сена и Марна, писал 25 сентября своей секции, рекомендуя ей предложить Конвенту, чтобы «собственность любого фермера и владельца зерна, который отказывается предоставить соответствующее его урожаю количество хлеба, была конфискована и разделена» [37]. Таким образом, в различных формах и вариациях санкюлоты уже давно настаивали на необходимости конфисковать имущество подозрительных лиц либо в пользу республики, либо в пользу патриотов.

Политические деятели, внимательные к чаяниям народа, уже давно подхватили и расширили это требование либо потому, что они были убеждены в его обоснованности, либо потому, что видели в этом средство поладить с санкюлотами. Жак Ру в августе 1793 года в номере 263 своего «Люблисист» требовал, чтобы после окончания военной кампании «между санкюлотами-победителями и их вдовами была распределена часть имущества эмигрантов, федералистов и депутатов, которые покинули свой пост и предали нацию». «Пер Дюшен» не могла остаться в стороне. В это же время в номере 280 своей газеты Эбер ополчается на трусов, которые отказываются отправиться на фронт,— они достойны того, чтобы их объявили не имеющими право владеть какой бы то ни было собственностью в республике. В начале сентября, в номере 289, он идет еще дальше: «Издайте, черт побери, декрет, что каждый собственник, не предоставивший республике зерно соответственно собираемому им урожаю, будет лишен собственности и его поля будут разделены между всеми санкюлотами, у которых хорошие руки, но у которых нет ни единой борозды земли». 2 брюмера в Генеральном совете Коммуны Шометт говорит о том, что республиканцам должны быть переданы земли, занятые врагами народного дела [38]. Анрио, санкюлотский генерал парижской национальной гвардии, связи которого с передовыми патриотами были известны, 7 брюмера развивал аналогичные идеи в Якобинском клубе: «Революция не завершена; между тем ее поддерживают только санкюлоты, а для них ничего не сделано. Взят Лион, но за Лион, который следовало разделить между санкюлотами, отнявшими его у мятежников, они не получили никакого вознаграждения; все, чего лишаются аристократы, должно быть передано патриотам; дома, земли — все надо разделить между теми, кто восторжествовал над этими злодеями» [39]. Впрочем, подобные взгляды свойственны не одним только санкюлотам и передовым патриотам; их разделяют также некоторые монтаньяры, которые чувствуют необходимость бесповоротно лишить аристократов и контрреволюционеров их экономического могущества и посредством собственности привязать санкюлотов к революции. Так, например, 21 июля 1793 года, в самый

разгар федералистского кризиса, Бодо потребовал поощрения санкюлотов в их борьбе с богачами и аристократами: «Надо гарантировать санкюлотам, что они получат в собственность все то, что отнимут у них [аристократов] силой» [40].

Идея конфискации имущества врагов революции и передачи его бедным патриотам как средство борьбы с аристократией, как санкция в отношении мятежников и предателей, а не как расширение социальной революции, выдвигалась, следовательно, на каждом критическом этапе революции и в периоды патриотического подъема — в мае 1793 года, а затем летом того же года. Близкая как монтаньярам, так и санкюлотам, она вновь возникает, когда в плювиозе намечаются симптомы нового кризиса, причем буржуазные лидеры акцентируют на конфискации как на средстве уничтожения враждебного класса, а передовые патриоты, менее чувствительные к абсолютному праву собственности, делают ударение на возмещении. 7 плювиоза в ходе дискуссии о возмещении расходов по охране опечатанного имущества подозрительных лиц, поднятой Мерленом из Дуэ от имени Законодательного комитета, Кутон если не предложил, то по крайней мере вновь поднял вопрос о конфискации имущества подозрительных лиц. Кутон поставил вопрос шире: не целесообразно ли вовсе конфисковать имущество подозрительных? По его требованию Конвент поручает двум правительственным комитетам представить доклад по этому вопросу. Кутон уточнил, что он имеет в виду именно «бывших дворян, привилегированных, священников, банкиров, биржевых маклеров, откупщиков, родственников эмигрантов и других лиц, объявленных подозрительными законом от 17 сентября» [41]. Доклад так никогда и не был представлен. Но с углублением к концу зимы кризиса вопрос о конфискации имущества подозрительных лиц вновь ставится санкюлотами в повестку дня вместе с продовольственным вопросом.

В петиции Конвенту от 30 плювиоза секция Неделимости связывает обе эти проблемы. Она требует, чтобы Конвент постановил либо сослать подозрительных лиц, либо конфисковать все их имущество и доходы «даже в течение двух лет после заключения мира». Повторяя мысль, высказанную 8 фримера секцией Гренельского фонтана, санкюлоты секции Неделимости требуют, чтобы подозрительным было оставлено на жизнь не более 3 ливров в день; но они не уточняют, как следует поступить с конфискованным имуществом и доходами [42]. Вновь поднятая секцией Неделимости идея конфискации имущества подозрительных лиц получает в начале вантоза широкое распространение и становится предметом обсуждения в общих собраниях и секционных обществах; как правило, ее связывают с проблемой вознаграждения патриотов. Наблюдатель Ле Бретон сообщает в этой связи 1 вантоза о наличии различных точек зрения. Речь идет о том, чтобы сразу же после заключения мира вознаградить бойцов, выдав «каждому участок обрабатываемой земли либо в окрестностях Парижа, либо в другом месте за счет земель,

ранее принадлежавших подозрительным лицам»; с точки зрения одних, это означает требовать «аграрного закона», однако другие утверждают, что солдаты республики достойны получить «индивидуально какую-то собственность за то, что они отстояли свободу и нашу страну». Петиция секции Неделимости была тем временем разослана общим собраниям различных секций и народным обществам; 4 вантоза ее сообщили обществу Лепелетье и секции Пик [43]. Отсутствие документов не позволяет установить, как эта петиция была ими принята. 7 вантоза, заслушав одну страницу петиции, общество Лепелетье перешло к очередным делам [44]; состоявшее из граждан зажиточного, а то и богатого квартала, это общество было настроено заведомо умеренно.

Вопрос о конфискации имущества подозрительных лиц и о вознаграждении неимущих патриотов уже широко обсуждался, таким образом, в секционных организациях и общественным мнением, когда Сен-Жюст вынес его на трибуну Конвента; предложения, внесенные им как 8, так и 13 вантоза, отнюдь не носили какого-то исключительного характера. Разумеется, Сен-Жюст в присущем ему стиле сумел придать им яркий пропагандистский характер: «Обездоленные — это движущая сила земли», «Благоденствие — это новая для Европы идея». Но когда он утверждал, «что тот, кто проявил себя врагом отечества, не может быть в нем собственником», он повторял мысль, уже давно усвоенную буржуазной революцией; ее уже проиллюстрировала конфискация имущества эмигрантов [45].

Не останавливаясь более ни на фрагментарном характере вантозских декретов, очевидном при их сопоставлении с народными устремлениями, ни на неясности способов их применения, можно сделать следующий вывод: отнюдь не являясь «программой новой революции», как это утверждал Матьез, они ни в коей мере не были отклонением от генеральной линии буржуазной революции, столь глубоко приверженной к праву собственности: конфискация частного имущества всегда была для нее лишь средством борьбы с аристократией, когда становилось очевидным, что эта последняя отнюдь не собирается капитулировать и, не колеблясь, прибегнет к восстанию и предательству.

* * *

Указанным характером вантозских декретов и объясняется тот факт, что, хотя они и были с удовлетворением восприняты общественным мнением, они тем не менее не вызвали того психологического потрясения, которое способно было бы разрешить политический кризис, объединив санкюлотов вокруг Революционного правительства.

Донесения полицейских наблюдателей констатируют 8 вантоза и в последующие дни глубокое удовлетворение народа в связи с провозглашением конфискации имущества подозрительных. 10 вантоза, по свидетельству Дюга, только и говорили, что о мудрости этого декрета: «Патриоты вздохнули свободно». Наступила, бесспорно, известная разрядка. Казалось, что опасность модерантизма устранена. Но 9 числа Пурвуаёр сообщал о разговоре, происходившем между санкюлотами о Вандее: «После того как эта местность была очищена от врагов, ее следовало бы разделить между храбрыми защитниками отечества» по четыре арпана на каждого [46]. Народные требования всегда опережали мероприятия Конвента. Декрет от 13 вантоза, предусматривавший лишь «доклад о средствах вознаграждения всех обездоленных», был слишком расплывчат, чтобы поразить воображение народа. И хотя этот декрет тоже был встречен благосклонно (наблюдатель Латур-Ламонтань сообщал 14 вантоза о «всеобщей радости»), он не способен был как раз в момент назревания кризиса изменить настроение: молчание, которое хранят полицейские наблюдатели, весьма примечательно в этом смысле — другие заботы владели санкюлотами.

И действительно, нет ни малейшего сомнения, что если бы вантозские декреты произвели переворот в общественном мнении, передовые патриоты почувствовали бы это и руководители кордельеров не пустились бы в авантюру. Позиция Эбера, всегда чутко реагировавшего на изменения народного мнения, в данном случае очень показательна. «Пер Дюшен» в № 350 приветствует Конвент в связи с принятием *«великолепного»* декрета, «который подрежет когти всем врагам народа и поставит в *тупик* всех заговорщиков». Но он не слагает оружия. Он по-прежнему смотрит на «святую гильотину как на философский камень». Проливая свет на правительственную политику, он пишет: «Напрасны стремления сохранить в целости козу и капусту и спасти злодеев, которые плели заговор против свободы. Справедливость восторжествует вопреки усыпителям, которые хотят заставить нас пятиться назад». Что касается залога, который Комитеты предлагали санкюлотам, то Эбер считает его недостаточным, ибо он не разрешает ни одной из насущных социальных трудностей. «Обеспечьте работу всем гражданам,— требует он от монтаньяров,— предоставьте помощь старикам и инвалидам и, чтобы увенчать свое дело, организуйте поскорее народное образование». Право на труд, право на помощь, право на образование (последнее как раз в это время стояло в повестке дня многих секционных организаций) — таким образом, выражая смутные чаяния масс, Эбер сформулировал четкую программу, отдельные аспекты которой отвечали требованиям момента. По сравнению с этим чего стоило в глазах санкюлотов расплывчатое обещание, заключенное в вантозских декретах, осуществление которого было довольно долгим делом?

Альбер Матьез удивляется тому, что Сен-Жюст не был «ни понят, ни поддержан именно теми, кого он хотел удовлетворить» [47]. Сен-Жюст и Революционное правительство были, несомненно, поняты: вантозские декреты отражали требования, уже давно предъявлявшиеся народом, но не более. Нельзя согласиться с Матьезом,

когда он пишет, что выводы Сен-Жюста являли собою «замечательную попытку извлечь из туманных чаяний эбертизма социальную программу»; санкюлоты и передовые патриоты уже давно сформулировали свою программу в этой области, да к тому же более радикальную. По Матьезу выходит, что Революционное правительство, «в течение двух месяцев искавшее свой путь между умеренными и крайними», решительно встало на сторону крайних и даже пошло еще дальше их. Безусловно, это не так. В тот самый момент «Пер Дюшен» сформулировала куда более смелую социальную программу. В плане политическом, невзирая на декламации Сен-Жюста и Колло д'Эрбуа против «снисходительных», правительственные комитеты в своих действиях не заняли твердой позиции. Поэтому нет ничего удивительного, что санкюлоты за ними не пошли. Следовательно, вантозские декреты следует расценивать всего лишь как тактический маневр, рассчитанный на то, чтобы парировать пропаганду передовых элементов. Маневр этот провалился, и правительство продолжало оставаться пассивным, а кризис, для преодоления которого ничего не было сделано ни в области экономической, чтобы обеспечить существование санкюлотов, ни в области политической, чтобы предотвратить угрозу со стороны умеренных, к середине вантоза резко обострился.

5. Пароксизм вантоза

Жестокий голод довел народное недовольство до крайности. Оно нашло выражение в призывах к террору, в мятежных афишах, которые, насторожив правительственные комитеты, породили иллюзии в лагере кордельеров и передовых патриотов и побудили их, чтобы разделаться со своими противниками, предпринять решающие, с их точки зрения, действия.

Разговоры, которые велись повсюду, отражали обычное умонастроение народа. Народ был убежден в заговоре аристократов, поэтому его защитная реакция проявлялась в стремлении покарать врагов революции — обычная его позиция в период продовольственных затруднений. Защитная реакция побуждает народ еще раз подняться, чтобы расправиться со своими противниками или чтобы заставить Конвент принять эффективные, с его точки зрения, меры. Стремление покарать побуждает народ отомстить своим врагам и прежде всего тем, кто легче всего досягаем, то есть заключенным. Отсюда и слухи о расправах и о новых сентябрьских днях; отсюда и слухи о новом 31 мая, о восстании, которые предшествуют выступлению кордельеров и отчасти его объясняют.

10 вантоза на общем собрании секции Рынка вопрос о продовольственном положении вызвал оживленные споры. Один гражданин предложил убивать собак и кошек. На реплику одного из присутствующих о том, что заключенные ни в чем не нуждаются, сапожник Бо, революционный комиссар, слывший хорошим патриотом, заявил, что если бы можно было быть в этом уверенным, все устремились бы в тюрьмы, чтобы зарезать заключенных, изжарить их и съесть; что если они хотят заставить патриотов питаться кошками, то их самих надо съесть, как собак. Часть присутствующих не одобрила этого предложения, но зато другая часть, особенно женщины с Центрального рынка, встретили его горячими аплодисментами. В последующие дни подобные разговоры велись в секции и продолжали шириться[48]. 12 вантоза по распоряжению Комитета общественной безопасности был арестован гражданин Венсено, помощник командира вооруженными силами секции Арсенала, бывший член революционного комитета: он вел разговоры о «всенародном восстании в связи с голодом ... и громко заявлял о том, что фонари еще не позабыты, что в каждом квартале на них будут повешены все правители и умеренные»[49]. Эти террористические разговоры доходили до тюрем, набитых заключенными. Снабженные соответствующими комментариями, казавшиеся вполне правдоподобными при воспоминании о сентябрьских днях 1792 года, еще более раздуваемые страхом, эти разговоры вызывали брожение в среде заключенных. Некий Шоле, заключенный в одно время с Клоотсом, Дефье и Перейрой, сказал гражданке Акен, пришедшей навестить его в тюрьму Сен-Лазар, что он считает опасным раскол между патриотами, тем паче что он боится, как бы люди, жаждущие крови, не воспользовались этим и не вызвали волнений. 3 вантоза гражданка Акен донесла Комитету общественной безопасности о «широких замыслах» Клоотса, Дефье и Перейры: «... для их осуществления они собираются свалить Национальный Конвент, истребив часть Горы, причем начнут они с самых пылких патриотов». В оправдательном заявлении, поступившем от Шоле 5 вантоза, он опровергает донос; называя имена Клоотса, Дефье и Перейры, он вовсе не обвинял их в отсутствии патриотизма и не приписывал им никаких коварных замыслов. Заключенный Миллен в своем заявлении от 4 вантоза выражался еще более ясно: в тюрьме Сен-Лазар все действительно опасались создания военного трибунала, который выпустит на свободу передовых патриотов и прикажет расстрелять других заключенных; что касается Клоотса, Дефье и Перейры, то они вовсе не причастны к этому замыслу, а, напротив, разделяют общий страх других заключенных[50]. Здесь мы наглядно видим, как распространяется слух, который искажается и ширится, передаваясь от одного к другому. За непроницаемыми стенами тюрьмы этот слух отдавался для заключенных зловещим эхом. Именно в тюрьмах судьи Революционного трибунала искали доказательств, чтобы подкрепить обвинение против Эбера и его соратников, обвинение в том, будто они готовили массовую расправу с заключенными; это лишает подобные свидетельства малейшей достоверности.

Между тем очистить тюрьмы было недостаточно; следовало также заставить Конвент принять необходимые меры для спасения народа. Мысль о восстании, о новом 31 мая дополняла мысль об истреблении заключенных. Трудно, разумеется, точно установить происхождение этого слуха, поскольку большинство доносов касаются заседания Клуба кордельеров от 14 вантоза или же еще более поздних разговоров В донесениях полицейских наблюдателей, относящихся к первой декаде вантоза, перечисляются иногда смутные угрозы, которые раздаются среди санкюлотов, встревоженных тяжелым продовольственным положением. Не вызывает сомнения, что мысль о восстании родилась в народных обществах, там она постепенно и оформилась, а затем получила более широкое распространение в общественном мнении. Если верить донесению полицейского чиновника Вильнёва, относящемуся к концу плювиоза, некий Брут, посыльный канцелярии Ратуши, подстрекал к восстанию против Конвента и умеренных на собрании общества Революционеров 10 августа и возобновил свою агитацию в Электоральном клубе Епископства [51].

Этих не поддающихся контролю высказываний, сообщавшихся к тому же постфактум, было бы, по-видимому, недостаточно, чтобы вызвать тревогу правительственных комитетов, если бы они не сопровождались в первые дни второй декады вантоза безыменными мятежными афишами, появлявшимися на рынках или в других людных местах и свидетельствовавшими об организованных действиях. Подчеркивая голод, эти афиши подхватывают и конкретизируют слухи о необходимости нового восстания. Утром 12 вантоза на Центральном рынке в огромном количестве были разбросаны экземпляры анонимного письма: если контрреволюция совершится, то она совершится женщинами; скоро исчезнут все продукты питания, не пройдет и двух месяцев, как воцарится полнейший голод; женщины должны собраться все вместе и отправиться к Конвенту, чтобы потребовать его роспуска и «назначения одного вождя вместо 700 королей и воров»[52] В тот же день гражданин Пилон, инспектор отдела овощей Центрального рынка, передал в Управление полиции другое анонимное письмо, также адресованное «гражданкам торговкам». В нем говорится, что через два месяца наступит голод и что ответственность за него несут «Собрание и Коммуна, которые все реквизируют», «на коленях молите ваших мужей взять в руки оружие и отправиться к Конвенту в количестве 10—12 тысяч, дабы потребовать от него назначения одного вождя и мира»[53]. Общее происхождение этих двух анонимных писем не вызывает никакого сомнения; в обоих фигурируют аналогичные контрреволюционные лозунги. Обвинение Коммуны и Конвента в том, что они все реквизируют, обнаруживает социальное происхождение авторов этих писем: они являются представителями мелкой или средней буржуазии, приверженной к свободе торговли и прибылей, которая не могла примириться с максимумом и руководством экономикой со стороны правительства. Управление полиции реагировало немедленно. 12 вантоза по его указанию была расклеена афиша, предостерегавшая граждан против авторов этих анонимных писем, «в которых речь идет не более не менее как о разоружении граждан, о роспуске Конвента и о некоем вожде» [54]. Итак, в то время как для передовых патриотов голод и трудности, переживаемые санкюлотами, служили основанием для требования более строгого проведения регламентации и применения максимума, контрреволюционеры использовали недовольство торговцев и лавочников этим самым максимумом для агитации, направленной против Революционного правительства и самого Конвента.

К середине вантоза вспыхивает кризис. Социальные трудности достигают предела; массы, страдающие от голода, готовы снова подняться. Углубляются и политические трудности; санкюлоты не желают терпеть опеки Революционного правительства, в то время как угроза со стороны умеренных вызывает возмущение решительных патриотов. Провал правительственного маневра с вантозскими декретами, пассивность Комитетов, которые хотя и разоблачали фракции, однако не решались вмешаться, а особенно народное брожение — все это побуждает передовых патриотов во главе с кордельерами решиться на выступление, которое избавило бы их от умеренных и заставило бы правительственные комитеты и Конвент считаться с победителями. Последуют ли за ними санкюлоты? Кордельеры начинают свою авантюру.

ГЛАВА II

ПОПЫТКА КОРДЕЛЬЕРОВ
(14 — 24 вантоза II года)

1. Политическое наступление и социальные волнения.— 2. Мнимое примирение.—3. Брожение в народе в связи с недостатком продовольствия и кампания кордельеров.— 4. Позиция секционных организаций.—5. Арест руководителей кордельеров.

Кризис, переживаемый санкюлотами, побудил руководителей кордельеров ввязаться в середине вантоза в политическую авантюру. Социальные и политические трудности, тяготившие парижских санкюлотов, создавали, по их мнению, благоприятную обстановку для наступления, которое, помимо решительно разоблаченного модерантизма, покончило бы с неустойчивым равновесием, на котором строило свою политику правительство. Но, пренебрегая уроками всех революционных выступлений, руководители кордельеров не позаботились ни об организации движения, которое они замышляли, ни об установлении связи с народными массами, более остро реагировавшими на нехватку продовольствия, чем на угрозу модерантизма. Изолированность руководителей кордельеров явилась причиной их гибели.

1. Политическое наступление и социальные волнения (14—16 вантоза)

Кризис, остававшийся скрытым в течение нескольких декад, разом вспыхнул в середине вантоза, когда голод довел общественное возбуждение до крайнего предела и кордельеры сочли, что настал час нанести удар.

12 вантоза с трибуны Клуба кордельеров Ронсен провозгласил необходимость восстания. Эбер, поддержанный Брутом, выступил против этого предложения: по его мнению, достаточно ограничиться «наказанием 60 членов Конвента, которых считают приверженцами фракции жирондистов и бриссотинцев, в том числе Филиппо, Бурдона из Уазы и Камилла Демулена»[1]. Общество постановило составить обвинительный акт против этих трех представителей и передать его Конвенту[2].

14 вантоза заседание Клуба кордельеров началось с чтения проспекта газеты «Друг народа», продолжавшей ту, которая издавалась Маратом. Декларация прав человека была завешена черным покрывалом; в таком виде она должна была оставаться до тех пор, пока народ вновь не обретет своих прав, «уничтожив эту клику». Венсан разоблачает эту новую клику, обвиняя Люлье, Дюфурни и многих других, «которые, по-видимому, сговорились установить гибельную систему модерантизма»; новый заговор, замышляемый Филиппо, Бурдоном из Уазы и другими, еще опаснее, чем заговор Бриссо: он неминуемо покончит со свободой, «если мы не прибегнем к оружию страха, который гильотина внушает врагам народа». Вслед за Венсаном выступил Каррье: вернувшись из Вандеи, он был поражен, увидев, что умеренные заседают в Конвенте на Горе; ему не известно, чтобы они «защищали дело народа в периоды самых великих кризисов»; сейчас скорбят о судьбе тех, кого поразило национальное правосудие; «гильотины не хотят те, которые сами достойны гильотины». Напомнив статьи 34 и 35 Декларации прав, Каррье заявил в заключение: «Восстание, святое восстание — вот чем должны вы ответить злодеям». Тут слово берет Эбер. Ссылаясь на свою речь от 12 вантоза, он вновь разоблачает арестованных депутатов, сообщников Бриссо: они совершили то же преступление, а потому также должны взойти на эшафот. Почему Шабо и Фабра д'Эглантина до сих пор не покарали за их злодеяния? Амар — это «большой интриган», *г-н Амар*, дворянин, казначей короля Франции и Наварры, человек, заплативший за свое дворянство 200 тысяч ливров. Воры и то менее опасны, чем честолюбцы, которые выставляют вперед других, а сами остаются за кулисами — намек на Робеспьера. «Эти люди заткнули рты патриотам в народных обществах, я вам назову их имена; вот уже два месяца я сдерживаюсь . . .» «Отец Дюшен, говори и ничего не бойся,— воскликнул Буланже, помощник командующего парижской национальной гвардии,— мы сами будем отцами Дюшенами, которые нанесут удар». «Говори, мы тебя поддержим»,— вторит ему Моморо, упрекающий Эбера за то, что он два месяца боялся говорить правду. Венсан идет дальше: сравнивая тон газеты Эбера четыре месяца назад и сегодня, можно подумать, что отец Дюшен умер. Ободренный репликами, Эбер продолжает. Он стал объектом целой системы притеснения: ему три или четыре раза отказывались дать слово «в одном очень известном обществе», Камилл Демулен, исключенный патриотами из Якобинского клуба, был вновь восстановлен по предложению «одного, безусловно заблуждающегося человека» (очередной намек

на Робеспьера)... Из кого состоит правительство? Из Паре, из Дефорга; Бушотта в военном министерстве хотят заменить Карно, «глупым и злонамеренным» братом Карно из Комитета общественного спасения... Нет никакого сомнения, существует клика, которая хочет ликвидировать права народа. «Каким путем мы можем этого избежать? Посредством восстания. Да, восстания, и кордельеры будут отнюдь не последними из тех, кто подаст сигнал, который должен покончить с притеснителями»[3].

Цели восстания, необходимость которого провозгласили кордельеры, были чисто политическими; о голоде, о социальных требованиях санкюлотов не было и речи. Это свидетельствует о том, что руководителями кордельеров двигали главным образом злоба и честолюбие. Но их атаки метили значительно дальше, чем атаки санкюлотов против умеренных: нападая на филиппотистов, они целили в Исполнительный совет в лице Дефорга и Паре, в правительственные комитеты в лице Амара и Карно, а также в Робеспьера, хотя Эбер и не назвал его. В конечном счете лидеры кордельеров метили в Революционное правительство и его политику. Не позволит ли им сочетание социальных трудностей и угрозы модерантизма удовлетворить наконец их давние притязания на власть?

Если цели были ясны, то методы борьбы (и это доказывает политическую неспособность кордельеров) не были даже намечены. Провозгласив необходимость восстания, общество кордельеров не пошло дальше словесных заклинаний; они разошлись около 10 часов вечера. Только траурный креп, закрывавший Декларацию прав, символизировал притеснение патриотов со стороны клики, уже давно разоблачаемой ими: это был лишь символ, который не заключал в себе ничего нового, ибо уже в плювиозе, когда Венсан и Ронсен были еще в тюрьме, кордельеры прибегли к этому способу протеста, а наряду с ними его использовали и передовые патриоты таких городов, как Седан[4]. Этим жестом и ограничились действия кордельеров. 10 августа и 31 мая революционеры действовали по-иному.

О том, что в представлении кордельеров о восстании, предложенном Каррье и Эбером, царила крайняя путаница, свидетельствуют последующие высказывания людей (15 вантоза), принимавших участие в заседании 14 вантоза. Анкар, который в тот момент, когда Эбер говорил о необходимости восстания, в порыве энтузиазма вскочил на стул, сорвал шапку и крикнул: «Да здравствует Республика!»— этот Анкар 16 вантоза заявил: «Когда я говорю о восстании, я хочу сказать, что нам нужно 2 сентября»[5]. Тот самый Брут, который 12 вантоза протестовал против предложения Ронсена («Что за восстание, какое еще восстание, нам не нужно никакого восстания!»), спустя несколько дней заявляет: «Необходимо 31 мая, надо послать к чертям собачьим 105 мошенников-депутатов»[6]. 31 мая или 2 сентября? Ни Эбер, ни кордельеры не уточняли смысла, который они собирались придать своему восстанию,

казавшемуся не более чем словесной демагогией, обычной для отца Дюшена, Заседание Клуба кордельеров от 14 вантоза своими словесными крайностями ненамного отличается от обычных оппозиционных заявлений Эбера, Венсана или Моморо, разве что словом «*восстание*».

Кордельеры, подстрекаемые Эбером, Венсаном и Моморо, сбросили маску; но их наступление, которому удивительно не хватало организованности, по-прежнему не выходило за рамки словеных заявлений.

О том, что *восстание* кордельеров было символическим, что оно сводилось к чисто показному протесту, свидетельствуют и прения в секции Марата и ее демарш перед Коммуной. 15 вантоза на заседании общего собрания Дюкроке, комиссар по борьбе со спекуляцией, член Клуба кордельеров, выступил по продовольственному вопросу и ополчился против скупщиков. Он потребовал, чтобы Декларация прав была завешена черным крепом, чтобы в Коммуну отправилась депутация для выяснения причин голода и мер, принятых для снабжения Парижа продовольствием. В случае если не будет получено *удовлетворительных* объяснений, Дюкроке предложил объявить секцию «в состоянии восстания». Скромный санкюлот Дюкроке был больше обеспокоен голодом, чем модерантизмом, на котором кордельеры делали накануне главное ударение. Лоран, член Генерального совета, выступил против предложения Дюкроке: сначала следует доложить об этом муниципалитету. Некоторые присутствовавшие на заседании Клуба кордельеров предлагали сообщить муниципалитету, что секция Марата поднимется всей массой и будет в состоянии восстания до тех пор, пока вновь не появится продовольствие. Благоразумный Варме, выполнявший обязанности секретаря, заметил, что не следует торопиться с осуществлением этой меры: «народ уже совершил три святых восстания, которые пошли на пользу общему делу». Председательствовал Моморо. Опасаясь, как бы прения не затянулись до бесконечности и как бы собрание не смягчило предложенные меры, он поставил на голосование предложение Дюкроке, которое было принято. Тогда часть присутствующих покинула зал заседания, в котором, по словам Делоша, остались только «*люди 40 су*». Было решено, что на другой день вся секция, а не просто делегация, отправится в Коммуну, чтобы сообщить ей о своих решениях[7].

Таким образом, действия, предложенные кордельерами 14 вантоза, не только уточнялись, но и видоизменялись. Поход секции Марата всей массой в Генеральный совет не выходил за рамки обычных демонстраций секций. Восстание становилось чисто условным. Даже само это слово исчезло из текста протокола, и секция просто заявляла, что она «*поднялась*». Столь же примечательна для той трансформации, которую претерпела инициатива кордельеров, та цель, которую преследовала их манифестация. Дюкроке и «*люди 40 су*» настояли на своих требованиях; санкюлоты стремились пре-

дотвратить голод, об умеренных речи уже вовсе не было; социальный аспект кризиса возобладал над аспектом политическим. Все угрозы кордельеров по адресу Революционного правительства в конечном счете свелись к обычному демаршу одной-единственной секции перед Коммуной и к тому же по продовольственному вопросу.

16 вантоза секция Марата всей массой явилась в Генеральный совет Коммуны: она «*поднялась*», она завесит черным крепом Декларацию прав в зале своих заседаний, «дабы она [Декларация] оставалась в таком состоянии до тех пор, пока она [секция.— *Ред.*] не будет уверена в том, что продовольствие и свобода гарантированы и что враги народа, притесняющие ее со всех сторон, понесли наказание»[8]. Председательствовавший Любен удивился, что секция Марата решила завесить Декларацию в тот самый момент, когда Конвент принимает самые революционные меры, когда Комитеты приступили к осуществлению декрета о конфискации имущества подозрительных[9]. Тут, безусловно, развернулась оживленная дискуссия, но по отчетам трудно составить о ней ясное представление. Шометт подчеркнул опасность малейших волнений в Париже в момент, когда начинается военная кампания, и указал, насколько неуместно всякое противодействие в то время, когда Конвент только что принял декрет о конфискации имущества подозрительных лиц в пользу неимущих патриотов. В связи с его речью Генеральный совет ограничился принятием ряда незначительных мер, касающихся продовольственного снабжения[10]. Таким образом, манифестация секции Марата, несмотря на ее ограниченные цели, все-таки потерпела неудачу. Как и кордельеры, она имела в виду чисто символическое *восстание*; члены революционного комитета, обсудив этот вопрос, пришли к соглашению, что под *восстанием* они подразумевали «меры, которые надо принять, чтобы бедная часть народа не была по-прежнему жертвой богачей и чтобы Париж получил наконец продовольствие».

* * *

Поскольку кордельеры ограничились 14 вантоза туманными декларациями относительно восстания и не наметили никакого плана действий, то за ними пошла только секция Марата, большинство руководителей которой состояло из их людей; эта их принадлежность к обеим организациям и объясняет попытку 15 вантоза, и отсутствие согласованного плана, чтобы увлечь за собой секции. Нельзя согласиться с Матьезом, что призыв кордельеров упал *в пустоту*[11]: не было никакого призыва и никакой попытки действовать. В то время как секция Марата, подражая кордельерам, завесила 15 вантоза текст Декларации прав, другие секции заседали, как обычно, в своих общих собраниях, занимаясь все теми же вопросами, касающимися продовольствия, селитры, разоблачений. Наблюдатель Бакон, всегда очень внимательный к их заседаниям, не отмечает ничего необычного в секциях, которые он посетил. Кордельеры не позаботились

даже о том, чтобы 15 числа послать в секции своих комиссаров, дабы увлечь их за собой. Заседания общих собраний секций Друзей отечества, Общественного договора, Ломбар, Мезон-Коммюн, Арсенала были очень многолюдными и проходили порой довольно бурно, но на повестке дня стояли вопросы продовольствия или добычи селитры. В секции Бон-Консей развернулись дебаты по поводу ареста Маршана, разоблачившего Люлье. В секции Арсенала бурными аплодисментами было встречено чтение доклада Сен-Жюста о конфискации имущества подозрительных лиц. Но нигде Бакон не отмечает серьезных политических волнений[12]. 15 вантоза многочисленная делегация передала Конвенту селитру от секции Марата. Моморо, возглавлявший делегацию, напомнил, что эта секция обладает «моральной селитрой, источник которой неистощим и взрывы которой уже не раз служили делу свободы и равенства»; эти слова были встречены горячими аплодисментами[13]. Намекал ли Моморо на новый взрыв? По-видимому, нет. Демарш секции Марата не выходил за рамки обычных действий, он свидетельствовал о патриотическом порыве, которым были охвачены все секции, и ни в какой мере не отражал повстанческих настроений.

Если лишенная какой бы то ни было организации инициатива кордельеров не нашла отзвука в поведении секций, за исключением секции Марата, то она все-таки взбудоражила общественное мнение. В кафе «Рандеву» 16-го числа говорили: «Если Конвент не разделается с фракцией филиппотистов, мы готовы устроить второе 31 мая»; если ей дать волю, сказал другой, «эта фракция ... натворит дел похуже, чем фракция бриссотинцев, которая едва не погубила нас». На площади Федератов наблюдатель Бакон услыхал в тот же день разговор группы рабочих: одни одобряли отца Дюшена за разоблачение новой фракции, другие считали его «усыпителем», которым движет зависть[14]. Общественное мнение было явно сбито с толку.

Ни восстание кордельеров, главным образом на словах, ни неудачная попытка секции Марата, ни колебания общественного мнения не заставили бы, несомненно, Комитет общественного спасения вмешаться, если бы в этот самый момент усиление голода не повлекло за собой ряд анонимных акций, которые могли создать впечатление согласованных действий оппозиционных элементов. Все наблюдатели министерства внутренних дел в своих донесениях от 15, 16 и 17 вантоза настаивают на серьезности продовольственного положения и сообщают о мятежных разговорах, сборищах и насильственных действиях[15]. 16-го числа два дела привлекли внимание правительственных комитетов. В ночь с 15 на 16 вантоза комиссары секции Неделимости констатировали, что под именами членов Комитета общественного спасения, проставленными под текстом постановления, вывешенного у входа в оружейную мастерскую, карандашом были сделаны оскорбительные приписки: «*людоед*»— под именем Робеспьера; под именами Приёра, Ленде и Барера стоя-

ло: «*обманщики народа, дурак и болван, воры, убийцы*». Речь шла о постановлении от 12 плювиоза, устанавливавшего оплату за регулировку и сборку ружейных замков [16]. Эти надписи выражали, таким образом, недовольство рабочих военного производства введением максимума заработной платы. В тот же день был вывешен рукописный плакат на грубой желтой бумаге, призывавший в связи с голодом к восстанию; его народное происхождение не подлежит сомнению [17].

Волнения в связи с недостатком продовольствия, анонимные надписи и афиши придавали весомость инициативе кордельеров и угрозе секции Марата. Чтобы предотвратить дальнейшее расширение этой акции, правительственные комитеты еще до похода секции Марата в Генеральный совет предупредили Конвент. Барер от имени Комитета общественного спасения разоблачил 16 вантоза маневры тех, кто подстрекал народ, используя продовольственные трудности; общественному обвинителю Революционного трибунала было поручено начать следствие «против авторов и распространителей рукописных памфлетов, появляющихся на рынках», и «против тех, кто сеет недоверие среди людей, доставляющих в Париж продовольствие» [18].

Так, пренебрегая политическим наступлением, которое пытались начать кордельеры и которое из-за отсутствия организации и связи с массами затрагивало лишь очень ограниченные круги, правительственные комитеты поставили своей задачей обуздать путем угрозы брожение в массах в связи с продовольственными затруднениями. Основной причиной подобной позиции было нежелание людей, входивших в правительство, занять четкую позицию в борьбе групп: принять суровые меры против кордельеров значило бы дать залог «снисходительным». Успокоить народное волнение — это означало отнять у кордельеров, лишив их необходимой маневренной силы, какой бы то ни было шанс на успех. Тот факт, что Революционное правительство рассчитывало достичь этой цели путем репрессий, а не путем ликвидации самого голода, обнаруживает эволюцию руководителей после их прихода к власти — впервые они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы пойти на риск разрыва с санкюлотами. Это был трудный и очень опасный маневр. Чтобы обезопасить себя, правительственные комитеты сделали в то же время видимость попытки примирения всех патриотов.

2. *Мнимое примирение (16—18 вантоза)*

Благодаря своим связям с передовыми патриотами, благодаря роли, которую он сыграл в Освобожденном городе, и своей политической инициативе после возвращения из миссии Колло д'Эрбуа был наиболее подходящим из всех правительственных деятелей

для того, чтобы попытаться примирить между собой две основные руководящие силы патриотического лагеря — якобинцев и кордельеров. Но пошло ли Революционное правительство на необходимые уступки ради примирения с передовыми патриотами? А кордельеры, отказались ли они, забыв злобу, от своей непримиримости?

16 вантоза вечером Колло д'Эрбуа повторил в Якобинском клубе те самые аргументы, которые утром того же дня Барер использовал в Конвенте, и разоблачил происки тех, кто, используя голод, пытается возмущать народ. Но он пошел дальше. «Общество кордельеров, о котором я всегда буду говорить с уважением, не позволит долго себя дурачить интриганам, которые его провели... Жак Ру тоже пытался его соблазнить — оно расправилось с ним. Эти честолюбцы, которые жаждут восстаний исключительно ради своей собственной выгоды, что сделали они для общего дела?» Разоблачив таким образом руководителей, Колло д'Эрбуа потребовал направить депутацию, чтобы братски объясниться с кордельерами и побудить их разделаться с интриганами, сбившими их с толку. Колло, стало быть, пытался отделить руководителей от массы членов клуба; этот маневр уже был применен против «бешеных» и увенчался тогда успехом, но в данном случае его осуществление осложнялось спаянностью кордельерской группы и ее глубокой враждебностью к якобинцам. Скрытая угроза, звучавшая в речи Колло д'Эрбуа, вызвала отступление кордельеров, присутствовавших в Якобинском клубе. Моморо уточнил, что Декларация прав была завешена еще месяц назад, и выразил негодование по поводу обвинений в адрес кордельеров. Каррье старался преуменьшить значение заседания от 14 вантоза. На нем был разоблачен модерантизм многих представителей, «но там не было речи о том, чтобы поднять восстание, разве что к этому принудят обстоятельства». Интерпретацию Каррье повторили многие ораторы, которые жаловались на тенденциозное освещение речи Эбера журналистами: он говорил о восстании лишь «*условно*», «в том случае, если бы патриотов стала притеснять фракция, поднявшаяся на руинах той, которую свергла революция 31 мая» [19]. Якобинцы тем не менее выразили неодобрение кордельерам, скрыто угрожая их лидерам; это затрудняло попытку братского объяснения, на которой настаивал Колло. Остальное довершила непримиримость кордельеров.

17 вантоза Колло д'Эрбуа явился в Клуб кордельеров во главе депутации якобинцев. Он начал с восхваления единства всех патриотов, необходимого более чем когда-либо. При этом он обличал тех, кто больше прислушивается «к воплям о мести, нежели к голосу родины, к голосу общего блага». Допустимо ли заводить речь о восстании накануне военной кампании? Достаточно было бы изложить Конвенту нужды народа. «Завесили Декларацию прав человека только потому, что два человека пострадали в Революции»; но разве есть патриоты, которые бы вовсе не пострадали? Сведя, таким образом, все политические действия кордельеров к мотивам

личного порядка, Колло призвал кордельеров и якобинцев задушить ростки раскола, чтобы легче было покончить с врагами; этих врагов он видит лишь за рубежами страны; в его речи не было ни малейшего намека на модерантизм, против которого кордельеры направляли все свои удары [20].

Руководители кордельеров приняли депутацию якобинцев с явной неприязнью. Отвергнув какое бы то ни было примирение, они придрались к интерпретации их действий 14 вантоза и упрямо возобновили свои атаки против умеренных и правительственной политики.

Моморо использовал аргументы, намеченные накануне Каррье: Комитет общественного спасения, якобинцы были обмануты мошенниками, надевшими личину патриотизма, чтобы притеснять патриотов; текст Декларации прав был завешен «в самые критические моменты притеснения, когда эти права нагло нарушались на всей территории Республики»; это покрывало кордельеры собираются теперь снять. Моморо также восхвалял союз якобинцев и кордельеров, но закончил он словами, в которых звучала угроза: «Невзирая на клеветников, роялистов, умеренных или псевдопатриотов, мы останемся неразрывно связанными с Республикой» [21]. Эбер в свою очередь заявил, что Комитет общественного спасения, якобинцы и весь Париж были обмануты лживыми рассказами о заседании 14 вантоза. Кордельеры понимали под восстанием «более тесный союз с настоящими монтаньярами из Конвента, с якобинцами и со всеми подлинными патриотами во имя достижения справедливого суда над предателями и безнаказанными преследователями» [22]. Покрывало, закрывавшее Декларацию прав, было разорвано и передано якобинцам в знак братства. Ронсен зачитал длинную речь, «результат его наблюдений за фракцией, господства которой он опасается», фракцией, состоящей из честолюбцев, растратчиков, роялистов, блокирующихся с остатками фракции Бриссо. Такие слова, как *милосердие*, *человечность*, *моральные добродетели*, стали «сигналом притеснения» патриотов, которые, отправляя на смерть нескольких предателей, хотят спасти «жизнь миллиона людей». Не довольствуясь разоблачением «тартюфов человечности», Ронсен обрушивается на Робеспьера, не называя при этом его имени. «Тогда было придумано слово *ультрареволюционер*, слово, которое отбросило общественное мнение на два года назад, слово, которое послужило новым заговорщикам предлогом для притеснения самых пылких патриотов, наконец, слово, которое не имело бы столь пагубных последствий, если б оно не исходило из уст монтаньяра, столько раз громившего всех подлых пособников тирании». Затем Ронсен сосредоточивает свои удары на Филиппо и его друзьях, которые дали сигнал для притеснения патриотов. Якобинцы и кордельеры, все патриоты должны сплотиться вокруг Горы и правительственных комитетов: «Союз столь грозных, столь законных сил сумеет вскоре ввергнуть в небытие умеренных, мошенников,

честолюбцев и предателей». Кордельеры постановили отпечатать речь Ронсена [23]. Была назначена делегация для передачи якобинцам постановлений, принятых на последних заседаниях, и для того, чтобы заверить их в «нерасторжимом единстве».

«Публичное покаяние»,— пишет Матьез по поводу речей Моморо, Эбера и Ронсена [24]. На деле же попытка Колло д'Эрбуа провалилась: ему не удалось ни изолировать руководителей кордельеров от основной массы членов клуба, ни заставить их отречься. Если кордельеры в своем отступлении заявляли теперь, что никогда и не помышляли о настоящем восстании, если они и соглашались на примирение с якобинцами, то это было чисто показное примирение. Революционное правительство устами Колло д'Эрбуа не предложило никакой уступки; руководители кордельеров также остались на своих позициях, не отказавшись ни от одной из своих целей. Молчание Венсана во время этого заседания было весьма многозначительным. Речь Ронсена, обдуманная и яркая, также очень показательна для глубокого антагонизма между якобинцами и кордельерами, между Революционным правительством и народной партией. Друг другу противостояли две политические линии — сопротивление и наступление. Передовые патриоты ратовали за наступление, которое одно, по их мнению, способно было спасти революцию, решительно связав с ней санкюлотов. Речь Ронсена свидетельствует о реальном усилии выработать, отбросив неприязнь, эффективную народную политику: репрессии против умеренных, продолжение политики террора, но только ради быстрого проведения в жизнь недавно принятых важных революционных мер (очевидный намек на вантозские декреты); при этих условиях возможен был бы союз якобинцев и кордельеров, народных вожаков и всех патриотов вокруг Революционного правительства.

Чтобы принять точку зрения Ронсена, Комитеты должны были сделать смелый выбор; но это значило бы оттолкнуть от себя те фракции буржуазии, которые до сих пор поддерживали их. Находясь в плену своих собственных противоречий, Революционное правительство продолжало бездействовать. Когда народное брожение заставило его действовать, ускорив его падение, оно избрало путь репрессий: могло ли оно сделать иной выбор, учитывая общую перспективу революции?

18 вантоза Колло д'Эрбуа доложил в Якобинском клубе о результатах его депутации. «Когда вам говорили, что существуют два общества, вас обманывали; есть только одно общество, ибо там, где имеется единство принципов, налицо единство обществ». Покрывало, скрывавшее Декларацию прав, было снято; Колло положил на стол этот креп, послуживший причиной споров, «как знак вечного единства». Он закончил страстным призывом к единению: «Отныне все мы будем кордельерами и якобинцами, или, вернее, народ будет состоять лишь из якобинцев и кордельеров». Однако, как и накануне в Клубе кордельеров и за два дня до того в Якобин-

ском клубе, Колло д'Эрбуа сделал угрожающий намек по адресу «коварных» ораторов, «которые говорят, что вся Республика страдает»[25]. Комитеты устами Колло по-прежнему угрожали лидерам кордельеров. Разговоры присутствовавших, о которых сообщают полицейские наблюдатели, и сами их донесения еще яснее говорят о подлинных чувствах якобинцев и правительственных деятелей. «Некоторые мятежники, сеющие смуту в обоих обществах ради удовлетворения своих личных интересов, люди, которые видят в Республике только себя... и которые стремятся захватить первые места в правительстве, все эти интриганы,— говорил, по сообщению Дюга, Колло д'Эрбуа,— хорошо известны, и скоро они получат по заслугам». Согласно донесению Бакона, когда Колло отчитывался в своем посещении Клуба кордельеров, граждане на трибунах громко говорили, «что надо еще сегодня вечером арестовать Эбера вместе с Венсаном, Ронсеном и Моморо, что Эбер — это злодей, ибо... только злодей может призывать народ к восстанию в такой критический момент, какой мы переживаем»[26]. Намек и скрытая угроза, содержавшиеся в правительственных речах, становятся ясными из высказываний якобинцев.

Для якобинцев и Комитетов, так же как и для кордельеров, примирение 17 вантоза было лишь жестом, рассчитанным на зрителей. Первые надеялись оторвать руководителей кордельеров от передовых патриотов и запугать их угрозой, мало заботясь об умеренных, на руку которым, по существу, они уже играли, что вытекает из докладов полицейских наблюдателей. Вторые, упорствуя в своей злобе, совершенно не считались ни с правительственными предупреждениями, ни с народными требованиями; в то время как голод душил санкюлотов, они ничего не видели, кроме опасности модерантизма. Без органической связи с массами их антиправительственное наступление сохраняло характер политической авантюры. Проба сил продолжалась.

3. Брожение в народе в связи с недостатком продовольствия и кампания кордельеров (19—23 вантоза)

Мучительная продовольственная проблема, несмотря на кое-какие усилия Коммуны, оставалась нерешенной; волнение общественного мнения усилилось. Кордельеры усмотрели в этом возможность проявить упорство. Как обычно, к жалобам на голод примешиваются разговоры о терроре — политическая проблема связывается с социальными трудностями. Анонимные афиши, требования усиления террора, возбуждение в народных обществах создавали впечатление, что санкюлоты вновь готовы прийти в движение, оставалось

только организовать его. В то время как правительственные комитеты занимали выжидательную позицию, руководители кордельеров возобновили свое политическое наступление, не позаботившись о поддержании необходимых связей с санкюлотами.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что в двадцатых числах вантоза народ выражал недовольство. 18 вантоза на стенах Парижа появились новые анонимные афиши. Проходя около 11 часов утра по улице Монмартр, Пепен Дегруетт, выборщик Парижского департамента, увидел на углу улицы Фоссе-Монмартр печатную афишу, в которой ему удалось прочесть лишь начало: «Французы, настал час подняться вам всей массой, чтобы раздавить своих врагов, обеспечить себе продовольствие и освободить арестованных патриотов»[27]. Такая же афиша в тот же день висела на углу улицы Нёв-Сент-Эсташ[28].

Этим анонимным воззваниям, отражавшим общую тревогу в связи с нехваткой продовольствия, соответствовали более упорные требования террора со стороны передовых патриотов и народных вожаков. Голод усиливает эгалитаристские устремления санкюлотов; вину за голод они возлагают на богатых и умеренных. Усиленные репрессии, домашние обыски и, наконец, восстание представляются санкюлотам необходимыми средствами для разрешения кризиса и возрождения изобилия.

Пикено, комиссар по борьбе со спекуляцией в секции Французского Пантеона, 18 вантоза настаивает на необходимости восстания, подобного тому, какое было 31 мая, и на том, что «имеется примерно 107 депутатов, которых считают подозрительными и которых вполне можно было бы арестовать»[29]. В эти же дни распространился упорный слух, что домашние обыски будут производиться у всех. По словам наблюдателя Ле Бретона, об этом шла речь 17 вантоза в народных обществах секции Гренельского фонтана и Вильгельма Телля. Тот же слух отмечается 18 числа; указанную меру расценивали как средство вновь создать в Париже обилие продовольствия. Когда один гражданин заметил, что Конвенту следовало бы издать декрет о проведении домашних обысков, «патриоты ему тут же ответили: почему бы действительно не обсудить безотлагательно в секциях вопрос о том, чтобы призвать Парижскую коммуну потребовать от Конвента проведения этой спасительной меры»[30].

И действительно, в течение этих дней по инициативе ряда революционных комитетов были произведены домашние обыски; так, 17 вантоза в секции Бонн-Нувель во время обыска у Эбера было изъято 24 фунта сала; 19 вантоза производились обыски в секции Горы[31]. Целью этих обысков было выявить скупщиков и конфисковать у них продовольствие; эти обыски еще более усилили напряженность. Слухи о скором восстании становятся все упорнее. Согласно донесению Шармона от 19 вантоза, «два или три народных общества в течение двух дней ищут патроны, чтобы быть готовыми в первое же мгновение слепо пойти по стопам кордельеров»[32].

Что это, реальные приготовления или просто слухи? По-видимому, просто слухи, но поскольку они были столь частым явлением, то приобретали все более тревожный характер. Балестье, комиссар секции Общественного договора, заявляет 22 числа о необходимости восстания[33]. О таких же разговорах в тот же день в саду Революции сообщает Ролен: «Никогда еще кордельеры так отчетливо не сознавали необходимости всеобщего восстания, весь народ должен немедленно подняться, иначе у него ничего не останется, кроме глаз, чтобы плакать»[34]. 22 вантоза рабочие стекольной мануфактуры Сент-Антуанского предместья отрицают в Генеральном совете, будто они «хотели вызвать волнения»[35].

* * *

Если народное брожение держало в напряжении правительственные комитеты, то в то же время оно ободряло руководителей кордельеров. После их мнимого примирения с якобинцами они, несмотря на ряд словесных уступок, продолжали упорствовать в своей оппозиции к правительственной политике. Более того, они усиливают пропаганду в своей печати и в афишах. Но будоража общественное мнение и вызывая тем самым тревогу у правительственных властей, они ничего не делали для организации оппозиционного движения. Такая непоследовательность в конце концов и погубила их.

Номер 354 «Пер Дюшен», вышедший 19 вантоза, обнаруживает эту не лишенную двойственности позицию. В этом номере Эбер выражает свою радость по поводу того, что «мерзавцы, желавшие того, чтобы якобинцы и кордельеры жили как кошка с собакой, попали впросак». При этом он на свой манер объясняет заседания 14 и 17 вантоза, настаивая по-прежнему на основном требовании кордельеров — покончить с модерантизмом. «Трепещите, враги народа,— восклицают они,— вы хотите восстания? Ну что ж, мерзавцы, мы вам устроим еще одно, но оно будет последним; народ еще раз поднимется всей массой, но на сей раз для того, чтобы вас уничтожить; якобинцы и мы, всегда единые в Конвенте, мы все выступим заодно, чтобы очистить Республику от всех предателей».

Заседание Клуба кордельеров 19 вантоза свидетельствует о тех же умонастроениях — оправдать свое поведение в прошлом, не отказываться от своих требований. Председательствовал на этом заседании Моморо. Он объявил, что протоколы заседаний 14 и 17 вантоза еще не отредактированы: в связи с их опубликованием они требуют «гораздо большего внимания и точности принципов, достойной кордельеров». Этот маневр, рассчитанный на оттяжку, никого не мог обмануть. Моморо заявил (этот факт еще убедительнее свидетельствует о злонамеренности руководителей кордельеров), что депутация, посланная накануне в Якобинский клуб для передачи ему решения, принятого 17-го числа, не сочла нужным

явиться: это отредактированное наспех постановление не отражало решительного характера кордельеров. Моморо зачитал новую редакцию, которая была встречена горячими аплодисментами[36]. Эбер опроверг клеветнические выпады против кордельеров, которые, по словам некоторых, хотели якобы «распустить представительство [Конвент], устроить между ними и их братьями якобинцами раскол и подорвать таким путем основы существующего правительства». После этого секретарь зачитал *краткий перечень* того, что сделано было клубом с 31 мая; этот перечень «должен был рассеять заблуждение общественного мнения и якобинцев»[37]. Этот документ представляет собой длинную обвинительную речь против умеренных и косвенно против правительства, повинного в том, что оно их покрывает. «Если вы встаете на защиту невинно преследуемых, вам говорят, что не о них надо говорить... не разоблачайте интриг Фабра д'Эглантина, не выступайте против коварных происков Камилла, и мы пойдем на соглашение». Вот при каких обстоятельствах кордельеры завесили Декларацию прав: это был *энергичный акт*, пробудивший патриотов. Кордельеры не говорили о восстании; они просто выражали «*твердые*» и «*энергичные*» мнения; «они выразили пожелание, чтобы правосудие поразило всех виновных, покарало всех мерзавцев, уничтожило всех умеренных, устрашило всех мятежников». Документ заканчивался следующей угрозой по адресу Комитетов: «Пусть не рассчитывают на то, что мы отступим хотя бы на шаг... Да погибнут предатели, и пусть трепещут те, кто их защищает». Речь Венсана затем была пламенной инвективой против политики правительства. Почему не были наказаны все бриссотинцы? Почему после того, как народ всполошили, сообщив в «*мрачных выражениях*» о заговоре, вот уже четыре месяца как о нем молчат и до сих пор не представлен отчет? Существует фракция, состоящая, с одной стороны, из «призраков Вандеи, которые хотели ввести общественное мнение в заблуждение относительно наиболее уважаемых патриотов» (Филиппо, Бурдон из Уазы и т. д.), а с другой стороны, из тех, кто спекулирует на «опасном человеколюбии, чтобы установить гибельную систему модерантизма» (Камилл Демулен, Дантон и т. д.)[38]. Поощряемый публикой на трибунах, Венсан, как и Эбер, выступил еще резче, чем обычно. По словам наблюдателей, трибуны были заполнены главным образом женщинами, часто посещавшими собрания Клуба кордельеров; «все они были недовольны аплодисментами, которыми за два дня до этого наградили Колло д'Эрбуа за его речь»; перед началом заседания они выразили сожаление по поводу того, что траурный креп, закрывавший Декларацию прав, снят[39]. Эбер разоблачал тех, кого он называл «*любителями властвовать и высокими властителями*», Венсан говорил о «*кромвелистах*»— это был намек на правительственные комитеты и, в частности, на Робеспьера[40]. Наконец был зачитан первый номер новой газеты кордельеров «Ами дю пёпль»[41]. После этого было принято постановление, предназначен-

ное для якобинцев. «Оно кратко излагало республиканские поступки, неизменно отличавшие кордельеров, и мотивы, побудившие их закрыть крепом Декларацию прав человека; эти мотивы, на которых главным образом настаивали ораторы, отвлекаясь от всего личного, сводились к преследованиям, которым подвергаются истинные патриоты во всех частях Республики»[42]. Руководители кордельеров не только упорствовали в своей оппозиции, но еще более усилили ее; они ставили под сомнение всю правительственную политику.

Это ожесточение сопровождалось подлинной кампанией афиш и появлением газеты кордельеров, которая являлась продолжением «Друга народа» Марата; такая согласованность могла породить впечатление систематической организованной агитации. Полицейские наблюдатели сообщали 21 вантоза о расклейке афиши с текстом речи Ронсена от 17 числа, отпечатанной на средства кордельеров; по свидетельству Дюга, на другой день ее можно было видеть на стенах по всему Парижу[43]. Судя по донесению Бушезеша, того же 21 числа на стенах было расклеено обращение Эбера, в котором он защищал себя от обвинений в скупках. За четыре дня до этого во время домашних обысков с целью обнаружения запасов продовольствия революционный комитет секции Бонн-Нувель нашел у отца Дюшена 24 фунта сала: Эбер немедленно отдал их в дар бедным гражданам секции[44]. Не было ли это уловкой со стороны революционного комитета, действовавшего по указке Комитета общественной безопасности, с целью дискредитировать Эбера в глазах народа?.. В тот же день этот факт стал известен[45]. Напрасно народное общество, «желая устранить злонамеренность», с 18 вантоза утверждало, что это сало, переданное беднякам, было подарком[46]: дело было сделано, и Эберу пришлось доказывать, что он не является скупщиком. «Ответ Ж. Р. Эбера, автора «Пер Дюшен», на жестокую клевету» был расклеен 21 и 22 вантоза, как отмечают полицейские наблюдатели, на стенах Парижа[47]. Эбер воспользовался случаем, чтобы оправдать свою политическую линию. Верно, что Декларация прав была завешена, «с тех пор как лучшие патриоты стали подвергаться несправедливым преследованиям и арестам». Отнюдь не означая возмущения против национального представительства, этот мужественный акт, напротив, сопровождался самыми энергичными мерами в защиту Конвента и в поддержку Революционного правительства, «парализовать которое стремилась новая система модерантизма». Злонамеренные журналисты исказили прения в Клубе кордельеров, приписав им «крайние и мятежные речи, из злобы умолчав при этом обо всех разумных предложениях». Восхваляя самого себя, Эбер заявлял, что он отказывался от прибыльных должностей; «почетный шарф, который надел на меня народ, я предпочел должностям, которые придали бы мне большой политический вес». Он вспоминает о нападках, которым подвергался со стороны «австрийского» комитета и Комиссии двенадцати, и заканчивает двусмысленным утверждением, полным скрытой угрозы:

«Патриота нельзя притеснять безнаказанно». По свидетельству наблюдателя Бушезеша, 21 вантоза в разных местах города люди внимательно читали эту афишу и одобрительно о ней отзывались.

Появление в тот же день «Ами дю пёпль пар ле Клюб дэ Кордельe» было воспринято правительственными комитетами и народным мнением как организованная пропагандистская акция. Решение о продолжении издания газеты Марата было принято 2 вантоза[48]. Кордельеры всегда считали себя его духовными наследниками; обстоятельства внушали им надежду, что им удастся воспользоваться популярностью Марата. Проспект новой газеты был зачитан в начале заседания 14 вантоза[49]; 19 числа в Клубе кордельеров читали первый номер, вышедший в этот день[50]. Редакторы провозглашали принципы Марата, верность которым они намерены были сохранить. Они будут изобличать посягательства на права человека, разоблачать злонамеренных лиц, «особенно неверных уполномоченных, которые предали или собираются предать отечество, либо нападая на священные принципы свободы, либо плетя заговоры против ее мужественных защитников». Кордельеры хотят «все, что можно стихийно использовать для укрепления Республики и скорейшей казни всех ее врагов»; это упоминание о революционной стихийности масс было единственным штрихом, который мог бы — в этом номере — напомнить о восстании, необходимость которого была провозглашена 14 вантоза. Газета разоблачала безнаказанные маневры мнимых патриотов. «Гибельная система модерантизма, поставленная на повестку дня, распространялась устрашающим образом по всей Республике; в самом Обществе якобинцев она имела ревностных сторонников... Повсюду только и говорили, что о милосердии, снисходительности, прощении». Изобличив умеренных и их соучастников вплоть до якобинцев и Конвента, редакторы сочли уместным воздать хвалу бдительности Революционного правительства, приписав при этом заслугу пробуждения этой бдительности кордельерам. «Разве главным образом не энергии этих ревностных защитников Республики мы обязаны тем, что во весь голос зазвучала правда о злых кознях этих негодяев, которые хотели погубить нашу свободу?» И обращаясь к *притеснителям*, редакторы заканчивали следующей угрозой: «Мы будем вас преследовать неустанно, до тех пор пока народ не будет отомщен за множество преступлений». Итак, в своей газете, как и в своих афишах и речах, кордельеры, заявляя просто о своей лояльности в отношении Революционного правительства, продолжали настаивать на своем основном требовании — уничтожении фракции умеренных. Их агитационная кампания не только не утихла, а, напротив, усилилась. О восстании, разумеется, речи больше не было. Но оппозиция правительственной политике сопровождалась угрозами, которые, учитывая народное возбуждение, могли быть приняты всерьез.

В последующие дни эта оппозиция оставалась неизменной. 19 вантоза депутацию кордельеров напрасно ожидали в Якобинском клубе [51]. Она появилась лишь 21 числа, чтобы повторить заверения в «самом тесном братстве» и сообщить якобинцам о решении снять покрывало с Декларации прав. И если председательствовавший Дюваль дал кордельерскому оратору братский поцелуй, то Дюфурни резко заявил, что поцелуев недостаточно. «Надо потребовать, чтобы кордельеры сказали, что они думают о секционных обществах» [52]. Для якобинцев, как и для кордельеров, примирение было чисто внешним. «Уверяют, что мир и единство вовсе не восстановлены между нашими братьями якобинцами и Клубом кордельеров»,— отмечает в этот день — 21 вантоза — наблюдатель Ролен; «добавляют, что Клуб кордельеров не намерен уступить, прежде чем он не свергнет министров (за исключением гражданина Бушотта) и не поставит на эти посты граждан по своему выбору» [53].

Заседание Клуба кордельеров 22 вантоза действительно доказало, что они не собираются отступать. Оно началось с чтения поздравительных посланий по случаю возобновления издания «Ами дю пёпль»; затем был утвержден протокол заседания 19 вантоза, а протоколы заседаний 14 и 17 вантоза все еще оставались неутвержденными. Шено рассказал о том, как депутация кордельеров побывала накануне в Якобинском клубе и что в *какой-то момент* ей пришлось испытать *недружелюбие*. Были приняты депутации, в частности от общества Защитников Республики, которая заверила «в своем единстве со своими братьями кордельерами». Затем был зачитан второй номер «Ами дю пёпль», состоявший в основном из речи Ронсена от 17 вантоза [54], текст которой одновременно был расклеен по всему Парижу; только эта публикация говорила об оппозиционных настроениях кордельеров. Они были подтверждены и последующими речами. В соответствии с повесткой дня был обсужден вопрос «о преследуемой группе патриотов; были изложены преступления, совершенные лично теми, кто с ними расправляется... детально были рассмотрены меры, принимавшиеся в знаменитые дни 10 августа и 31 мая; все говорили о бдительности» [55]. Эбер заявил, что надо наконец сорвать завесу, «что было намерение затеять процесс над патриотами, которые 31 мая спасли Республику»... «Всякий раз, когда мы беремся за расточителей, эти люди приводят в действие все пружины, чтобы обмануть, но все они будут выведены на чистую воду». Предложение о восстании, «хотя и гипотетическое», могло показаться непоследовательным, «так как в момент восстания народ должен разом снести головы всем своим врагам, а он еще всех их не знает». Не угрожал ли Эбер новым 2 сентября? Ему единодушно аплодировали. Общество приняло текст обращения к Конвенту «с изложением того, что было им сделано за период после 31 мая»; в этом документе общество дало почувствовать «противоположность, которая существует между его искренним и открытым поведением и темными происками врагов общества, которые

преследуют патриотов» [56]. Затем явилась депутация общества Друга народа, чтобы сообщить кордельерам «о новом процессе, затеваемом против патриотов»,— повестки с вызовом в Революционный трибунал уже разосланы большинству членов общества. Моморо, покинув бюро, поднимается на трибуну: эти вызовы направлены на основании секрета от 16 вантоза, который обязывает начать следствие против зачинщиков волнений, имевших место на Центральном рынке, и их сообщников; члены секции Марата были вызваны для выяснения имен тех, кто предложил в связи с голодом завесить Декларацию прав; сам он, Моморо, тоже получил повестку. Наблюдатель Бушезеш отмечает замешательство Моморо: «он скорее выступил с заявлением, нежели ответил на вопросы», которые были ему заданы; он в свою очередь задал вопрос: существует ли проект затеять процесс против самых пылких патриотов? [57] Большинство присутствующих не знало о повестках, разосланных Революционным трибуналом; кордельеров охватила паника. Эбер, речь которого изобиловала резкими выражениями, осмотрительно потребовал формального опровержения инсинуаций газет, утверждающих, будто он выступал против Робеспьера на заседании 14 вантоза, «стремясь поссорить патриотов между собой» [58]. Однако угроза со стороны правительственных комитетов обнаружилась слишком поздно, чтобы повлиять на позицию руководителей кордельеров.

Номер 355 «Пер Дюшен», составленный до заседания 22-го и появившийся 23 вантоза, являлся как бы политическим завещанием группы кордельеров. Эбер громил в нем умеренных, не без прозорливости подчеркивал он опасность, которую представляют умеренные для Революционного правительства. «После того как осмелились потребовать открытия тюрем, аристократы пустили в ход все средства, чтобы освободить своих друзей и родственников и погубить патриотов... Но погубить хотят не только патриотов, но и Республику, черт возьми». Умеренные подрывают комитеты, дабы захватить их в свои руки; «Комитет общественного спасения, Комитет общественной безопасности, состоящие из филиппотистов, были бы шедеврами аристократии»— пророческое провидение. Эбер закончил призывом к объединению всех патриотов вокруг Конвента, но Конвента, очищенного «от всех изменников, плетущих заговоры против свободы»— новое 31 мая, от которого правительственные комитеты упорно отказывались.

Правительственные комитеты, находившиеся в плену собственных противоречий, не решались сделать выбор между умеренным сопротивлением и народным наступлением, сознавая, что этот выбор рискует нарушить неустойчивое социальное равновесие, на котором они основывали свои действия. «Один шаг назад погубил бы Республику»,— писал Эбер в своем последнем номере; он был прав, имея в виду ту демократическую республику, созданию которой содействовали санкюлоты. Для умеренных, чьим идеалом

была буржуазная и консервативная республика, шаг вперед был не менее фатален. Заботясь прежде всего о нуждах национальной обороны, Революционное правительство, увязнувшее в политической пассивности, ограничивалось разоблачением фракций. Поскольку с середины вантоза наступление группы кордельеров усилилось, оно уже не могло долее тянуть; позиция народных организаций — общих собраний и секционных обществ — побудила его решиться.

4. *Позиция секционных организаций (17—23 вантоза)*

Донесения наблюдателей министерства внутренних дел снабжали правительственные комитеты материалами, на основании которых они могли судить о настроениях общественного мнения. Так, 23 вантоза Анрио отмечает, что люди одобряют Эбера, «когда он пишет, что Карра и Горса воскресли, что заговорщики находят людей, осмеливающихся их защищать, что патриотов преследуют»[59]. Но куда важнее, с точки зрения правительства, была реакция народных организаций: наступление, начатое кордельерами, имело бы некоторые шансы на успех только в том случае, если бы его поддержали общие собрания и секционные общества — необходимая опора любой повстанческой попытки. Комитеты уже могли убедиться, что хотя руководители кордельеров и говорили о восстании, они ничего не предприняли для его организации. Реакция секций окончательно убедила их, что хотя группа кордельеров и выражала мнение решительных патриотов, она не имела никаких прямых связей с секционными организациями. Либо потому, что лояльность секций убедила их в прочности там позиций правительства, либо потому, что некоторые дебаты в народных организациях заставляли их опасаться движения, которое они хотели тотчас же сломить, но правительственные комитеты могли действовать со знанием дела.

Ни одна секция, за исключением секции Марата, не поддержала инициативу кордельеров. Как раз напротив, на другой день после заседания 14 вантоза секции продолжали проявлять чувства приверженности к Конвенту в связи с передачей селитры или представлением якобинского кавалериста. Это движение продолжалось; его политическое значение стало даже еще более четким. 17 вантоза общество Лепелетье решило явиться всей массой в Конвент в ближайший десятый день декады, чтобы заявить о своей неизменной готовности защищать его[60]. Передавая Конвенту в тот же день селитру, секция Мезон-Коммюн призвала Конвент оставаться на своем посту[61]. 18 числа секции Арсенала и Фобур-дю-Нор также передали Конвенту селитру; секция Фобур-дю-Нор воспользовалась этим случаем, чтобы засвидетельствовать Конвенту свою признательность за энергию, проявленную им в борьбе с врагами Революции[62]. Не означало ли это, что секция приветствует Конвент за его декрет от 16 вантоза? 19 вантоза в обществе Друзей отечества один гражданин просит слова, «чтобы сообщить собранию о больших разногласиях, которые существуют между различными патриотами Общества кордельеров». Слово ему не предоставили на том основании, что «Конвент сумеет расправиться с интриганами»[63].

Между тем ряд организаций не ограничивается этим символическим проявлением своей приверженности Конвенту, они выступают против попытки кордельеров. 17 вантоза в народном обществе Вильгельма Телля один оратор «сильно и энергично осуждает Эбера, который вчера вечером (*sic*!) ратовал за восстание»; общество осудило эту *контрреволюционную*, злонамеренную роль Эбера и направило делегацию в Якобинский клуб и в Коммуну[64]. Секция Брута выступила против всех клик, это было лучшей поддержкой позиции правительства. Революционный комитет секции Брута держал в своих руках общее собрание.

Секция Горы высказалась еще более определенно. 20 вантоза ее общее собрание приняло постановление, представленное на следующий день Конвенту[65]. Оно не обвиняло ни умеренных, ни «снисходительных»; оно обрушивалось только на тех, кто проповедовал восстание. Восстание необходимо только тогда, когда «здоровая часть общественного организма подвергается притеснению»; в нынешних условиях оно пошло бы на пользу лишь аристократам, подозрительным лицам «и особенно интриганам, движимым завистью, злобой и жаждой господства, которые мечутся из стороны в сторону». Секция Горы выражает свою веру в Конвент и надеется, что он «предаст отмщению закона новых мятежников, которые под маской патриотизма угрожают свободе»; это означало призывать к репрессиям против руководителей кордельеров.

Позиция секций, равно как и прием, оказанный Генеральным советом Коммуны, заставили общее собрание секции Марата отказаться от своего решения от 15 вантоза — завесить Декларацию прав. 20 числа она заявила, что постановление это было лишь условным, подчиненным, следовательно, «весьма разумным соображениям, которые имели своей целью отстоять священные права человека, предав злодеев мечу закона»[66]. Однако общему собранию не удалось спасти свой престиж.

Такой поворот секции Марата и адреса секций Брута и Горы (только они отчетливо выступили против инициативы кордельеров) не могли, однако, породить иллюзий: многие секции, даже среди тех, которые заверили Конвент в своей лояльности, либо проявляли сдержанность, либо чаще всего игнорировали эту попытку. 20 вантоза наблюдатель Бакон отмечает, что общие собрания секций Революционной, Мезон-Коммюн, Ломбар и Арсенала

обсуждали обычные вопросы: селитра, чистка, проверки... То же самое наблюдалось 23 числа в секционных обществах Друзей отечества, Бон-Консей и в обществе секции Прав человека [67]. Некоторые секции тем не менее были взбудоражены соперничающим влиянием борющихся сторон. «Пытаются расколоть секции,— доносит наблюдатель Жаруссо,— и в них образуются различные партии». На заседании общего собрания секции Вооруженного человека 20 вантоза некоторые требуют, чтобы газету «Пер Дюшен» каждый день декады зачитывали с «кафедры»; другие против этого возражают: «Это доказывает, что повсюду имеются две партии». Вожаки всячески пытались увлечь за собой некоторые секции; общие собрания, храня благоразумие, за ними не последовали. В секции Бонди 20 вантоза полицейский комиссар Марле якобы заявил, что он явился от Коммуны; Шометт и Эбер встревожены, надо поддержать партию патриотов, надо срочно бить общий сбор и ударить в набат, чтобы призвать народ на их защиту [68]. Общества в большей степени подвержены влиянию передовых патриотов: общество Защитников Республики направило 22 вантоза депутацию, чтобы подтвердить *«свое единство»* с кордельерами. Такие факты были единичными.

Тем не менее они могли встревожить правительственные комитеты, поскольку они совпали с принятием общими собраниями обращений, вдохновленных террористическими настроениями. Если 20 вантоза секция Пантеона не приняла никакого решения по поводу петиции общества Друга народа о предании суду филиппотистов, то она приняла тем не менее обращение к Конвенту с требованием казни Елизаветы [69]: это было повторением предложения Венсана, поддержанного секцией Муция Сцеволы. В тот же день общее собрание секции Бонн-Нувель единогласно приняло петицию, требующую до заключения мира отстранить торговцев от всех общественных должностей; петиция эта весьма показательна для народных умонастроений. И хотя Эбер не имеет к ней никакого отношения, однако, будучи принятой в период натиска сторонников террора, она не могла не встревожить как имущих, так и правительственные комитеты [70]. Руководители кордельеров даже и не подумали использовать в своих политических целях этот вызванный голодом натиск сторонников террора.

Дебаты в секционных организациях окончательно подтвердили изоляцию кордельеров. Хотя против инициативы кордельеров определенно выступили только две секции, однако их сторонникам удалось взбудоражить лишь отдельные общие собрания и народные общества; руководители кордельеров ничего не сделали, чтобы организовать систематическую агитацию в секциях. Разумеется, в наиболее передовых секциях натиск поборников террора продолжался. Но в то время как кордельеры, подчеркивая политический аспект кризиса, весь удар направляли против умеренных, санкюлоты, особенно страдавшие от голода, все свое внимание сосредоточили на продовольственном вопросе. Так выявлялось отсутствие связи кордельеров с народными массами. Это делало их авантюристскую позицию еще более уязвимой.

5. Арест руководителей кордельеров (24 вантоза)

Позиция секций, упорство руководителей кордельеров в своей оппозиции, их изоляция — все это побуждало правительственные комитеты положить конец состоянию неопределенности и разброда, которое в течение нескольких декад было характерно для революционного общественного мнения и политической ситуации.

Заявления установленных властей послужили для них дополнительным поощрением. Анрио, командующий национальной гвардии, уже 19 вантоза призвал органы правосудия сурово покарать сторонников анархии [71]. Парижская коммуна в тот же день потребовала от Конвента упразднения комиссаров по борьбе со спекуляцией и передачи их функций гражданским или революционным комитетам [72]. Наблюдательный комитет Парижского департамента 21 числа призывал к спокойствию: «Те, кто говорит вам о восстании,— это предатели, стремящиеся уничтожить свободу вашими руками» [73]. 23 вантоза, упрекая Венсана в том, что «его поведению не хватает необходимой дозы благоразумия», Бушотт предложил ему подать в отставку с поста генерального секретаря военного министерства [74].

В этот же день судьба руководителей кордельеров была решена. Комитет общественного спасения, получивший подкрепление в лице вернувшегося из командировки в Порт-Мало Бийо-Варенна, а также Кутона и Робеспьера, оправившегося после болезни, одобрил на своем заседании от 22 вантоза доклад по поводу «иностранной клики» [75], который Сен-Жюст на другой день представил Конвенту. Собрание с воодушевлением одобрило декрет, обязывавший Революционный трибунал продолжить следствие по делам «зачинщиков и соучастников заговора, замышляемого против французского народа», и объявлявший изменниками родины тех, кто готовил свержение властей, сеял смуту в связи с нехваткой продовольствия или намеревался открыть тюрьмы. Вечером в Якобинском клубе Сен-Жюст вновь зачитал свой доклад, выслушанный с глубоким вниманием [76], в то время как Фукье-Тенвиль был вызван в Комитет общественного спасения [77].

В ночь с 23 на 24 вантоза главные руководители кордельеров — Эбер, Ронсен, Венсан, Моморо, а также Дюкроке были арестованы.

ГЛАВА III

ДРАМА ЖЕРМИНАЛЯ
(24 вантоза — 4 жерминаля II года)

1. Реакция общественного мнения.—2. Лояльность секционных организаций.—3. Обвиняемые: иностранцы и агенты иностранных держав.—4. Обвиняемые: передовые патриоты и народные вожаки.—5. Главные пункты обвинения.—6. Группа кордельеров.—7. Тревога патриотов и демагогия умеренных.

Авантюристическая попытка группы кордельеров дала Революционному правительству повод ускорить ту эволюцию, которая наметилась со дня его образования. Если перед лицом крайней угрозы контрреволюции оно согласилось заключить союз с санкюлотами, если для сохранения этого союза оно и пошло на некоторые уступки, то оно никогда не одобряло ни социальных задач, ни политических методов санкюлотской демократии. Борьба против внешней коалиции и внутренней контрреволюции, а также политические концепции секционных организаций оправдывали в глазах правительственных комитетов контроль над этими организациями и их включение в якобинскую систему буржуазной революции. Поскольку народные волнения и оппозиция передовых патриотов угрожали нарушить то равновесие, на котором зиждилось Революционное правительство, оно решило прибегнуть к репрессиям. Но когда санкюлоты увидели, как осудили отца Дюшена, который был для них символом революции, они усомнились в Революционном правительстве. Драма жерминаля была прологом термидора.

1. Реакция общественного мнения (конец вантоза)

Арест руководителей кордельеров ошеломил народные массы, о чем согласно свидетельствуют полицейские наблюдатели [1]. Ле Аривель доносит, что вечером 24 вантоза один человек задержал продавца газет, выкрикивавшего весть об аресте деда Дюшена (*sic!*), обвинил его в распространении ложных известий и хотел силой отвести его в революционный комитет секции Горы. По донесению Моника, другой гражданин ворвался в собравшуюся толпу и, грубо толкая газетчика, заявил: «Молчи, негодяй, ты лжешь, это неправда!» Передовые патриоты не могли поверить в виновность Эбера. Но массы санкюлотов были дезориентированы: ведь приказ об аресте исходил от тех самых Комитетов, к которым до тех пор они питали полное доверие. По словам Бакона, арест отца Дюшена «вызывает удивление у многих, и особенно у патриотов». В каком-то кафе один человек заявил: «Если так будет продолжаться, прощай, свобода, все полетит к чертовой матери». Санкюлоты встревожены, «члены обществ окрестных секций крайне обеспокоены и хотят знать, что будет с их арестованными собратьями кордельерами». Эти наблюдения были резюмированы следующим образом в докладе парижской службы надзора от 24 вантоза: «Принятые Комитетом общественного спасения энергичные меры явились сокрушительным ударом по смутьянам» [2].

Состояние ошеломленности и смятения сохраняется и в последующие дни, несмотря на то что якобинцы дают свое поручительство правительственной политике. Возможно ли, удивляется один санкюлот 25 вантоза, «чтобы такой патриот, как отец Дюшен, обманул нас?» Наиболее дальновидные люди чувствуют надвигающуюся опасность. Беженец из Льежа Демани в письме от 25 вантоза, адресованном Шено из Клуба кордельеров, спрашивает: «Являются ли арестованные преступниками или жертвами интриги? Поздно будет кричать об ошибке, когда в этом разберутся...» Демани предчувствует драму жерминаля: «Но если они окажутся невинными, их гибель доставит тем большее удовлетворение нашим врагам!» [3] В смятении некоторые обращают свои взоры к Конвенту. Когда 24 вантоза некий гражданин сказал: «Меня огорчает арест Венсана, он всегда вел себя в Клубе кордельеров как патриот», одна женщина ответила ему: «Для нас истинным компасом является Конвент» [4]. Эти настроения вызвали у наблюдателя Бушезеша такие размышления: «Можно думать, что народ в массе относится спокойно к процессу людей, которые пользовались его доверием», а служба надзора в своем докладе от 25 вантоза делала следующий вывод: «Собрания обществ якобинцев и кордельеров, несмотря на некоторое волнение, явили пример спокойствия и выдержки... Все кончают тем, что говорят *подождем*» [5]. Власти, пра-

вительственные и административные, еще не отдавали себе отчета в пагубных последствиях этого духа пассивности, созданию которого они в значительной мере способствовали. Уже близко то время, когда Сен-Жюст воскликнет: «Революцию заморозили».

Правительственные комитеты ожидали более резкой реакции. Комитет общественного спасения постановлением от 24 вантоза возложил на мэра Парижа обязанность принять необходимые полицейские меры и меры безопасности с целью пресечения попыток со стороны злоумышленников [6]. В тот же день Комитет общественной безопасности в циркуляре, адресованном революционным комитетам Парижа, рекомендовал им по-прежнему действовать активно [7]. На следующий день Комитет общественного спасения разрешил общественному обвинителю при Революционном трибунале «использовать столько наблюдателей, сколько он сочтет необходимым в данных обстоятельствах, чтобы разведать и расстроить заговоры врагов народа» [8]. Эти предосторожности были излишними. Не то чтоб арест руководителей кордельеров был произведен в обстановке общего равнодушия, как пишет Матьез [9]. Донесения полицейских наблюдателей, а также прения на заседаниях общих собраний и секционных обществ доказывают, что как этот арест, так и последовавшие за ним не оставили общественное мнение равнодушным. Но не было никакой сильной реакции, никакой организованной попытки оказать поддержку заключенным; начиная с сентября 1793 года народные организации и прежде всего революционные комитеты, превратившиеся в исполнительные органы правительства, потеряли свою независимость. Всякая попытка сопротивления была заранее обречена на провал.

Пример спокойствия подали 24 вантоза якобинцы; правда, с их трибуны излагалась официальная точка зрения. По предложению Робеспьера [10], якобинцы собрались в тот день на чрезвычайное заседание. Бийо-Варенн сделал отчет о мерах, принятых против «заговорщиков, вина которых усугубляется тем, что они вышли из народа и воспользовались оказанным им доверием лишь для того, чтобы погубить народ». Якобинцы могли лишь одобрить эти меры. Но Робеспьеру пришлось вмешаться, чтобы защитить Буланже, помощника командующего национальной гвардии, которому кое-кто ставил в вину его резкое заявление в Клубе кордельеров 14 вантоза: он дал понять, «сколь опасно отожествлять патриотов с интриганами и предателями» [11]. Уже намечалось движение, которое, поразив руководителей кордельеров, должно было поразить народных вожаков и в конечном счете самых доподлинных патриотов.

Тон был задан. 25 вантоза большинство общих собраний ограничилось чтением официальных документов, докладов и декретов по делу Эбера. В этот день полицейские наблюдатели уделяют этим собраниям особое внимание [12]. Повсюду отмечается еще больший наплыв народа, чем обычно. Повсюду порядок дня предусматривает чтение доклада Сен-Жюста и разоблачение вновь открытого «заговора». Дискуссии, по-видимому, не было: секционные борцы стали осторожными и выжидают. По словам Пурвуаёра, опасались возмущения в секции Муция Сцеволы (секция Венсана) и в секции Марата (секции Моморо), «однако заседания в этих двух собраниях прошли очень спокойно, несмотря на огромное стечение народа; ни один гражданин не выступил в защиту этих личностей, никто не смеет высказаться ни за, ни против, все ждут суда над ними». Общие собрания, которые чаще всего были в полном подчинении у революционных комитетов, довольствовались тем, что аплодировали докладу Сен-Жюста и принимали решение о посылке депутаций в Конвент.

Можно было опасаться, что секционные общества, объединявшие вожаков и составлявшие передовое крыло санкюлотов, не будут столь спокойны, как общие собрания. Часть общественного мнения, равно как и власти, подозревала их в том, что они образуют основную массу приверженцев Эбера. По словам Беро, «повсюду высказывают подозрение, что женщины, объединившиеся в клуб Сент-Эсташ, принадлежат к партии Эбера» [13]. По словам Ролена, излагавшего содержание подслушанной им 26 вантоза беседы, «много секционных народных обществ вошли в сговор с Клубом кордельеров, готовя заговор против нашей свободы». Скрытые чувства борцов не вызывали сомнения. Но революционные комитеты держали многие общества в своих руках так же крепко, как и общие собрания: большинство обществ сохранило спокойствие. Бакон, по своему обыкновению, совершает обход обществ, заседающих 27 вантоза. Повсюду большое стечение народа — в секциях Сплочения, Арсенала, Неделимости; повсюду в порядок дня включено чтение доклада Сен-Жюста Конвенту и речи Бийо-Варенна в Якобинском клубе. Бакон не отмечает никаких дискуссий, никаких инцидентов. Вместе с тем проходившие в тот день общие собрания возвращаются к своему обычному порядку работы: обсуждаются вопросы чистки и выдачи свидетельств о гражданской благонадежности, вопросы о селитре и продовольствии. Бушезеш, как-никак отличный наблюдатель, не находит ничего заслуживающего быть отмеченным в настроениях тех собраний, на заседания которых ему удалось проникнуть. По донесениям Бакона, собрания очень многочисленны, в секциях Арсенала и Общественного договора собрания протекали бурно, потому что в них хотели участвовать посторонние этим секциям граждане, в секции Вильгельма Телля были волнения, связанные с вопросом о «заговоре», но Бакон не уточняет, какой характер они носили.

Эти единодушные свидетельства спокойствия секционных организаций после ареста руководителей кордельеров дают возможность судить о степени деградации политического сознания санкюлотов с весны 1793 года, особенно после укрепления позиций Революционного правительства. То, что было ясно для сознания санкюлотов годом раньше, когда бриссотинское большинство засте-

вило Марата предстать перед Революционным трибуналом или когда Эбер был арестован Комиссией двенадцати, впоследствии странным образом утратило свою ясность. Как понять, что то самое Революционное правительство, которое смогло прийти к власти только благодаря событиям 31 мая и боевому порыву самых пылких народных борцов, ныне повернуло против тех самых людей, которые поддерживали эту борьбу и заслужили доверие санкюлотов? Лишь меньшинство борцов смутно сознавало, что решается судьба республики, такой по крайней мере, как они ее понимали; они не могли чувствовать противоречивости своего положения и тех неотвратимых требований времени, которые тяготели над Революционным правительством.

* * *

Попытки протеста против ареста руководителей кордельеров были редким явлением. Санкюлоты смутно сознавали, что такие попытки ничего не дадут. 24 вантоза, в то время как якобинцы аплодировали речи Бийо-Варенна, кордельеры выступили в защиту своих руководителей, но, как и 14 вантоза, они удовольствовались словесными манифестациями [14]. Поскольку Гобер, заместитель председателя, отсутствовал (что вызвало удивление собрания, так же как и отсутствие Буржуа и других кордельеров, обычно занимавших места на трибуне: «Ведь в дни бедствия особенно необходимо проявлять мужество»), Шено занял место председателя. Он заявляет, что Декларация прав вновь нарушена, и требует ее зачтения. Декларацию зачитывают под аплодисменты собравшихся. Анкар оплакивает «с горестной энергией судьбу своих друзей». Он обвиняет одного кордельера в том, что он назвал Эбера злодеем, и этого кордельера тут же изгоняют. Обсуждается вопрос о том, каким способом помочь *арестованным братьям*: общество принимает постановление послать делегацию к общественному обвинителю, чтобы просить его ускорить рассмотрение дела судом. Общество постановило заседать ежедневно, кроме дней, когда заседает общее собрание. Анкар опять берет слово и выражает удивление по поводу того, что «не все кордельеры энергично выступают в защиту четверых заключенных в Консьержери». После этого многие члены общества выражают с трибуны убеждение в невиновности обвиняемых, «но если они окажутся виновными, мы сами поведем их на эшафот». Депутации от общества Друга народа и общества Свободного человека явились в Клуб кордельеров, чтобы выразить им свою тревогу по поводу ареста самых пылких патриотов. Появляется Броше, который был в Якобинском клубе. Он рассказывает о докладе Бийо-Варенна, обвинившего Эбера и его друзей в том, что они хотели «до истечения восьми дней перебить часть заключенных в тюрьмах, а остальных вооружить и их руками умертвить лучших патриотов Горы». Сначала этот рассказ вызывает взрыв негодования. Многие члены общества заявляют, что это невозможно или

неправдоподобно. Буен, который также был в Якобинском клубе, рассказывает о тех же фактах. Он говорит, что заговорщики якобы наметили какого-то «регента Франции». Общество не может этому поверить, оно настаивает на своем постановлении. Один из членов общества восклицает: «День их суда будет самым прекрасным днем для патриотов, так как либо он вернет свободе ее самых пылких защитников, либо мы увидим, как поведут на эшафот ее самых ярых врагов». Однако один из кордельеров внес предложение зачитать список лиц, подписывавших антигражданские петиции, и членов клуба Сент-Шапель: «Если придется ударить в набат и нанести удар, то хорошо будет знать их имена». Общество с громким ропотом отвергло это предложение, после чего оно разошлось. Революционный порыв был сломлен.

Различные инциденты, которыми отмечены заседания общих собраний и секционных обществ, свидетельствуют об этом трагическом бессилии. В действительности собрания, состоявшиеся 25 вантоза, были не столь мирными, как это изображают официальные полицейские наблюдатели: на многих из них было далеко до единодушия. Понятно, за неимением подлинных протоколов трудно с точностью определить степень проявившегося на этих собраниях сопротивления, которое, по-видимому, в общем было слабым. Однако оно было. Заседание общего собрания секции Марата, которое Пурвуаёр изобразил нам 25 вантоза как очень спокойное, было, по признанию того же самого наблюдателя в его донесении, написанном на следующий день, очень бурным. «Некоторые выступали за то, чтобы отправиться всей массой в Конвент и потребовать, как они говорили, освобождения угнетенных — так они называют Эбера, Моморо, Ронсена, Венсана и т. д. Другие заявляли, что надо предоставить действовать закону и что, если они невиновны, им нечего бояться» [15]. Это донесение дополнялось различными свидетельствами — предложение о назначении двух защитников Моморо внес Лабуро. «Он даже косвенно предложил назначить комиссаров и дал понять, что они будут наблюдать за Революционным трибуналом и ходатайствовать перед ним, чтобы его судили первым». Секция усмотрела в этом провокацию и заявила, «что она относится с полным доверием к народным судьям» [16]. В некоторых секциях оппозиция была настолько сильной, что собрание не смогло принять резолюцию с поздравлениями Конвенту. Так было в секции Тюильри, которая отменила 30 вантоза свое постановление от 25 вантоза, гласившее, «что секция вовсе не отправится всей массой в Конвент в связи с открытием нового заговора» [17]. Такая же оппозиция в секции Единства. Но пошли ли защитники Эбера дальше этого? Рассматривалась ли в некоторых секциях возможность вооруженного выступления? Это не исключено. В секции Республики 25 вантоза было как будто бы внесено («И, мне кажется, принято»,— добавляет доносчик) предложение раздать гражданам патроны и пики: это было только предложение, не имевшее ника-

ких последствий [18]. Усиление централизации правительственной власти обрекало любую попытку со стороны секций на провал. Но то, что подобное предложение было внесено на заседании общего собрания, свидетельствует тем не менее о наличии в народе оппозиции в связи с арестом руководителей кордельеров.

Эта оппозиция не могла решительно проявиться на общих собраниях, которые находились под очень строгим наблюдением революционных комитетов и на которых 25 вантоза опять появилось немало граждан из числа тех, что перестали посещать их с тех пор, как там стали господствовать санкюлоты. Если в этот день на общем собрании секции Марата дело чуть не дошло до рукопашной, то это «потому, что там опять появились патриоты», то есть умеренные [19]. Особенно сильное волнение наблюдалось, несомненно, в обществах, объединявших борцов и передовых патриотов. Согласно донесению наблюдателя Гривеля (27 вантоза), сторонники арестованных «втянули народное общество в свои интриги... Можно предполагать, что, если б они могли, они подняли бы народное восстание, чтобы спасти преступников от возмездия закона» [20]. Хотя Гривель и пристрастен, его свидетельство правдоподобно. 28 вантоза общество секции Прав человека требует освобождения Декомба, комиссара Коммуны по продовольственному снабжению в департаменте Сена и Марна; он был арестован 9 нивоза, и его дело было присоединено к делу руководителей кордельеров. Один из ораторов заявил: «Декомб нам нужен, он один из лучших патриотов секции» [21].

Относительно подлинных чувств санкюлотов, вызванных арестом Эбера, не может быть сомнений: у большинства это было горестное оцепенение, у наиболее сознательных — порыв к сопротивлению. Но если борцы и помнили, как своими выступлениями они вырвали Марата из рук Революционного трибунала и Эбера из рук Комиссии двенадцати, то как оказать сопротивление Комитетам? Это трагическое сознание своего бессилия углубляло их душевную боль. Чтобы быть эффективным, движение протеста должно было опираться на секционные организации и увлечь их за собой, но манифестации лояльности секций показали, что Революционное правительство окончательно укрепило свои позиции.

2. *Лояльность секционных организаций*

Какой бы ни была в секционных организациях оппозиция сторонников Эбера, они явно не смогли, за редкими исключениями, воспрепятствовать принятию поздравительных адресов Конвенту по случаю ареста новоявленных «заговорщиков». Депутации, явившиеся выразить свою лояльность, сменяли друг друга 25 вантоза у барьера Конвента. Замедленное вначале, это движение усилилось в последние дни месяца. Инициатива этого движения принадлежала умеренным секциям или секциям, всецело подчиненным власти революционных комитетов. Поскольку движение уже началось, другие секции последовали примеру первых, чтобы не навлечь на себя подозрений. Так поступили в конечном счете и те секции, которые проявили кое-какую оппозицию. Но поскольку подобные решения выносились под давлением, это лишало их всякой подлинной ценности. Революционный порыв превращался в приспособленчество.

25 вантоза ряд секций после заслушания текста доклада Сен-Жюста принял решение отправиться всей массой в Конвент, чтобы поздравить его с тем, что он еще раз спас народное дело, и дать клятву защищать национальное представительство. На следующий день у барьера Собрания предстали 10 секций; явились также гражданки из секции Вооруженного человека. Это все банальные обращения, в которых повторяются одни и те же похвалы, одни и те же заверения и клятвы. Секции Бон-Консей и Лепелетье настаивают на необходимости примерного наказания. Секция Пантеона клянется истребить всякого, кто посягнет на Революционное правительство, будь то «диктатор, триумвир, король, монарх или регент». Однако секция Пантеона пользуется этим случаем, чтобы представить петицию, принятую ею 20 вантоза, об ускорении суда над Елизаветой Капет [22]; документы умалчивают о том приеме, который Конвент оказал этому террористическому требованию.

Демарш революционного комитета секции Вооруженного человека дает возможность судить о том, как авторитарно решались чаще всего вопросы о посылке депутаций и адресов. Этот комитет явился 28 вантоза «от имени названной секции и народного общества». Представленный им адрес выделяется на фоне обычных заверений и восхвалений: в нем делается ударение на политических притязаниях «тех коварных людей, которые стремятся внушить, что следовало бы обновить Национальный Конвент и организовать исполнительную власть в соответствии с Конституцией» в надежде «под маской патриотизма быть назначенными на эти высокие посты» [23]. Нельзя было лучше угодить правительству. Но выражал ли революционный комитет подлинные мысли санкюлотов секции Вооруженного человека?

Заседание 25 вантоза было отмечено адресами секций Муция Сцеволы (секция Венсана), Сплочения и народного общества секции Единства [24]. Подобно тому как это сделало накануне общество Друга народа, гражданский и революционный комитеты секции Марата, позиция которых, конечно, с точки зрения правительственных органов грешила недостаточной прозорливостью и твердостью, явились, чтобы оправдать свое поведение. Они не имеют никакого отношения к маневрам интриганов, укрывшихся «от бдительного ока надзора»! Напрасно просили они Коммуну предоставить их секции возможность собраться, чтобы исправить ошиб-

ку, ведь они позволили ввести себя в заблуждение. «Вот почему необходимо, чтобы многочисленные подлинные патриоты секции Марата смогли сегодня вместе с нами возложить к ногам Священной Горы свои пожелания и свои клятвы... Благоволите же выслушать их сначала через наше посредство» [25]. Подобно революционным комитетам секций Вооруженного человека и Сплочения, революционный комитет секции Марата предрешал народные чувства: демократию санкюлотов заменил административный автоматизм.

Когда движение развернулось, всякая запаздывающая секция рисковала показаться подозрительной. Боязнь этого приводит 30 вантоза к барьеру Конвента девять секций и народных обществ.

Судебный процесс руководителей кордельеров начался 1 жерминаля. Двадцать две секции и народных общества, которые еще не засвидетельствовали своей преданности, поспешили предстать в этот день у барьера Конвента. Это был непрекращающийся поток депутаций. Секция Финистера извинилась, что не явилась раньше: «Это только из уважения к закону, позволяющему собираться лишь раз в пять дней». Наконец явилась и секция Марата. Она признала свою ошибку: «Часть собрания находилась под деспотическим влиянием людей, выступавших в духе преувеличенного патриотизма и пользовавшихся популярностью, другая часть была подавлена террором». Рюль, который председательствовал, соблаговолил от имени Конвента объявить о прощении: он выступил поручителем за лояльность секции Марата [26]. Последние запоздавшие явились 3 жерминаля; это были общества Тюильри и Революционеров 10 августа, которые захотели прежде очиститься, и общество Друзей революционных законов из секции Гренельского фонтана [27].

В этом общем движении манифестаций лояльности Клуб кордельеров явил наиболее жалкий пример. За наметившейся 24 вантоза попыткой сопротивления, когда кордельеры выступили в защиту арестованных членов клуба и приняли решение заседать непрерывно, последовало поспешное отступление. Полицейские наблюдатели поторопились попасть на заседание 26 вантоза. «Но это было совещание крыс,— пишет всегда злонамеренный Гривель.— Собрались поздно; народу присутствовало мало; не знали, говорят, что, собственно, обсуждать, не приняли никаких решений, в 9 часов заседание было закрыто, и все разошлись. Временно исполняющий обязанности председателя Шено отсутствовал *ввиду обстоятельств*... Это подтверждает пословицу, которая гласит: «Поразите пастуха, и стадо разбежится» [28]. Более обстоятельное донесение подчеркивает, что кордельеры, лишившись своих руководителей и опасаясь, как бы им не пришлось разделить их судьбу, пребывали в растерянности и нерешительности и в конце концов капитулировали. Когда открылось заседание, один из членов общества внес предложение, чтобы тех кордельеров, которые в период непрерывных заседаний пропустят хоть одно собрание, исключали из общества; это предложение было отвергнуто. Как обычно, была зачитана Декларация прав. В бюро общества не было ни писем, ни каких-либо других бумаг. Ни один оратор не поднялся на трибуну. Было внесено предложение зачитать полученную корреспонденцию, но оказалось, что никакой почты не прибыло. Один из кордельеров, у которого в кармане был текст последнего доклада Сен-Жюста, поднялся на трибуну и прочитал его. Это заняло около часа. Наконец, «поскольку общество приняло постановление о непрерывности заседаний лишь в связи с арестом нескольких своих членов и поскольку ни один оратор не высказался по этому вопросу, оно отменило это постановление» [29].

27 вантоза по предложению Броше клуб выбрал комиссаров, которым было поручено пригласить якобинцев, состоявших членами Клуба кордельеров, более регулярно посещать заседания клуба, чтобы укрепить единство патриотов. Между тем кое-кто еще сомневался; так, например, Дюбуа, администратор Парижского департамента, не решался считать обвиняемых преступниками и говорил, что они должны считаться невинными до тех пор, пока не осуждены [30]. 28 вантоза депутация явилась в клуб на улице Сент-Оноре [31]. По словам наблюдателя Дюга, оратор обратился к якобинцам с призывом к единению и братству: «Если некоторые члены Клуба кордельеров и арестованы, то они находятся под десницей правосудия, и именно оно должно вынести решение» [32]. Кордельеры отмежевывались от своих арестованных руководителей, но воздерживались от определенного осуждения их. Это не устраивало якобинцев; с их стороны последовал ряд протестов. Лежандр и Дюфурни, особенно последний, питавший злобу против тех, кто исключил его из своего клуба, выразили негодование по поводу такой дерзости. Робеспьер более хладнокровно поставил вопрос в плане политическом: якобинцы не будут поддерживать связь с кордельерами до тех пор, пока те не возродятся. Кордельеры должны были пройти под кавдинским игом.

Когда 2 жерминаля депутация отчиталась в своей миссии, общество, по-видимому, приняло этот отчет *с удовлетворением*. Оно подчинилось требованию якобинцев и решило приступить к *строжайшей* чистке [33]. Но по своей нерешительности общество откладывает до следующего заседания выборы комиссии по чистке. Отдельные случайные предложения вносили смятение в прения. Буен спросил, «не будет ли более полезно для общественного блага и для доброго порядка Революционного правительства, чтобы существовало лишь одно общество»; кордельеры после чистки могли бы объединиться с якобинцами и образовать единое общество. Обсуждение предложения было отложено до окончания чистки. Этот вопрос вновь оказался в порядке дня 4 жерминаля. Броше, занимающий отныне господствующее положение в клубе, проводит избрание комиссии по чистке в составе семи человек. «Чтобы наглядным образом показать якобинцам чистое и искреннее желание полного возрождения», Русселен предложил предоставить якобинцам воз-

можность назначить четырех своих членов, которые войдут в состав комиссии по чистке. Его не послушались. Но ему аплодировали, когда он потребовал исключения сообщников интриг *Венсана, Ронсена и Моморо* [31]. Для кордельеров отныне одним отречением больше или меньше уже не имело значения.

Итак, волна манифестаций лояльности захватила все секции и многочисленные народные общества. Но все эти заверения и клятвы не могли ввести в заблуждение; здесь таится завязка драмы санкюлотов. Эбер и его «Пер Дюшен», как и руководители кордельеров, хотя и впадали иногда в крайности, умели выражать заветные чувства санкюлотов, и те не могли так скоро от них отречься. Их молниеносный арест, угроза репрессий, все более жестокий контроль революционных комитетов над секционными организациями заранее парализовали всякую попытку сопротивления. Поздравительные адреса слишком уж единодушны, чтобы выражать состояние духа народа. В отдельных адресах, впрочем, проглядывало то беспокойство, которое, несомненно, угнетало многих санкюлотов. Адрес секции Предместья Монмартр упоминает о гражданах, «утверждающих, что народ, обманутый подобным образом теми, кому он доверил заботу об общественном благе, ныне встревожен и после всех этих злодеяний чувствует себя лишенным опоры»[35].

Уже намечается маневр умеренных, которые обрушатся на людей самой солидной революционной репутации: «Народ отныне не будет так легко верить тем, кто именует себя его друзьями»,— говорится в адресе секции Сите [36].

Состояние бессилия и растерянности, на которое их обрекла твердая рука Революционного правительства, вскоре сменилось у санкюлотов, вынужденных одобрять или молчать, состоянием пассивности и безразличия. «Надо думать, что народ основательно привык к изменам,— цинично писал 28 вантоза наблюдатель Перьер,— если ему ничего не стоит поверить в измену тех, кто казались ему лучшими друзьями» [37]. Конечно, это не так. Но как можно не одобрить деятельность правительственных комитетов, если умеренные уже возвращаются в общие собрания и подстерегают своих противников? Конечно, Революционное правительство этого не хотело, но, находясь в плену своих собственных противоречий, оно не может этому воспрепятствовать. Пройдет еще каких-нибудь четыре месяца, и такой же поток приветственных адресов устремится к Конвенту — на этот раз в связи с казнью Робеспьера.

3. Обвиняемые: иностранцы и агенты иностранных держав

Драма приняла более четкие очертания, когда 1 жерминаля начался процесс руководителей кордельеров; на той же скамье подсудимых находились и те люди, которых они первые разоблачили. Матьез заметил, что процесс в жерминале был эпизодом в борьбе Революционного правительства с группой умеренных, возглавляемой Дантоном. Конечно, те и другие старались скомпрометировать своих противников, используя для этого обвиняемых [38]. Но процесс в жерминале — это прежде всего эпизод борьбы, начатой комитетами еще в сентябре 1793 года против народного движения, с тем чтобы втиснуть его в якобинскую систему буржуазной революции, поставить под свой контроль и направить к достижению основной цели — национальной обороны. Таким образом, в этом смысле это был не только процесс Эбера и его соратников, но и, согласно приговору, процесс, осудивший социальную программу санкюлотов и политическую практику народных вожаков. Этот процесс опасным образом способствовал разрыву между массами и правительственными комитетами: он открыл тот путь, который привел революцию к могиле термидора [39].

Если подойти поверхностно к рассмотрению списка обвиняемых, то нельзя считать состоявшийся в жерминале процесс направленным исключительно против группы кордельеров и в их лице против народного движения. Дело в том, что к этому процессу были привлечены люди, у которых не было никаких прямых связей с передовыми патриотами или с народным движением. Их присутствие в суде (хотя их досье, по сравнению с обвинениями, выдвинутыми против Эбера и его соратников, поражают своей пустотой) уже предвещает в жерминале ту практику амальгамы, которую трибунал использует во время великого Террора. Если их судили одновременно с руководителями кордельеров, то это делалось для того, чтобы доказать наличие связей между участниками «заговора» и неприятелем. Эти люди образуют группу иностранцев и агентов иностранных держав, большей частью скомпрометированных или арестованных задолго до вантозского кризиса и попытки руководителей кордельеров.

В документах этого процесса нет ни одного, который содержал бы хоть малейшее указание на наличие связи между Клоотсом и группой кордельеров. Клоотс был исключен из Якобинского клуба по требованию Робеспьера, затем был арестован 8 нивоза, и лишь 30 вантоза, когда его допрашивал судья Революционного трибунала Добсан, узнал о том, что его судьба связана с судьбой Эбера. В его лице, в лице «оратора рода человеческого», Революционное правительство поразило пропагандиста атеизма и поборника Всемирной республики. Эта система взглядов, заявил судья Реноден, «представляла собой тонко задуманное коварство и давала предлог для создания коалиции коронованных глав, направленной против Франции» [40].

Кок был арестован 24 вантоза. Его связи с Эбером и Ронсеном были известны; присутствие голландского банкира среди обвиняемых жерминаля доказывало, с точки зрения Комитетов, наличие тесных связей между руководителями кордельеров и иностранной

кликой. На деле же отношения Эбера и Кока были отношениями личной дружбы. Ни одно свидетельское показание, ни один документ не говорят о том, что они носили иной характер. Контора Кока находилась на территории секции отца Дюшена — секции Бонн-Нувель, которой он имел обыкновение делать патриотические подарки. Вероятно, иностранный банкир хотел иметь в лице Эбера политического поручителя. Многочисленными свидетельскими показаниями были подтверждены факты частых посещений дома в районе Пасси, где проживала семья Кока, Эбером и его женой, Ронсеном и офицерами «революционной армии», но также Анрио и его адъютантами. Это были скорее веселые пирушки, чем тайные политические сборища. Свидетельские показания сходятся в том, что это были «хорошие обеды», на которых распевались «весьма патриотические песни». Конрад де Кок был арестован не за участие в заговоре руководителей кордельеров. Его погубили профессия банкира, иностранное происхождение и веселые развлечения с Эбером и Ронсеном [41].

Другого иностранца, Проли, разыскивали начиная с 27 брюмера. Ордер на его арест был выдан Комитетами на их объединенном заседании одновременно с ордерами на арест Батца, Бенуа, Дюбюиссона, Симона и Бойда, причем все были квалифицированы как *банкиры*. Между этим делом и делом группы кордельеров не было никакой связи. Проли ускользнул от розысков. Новый ордер на его арест был подписан 9 нивоза и подтвержден 11 нивоза. Будучи арестован 30 плювиоза, Проли был допрошен лишь 19 вантоза Комитетом общественной безопасности. Допрос в основном касался его миссии в Голландии и Бельгии в марте 1793 года в качестве комиссара исполнительной власти совместно с Дюбюиссоном и Перейрой и его отношений с Дефьё. 30 вантоза после чисто формального допроса в присутствии Добсана дело Проли было присоединено к делу руководителей кордельеров. Некоторые показания, сделанные в ходе процесса, доказали наличие у Проли связей не с Эбером или кем-либо из его друзей, а с некоторыми депутатами, например с Эро де Сешелем, в котором, вопреки тому что писал о нем Матьез, не было ничего «эбертистского» [42].

Среди обвиняемых жерминальского процесса рядом с Проли следует поставить группу служащих министерства иностранных дел, тоже «агентов иностранных держав», связи которых с руководителями кордельеров носили чисто случайный характер. Дефьё, впервые арестованный 14 октября 1793 года и освобожденный по ходатайству Колло д'Эрбуа, был вновь арестован 3 фримера II года; ему, в частности, вменялись в вину его связи с австрийцем Проли, с Перейрой и Дюбюиссоном. Он не только не был связан с Эбером, но последний доносил на него Генеральному совету Коммуны. В письме от 4 фримера Дефьё оправдывался и протестовал против обвинений со стороны Эбера. 25 вантоза общественному обвинителю донесли о том, что он вел в тюрьме Сен-Лазар разговоры, в которых содержался призыв к восстанию. Новый донос поступил 28 вантоза: будучи ранее заключен в тюрьму Сент-Пелажи, Дефьё, как и Перейра, был в одной камере с Ронсеном и вел разговоры, оскорбительные для установленных властей и для общественной нравственности. Этим, по-видимому, объясняется то, что судьба Дефьё оказалась связанной с судьбою Ронсена [43].

Перейра, как и Дефьё, был арестован 3 фримера II года. Вместе с Проли и Дюбюиссоном он находился в марте 1793 года с миссией в Голландии и Бельгии. Вместе с Дефьё он оказался в тюрьме Сент-Пелажи в одной камере с Ронсеном. Отягчающим обстоятельством в данном случае послужило то, что в защиту Перейры, именовавшего себя в записке от 9 вантоза (в которой он оправдывался, отвергая предъявленные ему обвинения) канониром «революционной армии», выступили на заседании общего собрания секции Бон-Консей канониры его секции. В глазах Революционного трибунала это могло лишь подтвердить его связи с Ронсеном [44].

Наконец, Дюбюиссон был арестован 27 брюмера II года. Его дело было связано с делом Проли и Перейры, которые в марте 1793 года были его коллегами в качестве комиссаров исполнительной власти в Голландии и Бельгии. Так же, как Дефьё, Перейра и Ронсен, он был заключен в тюрьму Сент-Пелажи и разделил их судьбу. Против него не было выдвинуто никакого особого обвинения, если не считать одной фразы, по тем временам весьма банальной: «Нужно новое 31 мая, но нет человека, который мог бы возглавить такое движение» [45].

Столь же непричастным к группе кордельеров был Ломюр, бригадный генерал и губернатор Пондишери. Ломюр, который прежде был адъютантом у Дюмурье, был причислен к той же группе, что и Проли, Перейра и Дюбюиссон. Причину этого, быть может, следует искать в так называемой необъяснимой миссии Перейры и других при Дюмурье. По мнению Лабуро, «этого аристократа включили, чтобы придать видимость заговора, как человека, выдвинутого аристократией». Ни один из свидетелей не смог доказать связь между Ломюром и кем бы то ни было из руководителей кордельеров. Ему смогли инкриминировать только разговоры о разногласиях в Конвенте, о возможности восстания, «из которого смог бы выйти вождь, коего назвали бы не диктатором, а каким-либо другим именем», и это якобы не будет ни Робеспьер, ни Дантон, а один из членов муниципалитета. Такие слухи были распространены в Париже, и сам Ломюр доносил о них 21 вантоза общественному обвинителю. Тем не менее 23 вантоза он был арестован [46].

Непричастными к группе кордельеров, как и к личному составу секции, были также ученик-хирург Арман и жена генерала Пьера Кетино, Катрин Латрей. Арман представлялся фантазером, лелеявшим авантюристические контрреволюционные замыслы. Был ли он в самом деле автором мятежной афиши, которую распростра-

няли на рынках, или только хвастался этим? Его речи, о которых было донесено 24 вантоза, свидетельствуют о некоторой путанице мыслей. Быть может, к сумбурному проекту освобождения заключенных его привлекла Катрин Кетино, муж которой содержался в тюрьме Аббатства за то, что сдался в Туаре вандейцам. Или, наоборот, Катрин, движимая желанием освободить своего мужа, сочувственно отнеслась к речам Армана? Если оба они и выражали радость по поводу голода и порождаемого им недовольства народа, все же их дело не имеет прямого отношения к делу Эбера [47].

Таким образом, из 20 обвиняемых жерминальского процесса 9 человек не имели никаких связей с руководителями кордельеров и с народными волнениями или только случайные связи. Их припутали к этому процессу лишь для того, чтобы придать видимость основательности обвинению и попытаться доказать наличие многочисленных ответвлений «заговора». Сам факт присутствия на скамье подсудимых иностранцев Клоотса, Кока, Проли и служащих министерства иностранных дел Дефьё, Перейры и Дюбюиссона, так или иначе скомпрометированных в деле «иностранного заговора», позволял поставить под сомнение патриотизм руководителей кордельеров. Ломюр представлял старую аристократию, Арман и Катрин Кетино — пережитки монархизма. В конечном счете эта амальгама столь различных тенденций была не чем иным, как маневром, к которому прибегли правительственные комитеты, чтобы погубить руководителей кордельеров в глазах общественного мнения; эти люди, выдававшие себя за пламенных патриотов, требовавшие борьбы не на жизнь, а на смерть, до победного конца, оказывается, тайно сговаривались с иностранными агентами, с аристократами, с контрреволюционерами, со всеми внутренними и внешними врагами республики! Санкюлоты могли согласиться с этими утверждениями или отвергнуть их, но в любом случае они должны были породить глубокое уныние или скрытую горечь — ту душевную драму, которая привела в конечном счете к гибели Революционного правительства.

4. Обвиняемые: передовые патриоты и народные вожаки

Рядом с группой кордельеров на скамье подсудимых оказались, однако, и некоторые передовые патриоты и подлинные санкюлоты; это было обусловлено потребностями обвинения или той ролью, которую они играли в народном движении. Речь идет о семи гражданах, судьбу которых под тем или иным видом можно было связать с судьбой Эбера, Ронсена, Венсана или Моморо. Каждый из руководителей кордельеров, у которых отнюдь не было полного

единства взглядов, имел приверженцев, и они увлекли за собой в своей гибели некоторых друзей. Если Эбер оставался в изоляции даже внутри своей секции (об этом свидетельствует изъятие у него запаса сала, ибо революционный комитет секции Бонн-Нувель не поддержал его), то Венсан, Ронсен и Моморо имели каждый если не свою партию, то по крайней мере своих соратников. Некоторые из них, более или менее замешанные в попытке кордельеров, были привлечены по этому делу, чтобы придать процессу солидность, а обвинению — характер обоснованности.

Венсан опирался на работников канцелярий военного министерства, где он был генеральным секретарем и где еще в брюмере он провел чистку личного состава. Из числа обвиняемых в этих канцеляриях работали Леклерк, начальник второго отделения, и Буржуа, служащий комитета проверки. Досье обоих обвиняемых пусто. Против Буржуа не удалось подобрать ни одного свидетельского показания. Но он командовал вооруженными силами секции Муция Сцеволы (секции Венсана), а Комитеты могли опасаться, что она восстанет. Быть может, его арест был лишь мерой предосторожности, а затем он был затянут механизмом следствия [48]. Что касается Леклерка, то ему смогли поставить в вину лишь разговоры, о которых донесла более чем подозрительная женщина. Это были разговоры за столом, весьма обычные для того времени, о депутатах, которых считали умеренными и поэтому достойными гильотины: назывались имена Тюрио, Барера, Камбона и некоторых других [49]. Ни Леклерк, который был в прошлом земельным комиссаром, а затем архивариусом в епархии Бове, ни Буржуа, в прошлом столяр, а затем инженер, не принадлежали, строго говоря, к простому народу. Они примыкали к средней буржуазии, но это отнюдь не мешало им быть характерными представителями революционеров II года.

Ближе к санкюлотам стоял Мазюель, которого погубила его роль в «революционной армии», находившейся под командованием Ронсена [50]. В прошлом сапожник, а затем рисовальщик узоров для вышивки, в качестве командира батальона федератов из департамента Эро он участвовал в восстании 10 августа [51]. В мае 1793 года он стал адъютантом Бушотта и быстро сделал карьеру, подобно многим патриотам, вышедшим из народа. Назначенный полковником во время формирования «революционной армии», он отклонил предложенный ему пост и удовольствовался должностью командира эскадрона революционной кавалерии. Арестованный 1 нивоза по доносу Фабра д'Эглантина, Мазюель был освобожден 23 нивоза и вскоре принял командование шестым эскадроном «революционной армии», стоявшим в Версале. Резкий характер, репутация чрезмерно пылкого патриота, занимаемый им пост в «революционной армии», факт его первого ареста, совпавшего с арестом Венсана и Ронсена, — все это вызвало вторичный арест Мазюеля 26 вантоза. В ордере на арест Мазюеля Фукье-Тенвиль определил его как помощника

командующего «революционной армии», небрежность, способствовавшая отчасти его гибели [52]. Возможно, Комитеты опасались, что он может увлечь «революционную армию» на путь восстания. Нашелся один свидетель, который утверждал, что Мазюель хотел ввести ее в Париж рота за ротой. Его направленные против Робеспьера разговоры были более неосторожными. Все же против него не было выдвинуто ни одного точно сформулированного обвинения. Мазюель пал жертвой своего пылкого патриотизма.

К группе сторонников Моморо принадлежат два подлинных санкюлота — Анкар и Дюкроке. Будучи администратором Парижского департамента, Моморо был самым влиятельным лицом в секции Марата и обычно председательствовал на ее общем собрании. Его партия состояла из «людей 40 су», воплощением которых был Дюкроке. Поскольку Моморо обычно председательствовал и в Клубе кордельеров, то он распространял свое влияние и на санкюлотов других секций, посещавших Клуб кордельеров, в частности на Анкара из секции Единства.

По профессии закройщик перчаток, комиссар исполнительной власти Анкар был одним из тех многочисленных санкюлотов, которые своей преданностью революции заслужили себе небольшую должность [53]: во II году он был служащим в бюро розыска эмигрантов Парижского департамента, и этой должностью он был обязан Моморо. Военный министр неоднократно возлагал на него различные поручения, а в 1793 году он был помощником Ронсена в качестве комиссара в Вандее. Будучи членом Клуба кордельеров, Анкар отличался той пылкостью и резкостью, которые, по-видимому, были одной из характерных черт революционного темперамента санкюлотов. 24 вантоза в Клубе кордельеров он имел мужество выступить в защиту арестованных руководителей и высказать сомнение относительно правильности политики Комитетов, это его и погубило. Его социальный идеал был тот же, что и у «людей 40 су»: «Эти богатые эгоисты должны разделить свое имущество с санкюлотами». Оставляя в стороне некоторые словесные крайности, против него ничего нельзя было выдвинуть. Наоборот, многие свидетели показывали, что он всегда придерживался правильных принципов. Но против Анкара говорили его служба в Парижском департаменте в окружении Моморо, его роль в Клубе кордельеров, его прежние отношения с Ронсеном. Он был арестован 26 вантоза.

О Дюкроке мы знаем мало; он самый скромный из всех обвиняемых жерминаля [54]. Парикмахер по профессии, Пьер Дюкроке как комиссар по борьбе со спекуляцией секции Марата принадлежал к личному составу секции; его деятельность отражает чаяния санкюлотов в вопросах продовольственного снабжения, регламентации и таксации. Не похоже на то, чтобы он играл активную политическую роль. Он становится заметным лишь 15 вантоза, когда с трибуны собрания своей секции он мечет громы против скупщиков

и предлагает завесить Декларацию прав и отправить депутацию в Коммуну. Уже одна эта речь, знаменательная для умонастроения народа, дает социальную характеристику Дюкроке. Этот пламенный дух эгалитаризма, обостренный еще голодом и дороговизной, от которых санкюлоты страдали гораздо больше, чем имущие, толкал Дюкроке на всякие притеснительные меры — домашние обыски, изъятие продуктов, что возбуждало гнев торговцев против существовавшего режима. Например, Дюкроке реквизировал тридцать шесть яиц, которые он разделил между тридцатью шестью человеками. На допросе, предшествовавшем его аресту, Дюкроке изложил свои взгляды по вопросу о распределении: чтобы искоренить голод, надо не допускать того, чтобы продовольствие шло по частным каналам; все продукты должны быть направляемы на рынки, где они будут распределяться между всеми потребителями по ценам максимума. Такая система означала установление контроля над всем распределением и упразднение свободной торговли. Дюкроке отнюдь не был оригинальным в этом вопросе. Все санкюлоты думали так же, и во многих секциях революционные комитеты и комиссары по борьбе со спекуляцией применяли более или менее те же принципы, считая, что в данных обстоятельствах свобода торговли могла быть благоприятной только для богатых и для «толстых». Человек скромного положения, едва умеющий писать, как мог Дюкроке понять, что такие меры не достигают цели и затрудняют снабжение? Он имел в виду лишь потребности своих братьев санкюлотов; не может быть и речи о том, чтобы у него были какие-то тайные контрреволюционные замыслы. Об его нравственной чистоте свидетельствует письмо, написанное из тюрьмы 1 жерминаля жене Терезе и двум его малышам. Это письмо человека из народа, благородного в своей простоте, письмо, волнующее своей заботой о скромном повседневном существовании тех, кого он любит. Сквозь неуклюжие фразы проглядывает примерный образ жизни, целиком отданной своим близким, а также «единой и неделимой Республике, которая не погибнет». «Как бы ни сложилась моя судьба, все мое преступление в том, что я был слишком воодушевлен мечтой о счастье моей родины и хотел, чтобы все граждане были довольны» [55]. Вопреки насмешкам некоторых историков, Дюкроке остается олицетворением тех скромных и пламенных революционеров, без которых республика не восторжествовала бы.

Чтобы подкрепить обвинение в заговоре с целью уморить Париж голодом, к руководителям кордельеров присоединили также Франсуа Декомба, человека совершенно непричастного к этому делу. В прошлом приказчик в бакалейной лавке, Декомб также был одним из тех санкюлотов, преданность и энергия которых выдвинули их на ответственные посты [56]. Он был выборщиком в августе 1792 года, членом Генерального совета Коммуны, секретарем-письмоводителем своей секции (секции Прав человека). Постановлением Комитета общественного спасения от 7 августа 1793 года Декомб

был командирован в департамент Сена и Марна для закупки и отправки продовольствия, необходимого для Парижской коммуны. К концу августа постановлением представителей Дюбуше и Мора, находившихся с миссией в департаментах Сена и Марна и Луаре, на него было специально возложено наблюдение за снабжением Парижа из дистриктов Розуа и Провен. Служебная переписка Декомба свидетельствует о неутомимой активности, с какой он выполнял свое задание. Он заслужил доверие администраторов по продовольственной части Парижской коммуны, а равно и доверие Паша, который 20 брюмера потребовал его возвращения в Генеральный совет, чтобы возложить на него переписку по вопросам продовольственного снабжения. Однако только 24 фримера, после того как было организовано Революционное правительство и все члены Коммуны, находившиеся в миссии, были отозваны обратно, Декомб тоже получил приказ вернуться в Париж. Вскоре после этого он стал жертвой злобы некоторых революционных комиссаров его секции, в частности Каррона, комиссара по борьбе со спекуляцией. 8 нивоза ему было брошено обвинение в народном обществе, а 9 нивоза он был арестован по приказу Комитета общественной безопасности. Так как Декомба ни в чем нельзя было обвинить, разве что в нескольких незначительных предосудительных разговорах, отнюдь не бросавших тень на его патриотизм, революционный комитет произвел у него обыск на дому и воспользовался одним найденным письмом, чтобы обвинить его в двурушничестве и в ложном патриотизме. Напрасно собрание секции Прав человека отмечало 20 плювиоза его патриотизм, напрасно администраторы продовольственного снабжения напоминали 30 плювиоза о крупных услугах, оказанных им при выполнении его миссии, напрасно сам революционный комитет поддержал 27 вантоза вторичный протест общего собрания от 25 вантоза. 30 вантоза Декомб был приобщен к «заговорщикам» и допрошен Добсаном. Еще 3 жерминаля администраторы продовольственного снабжения сделали последнюю попытку и представили общественному обвинителю выдержки из его переписки за время его миссии в Провене, с 21 августа до 12 октября 1793 года. Эта переписка свидетельствовала о его усилиях обеспечить снабжение Парижа, несмотря на злую волю, проявленную некоторыми муниципалитетами, и враждебность крупных фермеров. Тем не менее Декомб был осужден. Но он мог написать 4 жерминаля Фукье-Тенвилю: «Я умираю невинный... у меня никогда не было связей ни с одним из обвиняемых. Прощай, я иду почить на лоне Вечности, но настанет день, когда почтят мою память» [57].

Наконец, отдельно следует отметить Лабуро, единственного из обвиняемых жерминаля, который был оправдан [58]. По профессии врач, он одно время был секретарем революционного комитета секции Марата, затем первым уполномоченным военно-санитарного совета при военном министерстве. 24 вантоза в обществе Друга

народа он выступил с речью, в которой энергично протестовал против ареста Моморо и предлагал объявить заседания общества непрерывными. На следующий день на собрании секции, по тому времени довольно многочисленном, Лабуро выступал так же резко, как и накануне: он требовал избрать двух неофициальных защитников, чтобы осведомить судей о патриотическом поведении Моморо. Роль Лабуро как провокатора становится очевидной, когда мы констатируем, что еще 22 вантоза он был допрошен в присутствии общественного обвинителя и, говоря о заседании общего собрания от 15 вантоза, обвинял Дюкроке и Моморо. В то время как руководители кордельеров были арестованы 23 вантоза, Лабуро был арестован только 26-го. Будучи оправдан — единственный из двадцати обвиняемых, он уже 5 жерминаля, то есть на следующий день после вынесения приговора, сделал заявление перед Денизо, одним из судей Революционного трибунала, относительно позиции и разговоров различных осужденных во время их пребывания в заключении [59]. Лабуро был не более чем провокатором и доносчиком на службе у общественного обвинителя.

Таким образом, из 20 обвиняемых жерминальского процесса 7 человек принадлежали к санкюлотам или к близким им социальным элементам. Если оставить в стороне доносчика Лабуро, то один из этих людей, Декомб, находившийся в миссии с августа 1793 года, а с 9 нивоза заключенный в тюрьму, был абсолютно непричастен к группе кордельеров и к волнениям вантоза. Леклерк и Буржуа и особенно Мазюель были привлечены к делу лишь из-за должностей, которые они занимали, связей с тем или иным из руководителей кордельеров или из-за разговоров, враждебных Революционному правительству. Только Анкар и Дюкроке играли какую-то роль в попытке, совершенной в середине вантоза. Все они были добрыми патриотами и с первых дней революции дали самые яркие доказательства своей гражданской благонадежности. Все они, несмотря на более или менее туманные идеи, имели в виду только общественное благо. По правде говоря, санкюлоты не впервые подвергались репрессиям. Но впервые санкюлоты подвергались систематическим ударам со стороны того Революционного правительства, учреждению которого они способствовали, которому они доверяли и на которое возлагали свои надежды. Надо представить себе тревогу, охватившую этих людей, убежденных в чистоте своих действий, таких, как скромный Дюкроке, безупречный Декомб... Еще более важно то, что их личная драма распространилась на весь их класс и стала драмой всей санкюлотской массы. Видя, как разят лучших из них, одни санкюлоты стали сомневаться, других охватил страх. Вскоре, в то время как самые пылкие патриоты станут выжидать невозможного реванша, санкюлоты впадут в пассивность или равнодушие и лишат Революционное правительство той доверчивой поддержки, которая была его единственной опорой.

5. *Главные пункты обвинения*

Главные пункты обвинения против четырех руководителей кордельеров, сформулированные общественным обвинителем, подтвердили санкюлотам, что в лице отдельных лиц жерминальский процесс был направлен против них. Правительственные комитеты рассматривали Эбера, Ронсена, Венсана и Моморо по различным мотивам как своих политических противников и под всякими ложными предлогами судили их как таковых. Были ли их действия согласованными? Были ли предъявленные им обвинения основаны на реальных фактах, за которые они бесспорно несут ответственность? Беглое рассмотрение главных пунктов обвинения показывает, что процесс покоился на хрупком основании и что в действительности, нанося удар по группе кордельеров, Революционное правительство имело в виду общие тенденции народной политической практики, ибо оно было озабочено прежде всего сохранением социального равновесия и нуждами национальной обороны.

Из беспорядочного обвинительного акта, составленного Фукье-Тенвилем [60], можно выделить несколько главных обвинений, которые при ближайшем рассмотрении оказываются либо не имеющими отношения к руководителям кордельеров, либо построенными на мало обоснованных или дурно истолкованных доказательствах.

Прежде всего распространение рукописных писем и расклейка мятежных афиш, взволновавших в середине вантоза общественное мнение [61]. Эти письма и афиши распространялись на Центральном рынке и на базарах, расклеивались даже во дворе Фонтанов около дворца и на стенах государственного казначейства и были, естественно, анонимными. Эти зажигательные сочинения, содержавшие протест против голода и призывы к восстанию, отражали народное недовольство, обостренное крайним недостатком продуктов. Несмотря на все рвение полиции и судей Революционного трибунала, авторов этих сочинений не удалось найти; нельзя возлагать ответственность за них ни на кого из обвиняемых жерминаля, исключая, быть может, Армана. Кроме того, последний является, несомненно, контрреволюционером, а некоторые из этих сочинений явно монархистского направления, как, например, рукописное письмо, распространявшееся на Центральном рынке, в котором утверждалось, что «один король лучше, чем семьсот палачей» [62], или мятежная надпись на стенах Казначейства: «Пусть сдохнет Республика, да здравствует Людовик XVII» [63]. Фукье-Тенвиль допустил злоупотребление, возложив это обвинение на «заговорщиков»: сколь бы ни различались их позиции, все они явили достаточные доказательства своего республиканизма.

Основной причиной появления как писем, так и афиш был голод, который был одним из решающих элементов вантозского кризиса. Касаясь этой обычной для санкюлотов темы, обвинение утверждало, что голод был искусственно создан, и приписывало «заговорщикам» замысел уморить Париж голодом, препятствуя доставке продовольствия [64]. Их уловки, уточняет один из документов процесса, состояли в том, «чтобы покупать продовольствие для Парижа и направлять его в другие места, задерживать обозы под предлогом какой-нибудь надобности или под предлогом борьбы с фальсификацией, мешать отправке продовольствия тем, что Париж отказывал своим поставщикам в снабжении их мыл оми сахаром, покупать продукты в другом месте до их прибытия и продавать затем втридорога, распространять в сельских местностях слухи, будто в Париже грабят привезенные продукты, а продавцов сажают в тюрьмы» [65]. Такие уловки имели место. Но их нельзя вменить в вину тому или иному из обвиняемых, они были выражением противоречивых интересов имущих и трудящихся, потребителей, с одной стороны, и производителей и торговцев — с другой. Фукье-Тенвиль, на которого декретом 16 вантоза была возложена обязанность выявлять тех, кто чинит препятствия снабжению столицы, старался посредством широкого расследования, проведенного как в Париже, так и в пригородных сельских коммунах, доказать реальность уловок, направленных против доставки продуктов [66]. «Тактика, рассчитанная на то, чтобы уморить Париж голодом, лишив его продовольствия,— гласит обвинительный акт,— проводилась и осуществлялась всеми соучастниками одновременно» [67]. Если проведенное под руководством Фукье-Тенвиля расследование доказало наличие самих фактов, то их истолкование общественным обвинителем показало его неспособность уловить те причины экономического или социального порядка, которые порождали дороговизну и острую нехватку продовольствия.

Есть много свидетельств, в том числе и в материалах судебного процесса, говорящих о том, что земледельцы недобросовестно относились к делу снабжения парижских рынков; зачем им было привозить свои продукты и продавать их по ценам максимума, когда они имели возможность продавать их по дорогой цене торговцам, которые покупали у них эти продукты на дому? Они таким образом не только экономили на расходах по перевозке, но и избегали опасности быть задержанными на дороге или у ворот Парижа женщинами из народа или санкюлотами, которые заставили бы их соблюдать твердые цены. Один из свидетелей рассказал о сельском хозяине, заявившем, что «он скорее смажет маслом колеса своей телеги, чем отвезет его на рынок» [68].

В отношении жадности и эгоизма торговцы не отставали от земледельцев. Они не останавливались ни перед чем, чтобы уклониться от соблюдения твердых цен. Максимум, установленный для свежих и сушеных овощей и для мяса, открыто нарушался. 3 вантоза директория дистрикта Этамп сообщала, что на рынке в Меревиле остались непроданными 4 тысячи фунтов сливочного масла и 10 тысяч дюжин яиц в результате сговора между торговцами маслом и яйцами, не желавшими продавать по твердым ценам [69]. Торговки с Центрального рынка завели обыкновение отправляться навстречу

крестьянам, чтобы купить у них продукты «по любой цене», так как они были уверены, что потом перепродадут их с прибылью. Поэтому мелкие розничные торговцы, которые, будучи более близкими к своим покупателям из народа, склонялись к соблюдению максимума, становились жертвой вздувавших цены крупных торговцев.

Положение, созданное уловками земледельцев и торговцев, усугублялось злонамеренностью местных властей пригородов; они боялись, снабжая Париж, остаться самим без продуктов. Но имело место и более серьезное явление — эти власти иногда задерживали обозы продовольствия, предназначенные для Парижа. Генеральный совет Бельвиля приказал 18 вантоза арестовать муниципального чиновника и лейтенанта национальной гвардии за то, что они дали специальное распоряжение часовым не пропускать никаких продовольственных продуктов в сторону Парижа.

Все эти факты характеризуют поведение имущих классов, сельских хозяев, торговцев, богатой клиентуры; руководители кордельеров ни в коей мере не ответственны за них. Допрошенный 19 вантоза Доминик Савуре, врач без диплома и председатель народного общества в Лонжюмо, заявил, что нехватка продовольствия объясняется «тем, что максимум не везде одинаков, недостаточной бдительностью муниципальных должностных лиц, эгоизмом богатых собственников и жадностью торговцев» [70]; все эти причины не имеют ничего общего с теми уловками, к которым якобы прибегали обвиняемые по жерминальскому процессу.

Если плохое снабжение Парижа имело причиной эгоизм имущих, производителей и торговцев, то оно объясняется также и действиями санкюлотов и секционных властей, которым поручено было следить за регламентацией и таксацией.

У снабжавших Париж торговцев не было большой охоты направлять продовольствие в столицу, так как довольно часто женщины из народа, а то и секционные власти задерживали возы и распределяли их груз по ценам, которые нередко были ниже установленных твердых цен. 15 вантоза на улице Фурси (секция Санкюлотов) два груженных сливочным маслом и яйцами воза были разгружены в несколько мгновений, и толпа женщин распределила эти продукты на глазах жандармов, которые стояли на посту на улице Нёв-Сент-Женевьев, «спокойно взирая на этот грабеж» [71]. Таких фактов очень много. Они вполне понятны, если принять во внимание жестокую нищету, от которой страдали семьи тружеников, если учесть глубоко укоренившийся у санкюлотов дух уравнительности, их ненависть как потребителей к производителям и торговцам. Отвечают ли за это в какой-то мере руководители кордельеров? Бесспорно, особенно Эбер, который, чтоб угодить своим читателям-санкюлотам, постоянно метал громы против торговли и торговцев. «Отечество, черт возьми, у купцов его нет!» — писал отец Дюшен в сентябре 1793 года [72]. Он возвращается к этой теме при всяком кризисе, давая определенное направление народным чувствам.

Это положение еще усугублялось действиями некоторых секционных властей, особенно комиссаров по борьбе со спекуляцией. Будучи выходцами из народа, страдания и чаяния которого они разделяли, они, естественно, разделяли также и его образ мыслей. Поведение властей секции Марата, особенно поведение Дюкроке, который был там комиссаром по борьбе со спекуляцией, является примером крайностей подобной политики: средством искоренения голода считался усиленный контроль и строгое соблюдение регламентации и таксации. Еще более ожесточали имущих и торговцев обыски на дому, изъятие товаров, принудительные продажи по ценам максимума, но и эти меры не могли создать изобилия продуктов. К тому же партикуляризм, проявляемый секциями, способствовал дезорганизации снабжения Парижа в целом. Комиссары секции Марата отправлялись к заставе д'Анфер, захватывали товары, прибывавшие в Париж, и продавали их в своей секции по ценам максимума, а то и по более низким. Но такие действия секции Марата, отмечает 10 вантоза Шармон, создавали *своего рода голод* для окружавших ее секций. Перехват прибывавших продуктов сопровождался изъятиями продуктов у частных лиц.

Хотя последствия этих действий были пагубными, самые действия эти отнюдь не свидетельствовали о каком-то замысле секционных властей создать в Париже голод. Они просто были следствием местнического стремления обеспечить продовольствием граждан своей секции. Что касается Декомба, энергичного комиссара по снабжению в Провене, то как можно предъявлять ему подобное обвинение, не допуская грубой несправедливости?..

Этот пункт обвинения представлялся столь мало обоснованным, что в приговоре нет никакого упоминания о так называемых происках «заговорщиков», направленных против снабжения Парижа продовольствием.

* * *

Столь же мало обоснован, если сослаться на образ мыслей народа и на состояние общественного мнения, третий пункт обвинения, выдвинутый Фукье-Тенвилем, а именно обвинение в организации заговора и призыве к восстанию. Что доведенный до отчаяния голодом народ роптал, что в восстании, в новом 31 мая, он видел способ разрешения кризиса, этого нельзя отрицать [73]. Что руководители кордельеров были не прочь воспользоваться таким настроением народа для осуществления своих политических стремлений, об этом свидетельствует заседание Клуба кордельеров 14 вантоза. Но ни один документ процесса не доказывает, что восстание действительно подготовлялось.

В представлении народа восстание имело во II году чаще всего символическое значение. Говоря о восстании, народ как бы давал понять, что он *начеку*, что он проявляет усиленную бдительность. Это не обязательно вооруженное восстание против установленных

властей, это скорее массовая манифестация, имеющая целью обратить внимание Конвента и Комитетов на ту или иную нужду народа. Так, Дюкроке в своем показании от 21 вантоза председателю Революционного трибунала Эрману уточняет смысл своего призыва к восстанию, с которым он выступил 15 вантоза на заседании общего собрания секции Марата: не было речи о каком-либо восстании с целью открыть тюрьмы или нанести удар по Конвенту, имелось только в виду потребовать от Генерального совета Коммуны, чтоб он подумал о страданиях народа и принял энергичные меры для восстановления изобилия [74]. Отнюдь нельзя считать доказанным, что у руководителей кордельеров были более четкие взгляды на восстание, чем у санкюлотов. Вызывает удивление та легкость, с какой этот лозунг был брошен в Клубе кордельеров 14 вантоза. Между тем имевшие место прецеденты, выступления 31 мая и 10 августа показали, что восстание готовится подпольной работой, а не в сутолоке клуба. Идея восстания, которую выдвинул Каррье, никем впоследствии не потревоженный, и которую подхватил Эбер, не обсуждалась серьезно в Клубе кордельеров. На следующий день на общем собрании секции Марата эта идея приняла форму массовой манифестации перед Генеральным советом Коммуны. Это поведение свидетельствует о недостаточной политической твердости руководителей кордельеров. Их резкость была главным образом словесной.

Один из документов процесса дает вслед за резюме наиболее важных показаний перечисление главных установленных обвинением пунктов. Во-первых, на вопрос, «существовало ли намерение вызвать восстание и подстрекательство к нему?» дается ответ, что, согласно данным показаниям, в некоторых секциях ружья были отобраны у граждан и распределены между членами Клуба кордельеров; что идею о необходимости восстания давно уже распространяли в секциях; что к восстанию *определенно и коварно* подстрекали и решение о восстании было принято на заседании Клуба кордельеров и на общем собрании секции Марата; что организовывались сборища [75]. Главным мотивом сборищ была нехватка продовольствия. Кордельеры 14 вантоза не приняли никакого определенного решения, а *восстание*, о котором было принято решение 15 вантоза в секции Марата, свелось к походу всей массой к Генеральному совету Коммуны. Мысль о необходимости нового восстания была действительно широко распространена, но это был слух, который передавался от одного к другому, а не заранее согласованный лозунг. Что касается раздачи патронов и ружей, то об этом шла речь в некоторых общих собраниях, например 25 вантоза в секции Республики, но в ходе следствия ничего не удалось доказать, и обвинение не говорило об этом в ходе судебного процесса.

Рассматривая далее вопрос о том, «каковы были средства осуществления», документ, резюмирующий показания, вероятно для того же Фукье-Тенвиля, выделяет в основном два из них: «Революционная армия должна была быть тайно и по частям собрана в Париже, а в тюрьмах должны были быть составлены списки избранных и списки подлежащих проскрипции». Но и на этот раз речь идет о всяких легкомысленных разговорах, о не поддающихся проверке слухах, которых ничем нельзя было подтвердить.

Главным свидетелем по вопросу о тайном введении в Париж отрядов «революционной армии» был генерал Вестерман: факт этот якобы был ему сообщен «одним генералом, имя которого он забыл» [76]. Вызывающее подозрения положение самого Вестермана, его связи с кликой дантонистов, враждебное отношение регулярной армии к «революционной армии» — все это лишает свидетельское показание Вестермана всякой ценности. Следует отвергнуть равным образом и неуверенное показание Жана Кордье, корзинщика, революционного комиссара из секции Пуассоньер: *он утверждал, будто слышал*, что часть «революционной армии» вступила в Париж [77]. Разговоры, которые вел на эту тему Мазюель, отдают хвастовством, склонность к которому была, по-видимому, одной из характерных черт этого человека. Однако этим слухам придавали некоторое правдоподобие жалобы солдат «революционной армии», которых раздражала их бездеятельность: почему их все держат в резерве? Комитеты боялись просачивания солдат «революционной армии» в столицу. Сержант Гийом из отряда, размещенного в Лаоне, будучи командирован в Париж, по прибытии туда 28 вантоза был задержан [78]. Его приезд был совершенно случайным и не был связан ни с какими планами.

Столь же необоснованно выдвинутое против группы кордельеров обвинение в намерении организовать резню в тюрьмах. Этот слух, о котором говорилось во многих свидетельских показаниях, зародился в самих тюрьмах. Разговоры, которые велись некоторыми из руководителей кордельеров, в том числе Ронсеном, требования усиления террора, выдвигавшиеся вожаками и убежденными патриотами, ожесточение народа — все это увеличивало опасения и придавало им видимость правдоподобия. После сентябрьских избиений заключенные жили в постоянном страхе, который еще более возрастал в моменты кризиса. Слухи с воли проникали в тюрьмы, но в искаженном виде и вызывали брожение в этой душной атмосфере. Страх ширился и в свою очередь распространялся за пределы тюрьмы. Ронсен после своего первого заключения пришел в тюрьму Сен-Лазар повидать тех заключенных, которых он считал патриотами. По свидетельству самого привратника, он якобы заявил: «Если тут есть добрые патриоты, пусть подадут свои жалобы, я постараюсь, чтобы их освободили» [79]. Отсюда и пошел между заключенными слух, будто Ронсен составлял списки *избранных* и списки *подлежащих проскрипции*. Истинную картину восстанавливает показание одного из заключенных Сен-Лазар, некоего Молена: неверно, будто Ронсен составлял список на предмет освобождения своих друзей; это слух, пущенный контрреволюционерами. В действительности Ронсен

просто просил их передать ему заявления с тем, чтобы добиться от Комитета общественной безопасности их освобождения [80]. Когда в середине вантоза появились письма и афиши, призывавшие народ подняться, когда об этом стало известно в тюрьмах, тревога заключенных возросла. В Люксембургской тюрьме весть о заседании Клуба кордельеров от 14 вантоза произвела такой же эффект: казалось, дело шло уже к осуществлению замысла, заключавшегося в том, чтобы «истребить всех, мужчин, женщин и детей без различия, исключая самое большее десятка три человек» [81]. Очень частые переводы из одной тюрьмы в другую способствовали усилению страха среди заключенных, которые еще не забыли, как начались истребления в сентябре; в то же время это способствовало распространению страха от одного места заключения к другому [82]. Этот психоз усиливался, наконец, и под влиянием голода. По словам одного заключенного из тюрьмы Ла Бурб, народ устал кормить врагов республики [83]. В такой атмосфере известие об аресте Эбера и его друзей было воспринято с чувством облегчения. Таким образом, обвинение использовало в качестве аргумента против руководителей кордельеров слух, возникший в тюрьмах. Но большинство собранных обвинением свидетельств относительно возможной резни в тюрьмах исходило от самих заключенных, что крайне снижает их ценность.

«Доказав» наличие подстрекательства к восстанию и уточнив, какими средствами его предполагали осуществить, документ, легший в основу обвинительной речи, ставит вопрос о том, что было целью восстания. Чистка Конвента, упразднение правительственных комитетов, Комитета общественного спасения «как властителя, угнетающего народ», и Комитета общественной безопасности «как аристократического и угнетающего патриотов» (здесь можно узнать те разговоры, которые вели борцы, но в более четкой форме), упразднение Исполнительного совета (известны требования группы кордельеров об организации исполнительной власти в соответствии с Конституцией), после чего «должен быть поставлен глава, именуемый верховным судьей» [84]. Согласно некоторым показаниям, этим *верховным судьей* должен был быть Паш. Генерал Ломюр ссылается на этот слух 17 вантоза в разговоре с Вернинаком, посланником республики в Швеции [85], а затем 21 вантоза в своем показании Жану Ардуену, судье Революционного трибунала [86], но он уже говорил об этом Вестерману еще до заседания Клуба кордельеров 14 вантоза [87]. Не самому ли Ломюру принадлежит эта идея учреждения верховного судьи, что положило бы конец революции? Лабуро в своем показании от 5 жерминаля приводит следующее утверждение Ломюра: «Вестерман поступил неразумно, истолковав в дурную сторону то, о чем он ему говорил *как о чистом вымысле*» [88]. Однако эта идея носилась в воздухе. Марат уже давно требовал учреждения должности трибуна. В тех разговорах, о которых упоминалось в ходе следствия, иногда шла речь «о диктаторе, который находился бы у власти не более 24 часов» [89]. По словам полицейского осведомителя Жобера, бельгийского беженца, находившегося в плювиозе в заключении в тюрьме Сент-Пелажи в одно время с Ронсеном, последний, прочитав биографию Кромвеля, будто бы сказал: «Хотел бы я быть Кромвелем на 24 часа». 4 жерминаля Жобер писал общественному обвинителю: «Вы ищете того, кто предложил учреждение верховного судьи; мне кажется ясным, что есть серьезные основания считать, что это Ронсен; он пять раз прочитал историю Кромвеля в истории Англии Юма, в ней идет речь о верховном судье» [90]. Это разговоры, которые не следует понимать буквально, но они соответствуют властному темпераменту Ронсена. Однако из этого нельзя заключить, что руководители кордельеров обдумывали подобный проект, еще меньше оснований предполагать, что они между собой договорились по этому вопросу. В том же показании от 5 жерминаля Лабуро добавляет, что все обвиняемые *донимали* Ломюра *шутками* по этому поводу; «это убедило автора заявления в том, что если идея верховного судьи не была плодом нелепого воображения, то заговор с этой целью не был делом рук обвиняемых».

* * *

Итак, главные пункты обвинения, выдвинутые Фукье-Тенвилем против руководителей кордельеров, а именно распространение мятежных афиш, происки с целью подрыва снабжения Парижа, подстрекательство к восстанию с вытекающими отсюда последствиями, то есть введением в столицу отрядов «революционной армии», организацией резни в тюрьмах и назначением верховного судьи — все это не подтверждается анализом документов процесса. Суть дела была в другом. В лице обвиняемых жерминаля Революционное правительство наносило удар по определенной программе социальных требований и действий и политической позиции, которые оно считало вредными для своей политики, всецело и полностью направленной к достижению победы. Речь идет о социальных требованиях санкюлотов и о политической позиции секционных вожаков и передовых патриотов, которые заимствовали руководители кордельеров и которые они использовали в своих целях.

Действия санкюлотов в вопросе продовольственного снабжения отражали их положение потребителей и их смутные чаяния в области экономической и социальной организации. В то время как производители и торговцы требовали свободы предпринимательства и прибыли, санкюлоты, связанные с традиционной экономикой и разделяя соответствующий образ мышления, цеплялись за регламентацию и таксацию цен, видя в них эффективную защиту. У Эбера не было оригинальных идей, но он сумел очень хорошо выразить то, о чем смутно думали его читатели из народа; отсюда его патетические нападки на торговцев и фермеров. Между тем интересы национальной обороны требовали расширения производства. Революционное правительство не могло допустить развития движения, угрожавшего

подорвать его военные усилия. Но тем самым оно отталкивало от себя своих самых пылких защитников — трагическое противоречие, от которого оно так и не смогло освободиться и которое его погубило. Знаменательно, что после жерминаля, оставив в стороне упрек в атеизме, главное обвинение, выдвигаемое правительственными властями против Эбера, заключалось в «коварной тактике, имевшей целью уничтожить торговлю путем нападок на всех занимающихся ею граждан без всякого различия». Представляя 8 мессидора Генеральному совету проект постановления об открытии лавок в десятые дни декады, национальный агент Люлье напоминал, что народ должен с уважением относиться ко всем *сословиям*. «Что дали нам бесконечные вопли о кровопийцах народа?.. Злонамеренные люди хотели так опозорить торговлю, чтобы добрым гражданам было стыдно заниматься ею» [91]. Начиная с жерминаля правительство склоняется в своей политике к смягчению регламентации и таксации; производители и торговля одержали верх над потребителями из простого народа. Осудив группу кордельеров, Революционный трибунал тем самым осудил социальные требования и действия санкюлотов.

Перед лицом сопротивления имущих и производителей та экономическая политика, которой хотели санкюлоты, могла бы проводиться и далее лишь при условии усиления жестких мер. И в этом вопросе руководители кордельеров подхватили народные требования и систематизировали их. «Они требовали,— заявляет Луи Ру,— принятия против них [торговцев и земледельцев] таких мер, как гильотина, заключение в тюрьму в качестве подозрительных, учреждение передвижной гильотины, передвижного Революционного трибунала и передвижной «революционной армии», чтобы внушить страх и ужас». Однако со временем выдвижение требований сменилось прямой оппозицией; с сентября 1793 года кордельеры, передовые патриоты и вожаки секций не соглашались без сопротивления на меры, направленные к учреждению Революционного правительства. Народные борцы испытывали отвращение к включению в жесткую систему сильной власти, в рамках которой концепции буржуазной демократии восторжествовали бы над практикой народной демократии, сохранявшей свою живучесть в секционных организациях. Руководствуясь интересами правительственной политики, Комитеты не могли допустить окончательного утверждения подобной практики, ибо это подорвало бы то хрупкое социальное равновесие, на котором базировалась их деятельность. Группа кордельеров использовала это коренное противоречие двух непримиримых политических систем. Когда в вантозе в связи с ростом народного недовольства стали опасаться возможного взрыва, которым могла бы воспользоваться оппозиция, Комитеты, опасаясь, как бы их не отстранили и не заменили, решились прибегнуть к суровым мерам: перед самым началом военной кампании необходимо было напрячь все силы для одержания победы. После жерминаля правительственный контроль над народными организациями усилился; якобинская концепция политической жизни одержала верх. Осудив группу кордельеров, Революционный трибунал тем самым осудил политическую практику санкюлотов.

Итак, Революционное правительство подавило не заговор, имевший своей целью захват власти; оно избавилось от оппозиции, неорганизованной, подчас беспорядочной, но опасной, ибо эта оппозиция использовала социальные требования и политическую позицию, несовместимые со взглядами имущих и производителей и с требованиями национальной обороны. Вопреки мнению Альбера Матьеза, писавшего: «Эбертисты пали не вследствие своей экономической политики» [92], именно *в этом* существо спора. И в этом суть разыгравшейся драмы. Помимо различного образа действий и позиций, друг другу противостояли две социальные группы. Осудив одну из них, ту, которая все отдала революции, могло ли Революционное правительство устоять, опираясь исключительно на другую?

6. Группа кордельеров

Глубокий смысл жерминальского процесса, которому правительственная пропаганда усиленно старалась придать характер законности, мог ускользнуть от наименее сознательных санкюлотов, но осуждение людей, которые были воплощением революционного движения и преданности народному делу, имело для них вполне ясное значение. Поскольку оно исходило от тех Комитетов, которые они помогли поставить у власти, это осуждение заставило их усомниться в Революционном правительстве.

В своей обвинительной речи, стремясь вернее погубить группу кордельеров в глазах общественного мнения, Фукье-Тенвиль делал ударение на их нападках на Конвент и его комитеты. «Мы видим наконец, как они клевещут с преступным во всех отношениях ожесточением на членов Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности и, одним словом, позволяют себе требовать обновления национального представительства» [93]. Обвинение обоснованное, но оно маскирует другое, о котором неудобно говорить открыто, а именно что кордельеры использовали и придали четкое выражение скрытой оппозиции масс санкюлотов по отношению к Революционному правительству.

Роль глашатая оппозиции группы кордельеров в отношении политики правительства, а равно и чаяний санкюлотских масс Эбер мог выполнять благодаря занимаемой им должности помощника прокурора Коммуны и главным образом благодаря своей «Пер Дюшен». Для комитетов он был опасен вдвойне. Поэтому обвинение поставило его на первое место среди «заговорщиков» и уделило особое внимание разбору его газеты: оно особенно отметило в «Пер Дюшен»

статьи, содержавшие нападки на Комитеты и на Конвент. В июне 1793 года Эбер негодовал по поводу того, что Конвент, когда речь идет о спасении республики, полагается полностью на свои комитеты. В августе он выдвигает в качестве лозунга требование обновления Конвента и организации исполнительной власти: контрреволюция свершится, если оставить Комитет общественного спасения таким, как он ныне организован. В конце августа он вновь атакует Комитеты: «Свободе конец, если вся власть доверена неприкосновенным людям». Эти нападки повторяются в сентябре, в октябре [94]. Обвинитель заключает: «Доводя толкование принципов до крайности, изображая преувеличенным образом наши беды, сетуя на наши успехи, предлагая контрреволюционные меры, пугая ужасами голода, всю ответственность за который он возлагает на ваши Комитеты, кои он всячески старается очернить, оскорбляя, наконец, Конвент, на что мог он рассчитывать, если не на то, чтобы повернуть вспять движение свободы?» Чтобы погубить Эбера, надо было представить его контрреволюционером. Однако одно замечание в этом документе выдает скрытую мысль обвинения: «Интрига Варле, который овладел вниманием секций Парижа, чтобы убедить их отправиться к барьеру Конвента с требованиями», направленными против декрета, ограничившего собрания секций двумя в декаду. Варле не был потревожен. Но в лице Эбера обвинение метило в народное движение, глашатаем которого он был, поскольку оно ускользало из-под правительственного контроля. Эбер был тем более опасен, что его газета, подхватывавшая народные требования, была, по признанию того же обвинения, «слишком хорошо принята народом». Этим объясняется то, что, к своему удивлению, он оказался первым из обвиняемых этого процесса. В лице Эбера, хорошего журналиста, но плохого политика и бесхарактерного человека, был нанесен удар «Пер Дюшен».

Оппозиция Ронсена, по существу тождественная оппозиции Эбера, проявлялась по-другому [95]. Враждебно относясь к революционной организации правительства по ряду причин, среди которых честолюбие занимало немалое место, он часто позволял себе резкие нападки на Конвент и Комитеты. Его первый арест обострил его озлобление. Осведомитель Жобер сообщает, что он часто слышал, как в тюрьме Сент-Пелажи Ронсен высказывался против Конвента. Когда однажды кто-то сказал, что Национальный Конвент ничего не сделал для родины, Ронсен заявил, что, «когда будет новая легислатура, мы потребуем от них, чтобы они нам объяснили, что они сделали для народа» [96]. Бессилие его оппозиции, естественно, привело Ронсена к мысли о восстании, о новом 31 мая: «Не было другого выхода, как поднять народ весь целиком». Это были обычные для передовых патриотов речи, отражавшие отвращение, которое испытывали народные борцы к Революционному правительству. Такие речи со стороны командующего «революционной армии» были необдуманны и неизбежно вызвали тревогу властей. Человек с характером (его спокойствие перед смертью *привело* в смущение полицейского осведомителя Лабуро), но не политик, Ронсен лишь после приговора понял бесплодность своей словесной оппозиции: «Мы спохватились слишком поздно,— сказал он будто бы Моморо,— наша доверчивость погубила нас, надо было не речи произносить в Клубе кордельеров, а действовать» [97]. Одного этого признания достаточно. чтобы опровергнуть обвинение в организации заговора; но в то же время оно свидетельствует о политической слабости группы кордельеров.

Такой же была и оппозиция Венсана по отношению к Революционному правительству, но у него она сочеталась с необыкновенною резкостью характера и крайней невоздержанностью речи [98]. Некоторое представление об этом дает рассказ Лежандра об одном обеде у Паша в конце плювиоза. Присутствовавший там только что освобожденный из заключения Венсан, еще полный раздражения и злобы, пустился в необдуманные речи на тему о костюмах представителей в миссии, «аристократическая декорация... цель которой — нагнать страх на дураков и ввести их в заблуждение» [99]. Фукье-Тенвиль широко использовал это заявление, утверждая, что оно связано «с систематическим планом очернения национального представительства, составленным Венсаном и его сообщниками в соответствии с интересами коалиции деспотов» [100]. Эти речи отражали только сектантство Венсана. Человек низкого происхождения (его отец был привратником в одной из тюрем Парижа) и бурного темперамента, восторженный патриот, Венсан был из группы кордельеров наиболее близким к санкюлотам. Он разделял их упрощенные политические взгляды и непрестанно требовал проведения исключительных мер, «дабы покончить со всем этим». 24 плювиоза кордельеры приняли по его инициативе обращение к Конвенту с требованием принятия революционных законов. Когда на следующем заседании один из кордельеров спросил его, в чем разница между революционными законами и Революционным правительством, Венсан вспылил: «Тысяча чертей, разве ты не понимаешь, что революционные законы покончат все в две недели, истребив всех злодеев, а ваше Революционное правительство держит и будет держать вас без конца под властью самого отвратительного деспотизма» [101]. Несмотря на высокий пост, который он занимал в военном министерстве, его властный темперамент заставлял его сожалеть, что он не играет политической роли первого плана. Его сектантство усугублялось его честолюбием. Он находил удовлетворение в том, что руководил своей секцией *деспотически*, не допуская никаких возражений, окружив себя своего рода партией и беспощадно, упорно преследуя своих противников. Резкий характер и восторженность делают Венсана одним из наиболее типичных представителей передовых патриотов, революционные чувства которых и преданность республике не подлежат сомнению. Его упрямство, его властный и мстительный ум ослабляют его подлинные достоинства. Короче говоря, это человек сильных страстей, о чем свидетельствуют также столь трогательные письма, которые он писал из тюрьмы своей Нанетт [102].

Роль Моморо в оппозиционной деятельности группы кордельеров была менее заметной. Занимая должность администратора Парижского департамента, он играл некоторую политическую роль, однако менее видную, чем Эбер, который был помощником прокурора Коммуны и редактором «Пер Дюшен», или Ронсен, который был генералом «революционной армии», или Венсан, занимавший должность генерального секретаря военного министерства. Его оппозиция проявилась не в печати, как у Эбера, и не в резких речах, как у Ронсена и Венсана. В черновике, перечислявшем главные пункты обвинения против Эбера (подстрекательство народа к восстанию) и против Ронсена и Венсана (нападки на Революционное правительство), Моморо даже не упомянут [103]. Фукье-Тенвиль, который в своей обвинительной речи бросает определенные упреки Эберу, Ронсену и Венсану, ограничивается в отношении Моморо неопределенными общими заявлениями. При рассмотрении документов процесса вытекает лишь, что 14 и 15 вантоза Моморо председательствовал на заседаниях Клуба кордельеров и общего собрания секции Марата, на которых шла речь о восстании [104]. Но из четырех руководителей кордельеров Моморо был наибольшим политиком: только он обращался к санкюлотской массе с четкими социальными концепциями, не довольствуясь пустыми разглагольствованиями. Эбер, словно звучное эхо, с удивительным журналистским чутьем усиливал в своей газете смутные чаяния санкюлотов. Ронсен, по-видимому, не имел определенной системы взглядов. Венсана влекли к народу его темперамент и его сердце. Более вдумчивый Моморо размышлял над социальной проблемой. Будучи мастером-печатником и книгопродавцом и человеком довольно зажиточным, он примкнул к делу санкюлотов как в результате своих теоретических раздумий, так и вследствие внутренней склонности. Мы находим в его сочинениях в уточненном и систематизированном виде основные требования санкюлотов в социальной области. Его проект Декларации прав (сентябрь 1792 года) отражает присущий им дух эгалитаризма. «Социальные различия, основанные на общей пользе и *не нарушающие* равенства,— гласит статья II,— могут быть сохранены лишь с согласия нации, но *по желанию могут быть отвергнуты*». Хотя он ставит право собственности среди естественных и неотъемлемых прав (статья III), он гарантирует, однако, неприкосновенность только индустриальной собственности (статья XXVII). «То, что ложно именуется *земельной собственностью*», будет гарантировано лишь «до того времени, когда нация установит законы по этому вопросу» [105]. Подобно санкюлотам, Моморо гораздо больше интересуется проблемами распределения, чем проблемами производства. Его концепция собственности отвечает потребностям потребителей из простого народа. Подобно им, он заявляет, что продукты земли не могут быть поставлены «в один ряд с другими видами собственности в точном смысле слова»: потребности общества выше индивидуальных прав. Конечно, во II году эти идеи часто высказывались в печати и в устных выступлениях вожаков-санкюлотов, о них неоднократно шла речь и на столбцах «Пер Дюшен» Но у Моморо они получают такую последовательность и систематичность, на которые не способны были ни Эбер, ни Венсан. Моморо не довольствовался пропагандой своих эгалитарных идей в печати. Он неоднократно давал понять, что «склоняется к равенству состояний, часто обрушиваясь на частные имущества и третируя их владельцев как аристократов и мошенников» [106]. Этой эгалитарной пропагандой Моморо обеспечил себе поддержку «людей 40 су», которые образовали вокруг него в секции Марата своего рода партию [107]. Благодаря им Моморо руководил общим собранием почти столь же *деспотически*, как Венсан в секции Муция Сцеволы. По словам одного свидетеля, «патриоты» секции были «парализованы вследствие жесткости Моморо» [108]. Под патриотами здесь надо понимать тех умеренных, которых санкюлоты, восторжествовав в секции, изгнали из собрания и которые вернулись туда 25 вантоза, на следующий день после ареста Моморо. Его осуждение было их реваншем. Но в лице Моморо был нанесен удар по «людям 40 су», а тем самым по санкюлотской массе, социальные требования которой он сумел выразить.

Итак, в лице Эбера, Ронсена, Венсана и Моморо осужденными оказались по различным мотивам передовые патриоты и санкюлоты. Общественное мнение не могло заблуждаться на этот счет.

7. *Тревога патриотов и демагогия умеренных*

По мере того как развертывался жерминальский процесс, волнение общественного мнения все возрастало. Растерянность среди патриотов усиливалась. Если наиболее сознательные санкюлоты отказывались признать виновность обвиняемых, то многие патриоты хотя и не были в этом убеждены, однако были поколеблены; могли ли они усомниться в Революционном правительстве? Умеренные и даже роялисты воспряли духом. Вскоре скрыто проводимая пропаганда начала клеймить как осужденных, так и всех передовых патриотов. Не пощадили и мучеников за дело свободы, даже Друга народа. Трагедия санкюлотов становилась трагедией революции.

Несмотря на давление правительственного аппарата, несмотря на бдительность революционных комитетов, многие санкюлоты и после начала процесса, исход которого не вызывал сомнений, продолжали сочувствовать Эберу. В своих донесениях наблюдатели высказываются на этот счет вполне определенно [109]. 1 жерминаля, доносит Бакон, на площади Мезон-Коммюн большая группа людей обсуждала дело Эбера. «Как бы велико ни было наше доверие к Комитету общественного спасения, мы только тогда сочтем его виновным,— говорили некоторые,— когда собственными глазами увидим вещественные доказательства». Распространяется слух, будто

300 человек из предместья Антуан собираются идти ко Дворцу правосудия, чтобы освободить его от суда.

Волнение усилилось 2 жерминаля, когда стало ясно, каким образом ведется процесс. По словам Латур-Ламонтаня, на площади Революции один гражданин выражал негодование по поводу того, что обвиняемые были лишены возможности защищаться. «Председатель обращается с ними очень жестко; он постоянно говорит им: отвечайте «да» или «нет»». Народ возмущен тем, что «трибунал придерживается процедуры, противоречащей долгу человечности и справедливости». Это не единичное наблюдение. Одно донесение от 2 жерминаля сообщает, что «очень важно ускорить процесс гражданина Эбера, ибо царит глухое брожение, которое трудно определить» [110]. Бессодержательность обвинения придавала бодрости сторонникам Эбера. По словам Латур-Ламонтаня, они доходят до того, что заявляют, будто Эбер — это новый мученик за дело свободы и «что на этом процессе не было представлено ни одного решающего доказательства против него». Пурвуаёр подчеркивает, что защитниками Эбера являются «исключительно» «люди 40 су» [111].

Манифестации в пользу Эбера в ходе его процесса были делом только меньшинства дальновидных и мужественных санкюлотов. Чаще среди патриотов наблюдается тревожное молчание. Все те, кто в той или иной мере играл передовую роль в революционном движении, испуганно притихли. Один из наблюдателей отмечает 28 вантоза, что «кордельеры находятся в состоянии страшного нервного напряжения. Они боятся быть втянутыми в это дело». Можно представить себе смятение этих патриотов, чувствующих себя пораженными в лице тех, кто был их друзьями. Они обеспокоены своей личной судьбой, и в то же время их тревожит будущее революции. Отныне отношения между патриотами отравлены подозрением. «Бесполезно вести разговоры, расспрашивать, задавать вопросы, пытаясь выяснить состояние общественного мнения, — подчеркивается в одной записке в Управление полиции от 2 жерминаля, — все воздерживаются или отвечают неопределенно» [112]. Осведомитель Суле отмечает 5 жерминаля во время казни Эбера: «[Патриоты] наблюдали друг за другом» [113]. Прежний патриотический подъем народа сменился унынием. Это беспокойство отмечается наблюдателями день за днем. Служба полицейского надзора подчеркивает это обстоятельство в своих ежедневных донесениях. Смещение и арест общественных должностных лиц, пользовавшихся доверием народа, усиливают беспокойство: не предвестник ли это реакции? [114] Это же беспокойство отмечает 9 жерминаля наблюдатель Латур-Ламонтань. «Не знаю, говорил один гражданин в кафе Республики, чем все это кончится; нападали на революционные комитеты и достигли того, что сделали их подозрительными; нападали на «революционную армию», и вот она распущена. Похоже, что покушаются на все, что носит название революционного. Испугавшись, что сказал лишнее, человек исчез» [115].

Смятение и растерянность еще более возросли в связи с арестом Дантона в ночь с 10 на 11 жерминаля. Весть об этом быстро распространилась утром 11 жерминаля. «Люди испытывают изумление и ужас,— доносит Гривель,— при вести о том, что такие депутаты, как Дантон, Лежандр, Бурдон из Уазы, Камилл Демулен, Тюрио и т. д., которых всегда видели во главе патриотов, во время восстания 10 августа, при установлении Республики и Революционного правительства, сейчас находятся в числе заключенных. Люди не смеют высказывать суждений и тяжело вздыхают» [116]. Доклад службы надзора полиции от 12 жерминаля говорит о беспокойстве, доклад от 15 жерминаля говорит об оцепенении [117]. В действительности арестованы были Дантон, Камилл Демулен, Филиппо и Делакруа; ошибка наблюдателя Гривеля весьма показательна. Передовые патриоты давно требовали ареста Бурдона из Уазы и Филиппо. Меры, принятые правительственными комитетами, их смущают. Что думать об аресте Дантона, которого даже наиболее пылкие никогда не смели атаковать в лицо, между тем как пощадили давно уже разоблаченного Бурдона из Уазы? Что думать об арестах таких, как Филиппо, как Камилл Демулен, произведенных после казни тех самых людей, которые их обвиняли? Народ, плохо разбирающийся в политических тонкостях, в скрытой борьбе фракций и в обстоятельствах, связанных с необходимостью для правительства сохранения равновесия, не мог не испытывать растерянности.

* * *

Эта растерянность идет на пользу умеренным и даже роялистам. Они, не колеблясь, используют в своих целях репрессивные меры, бьющие по революционному авангарду. Патриоты не заблуждаются на этот счет: в том потоке поздравительных адресов, которые секции и общества шлют Конвенту, доля умеренных и аристократов велика. В день казни Эбера контрреволюционеры не скрывали своей радости. «Во всех общественных местах,— доносил Суле,— аристократы и умеренные ликовали по поводу этой казни и притворялись большими патриотами». Последовавшие за судебным процессом смещения и аресты умеренные встретили с явным одобрением. «Злонамеренные люди,— согласно докладу службы надзора полиции от 11 жерминаля,— приветствуя эти меры, хотят, по-видимому, обратить их себе на пользу» [118]. И в самом деле, в эти первые дни жерминаля развертывается кампания дискредитации, имеющая целью скомпрометировать самых пылких патриотов. Раз столь признанная патриотическая репутация, как репутация Эбера, оказалась по решению трибунала ложной, то на каком основании считать обоснованной репутацию других столь же заслуженных революционеров?

Сразу же после ареста руководителей кордельеров подозрение распространилось на людей, которые по разным причинам были

близки к заключенным, на таких, как Анрио, Паш, Бушотт. 26 вантоза один из наблюдателей доносит о разговорах, враждебных Анрио [119]. По донесению Прево, на следующий день в группах, собиравшихся на площади Революции, выражали удивление по поводу того, что Бушотт не был арестован, «ведь Венсан руководил министерством... и не может быть, чтобы Бушотт не участвовал в заговоре». 5 жерминаля было много разговоров о Бушотте, Шометте, Паше и Сантере: им, мол, тоже скоро придется предстать перед Революционным трибуналом. На следующий день наблюдатель Суле доносит о слухах, согласно которым «для того, чтобы спасти других крупных преступников, из этого заговора исключили Сантера, Паша, Бушотта и Анрио». Эта проводимая под сурдинку кампания дискредитации и тревоги не пощадила и членов правительственных комитетов. По донесению Бакона, в кафе на бульваре один человек объявил 7 жерминаля, что арестован Колло д'Эрбуа [120], и это сообщение не вызвало никаких протестов, так как было известно о связях Колло с некоторыми из осужденных.

Самой выдающейся жертвой этой контрреволюционной кампании был Марат. Разве не он проповедовал насильственные меры, разве не он толкал к крайним мерам? «Бешеные» ссылались на него, Эбер провозгласил себя его преемником. Умеренные брали теперь реванш; осуждение отца Дюшена рикошетом ударило по Другу народа. 27 вантоза наблюдатель Прево слышал, как говорили, что «если бы Марат был еще жив сейчас, он был бы обвинен и, возможно, гильотинирован, он слишком много кричал в пользу народа и был не более чем вторым отцом Дюшеном» [121]. Злонамеренные не замедлили объявить Марата «главой заговора». 1 жерминаля распространился слух, будто Эбер, защищаясь, скомпрометировал Друга народа, будто план, который он уже готов был осуществить, был задуман самим Маратом, а он, Эбер, «полагал, что хорошо сделает, если осуществит замыслы этого мученика за дело свободы» [122]. 5 жерминаля распространился слух, будто секция Марата, не остановившись перед отречением, завесила портрет Друга народа.

Эта кампания, направленная против мучеников свободы, на которых как бы распространили осуждение Эбера, в конце концов встревожила наиболее верных приверженцев правительственной политики. Один инцидент, вызванный второстепенным служащим Коммуны вследствие чрезмерного рвения или по злой воле, предоставил якобинцам случай дать отпор этой кампании, ибо реакция угрожала зайти слишком далеко. 9 жерминаля некий Лакомб, выступая в Якобинском клубе, выразил удивление по поводу того, что полиция распорядилась убрать все бюсты Шалье; в секции Тюильри от имени полиции были приняты меры к их удалению. Лакомб разоблачил этот «новый способ нарушения общественного спокойствия, возрождающий или укрепляющий эбертистскую клику в случае, если она еще не уничтожена полностью» [123]. Дюма не без основания усмотрел в этом происки аристократии: она хочет воспользоваться обстоятельствами, «чтобы напасть на революцию, связывая самых чистых патриотов с притеснителями и предателями». Колло д'Эрбуа в свою очередь настаивал на контрреволюционном характере этой кампании [124]. На следующий день в Конвенте Лежандр разоблачал тех, кто хочет произвести «контрреволюцию в могилах» [125]. В то же время правительство приняло меры к подавлению «снисходительных». Дантон был арестован в ночь с 10 на 11 жерминаля и казнен 16 жерминаля. При виде размаха этих тайных происков Коммуна между тем начала реагировать. 9 жерминаля Генеральный совет заклеймил происки, цель которых «поколебать общественное мнение, решительно настроенное в пользу мучеников за дело свободы, пытаясь бросить тень на их подлинно республиканское поведение». Особенно важно, что Совет объявил подозрительными всех тех, кто попытается подорвать уважение, *справедливо заслуженное* этими мучениками [126]. Угроза возымела свое действие. Кампания прекратилась. После 10 жерминаля в донесениях полицейских наблюдателей мы не находим больше упоминаний о такого рода разговорах. Но для уяснения истинного значения жерминальского процесса весьма показательно то, что эта кампания была развязана сразу же после ареста руководителей кордельеров. В их лице, что бы ни говорили правительственные комитеты и их сторонники, мученики за дело свободы потеряли своих защитников. Уже приближается момент, когда в свою очередь поредеют ряды якобинцев и санкюлоты останутся единственными хранителями великой памяти Друга народа. Жерминаль предвещает III год: контрреволюционеры, достигнув своих целей, смогут тогда без труда выбросить в окно бюсты Марата.

* * *

Так символически вырисовывалась трагедия революции: после осуждения отца Дюшена Революционному правительству уже приходится защищать память Друга народа. Манифестации лояльности со стороны секций не могли никого обмануть. В то время как санкюлоты молчали, умеренные, чувствуя, что ветер изменился, воспряли духом. После того как в лице руководителей кордельеров Революционное правительство осудило народное движение и то, что было в нем наиболее характерного, оно оказалось во власти тех умеренных, с которыми, как оно полагало, оно боролось. Напрягая все силы, оно еще сможет в течение нескольких месяцев сопротивляться их натиску. Революционное правительство погибнет, ибо не сможет вернуть себе поддержку и доверие народа, падет жертвой того противоречия, которое тяготело над его судьбой с момента его образования. Раз вступив на путь сопротивления, Комитеты, хотя они и чувствовали опасности этого пути, не смогут уже на деле отказаться от репрессивных мер против секционных вожаков. Так обозначаются пределы действий людей перед лицом неизбежных закономерностей истории.

ГЛАВА IV

РЕПРЕССИИ. ПЕРЕДОВЫЕ ПАТРИОТЫ И ВОЖАКИ СЕКЦИЙ

(жерминаль — флореаль II года)

1. Процесс Шометта (21—24 жерминаля II года).—2. Общие аспекты репрессий.—3. Репрессии против служащих военного министерства.—4. Репрессии против революционных комитетов.— 5. Репрессии против персонала секций.— 6. Политическая атмосфера.

После того как были осуждены руководители кордельеров, а вместе с тем и политическая линия передовых патриотов и тенденции санкюлотов, возник вопрос. ударят ли Комитеты и по всем тем, кто в Коммуне, в административных органах и в секциях боролись за те же цели и разделяли те же надежды? В этом случае репрессии получили бы широкий размах, и драма быстро пришла бы к развязке. Эта опасность не могла ускользнуть от внимания правительственных деятелей, в равной мере озабоченных тем, чтобы сдержать умеренных и ограничить крайних.

Еще в ходе следствия по делу Эбера выяснилось, что руководители кордельеров поддерживали политические связи с людьми, пылкий патриотизм которых обеспечил им важные посты. Многочисленные свидетели подтвердили, что Анрио и его адъютанты часто бывали у банкира Кока, в квартале Пасси. По некоторым свидетельствам Паш был тем диктатором, которого обвиняемые хотели поставить у власти, назвав его *верховным судьей*. Бушотт покрывал в военном министерстве деятельность Венсана, генерального секретаря этого министерства. Ронсен во время своего командования в Вандее действовал сообща с Россиньолем, этим генералом-санкюлотом... Эти факты не могли не привлечь внимания общественного обвинителя. Но дело было слишком важным, чтобы не стать предметом рассмотрения правительственных комитетов, которые были немедленно поставлены в известность. В бумагах общественного обвинителя имеется следующая записка без даты и без подписи: «Заслушав доклад об обвинениях и особенно принимая во внимание важнейшие интересы общественного спасения, Трибунал заявляет, что необходимо принять меры безопасности в отношении генерала Анрио и его главных сообщников, и ввиду этого поручает общественному обвинителю и Дюма, заместителю председателя, представить настоящее заявление Комитету общественного спасения и изложить его мотивы» [1].

Но было опасно слишком расширять репрессии, ибо тогда невозможно было бы положить им предел. Если Шометт был арестован 28 вантоза, хотя в ходе следствия не удалось установить компрометирующих его связей с обвиняемыми, то, наоборот, люди, скомпрометированные разными свидетельскими показаниями, не были потревожены. Шометт играл видную роль, был связан с народным движением, а временами оказывался во главе его, поэтому Шометта считали более связанным с оппозицией санкюлотов, которую пытались использовать руководители кордельеров. Правительственные комитеты не могли забыть, какую роль играл он в дни 4 и 5 сентября и во время кампании дехристианизации, а также его попытку навязать свое руководство революционным комитетам. Шометт был арестован [2], а Паша и Анрио пощадили. Фукье-Тенвиль так объясняет свои действия в оправдательной записке III года [3]: «После того как я доложил Комитету общественного спасения о существовании единственного обстоятельства против Паша, комитет решил, что, поскольку Паш является первым должностным лицом народа и против него нет достаточно обоснованных обвинений, не следует в данном случае говорить о нем» Такое же решение было принято в отношении Анрио и одного из его адъютантов, Любена, в то время судьи в трибунале первого округа.

В процессе Шометта нашли отражение в известной мере аналогичные соображения: удержать кампанию репрессий в узких рамках и успокоить санкюлотов. Однако расчет оказался ложным. После того как была начата борьба против кордельеров и умеренные воспряли духом, внутренняя логика событий влекла передовых патриотов и вожаков секций к их гибели. Вопреки сдерживающим усилиям Революционного правительства и его стремлению к умиротворению жерминаль предвещает термидор.

1. Процесс Шометта (21—24 жерминаля II года)

Открывшийся 21 жерминаля процесс Шометта подтвердил политический и социальный смысл процесса Эбера. И к процессу Шометта были привлечены передовые патриоты и вожаки секций, которых ни в чем нельзя было упрекнуть, разве что в их революционном поведении. Вместе с тем этот процесс показал пределы, установлен-

ные Комитетами для репрессий, и свидетельствовал о том, что Комитеты не намерены были допустить, чтобы их захлестнула волна демагогии умеренных: трибунал оправдал вожаков, скомпрометированных лишь вследствие интриг умеренных.

Те уловки, к которым правительство прибегло в процессе Эбера, были повторены и в процессе Шометта: для того чтобы скомпрометировать патриотов, обвинение смешало воедино представителей различных тенденций. Если присутствие Ламбера, тюремщика из тюрьмы Люксембург, было необходимо для подтверждения реальности «заговора в тюрьмах», организованного Диллоном и депутатом Симоном, то присутствие Люсиль Дюплесси, вдовы Камилла Демулена, и Франсуазы Гупиль, вдовы Эбера, должно было доказать наличие связей между обвиняемыми этого процесса и обвиняемыми двух предыдущих процессов. Этим же объясняется присутствие Себастьяна Лакруа, члена революционного комитета секции Единства, комиссара исполнительной власти в департаментах Юга, давно известного как протеже Дантона [4]. Тем не менее процесс остается, по существу, направленным против передовых патриотов и вожаков санкюлотов [5]. Показательно в этом смысле присутствие рядом с Шометтом секретаря Клуба кордельеров Шено, трех вожаков секций — Шардена, Берейтера и Монтен-Ламбена, служащего военного министерства Пранже, двух унтер-офицеров «революционной армии» — Дюма и Барба; итого из 25 обвиняемых 7 были парижскими санкюлотами или передовыми патриотами. К этой категории надо еще отнести Лапалю, судью при Революционной комиссии в Фёр, и Лебраса, лейтенанта жандармерии, не говоря уже об обоих Граммонах, полковнике и офицере «революционной армии», которые, каковы бы ни были их социальное происхождение и предъявленные им обвинения, были скомпрометированы уже потому, что занимали такие должности в армии, которой командовал Ронсен.

Шометт уже одним своим именем как бы символизировал народное движение. Он был арестован 28 вантоза по совместному приказанию правительственных комитетов [6]; ему поставили в вину его политическую позицию в целом и стремление превратить Коммуну в орган власти, соперничающий с Конвентом. Эти политические обвинения были изложены в доносе Луи Ру, бывшего члена Генерального совета, находившегося в заключении с сентября 1793 года. Шометту ставили в упрек преувеличенное истолкование принципов в его выступлениях и обвинительных речах; создание Коммуной комиссии для переписки с другими коммунами республики; издание «Аффиш де ля Коммюн» (редактором которой одно время был Жак Ру), соперничающей с «Бюллетен де ля Конвансьон»; произвольное применение чистки для устранения своих противников; намерение при помощи передвижной «революционной армии» и передвижных гильотины и трибунала устрашить земледельцев (которых клеймили как спекулянтов) и торговцев, снабжавших Париж, которых считали всех скупщиками; наконец, борьбу против религиозного культа посредством озлобленных речей, насмешек и угроз по адресу священников и верующих. В лице Шометта хотели нанести удар по социальным и политическим действиям санкюлотов. В своей обвинительной речи Фукье-Тенвиль широко использовал донос умеренного Луи Ру. Он выдвинул против Шометта два основных обвинения: его поведение на посту прокурора Коммуны, его подчеркнутое пренебрежение к авторитету Конвента и стремление самому выступать в качестве законодателя, а также и прежде всего его нападки на всякую идею божества и его попытка возвести атеизм в ранг официальной политики [7].

Действия Шометта в религиозном вопросе являлись одним из главных козырей обвинения. Благодаря своему положению прокурора Коммуны, каковы бы ни были его колебания, Шометт, очевидно, представал как глава движения по дехристианизации [8]. Однако в глубине души и по своему складу он был, по-видимому, не столько атеистом, сколько антиклерикалом. Шометт не был инициатором движения дехристианизации. Хотя в дальнейшем он занял в этом вопросе очень резко выраженную позицию, он лишь следовал за движением, зачинателем которого не был и от которого с легкостью отрекся. Полный того бьющего через край сентиментализма, который характерен для конца XVIII века, Шометт часто менял свои религиозные убеждения. Олар считал его мистиком, «исполненным умиления перед философией савойского викария» [9]. Матьез показал, что он был франкмасоном и произнес в своей ложе речь, отмеченную печатью туманного деизма [10]. Бреш открыл, что временами он восхищался протестантизмом. В различных речах 1790 и 1791 годов Шометт неоднократно взывает к существу-творцу, к богу милосердия. Стало быть, его атеизм был лишь последней стадией очень сложной эволюции с множеством аспектов. Однако эта стадия нуждается еще в точной характеристике. Сильвен Марешаль посвятил Шометту свою поэму, обращенную против *бога и священников*. Но прокурор Коммуны отнюдь не исповедовал сознательного атеизма в духе материалистов XVIII века. Его ненависть к священникам и монахам заменяет ему доктрину, его пропаганда направлена больше против личностей, чем против догм. Его позиция сходна с позицией вожаков секций, освободившихся от соблюдения религиозных обрядов, которых в католицизме больше всего возмущало духовенство. Похоже на то, что атеизм у Шометта, как и у санкюлотов, сводится к антиклерикализму. Во всяком случае, не было оснований для обвинения, предъявленного Шометту Фукье-Тенвилем, будто он стремился уничтожить всякую мораль, попрать все принципы добродетели. Его наставления в Генеральном совете, его обвинительные речи, направленные против публичных женщин, его речи в защиту бедных и престарелых свидетельствуют как раз об обратном.

С точки зрения Революционного правительства Шометт заслуживал осуждения гораздо больше за свое социальное поведение, чем за свой атеизм. Простота его одежды и его речи, его шумные

выступления, исполненные гуманных побуждений, вполне соответствовали жизненному идеалу санкюлотов. В лице Шометта, более чем в ком-либо из руководителей кордельеров, санкюлоты видели своего человека. Самоучка с некоторыми научными претензиями, основанными на том, что он слушал лекции какого-то английского медика, всегда занятый растениями и книгами, Шометт по своим политическим и социальным идеям почти не отличался от вожаков секций: мы находим у него те же колебания и те же противоречия. В марте 1793 года его упрекали в том, что в связи с событиями в Вандее он потребовал, чтобы первыми отправились на фронт служащие банкиров, клерки нотариусов и прокуроров. В ответ он уточнил свою мысль. «Я сказал, что тех, кто производит хлеб, башмаки и одежду, следует больше щадить, чем тех, кто пишет в конторе или в канцелярии. Я сказал, что бедняки уже давно делают все, надо, чтобы и богатые на что-то пригодились... Надо сделать полезными, вопреки их воле, эгоистов и молодых бездельников, и предоставить отдых полезному и уважаемому рабочему» [11]. На этом заканчивается система экономических и социальных воззрений Шометта: его рассуждения не идут дальше рассуждений простого санкюлота. Более систематический характер носят его взгляды на мораль. Охотно превращая трибуну Генерального совета в амвон, Шометт проповедовал светскую мораль, свободную от догматов, и превозносил чувство человеческого достоинства. Этим объясняются его знаменитые речи против дурных нравов, против проституции. Этим объясняются его речи в защиту брака, в защиту внебрачных детей, за благопристойность похорон; все это было по вкусу санкюлотам, которые смутно думали то же самое. В силу своей чрезмерной чувствительности, едва начав речь, он приходил в состояние крайнего волнения, и часто слезы струились по его лицу: так Шометт находил прямой путь к сердцу людей из народа. Санкюлоты должны были воспринять его смерть как гибель одного из своих.

Присутствие на скамье подсудимых рядом с Шометтом вожаков секций и передовых патриотов подчеркивало социальный аспект процесса. В качестве сообщников Ронсена Фукье-Тенвиль представил двух скромных санкюлотов из Сент-Антуанского предместья: паркетчика Дюма и матрасника Барба, из коих первый был капралом-каптенармусом, а второй — сержантом «революционной армии». Все, что можно было поставить им в упрек, сводилось к неопределенным разговорам, которые они вели в Этампе около 20 вантоза, «что дней через 12 будет что-то новое» [12]. Обвинение было настолько несостоятельно, что их оправдали. Более серьезными, с точки зрения правительственных органов, были разговоры, в которых обвиняли Лебраса, лейтенанта жандармерии при судах. Его покровитель, Ронсен, будто бы обещал Лебрасу чин полковника, к тому же были известны его дружеские отношения с группой кордельеров. Говорили, что 25 вантоза при выходе с общего собрания секции Французского Пантеона он выступил в защиту Эбера. В другом свидетельском показании говорится, что он внес проект резолюции в его пользу во время заседания. Тщетно другой лейтенант жандармерии признавал себя повинным в этих разговорах [13]. Лебрас был осужден.

Четверо из обвиняемых должны быть отнесены по разным мотивам к категории передовых патриотов: все четверо были оправданы.

26 вантоза Шено был арестован по приказу Комитета общественной безопасности. Будучи представителем секции Французских гвардейцев в Коммуне, он был обычно секретарем в Клубе кордельеров. Приказ об аресте отражает некоторые колебания: слова «подозреваемый в соучастии с...» зачеркнуты и заменены словами «обвиняемый в устройстве у себя собрания» [14]. В самом деле, поведение Шено было очень благоразумным. Будучи секретарем в Клубе кордельеров, он сообщил им 24 вантоза об аресте их председателя Моморо и ввиду отсутствия заместителя председателя Гобера принял на себя исполнение этих функций. Хотя он и заявил, что Декларация прав вновь нарушена, он призвал общество сохранять необходимое в столь трудный момент спокойствие [15]. Этим его роль и ограничилась. Единственное, что удалось выдвинуть против него, — это короткая записка, посланная им 27 мая 1793 года Эберу, арестованному по приказу Комиссии двенадцати [16].

Он был арестован в то время, когда составлял обращение к Конвенту о деятельности кордельеров: он представлял их защитниками «организации Комитета общественного спасения» [17]. Не эта ли последняя демонстрация лояльности спасла его? А между тем он разделял идеи санкюлотов. В обращении, найденном при нем, он обрушивал «ненависть и презрение на головы подлых скупщиков, скупых и жадных торговцев». В прериале III года ему будет поставлено в упрек его заявление 1793 года о том, что «грабежи преследовали моральную цель». Шено был оправдан.

Монтен-Ламбен, служащий Парижского департамента, принявший имя Эриманта, был одним из самых деятельных борцов секции Шалье. Он составлял рукописный листок, который вывешивал два раза в декаду у дверей кордегардии секции с целью «просветить всех граждан относительно их обязанностей». Если верить донесению наблюдателя Шармона от 7 нивоза, этот маленький листок привлекал внимание многих людей [18]. Таким образом, Ламбен будоражил общественное мнение. В своем листке от 27 плювиоза он громил адвокатов, прокуроров, дворян и священников, всех, кто «притворяется патриотами», и в то же время превозносил санкюлотов, которые ничего не имеют, все поддерживают и не заботятся о своем будущем. В напряженной атмосфере конца той зимы такие тирады получали глубокий отзвук среди санкюлотов. Его патриотическое рвение было вознаграждено. Узнав о наличии вакантного места в бюро Парижского департамента, революционный комитет секции Шалье назначил туда Ламбена «собственной властью, хоть это и не понравилось департаментским властям» [19]. Своей пропагандой Ламбен

привлек к себе внимание властей: он был арестован 28 вантоза «как сторонник клики эбертистов» [20]. Между тем у него не было никаких связей с руководителями кордельеров, он действовал в своей секции в одиночку. Комитеты распорядились об его аресте, чтобы избавиться от испытанного борца. Ламбен был основателем народного общества; в марте 1793 года он вошел в состав первого революционного комитета; в вантозе он был членом благотворительного комитета [21]. Общее собрание 20 жерминаля подтвердило его гражданскую благонадежность: он всегда проявлял «твердость и энергию, которые немало способствовали укреплению духа и победе патриотов» [22]. Ламбен был оправдан [23]; осудить его значило бы осудить всех санкюлотов секции Шалье.

Точно так же были оправданы Шарден из секции Брута и Берейтер из секции Единства, которых умеренные попытались погубить, донеся на них как на «эбертистов».

Таким образом, приговор от 24 жерминаля, оправдавший Шардена, отражает как политические намерения Революционного правительства, так и заветные чувства присяжных заседателей после падения фракций. Некоторые из осужденных могли бы фигурировать в процессе Эбера или Дантона; они представляли как бы хвост того или другого *заговора*. Более показательны процент оправданных, их социальное положение, а также условия оправдания. В процессе Эбера был оправдан только полицейский осведомитель Лабуро. В процессе Дантона — только один Люлье. 24 жерминаля семь обвиняемых из 24 были оправданы, и все они — вожаки секций и передовые патриоты: санкюлоты Барб и Дюма, солдаты «революционной армии», служащий Пранже, кассир службы обмундирования войск, обвиненный в краже, которой не удалось доказать, кордельер Шено, три вожака секций — Монтен-Ламбен, Берейтер и Шарден. Значение оправдания Шардена и Берейтера подчеркивается тем, что их арест был следствием интриг со стороны умеренных и что они предстали перед Революционным трибуналом. Разгромив группу крайних, правительственные комитеты не хотели, однако, пойти на поводу у умеренных, не хотели расширением репрессий открыть дорогу реакции; они по-прежнему были озабочены сохранением равновесия между различными социальными слоями, поддерживавшими до тех пор Революционное правительство. Но как бы ни были ограниченны масштабы репрессий, их последствия — и особенно их психологические последствия — ускользали от внимания правительства.

2. *Общие аспекты репрессий*

По воле правительственных комитетов репрессии были ограниченными. Конкретное изучение арестов, произведенных в вантозе и жерминале, позволило бы точно установить границы репрессий.

Но такое изучение невозможно из-за состояния документации. В результате превратностей истории исчезла значительная часть ордеров на арест и протоколов о занесении арестантов в тюремную книгу. Кроме того, служащие канцелярий и тюремные привратники, бывшие санкюлотами, принятыми на службу во II году, поскольку они обладали необходимыми политическими гарантиями, чаще всего не имели никакой бюрократической подготовки. Документы, которые они нам оставили, составлены и оформлены небрежно и содержат досадные пробелы, особенно в части мотивов ареста, которые очень редко бывают указаны. Таким образом, всякая попытка статистического изучения арестов оказывается неосуществимой. Остается только возможность изучения отдельных частных случаев.

Репрессии осуществлялись различными органами власти, на которые была возложена охрана общественной безопасности и проведение в жизнь закона о подозрительных, а именно Комитетом общественной безопасности и Комитетом общественного спасения, прокуратурой Революционного трибунала, Управлением полиции Коммуны, революционными комитетами различных секций. Со стороны Комитетов не было сделано никакой попытки систематизации или хотя бы координации репрессивных мероприятий. Так что за несколькими довольно редкими исключениями, когда речь шла о людях, игравших видную роль в вантозском кризисе, репрессии применялись случайно, в зависимости от личных связей или поступивших доносов. Часто те или иные лица подвергались аресту вследствие их дружеских связей или симпатий, хотя их политическое поведение не давало никаких оснований для этого. Рвение революционных комитетов и общих собраний, старавшихся доказать свою лояльность, имело следствием целый ряд других арестов. «Многие секции изгнали из своей среды сторонников Эбера,— отмечает 8 жерминаля наблюдатель Шармон,— боясь, как бы их впоследствии не сочли сообщниками этого злодея» [24].

Аресты учащаются в вантозе и жерминале. Досье протоколов о взятии под стражу, хранящиеся в архиве Префектуры полиции, разбухают за эти месяцы [25]. В Люксембургской тюрьме число заключенных, достигавшее в плювиозе приблизительно 450, в конце вантоза превзошло 500, а в конце жерминаля — 650 человек. В тюрьме Карм наблюдается такой же рост: среднее число заключенных в плювиозе 200, 30 вантоза оно достигает 262, 29 жерминаля —351 человека [26]. Но как среди этих многочисленных ордеров на арест (исходящих от различных органов власти и не указывающих, как правило, никаких мотивов) провести грань между арестами за контрреволюцию, эмиграцию, за принадлежность к аристократии, фанатизм или модерантизм и арестами крайних элементов и по обвинению в *сообщничестве* с Эбером? Вантозский кризис, а затем жерминальский процесс сопровождались принятием новых суровых мер против аристократов и контрреволюционеров, усилению которых способствовало к тому же предстоящее начало военной кампании. Чтобы

показать свою возросшую бдительность, комитеты секций произвели многочисленные аресты. Вожаки умеренных в секции Елисейских полей были арестованы лишь 20 вантоза; между тем они решительно проявили себя еще до 31 мая. Во многих секциях в вантозе и жерминале было произведено больше арестов подозрительных лиц, чем в брюмере. Правда, около этого времени тот же комитет Елисейских полей арестовал трех граждан, «отцов семейств, известных своим патриотизмом и живущих плодами своих трудов», трех добрых санкюлотов, которых Комитет общественной безопасности приказал освободить [27]. Многие революционные комитеты действовали таким образом в жерминале, арестовывая многих умеренных, но не забывая ударить и по некоторым чрезмерно пылким санкюлотам, которых тогда называли смутьянами. Итак, с вантоза по флореаль списки заключенных разбухли, но в большинстве случаев эти репрессии были направлены не против *эбертизма*.

Изучение списков арестованных ряда парижских тюрем позволяет уточнить некоторые аспекты. В арестном доме Пор-Либр (улица де ля Бурб) в плювиозе находилось в заключении 16 человек, в вантозе — 65, в жерминале — 43 человека [28]. В вантозе 40 ордеров на арест были выданы Комитетом общественной безопасности, 21 — революционными комитетами различных секций и только 4— Управлением полиции Коммуны. В плювиозе, наоборот, все 16 арестов были делом рук революционных комитетов. В жерминале можно тоже отметить преобладающую роль Комитета общественной безопасности: из 43 арестованных, прибывших в Пор-Либр, 24 были арестованы по его приказу, 10 — по приказу революционных комитетов, 6 — по приказу Управления полиции, 2 — по приказу наблюдательного комитета Парижского департамента, один — по приказу Комитета общественного спасения, один — по распоряжению представителя в миссии Крассу, находившегося в департаменте Сена и Уаза. Из 122 человек, заключенных в жерминале в тюрьму Сент-Пелажи, 50 попали туда по приказу Комитета общественной безопасности, 23 — по приказу Управления полиции, 20 — по приказу обвинителя при Революционном трибунале и только 5 — по приказу революционных комитетов [29]. Как бы отрывочны ни были эти данные и какие бы ни были различия между отдельными документами, создается впечатление, что руководящая роль, в кампании репрессий принадлежала (и это вполне естественно) Комитету общественной безопасности и Управлению полиции Коммуны. Революционные комитеты играли более скромную роль, в масштабе их секций, но действовали они по своей собственной инициативе.

Мотивы ареста, когда они случайно указаны, свидетельствуют о том, что репрессивные меры, даже когда они бьют по санкюлотам, редко находятся в прямой связи с делом Эбера. В жерминале в тюрьму Сент-Пелажи было заключено 122 человека, из коих только 3 человека были арестованы по мотивам, связанным с предпринятой в вантозе попыткой или с народным политическим движением. Это

были Клер Лакомб, арестованная в порядке охраны общественной безопасности, и два члена комитета секции Революционной, «подозреваемые в соучастии в заговоре против народа» [30]. В ордерах на арест, выданных Комитетом общественной безопасности, чаще всего не указаны мотивы ареста или имеется простое указание «в порядке охраны общественной безопасности», которое могло одинаково применяться и к контрреволюционерам и к передовым патриотам. Напротив, революционные комитеты, которые должны были отчитываться в производимых ими арестах, дают обычно более подробные указания. В вантозе они отправляют в Пор-Либр 21 арестованного: 11 подозрительных лиц, без дополнительных уточнений, 5 родственников эмигрантов, одного бывшего дворянина, одного «фанатика», который арендовал церковь для отправления культа; для двух заключенных не указано никаких мотивов.

Для того чтобы уточнить эти указания, следовало бы обратиться к реестрам арестов, произведенных революционными комитетами. Таким образом можно было бы установить размеры репрессий на уровне секций. К сожалению, некоторые редкие документы этого рода, которые сохранились, мало полезны, так как реестры комитетов велись обычно очень плохо (некоторые комиссары едва умели подписать свое имя) и не все аресты обязательно заносились в них. Революционный комитет секции Единства произвел в плювиозе 13 арестов, в вантозе — 16, а в жерминале — только 6 (ненормально низкая цифра), но во флореале— 21 [31]. Идет ли речь о *соучастниках* Эбера или просто о подозрительных лицах в обычном смысле этого слова? Трудно дать точный ответ на этот вопрос. Из 16 арестованных в вантозе двое подверглись этому за антипатриотические разговоры, двое — как бывшие дворяне, один — как подозрительное лицо, пять — как беженцы из Лиона, трое — за изготовление фальшивых ассигнатов; в отношении четырех не указано никаких мотивов ареста. В жерминале 5 человек было арестовано за антипатриотические разговоры, 1 — за спекуляцию деньгами. Что это были за антипатриотические разговоры? Были ли это разговоры в пользу Эбера или контрреволюционные разговоры? Или же просто выражение народных чаяний? За часто употреблявшимися словами «подозрительный», «антипатриотический» скрывались самые различные мотивы, не исключая, когда речь идет о революционных комитетах, и личной вражды и соперничества. Комитет общественной безопасности отдавал себе отчет в этой опасности. Еще 4 жерминаля в своем циркуляре революционным комитетам он предостерегал их против безрассудных действий, указывая, что меры общественной безопасности не всегда бьют по наиболее опасным врагам; в Париже есть много людей, которых республика не может считать своими приверженцами; а между тем обращают внимание на тех, кто поближе, рядом, тогда как более чем подозрительные эмигранты и родственники эмигрантов свободно появляются в местах гуляния [32].

За отсутствием точных цифровых данных, установить которые невозможно из-за плохого состояния документации, создается впечатление, что кампания репрессий велась в вантозе и жерминале II года без методичности и без заботы об ее эффективности. Беспорядок усугублялся благодаря множеству органов репрессий, которым была предоставлена большая свобода действий; в этом отношении централизация была далеко не совершенной. Часто мотивами для ареста являются позиция, занятая данным человеком в тот или иной важный момент революции, какие-нибудь разговоры, дружба или связь по работе, хотя бы и не было ни реального соучастия в деле обвиняемых по жерминальскому процессу, ни даже порой тождества взглядов. В основном объектом репрессий стали санкюлоты в лице их самых сознательных и самых активных элементов, которые именно в силу этих своих качеств были наиболее опасны для политики правительства. Комитеты ничего не сделали для того, чтобы организовать кампанию репрессий. Устранив руководителей кордельеров, которые могли стать центром народного брожения, они вовсе не собирались оттолкнуть от себя систематическими репрессиями массу санкюлотов. Их расчет оказался ошибочным. Однако их позиция резко отличается от политики правительства, проводившейся после 9 термидора и особенно после прериальских дней III года, когда сознательно и систематически уничтожали руководящие кадры санкюлотов.

Несмотря на ограниченный и беспорядочный характер этой кампании репрессий, можно, однако, выяснить ее движущие пружины, а также группы, по которым она ударила. После осуждения Эбера и его друзей надо было уничтожить те организации, которые служили им опорой, и обуздать их руководителей. В конечном счете цель репрессий, скрытая, а у некоторых, быть может, бессознательная, заключалась в том, чтобы подчинить народное движение строгому контролю правительственных комитетов и ввести его в якобинские рамки правительственной системы. Рассмотрение отдельных подвергшихся репрессиям групп весьма показательно в этом смысле для глубоких намерений Революционного правительства. Оставляя в стороне нескольких человек, которых компрометировали только их личные связи с тем или иным из обвиняемых или их родственные узы, можно различить между заключенными жерминаля, во-первых, группу служащих военного министерства, которые были обязаны своей должностью дружбе с Венсаном или Ронсеном и о которых говорили не без некоторого преувеличения, что они составляли партию. Во-вторых, объектом репрессий стал руководящий персонал секций, составлявший кадры народного движения: гражданские или революционные комиссары, представители секционных органов власти, борцы из народных обществ. С точки зрения политики правительства важно было уничтожить независимость народного движения и не допустить перегруппировки рядов санкюлотской оппозиции. Наконец, репрессии в результате доносов били и по простым

гражданам, которые не были обязательно санкюлотами, просто они вели какие-нибудь банальные разговоры, которые иногда квалифицировались как *эбертистские*. От деятелей правительства полностью зависело еще более расширить кампанию репрессий, основываясь на доносах, число которых все возрастало. Но уж очень часто эти доносы были явно вызваны личным соперничеством или являлись следствием плохо замаскированных происков умеренных. Обвинение в *эбертизме* стало самым верным средством погубить передовых патриотов.

Таким образом, последствия жерминальского процесса продолжали проявляться. Последний акт драмы еще не был сыгран. Отныне, несмотря на усилия Комитетов, вследствие неизбежного развития событий политическая атмосфера была отравлена, особенно в секциях. После того как им нанесли удар, поразив их друзей, после того как над ними самими нависла угроза, а их убеждения были взяты под подозрение, сохранят ли санкюлоты то доверие к Революционному правительству, которое составляло его опору и его силу? Их охлаждение породит вскоре то состояние умов, которое сделает возможным Термидор.

3. *Репрессии против служащих военного министерства*

Канцелярия военного министерства была укомплектована Венсаном — по договоренности с Бушоттом — санкюлотами, доказавшими на деле свой патриотизм. Благодаря своему социальному происхождению и роли, которую большинство из них играло в народном движении, они составляли революционный авангард. Дружба, связывавшая некоторых из них с Венсаном, привлекала к ним особенное внимание как властей, так и доносчиков. Волнения в канцелярии военного министерства произошли уже во время первого ареста Венсана. Если в вантозе и жерминале служащие канцелярии и сохраняли спокойствие, то некоторые из них отказались верить в его измену. Дружеские связи, неосторожные разговоры повлекли за собой ряд арестов, но у властей не было желания проводить систематическую чистку канцелярии военного министерства. В таком же положении оказались некоторые люди, которые в силу служебной карьеры или дружеских отношений с Ронсеном занимали различные посты в «революционной армии».

Брише был первым из служащих военного министерства, пострадавшим от репрессий. 29 марта 1793 года он стал членом революционного комитета секции Май, а 27 апреля того же года Бушотт назначил его уполномоченным по снабжению крепостей. Затем 1 августа он же назначил его помощником начальника бюро личного

состава военных госпиталей — его патриотизм оправдывал такое продвижение. 2 октября Брише был избран секретарем в Якобинском клубе. Когда 24 сентября 1793 года он перешел из секции Май в секцию Мон-Блан, Брише получил от революционного комитета свидетельство, удостоверявшее его роль в событиях 10 августа и 31 мая. Однако его крайние взгляды погубили его. 19 плювиоза в Якобинском клубе он предложил проект петиции, содержавшей требование суда над заключенными депутатами-бриссотинцами и исключения из Конвента «жаб из Болота». Робеспьер провел решение об его исключении [33]. 13 вантоза в Якобинский клуб поступает донос на Брише: общество избавляется от интриганов, но и после их исключения они остаются на службе в государственных учреждениях [34]. Став жертвой наступления умеренных, которые, нанося удар по служащему, метили в министра-санкюлота, Брише на следующий день подал в отставку [35]. Его арестовали 28 вантоза по приказу Комитета общественной безопасности [36]. Брише, не имевший никаких связей с Эбером, принятый в военное министерство благодаря Бушотту, а отнюдь не Венсану, пал жертвой своего маратизма и злосчастного предложения произвести чистку Конвента. Попав во вторую группу привлеченных по делу о «заговоре в Люксембургской тюрьме», он был приговорен 21 мессидора к смертной казни. Его досье, хранящееся в архивах Революционного трибунала, пусто [37].

Брише был человеком довольно известным, и арестован он был за четко выраженную крайнюю политическую позицию. За арестом группы кордельеров последовали в виде меры предосторожности (часто по одной лишь инициативе комитетов секций) аресты людей, на которых могло пасть подозрение лишь в связи с занимаемыми ими должностями. Так, например, еще 24 вантоза был арестован по приказу революционного комитета секции Бонне-Руж некий Вальтье, мелкий канцелярский служащий военного министерства, «как подозрительное лицо и в порядке охраны общественной безопасности» [38]. 29 вантоза был арестован по приказу комитета секции Мон-Блан бывший генерал Мену, «подозреваемый в том, что он поддерживал отношения с Ронсеном», когда он командовал в Вандее [39]. Это же подозрение в «сношениях с предателем Ронсеном» повлекло за собой 4 жерминаля арест по приказу Комитета общественной безопасности военных комиссаров Буассе и Воллана [40], после чего, «принимая во внимание близость, существующую между комиссаром Дюверже и комиссаром Волланом», революционный комитет секции Обсерватории в тот же день отдал приказ об аресте Дюверже, заместителя военного министра [41]. Арест Воллана, который был комиссаром в Бельгии в одно время с Ронсеном, был основан на доносе от 4 жерминаля некоего Жобера, бельгийского беженца и полицейского осведомителя, содержавшегося в заключении в тюрьме Сен-Лазар. Основание весьма шаткое... Воллан был приговорен к смертной казни 1 мессидора как агент Ронсена [42].

Также из-за своих связей с Ронсеном и Венсаном были арестованы Леруа, по прозвищу Эглатор, заведовавший хозяйством дома заключения Бисетр, и Вассар, командовавший охраной этой тюрьмы. Доносы на них поступили одновременно от революционных комитетов Жантийи и секции Финистера. Арестованные 9 жерминаля, они были освобождены 25 того же месяца; им ничего нельзя было поставить в вину, кроме пустых разговоров [43]. Вальфрамбер, полковник армии Кот-де-Брест, тоже был арестован за связи с Ронсеном и Венсаном. Ему было поставлено в вину, что он провел два месяца в Париже, чтобы выступать свидетелем в пользу Ронсена и Венсана во время их первого ареста, вместо того чтобы находиться при своей армии.

Большую роль в арестах жерминаля сыграли доносчики. 8 жерминаля поступили доносы на Фуке, служащего возглавляемого Венсаном генерального секретариата военного министерства, и на Вайана из бюро переписки; их обвиняли в разговорах в пользу Венсана, Эбера и их соучастников. На следующий день они были арестованы. Автором доносов на этих двух служащих был явно умеренный. Революционный комитет секции Тюильри засвидетельствовал стойкий патриотизм Вайана, и он был освобожден 6 прериаля. Фуке был освобожден еще 19 флореаля [44]. Объектом доноса стал также Жан Дюфур, член комитета контроля военного министерства, вдобавок бывший комиссар в Бельгии. 15 жерминаля Комитет общественной безопасности распорядился об его аресте. По словам доносчика (вероятно, полицейского осведомителя), Дюфур, будучи арестован первый раз в нивозе, находился в заключении вместе с Ронсеном в тюрьме Сент-Пелажи и будто бы благодаря ему был освобожден. Еще одно отягчающее обстоятельство заключалось в том, что он принадлежал к секции Марата. Дюфур был испытанным патриотом; до революции он был ювелиром, участвовал во всех решающих восстаниях революции, подписался под петицией Марсова поля, был уполномоченным своей секции в Епископстве 31 мая, был пять раз комиссаром исполнительной власти и 17 сентября 1793 года поступил на работу в военное министерство. «Его большой патриотизм мог иногда увлечь его на путь рискованных мер», заявил 29 мессидора революционный комитет его секции, подтверждая его гражданскую благонадежность. В лице Дюфура Комитет общественной безопасности разил из-за его связей и занимаемой должности пламенного патриота [45].

* * *

Среди пестрой массы арестованных служащих военного министерства (чаще всего за случайные связи и по доносам) два случая как бы символизируют кампанию репрессий жерминаля II года и то, как, несмотря на свой ограниченный характер, она остановила народное движение. Речь идет о Данио из секции Муция Сцеволы, комиссаре по снятию колоколов в Кальвадосе, и о Ле Крепе из сек-

ции Бонне-Руж, помощнике начальника угольного склада бывшего Аббатства. Оба они были скромными санкюлотами, и их маленькими должностями они были обязаны своему патриотизму. Жерминальская кампания репрессий отбросила их обратно в политическое небытие, из которого их вывела революция.

28 вантоза в народном обществе города Кан были зачитаны официальные документы относительно вновь открытого заговора. На трибуну поднялся какой-то приезжий и заявил: все, что было прочитано об Эбере, Венсане, Ронсене и других, есть нагромождение лжи; Эбер одержал верх над своими обвинителями в мае 1793 года; невиновность Венсана и Ронсена уже однажды была признана, так будет и на этот раз. Приезжий добавил, что он кордельер. В собрании раздался ропот. Когда один из членов общества стал утверждать, что «надо считать достоверными те факты, которые признаны Конвентом», приезжий заявил, что он находится в новой Вандее. Заговорили о том, что надо его задержать, но он предъявил командировочное удостоверение, выданное Комитетом общественного спасения. «Такой почтенный документ побудил предоставить ему место на эстраде рядом с председателем, и он предложил, чтобы прекратить всякие споры, спеть патриотическую песню». Но на следующий день Комитет получил донос на Данио [46]. Председатель общества распорядился уничтожить вчерашний протокол. Данио был арестован 3 жерминаля Он больше всех был удивлен своим неприятным приключением. Последние восемь дней он не читал газет; «я, следовательно, был крайне удивлен,— писал он общественному обвинителю,— когда узнал, что Венсан и Моморо обвиняются как заговорщики и предатели родины»; когда семью месяцами раньше Данио уезжал из Парижа, «они пользовались репутацией патриотов» [47]. Данио избежал Революционного трибунала, но его арест, вероятно, побудил его быть осторожным. Так охлаждался пыл санкюлотов. Но долго ли они будут поддерживать правительство, которое повернулось против них?

Уроженец Нормандии, Жан Ле Креп совсем молодым прибыл в Париж в 1765 году «благодаря доброжелательности дяди», который устроил его на службу к финансисту Сен-Джеймсу для обучения поварскому делу. С 1775 года и до революции Ле Креп служил у Талейрана, от которого ушел, как он говорил, из патриотизма. Он сражался 14 июля, был назначен 6 октября комиссаром, «чтобы обеспечить снабжение продовольствием бесстрашных граждан, отправившихся на Версаль, он энергично проповедовал те священные принципы, провозглашение которых заставило побледнеть тиранов, и старался просветиться в лоне народных обществ». 21 июня 1791 года он участвовал в походе, чтобы вернуть короля в Париж; он подписал петицию Марсова поля; сражался 10 августа, а также 31 мая. За свое патриотическое рвение он был избран 16 марта 1793 года членом революционного комитета своей секции. Будучи представлен Венсану, он был 6 мая назначен младшим канцелярским служащим генерального секретариата военного министерства с жалованьем 1100 ливров в год. 17 сентября он переходит с этой должности на должность помощника начальника угольного склада [48]. Это примерная карьера санкюлота. Ле Креп, как он наивно писал, поддерживал с Венсаном лишь «такие отношения, которые диктовались интересами службы». Тем не менее некий Дефранс, служащий регистратуры, донес на него как на доверенного человека Венсана. По приказу Комитета общественной безопасности Ле Креп был арестован 12 флореаля как агент Венсана. Одновременно с ним и по тем же мотивам был арестован Сеген, по профессии грузчик, начальник угольного склада [49]. Против Сегена нельзя было выдвинуть ничего, кроме его связи с Ле Крепом. Меж тем революционный комитет секции Бонне-Руж засвидетельствовал, что на всех этапах революции он проявил «характер решительного патриота» [50].

Таким образом, репрессии против персонала канцелярий военного министерства — одной из цитаделей передовых патриотов — представляются (учитывая состояние документации) ограниченными узкими рамками. Из шестнадцати упомянутых здесь арестов служащих или агентов военного министерства девять было произведено по приказу Комитета общественной безопасности, а четыре — по инициативе различных революционных комитетов. В девяти случаях основанием для ареста был донос; при этом не следует недооценивать значение зависти или ненависти. Если Брише был арестован за свои крайние предложения в Якобинском клубе, если его арест представляется связанным с вантозским политическим кризисом, то восемь из этих заключенных нельзя было ни в чем обвинить, кроме обычных отношений с Венсаном или Ронсеном; в двух случаях (Эглатор и Вассар) это были отношения дружбы, чаще же всего это были служебные отношения. Трем заключенным поставлены были в упрек высказывания в пользу руководителей кордельеров. Наконец, двое были арестованы, по-видимому, только потому, что служили в военном министерстве. Причиной ареста этих людей были не столько какие-либо конкретные обвинения, сколько их политическое и социальное поведение. Двое, Воллан и Брише, оказались среди мессидорских обвиняемых и были приговорены к смертной казни. Четверо были освобождены до термидора.

Рассмотрение социального положения вышеупомянутых заключенных позволяет судить о политическом значении этих репрессий. На одного бывшего дворянина, генерала Мену, и на одного торговца сукном, Воллана, приходится 9 бесспорных санкюлотов. Можно представить себе изумление и тревогу этих людей (с 1789 года участвовавших во всех великих событиях революции) при виде того, как на них непонятным образом обрушилось то самое правительство, созданию которого они способствовали. Приведенные еще ранее в замешательство арестом руководителей кордельеров, они начали сомневаться. Несмотря на ограниченное число арестов, эти меры нане-

сли удар по умонастроению народа, и без того поколебленному. Доверие сменилось страхом. В то время как умеренные вновь обретали надежду, санкюлоты учились хранить молчание. Характерны слова жены Ле Крепа, по профессии белошвейки, сказанные в момент осуждения Эбера: «...вы скоро увидите, как будут убивать лучших патриотов Парижа. Поэтому мы с мужем выйдем из всяких обществ и ни с кем больше не будем видеться, и мой муж уйдет из Клуба кордельеров, потому что нам неохота отправиться на гильотину» [51]. С тех пор страх сковал санкюлотов.

4. *Репрессии против революционных комитетов*

В системе управления Революционного правительства комитеты секций являлись важнейшим элементом. После вантозского кризиса было более чем когда-либо необходимо обеспечить себе их преданность. Их бдительный надзор бесспорно воспрепятствовал распространению в середине вантоза народных волнений. Однако поскольку члены революционных комитетов были чаще всего выходцами из санкюлотов и в большинстве своем участвовали в революционном натиске предыдущего лета, то многие из них все же прислушивались к народным требованиям. Хотя в массе своей комитеты проявили себя во все время кризиса послушными и энергичными исполнителями воли правительства, однако некоторые комиссары склонны были последовать за кордельерами. После того как миновала опасность, Комитет общественной безопасности, сохранявший еще в жерминале руководство революционными комитетами в своих руках, решил обеспечить себе их безоговорочное повиновение и для этого приступил к чистке наиболее скомпрометировавших себя.

Первый удар был нанесен по комитету секции Революционной. В своем донесении от 2 жерминаля Шармон [52] отмечает: «Много арестов произведено начиная со вчерашнего дня на территории секции Революционной, которая, говорят, замешана в заговоре». Слух, как обычно, упростил факты: накануне по приказу Комитета общественной безопасности были арестованы три комиссара — Бодсон, Шемен и Тарро — «по подозрению в соучастии в заговоре, направленном против народного суверенитета» [53]. Им можно было поставить в упрек только их чрезмерно пылкий патриотизм, их горячий пламенный характер. 1 флореаля был в свою очередь арестован их коллега Кошуа, по профессии обойщик, за то, что во время процесса Эбера он заявил: «О, вы увидите, много голов падет в Конвенте, и Дантон, и Леонар Бурдон» [54]. Неизменно в строю начиная с 14 июля эти люди участвовали во всех решающих событиях революции. В 1791 году они вместе с другими патриотами основали народное общество Свободных людей. 2 и 4 сентября они способствовали обновлению секции. Шемен и Тарро были подлинными санкюлотами. Торговец галантереей, без образования, Шемен обладал жестким характером: «Он способен был строгость подменить грубостью, а его любовь к революции могла выродиться в фанатизм». Тарро был рабочий-ювелир, тоже без образования: «Обладая лишь грубым природным здравым смыслом, он использовал его для защиты свободы». Бодсон был по профессии маляром. Маляр Бодсон поднялся до должности заместителя судьи. В прериале 75 санкюлотов засвидетельствовали гражданскую благонадежность этих патриотов [55]. Их досье было пусто, и они были освобождены. В их лице Комитеты преследовали не столько поборников Эбера, сколько преданных санкюлотов, вина которых была в том, что они были более восприимчивы к требованиям народа, чем к влиянию якобинцев.

Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности выжидали две декады с лишним, прежде чем приступить к чистке наиболее скомпрометированного революционного комитета — комитета секции Марата. Ведь по признанию самих членов этого комитета он обсуждал вопрос о необходимости восстания. Правда, он не последовал за кордельерами. Тем не менее позиция некоторых его членов вызывала подозрения. 9 жерминаля объединенные Комитеты сместили революционный комитет секции Марата, за исключением четырех его членов. Четверо из изгнанных комиссаров были немедленно арестованы. Остальных четверых постигла та же судьба 11 жерминаля, как смещенных должностных лиц [56]. На их место были назначены надежные люди: Лабуро (награжденный таким образом за свою роль полицейского осведомителя в деле Эбера), Пижо и Броше, присяжные заседатели Революционного трибунала, Берту, секретарь-письмоводитель мирового суда, Друар, обойщик, Госсе, торговец бумагой, Турийон, бакалейный торговец. Торговцы и ремесленники, имевшие собственный дом, получили доступ в комитет. Произведенная в жерминале чистка преследовала политическую цель — обеспечить Революционному правительству послушных исполнителей. Она имела также определенный социальный смысл — обеспечить в ущерб санкюлотам первенство тем слоям средней буржуазии, из которых рекрутировались якобинцы.

Широко ли проводилась чистка? Многие комиссары сочувственно относились к осужденным в жерминале, но очень немногие скомпрометировали себя в этом смысле. Наличная документация к тому же слишком отрывочна, чтобы можно было провести точный подсчет. 29 жерминаля Комитет общественного спасения сместил и заменил 7 комиссаров секции Арси, но отсутствие всякой мотивировки не позволяет установить причины этих смещений [57]. Если оставить в стороне комитеты секций Революционная и Марата, то не похоже, чтобы чистка проводилась в прямой связи с вантозской попыткой. Но умеренные перешли в наступление и под предлогом соучастия в «заговоре» Эбера стремились погубить народных борцов. Умеренные не без основания считали комитеты секций одним из важнейших эле-

ментов революционной системы; будучи наиболее активными проводниками террора, они навлекли на себя ненависть оппозиции. Было очень соблазнительно погубить их, обвинив в *эбертизме*. Личная вражда или соперничество между группами, борющимися за господство в секции, тоже порождали доносы. Число этих доносов особенно возросло в жерминале и флореале.

Донос на революционный комитет секции Муция Сцеволы написал некий Леклерк, врач, находившийся в заключении с сентября 1793 года. Поскольку это была секция Венсана, ее комиссары, «послушные и глупые агенты этих вожаков партии», не могут не быть их сообщниками. Вопреки Леклерку, гражданская благонадежность которого была более чем подозрительна, комитет секции Муция Сцеволы не был потревожен Комитетом общественной безопасности. Если следовать за умеренными в их обвинениях, то все комиссары-санкюлоты оказались бы более или менее *эбертистами*. Комитеты отдавали себе отчет, что, пойдя на генеральную чистку, они рискуют дезорганизовать Революционное правительство.

Наглость умеренных делала эту опасность более явной. В некоторых секциях революционные комитеты стали прямо на собраниях объектом неистовых нападок. В секции Тампля Тома Бреан впервые появился на трибуне после осуждения Эбера: «Коварно и нагло он пытался распространить на передовых патриотов секции, а особенно на членов революционного комитета осуждение, которое было вынесено этому предателю, и злобно и клеветнически приписывал им те же принципы». Бреан создал себе партию «из всех естественных врагов комитета, тех, кому было отказано в свидетельствах о гражданской благонадежности, из родственников, друзей и защитников заключенных». Ему удалось поколебать многих *честных и доверчивых* граждан. Благодаря его влиянию создалось в конце концов некое *несправедливое предубеждение* против революционного комитета. Чтобы положить конец *скандальным* сценам, волновавшим собрание, Комитет общественной безопасности распорядился 4 флореаля об аресте Бреана [58]. После падения Робеспьера умеренные с успехом продолжат в общих собраниях тактику Бреана; здесь тоже жерминаль предвещает термидор.

Итак, репрессии против революционных комитетов, как это показывает наличная документация, ограничивались узкими рамками: 16 арестов, одно привлечение к суду Революционного трибунала, закончившееся оправданием. Опасность со стороны умеренных не позволила правительственным комитетам увлечься. Если они вмешивались иногда, то делали это крайне осторожно. И тем не менее процессом Эбера они открыли путь реакции. На протяжении всей весны II года обвинение в *эбертизме* будет вновь и вновь выдвигаться против тех революционных комитетов, которые компрометировала их народная позиция. *Эбертизм* — удобное слово, чтобы заклеймить политические и социальные требования и действия санкюлотов, несовместимые с якобинскими концепциями правительственных комитетов, позорный ярлык, который умеренные приклеивали всем пылким патриотам, стремясь погубить их. Чаще всего подобная угроза способствовала превращению революционных комитетов в послушное орудие правительства. Но отныне страх парализует всякую инициативу.

5. *Репрессии против персонала секций*

Соображения общей политики, ограничившие кампанию репрессий против революционных комитетов, заставили воздержаться и от ее распространения на персонал секций вообще. И здесь мы видим лишь отдельные меры индивидуального порядка; нет никакой системы, никакого намерения провести генеральную чистку. Арестам подверглись лица, которые ввиду своей роли в прошлом считались опасными или привлекли к себе внимание занятой ими позицией или высказываниями во время вантозского кризиса, или, что еще проще, стали жертвами доносов вследствие их демократического поведения.

В прямой связи с делом Эбера находится, по-видимому, арест Энока, по прозвищу Брут, мелкого канцелярского служащего муниципалитета и кучера в Управлении полиции. Он был арестован 2 жерминаля, тогда же, когда были арестованы Бодсон, Шемен и Тарро из комитета секции Революционной, к которой он принадлежал. Пламенный кордельер, Брут, по словам одних, настаивал на том, чтобы завесить Декларацию прав, а по словам других, будто бы заявил, что нужно не восстание, а суд над заключенными депутатами-бриссотинцами и чистка Конвента. Он всюду вел пламенные речи, о которых, конечно, доносили [59]. Брут был заключен в тюрьму «по подозрению в соучастии в заговоре против народа» [60]. Но процедура на этом и закончилась. Брут был лишь *бедным санкюлотом*, как он писал сам 15 мессидора общественному обвинителю. Как можно подозревать его в соучастии в заговоре против народа, когда он сам народ? «У меня всегда были только добрые намерения, если мой ум когда-либо и ошибался, то мое сердце всегда было чистым». Брут смиренно заключал: «Когда я буду возвращен к моей семье, к моему труду, я им займусь, я буду почтительно и покорно повиноваться установленным властям, наконец, я буду служить своей стране и повиноваться законам» [61]. Так революционный порыв сменялся пассивным повиновением.

Из этих арестов среди персонала секций, скомпрометированного своими связями или позицией, занятой в вантозе, один из редких случаев, когда дело завершилось судом и смертной казнью, это случай Лесенка, служащего Парижского департамента на должности комиссара по продаже мебели эмигрантов. В жерминале

поступил донос о том, что он принимает у себя много народу, в частности Моморо, что он приглашал к себе на обеды Эбера, Венсана и других. Он был арестован 22 жерминаля обновленным комитетом секции Марата, «принимая во внимание его большие связи с Моморо и Венсаном» [62]. Допрошенный 16 флореаля, Лесенк мужественно заявил, что с «заговорщиками» он был связан только потому, что они были патриотами и что он их считает таковыми. Он был включен в группу осужденных 19 прериаля. Помимо подозрительных связей, в частности с Моморо, «которому он, по-видимому, обязан предоставленной ему должностью», его признали виновным в мелких кражах мебели эмигрантов, которую ему было поручено продать; жиденькое обвинение, цель которого — несколько заполнить пустое досье. Лесенк был приговорен к смертной казни [63].

Помимо связей с тем или иным руководителем кордельеров и роли, сыгранной во время событий в вантозе, обвинение в *эбертизме* давало иногда революционным комитетам случай свести личные счеты, а еще чаще служило удобным предлогом, чтобы избавиться от стеснительной народной оппозиции, причем не всегда в этом последнем случае можно провести четкую грань между политическими побуждениями и личным соперничеством. Мобан, полковник «революционной армии», ранее трижды обвинявшийся в своей секции Фобур-дю-Нор в *модерантизме*, немедленно после своего возвращения из Освобожденного города, 27 вантоза был вызван в революционный комитет по подозрению в том, что «он получил это звание благодаря протекции Ронсена и Венсана». Когда его дело было передано Комитету общественной безопасности, он был освобожден; было ясно, что он жертва злобы комиссаров [64].

Борьба за влияние и господство в секциях была причиной ряда других арестов. Во многих секциях сталкивались две тенденции: санкюлотская тенденция передовых патриотов, с одной стороны, и якобинская и правительственная тенденция революционных комитетов — с другой. Последним представился случай одержать окончательно верх. В секции Республики плотник-подмастерье Керо был арестован 28 вантоза. Революционный комитет обвинял его в постоянных нападках «на комиссаров в частности и на все комитеты вообще»; он требовал обновления состава революционного комитета и изгнания оттуда всех торговцев [65]. Арест Дуанеля, каменщика-подмастерья, произведенный 14 жерминаля, также был мотивирован тем, что он находился в оппозиции к революционному комитету. Он был хранителем печатей, но был смещен комитетом секции Общественного договора за то, что покинул свой пост. Взбешенный этой санкцией, Дуанель «стал крайним приверженцем эбертистов и во всеуслышание клеветал на установленные власти». Дуанель простодушно возражал:«...они думали, что у меня могли быть связи с врагами. Разве можно подозревать бедного каменщика! Мне хватало дела, чтобы прокормить трех маленьких детей и жену» [66]. Эти аресты свидетельствуют о личном соперничестве, раздиравшем секции, и в ряде случаев о наличии народной оппозиции правительственной политике революционных комитетов. Обвинение в *эбертизме* служило предлогом, чтобы покончить с ней.

Подобным же стремлением предотвратить возможную оппозицию объясняются и аресты «бешеных», руководителей волнений предыдущего лета. 13 жерминаля Комитет общественной безопасности выдал ордер на арест Клер Лакомб, Леклерка и его жены Полины Леон. Леклерк был арестован в Ла-Фер, в департаменте Эн, где он находился с 30 фримера в качестве простого солдата в 17-й дивизии. Еще в брюмере он прекратил всякую политическую деятельность, против него нельзя было ничего выдвинуть [67]. Что касается Клер Лакомб, то комитет секции Хлебного рынка засвидетельствовал 18 прериаля ее «большой патриотизм и в то же время большую склонность к интриге». Напрасно протестовала Клер Лакомб: «Я уверена, что не нанесла ущерба благу моей родины» (19 прериаля). «Я жила ради Революции и умру за нее, если это нужно» (20 прериаля). Ее заключение продолжалось до фрюктидора III года. Клер Лакомб никогда не обвиняла, чтобы угодить термидорианцам, ни Революционного правительства, ни Робеспьера. Женщины, поддерживавшие ее в «Обществе революционных республиканок», неоднократно требовали ее освобождения, даже еще в III году [68]. Это свидетельствует о глубоком отзвуке, который имела среди санкюлотов деятельность «бешеных» в борьбе за удовлетворение требований. Однако в жерминале после многих месяцев молчания они уже не представляли никакой опасности для Революционного правительства. Их арест является поэтому одной из редких мер, принятых в силу систематических репрессий.

Репрессии ударили и по простым санкюлотам, ничем не выделявшимся — ни своими постами, ни своим политическим прошлым, — но которых обвиняли в разговорах, более или менее верно истолкованных и изложенных. Здесь случайные встречи и доносы играли главную роль.

26 жерминаля революционным комитетом секции Шалье был арестован типограф-подмастерье Бонен за то, что, выпивая в кафе, сказал: «Скоро покатится голова Робеспьера, или он не Бонен» [69]. Это был разговор под пьяную руку, вроде тех, какие вели многие санкюлоты после казни Эбера, но тем не менее 5 флореаля Бонен был приговорен к смертной казни.

Самое разительное в этой кампании репрессий против персонала секций — ее беспорядочный характер. Аресты вызывались интригами, завистью, соперничеством, в то время как политические побудительные мотивы не всегда очевидны. Интриги умеренных переплетались с рвением правительства. Однако ясно видно, что Комитеты противятся попыткам увлечь их и хотят ограничить кампанию репрессий. Наличная документация позволяет говорить только о 23 арестах, точно мотивированных обвинением в *эбертизме*. Четверо заключенных были преданы суду Революционного трибунала, двое

были приговорены к смертной казни. Эти репрессии привели к пагубным результатам не столько в силу своих последствий, сколько в силу своих методов; отныне зажатый между интригами умеренных и правительственным надзором, ни один санкюлот не чувствовал себя в безопасности. Отныне политическая жизнь отравлена страхом.

6. *Политическая атмосфера*

Подавленные санкюлоты хранят молчание в общих собраниях и народных обществах, которые большей частью довольствуются тем, что следуют указаниям правительства. Политическая жизнь секций, ранее столь активная, затихает. Народные организации под жестким контролем революционных комитетов становятся послушными орудиями муниципальных и правительственных властей. Но если страх выражается в послушании, то вскоре он влечет за собой равнодушие, а затем и неприязнь.

В течение зимы политическая жизнь секций все более и более мельчала. Под давлением Революционного правительства общие собрания и народные общества мало-помалу отвернулись от проблем общей политики и целиком занялись вопросами местного характера, текущими делами и помощью фронту. Эта эволюция еще более усилилась после жерминальского процесса. Отныне сами вожаки находят допустимым и терпимым, что большие проблемы ускользают от них и становятся предметом исключительной компетенции Конвента и правительственных комитетов; общие собрания одобряют действия правительства, не выдвигая ни предложений, ни критических замечаний. Более чем когда-либо прежде заседания посвящены рассмотрению текущих дел, чтению официальных документов, законов или речей; добыча селитры или вооружение якобинского кавалериста — обычные пункты повестки дня. Отдельные попытки обсуждения проблем, интересующих санкюлотов, как, например, продовольственного вопроса, немедленно подавляются. По воле правительственных комитетов, озабоченных прежде всего национальной обороной, источник народной инициативы иссякает. Эта эволюция чревата опасными последствиями: когда разразится кризис, секции, привыкшие получать приказы и повиноваться, будут следовать послушно за своими революционными комитетами, правительством и Конвентом.

Полицейские наблюдатели в жерминале уделяют особенное внимание настроениям в общих собраниях и народных обществах. Это, впрочем, излишне, всюду царит спокойствие. Порядок дня всюду более или менее один и тот же, везде господствует та же лояльность в отношении Конвента. Собрания и общества превращаются в органы регистрации. Показательны в этом отношении протоколы народного общества секции Пуассоньер [70]. 2 жерминаля один

из членов зачитывает обвинительный декрет «против соучастников недавно обнаруженного ужасного заговора». Это не вызывает никакой дискуссии, никаких комментариев. 4 жерминаля «один из членов требует зачитать прокламации Конвента о только что раскрытом им гнусном заговоре и о наказании им части виновников». Ответом было такое же молчание. Когда какой-либо гражданин берет слово по вопросу общей политики, то только для того, чтобы одобрить — часто в преувеличенных выражениях — политику правительства. 4 жерминаля в народном обществе Горы гражданин Дюзозуар произнес речь о «заговорщиках, разоблаченных Комитетом общественного спасения и Комитетом общественной безопасности»,— скверные стихи, восхваляющие Комитеты и свидетельствующие о самом низменном угодничестве. Чтобы не отстать, общество распорядилось напечатать ее [71]. В тот же день наблюдатель Бакон посетил народные общества секций Бонн-Нувель, Друзей отечества, Вооруженного человека. Повсюду на собраниях присутствует множество людей, обсуждаются вопросы о вооружении якобинского кавалериста, о добыче селитры; зачитываются доклад Сен-Жюста о кликах, связанных с заграницей, речь Робеспьера о Революционном правительстве, «Журналь де ля Монтань». Нигде никакой дискуссии и тем более никакой оппозиции.

В секции Тюильри, по донесению Ле Аривеля, общее собрание занимается только *мелкими вопросами*. Патриотические речи, чтение законов, патриотические песни — все это мало чем отличается от порядка дня народных обществ. Постепенно начинает входить в обыкновение заставлять детей выучивать наизусть Декларацию прав, Конституцию или ту или иную торжественную республиканскую речь.

Манифестации общих собраний и народных обществ стали более редкими после осуждения Эбера и большей частью сводятся к проявлениям преданности Конвенту, весьма часто подсказанным революционными комитетами. Примером может служить манифестация секции Муция Сцеволы 18 жерминаля, точнее, властей этой секции во главе с ее революционным комитетом: «Комиссары революционного комитета вместе с установленными властями секции Муция Сцеволы и народного общества не в силах более противиться чувству долга, побуждающему их вновь выразить вам свою признательность за ваши великие труды»; далее следует обычное восхваление за раскрытие всех заговоров [72].

Об этой атмосфере искусственного единодушия, созданной вокруг Комитетов и Конвента, свидетельствует обращение секции Тампля. Дело Тальбо долгое время было причиной раздора между установленными властями и собранием секции Тампля, которое отказало в доверии своему представителю в Генеральном совете Коммуны. После того как была проведена чистка парижских органов власти и Тальбо был оставлен Комитетами в Генеральном совете, собрание капитулировало и покаялось. В своем обращении от 25 жерминаля

оно отрекается от различия, которые оно прежде проводило между патриотами 89-го и патриотами 93-го годов. На подчеркивании этого различия отчасти основывалась позиция руководителей кордельеров, которые признавали только патриотов 31 мая. Ныне секция отвергает это «различие, которое не существует». Секция заявляет, «что она никогда и не помышляла нанести хотя бы малейший ущерб справедливо заслуженной репутации своих братьев — патриотов 1789 года, в которых она видит подлинных основателей Свободы». И чтобы убедить в искренности своего отказа, общее собрание объявляет недействительным спорное обращение [73]. Все приходит в норму. Но это было отречение от принципа суверенности народных собраний и от права отзыва избирателями своих уполномоченных, а на этих принципах зиждилась санкюлотская демократия.

* * *

Смутная атмосфера, в которой развертывалась кампания репрессий, благоприятствовала интригам. Часто обвинение в *эбертизме* выдвигалось из злобы и зависти, чтобы вернее погубить противника. В общих собраниях и народных обществах личное соперничество выливалось в доносы. Умеренных, естественно, привлекала возможность использовать это положение для реванша. Если прежде их исключали из собраний и обществ или же, посещая их, они вынуждены были хранить молчание, то теперь они вновь появляются там, наглеют, клевещут на своих противников, выдвигая против них позорящие обвинения или открыто нападая на них. Они пытаются в жерминале осуществить тот маневр, который принесет им удачу в термидоре. Стараясь не дать себя захлестнуть, правительственные комитеты чаще всего оставляли без последствий доносы умеренных. Но самый факт появления этих доносов говорит о том, что народные борцы потеряли свое бесспорное преобладание в секционных организациях. Достаточно бдительности правительственных комитетов в отношении угрозы со стороны умеренных ослабнуть, и борцы окажутся во власти своих противников.

Наступление умеренных было направлено против людей с самыми солидными репутациями. Еще в конце вантоза поступил донос на Любена, который 9 жерминаля будет назначен вторым заместителем национального агента обновленной Коммуны. Ему приписали, будто 20 вантоза на общем собрании секции Елисейских полей он заявил, что «вскоре половина Конвента сложит свои головы на эшафоте». Донос исходил от вожаков умеренных, которые во время этого же заседания были арестованы за свое поведение накануне событий 31 мая [74]. Заключенные в вантозе умеренные взяли реванш в термидоре. Когда Любена казнили как члена робеспьеристской Коммуны, общее собрание секции Елисейских полей потребовало уже 15 термидора освобождения заключенных и с озлоблением стало поносить его память [75].

Дело Гарнерена — один из эпизодов этой борьбы внутри секций и попыток умеренных погубить передовых патриотов; в этом смысле оно характерно для репрессий, развернувшихся после казни Эбера.

Жан Батист Гарнерен, 27 лет от роду, сделал обычную для многих санкюлотов карьеру. Бывший служащий земельного ведомства, он во время кризиса лета 1792 года занялся политической деятельностью. Он последовательно занимал должности служащего в ведомстве полиции Коммуны 10 августа, главного секретаря Комиссии двадцати четырех Конвента, наконец, комиссара Исполнительного совета по обозным частям Северной армии, а затем Рейнской армии. Изгнанный из военного министерства Бернонвилем, он был восстановлен Бушоттом как член комиссии контроля. Таким образом, он служил в канцеляриях военного министерства, на которые опирался Венсан. В начале жерминаля некий Сино, торговец, донес на Гарнерена как на «патриота в духе Эбера и компании». Правда, он не их сообщник, но он занимал такую же позицию, как они. «Сколько раз Гарнерен брал слово, чтобы заявить публично, что голод — это действительность и что виновны в этом купцы и торговцы? Всем известно, что он всегда возражал против выдачи какого бы то ни было удостоверения кому-либо из торговцев, предлагавших свои услуги для снабжения Парижа, что он всегда обвинял всех вообще торговцев как контрреволюционеров. Точно так же выражался и покойный отец Дюшен». В лице Гарнерена торговец Сино обвинял санкюлота. Маневр умеренного против передового патриота сочетался с интригой революционного комитета против оппозиционера и соперника. Передавая донос Сино Комитету общественной безопасности, комиссары секции Арси подчеркнули, что Гарнерен — один из близких друзей Венсана, что он часто нарушал порядок дебатов в общем собрании и народном обществе, «обвиняя без разбора... но никогда не уточняя своих обвинений и не желая подписывать их». Поскольку Комитет общественной безопасности не реагировал ни на этот, ни на повторный доклад, комитет секции Арси вызвал Гарнерена на 20 жерминаля и, несмотря на то что допрос не дал результатов, арестовал его, обвинив «в желании унизить установленные власти секции... в том, что он говорил на наших общих собраниях, будто нехватка продовольствия — явление не выдуманное, а реальное, и в том, что он близкий друг Венсана». Для удовлетворения своей злобы революционный комитет использовал против народного борца обвинения, выдвинутые умеренным. Комитет общественной безопасности не дал себя поколебать: на следующий день он приказал освободить Гарнерена [76].

В этом деле под мнимым предлогом борьбы с *эбертизмом* скрывается политическое озлобление и сведение личных счетов. Революционный комитет секции Арси состоял главным образом из креатур мирового судьи Фюльпена. Гарнерен, пользовавшийся доверием санкюлотов, уравновешивал влияние Фюльпена и оспаривал у

него руководство секцией. Осуждение Эбера не только позволило умеренным перейти в наступление, но также способствовало обострению соперничества внутри секций. Правительственные комитеты не могли допустить этих интриг и уловок, угрожавших дезорганизовать секции и превратить их в органы контрреволюции. Гарнерен был освобожден 22 жерминаля, а 25-го был арестован мировой судья Фюльпен.

* * *

Кампания репрессий в жерминале II года имела пагубные последствия не столько из-за своих масштабов, сколько из-за своего социального аспекта и беспорядочного характера. Хотя после процессов Эбера и Шометта можно отметить только четыре смертных приговора за *эбертизм*, все же репрессии означали недвусмысленное осуждение правительственными комитетами политических и социальных действий санкюлотов. Проводимые без соблюдения каких-либо правил или принципов, репрессии угрожали всем санкюлотам без различия, они породили у них тот комплекс страха, который отныне парализовал политическую жизнь секций. Правда, ограничивая репрессии узкими рамками, Комитеты хотели этим показать, что они не уступят нажиму умеренных и не откроют путь реакции. Уничтожив штаб кордельеров, они сочли это достаточным, чтобы обеспечить себе повиновение персонала секций, особенно комитетов; таким образом, передовые патриоты и народные вожаки, ранее действовавшие независимо, должны были слиться с якобинскими кадрами и умножить силы революции. Возросшая отныне угроза со стороны умеренных должна была побуждать санкюлотов сплотиться вокруг Революционного правительства. Но такое сплочение было трудно осуществить после того, как в лице Эбера и Шометта были осуждены основные тенденции движения санкюлотов. Окажется ли воля людей сильнее логики вещей? Репрессии против секционных организаций еще больше, чем репрессии против передовых патриотов и борцов, выявили непоправимый разрыв между санкюлотами и Революционным правительством.

ГЛАВА V

РЕПРЕССИИ. НАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СЕКЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА

(жерминаль — прериаль II года)

1. Уничтожение народных институтов. —2. Наступление якобинцев на секционные общества. —3. Инициатива секции Брута.—4. Роспуск секционных обществ.

Пока репрессии направлялись против лиц в зависимости от занимаемой должности и поступивших доносов, они поражали лишь отдельных людей. Гораздо более серьезное значение для народного движения имело уничтожение санкюлотских институтов и секционных организаций. Кризис революции летом 1793 года сделал необходимым для правительственных комитетов, еще недостаточно утвердившихся, союз с народом. Вожаки санкюлотов навязали тогда создание исключительных институтов, соответствовавших их политическим и социальным чаяниям: в июле — комиссаров по борьбе со спекуляцией, в сентябре —«революционную армию». В то же время они выковали организации, отвечавшие их образу мышления и их поведению, например секционные общества. Народное движение, следовательно, получило свое автономное выражение в общем течении революции. Одержав верх благодаря санкюлотам, правительственные комитеты, опиравшиеся на якобинцев, предприняли широкие усилия в целях упорядочения институтов и унификации революционных сил. Кризис в вантозе и жерминальский процесс дали им возможность покончить с автономией народного движения; путем уничтожения навязанных этим движением исключительных институтов и созданных им организаций Комитеты намеревались ввести народное движение в общие рамки. Это было результатом непонимания специфических тенденций санкюлотской демократии, ее политической и социальной несовместимости с якобинской организацией Революционного правительства. Видя, как

глумятся над их чаяниями, как уничтожаются их организации, санкюлоты отходят от Революционного правительства, замыкаются в пассивности или оказывают глухое сопротивление; это та атмосфера, в которой зреет трагедия термидора.

1. Уничтожение народных институтов

Как только закончился проведенный в атмосфере спешки процесс Эбера, правительственные комитеты обрушились на институты, которые являлись воплощением народного движения и делали его эффективным. Сама эта поспешность подчеркивает политическое и социальное значение осуждения группы кордельеров. Распыление канцелярий военного министерства, роспуск «революционной армии», чистка Коммуны, упразднение комиссаров по борьбе со спекуляцией — все это, разумеется, усиливало Революционное правительство, но в ущерб народному движению.

В этом комплексе правительственных мер не следует упускать из виду таких, как упразднение министерств и временного Исполнительного совета и их замену двенадцатью комиссиями, подчиненными Комитету общественного спасения. В ходе различных процессов, состоявшихся в жерминале, три министра оказались скомпрометированными своими политическими дружескими связями: Детурнель и Паре своими связями с Дантоном, Бушотт — с Венсаном. Должность, которую Венсан занимал в генеральном секретариате и ожесточенные нападки в Конвенте на Бушотта свидетельствуют о том, что канцелярии военного министерства стали одной из цитаделей передовых патриотов. Продовольственные затруднения II года, с одной стороны, и убеждение, что революция должна идти на пользу тем, кто ее совершил, и что должности должны доставаться санкюлотам, с другой, — все это вызвало наплыв кандидатов. Венсан, контролировавший замещение должностей в канцеляриях, допускал только тех граждан, патриотизм которых был гарантирован революционными комитетами и общими собраниями Он, естественно, отдавал предпочтение тем патриотам, которые, как и он, посещали Клуб кордельеров. Бушотт, подвергавшийся бешеным нападкам со стороны таких, как Бурдон из Уазы, Филиппо и другие, находил твердую поддержку только среди передовых патриотов и особенно у Коммуны, поэтому он был заинтересован в приеме кандидатов, предложенных Венсаном и его друзьями. Таким образом, канцелярии военного министерства были в жерминале укомплектованы санкюлотами и можно было говорить, что существует *партия Венсана*. Стремление уничтожить этот очаг оппозиции было, несомненно, одним из решающих мотивов упразднения министерств.

Карно представил свой доклад 12 жерминаля. Сохранение Исполнительного совета несовместимо с республиканским режимом. Одно из средств оградить народ от его врагов заключается «в подразделении исполнительных функций или в таком уменьшении каждой из них, которое возможно без ущерба для единства и для быстроты действий» [1]. В соответствии с этими принципами функции военного министерства были распределены между несколькими комиссиями. Комиссия организации и движения сухопутных армий получила лишь часть полномочий прежних канцелярий военного министерства. Постановление Комитета общественного спасения от 24 жерминаля содержало положения, которые «касались бывшего военного министерства и распределения полномочий между различными комиссиями». На Комиссию гражданской администрации возложено было дело посылки газет в армию, а делу распространения газет между солдатами придавалось большое политическое значение. Комиссия торговли и снабжения должна была заниматься снабжением армии продовольствием и обмундированием, Комиссия общественных работ — укреплением побережья и сооружением укреплений, Комиссия общественной помощи — здравоохранением; Комиссия транспорта, почты и перевозок должна была ведать обозами и пополнением конского состава; наконец, Комиссия вооружений и пороха должна была ведать производством вооружения[2]. Таким образом, служащие военного министерства были рассеяны по новым бюро и было уничтожено как сосредоточение власти в руках одного министра, так и сосредоточение людей, объединенных общим происхождением и общим идеалом. Таким образом, была уничтожена огромная организация административного аппарата военного ведомства, которую министр-санкюлот Бушотт создал в течение года ценой напряженного труда. И тем самым была уничтожена та *партия Венсана*, которая в течение ряда месяцев была как бы наиболее сознательным авангардом народного движения.

Последствия этой реорганизации еще более усилила политика, проводимая руководителем Комиссии организации армий полковником Пием. Правда, Сижа, бывший помощник Бушотта и передовой патриот, был назначен помощником комиссара, но Пий обрек его на бессилие. 28 мессидора Сижа выступил в Якобинском клубе с разоблачением пагубной роли Пия, «наводняющего армии интриганами и негодяями». По словам одного якобинца, Пий страдал высокомерием и инертностью прежних министров. «Поведение комиссара Пия,— заявил Робеспьер,— заслуживает самого серьезного внимания»[3]. Пий был креатурой Карно и был орудием его интриг [4]. Так начинали сказываться пагубные для Революционного правительства последствия распыления канцелярий военного министерства и устранения министра-санкюлота. И здесь жерминаль открывал дорогу термидору.

* * *

Из всех институтов, которых добивались передовые патриоты и которые были созданы под давлением народа, «революционная ар-

мия» была, несомненно, тем, которым они более всего дорожили и на который возлагали особенно большие надежды. Парижские санкюлоты вступали в нее массами, и те меры, за которые они ратовали, энергично проводились в жизнь благодаря действиям отрядов этой армии: применение максимума, реквизиция, дехристианизация, чистка, контроль над административными органами со стороны народных организаций. Всюду, где были размещены ее отряды, «революционная армия» проявила себя как эффективное орудие в руках передовых патриотов [5]. Этим объясняется недоверчивое отношение к ней Комитетов, озабоченных тем, как бы не восстановить имущих против Революционного правительства. После того как Революционное правительство было создано, а секционные организации подчинены при помощи революционных комитетов и народное движение обуздано, такой исключительного характера институт, как «революционная армия», не мог долго просуществовать. Операция, однако, оказалась довольно щекотливой: Комитеты не могли пойти на то, чтобы вызвать недовольство солдат-санкюлотов или открыто осудить официальный институт режима. Дело это стало более легким после устранения руководителей кордельеров, воплощавших в себе крайние тенденции санкюлотской массы, и после осуждения генерала, командовавшего «революционной армией».

Тщетны были заверения отрядов «революционной армии» в их преданности Конвенту. 29 вантоза солдаты, размещенные в Военной школе, явились к барьеру Конвента с протестом против распространяемых на их счет клеветнических измышлений, напомнив, что «революционная армия» создана самим Конвентом: они, таким образом, призывали Конвент не отменять своего собственного решения путем ее роспуска [6]. Такие же клятвы в верности последовали 1 жерминаля от отрядов из Лаона [7], 2 жерминаля — от отрядов, расположенных в Освобожденном городе, которые были в отчаянии от того, что генерал, ранее поставленный над ними Комитетом общественного спасения, ныне тем же комитетом разоблачен как один из руководителей заговора [8]. Солдаты-санкюлоты из Освобожденного города рассчитывали таким образом отделить свою судьбу от судьбы Ронсена, за назначение которого должен был бы отвечать только комитет.

Уловки и заверения оказались тщетными. Логика Революционного правительства требовала упразднения всех институтов исключительного характера, созданных под давлением передовых патриотов и народных борцов. 7 жерминаля от имени Комитета общественного спасения тот самый Барер, который 5 сентября представил декрет о создании «революционной армии», выступил в Конвенте с требованием ее роспуска: он справился с этой щекотливой задачей с присущей ему гибкостью. Напомнив, что создание «революционной армии» было продиктовано обстоятельствами момента, он искусно дозировал похвалу и порицание. Однако в свободной стране, сказал он, «революционная армия» является антидемократическим институтом: она предполагает наличие двух категорий солдат. Это опасный инструмент, который может стать убийственным для свободы оружием в руках какого-нибудь Кромвеля или средством узурпации в руках какого-нибудь Сената. Комитет общественного спасения сознавал подобные опасности. Декретом от 14 фримера он упразднил департаментские «революционные армии». Он раздробил парижскую «революционную армию», рассеяв ее отряды по департаментам. Он всегда оказывал сопротивление требованиям ее начальника, направленным неизменно к одной цели —«расширение власти, увеличение жалованья, компетенции и политического влияния». Теперь, когда их начальник разоблачен и наказан, солдаты, конечно, желают лишь одного — слиться с другими защитниками родины. «Разве это не значит нанести оскорбление всем героическим деяниям четырнадцати армий Республики, дав одной новой армии исключительный титул революционной армии, как если бы победы над внешней коалицией королей не укрепляли Революцию в такой же мере, как успехи в борьбе против выступлений аристократии?» [9]

Так исчез институт, не укладывавшийся в упорядоченную систему правительственной организации. С другой стороны, Комитет общественного спасения всячески подчеркивал, что он мобилизует все силы нации против внешней опасности. Конечно, защита революции и национальная оборона были двумя аспектами одной и той же проблемы. Но политическая линия санкюлотов, с 10 августа до сентябрьских дней и до 31 мая, всегда заключалась в том, что надо ликвидировать внутреннюю контрреволюцию, чтобы лучше сражаться на границах. Полагая, что они полностью овладели внутренним положением, Комитеты думали отныне только о борьбе против коалиции. Их расчет оказался ошибочным: победив коалицию, они сами были побеждены реакцией. Термидор последовал непосредственно за победой при Флёрюсе.

* * *

С 10 августа Коммуна стала по преимуществу цитаделью передовых патриотов. Руководимая такими людьми, как Паш, Шометт, Эбер, она являлась в противовес опиравшимся на якобинцев правительственным комитетам воплощением народного движения. В моменты кризисов, например в первые дни сентября 1793 года, она решительно становилась во главе движения. Каковы бы ни были оттенки, а иногда и расхождения во мнениях между ее руководителями, к концу зимы II года она оставалась вне системы революционной организации, ускользая от прямого влияния Комитетов, и была проникнута народным образом мыслей в гораздо большей степени, чем якобинским духом. В предпринятой Комитетами широкой кампании по упорядочению Парижская коммуна, сердце и мозг революции, не могла уцелеть как независимая сила; логика вещей требо-

вала ее унификации на якобинский манер и включения ее персонала в кадры Революционного правительства. Рискованная попытка кордельеров и последовавшие за нею репрессии дали повод покончить с Коммуной; чистка ее состава и замещение его якобинским персоналом являются эпизодом борьбы за подчинение народного движения и за унификацию революционных сил под руководством правительства.

Однако, заботясь о том, чтобы не восстановить против себя общественное мнение санкюлотов, для которых Коммуна была в значительной мере символом самой революции, во всяком случае народных свобод, Комитеты пощадили Генеральный совет как учреждение. Они удовольствовались его чисткой. Принятый по предложению Бурдона из Уазы декрет 28 вантоза обязывал правительственные комитеты проверить поведение установленных властей Парижа и провести их чистку. Декрет разрешал любые изменения в личном составе, которые будут сочтены необходимыми, причем для этого не требовалось обращаться к секционным собраниям, хотя им принадлежал суверенитет в вопросе выборов, ни к самому Генеральному совету для назначения администраторов [10]. Санкюлоты не преминут предъявить это новое обвинение Комитетам, и оно немало будет способствовать охлаждению народа к Революционному правительству. Еще 27 вантоза вместо Шометта и Эбера Комитет общественного спасения назначил Селье временным национальным агентом, а Леграна — его заместителем. После того как другой заместитель, Реаль, был 8 жерминаля смещен, а 10 жерминаля арестован как дантонист, Комитет назначил 8 жерминаля Пейана национальным агентом, Моенна — первым и Любена — вторым заместителем. Чистка этим не ограничилась; она распространилась также на Генеральный совет и на подчиненные ему управления. 9 жерминаля Комитет сместил семь полицейских чиновников, но заменил их семью гражданами, которые были уже членами Генерального совета. Смещения продолжались до флореаля включительно. 17 жерминаля Генеральный совет принял было решение о проведении проверки своих членов, так же как после 5 сентября 1793 года, но фактически Комитеты не дали ему возможности самостоятельно принимать решения и приступили к производству тех смещений, которые они считали необходимыми. 21 флореаля они приказали арестовать Паша, мэра Парижа, и на его место назначили Флерио-Леско. Наконец, чтобы заполнить пустоты, образовавшиеся в рядах муниципального собрания в результате смещений и арестов, Комитет общественного спасения назначил 15 прериаля собственной властью 16 членов Генерального совета. При этом он даже не позаботился о том, чтобы брать новых советников из тех секций, представителями которых они должны были быть. Отныне был создан новый муниципалитет, хотя до 9 термидора были еще произведены некоторые небольшие перемены. Этот новый муниципалитет неукоснительно повиновался якобинцам и правительству. Но могли ли санкюлоты

считать своими тех представителей, которых им навязали Комитеты? Революционное правительство обеспечило себе послушную Коммуну, но оно оттолкнуло от себя парижских санкюлотов. Отныне народные должностные лица — лишь государственные чиновники.

* * *

Среди различных институтов исключительного характера, сметенных после событий жерминаля, институт комиссаров по борьбе со спекуляцией полностью отвечал социальному мышлению санкюлотов. Учрежденные под давлением народа 26 июля 1793 года, эти комиссары в лице Дюкроке были воплощением воззрений и методов санкюлотов в области снабжения продовольствием. Будучи представителями и защитниками интересов санкюлотов, они своими требованиями строгого применения таксации и регламентации нарушали интересы производителей, торговцев и вообще имущих, которым их богатство позволяло избегать мучений голода. Во многих секциях комиссары проявили лишь незначительную активность; в отчете о работе Теодора Дюге из секции Елисейских полей упомянуты лишь 23 операции за время с августа 1793 года, когда он был назначен, и до 1 флореаля [11]. Но комиссары по борьбе со спекуляцией стали главным объектом недовольства торговцев, которые страдали от общего экономического положения. В своей обвинительной речи Фукье-Тенвиль превратил Дюкроке в козла отпущения за тех борцов, которые видели в усилении контроля средство против голода. Комиссары по борьбе со спекуляцией ненадолго пережили Дюкроке.

Закон 26 июля 1793 года стал предметом пересмотра, как только началось его применение. Дискуссия о репрессиях против скупки возобновилась в Конвенте еще осенью [12]. Наконец 9 вантоза в момент, когда новый продовольственный кризис взбудоражил народ Парижа, Удо выступил с докладом, в котором разоблачал спекулянтов, но защищал *полезную торговлю*; наказания, предусмотренные за скупку, были смягчены; если оптовые торговцы обязаны были объявлять о своих запасах, то номенклатура товаров первой необходимости исчезла [13]. В то время как санкюлоты требовали усиления закона от 26 июля, власти, более чувствительные к интересам производителей и торговли, считали фактически невозможными репрессии против скупщиков. После того как был принят декрет от 15 вантоза, возлагавший на общественного обвинителя розыск «виновных в возбуждении недоверия к тем, кто доставляет товары и продовольствие в Париж», комиссары по борьбе со спекуляцией были, разумеется, объявлены ответственными за маневры, имевшие своей целью обречь Париж на голод, воспрепятствовав доставке продовольствия. 19 вантоза один член Генерального совета Коммуны обрушился на комиссаров. Он заявил, что они сделали больше зла, чем добра. Шометт обвинил комиссаров не

столько в злой воле, сколько в невежестве и бездарности. Генеральный совет постановил просить Конвент об их упразднении и передаче их функций гражданским или революционным комитетам [14]: это значило превратить комиссаров по борьбе со спекуляцией в козлов отпущения. Некоторые члены совета тщетно выступали 1 жерминаля с возражениями, напоминая о заслугах комиссаров [15]: процесс руководителей кордельеров и Дюкроке открылся, Шометт был арестован. Кампания репрессий распространилась на всех, кто поддерживал жалобы санкюлотов на скупщиков, торговцев и богачей. Им пришлось замолчать, тогда как их противники вздохнули с облегчением; логика событий быстро привела к уничтожению законодательства против скупки.

9 жерминаля Удо представил второй доклад о пересмотре закона от 26 июля, ставшем более чем когда-либо необходимым. Он отверг предложения комиссии, которой первоначально было поручено произвести этот пересмотр; эти предложения предусматривали систему общего рационирования. Подобная мера оказалась бы невыполнимой, «породив возможность для опасного произвола». Такая система нравилась санкюлотам, они уже навязали ее в деле распределения хлеба. Распространение ее на все предметы питания потребовало бы усиленного надзора и контроля, что как раз и ставилось в упрек комиссарам по борьбе со спекуляцией. Докладчик высказался за проведение мер переходного характера, нечто среднее между *столь суровым* законом, как закон 26 июля, и безграничной свободой торговли. Такая позиция соответствовала взглядам и интересам якобинской средней буржуазии, одинаково враждебно относившейся как к эксцессам таксации и регламентации, так и к злоупотреблениям неограниченной свободы. Вскоре Комитет общественного спасения примет эту линию поведения. По декрету, принятому в конечном счете Конвентом 12 жерминаля, оптовые торговцы, фабриканты и владельцы складов обязаны были подавать декларации и вывешивать сведения об имеющихся у них запасах товаров. Предусмотренные наказания были смягчены, смертная казнь была сохранена лишь для отъявленных контрреволюционеров. Комиссары по борьбе со спекуляцией исчезли; было установлено, что парижские секции, генеральные советы коммун будут назначать каждый десятый день декады одного или нескольких своих членов для выполнения их функций на добровольных началах [16]. В новом законе даже не упоминалось слово «скупщик». На розничную торговлю закон не распространялся. Тот факт, что функции прежних комиссаров отныне стали бесплатными и периодически отправляемыми, по очереди, устанавливаемой внутри секций, означал лишение их какой бы то ни было эффективности. Окончательно погиб институт, на который санкюлоты возлагали столько надежд.

Распыление канцелярий военного министерства, роспуск «революционной армии», чистка Коммуны, упразднение комиссаров по борьбе со спекуляцией — все эти меры наносили ущерб влиянию

и силе народного движения и одновременно усиливали Революционное правительство. В результате распыления военного министерства и чистки Коммуны передовые патриоты потеряли две решающие опорные точки в революции. Коммуна, в частности, перестала быть эманацией народного Парижа и превратилась в послушное орудие в руках правительственных властей: отныне в Генеральном совете якобинская дисциплина восторжествовала над народным порывом. Роспуск «революционной армии» и упразднение комиссаров по борьбе со спекуляцией означали отказ от мер исключительного характера, принятых под давлением санкюлотов и отвечавших их чаяниям [17]. Институты упорядочивались: те, которые были несовместимы с якобинскими тенденциями Революционного правительства, исчезали. Но таким образом резко обозначалась непоправимая противоположность между парижскими санкюлотами и политикой Комитетов.

Еще более серьезное значение для народного движения и в конечном счете для Революционного правительства имело возобновление наступления якобинцев и правительства против секционных обществ, наступления, быстро приведшего к их исчезновению.

2. *Наступление якобинцев на секционные общества (вантоз—жерминаль)*

Вантозский кризис обострил давнишнее недовольство якобинцев и правительства секционными обществами. Руководимые передовыми патриотами, эти общества поставляли кадры и давали определенную организацию народному движению. Так как к концу зимы недовольство народа и волнение усилились более чем когда-либо, несмотря на престиж, которым пользовались якобинцы, и несмотря на существование более умеренных братских обществ, то правительственные комитеты опасались, как бы их не захлестнули секционные организации. Эта опасность приняла серьезный характер в середине вантоза, когда кордельеры затеяли свою политическую авантюру. Последуют ли за ними секционные общества?

Благодаря более народному составу и более демагогической политике кордельеры пользовались большим влиянием в секционных обществах. Во время первого ареста Ронсена и Венсана кампания за их освобождение получила в этих обществах особенный резонанс. Комитеты могли опасаться наихудшего. Однако, за исключением общества Друга народа в секции Марата, секционные общества, недостаточно связанные между собой и лишенные органа координации, который они тщетно старались создать, не последовали за кордельерами. Тем не менее они продолжали пребывать в состоянии возбуждения. Когда непосредственная опасность миновала, то

страх, порожденный этими обществами, и боязнь повторения подобной попытки в другой форме усилили раздражение правительства и якобинцев. Отныне над секционными обществами нависло позорящее обвинение в *эбертизме*. Став объектом широкого наступления и открытой враждебности якобинцев и умеренных, подорванные изнутри маневрами тех из своих членов, которые примкнули к правительственной политике, секционные общества не в состоянии были сопротивляться. Явные злоупотребления, в которых их обвиняли, раздиравшие их внутренние распри, общая вялость политической жизни — все это ослабляло их позиции. Таким образом, они были доведены до того, что сами себя распустили под ложным предлогом общественного блага и необходимого для победы революции единства. Общество якобинцев стало единственным центром общественного мнения. Правительственные комитеты, которым уже не приходилось опасаться раскола, стали сильнее. Однако санкюлоты чувствовали себя чужими в этих клубах, в Якобинском клубе или в старых братских обществах, которые они не считали своими. Народное движение лишилось своих кадров и своей организации, но оно также потеряло веру в систему, не отвечавшую ни чаяниям народа, ни методам его действий. Таким образом, та политическая операция, которая в какой-то момент, казалось, усилила путем унификации всех сил могущество и эффективность Революционного правительства, в конечном счете обернулась против него. Хотя Комитеты и поняли это в конце концов, было уже слишком поздно. Революция была заморожена.

В вантозе все усилия якобинцев были направлены на борьбу с попыткой кордельеров. Проблема секционных обществ, усиленно обсуждавшаяся в нивозе и плювиозе, была вновь поднята лишь тогда, когда опасность миновала. Укрепившиеся в итоге репрессий, в результате которых были устранены руководители кордельеров, а затем нанесен удар также по борцам-санкюлотам и передовым патриотам, и пользуясь неограниченной поддержкой правительственных органов, якобинцы на сей раз повели наступление на секционные общества до полной победы.

В своем докладе от 23 вантоза о кликах, связанных с иностранными державами, Сен-Жюст определил роль обществ в общем кризисе. Когда-то они были *храмами равенства*, куда граждане и законодатели приходили размышлять «о гибели тирании, о свержении королей, о средствах учреждения свободы», где народ, единый со своими представителями, «просвещал и судил их». Ныне эти общества наводнены «коварными людьми, которые крикливо домогаются депутатских, правительственных и генеральских постов» [18]. В самом деле, секционные общества часто служили честолюбцам трамплином для достижения постов. С точки зрения Комитетов, решивших очистить политическую жизнь от влияния руководителей кордельеров и передовых патриотов, проблема секционных обществ была связана с вопросом о чистке. 26 вантоза этот вопрос был обсужден

во всей его широте в Якобинском клубе [19]. Леонар Бурдон потребовал, чтобы все должностные лица были подвергнуты обществом чистке. Реноден, полагая подобную операцию слишком обширной, предложил поручить самим секциям провести такую чистку путем голосования в отношении подведомственных им должностных лиц. Но не ясно, говорил ли Реноден о секциях или об обществах? Робеспьер в своем выступлении говорил только о последних: так было возобновлено наступление. И оно уже не прекращалось.

Доверить чистку должностных лиц обществам, заявил Робеспьер,— это значило бы закрепить за их членами исключительный доступ к должностям, это значило бы также поощрить честолюбцев выступать с обвинениями против должностных лиц и добиваться их смещения, с тем чтобы самим занять их должности. Важные политические причины лежали в основе враждебного отношения Робеспьера к секционным обществам. Принять предложение Ренодена означало бы лишить Комитеты возможности осуществлять активный надзор за должностными лицами, затруднить осуществление их приказов, подорвать единство действий; одним словом, это значило бы свести на нет Революционное правительство. Робеспьер поставил проблему во всей ее широте. Не может быть двоевластия; если Революционное правительство хочет быть эффективным, оно не может допустить существования рядом с ним некой народной власти, контролирующей его агентов. Правительство выигрывало, таким образом, в смысле единства, но, отвергая народный контроль над должностными лицами, оно лишалось поддержки санкюлотов. Для понимания эволюции революционных институтов необходимо со всей силой подчеркнуть значение этой позиции Робеспьера. Впервые было заявлено о несовместимости якобинской сущности Революционного правительства с санкюлотской демократией. Комитеты, таким образом, отказывались от политики, которую они ранее многократно провозглашали. После кризиса лета 1793 года народные общества действовали как весьма энергичные агенты по чистке должностных лиц. Еще циркулярное письмо Комитета общественного спасения от 16 плювиоза утверждало, что эти общества остаются органами революционного надзора, особенно в отношении общественных деятелей. Правда, этот циркуляр ограничивал роль обществ довольно узкими рамками, но он тем не менее рассматривал их как вспомогательные органы правительства. После того как опасность со стороны крайних элементов была устранена, Комитеты идут дальше: отныне в организации Революционного правительства нет больше места для обществ, по крайней мере для таких, какими их мыслят себе санкюлоты.

Одного лишь сужения рамок деятельности было недостаточно. Чтобы вынудить их самораспуститься, надо было еще подорвать уважение к ним. Это дело взял на себя один малоизвестный якобинец; в связи с процессом *заговорщиков* Бриар выступил 3 жерминаля с нападками на общества, созданные после 31 мая [20]. Образован-

ные сначала монтаньярами, сказал он, эти общества стали затем убежищем всех умеренных и бриссотинцев, изгнанных из секционных собраний после этого дня. Это была явная ложь. Продолжая далее и не смущаясь противоречиями, Бриар выразил уверенность в том, что «они в большей или меньшей мере служили замыслам заговорщиков», и добавил: одного этого достаточно, чтобы привлечь бдительное внимание Комитетов к этим «многочисленным вырождающимся обществам, организация которых ныне не является больше проблемой». Но Комитеты не могли, не потеряв уважения народных борцов, нанести удар по организациям, которые были эффективным оружием против врагов революции. Поэтому представлялось более удобным довести их до необходимости *самим прервать свои заседания*, чем просто распустить их актом власти.

Этот маневр был проведен в течение жерминаля. Когда 11 жерминаля депутация от братского общества секции Французского Пантеона представила сумму, собранную по подписке на вооружение и экипировку одного якобинского кавалериста, возникла дискуссия. Является ли это общество секционным? Следует ли ему объявить, каковы принципы якобинцев на этот счет? Несмотря на возражения оратора, Робеспьер провел постановление — поручить приемному комитету рассмотреть вопрос о филиальных связях с братским обществом Пантеона [21]. Это была знаменательная схватка; отныне общества либо будут беспрекословно повиноваться якобинцам, либо рискуют опозорить себя, ибо им откажут в присоединении [аффилиации] к Обществу якобинцев. Падение авторитета секционных обществ в течение жерминаля дошло до того, что сами кордельеры последовали за этим движением. После того как общества утратили свою политическую роль, Якобинский клуб, выражавший волю правительства и служивший ему трибуной, стал единственным центром общественного мнения. Колло д'Эрбуа ясно высказался в этом смысле 21 жерминаля. Разоблачив общества, «куда пролезают наглые люди, которые не посмели бы появиться на трибуне общих собраний», он призвал якобинцев регулярно посещать свои секции, дабы поддерживать там общественный дух и вести пропаганду принципов, развиваемых материнским обществом [22]. Таким образом, якобинцы возьмут на себя ту роль, которую ранее выполняли секционные общества, а именно обработку общественного мнения в соответствии со взглядами правительства; это укрепит политическое единство и усилит революционную эффективность. Но санкюлоты, которым отныне остается только слушать и повиноваться, погрузятся в пассивность.

Чувствуя, что они стали объектом всеобщих подозрений, общества решили восстановить доверие к ним общественного мнения путем проведения у себя новой чистки. Но чрезмерно строгим подходом при исключениях они только усилили недовольство. В секции Финистера 22 жерминаля общество Лазовского исключило гражданина Мерсье, члена парижского муниципалитета, управляющего

производством ассигнатов. Мотивы исключения характерны для народного образа мыслей: ни одного политического мотива, все касаются личной жизни и характера Мерсье. Ему ставятся в вину *безнравственное* поведение (он покинул свою жену... «уважаемую и добродетельную» женщину ради другой), неровность его характера, «вследствие чего патриоты никогда не знают, чего ожидать от него», а также то, что он дурной богач, так как отказался дать 60 су бедному больному патриоту («подлинный патриот помогает своим братьям в беде, особенно если он получает такое большое жалованье, как Мерсье»). Обвинения по меньшей мере легкомысленные, как подчеркнул революционный комитет, но в них ощущается четкое классовое противопоставление: по своей должности и образу жизни Мерсье хоть и был патриотом, но не был, однако, санкюлотом. Этим и объясняется его исключение из общества, которое санкюлоты рассматривали как свою организацию. Правительственные власти не могли смириться с таким подходом, опасаясь усиления классовых противоречий между патриотами и распада той коалиции, на которую опиралось правительство. Социальный конфликт дополнялся политическим соперничеством. Вопрос стоял так: кто главная власть в секции Финистера — народное общество или революционный комитет? В своем докладе от 8 флореаля по делу Мерсье комитет поставил под сомнение законность комиссии по чистке общества, которая явно противопоставляла свое влияние влиянию комитета; она состоит всего лишь «из нескольких интриганов, обманывающих массу членов общества, которое было бы чистым, если бы не их коварное влияние и попытки подорвать доверие к искренним и честным патриотам». Члены этой комиссии дошли до того, что перед всем обществом заявили, что доносы надо направлять только ей, а не другим установленным властям секции. Что же тогда будут делать революционные комитеты? [23]

Таким образом, общества ставили перед правительством двойную проблему — социальную и политическую. В плане общей политики та весьма важная роль, которую они играли во время контрреволюционной опасности лета и осени предыдущего года, ныне представлялась несовместимой с организационными принципами Революционного правительства. На этот счет ясно высказался Робеспьер 26 вантоза и Колло д'Эрбуа 21 жерминаля. В плане секционной политики существование деятельных обществ создавало организационную проблему; нельзя было допустить, чтобы общество и комитет действовали внутри секции как два соперничающих органа власти. Этот мотив в сочетании с другими должен был привести к гибели обществ, которые уже не отвечали условиям управления. Так проявлялась политическая несовместимость санкюлотской демократии и Революционного правительства; она отражала социальную противоположность между санкюлотами и теми слоями средней буржуазии, из которых рекрутировались якобинцы.

3. *Инициатива секции Брута*

Неотступно преследуемые якобинцами, дискредитированные в глазах части общественного мнения, раздираемые интригами и соперничеством, народные общества переживают в жерминале подлинный моральный кризис. Они колеблются и начинают терять веру в себя, между тем как продолжающаяся централизация и *принуждение* со стороны Революционного правительства все больше сужают рамки их политической деятельности. Так мало-помалу создается обстановка, благоприятная для их роспуска.

Проявления тревоги, охватившей народные общества, учащаются в вантозе и жерминале. 22 вантоза общество Лепелетье постановило перейти к очередным делам «после того, как оно последовательно и внимательно рассмотрело вопрос о циркулирующих слухах, будто собираются сократить число народных обществ 48 секций всего лишь до шести», тогда как закон определенно разрешает гражданам каждой секции объединяться в общество. Последовал арест Эбера. Это был удар грома для обществ и борцов. Они почувствовали, что над ними нависла такая же угроза, как над кордельерами, главные мероприятия которых они поддерживали с прошлого лета. 27 вантоза общество Лепелетье обсуждало вопрос, следует ли сжечь «реестр подписей, подтверждавший присутствие на заседаниях членов общества»; тем самым было бы уничтожено всякое доказательство принадлежности к обществу. Предложение было отвергнуто и сохранен был в силе устав, требующий наличия реестра, «констатирующего присутствие граждан, составляющих общество» [24]. Все же сам факт внесения и обсуждения подобного предложения весьма знаменателен, он говорит о смятении среди членов общества.

Кампания дискредитации была направлена прежде всего против тех секционных обществ, которые набирали своих членов только в пределах своей секции и стремились господствовать над общими собраниями. 2 жерминаля общество Санкюлотов секции Ломбар обратилось с циркулярным письмом к народным обществам Парижа; оно отвергало «малейшее сходство с эгоистами и федералистами», оно никогда не считало себя секционным и «сочло бы несправедливым принять решение об исключении тех, кто не проживает в той секции, где оно проводит свои заседания» [25].

Став объектом подозрений, теряя веру в себя, народные общества сворачивают свою деятельность. Там больше не касаются политических проблем, а довольствуются чтением речей, произнесенных в Конвенте или в Якобинском клубе. Народные общества посвящают свое внимание в основном военным усилиям. Они участвуют в сборе селитры, снаряжают *якобинских* кавалеристов, помогают женам и детям бойцов; таким образом, они дублируют общие собрания, которые также занимаются почти исключительно теми же вопросами.

Народные общества превращаются в группы гражданского воспитания и благотворительные комитеты.

* * *

Однако с точки зрения требований правительства ослабление политической деятельности обществ было все еще недостаточным; отныне само их существование представлялось опасным. Роспуск был им навязан — 27 жерминаля общество секции Брута прекратило свои заседания. То обстоятельство, что эта операция была проведена по инициативе Шарлеманя-сына, достаточно красноречиво свидетельствует о роли, сыгранной в этом деле правительством. Шарлемань принадлежал к персоналу того учреждения, которое принято было называть робеспьеристской Коммуной. Будучи представителем секции Брута в Генеральном совете, он стал после жерминальской чистки заместителем председателя совета; он погибнет 10 термидора [26]. Шарлемань-отец, член революционного комитета, был в жерминале председателем общества, секретарем которого был комиссар полиции Мезонсель. Оба Шарлеманя, хотя и в различных качествах, представляли правительственную политику. Следовательно, роспуск общества произошел не самопроизвольно, по воле одних лишь борцов секции, а под давлением официального лица, связанного с правительственными кругами. Это был акт власти. Могли ли простые борцы оказать сопротивление призыву такого человека, как Шарлемань, не рискуя быть обвиненными в антипатриотизме?

27 жерминаля общество секции Брута заслушало текст письма Шарлеманя-сына, которому его обязанности помешали присутствовать среди своих братьев. Общество, писал он, было образовано для того, чтобы раздавить контрреволюцию. Благодаря обществу секция была обновлена. «Чтобы закрепить сделанное вами, вы должны были еще некоторое время оставаться объединенными; и вы это сделали». Поскольку этих мотивов не существует более, Шарлемань предлагал прервать заседания общества. «Пусть входящие в его состав граждане торжественно объявят, что, горя желанием совместно способствовать общему благу, они хотят слиться сердцем и умом со всеми своими братьями в секциях Республики и что они достигнут осуществления своих желаний, только действуя бок о бок, согласно и единодушно в общих собраниях, а не изолируясь, что было бы поистине опасным федерализмом». Чтение письма вызвало некоторые протесты, это проглядывает из текста протокола, хотя он основательно выхолощен. Кое-кто заметил, что, поскольку общее собрание выдавало свидетельства о гражданской благонадежности, лишь получив заключение от общества, роспуск последнего затруднил бы выдачу этих свидетельств. На это было отвечено, что отныне только революционный комитет будет заниматься этим вместе с общим собранием. Понадобилось второе чтение письма Шарлеманя. Дело это, предварительно подготовленное за кулисами, было наконец проведено: некий Муссар зачитал проект обращения к Конвенту, и собрание одобрило его, не забыв оговорить (Шарле-

мань недвусмысленно рекомендовал это), что обращение будет предварительно сообщено правительственным комитетам, которым, кроме того, будет передан список членов общества [27]. Роспуск общества напоминал полицейскую операцию.

Народное общество секции Брута явилось 30 жерминаля к барьеру Конвента. Его обращение констатирует, что общества впали в немилость. «Их обвиняют в возрождении и пропаганде в своей среде безнравственных и гибельных для дела свободы принципов клики кордельеров». Таково, действительно, было главное обвинение, выдвигавшееся против секционных обществ. Но эти «безнравственные и гибельные для дела свободы» принципы были не столько принципами кордельеров, сколько принципами санкюлотов, несовместимыми с курсом Революционного правительства, как понимали его Комитеты. Общество секции Брута, говорится далее в обращении, всегда считало материнское общество образцом для себя, а Конвент — центром единения. Тем не менее оно решило распуститься, что является «ярким проявлением его любви к общественному благу». Общество не могло, однако, пойти на полное самоотречение. Прежде чем уйти от барьера, оно довело до сведения Конвента свое «политическое вероучение» о секционных обществах: «В своей массе они состоят из чистых и честных людей, которые хотят добра, претворяют его в жизнь и стремятся посеять его в душах всех людей» [28]. То были тщетные заверения, они не могли изменить судьбы обреченных обществ.

Роспуск общества секции Брута имел значение примера; навязанный важным должностным лицом и революционным комитетом, который благодаря этому приобретал господствующую роль в секции, он отвечал правительственной политике унификации революционных сил. В ряде секций революционные комитеты решили навязать роспуск секционных обществ. Хотя кое-где они и встретили сопротивление, однако часто это им удавалось. 8 флореаля один из членов общества Общественного договора выступил в Якобинском клубе с обвинениями по адресу революционного комитета секции, который преследует общество, хотя оно не является секционным [29]. Несколькими днями раньше это же общество выступило с обвинениями против Робера, члена революционного комитета, поскольку он заявил, что «народное общество должно поступить так же, как общество секции Брута, и прервать свои заседания»[30]. Революционный комитет секции Общественного договора отступил, но во многих секциях революционные комитеты одержали верх: в секции Ломбар общество Санкюлотов, несмотря на то, что еще 2 жерминаля оно заявило о своем антисекционном характере, было в конечном счете распущено 26 флореаля простым постановлением революционного комитета [31].

Вызванное роспуском общества секции Брута, движение не было, однако, столь быстрым, как можно было бы ожидать при наличии давления со стороны правительства; пассивность или сопротивление санкюлотов, бесспорно, тормозило это движение. До роспуска следующего общества пришлось ждать целую декаду. Это было общество секции Арси, распустившее себя 9 флореаля. Через несколько дней наступает очередь общества Друзей революционных законов (секция Гренельского фонтана): 18 флореаля оно сообщило Конвенту о своем роспуске. Общество секции Брута задало тон, отныне все обращения к Конвенту будут похожи друг на друга.

Несмотря на все давление, органы правительства не могли не видеть к середине флореаля, что движение развивается медленно и что борцы не хотят разрушать свои организации. Два месяца спустя после ареста руководителей кордельеров только три общества пошли на роспуск, из них два — явно под давлением влиятельных лиц. Глубокая враждебность к народному движению и одержимость идеей централизации побудили Комитеты возобновить наступление. Кампания против обществ вновь возобновилась, она продолжалась вплоть до их уничтожения.

4. Роспуск секционных обществ (флореаль—прериаль)

18 флореаля общество Друзей революционных законов сообщило Конвенту о своем роспуске. Лежандр подчеркнул разницу между народными обществами и секционными обществами: «Последние были задуманы врагами народа для того, чтобы сделать собрания секций непрерывными и чтобы сторонники Венсана и Ронсена могли распространять там свои принципы, ведущие к разрушению всякого общественного порядка». Чтобы вернее скомпрометировать народное движение, Лежандр намеренно отождествлял его с группой кордельеров. В заключение он потребовал напечатать в «Бюллетен» обращение общества Друзей революционных законов: «Вы увидите, что другие секции, которые всегда были приверженны общественному благу, последуют примеру, который им подает секция Гренельского фонтана» [32]. Несмотря на этот призыв, секции не стали торопиться.

Чтобы ускорить это движение, якобинцы возобновили свое наступление. 23 флореаля общество Лепелетье сообщает им о своем решении прервать свои заседания. Однако оно просит сохранить его филиальные связи с Обществом якобинцев, так как его нельзя считать секционным. Тогда Мартине из комитета переписки напоминает об опасностях, связанных с существованием секционных обществ, и призывает патриотов заняться срочно вопросом об их роспуске. Одержимый упорной злобой, Лежандр требует, чтобы каждый якобинец — член секционного общества ушел из него в течение декады под угрозой исключения из Общества якобинцев. Он предлагает также не принимать никаких депутаций от секцион-

ных обществ. Все эти предложения были приняты [33]. В речи, произнесенной в тот же день, Колло д'Эрбуа собрал все обвинения, выдвинутые против секционных обществ. Их основатели, сказал он, хотели создать партию, чтобы руководить общественным мнением. Есть среди них, конечно, и патриоты, но их надо «уберечь от соблазнов и просветить относительно ложных принципов». Члены обществ не посещают заседаний общих собраний. «Какое им дело до дискуссий, происходящих на собраниях секций? Они чувствуют себя гораздо лучше на своих тайных сборищах. Там можно дать волю своей алчности, недовольству Революцией, ропоту против правительства и честолюбию, спекулирующему на патриотизме» [34].

Нападки якобинцев вызвали сильное волнение среди патриотов. Лежандр повторил их в речи от 26 флореаля. Спор возобновился с новой силой. Чтобы успокоить общественное мнение, Лежандр уточнил, что народные общества не следует смешивать с *теми жалкими сборищами*, какими являются секционные общества, созданные единственно для того, чтобы возродить систему непрерывности заседаний секций. Патриоты задают себе вопрос, пойдут ли якобинцы на отказ от филиальных связей с народными обществами? Лежандр предложил признать таковыми не те, которые были созданы до 31 мая, а только те, которые были образованы до 10 августа. Это означало отдать предпочтение патриотам 1789 года перед патриотами 1793 года и признать лишь те общества, которые возникли до вступления санкюлотов на политическую арену. Кутон идет еще дальше Лежандра: надо уничтожить все общества, даже основанные до 10 августа. Если они сохранятся, сказал он, то уже не будет *единства мнений*. Те и другие общества стремятся объединить всех добрых граждан, «дабы опустошить, если бы они смогли это сделать, Общество якобинцев»; сорок восемь обществ в Париже являли собой «гнусное зрелище федерализма»; наступила пора, когда они должны исчезнуть, а все патриоты должны *сосредоточиться* в Якобинском клубе. Это была точка зрения правительственного деятеля, озабоченного укреплением единства. Углубляя спор, Колло д'Эрбуа решил дать определение политического образа мыслей секционных обществ. «Они явно стремились к установлению некоего нового федерализма; они хотели одни управлять секциями... они хотели из каждой секции сделать маленькую республику»; там обсуждали законы. Таким образом, Колло д'Эрбуа критиковал народную концепцию суверенитета и политической жизни, еще раз подчеркивая несовместимость санкюлотской демократии с потребностями Революционного правительства; в этом и была сущность непримиримой противоположности между якобинцами, которые были глашатаями правительственных органов, и секционными обществами. Более ловкий Колло не разделял, однако, крайней позиции Кутона. С давних пор, сказал он, общества получали от Якобинского клуба братские сообщения, которые их укрепляли; ныне это единство необходимо более чем когда-либо; не может быть в

одной секции двух объединений, из которых одно руководится якобинцами, а другое исповедует противоположные принципы. Поэтому не может быть колебаний в вопросе об уничтожении секционных обществ. Что касается народных обществ, то «вы не захотите оттолкнуть тех, кто просит у вас наставлений, которые мы должны давать друг другу». После этих длительных прений, внесших ясность в вопрос, который долгое время намеренно запутывали, якобинцы приняли, по предложению Колло д'Эрбуа, постановление о прямой переписке с секциями. Якобинцы заменяли, таким образом, секционные общества и собирались осуществлять непосредственное влияние на общие собрания. Комитету переписки было также поручено представить список народных обществ, образованных ранее 10 августа и никогда не прекращавших поддерживать с якобинцами республиканские связи [35]. Таким образом, под эгидой материнского общества, вдохновляемого правительственными властями, должно было быть восстановлено единство мнений и должны были исчезнуть органы, тенденции и дух которых противоречили тенденциям и духу Революционного правительства. Тем самым усиливалась централизация, и правительственная машина приобретала монолитный характер. Но санкюлоты, вынужденные повиноваться, утратили дух революционной инициативы.

Скрытая угроза, ощущавшаяся в дебатах, развернувшихся 23 и 26 флореаля в Якобинском клубе, и в отказе от аффилиации обществам, образовавшимся после 10 августа, побудила и другие общества самораспуститься. С 25 флореаля движение в этом направлении, столь медленное в начале месяца, ускоряется. Но санкюлоты прекращают заседания своих обществ лишь под давлением и будучи к тому вынуждены.

Общество секции Республики 25 флореаля прервало свои заседания: «Отныне мы будем собираться только как общее собрание, дабы дать доказательство нашего уважения к законам и нашей преданности законодателям» [36]; роспуск общества превращался в демонстрацию лояльности.

25 флореаля одновременно с обществами секций Хлебного рынка и Тюильри о своем роспуске сообщило Конвенту и общество Мон-Блан [37]. Тем самым движение возобновилось. Почетные отзывы, пожалованные Конвентом тем обществам, которые приостановили свои заседания, побуждают другие общества последовать их примеру, чтобы не прослыть антипатриотическими. 27 флореаля, опасаясь, что ложные патриоты, проникшие в его ряды, могут затруднить деятельность Революционного правительства (отныне это становится основным аргументом), общество секции Рынка единогласно принимает решение о роспуске [38]. В тот же день такое решение приняли общество Красного колпака (секция Елисейских полей), общества Друзей отечества и Французских гвардейцев [39], а также общество секции Пуассоньер [40]. Доклад от 27 флореаля, представленный обществу Друзей отечества революцион-

ным комитетом этой секции, наивно признает, что благоприятное отношение Конвента к обществам, сообщающим ему о своем роспуске, публикация их обращений в «Бюллетен», дебаты в Якобинском клубе... «все это обязывает его предложить обществу прекратить свои заседания». Комитет не может, однако, скрыть, что его тревожат «радость, выражаемая гражданами, патриотизм которых еще не доказан, при виде того, как распадаются общества, и усилия, прилагаемые теми же гражданами, чтобы ускорить приостановку или прекращение заседаний». Это горькое замечание показывает, какой удар был нанесен революционному энтузиазму санкюлотов роспуском обществ. Эта тревога побудила комитет предложить членам общества дать клятву никогда не разъединяться «ни умом, ни сердцем» [41]. Но как можно остаться объединенными без действенной организации?

Независимо от внутренних чувств борцов в последние дни флореаля движение приобрело широкий характер.

Движение казалось непреодолимым. Однако на примере общества Санкюлотов, заседавшего на Вандомской улице (секция Тампля), можно видеть, какое упорное сопротивление разрушению их организаций оказали санкюлоты. 29 флореаля под председательством Клерваля, члена революционного комитета, служащего в Комиссии гражданской администрации, общество обсуждало вопрос о том, является ли оно народным или секционным, иначе говоря, должно ли оно распуститься или не должно. Многие члены общества настаивали на том, что оно не секционное, и требовали зачтения протокола об учреждении общества. Чтобы преодолеть это сопротивление, сторонники роспуска зачитали речь Кутона в Якобинском клубе от 26 флореаля; авторитет члена Комитета общественного спасения подействовал на санкюлотов, и они аплодировали не раздумывая. Чтобы покончить с этим вопросом, Клерваль поставил на голосование два вопроса: является ли общество народным или секционным? Следует ли приостановить заседания общества или окончательно распустить его? По первому вопросу снова разгорелся спор. «Со всех сторон требовали зачитать протоколы», послали за секретарем-письмоводителем, который их хранил, но оказалось, что его нигде нельзя найти. Тогда один из сторонников роспуска, форсируя ход событий, заявляет, что весь этот беспорядок лучше всего доказывает, что общество должно распуститься; напуганное собрание соглашается с ним. Секретарь-письмоводитель, который сразу же нашелся, тут же принес печати общества, которые были тотчас же разбиты. Членам общества осталось лишь одно утешение: им оставили их членские карточки «как их собственность» [42].

30 флореаля у барьера Конвента продефилировало несколько делегаций распущенных обществ, а именно обществ секций Бон-Консей, Марата, Попенкур и Республики [43].

Те общества, которые с этим запоздали, поспешили в первые дни прериаля распуститься; дело шло об их репутации как благонадеж-

ных. 1 прериаля, поздравляя Конвент по случаю провозглашения культа «верховного существа», секция Пик сообщила о том, что ее общество сочло полезным «для сближения душ и для общего блага» прекратить свои заседания [44]. В тот же день общество Друзей свободы и равенства (секция Неделимости) заявило Генеральному совету Коммуны о своем роспуске [45]. Некоторые члены Совета сообщают о роспуске многих обществ, и Совет в своем постановлении похвально отзывается о них [46]. 2 прериаля решение приостановить свои заседания принимают общество Санкюлотов-революционеров, секция Шалье, общество Музея, общество секции Прав человека [47]. Общество Музея выдвигало на первый план необходимость революционной централизации: «Некоторые общества создают изоляцию, которая препятствует движению единства в управлении, движению, которое должно распространяться от одного до другого края Республики»; должен быть лишь *один-единственный центр* — Революционное правительство [48].

Затем движение опять замедлилось. Большинство обществ уже приостановили свои заседания. Очень немногие, продолжавшие функционировать, подвергаются все время резким нападкам. Например, на братское общество Патриотов обоих полов секции Французского Пантеона поступил 11 прериаля донос от некоего Мерсеро в виде письма на имя Колло д'Эрбуа. По словам Мерсеро, это общество —«очаг всякой вражды. Всего в нем самое большее человек 60 мужчин и столько же женщин и, будучи таким ничтожным меньшинством, они хотели бы руководить секцией, насчитывающей от 8 до 9 тысяч человек» [49]. Братское общество секции Французского Пантеона сопротивлялось и упорствовало. Другие общества, запуганные упорными нападками, к середине прериаля приостановили свои заседания; например общество секции Монтрей (14 прериаля). Во всех случаях приводятся одинаковые мотивы, явно инспирированные. Однако общество не согласилось распуститься, оно лишь просто приостановило свои заседания. Оно объявило, что члены общества будут по-прежнему соблюдать его уставы и постановления, а его бюро продолжит свою деятельность и опять созовет общество, «как только состояние государственных дел позволит это сделать» [50]. Общество Свободных людей сопротивлялось еще дольше. Оно было создано в феврале 1792 года и состояло из граждан как секции Сите, так и секции Революционной (бывшей секции Нового моста) и не было секционным [51]. Но надо еще было доказать, чтобы сообразоваться с постановлениями якобинцев от 26 флореаля, что общество было аффильировано материнским обществом. 2 прериаля члены общества Свободных людей обсуждали этот вопрос: являются ли они филиалом Якобинского клуба или только поддерживают с ним переписку. 4 прериаля завязалась длительная дискуссия «о том, закрыть ли протоколы или продолжать заседания». Сторонники роспуска навязали решение зачитать на следующем заседании все протоколы

«дискуссии в Якобинском обществе по вопросу об обществах», они рассчитывали таким образом оказать давление на санкюлотов. Этот маневр оказался безрезультатным. 9 прериаля они возобновили свое наступление, но защитники общества ответили им мощной контратакой Наконец, обе стороны договорились созвать на 14 прериаля всех членов общества для окончательного решения вопроса. Заседание началось прениями по процедурному вопросу, не без споров собравшиеся высказались за голосование вставанием После этого вопрос был предрешен, метод, которым санкюлоты устрашали своих противников, теперь оборачивался против них Решение приостановить заседания было принято единогласно [52] 18 прериаля секция Фобур-дю-Нор, последняя в хронологическом порядке, сообщила Конвенту о роспуске общества, якобы состоявшемся 13 жерминаля Секция считает долгом не молчать далее об этой благотворной мере из опасения, «как бы отсутствие гласности о таком акте преданности не подорвало репутации секции и не бросило тени на принципы, кои она исповедует, поскольку другие секции создали вокруг своего роспуска большую гласность» Объяснение довольно путаное и малоправдоподобное, таким путем пытались, несомненно, замаскировать длительное сопротивление борцов упразднению общества, которым они дорожили [53].

* * *

Из всех репрессивных мер против народных институтов уничтожение обществ было самым тяжелым ударом, наиболее чреватым последствиями От жерминаля до прериаля было распущено 39 обществ, из коих 31 было распущено между 25 флореаля и 5 прериаля, после якобинского наступления 23 и 26 флореаля, уже само число распущенных обществ подчеркивает авторитарный характер этой операции. Общества распускались под давлением якобинцев и правительства, по инициативе революционных комитетов или того или иного официального лица. Как бы ни сопротивлялись борцы, они должны были в конечном счете уступить обвинение в *эбертизме* заранее парализовало всякие попытки с их стороны Что упразднение обществ было, по существу, нацелено против народного движения, видно из числа ликвидированных подлинно секционных обществ — 28 из 39. Речь шла об обществах, образованных после 31 мая, то есть после отмены непрерывности заседаний секций. Эти общества состояли в основном из *патриотов 1793 года*, они дублировали общие собрания и давали санкюлотам возможность руководить секциями. Вынудив эти общества самораспуститься, правительственные комитеты разбили организационный костяк народного движения Они избавили таким образом себя от опасности нового восстания, но они также развязали руки Конвенту и лишили себя средства давления на него.

Еще раз внешние обстоятельства, потребности национальной обороны оказали огромное влияние на решения Комитетов до начала мессидора еще не было уверенности в победе, война требовала отчаянного напряжения сил. Но насильно включив в якобинскую систему движение, которое ранее было автономным, у которого были свои собственные устремления и своя практика демократии, Комитеты оттолкнули от себя санкюлотов. Действия правительства в период с жерминаля до мессидора не могли воспрепятствовать ухудшению положения и росту трудностей. Так проявился непримиримый антагонизм между массами санкюлотов и якобинской буржуазией и открылся путь к Термидору.

ГЛАВА VI

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЯКОБИНСКАЯ ДИКТАТУРА ОТ ЖЕРМИНАЛЯ ДО ТЕРМИДОРА II ГОДА

1. Лояльность секций: патриотические дела и рост террора.— 2. Социальный кризис: продовольственный вопрос и заработная плата.— 3. Политический кризис.— 4. Репрессии против санкюлотов.— 5. Упорная народная оппозиция: новые формы движения.

Репрессии, последовавшие за кризисом в вантозе, нанесли решающий удар по политической жизни секций. Не то чтобы меры, принятые против борцов, дезорганизовали кадры секций, но произведенные аресты, хотя и немногочисленные, и нависшая над ними угроза побудили многих борцов к благоразумию и повиновению. Особенное значение имел ставший более жестким контроль революционных комитетов над общими собраниями и народными институтами; это заранее уничтожало всякую инициативу, а разрушение секционных обществ лишило борцов орудия эффективных действий.

От жерминаля до термидора под ложной видимостью манифестаций лояльности в отношении Конвента и Революционного правительства идет необратимый процесс перерождения народного движения, время от времени прерываемый отдельными вспышками сопротивления. По мере назревания кризиса и углубления разрыва между массами парижских санкюлотов и Революционным правительством новые формы движения свидетельствуют об упорстве оппозиции секций. Но все это лишь скрытые конфликты или неудачные попытки. Жесткая хватка якобинской диктатуры сломила революционный порыв масс. Кто теперь встанет на ее защиту в час опасности?

1. Лояльность секций: патриотические дела и рост террора

После жерминаля исчезает отличный источник для изучения деятельности общих собраний, а именно донесения некоторых полицейских наблюдателей, в частности Бакона. Отрывочные данные, которые можно почерпнуть из сохранившихся протоколов, свидетельствуют о вялом характере заседаний. Комитеты внимательно следят и немедленно подавляют любое движение, которое, на их взгляд, противоречит политике Революционного правительства. Если общие собрания и затрагивают иногда еще вопросы общей политики, то не для того, чтобы вести дискуссию, а чтобы выразить свое восторженное одобрение; прошли те времена, когда санкюлоты разговаривали с представителями на равной ноге. Всякая критика считается контрреволюционной. Конвент и Комитеты получают лишь поздравительные адреса и заверения в лояльности.

В порядке дня собраний преобладают административные дела и чтение официальных документов. Руководимые революционными комитетами, собрания посвящают все свое внимание военным усилиям: они экипируют *якобинских* кавалеристов, собирают селитру, контролируют поступления по принудительному займу. Они обращаются к Конвенту с сообщениями о своих патриотических делах. Если в прериале покушения на Максимильена Робеспьера и Колло д'Эрбуа вызвали вспышку террористических настроений, то вскоре собрания опять возвращаются к своей обычной монотонной жизни. Ни победа, ни годовщина взятия Бастилии не в состоянии воскресить их энтузиазм. За внешним единодушием скрывается равнодушие, которое разъедает секции, как гангрена, или враждебность к правительству, которое заботилось лишь о том, чтобы подогнать их под якобинскую мерку. Политическая жизнь секций застывает, народная революция замерзает.

* * *

После казни руководителей кордельеров парижские секции, уже ранее одобрившие их арест, сочли необходимым, дабы отвести от себя всякое подозрение в *эбертизме*, засвидетельствовать свою лояльность Конвенту и правительственным комитетам. Предлогом для этого были сообщения об их патриотических делах.

Движение за вооружение и экипировку на средства секций или народных обществ *якобинского* кавалериста (то есть испытанного патриота) началось предыдущим летом, во время кризиса революции. Так проявлялся патриотический порыв санкюлотов, причем долгое время это не шло вразрез с их политической деятельностью. Движение это в силу патриотического соревнования мало-помалу расширилось. Затем из демагогических соображений секции начали

соперничать между собой в том, какая из них больше вооружит кавалеристов. В этом их поощряли революционные комитеты — лучше было дискуссировать по этому вопросу, чем по продовольственному. Когда во флореале и прериале секционные общества исчезают, они завещают общим собраниям своих якобинских кавалеристов. Таким образом, этот вопрос без конца ставится в порядок дня.

Зимой к этому добавился вопрос о селитре. 14 фримера по предложению Комитета общественного спасения Конвент принял декрет, призывавший всех граждан выщелачивать землю в своих погребах. 12 нивоза Генеральный совет Коммуны принял аналогичное постановление. Первые приношения селитры, собранной парижскими секциями, начали поступать 15 плювиоза [1]. С этого момента добыча селитры становится одной из основных забот общих собраний.

Сбор поступлений по принудительному займу также требовал всего их внимания. Декретом от 3 сентября 1793 года Конвент объявил подписку на принудительный заем на сумму в один миллиард. Заявления граждан, обязанных принять участие в подписке, должны были рассмотреть и проверить в Париже шесть комиссаров в каждой секции; эти комиссары должны были, кроме того, составить списки для сбора поступлений [2]. Это было дело длительное и щекотливое, поскольку оно порождало много споров. Списки должны были быть готовы к 1 декабря по старому стилю, а взыскание поступлений должно было начаться 15-го того же месяца, как только списки окажутся у комиссаров Национального казначейства. В действительности Генеральный совет Коммуны лишь 9 брюмера после продолжительных прений одобрил инструкцию о методах проведения принудительного займа [3]. Много времени ушло на назначение комиссаров по проверке, на составление списков. Лишь во флореале секции начинают подсчитывать результаты подписки на принудительный заем. Он, по существу, был рассчитан на людей богатых. «Уплатили ли вы,— спрашивал, обращаясь к ним, Рамель, докладчик законопроекта (19 августа 1793 года), — уплатили ли вы, подобно рабочему, своими потом и кровью ваш долг родине?» [4] Конечно, санкюлоты испытывали некоторое удовлетворение, когда они контролировали в своих секциях распределение займа и его взыскание. Заем этот, задуманный вначале как средство для уменьшения находившейся в обращении массы ассигнатов, оказался накануне военного наступления необходимым для финансирования военных усилий. В силу этого двойного назначения заем привлек к себе внимание общих собраний, которые включили контроль над его проведением в число своих патриотических дел.

Если секция Братства была, по-видимому, первой, сообщившей 3 флореаля Конвенту о результатах принудительного займа, то секция Брута объединила в одном дарственном приношении Конвенту якобинского кавалериста, селитру и принудительный заем. Другие

секции поспешили последовать ее примеру, чтобы засвидетельствовать свою преданность. Лояльность секций в отношении Конвента и Революционного правительства выражалась во флореале посредством этого тройного символа.

11 флореаля секция Лепелетье представила двух якобинских кавалеристов, а ее народное общество — еще одного. Эта секция произвела 3139 фунтов селитры лучшего качества, ее мастерские работали полным ходом. Закон о принудительном займе проводился в жизнь во всей его строгости, его сумма достигла 2750 тыс. ливров, «на 300—400 тыс. больше, чем было предусмотрено этим политическим кровопусканием». После этого каждый день продолжается монотонное шествие секций, всякий раз одни и те же восхваления, одни и те же клятвы в верности.

Поскольку движение по упразднению секционных обществ усиливается, это становится для собраний удобным случаем засвидетельствовать свою лояльность по отношению к Конвенту. Стараясь превзойти друг друга, некоторые секции, сообщая о своих патриотических делах, объявляют в то же время о роспуске своего общества. Так еще 18 флореаля поступает секция Гренельского фонтана: «Наше общество больше не существует, теперь вы будете слушать секцию». 20 флореаля секция Горы представила четырех якобинских кавалеристов, секция Инвалидов приняла решение снарядить одного. 26 флореаля секция Революционная отчитывается в своих патриотических делах; 30 флореаля то же делает секция Муция Сцеволы. Поскольку с упразднением секционных обществ Якобинский клуб становится центром общественного мнения, секции обращаются к нему, в то же время в первые дни прериаля у барьера Конвента продолжается шествие.

* * *

В прериале депутации, отчитывающиеся в патриотических делах, становятся более редкими; у секций в то время появляются другие возможности проявления своей преданности Конвенту. 18 флореаля был принят декрет о культе «верховного существа», а 3 и 4 прериаля были произведены покушения на Робеспьера и Колло д'Эрбуа.

18 флореаля Робеспьер от имени Комитета общественного спасения представил Конвенту доклад о религиозных и моральных идеях и о республиканских принципах. Немедленно вслед за тем был принят декрет о введении культа «верховного существа» [5]. Вечером того же дня Робеспьер зачитал в Якобинском клубе текст своего доклада Конвенту: «Граждане неоднократно приветствовали его возгласами и выражениями сильнейших чувств, которые он им внушал» [6]. Но Якобинский клуб был тогда уже только клубом должностных лиц. А какой прием окажут этому новому культу общие собрания? Очень трудно, пожалуй, невозможно дать ясное представление о народных настроениях в этой связи. Нельзя обманываться на счет манифестаций общих собраний, контролируе-

мых революционными комитетами, причем эти манифестации предпринимаются по совету людей, полностью находящихся под влиянием якобинцев и правительства; раз поступило предложение поздравить Конвент с его декретом от 18 флореаля, то собрания могли лишь одобрить такое предложение. Тем более знаменательно, что движение это развивалось очень медленно и так и не получило широкого размаха. Новый культ содержал в себе осуждение атеизма и его приверженцев, он клеймил, как таковых, Эбера и его друзей. Возникал вопрос: следует ли атеистов или просто всех тех, кто не одобряет новой религиозной политики, считать дурными гражданами? У многих секционных борцов инициатива Робеспьера не могла вызвать ничего, кроме раздражения.

Культ «верховного существа» занял место декадных церемоний, которые после дехристианизации заменили собой во всех секциях отправление католического культа. Декадные празднества пользовались бесспорным успехом, и бедные люди могли быть только дезориентированы новым культом. С другой стороны, среди народа сохранилось много приверженцев традиционной религии, как об этом сообщали до конца жерминаля в своих донесениях многие полицейские наблюдатели. Если сознательный атеизм был чужд санкюлотам, во всяком случае подавляющему большинству из них, то и деизм был им столь же неведом. Что санкюлоты (оставляя в стороне вопрос о догмах) сожалели о пышности католических церемоний, в этом нет никакого сомнения. Ежедекадные церемонии, совершавшиеся в церквах и в значительной мере заимствовавшие у традиционного культа внешнюю пышность, процессии, хоры, гражданские проповеди, давали санкюлотам обряды, которые соответствовали их патриотизму. Наконец, если дехристианизация была в значительной мере навязана санкюлотам извне, то культ мучеников за дело свободы и декадные церемонии возникли по инициативе вожаков санкюлотов. Культ «верховного существа» снова был им навязан, к тому же таким правительством, которое свирепствовало против народных организаций и настойчиво подгоняло любую инициативу под общую якобинскую мерку. Все эти причины объясняют отсутствие искренности и тепла в обращениях секций к Конвенту.

26 флореаля секция Революционная, представляя якобинского кавалериста, выражает свою *взволнованную признательность* за «отеческую заботу» Конвента об освящении «религиозных принципов, являющихся основой морали и всех добродетелей» [7]. Этот почин был немедленно подхвачен якобинцами, делегация которых во главе с Жюльеном на следующий день представила поздравительный адрес [8]. Поскольку отныне атеизм приравнивался контрреволюции, секции не могли лучше доказать свою лояльность, как поздравляя Конвент в свою очередь. Они не проявили, однако, в этом деле большой поспешности, что свидетельствует об отвращении к нему секционных борцов. Первыми явились две секции — секции

Венсана и Эбера; возможно, они опасались быть заподозренными в атеизме. Секция Муция Сцеволы, представляя 30 флореаля отчет о своих патриотических делах, заявила, что Конвент, принимая свой декрет о «верховном существе», читал в сердцах всех французов [9]. Секция Бонн-Нувель в своем обращении от того же дня совмещает культ Разума с культом «верховного существа» и гражданским культом [10].

Среди секционных борцов многие сознательно или вследствие непонимания не проводили различия между культом Разума и культом «верховного существа» и сводили тот и другой к прославлению гражданских добродетелей и республики. Все же, несмотря на пример, данный якобинцами, несмотря на обычное в подобных случаях соревнование между общими собраниями, лишь немногие секции решились поздравить Конвент по случаю принятия декрета от 18 флореаля. 2 прериаля это сделала секция Общественного договора, 4 прериаля — секция Единства одновременно с отчетом о своих патриотических делах; секция Единства делала главное ударение на гражданском аспекте нового культа [11]. 5 прериаля братское общество, заседавшее в Якобинском клубе, тоже поздравляет Конвент, но чтобы заявить при этом, что покровительство всевышнего позволило Робеспьеру и Колло д'Эрбуа «избежать гибели от руки убийцы Адмира» [12].

Только 6 секций поздравили Конвент с учреждением культа «верховного существа»— явный признак равнодушия. Из них 3 секции явились, чтобы сообщить о своих патриотических делах, и в своих адресах уделили лишь второстепенное место декрету от 18 флореаля. Две секции, которые в прошлом были секциями Венсана и Эбера, опасаясь за свою репутацию, хотели своим рвением устранить малейшие основания для подозрений. Это позволяет судить о том, какую сдержанность проявляли секционные борцы по отношению к новому культу.

1 прериаля Адмира, весь день подстерегавший Робеспьера, выстрелил дважды из пистолета в Колло д'Эрбуа [13]. 4 прериаля была арестована молодая девушка Сесиль Рено, когда она пыталась проникнуть в дом Дюпле к Робеспьеру, имея при себе два маленьких ножа. Секции нашли в этих фактах более подходящий повод для проявления своей лояльности, чем декрет о «верховном существе».

* * *

Покушения на убийство Робеспьера и Колло д'Эрбуа вызвали огромное волнение. Они доказали, если в этом была еще нужда, что внутренняя контрреволюция не разоружилась. *Заговор аристократов*, против которого санкюлоты поднялись еще в июле 1789 года, продолжал существовать. В прериале II года он вызывал те же чувства, только проявление этих чувств изменилось в связи с наличием Революционного правительства, которое использовало в своих интересах

защитную реакцию народа, но удерживало его карающую волю в рамках закона [14].

В результате покушений начала прериаля секционные манифестации лояльности в отношении Конвента и его комитетов превратились в массовое движение. Огромная волна этого движения подняла секции и привела их к барьеру Конвента, они хотели заверить его в своей преданности, но также заявить о своей жажде кары. Нависшая над революцией опасность восстановила еще раз единодушие между санкюлотами и теми людьми, которые с 1789 года руководили революцией и были ее воплощением. Это был мимолетный момент в ту весну II года, когда была вырыта непроходимая пропасть между Революционным правительством и народным движением. Прошло то время, когда крайняя опасность вынуждала в конечном счете прибегать к революционному порыву масс. Террор, к которому при других обстоятельствах народ стихийно прибег бы, теперь в руках Комитетов стал орудием управления, он заставлял нацию и самих санкюлотов идти на жертвы, необходимые для общественного блага. Революционное правительство не намерено было выпустить это орудие из своих рук. Если законом от 22 прериаля оно усилило террор, как того требовали в своих обращениях секционные борцы, то его применение оно более чем когда-либо резервировало исключительно за собой. Эта новая вспышка террористических настроений (последнее проявление в прериале II года того, что с 1789 года было существенной чертой народной психологии) выразилась в простых словесных манифестациях, которые, самое большее, побуждали Революционное правительство идти далее вперед.

4 прериаля Барер доложил Конвенту о покушении Адмира на Колло д'Эрбуа, совершенном предыдущей ночью. В ходе этого же заседания Собрание ознакомилось с протоколом, составленным революционным комитетом секции Лепелетье, и с допросом Адмира, который сознался, что весь день искал Робеспьера, чтобы убить его [15]. Уже на следующий день ряд депутаций выразили свое негодование, в частности общество Друзей свободы (помещающееся на улице Вер-Буа) и братское общество, заседавшее в Якобинском клубе [16]. Секции провели заседания своих общих собраний вечером 5 прериаля; на следующий день они одна за другой явились к барьеру Конвента. 6 прериаля перед Конвентом продефилировали таким образом 19 секций, которые более или менее искренно присоединились к обращениям первых двух. Многие из них обвиняют иностранные державы, особенно Англию, в новых преступлениях. «Идет смертный бой,— заявила секция Пуассоньер,— между тиранами и народами, между рабством и свободой, между коварством и честностью». Секция Брута заявила, что все патриоты поднялись и из своих тел создадут защитный вал вокруг национального представительства. Секция Шалье постановила сформировать священный батальон для защиты Конвента. Секция Пуассоньер предложила присылать каждый день 25 человек для обеспечения охраны

обоих комитетов [17]. Обращения общих собраний требуют применения к заговорщикам революционных законов во всей их непреклонной суровости.

Поток делегаций секций продолжается 7 прериаля: в этот день 14 секций явились к барьеру Собрания. Выражаются те же террористические настроения. «Будем надеяться, что последние чудовища искупят свои злодеяния»,— заявляет секция Марата, заверяя мимоходом, что ее массы всегда были чисты. Секция Музея выражается более ясно: «Раз ничто не может сдержать бешенства наших врагов... пусть нация скомандует мщение, но мщение непрерывное... Пусть мщение царит от восхода до захода солнца, пусть будет слышно только это страшное слово» [18]. Такие заявления могли лишь побудить Революционное правительство еще более усилить террор; так складывалась обстановка, в которой подготовлялся закон 22 прериаля. В следующие дни поспешили явиться запоздавшие. 8 прериаля в Конвент явились 3 секции и 2 народных общества, 9 прериаля — секция Неделимости, 10 прериаля — секции Бонди и Пик, 11 прериаля — 5 секций, 13 прериаля — Клуб кордельеров и, наконец, 19 прериаля — секция Фобур-дю-Нор.

Когда возбуждение улеглось, санкюлоты опять погрузились в дремоту своих общих собраний; отныне больше чем когда-либо прежде их роль сводится к одобрению. Обращения к правительству, которые можно отметить в период до термидора, не могут породить никаких иллюзий — печать искусственности и угодничества еще более усиливается. Даже власти устали от такой пошлости. Когда коммиссары секции Гравилье 4 мессидора докладывали Коммуне о поступлениях по принудительному займу, то употребленное ими выражение «почтенное и справедливое собрание» вызвало ропот в Генеральном совете [19]. Годом раньше делегат этой самой секции Жак Ру диктовал у барьера Конвента волю санкюлотов; это показывает степень перерождения народного движения со времени установления Революционного правительства. Пейан протестовал против «подобных комплиментов, низкой лести и подобострастия», недостойных республиканца. Но разве главная ответственность за это не лежала на правительственных и муниципальных властях, которые так много сделали для того, чтобы лишить борцов всякого характера и духа независимости?

Первые победы — битва при Флёрюсе была 8 мессидора — вызвали некоторые новые манифестации лояльности секций, но это движение было несравненно слабее того, которое породила вспышка террористических настроений в прериале. Победа — эта высшая цель всех революционных усилий парижских секций — уже не могла вдохнуть в них энтузиазма. Правда, 11 мессидора в честь победы при Флёрюсе в Национальном саду было устроено празднество и официальный отчет особенно подчеркивает царившее там народное ликование [20], но секции реагировали слабо, как будто это была не их победа. Если секция Революционная и явилась

к барьеру Конвента 17 мессидора, то лишь для того, чтобы поздравить Собрание с принятым накануне декретом, согласно которому гарнизоны северных крепостей будут полностью истреблены, если не сдадутся безоговорочно в 24 часа после первого требования[21]. «Победители при Флёрюсе, которые между собой ввели террор в порядок дня, сумеют осуществить этот декрет»[22]. Террористический пыл оборачивался против внешнего врага. 26 мессидора, в годовщину взятия Бастилии, секции Брута и Бонне-Руж, а на следующий день секция Мезон-Коммюн еще воспользовались этим случаем, чтобы поздравить Конвент с его достижениями и победами армий[23]. Это были банальные обращения, отражавшие лишь безоговорочное повиновение, к которому жесткая рука Комитетов приучила общие собрания. Вследствие усталости или равнодушия другие секции не поддержали этого движения. Несмотря на то что Якобинский клуб 25 мессидора, а муниципальные власти на следующий день задали тон[24], секции безмолствовали.

Как Флёрюс, так и годовщина взятия Бастилии вызвали появление у барьера Конвента (в течение мессидора) лишь 5 секций из 48. Это дает ясное представление о все углублявшемся разрыве между Революционным правительством и народным движением. Санкюлотам надоели эти притворные манифестации, которые не в состоянии были даже сохранить ложную видимость искусственного единодушия: поздравительные адреса, продиктованные комиссарами, действовавшими по приказу, не могли скрыть недовольства, которое все более ширилось среди парижских санкюлотов, как не могли они скрыть и двойного кризиса, политического и социального, который угрожающе обострялся.

2. *Социальный кризис: продовольственный вопрос и заработная плата*

Если осуждение руководителей кордельеров положило конец политическому волнению, то оно не решило, однако, тех проблем, которые его вызвали, в частности продовольственную проблему. Трудности остались, осталось и недовольство, превратившееся в скрытую оппозицию, когда выяснилось, что Революционное правительство, придав новое направление управляемой экономике, порвало с санкюлотами.

Еще 26 вантоза с трибуны Якобинского клуба Робеспьер ясно высказался о новом направлении, которое комитет намерен дать своей экономической политике. Он подверг резкой критике адрес, представленный накануне Конвенту секцией Бонн-Нувель, требовавшей удаления торговцев со всех общественных должностей впредь до заключения мира. Разрушая торговлю, сказал он, хотят посредством голода вернуть народ в состояние рабства[25]. Комитет общественного спасения рассчитывал оживить торговлю посредством таблицы максимума, подготовленной Продовольственной комиссией и представленной Барером 3 вантоза Конвенту[26]; таким путем предполагалось положить конец произволу местных властей и обеспечить торговле справедливую прибыль, поскольку цены впредь будут установлены с учетом транспортных расходов и прибылей как розничного, так и оптового торговца. 30 вантоза Барер пошел еще дальше: он настоял на том, чтобы в интересах торговли прибыль оптового торговца рассчитывалась не на основе цены 1790 года, увеличенной на одну треть, но на основе общей цены плюс транспортные расходы[27]. Так утверждалась новая политика в отношении торговцев; суровость сменялась благожелательным отношением, и эта позиция отражала политические устремления Комитетов и их классовые симпатии. Отстаивать интересы торговли в данных обстоятельствах можно было только в ущерб потребителям, в основном санкюлотам. Революционное правительство стало на сторону имущих. Могло ли оно поступить иначе? Если, пользуясь обстоятельствами, Комитет общественного спасения мог изменить свою экономическую политику, он все же был бессилен изменить образ мыслей народа; его проявления были в большинстве случаев задушены, но они тем не менее имели место. Таким образом, от жерминаля до термидора продолжало существовать настроение, в котором хотели видеть упорство в *эбертизме*, но которое в продовольственном вопросе было лишь выражением глубокой привязанности санкюлотов, особенно наемных рабочих, к регламентации и таксации и их непримиримой враждебности к свободе торговли.

Таблицы максимума были опубликованы 1 жерминаля и вскоре затем были расклеены в виде афиш[28]. Новые цены были выше тех, которые практиковались до сих пор. Это вызвало общее недовольство среди санкюлотов. По словам наблюдателя Бакона, под аркадами бывшей площади Федератов мужчины и женщины разговаривали 7 жерминаля о новом максимуме. «Они говорили, что цены на продукты первой необходимости, особенно на мясо, были установлены очень высокие и что от всего этого выиграет только богатый».

Недовольство народа, вызванное опубликованием таблиц нового максимума, еще более усилилось в результате упразднения комиссаров по борьбе со спекуляцией и изменения закона от 26 июля 1793 года, на который санкюлоты возлагали столько надежд. Оно еще больше возросло вследствие роспуска «революционной армии», созданной, в частности, для того, чтобы обеспечить реквизицию зерна для столицы. Две эти меры, проведенные одна за другой 7 и 9 жерминаля, ясно говорили о том, что Революционное правительство отказалось от одного из основных требований народной программы — применения террора в управлении экономикой. Вскоре будет реорганизована внешняя торговля, постановление от 23

жерминаля предоставит льготы купцам. Чтобы обеспечить продовольственное снабжение и производство, правительство добивалось сотрудничества крупных торговцев и организовало его [29]. Эта новая политика соответствовала интересам торговой и промышленной буржуазии, но не могла рассчитывать на поддержку со стороны санкюлотов. Их оппозиция, сдерживаемая правительственным аппаратом, нашла, однако, выражение в ряде инцидентов (в период с жерминаля до термидора), которые свидетельствуют об углубляющемся разрыве между санкюлотами и Комитетами.

Один инцидент, разыгравшийся еще в конце жерминаля, показал, что позиция санкюлотов в вопросе продовольственного снабжения осталась неизменной и что в этой области правительственные репрессии не оказали на них никакого воздействия.

20 жерминаля на заседании общего собрания секции Ломбар началась дискуссия о продовольственном вопросе, в частности о снабжении мясом. Ее инициатором был Клод Серван, водонос, отец пяти детей, частично живший за счет пособий от секции. Он энергично выступил против неправильного распределения продуктов первой необходимости. «Он метал громы против комиссаров, которым поручен надзор [за распределением], и сказал, что богатые находят возможность достать все, что им нужно, а санкюлоты не могут ничего получить» [30]. Все санкюлоты, входившие в состав этого собрания, поддержали Сервана. Лелиевр, гранильщик драгоценных камней и эконом Тампля, развил обвинения Сервана и особенно обрушился на торговцев, которых он заклеймил как *эгоистов*. Он предложил потребовать от Конвента подвергнуть всех торговцев чистке; те из них, которые не получат свидетельств о гражданской благонадежности, должны быть лишены права открывать лавки [31]. После бурных прений, в ходе которых председательствовавший Робен, виноторговец, был совершенно выбит из колеи, собрание перешло, по предложению Лелиевра, к обсуждению очередных дел. Но санкюлоты все же добились того, что собрание *весьма значительным большинством* постановило обратиться в Конвент с петицией, требующей, «чтобы продукты первой необходимости распределялись равными долями и чтобы товары оплачивались в соответствии с законом». Это значило заявить, что максимум не соблюдается, и потребовать введения системы общего рационирования. 21 жерминаля Лелиевр был арестован по приказу Комитета общественной безопасности, который был извещен революционным комитетом секции [32]. Затем 24 жерминаля были арестованы Серван, Леге, Деланд и Тартиво за то, что они возбудили дискуссию по продовольственному вопросу, «которая вызвала много волнений». Был также арестован, хотя и не замешанный в этом деле, некий Рике, старьевщик, едва умевший подписаться. 30 вантоза при перевыборах бюро собрания Рике заметил, что председательское кресло занимают почти всегда одни и те же граждане. «Я отнюдь не отрицаю их заслуг, талантов и способностей,— заявил он,— но не может быть, чтобы в секции столь многочисленной, как секция Ломбар, нельзя было найти граждан, столь же образованных, как те, за которых обычно голосуют». Рике был пойман на слове одним дурным шутником. Несмотря на его заверения, что он необразован и лишен необходимых способностей, он был выдвинут и избран председателем собрания [33]. Революционнй комитет секции Ломбар, направив Комитету общественной безопасности донос на Рике, проявил тем самым свое враждебное отношение к подлинным санкюлотам.

Бурные прения на общем собрании секции Ломбар отражали неизменность некоего общего состояния умов. Затруднения с проводовольствием, особенно с мясом, были по-прежнему столь же острыми, как в вантозе, и вызывали те же жалобы и те же беспорядки, что подтверждается протоколами комиссаров полиции. Впрочем, народное недовольство распространяется не только на торговцев, но и на власти, обязанные за ними наблюдать. 24 жерминаля в секции Общественного договора у дверей мясной лавки вдова Пьера Паделя заявила, что надо броситься на комиссаров, которые обязаны обеспечивать распределение мяса, и перебить их, «ибо они негодяи и виновны в том, что мы так страдаем».

Среди санкюлотов сложилось убеждение, что трудности с продовольствием можно устранить путем введения системы общего рационирования. Деланд выступил с таким предложением 20 жерминаля на общем собрании в секции Ломбар. Такая мера соответствовала эгалитаристским настроениям санкюлотов. Но это предложение могло быть встречено лишь резко отрицательно в такой момент, когда власти исподтишка восстанавливали привилегии торговцев и богатых. Это и случилось 26 жерминаля, когда секция Сите предложила Генеральному совету выдавать мясо гражданам каждой секции только по предъявлении хлебной карточки и *пропорционально их потреблению*. Секция предлагала распространить эту систему рационирования на яйца и масло. Пейан метал громы и молнии против депутации секции Сите: «Эбер тоже говорил о продовольствии, и чем больше он говорил о нем, тем меньше его становилось». Те, кто занимает народ разговорами о нехватке продовольствия, сами главные виновники этого; они клевещут на представительные органы и на должностных лиц, «измышляя, будто те не заботятся о питании граждан». За обвинением в *эбертизме* следует обвинение в федерализме: принятое секцией Сите постановление направлено на то, чтобы изолировать одни секции от других. «Что было бы, если бы каждая секция резервировала для себя те продукты, которые находятся на ее территории?» Постановление секции Сите было отменено как контрреволюционное [34].

Пейан несколько увлекся, критикуя столь резко меры, предложенные секцией Сите для распределения мяса. Кризис был так силен, что уже 29 жерминаля, через три дня после обвинительной речи национального агента против депутации секции Сите, Генеральный совет по докладу администраторов продовольствия муниципа-

лизировал торговлю мясом и установил общее рационирование мяса: мясников обязали каждые 5 дней выдавать гражданам прикрепленного к ним района «столько полфунтов мяса, сколько едоков указано в выданной на сей предмет карточке» [35]. Эта система не принесла полного удовлетворения. 23 флореаля Пейан отметил скопления народа у дверей мясных лавок, но он не нашел другого средства, кроме более строго контроля за распределением. Генеральный совет принял постановление в этом смысле, и Пейан заявил, что подобные меры будут приняты и в отношении распределения масла и других продовольственных товаров [36]. 26 флореаля в ответ на новые жалобы со стороны народного общества секции Хлебного рынка на распределение масла, яиц и сыра Пейан возложил ответственность за снабжение Парижа продовольствием на Комиссию торговли и снабжения. Муниципалитет, сказал он, отвечает только за распределение, он должен изыскать меры, способные обеспечить справедливое распределение с соблюдением порядка [37]. Муниципальные власти склонялись к этой системе общего рационирования, которую давно уже требовали санкюлоты как наиболее пригодную для обеспечения справедливого распределения. Но власти пришли к этому лишь после того, как они осудили санкюлотов секции Сите, и после того, как они добились ареста тех санкюлотов из секции Ломбар, которые предложили эти меры; отныне инициатива должна принадлежать только правительству и его должностным лицам. Через три дня после принятия постановления, установившего общее рационирование мяса, секция Сите обратилась к Коммуне с просьбой отказаться от обвинительной речи Пейана, но ей было отказано в такой реабилитации — она была бы *оскорбительной* для Генерального совета [38].

Рационирование не могло вернуть изобилия. Толпы народа по-прежнему стояли, особенно перед мясными лавками, и недовольство, хотя и более глухое вследствие усиления власти правительства, оставалось тем не менее весьма сильным. 29 флореаля по предложению Пейана Генеральный совет счел необходимым обратиться с прокламацией к жителям Парижа. Отчего такие скопления народа? Это происки злонамеренных, «аристократия радуется им». Совет признал, однако, что недостаток продуктов — не простая выдумка, поскольку он призывал лавочников самим позаботиться о своем снабжении [39]. Это значило обратиться с призывом к частной инициативе, поощряемой прибылью. Такой стиль должен был показаться странным санкюлотам, ибо их враждебность к торговцам не уменьшалась. Поскольку скопления народа все возрастали, депутация от секции Сплочения, явившаяся 3 прериаля в муниципалитет, возложила ответственность за это на самих торговцев, повинных в том, что они торговали только в течение нескольких часов. Пейан потребовал принятия строгих мер и еще раз выразил негодование по адресу *злонамеренных* [40]. Недуг был неизлечимым, противоречие было безвыходным. Потребители из народа требовали усиления строгости, более жесткого контроля над производством и

распределением. Их раздражали меры, направленные на защиту торговли и смягчение репрессий, которые Комитет общественного спасения все чаще применял после жерминаля. Эти меры не могли удовлетворить и коммерсантов, поскольку экономическое законодательство, таксация и реквизиции в основном сохранились и им приходилось терпеть их поневоле. И в этой области Революционное правительство оказалось весной II года как бы повисшим в воздухе: оттолкнув от себя санкюлотов, оно не привлекло на свою сторону буржуазию, более всего приверженную к экономической свободе.

Комитет общественного спасения не отказался от максимума, он не мог этого сделать, не подорвав курс ассигнатов. Но он смягчил его посредством премий и прибавок в пользу тех поставщиков, которые имели отношение к национальной обороне. Что касается потребителей, то хотя на предметы первой необходимости и были установлены твердые цены, правительство их не реквизировало; оно снабжало лишь хлебом, не регламентируя его распределение, которое было возложено на муниципалитет. С другой стороны, объявляя, что частным лицам отнюдь не запрещается получать продовольствие извне, приказывая арестовывать тех, кто стесняет торговлю рыночных торговцев, Комитет общественного спасения и Парижская коммуна создавали условия, благоприятные для подпольного рынка, и подрывали таксацию. Они таким образом оберегали производителей и торговцев, крестьян, ремесленников и лавочников, но это делалось в ущерб более бедным слоям парижской санкюлотской массы, в ущерб простым труженикам и наемным рабочим.

Но раз не соблюдается максимум на продукты, то как можно требовать соблюдения максимума заработной платы?

* * *

Народное недовольство продовольственным положением было тем более сильным, что оно сопровождалось огромным разражением в связи с вопросом о заработной плате.

До закона 29 сентября 1793 года об общем максимуме заработная плата устанавливалась свободно. Различные политические обстоятельства — падение Жиронды, защищавшей имущих и экономическую свободу, всенародное ополчение и рост военного производства, что, с одной стороны, суживало рынок рабочей силы, а с другой стороны, усиливало спрос на нее — привели к улучшению положения трудящихся и повлекли за собой общее повышение заработной платы. Это повышение, различное у разных профессий, не могло, однако, компенсировать роста цен на продукты первой необходимости. Если санкюлоты с начала 1793 года упорно требуют таксации цен на продукты, то петиции о таксации ставок заработной платы очень редки в это время. Мелкие лавочники и мастера-ремесленники, составлявшие значительную часть санкюло-

тов, не были, очевидно, заинтересованы в повышении заработной платы. К тому же трудящиеся опасались, как бы введение максимума заработной платы не свело на нет выгоды от максимума на продукты. Их экономическое и социальное положение и отсутствие профессиональной организации побуждали их больше требовать снижения цен, чем повышения заработной платы. Отсутствие классового самосознания приводило к тому, что подмастерья и рабочие вступали в союз с мастерами-ремесленниками и мелкими лавочниками, вместо того чтобы объединяться против хозяев.

Стремясь закрепить благоприятное для трудящихся соотношение между ценами и заработной платой, закон от 29 сентября 1793 года увеличил ставки заработной платы наполовину по сравнению со ставками 1790 года, тогда как цены были увеличены только на одну треть [41]. Однако установление твердых ставок заработной платы должно было сократить то номинальное повышение, которого трудящиеся добились в предыдущие месяцы. Боязнью вызвать недовольство рабочих и объясняется тот факт, что так называемая *эбертистская* Коммуна не проводила в жизнь статью VIII закона от 29 сентября. Коммуна настолько медлила с составлением общей таблицы ставок поденной заработной платы, что так и не опубликовала ее до своего падения. Под давлением санкюлотов она проводила политику, явно благоприятную для трудящихся и потребителей, применяя максимум на продовольствие и в то же время игнорируя твердые ставки заработной платы настолько, что даже не соблюдала закона. Учитывая эту классовую позицию, понятно то удовлетворение, с которым имущие и производители встретили падение Эбера и Шометта.

О росте заработной платы зимой II года свидетельствуют многочисленные полицейские донесения. Согласно донесению Гривеля от 13—14 нивоза, возчики, кучера фиакров, рабочие и чернорабочие-сдельщики, «все решительно требуют платы сверх положенной им по закону». Трубочисты дошли до того, что хотят получать вдвое больше, чем им положено. Рабочие, которые распиливают и доставляют дрова, требуют 8 ливров за доставку повозки дров, за которую раньше брали 1 ливр 4 су [42]. Такие же замечания мы находим и в донесении Гривеля от 28 нивоза. Рабочие не только не потеряли от настоящего положения, «они, напротив, много выиграли и продолжают выигрывать»; предметы первой необходимости, вроде хлеба, мало вздорожали, тогда как их заработная плата увеличилась втрое или вчетверо; рабочий или рассыльный, получавший за рабочий день 4 или 5 ливров, теперь получает 20—24 ливра, а иногда и больше. Если верить донесению Сире от 3 плювиоза, люди наемного труда, пользуясь нехваткой рабочих рук, требуют *чрезмерной* платы; чернорабочие, рассыльные, поденщики требуют теперь в Париже 100 су за такую работу, за которую в предыдущем году 10 су считались щедрой платой [43]. Здесь, конечно, надо учесть элементы преувеличения и зависти. Тем не менее верно то, что начиная с лета 1793

года люди наемного труда, пользуясь экономическими и политическими обстоятельствами, улучшили условия своего существования.

После того как 4 жерминаля казнили группу кордельеров, а через 20 дней — Шометта, после чистки Коммуны, после того как народное движение сначала обуздали, а затем подавили, новая позиция Революционного правительства отразилась и на политике заработной платы. Так же как Комитет общественного спасения стремился успокоить торговцев путем ослабления системы контроля и репрессий, точно так же он добивался восстановления в пользу хозяев того традиционного социального равновесия, которое одно время могло показаться нарушенным в пользу наемного труда. Эта благоприятная для имущих и производителей политика проводилась за счет трудящихся и потребителей: классовые интересы правительственных властей окончательно одержали верх над другими соображениями. Эта политика, которой суждено было еще более углубить ров, вырытый драмой жерминаля между народным движением и Революционным правительством, проявилась сначала в твердой решимости подавить любые рабочие волнения.

В самом деле, волнения начались в первые дни флореаля. Они были вызваны новым вздорожанием продовольствия, последовавшим за опубликованием нового максимума и за ослаблением контроля. Чтобы восстановить равновесие, рабочие требовали повышения заработной платы, но власти проявили твердое намерение сохранить ее стабильной. В ответ на требования рабочих последовали полицейские репрессии. 2 флореаля делегация терщиков табака с мануфактуры Робийара явилась в Генеральный совет в сопровождении примерно 200 рабочих. Помощник национального агента заявил им, что «поскольку размеры их заработной платы являются лишь следствием их соглашения с частным лицом, то это их дело договориться с гражданином, который их нанимает». Это значило предоставить установление заработной платы свободной игре спроса и предложения. Пейан стал на точку зрения охраны общественного порядка и потребовал применения закона Ле Шапелье о профессиональных объединениях; дело было передано в Управление полиции [44]. Опасались, что на следующий день скопления народа не прекратятся; пять арестов покончили с попыткой терщиков табака [45]. Грубый характер этих репрессий не мог ускользнуть от внимания правительственных деятелей. На полях рапорта Бюро полиции от 5 флореаля Сен-Жюст сделал следующую пометку: «Написать полиции о необходимости выяснить виновников скопления и законность требований, разъяснив ей, что надо устранять причины скоплений и воздать справедливость тем, кому следует» [46].

С тех пор волнения не прекращались, охватывая различные профессии одну за другой. Донесение службы надзора полиции от 12 флореаля отмечает, что сборища подручных пекарей продолжаются; они соглашаются работать только за 5 ливров в день на хозяйских харчах [47]. На следующий день муниципалитет принял постановле-

ние с целью положить конец этим требованиям: всякий подручный пекаря, который потребует заработной платы выше установленной законом (причем размеры этой платы не были уточнены), или потребует дополнительной порции мяса, или покинет своего хозяина, не предупредив его за месяц, будет считаться подозрительным [48]. Это постановление не покончило сразу же с волнениями. 14 флореаля около семи часов вечера на набережной Валле опять собралось около 40 подручных пекарей [49]. Между тем движение захватило подручных колбасников. 18 флореаля они доложили Генеральному совету, что нехватка продуктов для этой профессии обрекает их на ужасающую нищету [50].

Движение распространяется теперь и на портовых рабочих. 13 флореаля грузчики и другие поденные рабочие отказались работать, «говоря, что они хотят увеличения оплаты». Некоторые из них были арестованы [51]. На следующий день поденные рабочие, занятые на сплавном лесе, сделали вид, что работают. «Но вдруг эта притворная работа прекратилась, порты опустели и разгрузка не производилась. Единственной причиной этого беспорядка,— подчеркивается в донесении,— является материальный интерес; лесоторговцы, говорят они, не хотят давать им той платы, которой они требуют, и даже, наоборот, хотят снизить ее». В этот день было арестовано 17 или 18 поденных рабочих [52]. Еще 9 флореаля муниципалитет принял постановление, которое приравнивало подобные попытки коалиции к возрождению корпораций и обличало их как покушения на свободу труда. 14 флореаля Генеральный совет обратился к бюро общих собраний с призывом «просветить наших братьев рабочих относительно происков предателей, использующих все средства, дабы нарушить ту гармонию, которая должна царить между нами» [53]. Это ничего не дало. 16 флореаля снова были арестованы 2 рабочих на пристани Рапе [54]. Анрио в своем приказе заклеймил портовых рабочих, которые не являются образцом того, как следует переносить лишения, столь привычные для *бедных санкюлотов-демократов* [55].

К середине прериаля недовольство среди рабочих, занятых на военном производстве, приняло особенно опасный характер. Так как они считались мобилизованными и находились под строгим наблюдением правительственных агентов, у них не было возможности, добиваясь повышения своей заработной платы (установленной декретом и упорно сохраняемой на уровне ставок максимума), индивидуально покидать свои мастерские; им оставалось лишь прибегнуть к коалиции и забастовке, которые были запрещены законом. У них были серьезные основания для недовольства. Рабочий — специалист первого разряда оружейной мануфактуры зарабатывал 16 ливров 10 су, рабочий второго разряда — 8 ливров 5 су, между тем как свободные рабочие, простые чернорабочие, рассыльные, водоносы зарабатывали до 24 ливров в день [56]. Волнения рабочих военных предприятий, которые в вантозе слились с общим движением санкюлотов и попыткой руководителей кордельеров, возобновились к середине прериаля. 19 прериаля Комитет общественного спасения приказал арестовать вожаков. Революционный комитет секции Гренельского фонтана арестовал 23 прериаля Луи Барра «как смутьяна и по подозрению в том, что он отказался подчиниться закону относительно оплаты оружейных рабочих в мастерской якобинцев». 24 прериаля этим же комитетом были арестованы двое рабочих «оружейной мастерской фирмы Эне на улице Доминик как зачинщики волнений в упомянутой мастерской» [57]. 22 прериаля Барер перечислил в Конвенте ряд волнений на предприятиях, производящих ассигнаты, порох и оружие; в результате своевременно принятых суровых полицейских мер эти движения были подавлены; в мастерской ассигнатов было арестовано трое зачинщиков, 21 прериаля на пороховой фабрике было арестовано несколько рабочих, которые хотели прекратить работу до установленного регламентом часа. На основании этого доклада Конвент поручил общественному обвинителю Революционного трибунала преследовать «контрреволюционеров, прибегающих к преступным махинациям в мастерских, производящих ассигнаты, оружие, порох и селитру», которые он поставил под непосредственное наблюдение Комитета общественного спасения [58].

В то время как правительственные власти вступили на путь репрессий, муниципальные власти проявили намерение снизить заработную плату. 19 прериаля муниципалитет постановил, что заработная плата рабочих, занятых на складах отходов зерна, будет выплачиваться из расчета не более 3 ливров в день (в то время на двух складах из трех рабочие получали 4 ливра). Несмотря на жалобы, муниципалитет оставил свое постановление в силе [59]. Доклад муниципалитета от 25 прериаля об упразднении товарных выставок включает следующий отрывок, раскрывающий намерения властей в вопросе заработной платы: «В наших мануфактурах не хватает рабочих рук, богатые урожаи вскоре потребуют их повсюду... Пусть женщины заполнят наши мастерские, пусть снова возьмут в руки иглу, карду и веретено; пусть займутся обработкой сырья... Лишь увеличив число рабочих, мы добьемся снижения чрезмерной оплаты рабочей силы» [60].

К концу прериаля рабочие волнения приобретают общий характер и охватывают многие профессии. Во многих мастерских рабочие-плотники требуют увеличения заработной платы. 24 прериаля плотники, работавшие на предприятии Луи Баллю (улица Гранж-о-Белль) и получавшие 6 ливров в день, потребовали 8 ливров, угрожая в противном случае, что *все единодушно* покинут мастерскую [61]. Перед лицом такого общего движения хозяева-плотники, взявшие подряды на работы для республики, заявили, что они снимают с себя ответственность за возможные опоздания с исполнением заказов. Некоторые из них признались, что дали требуемую прибавку, но своим заявлением надеются «оградить себя от превышения мак-

симума, на которое согласились лишь ради того, чтобы выполнить свои обязательства в отношении Республики» [62]. Таким образом, требования рабочих отражаются на ходе работ, необходимых для национальной обороны. Согласно докладу Бюро полиции от 30 прериаля, революционный комитет секции Попенкур заявил, что он не в состоянии довести до конца предпринятые работы для республики ввиду *непомерного повышения оплаты*, затребованного рабочими [63]. Такое положение не могло не встревожить Комитеты, озабоченные прежде всего мобилизацией всех сил для войны.

Волнения не прекратились и в мессидоре. 1 мессидора Анрио в своем общем приказе выступил с обвинениями против рабочих *всех профессий*, которые собирались в публичных местах и у дверей мастерских, чтобы подстрекать своих товарищей бросить работу [64]. В рапорте Бюро полиции от 18 мессидора сообщается о жалобе владельцев парижских фаянсовых предприятий — их рабочие решили не работать, «если им не будут платить вдвое больше, чем они получали в 1790 году, и угрожают тем, кто не будет сообразовываться с их решением». На полях рапорта Сен-Жюст сделал пометку: «Направлено общественному обвинителю при Революционном трибунале» [65]. Движение рабочих, требовавших повышения заработной платы, тем более ширилось, что некоторые хозяева предпочитали удовлетворить требования своих рабочих, нежели закрыть мастерские. Революционный комитет секции Муция Сцеволы объяснял волнения в одних мастерских прибавкой, полученной в других [66]. Движение захватило даже рабочих типографии Комитета общественного спасения. 19 мессидора комитет приказал арестовать трех служащих типографии «Бюллетен дэ луа», которым было предъявлено обвинение, что «они насильно заставили своих товарищей покинуть работу до установленного часа и до того, как работа была закончена» [67].

Волнения рабочих, требовавших повышения заработной платы, упорно продолжались. Комитет общественного спасения не мог уступить в этом вопросе, не согласившись одновременно и на повышение твердых ставок на предприятиях, занятых производством вооружения; это означало бы усиление финансовых трудностей, углубление экономического кризиса и нарушение социального равновесия в ущерб буржуазии. Комитет отказался пойти по этому пути. Мог ли он поступить иначе? Поэтому он прибег к репрессиям. В докладе, направленном Пейаном в мессидоре в Бюро полиции, он спрашивал, должен ли он направить в Революционный трибунал для привлечения к ответственности рабочего, который, будучи мобилизован, ушел с работы «под предлогом, что он недостаточно зарабатывал» [68]. Это социальное движение было тем более опасно для Революционного правительства, что оно переплеталось с политическим волнением, вызванным среди секционных деятелей реакционными мерами, направленными против их секционных организаций и их народной политической практики.

3. *Политический кризис*

Ожесточенные тяжелыми материальными условиями своего существования, санкюлоты не находили почти никакого удовлетворения в осуществлении своих политических прав.

Будучи хозяевами общих собраний секций, они до зимы II года выбирали должностных лиц, в частности членов различных комитетов. Автономия секций сделала возможным развитие активной политической жизни и прямой демократии, что сильно привязало санкюлотов к революционной системе. Возникала, однако, одна политическая проблема. В какой мере санкюлотская демократия совместима с установлением буржуазного революционного правительства, которое решило посредством *принудительной* силы и террора восстановить престиж государства и навязать всем, в том числе и санкюлотам, необходимые для общего блага жертвы? Как будут решать эту организационно-политическую проблему Комитеты, было совершенно ясно. Это решение наметилось еще осенью 1793 года, когда революционные комитеты были очищены и обновлены после народного движения 4—5 сентября и Комитет общественной безопасности старался подчинить их своему контролю. Осуществление этого решения, однако, задержалось, ибо необходимо было считаться с санкюлотами в то время, когда Революционное правительство еще недостаточно укрепилось. Другим фактом, задержавшим осуществление этого решения, были усилия Коммуны поставить революционные комитеты под опеку Генерального совета, что нашло свое выражение, в частности, в попытке Шометта во фримере.

Вопрос был решен декретом от 14 фримера о форме временного революционного управления. Хотя статья 9 раздела II, озаглавленная «Исполнение законов», сохраняя прямую связь (*без каких бы то ни было посредников*) между революционными комитетами и Комитетом общественной безопасности в соответствии с законом о подозрительных лицах, не вносила ничего нового, однако она положила конец притязаниям Коммуны. Особенно важно то, что статья 2 раздела II ставила установленные власти и всех должностных лиц под непосредственный контроль Комитета общественного спасения. Статья 1 раздела IV, озаглавленная «Реорганизация и чистка установленных властей», уполномочивала этот Комитет принимать необходимые меры для изменения организации установленных властей. Декрет 14 фримера вполне ясен. Но Комитет общественного спасения мог дать ему только такое толкование, которое ограничивало народные свободы в том, что касается секционных властей. Однако при проведении в жизнь декрета наблюдались некоторые колебания, пока народное движение еще обладало некоторой силой. Но когда оно было подавлено — после казни руководителей кордельеров, — ничто не препятствовало более осуществлению требований правительственных комитетов; после жерминаля, присвоив себе право

назначения всех должностных лиц, Комитет общественного спасения упразднил выборы, уничтожив, таким образом, один из основных аспектов санкюлотской демократии. Это была еще одна обида для санкюлотов.

В плювиозе Коммуна еще оспаривает у правительства право назначения членов революционных комитетов. Когда в секции Марата один из комиссаров подал в отставку, общее собрание произвело его замещение посредством выборов. Явившись в Генеральный совет, вновь избранный подвергся разносу; ему было заявлено, что Коммуна имеет право назначать непосредственно, без содействия секции. «Принадлежит ли право замещения членов революционного комитета секции исключительно Коммуне?» [69] — с таким вопросом обратился 8 плювиоза в Комитет общественного спасения Моморо, председатель секции Марата. До нас не дошел ответ Комитета. Когда начался кризис и стали применяться репрессии, Комитет общественного спасения воспользовался этим, чтобы внести ясность в вопрос о своих полномочиях. Декрет от 23 вантоза, принятый по докладу Сен-Жюста, предоставлял Комитету временные полномочия для замещения установленных властей. Декрет от 27 вантоза, принятый по предложению Бурдона из Уазы, поручил обоим Комитетам произвести чистку установленных властей Парижа [70]. Вооружившись этими двумя декретами, Комитет общественного спасения приступил собственной властью к назначению членов очищенного Генерального совета, игнорируя право общих собраний на избрание своих представителей в Коммуну. Это не могло не вызвать недовольства секций. Гораздо хуже стало, когда Комитет общественного спасения начал производить назначения самих секционных властей.

В этом установлении своей опеки над секционными властями Комитет общественного спасения пользовался активной поддержкой очищенной Коммуны, и особенно национального агента Пейана. Властный, не доверявший общим собраниям и народным обществам, Пейан полностью отвечал интересам Комитета: он относился с подозрением к санкюлотской демократии. Разве не считал он *аморальным* возмещение в 40 су, предоставленное трудящимся, чтобы дать им возможность участвовать в общих собраниях? Пейан пристально наблюдал за персоналом секций, стремясь ограничить узкими рамками политические права санкюлотов. Он собирал сведения о гражданской благонадежности революционных комиссаров в строго якобинском смысле этого слова. Например, в секции Финистера, по словам его осведомителя, из 12 членов комитета семь — отличные патриоты, двое — слабы, а трое должны быть заменены Революционным правительством, «ибо если эти назначения будут произведены секцией, то общественная польза, являющаяся целью этих назначений, безусловно, не будет достигнута» [71]. Эта опасность не ускользала от внимания национального агента; он приложил старания к тому, чтобы контролировать, если не полностью упразднить, выборы секционных властей общими собраниями.

Секции желали собираться для избрания должностных лиц не в дни, установленные регламентом. Пейан упорно отказывал им в этом. Он пишет по этому вопросу 29 жерминаля Комитету общественного спасения, что закон решает этот вопрос совершенно определенно и что это значило бы восстановить непрерывность заседаний секций, которую закон хотел уничтожить. К тому же «эти выборы производились бы только богатыми, так как бедные могут без труда присутствовать на собраниях только по пятым и десятым дням декады — в дни, когда они получают возмещение» [72]. Фальшивый аргумент со стороны человека, пометившего в своей записной книжке относительно этого возмещения: «Аморальная плата, предложенная Дантоном»[73]. Комитет общественного спасения одобрил действия национального агента [74].

Добившись своего в этом первом вопросе, Пейан пошел дальше. Секции имели обычай, когда они производили выборы, называть себя первичными собраниями; таким образом они утверждали принцип своего суверенитета. «Это ошибка, которую достаточно дать вам заметить, чтобы быть уверенным, что она будет исправлена»,— писал Пейан 16 флореаля общему собранию секции Предместья Монмартр; при Революционном правительстве нет первичных собраний, признают только общие собрания [75]. Иначе говоря, при наличии Революционного правительства осуществление народного суверенитета прекращается. Пейан постарался подорвать демократию, по крайней мере ту, которая практиковалась в секциях; он восстановил для выборов на должности тайное голосование, которое санкюлоты всегда разоблачали как благоприятствующее интригам контрреволюционеров. 1 мессидора на основании заключения заместителя национального агента Генеральный совет кассировал выборы, произведенные с целью пополнения состава гражданского комитета и благотворительного комитета секции Друзей отечества: выборы были произведены «путем выкриков, а не голосования, как того требует закон» [76]. Очищенная Коммуна стремилась подчинить санкюлотов правилам буржазной демократии.

Если Комитет общественного спасения, поддержанный Коммуной, но вынужденный кое с чем считаться, не осмелился упразднить выборы законодательным актом общего характера, то все же на практике он старался подменять собрания секций. Декрет от 14 фримера дал ему возможность смещать установленные власти, декреты 23 и 27 вантоза дали возможность замещать их. Комитет присвоил себе право назначения не только членов революционных комитетов, но и всех должностных лиц секций, вплоть до комиссаров по делам благотворительности.

10 жерминаля Барер сообщил Конвенту, что Комитет общественного спасения обновил революционный комитет секции Марата: «Мы выполнили с лихвой обязанности, официально возложенные на нас вашими декретами» [77]. 30 жерминаля на основании этих же декретов 7 революционных комиссаров секции Арси были смещены

без указания каких-либо мотивов, а затем заменены другими без всякого обращения к общему собранию [78]. Обновленный наблюдательный комитет ограничился тем, что сообщил 5 флореаля общему собранию «о своем назначении Комитетом общественного спасения на это место» [79]. 15 прериаля были также смещены и заменены другими три комиссара секции Марата без каких-либо объяснений общему собранию [80].

Комитет общественного спасения не всегда действовал так грубо. Несмотря на бдительный надзор его Бюро полиции, он не мог знать всех патриотов в секциях. Когда в комитетах освобождались должности в результате отставки или по другим причинам, Комитет общественного спасения чаще всего принимал те кандидатуры, которые ему предлагали. Эти предложения, однако, никогда не исходили от общих собраний, а от самих революционных комитетов, лояльность которых была вне подозрений, или от властей Коммуны, которые вели регистрацию способных и надежных кандидатов на должности. 6 флореаля революционный комитет секции Французских гвардейцев предложил кандидатами на вакантные должности трех граждан, *известных своей гражданской благонадежностью* [81]. 6 термидора заместитель национального агента Любен предложил Комитету общественного спасения назначить Виеля, брючника, доброго патриота, членом революционного комитета секции Горы [82]. Каковы бы ни были различия отдельных случаев, результат был всегда один и тот же: общие собрания были лишены права назначения своих революционных комиссаров.

Эта политика еще могла быть оправдана нуждами Революционного правительства, особенно после принятия закона от 22 прериаля, усилившего террор: революционные комитеты были основным элементом репрессивного аппарата. Упразднение выборов в гражданские комитеты секций более знаменательно как выражение заветной мысли правительственных деятелей и их инстинктивно враждебного отношения к санкюлотской демократии; гражданские комитеты занимались исключительно административными делами, и полномочия их были строго ограничены. Тем не менее их назначение было изъято из ведения общих собраний. Когда два комиссара ушли в отставку, гражданский комитет секции Неделимости запросил 9 флореаля Комитет общественного спасения, «каким образом будет произведено замещение этих двух граждан и не будут ли привлечены кандидаты из числа заместителей» [83]. Видя, что секции не уверены в своих правах, Пейан ловко уклонился от ответа: он не мог прямо отрицать за собраниями право назначать своих гражданских комиссаров. Так как некоторые секции просили разрешения собраться для этой цели, национальный агент ответил им 1 прериаля, что сначала должен быть доказан факт освобождения места: «Только на основании этих документов муниципалитет может судить, следует ли считать должность вакантной на законном основании и мог ли тот, кто уходит, подать в отставку и, следовательно, создать возможность замещения» [84]. Но Пейан не уточняет, однако, как произвести это замещение. Секция Санкюлотов боялась, как бы Коммуна не присвоила себе этого права, и напрасно, ибо покорность Пейана Комитету общественного спасения не вызывает никаких сомнений. 10 прериаля после зачтения его письма общее собрание секции Санкюлотов, «убежденное в том, что по революционным законам Комитет общественного спасения является единственным, главным центром всего развития Республики, вокруг которого объединяются и который должен быть источником всех моральных и политических сил», запрашивает Комитет, должно ли оно сообразовываться с письмом Пейана «или же, наоборот, оно должно представить Комитету общественного спасения просьбы об отставке и другие вакансии общественных должностей секции и ожидать назначений и замещений» [85]. Секционные борцы сами отрекаются от своих прав. Когда в гражданском комитете освободилось два места, та же секция послала 15 мессидора Комитету общественного спасения список четырех кандидатов, чтобы он выбрал тех, кого сочтет удобным назначить; одновременно секция сообщает ему о назначении трех членов благотворительного комитета на предмет утверждения этого назначения. Комитет со своей стороны обратился к национальному агенту, который пользовался его доверием, — 27 мессидора Комитет запросил у него сведения «о патриотических заслугах кандидатов» [86].

После комитетов контроль Революционного правительства распространился и на других должностных лиц, избиравшихся общими собраниями. 27 прериаля национальный агент обратился в Комитет общественного спасения с просьбой назначить временно исполняющего обязанности мирового судьи для секции Елисейских полей вместо прежнего, который незадолго до того был арестован [87]. Более важное значение в глазах Революционного правительства имели офицеры национальной гвардии, назначение которых общие собрания всегда осуществляли путем выборов. Правительственным властям нужны были верные люди во главе вооруженных сил, и они стали назначаться Комитетом общественного спасения. Когда помощник командира вооруженных сил секции Сплочения был назначен жандармом при трибуналах, секция запросила 21 флореаля, может ли собрание назначить его преемника или он должен быть назначен Комитетом [88]. Этот вопрос был решен Законодательным комитетом. Когда дисциплинарный суд и общее собрание секции Единства сместили командиров вооруженных сил секции, Комитет общественного спасения переслал дело в Законодательный комитет, который высказался 5 прериаля [89]. Провозгласив, что Революционное правительство будет находиться у власти до заключения мира, Конвент хотел придать ему «ту силу принуждения, которая является принципом управления и исполнения»; этим объясняются положения декрета от 14 фримера, особенно те, которые предоставляют Комитету общественного спасения полномочия проводить чистку и

реорганизацию установленных властей. «Он один должен выполнять эту важную функцию, а те, кто узурпирует ее осуществление, действуют в нарушение закона». Следовательно, решение дисциплинарного суда, подтвержденное общим собранием секции Единства, неправильно; эти два органа действовали вместо Комитета общественного спасения, приписав себе революционную власть; их решение должно быть *аннулировано*. Расширяя предмет обсуждения, Законодательный комитет ставит вопрос, которого не разъяснил декрет от 14 фримера: кто должен назначать командиров национальной гвардии во время действия полномочий Революционного правительства? Согласно смыслу закона и духу правления, это право назначения принадлежит исключительно Комитету общественного спасения. «Если вооруженные силы — это рука правительства, кто вправе утверждать, что те, кто ими командует, не должны избираться правительством, раз они являются лишь его исполнителями?» Законодательный комитет возвел в принцип, что «только Комитет общественного спасения может выбирать и подвергать чистке командиров и офицеров национальной гвардии Республики всех рангов».

Такая система логически приводила к лишению общих собраний одного из их основных прав — права назначения должностных лиц секции. Санкюлоты больше всего дорожили этим правом; их раздражение против Революционного правительства соответственно усилилось.

* * *

Упразднение выборов и приведение к повиновению общих собраний не прошли, однако, без многочисленных актов сопротивления. Объектом неприязни народа стали главным образом революционные комитеты, которые были наиболее действенным орудием проведения правительственной централизации.

Жалобы общих собраний на революционные комитеты начались еще до вантозского кризиса, так как комитеты мало-помалу привыкали действовать как хозяева в своих секциях. Так было еще 25 фримера в секции Республики, где граждане на общем собрании потребовали смены комиссаров, «потому что они вели себя как деспоты» [90]. Напряжение в отношениях между собраниями и комитетами усилилось после жерминаля, хотя арест руководителей кордельеров и последовавшие репрессии на время заставили жалобщиков замолчать. Жалобы возобновились в прериале и вызвали волнения в различных секциях. Волнения в секции Арси были настолько сильными, что вызвали прибытие туда Пейана. Уполномоченный Комитетом общественной безопасности национальный агент выступил с проповедью согласия и осуждения неопределенных обвинений [91]. Более точный характер имело обращение общего собрания секции Елисейских полей к Комитету общественного спасения от 10 прериаля. Обращение содержало протест против произведенных

революционным комитетом после дела Эбера арестов «граждан — отцов семейства, известных своим патриотизмом, живущих плодами своих трудов». Одного из них обвинили в фальсификации текста постановления собрания: «Если бы такой факт имел место, только общее собрание имело бы право разбирать это дело и принимать по нему решение». Революционные комитеты должны заниматься только контрреволюционными преступлениями; такая власть «не только не будет полезной для свободы, а будет лишь стеснять ее, предоставляя 12 гражданам право руководить общими собраниями секций». В противовес безграничной власти комитетов собрание секции Елисейских полей выдвинуло принцип суверенности секций. Оно требовало смещения комитета за произведенные им произвольные аресты [92]. Комитет секции Елисейских полей не был смещен: это значило бы подорвать основы Революционного правительства и его власть.

Революционные комитеты использовали обвинение в *эбертизме*, чтобы погубить тех, кто не хотел терпеть их опеки. Когда им не удавалось подчинить себе народные общества и через их посредство общие собрания, комитеты применяли обычные аргументы: общими собраниями руководят, мол, сторонники Эбера, а народные общества являются секционными. Конечно, умеренные и аристократы *смотрели на эту борьбу с ликованием; вскоре они сами будут* ее разжигать. Правительственные власти и революционные комитеты не отдавали себе отчета в том, что, свирепствуя против санкюлотов, они льют воду на мельницу контрреволюции.

В конце мессидора умеренные стали опять укреплять свои позиции в общих собраниях, используя удары, нанесенные народному движению правительственными властями и революционными комитетами. Классовые корни этой двойной оппозиции (умеренных и санкюлотов.— *Ред.*), подрывавшей самые основы Революционного правительства, очевидны. Комитеты и секционные должностные лица, с тех пор как правительство подчинило их своему контролю, набирались в основном из мелкой буржуазии якобинского направления, тогда как народные элементы в собственном смысле этого слова мало-помалу исключались из их состава. Но нельзя не отметить, однако, и мотивов другого порядка: располагая неограниченной властью и будучи фактически несменяемыми, революционные комитеты были склонны злоупотреблять ею. Это было причиной трений и столкновений, порождавших злобу и ненависть. В начале мессидора некий Буен из секции Тампля послал в Комитет общественной безопасности свои «Соображения о злоупотреблениях властью» революционных комитетов. Обстоятельства вынудили отбирать комиссаров из среды граждан, не привыкших к осуществлению власти и тем более склонных злоупотреблять ею, «что в силу неотесанности многих из них они не привыкли с чем-либо считаться, и вдобавок обстоятельства как будто позволяют рассчитывать на безнаказанность». Отсюда всякого рода несправедливо-

сти и сведение личных счетов, покрываемые согласием всех комиссаров, что придает им в глазах Комитета общественной безопасности «видимость правосудия, одобренного беспристрастными людьми». Следствием этого является теперь «скрытое, но довольно широко распространенное недовольство народа, который при первом же случае легко склонится в пользу нового порядка вещей». Пророческое провидение!.. Чтобы восстановить доверие санкюлотов к комитетам и то патриотическое единство, которое было силой народного движения, Буен предлагает, чтобы комитеты избирались под контролем Комитета общественной безопасности собраниями секций [93]. Предложения Буена уже запоздали. Комитет общественного спасения изъял у Комитета общественной безопасности право назначения революционных комитетов и контроля за ними. Особенно важно то, что взаимное доверие между санкюлотами и Революционным правительством было бесповоротным образом утеряно.

4. *Репрессии против санкюлотов*

Проведение политики репрессий против секционных деятелей, обвиняемых в *эбертизме* (вернее было бы сказать, в санкюлотизме), способствовало после жерминаля ухудшению отношений между народным движением и правительственными комитетами. *Эбертизм* оказался удобным словом, позволявшим поразить секционных борцов, по-прежнему приверженных к политической системе, в которой они занимали определенное место. Недоверие, а затем раздражение и глухая оппозиция народных слоев вызывали беспокойство в правительственных комитетах, особенно в Комитете общественного спасения, который определенно восторжествовал и благодаря своему Бюро полиции дополнил административный надзор контролем общей полиции. Таким образом, социальный выбор, совершенный Революционным правительством, становится все более очевидным. Паш, ставший его жертвой, отметит это в V году: «Полагали... что для обеспечения Республики и Конвента надо избавиться от людей из народа, неугодных среднему классу, что такой операцией можно привлечь этот класс, который своей массой обеспечит стабильность в делах и устойчивость Конвента»[94]. Этот расчет оказался ошибочным.

Паш был арестован 21 флореаля. Его не тронули в вантозе, когда его арест окончательно дезориентировал бы санкюлотов, но он оставался опасным, поскольку недовольство продолжало существовать: вокруг него могли объединиться секционные борцы, и их оппозиция могла бы обрести материальную силу. Но процесса Паша не было — это был бы суд над народным движением[95].

Из всех этих арестов по обвинению в эбертизме самым знаменательным (по важности фигуры) является арест Булана, одного из

руководителей секции Финистера. Этот эпизод характеризует упорное сопротивление, которое секционные деятели и организации оказывали попыткам их подчинения. Секцией Финистера руководило общество Лазовского. Революционный комитет тщетно оказывал сопротивление обществу: руководимое комитетом по чистке, оно диктовало свои решения общему собранию и, пренебрегая отношением правительства к секционным обществам, отказывалось самораспуститься. Еще 8 мессидора революционный комитет доносил национальному агенту Коммуны о вожаках «так называемого» комитета по чистке общества Лазовского, хотя само общество к тому времени было распущено. В этом комитете «подготавливались все стычки, там раздавали должности членам общества или добивались для них мест... там собирались накануне собрания секции и устно договаривались провести на общем собрании то или иное предложение, благоприятное для интриганов». Руководителями общества, а через него и секции были Жанси, муниципальный служащий, утверждавший, что общество будет продолжать свое существование вопреки якобинцам и Конвенту, некий Жюинье, Кабон и особенно Булан, судья в трибунале второго округа [96]. За Буланом из-за его крайних взглядов давно уже было установлено наблюдение революционного комитета, который еще во флореале выступал против него с обвинениями. Он имел обыкновение метать громы в общем собрании против торговцев. В сентябре 1792 года он будто бы утверждал, «что так как народ суверенен, он требует приостановить заседания судов и будет сам вершить суд». Это были обычные речи санкюлотов, отражавшие их отвращение к торговле, а также их представление о народном суверенитете. Булан господствовал также в общем собрании. Жерминальские репрессии не устрашили его. Он не только не стал умереннее, но продолжал упорствовать в своей оппозиции по отношению к политике правительства. 22 прериаля член Генерального совета Мерсье утверждал в записке, адресованной Пейану, что секцию Финистера постоянно будоражит клика дезорганизаторов «под прикрытием ультрареволюционного патриотизма» и что главный вожак — Булан. «Этот автор предложений в духе Жака Ру метал с трибуны громы против так называемой торговой аристократии и неоднократно пытался опаснейшими провокациями ввести в заблуждение многих мало просвещенных граждан секции» [97].

Почувствовав поддержку национального агента, революционный комитет возобновил атаку. 23 прериаля он передал Комитету общественной безопасности полученные им доносы на Булана. 27 прериаля он шлет доклад в Бюро полиции Комитета общественного спасения [98]. 29 прериаля он шлет обоим Комитетам «обзор морального и политического поведения» Булана. К ранее изложенным обвинениям добавляется обвинение в том, что в конце вантоза он выступил в обществе Лазовского с требованием освободить Эбера, Моморо, Венсана и других [99]. Несмотря на этот усиленный

натиск, Булана еще не беспокоили; его позиции в секции Финистера были слишком сильными. В своей записке от 22 прериаля Мерсье подчеркивал, что Булану удалось благодаря своему *коварному* красноречию создать себе партию, «к которой даже примкнули — конечно, по заблуждению — некоторые мало просвещенные члены революционного комитета. Эта клика с ожесточением напала на революционеров 1789 года, слишком чистых в своей честности и патриотизме, чтобы принять дезорганизаторские принципы». Мерсье советовал действовать осторожно, «ввиду того что некоторые члены комитета, примкнувшие к партии оппозиции, мешают действовать и сводят на нет принимаемые меры своей болтливостью в пользу клики». В конечном счете политическая смелость Булана, с одной стороны, и общая чистка парижских трибуналов — с другой, *повлекли за собой гибель вожака санкюлотов*. 5 мессидора Булан провел в общем собрании секции Финистера решение о том, что открытие храма Всевышнего будет начато чтением законов, но также доклада Вадье о деле богоматери. Постановление от 8 мессидора разбило эту попытку. Булан был арестован 12 мессидора. 8 мессидора Комиссия гражданской администрации направила в Комитет общественного спасения обвинения против него и других председателей и членов парижских трибуналов, которых постигла *такая же судьба* [100]. *Дело богоматери было лишь предлогом. Истинная* причина ареста Булана заключалась в его экстремистском поведении. Под его руководством «секцию Финистера вела за собой клика дезорганизаторов», то есть группа борцов, сопротивлявшихся правительственной политике подчинения и верных народным устремлениям.

Дела революционных комитетов секций Единства и Неделимости были еще серьезнее, чем дело Булана: они показали Комитетам, что *эбертизм* разъедает правительственный аппарат. Будучи вначале выбраны общими собраниями и оставшись на своих должностях, многие комиссары сохранили образ мыслей и поведение санкюлотов, к которым они принадлежали. Пока народное движение было передовым отрядом, на который опиралось правительство в своей политике, никаких противоречий между стремлениями комиссаров и их обязательствами, вытекавшими из подчинения Комитетам, не ощущалось. После жерминаля, когда политическая и социальная реакция обретает более четкий характер, положение *комиссаров становится более трудным. Сохранят ли они верность* той среде, из которой вышли? Станут ли они более чем когда-либо пассивным орудием в руках правительства? Комитет общественного спасения отдавал себе отчет в наличии опасности. В жерминале и флореале он провел чистку комитетов, наиболее подозреваемых в *эбертизме*, то есть в санкюлотизме. Так как реакция усиливалась, а кризис углублялся, эти меры показались недостаточными. Дело комитета секции Неделимости, как и дело комитета секции Единства, говорят о том, как живуч был санкюлотский дух даже

среди правительственного персонала. Эти дела, возбужденные по инициативе Бюро полиции Комитета общественного спасения, вызвали резкую реакцию со стороны Комитета общественной безопасности и, таким образом, способствовали обострению разногласий между обоими Комитетами. Эти дела представляются одним из многочисленных факторов общего кризиса Революционного правительства накануне термидора.

Секция Единства и ее революционный комитет были в известной мере скомпрометированы во время жерминальских процессов: если Берейтер, привлеченный по делу Шометта, был оправдан, то Себастьян Лакруа, член комитета, был казнен вместе с Шометтом. Доклад Бюро полиции от 3 мессидора ссылается на донос виноторговца Робера, заключенного в тюрьме Карм: он повторяет уже выдвигавшиеся в жерминале обвинения против комитета секции Единства и руководящего персонала секции [101]. Тот факт, что Бюро полиции согласилось возобновить это дело, свидетельствует о его враждебности к борцам-санкюлотам. Арестованный 12 жерминаля, Робер утверждал, что его арестовали, поскольку боялись разоблачений: его показания могли относиться к Венсану и Лакруа, которые были особенно тесно связаны с некоторыми членами революционного комитета. Робер настаивал на том, что комиссары якобы *повинны в злоупотреблениях властью. Он особенно настойчиво* повторял обвинения, которые принято было выдвигать против секционных борцов и передовых патриотов. Сандоз, бывший член административного совета «революционной армии», был якобы одним из составителей петиции, в которой секция требовала, чтобы впереди этой армии двигались 6 гильотин, «дабы чинить расправу над теми, кто не поставлял продовольствия в Париж». Помимо комиссаров, Робер обвинял также служащего секционной комиссии по добыче селитры, бывшего комиссара полиции Леганьера-Лаланда, якобы убедившего собрание принять постановление, требующее освобождения Лакруа, и Берейтера, возражавшего — *тщетно, впрочем — против постановления* секции о поздравлении Конвента с раскрытием заговора Эбера. Робер отмечал, что секцией Единства, насчитывавшей 6 тысяч человек, обладающих правом голоса, руководит секционное общество, в котором самое большее 200 членов. Вопреки воле общественного мнения общество отказывается самораспуститься «вследствие большого влияния, которым там все еще пользуются агенты клики Ронсена, Эбера и Венсана». Таким образом, в лице нескольких вожаков Робер обвинял живучесть санкюлотизма, названного для удобства *эбертизмом*. По этой причине доклад Бюро полиции привлек внимание Робеспьера, пометившего на полях: «Переслать в комиссию общей полиции для допроса Робера и получения дополнительных сведений о фактах, из коих некоторые общеизвестны, и о лицах, против которых выдвинуты обвинения». Робеспьера мог встревожить неровный характер некоторых из этих вожаков, таких, как Берейтер или Леганьер,

деклассированных элементов или честолюбцев; ему, возможно, хотелось провести чистку персонала секций. Однако эти вожаки все же выражали те народные чаяния, которые по-прежнему воодушевляли секции. С другой стороны, Робеспьер столкнулся с враждебностью Комитета общественной безопасности, который уже распорядился 21 флореаля освободить Леганьера, арестованного 3 днями раньше; его решение осталось без последствий.

Дело революционного комитета секции Неделимости представляется более серьезным и более чреватым последствиями для Революционного правительства. Оно возникло в результате доноса председателя общего собрания Перье, воспроизведенного 1 мессидора в докладе Бюро полиции Комитета общественного спасения [102]. Избрание комиссаров, писал он, есть плод их интриг. Ивер на общих собраниях постоянно затыкал рот своим согражданам. Гролер утверждал, что собрания выше Конвента; он открыто проповедовал атеизм и дошел до того, что заявил, будто «Робеспьер, несмотря на его проклятый декрет о верховном существе, будет гильотинирован». Он объявил, что секционные общества вскоре будут восстановлены. Виар использовал некоторых богачей. Лене, по-видимому, был связан с Эбером. Наконец, революционный комитет отказался поздравить Конвент с декретом о «верховном существе» и ругал интриганами тех, кто отправлялся в Конвент с поздравлениями. Не говоря об обычных обвинениях в злоупотреблении властью, даже во взяточничестве, мы опять находим здесь те главные обвинения, которые Революционное правительство выдвигало против политической позиции санкюлотов: друг другу противостояли две различные концепции суверенитета. Этот антагонизм осложнялся еще конфликтом в области религиозной: как и многие секционные борцы, комиссары секции Неделимости выражали свое враждебное отношение к попытке Робеспьера. Они таким образом присоединялись к скрытой оппозиции Комитета общественной безопасности по отношению к культу «верховного существа».

Робеспьер счел это дело столь важным, что пометил 6 мессидора на полях доклада: «Арестовать всех поименованных в этом документе» [103]. Однако 21 мессидора совместным постановлением обоих Комитетов комиссары секции Неделимости были освобождены [101]. В тот же день Комитет общественной безопасности взял реванш, приказав арестовать доносчика — председателя общего собрания [105].

В самом деле, 12 мессидора заключенные заявили протест против лишения их свободы. Они заявили, что были законным образом избраны и что с обвинениями против них выступают умеренные. Они напомнили о своих заслугах в прошлом и в заключение ссылались на «избрание» их Комитетом общественной безопасности. В этом деле отчетливо проявилось соперничество между обоими комитетами в вопросе о руководстве полицией. Однако освобождение комиссаров секции Неделимости, так же как их арест, не могли

разрешить противоречий между политикой Революционного правительства и народными устремлениями: в первые дни термидора против них опять были выдвинуты обвинения. Их санкюлотское поведение не вызывало никаких сомнений. Но кем был Перье, который хотел погубить их обвинением в *эбертизме*? Был ли он добрым якобинцем или умеренным? Атмосфера сгущается, и политическая борьба осложняется еще соперничеством отдельных лиц или кланов за господство в секциях.

Среди секционных борцов санкюлотизм был по-прежнему живуч. Даже революционные комитеты и те не избежали позорящего обвинения в *эбертизме*. 17 мессидора комитет секции Бон-Консей был также обвинен в том, что он является «приверженцем Люлье, Моморо и Эбера» [106]. Комитет общественного спасения сознавал, что часть правительственного аппарата ускользает из-под его влияния как раз тогда, когда кризис, все более ширясь, порождает новые формы движения санкюлотов.

5. *Упорная народная оппозиция: новые формы движения (флореаль — мессидор)*

Зажатые в узкие рамки правительственной деятельности, находясь под надзором революционных комитетов, секционные борцы утратили политическую инициативу. Раздраженные этой все более стеснительной опекой, они трижды пытались стряхнуть ее. В конце флореаля секция Марата возобновила культ Друга народа. В начале мессидора секция Горы открыла реестр для возобновления подписей об одобрении Конституции. В конце того же месяца кампания братских банкетов вновь продемонстрировала живучесть народного движения. Все эти попытки были обречены на неудачу, но они свидетельствовали об упорной глухой оппозиции по отношению к Революционному правительству.

* * *

Культ мучеников за дело свободы, который получил свое развитие после смерти Марата, продемонстрировал способность санкюлотов в области революционной инициативы. Этот культ чисто народного происхождения воплотил в себе гражданские чувства и некоторые религиозные склонности санкюлотов. После дехристианизации он, вполне естественно, стал составной частью декадных церемоний: Лепелетье, Шалье и Марат стали божествами народного пантеона. Не следует недооценивать политическое значение этого культа. Эбер, Жак Ру и Леклерк оспаривали друг у друга полити-

ческое наследство Друга народа, стремясь усилить свое влияние на санкюлотов; в моменты кризиса они призывали тень Марата для оправдания своей политики. Процесс Эбера и руководителей кордельеров был поворотным моментом в использовании памяти Друга народа в политических целях. На него как бы распространилось осуждение, которому подверглись те, кто по многим причинам представлялись его наследниками. Потребовался энергичный протест Лежандра в Якобинском клубе, чтобы подобное представление не укрепилось. Казнь дантонистов на время восстановила равновесие — тень Марата могла только одобрить этот акт [107]. Однако Революционное правительство, хотя и почтило память Друга народа захоронением в Пантеоне, так никогда и не приобщилось к этому народному культу — Марат не был правительственным деятелем. В то время как Комитеты возвращались к обычным нормам управления, им не подобало прославлять память человека, неустанно призывавшего народ к инициативе и революционной бдительности. Были тут и другие соображения: различие темпераментов или скрытая враждебность к человеку, который, как бы ни была велика его роль в событиях начиная с 1789 года, всегда шел один в революции. Не потому ли Конвент предоставил Марату почетное место в Пантеоне, что ему пришлось уступить давлению народа и он рассчитывал ослабить воспоминание о Марате, превратив его в официальное лицо?

Несовместимость культа Марата с самым духом Революционного правительства проявилась в связи с провозглашением культа «верховного существа» 18 флореаля. В то время как культ мучеников за свободу выкристаллизовался вокруг республиканской троицы — Лепелетье, Шалье и Марата, продолжавших жить в сознании народа, — Робеспьер, хотя и учредил среди больших праздников нового культа также и праздник мучеников за свободу, все же не произнес имени Марата. Единственный, чью память он прославил, был юный Барра, чистый герой республики, образ которого, однако, не пробуждал никакого политического резонанса. Мученики за свободу, которых он вспоминает, как бы бесплотны, а воздаваемый им культ имеет отвлеченный характер: это великие люди всех времен и всех стран, освободившие свою страну или учредившие свободу на фундаменте законов, это солдаты, павшие в боях за родину. Один только намек на современность: «Вы не будете забыты, славные мученики за дело Французской республики!» Но Робеспьер тут же растворяет их в толпе анонимных мучеников: «Сколько имен, достойных быть записанными в летописях истории, погребены во мраке неизвестности! О неведомые и глубоко почитаемые души, если вас миновала слава, вас не минует наша нежная признательность» [108]. Культ неизвестного мученика за некую абстрактную свободу подменил под эгидой «верховного существа» конкретный политический культ Друга народа. Санкюлотов, не привыкших к такому языку, для которых бюст Марата заменил в церк-

вах статуи святых, это могло только смутить. Наиболее сознательные, оставаясь равнодушными к общему смыслу и политическому значению нового культа, увидели в нем по сравнению с теми декадными церемониями, которые они сами создали, лишь новую реакционную меру.

Решение секции Марата от 25 флореаля организовать праздник в честь Друга народа, независимо от того, был ли это продуманный ход со скрытым политическим расчетом или стихийное движение, подчеркнуло коренное противоречие между образом мыслей народа и Революционным правительством. Память о всех мучениках за свободу сочеталась с памятью Марата. Намеченная церемония не отличалась от тех, которые организовывались осенью,— процессии по улицам секции, хоры, проповедь, обычные символы [109]. Но прославление памяти Марата во флореале II года заключало в себе определенный политический смысл: это означало, особенно после декрета от 18 флореаля, проявить по меньшей мере раздражение в отношении Революционного правительства.

Обращаясь 30 флореаля к Конвенту с приглашением прислать на этот праздник депутацию, председатель секции Марата рассыпался в заверениях в лояльности и приветствовал Собрание с учреждением культа «верховного существа» [110]. Однако правительственные комитеты усмотрели в этой инициативе политический маневр, и праздник в честь Марата, который должен был состояться 10 прериаля, был 3 прериаля запрещен. Ознакомившись подробно с программой праздника, Комитеты «отнюдь не склонны считать этот проект достойным столь великого предмета и способным удовлетворительным образом заполнить празднество. Они считают идею трех божеств [свобода, равенство и братство], представленных в виде трех женщин, противоречащей принципам, недавно провозглашенным французским народом устами Конвента, и всем требованиям здравого смысла». Участие в кортеже депутации кордельеров наряду с депутациями Конвента и якобинцев недопустимо: уже одно имя их напоминает «об оскорблениях, нанесенных в последнее время Национальному Конвенту и свободе». Постановление Комитетов заканчивалось указанием на то, как опасно «легкомысленно принимать подобного рода частные проекты... которые должны быть предметом рассмотрения правительства» [111]. Это означало запретить секциям устраивать такие патриотические церемонии, которые были по вкусу санкюлотам и являлись проявлением автономии секций. Впредь только правительственные власти были вправе организовывать гражданские празднества; тем самым укреплялось политическое единство нации. Но отвечали ли правительственные празднества потребностям санкюлотов? Несмотря на их великолепие и пышность, чему еще способствовал весь блеск гения Давида, нельзя наверняка сказать, что эти празднества удовлетворяли религиозные запросы санкюлотов. Санкюлотов глубоко волновали празднества, организуемые ими в своих секциях; их

объединяла память о Марате, чье присутствие символизировал его бюст. А на большой праздник «верховного существа» 20 прериаля секции явились в порядке выполнения служебной обязанности. Какое значение для многих санкюлотов могла иметь статуя атеизма, которую поджег Робеспьер, вооруженный «факелом истины»?

Вопреки запрещению комитетов некоторые секции упорствовали в желании организовывать «частные» празднества. Так, секция Бонн-Нувель хотела провести праздник в честь «верховного существа». 27 прериаля по письменному требованию Любена и Пейана Генеральный совет Коммуны положил конец этим попыткам, запретив организацию секционных празднеств [112].

* * *

Вторым проявлением стремлений вожаков санкюлотов перехватить политическую инициативу была попытка, совершенная секцией Горы. 1 мессидора, подтверждая свое постановление от августа предыдущего года, секция открыла реестр, в который должны были вписать свои имена те, кто одобрял Конституцию 1793 года. В короткое время в реестре было проставлено две тысячи подписей. Не был ли это маневр умеренных? Предыдущей весной секция Горы была одной из цитаделей умеренных; она была обновлена одной из последних. Но эта кампания по сбору подписей имела своей целью не столько прекращение террора с вступлением в силу Конституции, сколько конец Революционного правительства, возврат к нормальному функционированию институтов и, следовательно, к участию народа в политической жизни. Что эта инициатива была поддержана умеренными, совершенно очевидно, но она отвечала прежде всего устремлениям санкюлотов, которые начиная с жерминаля были отстранены от политической жизни. Как только об этой инициативе донесли, она была подавлена постановлением Комитета общественной безопасности, которое было зачитано на общем собрании 10 мессидора. На следующий день секция Горы явилась с повинной к барьеру Конвента; она никогда не имела намерения нанести хотя бы малейший ущерб Революционному правительству, она подтвердила свою клятву отстаивать его всеми средствами, которыми располагает, до тех пор пока Конвент сочтет это необходимым, она обязывалась разоблачить «зачинщиков, поджигателей и подстрекателей» этого маневра [113]. Однако никаких преследований по этому поводу не было: Комитеты не могли дезавуировать Конституции 1793 года. Реестр был предан огню; однако тревога осталась. Это видно еще из письма секции Республики, запросившей 20 мессидора Комитет общественного спасения, «должна ли она оставить открытым реестр для подписей людей, одобривших Конституцию» [114]. Движение за возврат к демократической практике и за участие народа в политической жизни не было делом одной изолированной секции.

* * *

Более важной, ибо она была более широкой, и более опасной для Революционного правительства своим политическим подтекстом была кампания братских банкетов, которая развернулась к концу мессидора.

Сама идея гражданской трапезы или братского банкета с целью отпраздновать какое-либо счастливое для революции событие была не нова. Она соответствовала народному образу мыслей, той потребности единства, простого братства, которая была характерна для санкюлотов. Можно ли лучше общаться со своими братьями, чем сидя вокруг скромно накрытого стола, как то подобает республиканцам, поднимая бокалы за республику? Еще 24 мая 1793 года Гассенфрац предложил якобинцам устраивать «монтаньярские банкеты, якобинские банкеты» в складчину по 30 су с человека; «это будут братские обеды, и там будут приниматься меры общественного блага» [115]. Не следует недооценивать политическое значение этих манифестаций. 25 вантоза секция Ломбар решила поздравить Конвент по случаю раскрытия нового «заговора» и постановила «устроить трапезу, с тем чтобы еще раз поклясться в единении ради уничтожения тиранов» [116]. Такое же предложение было выдвинуто в Клубе кордельеров и вызвало там 2 жерминаля протесты; в ответ на предложение устроить гражданский банкет после осуждения Эбера председатель возразил, что банкет будет устроен лишь тогда, когда республика будет спасена [117].

В мессидоре победа становится фактом. Секции, всякая деятельность которых теперь запрещена, кроме посылки депутаций в Конвент с заверениями в лояльности, организуют братские банкеты, чтобы отпраздновать победу и как-то заявить о своем политическом существовании. Несомненно, умеренные использовали эту народную инициативу, чтобы вновь всплыть на поверхность. Поднимая бокалы за победу и за скорый мир, присутствующие тем самым иносказательно выражали пожелание и конца Революционного правительства и исключительных мер — это могло удовлетворять и санкюлотов и умеренных. Но нельзя приписывать первым какие-либо контрреволюционные задние мысли: они простодушно отдавались чувству радости по поводу победы. По словам наблюдателя Русвиля, гражданские трапезы, или братские банкеты, начались в окрестностях Парижа еще 20 прериаля, во время праздника «верховного существа» [118]. В самом Париже они становятся частым явлением в связи с победой при Флёрюсе 8 мессидора и еще более в связи с годовщиной взятия Бастилии 26 мессидора. Однако за неимением точной документации не представляется возможным с точностью воспроизвести развитие этой кампании и определить ее масштабы. В своем приказе от 20 мессидора Анрио упоминает о братской трапезе на улице Вьей-Драпери в секции Сите [119].

Если верить Анрио, 22 мессидора почти во всех секциях имели место братские трапезы [120]. 27 мессидора служащий Жирбаль отмечает в своем дневнике: «Все граждане пируют у своих дверей». Но добавляет он: «Некоторые крайности привлекли к себе внимание Комитета общественного спасения». Эти отрывочные указания свидетельствуют о размахе движения, это подчеркивается также теми протестами, которые оно вызвало, и силой правительственной реакции.

Что братские банкеты были плодом народной инициативы, это видно как из серии приказов Анрио, командующего национальной гвардии, который не видел в них никакого злого умысла и хвалил царивший на них дух братства, так и из записки без даты и подписи, адресованной Ленде и относящей их на счет «эбертистов». «Эти странные оргии если и не преступны, то в большинстве случаев они устраивались по постановлениям и приказам притонов, называемых в секциях общими собраниями»; предложение об их устройстве исходило чаще всего либо от одного из членов революционного комитета (заведомая ложь), либо от одного из «бесноватых патриотов-эбертистов». «В ту же минуту невежды, которым негодяй Дантон предоставил 40 су за заседание и которые с тех пор стекаются толпами на собрания, куда раньше не ходили, встречают предложение шумными аплодисментами и криками «голосовать!», и оно принимается единогласно» [121]. Это карикатурное описание в известной мере отражает социальный антагонизм между санкюлотами и «порядочными людьми»

Однако по мере того как оно ширилось, движение братских банкетов отклонялось от своего первоначального назначения. «Когда граждане собираются и едят вместе, они радуются и поздравляют друг друга с приближением гибели тиранов и их рабов... На этих трапезах богатый вместе с бедным ест скромную пищу и приучается к равенству»,— так писала 23 мессидора умеренная газета «Журналь де Перле». Такое сближение бедных и богатых, умеренных и санкюлотов показалось опасным. Русвиль писал в своем донесении от 25 мессидора: «Сейчас есть только одно мнение [относительно *так называемых* братских банкетов], и мнение это заключается в том, что очень многие граждане устраивали их без дурного намерения, но есть много других, которые рассчитывали извлечь из этого кое-какие выгоды для контрреволюции» [122]. Революционное правительство не могло допустить, чтобы в результате вмешательства умеренных инициативу народа использовали не по ее подлинному назначению.

Муниципальные власти первыми почувствовали опасность. Еще 24 мессидора Пейан выступил в Генеральном совете Коммуны. Не говоря о братских банкетах, он указал на распространяющееся в Париже настроение апатии. Война скоро кончится, говорят люди. «Лишь ценой более длительных и более тяжких трудов приобретете вы мир... он победоносно поднимется из той могилы, куда вы

низвергнете всех внутренних врагов». Пейан еще раз напомнил о двух угрожающих революции опасностях — модерантизме и крайностях [123]. В своих докладах от 26, 27 и 28 мессидора он насторожил Комитет общественного спасения относительно братских банкетов, против которых он недвусмысленно выступил 27 мессидора в Генеральном совете. Сначала, говорил он, в них участвовали некоторые санкюлоты, но затем число их участников разрослось. Конечно, они способствуют сближению сердец; «они были бы одним из самых сладких плодов свободы, если бы все участвующие в них граждане руководствовались чистыми помыслами». Умеренные и аристократы, смешавшись с санкюлотами, хотели стереть всякую грань между ними и патриотами и возобновить поцелуй Ламурета *. «Кто из вас, выпив с умеренными за здоровье Республики, сможет на следующий день разоблачать их с прежним мужеством? Между [народом] и поборниками деспотизма идет смертельный бой. Лишь когда вся аристократия сойдет в могилу, народ насладится всеми радостями равенства». Пейан не требовал принятия каких-либо репрессивных мер; он считал достаточным указать санкюлотам на грозящую им западню [124]. Но своими выступлениями он дал понять умеренным, что террор продолжается, а секционным борцам — что не может быть и речи об ослаблении энергии Революционного правительства.

Барер, выступая 28 мессидора в Конвенте, опять развил аргументацию Пейана; Робеспьер сделал то же в тот же вечер в Якобинском клубе. Барер отнес эту очередную интригу на счет «душеприказчиков Эбера и Шометта» и с силой подчеркнул, что секционные трапезы, отклонившиеся от своей первоначальной цели, представляют собой не что иное, как «некую преждевременную амнистию, преждевременное объявление мира и опасное соединение чистых чувств и коварных намерений, республиканских действий и контрреволюционных принципов». Банкеты создали возможность для развития нового федерализма, так как секции действовали независимо от Коммуны: здесь сказалось глубоко враждебное отношение Комитета общественного спасения ко всякой форме автономии секций. В секции Друзей отечества полицейский чиновник якобы подвергся оскорблениям и побоям (намек на инцидент с Гамбеттом); в секции Хлебного рынка торговцев принуждают закрывать свои лавки в 4 часа [125]. Такие факты озлобляют деятелей правительства, более всего озабоченных укреплением порядка и дисциплины. Вечером в Якобинском клубе Барер зачитал текст своего доклада. Робеспьер пошел еще дальше: «Клеветнические измышления против Революционного правительства, а также против Революционного трибунала, травля энергичных и честных патриотов — все это тесно связано с банкетами. Ловкие интриганы

* Подробнее см. об этом: «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», М—Л., 1941, стр. 201—202.

возымели намерение проникнуть туда и добиться по возможности амнистии для заговорщиков» [126]. Так был дан отпор. Движение быстро пошло на убыль.

* * *

Достаточно было Комитету общественного спасения проявить свою волю, как движение, задуманное санкюлотами в новых формах, сразу затихло. В этом сказалось полное подчинение народного движения Революционному правительству Антагонизм тем не менее оставался Но важнее всего было то, что Комитеты лишились средства давления на Конвент. По мере того как победа армий республики становилась все более очевидной, какие основания могли побудить Собрание терпеть и впредь опеку Комитетов, теперь, когда ему уже не приходилось опасаться народного восстания? Оказавшись между Конвентом, стремящимся стряхнуть иго опеки, и непримиримо враждебными ему санкюлотами, Революционное правительство как бы повисло в воздухе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПАРИЖСКИЕ САНКЮЛОТЫ И 9 ТЕРМИДОРА

1. Народ накануне Термидора.— 2. Парижские секции 9 термидора.— 3. Народное движение и буржуазная революция: попытка подведения итогов.

Процесс распада группы монтаньяров в Конвенте усилился в первые дни термидора [1]. Представители, отозванные из миссии, бывшие сторонники Дантона, не простили Комитету общественного спасения. Убежденные в том, что над ними нависла угроза, они готовились к нападению. Усилия эти остались бы, однако, тщетными, если бы между правительственными комитетами существовало прежнее согласие. Но уже давно возникшие разногласия между обоими комитетами еще более обострились [2]. Члены Комитета общественной безопасности, за исключением Леба и Давида, враждебно относились к Комитету общественного спасения и особенно к Робеспьеру как по личным, так и по принципиальным соображениям. Разграничение полномочий обоих Комитетов никогда не было вполне четким; в частности, объектом спора о компетенции стала общая полиция; этот конфликт вдобавок обострялся действиями подчиненного персонала того и другого Комитета [3]. Было бы нетрудно нейтрализовать враждебность Комитета общественной безопасности, если бы внутри самого Комитета общественного спасения не было разногласий. Здесь не место для исследования причин этих разногласий; следовало бы, вероятно, принять во внимание не только социальную политику и проведение в жизнь вантозских декретов, как считает Альбер Матьез, но в еще большей мере споры по вопросам компетенции, политическую вражду и противоположность темпераментов, как полагает Жорж Лефевр.

Несмотря на имевшую место 4 термидора попытку примирения [4], Робеспьер решил передать конфликт на рассмотрение Конвента. Это значило сделать Конвент судьей действий Революционного правительства в тот самый момент, когда военная победа стала очевидной, а опасность давления со стороны народа представлялась окончательно устраненной.

Робеспьер шел, таким образом, на большой риск, не имея прикрытия. Если бы Конвент за ним не последовал, он мог бы апеллировать только к Коммуне и секциям, но ничего не было сделано, чтобы подготовить их действия. Мог ли он это совершить за несколько дней, если б захотел? Начиная с жерминаля правительство и Коммуна изо всех сил старались уничтожить кадры народного движения и внушить санкюлотам чувство лояльности в отношении Конвента и его комитетов. Борцы секций были тем менее склонны снова выступить, что у них было много обид на Революционное правительство. В первые дни термидора кризис парижской санкюлотской массы еще более углубился.

1. Народ накануне Термидора

Произведенный 2 термидора арест Легре и опубликование 5 термидора максимума заработной платы явились выражением непоправимого разрыва между Революционным правительством и борцами секций, а также между Коммуной и народными массами.

Франсуа Венсан Легре, сборщик арендной платы, член революционного комитета секции Музея, был арестован 2 термидора по приказу Комитета общественного спасения. Два санкюлота из его секции донесли на него мэру Парижа Флёрио-Леско. 26 мессидора, в годовщину 14 июля, в то время как на улицах Парижа происходили многочисленные братские банкеты, Легре и его коллега из гражданского комитета Сент-Омер вели во время прогулки разговоры, враждебные Комитету и Революционному трибуналу [5]. Не останавливаясь на довольно туманных утверждениях Легре относительно Эро де Сешеля, «честного человека, заслуживающего почетного места в Пантеоне», а также против так называемых дворян — Барера и Сен-Жюста — и против введенной в действие Комитетом общественного спасения и Революционным трибуналом системы террора, мы подчеркнем основное требование, выдвинутое Легре: «Требовать возможности пользоваться преимуществами Конституции, Декларации прав человека и уничтожить бесконечно тягостное Революционное правительство» (по словам Фабрега) и «требовать Конституции, и прежде всего свободы печати» (по словам Ришара). Легре повторял лозунг секций Горы и Республики, которые в начале мессидора открыли реестр, где ставили свои подписи все граждане, одобрившие Конституцию 1793 года:

это был, по существу, народный лозунг, но он был также на руку и умеренным. Что Легре выражал настроения санкюлотов, подтверждается продолжением этих разговоров: муниципалитет, поставленный после жерминаля Комитетом общественного спасения, должен быть свергнут. «Паш и Сантер, которых не смеют судить из страха открыть глаза патриотам», должны быть восстановлены в своих должностях, ибо Паш — мэр-санкюлот Парижа. «Эбертизм, стало быть, не умер», — замечает Альбер Матьез [6]; мы же скажем — санкюлотизм. Легре защищал память Эро де Сешеля; соглашаясь с тем, что Дантон не был чист, он утверждал тем не менее, что его убили. Но он не сказал ни одного слова в пользу отца Дюшена, и нельзя, следуя Матьезу, делать из него «эбертиста». Своими разговорами, не лишенными, впрочем, противоречий, Легре выражал настроения народных масс, сбитых с толку реакцией, установившейся после жерминаля, растерявшихся в результате репрессий, которые обрушились на лучших патриотов, раздраженных все более и более тягостной опекой Комитета общественного спасения над секционными организациями и, наконец, обеспокоенных за будущее. «Нужна новая Революция»,— будто бы сказал Легре. Этот лозунг был уже в ходу среди народных вожаков во время вантозского кризиса, его провозглашали всегда в моменты глубокого кризиса — как накануне 10 августа, так и накануне 31 мая. Что Легре был добрым санкюлотом, это подтвердил революционный комитет секции Музея, который дважды — 2 и 6 термидора — требовал его освобождения, напоминая о его патриотических заслугах начиная с первых дней революции [7]. Подобно комитетам секции Неделимости и секции Единства, комитет секции Музея, несмотря на давление Революционного правительства и его *принудительную* силу, оставался в известной мере верным народным слоям, из которых он вышел [8].

Глухая молва, распространившаяся среди борцов, и скрытое волнение в секциях были реакцией народа на арест Бушотта, произведенный 4 термидора. Бушотт был одним из немногих передовых патриотов, отстраненных в жерминале от власти, которые еще остались на свободе. Как и Паш, он был отправлен в тюрьму [9]. Вследствие его популярности в секциях (он был министром-санкюлотом) и уважения, которым он пользовался у некоторых генералов, назначению которых он способствовал, Бушотта могли рассматривать как опасного противника в случае усиления волнений.

5 термидора Барер выступил в Конвенте с разоблачением «наследников Эбера, которые посмели надеяться деморализовать народ и развратить общественное мнение». Он не скрывал того, что речь шла и о Революционном правительстве: «Это правительство их постоянно стесняет» [10]. 7 термидора Барер опять заявил: «Эбера уже нет, но его дух еще жив; его сторонники притаились, но их лозунги продолжают распространяться». Он разоблачал людей, упорно сеющих слухи, будто «нужно новое 31 мая»,

и добился принятия Конвентом доклада, одобрявшего деятельность Революционного правительства [11]. Более конкретно высказался Робеспьер в своей речи 8 термидора. Ссылаясь на разговоры, отмеченные в донесениях полиции, он сказал: «Неустанно заявляли, что Эро, Дантон, Эбер были жертвами Комитета общественного спасения и что следует отомстить за них, покончив с этим комитетом... говорили, что надо восстановить Паша в должности мэра» [12]. Паш сохранил свою популярность среди санкюлотов благодаря той важной роли, которую он сыграл в революционном движении. Борцы секций с сожалением вспоминали о политической системе, которую им удалось установить и символом которой было его имя. Именно в этом смысле знаменательны речи Легре. Это не пережитки «эбертизма», как утверждал Барер, а живучесть санкюлотизма вопреки всей *принудительной* силе Революционного правительства. Несмотря на то что секционные общества были распущены, выборы упразднены, а общие собрания покорены, секционные борцы упорно отказывались признать назначенных комитетами муниципальных служащих и требовали должностных лиц, избранных ими самими, народных должностных лиц. Их оппозиция кристаллизовалась вокруг имени Паша. Называть эту оппозицию «эбертистской» — значит скрывать действительное положение вещей под словесной трухой. Противоречие между народным движением и Революционным правительством оставалось непримиримым. Когда это правительство в лице Робеспьера и его соратников окажется в опасности, многие секции останутся равнодушными.

В этой-то атмосфере политического кризиса и был опубликован 5 термидора максимум заработной платы для Парижа. Он был одобрен Генеральным советом Коммуны еще 17 мессидора, но его надо было еще напечатать [13].

Чтобы точно представить себе значение этого тарифа поденной платы, было бы необходимо сравнить его с ранее действовавшим тарифом. Поскольку этого тарифа нет, приходится пользоваться отрывочными данными, почерпнутыми то в одном, то в другом месте [14]. Тариф поденной заработной платы от 5 термидора навязывал рабочим принудительное снижение, иногда значительное. Заработная плата плотника первого разряда, достигавшая в вантозе 6 ливров, а в мессидоре — 8, была снижена до 3 ливров 15 су. На строительных площадках Пантеона каменотес зарабатывал в вантозе 5 ливров, а теперь он должен был получать только 3 ливра 8 су. Заработная плата подсобных рабочих-строителей снизилась с 3 ливров 10 су до 2 ливров 17 су, а заработная плата чернорабочего — с 3 ливров до 2 ливров 2 су. В оружейных мастерских у рабочих первого разряда — кузнецов и сборщиков — заработная плата снизилась с 16 ливров 10 су в мессидоре до 5 ливров 5 су; заработная плата рабочих второго разряда — литейщиков и формовщиков — с 8 ливров 5 су до 3 ливров 15 су; заработная плата чернорабочих — с 3 ливров до 2 ливров 14 су.

Что опубликование нового тарифа поденной платы сразу же вызвало недовольство рабочих, видно по тем мерам предосторожности, которые Коммуна сочла необходимым принять. 7 термидора Анрио был извещен о том, что «некоторые рабочие, несомненно введенные в заблуждение врагами народа, покинули свои мастерские» [15]. Утром 9 термидора мэр Парижа Флёрио-Леско затребовал для следующего дня, который был праздничным, вооруженные силы, «особенно необходимые в такие моменты, когда злонамеренные люди могли бы использовать обнародование максимума поденной заработной платы рабочих, чтобы ввести в заблуждение некоторых граждан» [16].

Недовольство, вызванное максимумом заработной платы, опубликованным 5 термидора, совпав с политическим кризисом, нараставшим в парижских секциях начиная с жерминаля, еще более увеличило разрыв между парижскими санкюлотами и Революционным правительством. Могли ли робеспьеристские власти Парижской коммуны, когда кризис достиг пароксизма, рассчитывать на доверчивую поддержку народных масс?

2. *Парижские секции 9 термидора*

8 термидора Робеспьер перешел в наступление. Но если его престиж еще достаточно велик, чтобы Конвент поначалу постановил напечатать его речь и разослать коммунам, то в конечном счете он отменил свое постановление. Вечером, в то время как Робеспьеру аплодировали в Якобинском клубе, его противники из Комитета общественного спасения действуют. Главное командование национальной гвардии, доверенное Анрио, упраздняют и восстанавливают систему, действовавшую до 10 августа, когда это командование возлагалось по очереди на начальников 6 легионов, каждый из которых объединял по 8 секций. Это была решающая мера; национальная гвардия была таким образом обезглавлена, а возможность эффективной реакции со стороны Коммуны предупреждена. Но надо было еще, чтобы эти меры были декретированы, а следовательно, надо было помешать Робеспьеру и Сен-Жюсту, готовившему речь для завтрашнего заседания, снова взять в свои руки Конвент — надо было помешать их выступлению. Заговор был организован ночью членами Комитетов, Равниной и депутатами, которые давно уже задумали погубить Робеспьера.

9 термидора заседание Конвента открылось в 11 часов. В 12 часов Сен-Жюст взял слово. Последующие события развивались очень быстро. Согласованная между заговорщиками тактика обструкции неумолимо закрыла рот Сен-Жюсту, а затем и Робеспьеру. Сначала проголосовали предложение об аресте Анрио и Дюма, председателя Революционного трибунала, о чем уже состоялось

постановление Комитетов. Оглушительный шум продолжался. Наконец какой-то безвестный депутат потребовал: «Голосовать обвинительный декрет!» Единогласно принимается декрет об аресте и предъявлении обвинения. Зрители на трибунах покидают Конвент и разносят эту ошеломляющую весть по секциям. Не было еще двух часов дня.

Новость быстро дошла до Ратуши; не было еще трех часов, когда муниципальные власти приступили к ответным действиям. Мэр Флёрио-Леско и национальный агент Пейан призвали всех присутствовавших членов Генерального совета отправиться в свои секции, трубить там сбор всех частей и бить в набат. Анрио разослал всем 6 начальникам легионов приказ немедленно прислать к городской ратуше 400 человек; городские заставы должны быть закрыты, начальникам легионов или их заместителям приказано было немедленно явиться к Ратуше «для получения там приказов Коммуны». Одновременно через Фонтена, заместителя их командующего, канонирам было приказано направиться со своими орудиями на площадь Ратуши.

Соседние секции были извещены устно муниципальными служащими или членами главного штаба. В три часа Тальбо предложил командиру национальной гвардии секции Тампля отправиться в генеральный штаб. Он поспешил туда. Через полчаса бьют сбор всех частей, и люди спешат к сборным пунктам [17]. То же происходит в секциях Арси, Ломбар и Вооруженного человека, поднятых адъютантами Анрио.

Однако сигнал к сбору во многих случаях был неправильно истолкован, и это еще усугубило путаницу. Председатель общего собрания секции Попенкур отмечает в своем докладе, что сначала причиной сбора сочли «поход рабочих к Конвенту по поводу провозглашенного максимума, а потом думали, что хотят убить Робеспьера» [18]. В секции Вооруженного человека распространился слух, что в секции Прав человека бьют сбор: рабочие будто бы восстали *из-за максимума* [19]. Около четырех часов в секции Сите узнали, что на площади Ратуши собралась толпа, «причиной чего, как говорят, является максимум заработной платы рабочих» [20]. Шарль Бален, мировой судья секции Кенз-Вен, справляется около 8 часов в комитете своей секции о причинах наблюдаемого им *движения*: «Одни говорят, что рабочие хотят избавиться от максимума поденной платы; другие говорят, что хотели убить народных представителей из Комитета общественного спасения» [21].

Сам сигнал сбора в секциях был подан в разное время, и это зависело не только от расстояния, но и от индивидуальной инициативы. В секции Арси приказ бить сбор всех частей поступил как будто около половины третьего [22]. Секция Французского Пантеона была поднята около 3 часов, как и секция Вооруженного человека, где революционный комитет немедленно собрался, как только услышал сигнал сбора [23]. В секции Ломбар общий сбор пробили

в 3 часа, причем командир батальона не знал, кто дал приказ об этом [24]. В секции Гравилье и Бонди приказ Коммуны прибыл к 4 часам [25]. То же было в секциях Французских гвардейцев, Друзей отечества, Мезон-Коммюн, Санкюлотов и Бонне-Руж [26]. В секции Вооруженного человека председатель революционного комитета Шаландон, человек энергичный и решительный, около 4 часов собственной властью приказал бить в барабан, распорядился вывезти пушки и повел вооруженные силы к Коммуне, заявив: «Сегодня я командир секции, пусть все добрые граждане следуют за мной» [27]. Лишь к 5 часам дошел приказ бить сбор в секции Сплочения, Фобур-дю-Нор и Кенз-Вен и лишь к половине шестого — в секцию Братства [28]. К этому же времени под влиянием распространяющихся слухов стихийно собираются граждане и в некоторых секциях, где сбор частей не был пробит: так было в секциях Сите, Марата, Обсерватории [29]. В секции Бон-Консей около 5 часов по приказу революционного комиссара Ноеля ударили в барабан «по примеру секции Друзей отечества и потому, что народ в массе хотел этого» [30]. Секция Попенкур также была поднята около 5 часов командиром батальона, который, проходя часом раньше по Гревской площади, слышал там сигнал сбора — письменный приказ дошел до секции лишь около 7 часов [31]. В секции Бонн-Нувель помощник командира по соглашению с революционным комитетом приказал бить сбор около 6 часов [32]. К этому часу все секционные борцы были подняты по тревоге и все секции были на ногах [33].

* * *

От поведения батальонов национальной гвардии и еще больше от поведения артиллерийских рот, от данного им толчка зависел исход событий этого дня. Здесь выясняется большое значение изданного Комитетом общественного спасения декрета, который свел на нет главное командование: четыре начальника легионов отказались исполнять приказы Анрио и только два начальника, неспособные или нерешительные, не приняли никаких мер, чтобы помешать секциям следовать за Коммуной [34].

Будучи вызваны к барьеру Конвента между тремя и тремя с половиной часами, Матис и Мюло, начальники 3-го и 5-го легионов, немедленно отправились туда. Они встретили там начальника 2-го легиона Жюлио, несшего в тот день дежурство в Конвенте, а также Фоконье, начальника 1-го легиона, дежурившего с 8 на 9 термидора и оставленного на месте. Мюло получил приказание от Тюрио, который председательствовал. Вернувшись около 5 часов в свой легион, он сообщил командирам секций о запрещении выполнять приказы Анрио. Матис сообщил Тюрио о приказе послать 400 человек к Ратуше. Комитет общественного спасения, тут же об этом оповещенный, принимает постановление, запрещающее начальникам легионов выполнять приказы Анрио. Жюлио пере-

дал 2-му легиону инструкции Комитетов. Начальник 4-го легиона Шарден тоже был вызван в Конвент и получил такие же приказания. Он подчинился им не без колебаний: в жерминале его подозревали в склонности к «эбертизму». Начальник 1-го легиона Фоконье был назначен декретом от того же дня главнокомандующим. Перегруженный своими новыми обязанностями, он упустил возможность сообщить командирам своего легиона запрещение выполнять приказы Анрио, которые им добросовестно передал Жио, его заместитель. Наконец Оливье, начальник 6-го легиона и командующий силами секции Ломбар, распорядился о выполнении приказов Анрио прежде чем отправиться в Конвент, затем он пошел в Ратушу, откуда с великим трудом ушел лишь к 7 часам, разобравшись наконец в том, какой оборот принимают события. В результате его колебаний в 8 секциях его легиона пробили сбор и 5 из них послали свои отряды на Гревскую площадь.

Таким образом, в 32 секциях правительственное запрещение повиноваться приказам Анрио сразу же подчинило национальную гвардию Конвенту. В секцию Прав человека приказ послать отряд к Коммуне прибыл в половине пятого. Командир отказался исполнить его. А в пять часов пришли правительственные предписания, переданные начальником 5-го легиона [35]. С 6 часов военные власти секций Тюильри и Горы находились в распоряжении Комитета общественного спасения; вооруженные силы этих секций собрались, хотя и не били сбора [36]. В 6 часов секция Муция Сцеволы получила приказ начальника 3-го легиона не повиноваться Анрио [37]. В то же время этот приказ прибыл в секцию Единства. В секции Гренельского фонтана командир, «осведомленный о злодействе Анрио», отказался исполнять приказы Коммуны [38]. В секции Тампля около 3 часов командир получил приказ бить сбор; батальон собрался; около половины седьмого начальник легиона передал приказ о запрещении повиноваться Анрио: командир последовал этому приказу [39]. В три четверти седьмого такой же приказ был передан начальником 5-го легиона штабам батальонов секций Арсенала и Попенкур [40]. К семи часам этот приказ достиг секций центра — Вильгельма Телля, Брута, Бонн-Нувель, Общественного договора и Гравилье [41]. Полчаса спустя начальник 3-го легиона Матис передал этот приказ заместителю командира вооруженных сил секции Елисейских полей [42]. Секции Инвалидов, Мон-Блан, Монтрей были подняты около 8 часов, секция Революционная — около половины девятого [43]. Примкнули к Конвенту также секции Лепелетье, Французских гвардейцев, Хлебного рынка и Предместья Монмартр, причем невозможно уточнить обстоятельства, при которых это произошло [44]. В более отдаленные секции Бонди и Фобур-дю-Нор, входившие в 6-й легион, правительственные приказы пришли одновременно с приказами Коммуны; командиры не колеблясь примкнули к Конвенту [45]. Во всех секциях роты собрались и ожидали приказов правительства. Между 11 часами вечера и часом ночи

половина численного состава различных батальонов направилась к Конвенту.

Шестнадцать командиров батальонов, то ли не получив запрещения исполнять приказы Анрио, то ли не посчитавшись с этим запрещением, послали отряды на Гревскую площадь или принесли присягу Коммуне. В секцию Арси приказ бить сбор прибыл в половине третьего. В три часа командир выступил во главе 250 человек, а запрещение исполнять приказы Анрио дошло до этой секции лишь в 8 часов вечера [46]. В секции Ломбар командир батальона и начальник 6-го легиона Оливье услышал около 3 часов, что бьют сбор; полчаса спустя он направил к Коммуне 400 человек [47]. Около 4 часов Шаландон, действуя очень хладнокровно, увлекает несколько рот секции Вооруженного человека к Гревской площади. Когда один гражданский комиссар спросил его, есть ли у него письменный приказ, он ответил: «Когда нет ни приказа, ни начальника, то идут без начальника; я буду командовать сам» [48]. Ришар, командир батальона секции Сплочения, послал к 5 часам 200 человек к Ратуше [49]. Около половины шестого Варен, командир батальона секции Братства, отправляет отряд в 100 человек; Ванек, командир из секции Сите, поступил так же час спустя [50]. Несколько позже Тьерри, командир из секции Друзей отечества, прибыл на Гревскую площадь с 400 человеками; он тут же получил приказ отправиться к Конвенту [51]. Около 7 часов все вооруженные силы секции Финистера направляются к Гревской площади, куда еще ранее прибыл отряд от этой секции. В это же время, по-видимому, тронулся в путь и батальон секции Обсерватории [52]. В секции Марата граждане собрались, хотя там и не били сбора. Около 7 часов, «узнав, что парижские вооруженные силы направились к Ратуше, все капитаны сочли своим долгом выступить с их ротами»; в секции остался лишь резерв [53]. Также около 7 часов половина вооруженных сил секции Пантеона, а именно 1200 человек, дойдя до моста Нотр-Дам, встретила там колонну, ведомую Кофиналем и идущую к Конвенту, и присоединилась к ней [54]. Из секции Музея по приказу Фоконье, начальника 1-го легиона, около 7 часов был послан к Гревской площади отряд в 50 человек [55]. Еще в 9 часов Потье, командир вооруженных сил секции Пуассоньер, хотя и получил приказ не повиноваться Анрио, отправился во главе отряда в пятьдесят человек к Коммуне для принесения присяги [56].

Равным образом принесли присягу Коммуне командиры секций Неделимости, Санкюлотов и Кенз-Вен, но не привели туда отрядов [57].

Однако некоторые командиры, по-видимому, колебались и какое-то время занимали выжидательную позицию. В секции Бонне-Руж заместитель командира ратовал за присоединение к Коммуне; командир в дальнейшем был обвинен если не в открытом присоединении к замыслам Коммуны, то по крайней мере в проявлении слабости; приказ начальника 3-го легиона о неповиновении

Анрио дошел сюда только в 8 часов [58]. В секции Бон-Консей в половине пятого пробили сбор. Командир ограничился сначала тем, что одновременно послал патрули к Коммуне и к Конвенту «разузнать, что там происходит» [59].

Таким образом, почти вся западная часть Парижа — по ту сторону улиц Анфер и Арфы на левом берегу Сены и по ту сторону улицы и предместья Сен-Дени на правом берегу — осталась верной Конвенту; к этому надо еще добавить секции к юго-востоку от улицы и предместья Тампль. Восточная часть левого берега, острова и сектор, протянувшийся между улицами Тампля и Сен-Дени и их предместьями, составляющими их продолжение, поддерживали Коммуну. Меры, принятые Комитетом общественного спасения, оказались эффективными. Пассивное повиновение одерживало верх над революционной солидарностью; даже такой человек, как Шарден, хотя и не скрывал своих колебаний, в конечном счете решил повиноваться. Однако Коммуна не осталась без войск. Она получила их даже больше, чем потребовал Анрио, так как некоторые секции — Друзей отечества, Арси, Сплочения,— ошибочно истолковав приказы, послали по 400 человек вместо затребованных 50. Около 7 часов больше 3 тысяч человек теснились на Гревской площади.

Особенно важно было то, что Коммуна располагала большей частью орудий парижской артиллерии. Позиция артиллерийских рот могла иметь гораздо большее значение, чем позиция батальонов секций. Залпы картечью из 4-дюймовых орудий были несравненно эффективнее в уличном бою, чем пики, составлявшие основное вооружение национальной гвардии. Тщательно проверенные, состоящие из добровольцев на жалованье, подчиненные непосредственно главнокомандующему парижской национальной гвардии через посредство особого штаба, секционные роты канониров были воинскими частями высокой революционной сознательности, и их поддержка имела решающее значение в той битве, которая подготовлялась. Несомненно, по этой же причине они представлялись опасными наиболее умеренным элементам Революционного правительства; Карно ухитрился рассеять эти народные силы под предлогом необходимости усиления артиллерии в армиях [60]. С конца прериаля и до начала термидора из Парижа было удалено 12 рот; можно считать, что осталось около 30 рот. Но если канониров отправляли в армии, то орудия оставались в секциях; 9 термидора в секциях Елисейских полей, Бонн-Нувель и Вооруженного человека, канониры которых покинули Париж, среди граждан нашлись добровольцы, достаточно опытные, чтобы управляться с орудиями.

Заместитель командующего канонирами Фонтен, преданный Анрио, вскоре после двенадцати часов дня приказал всем ротам идти к Ратуше; в 17 секциях его приказ был выполнен. Секция Арси, извещенная около половины третьего, немедленно послала одну пушку [61]. Это, вероятно, была первая пушка, выдвинутая на

боевую позицию перед Ратушей. Вскоре вслед за ней появились пушки секции Рынка, приведенные против воли командира одним из лейтенантов [62]. Канониры секции Ломбар отправились в путь около 4 часов, канониры секции Санкюлотов — между 4 и 5 часами [63]. В секции Вооруженного человека, канониры которой находились в армии, Шаландон вывез орудия с помощью добровольцев; к 5 часам они достигли Гревской площади [64]. К этому времени, видимо, прибыли два орудия из секции Попенкур, которые встретил в пути командир секции [65]. Рота секции Кенз-Вен, извещенная около 5 часов, отправилась, вероятно, час спустя, одновременно с ротой секции Фобур-дю-Нор [66]. Около 6 часов к Ратуше прибыли также роты секций Братства и Инвалидов [67]. Канониры секции Бонне-Руж прибыли, по-видимому, полчаса спустя; будучи извещены около 5 часов, они натолкнулись на сопротивление со стороны гражданского комитета и смогли увезти лишь одно орудие [68]. Рота секции Бон-Консей отправилась в дорогу около шести часов со своими двумя орудиями и, по-видимому, достигла Гревской площади одновременно с ротой секции Друзей отечества [69]. К половине восьмого прибыли канониры секций Обсерватории и Муция Сцеволы, ведомые Пионье, полковником парижской артиллерии [70].

Около 8 часов на Гревской площади находилось 15 рот канониров; пять из них приняли участие в налете Кофиналя на Комитет общественной безопасности, завершившемся освобождением Анрио [71]. У бывшего моста Нотр-Дам к ним присоединились две пушки из секции Пантеона [72]. Когда они вернулись к Ратуше — к 10 часам, они были усилены канонирами секции Прав человека. Начальник 5-го легиона привлек национальную гвардию этой секции на сторону Конвента. Поэтому когда прибыл приказ Фонтена, командир Лан воспротивился отправке канониров; три последующих приказа Коммуны тоже остались без результата. В конечном счете явились 5 муниципальных служащих, арестовали Лана и увели его в Коммуну; канониры силой, с саблями в руках, проложили себе дорогу и вопреки сопротивлению национальной гвардии отправились к Гревской площади, куда прибыли около 9 часов. Лейтенант Пикар заявил революционному комиссару, пытавшемуся привести их к повиновению: «Мы не знаем Конвента, нам нужен вождь» [73].

Таким образом, роты канониров проявили больше революционной инициативы, чем батальоны. В некоторых секциях эти роты присоединились к Коммуне вопреки воле секционных властей, преданных Конвенту. Так было в секциях Инвалидов, Муция Сцеволы, Прав человека. В других секциях (Попенкур, Кенз-Вен, Фобур-дю-Нор) они не проявили никаких колебаний, между тем как секционный штаб и комиссары виляли. Здесь сказались результаты решительно проведенной чистки — ни один канонир не был принят без свидетельства о гражданской благонадежности.

В 11 секциях канониры не приняли к исполнению приказов Фонтена. Около 4 часов капитан секции Французских гвардейцев получил приказ вести свою роту на Гревскую площадь; он обратился к командиру секции, который велел ему не делать этого [74]. Когда приказ Коммуны прибыл около 6 часов к канонирам секции Горы и секции Гренельского фонтана и около половины седьмого к канонирам секции Хлебного рынка, они тоже отказались выполнить его [75]. Капитан роты секции Бонди отказался выступить около 7 часов, ссылаясь на то, что полученный им приказ не подписан [76]. К канонирам секции Предместья Монмартр приказ Фонтена прибыл лишь в половине девятого; он не был выполнен [77]. Эти роты выступили в пользу Конвента, как только от них это потребовали. Так же поступили около 11 часов роты секций Мон-Блан и Гравилье, около часу ночи — рота секции Вильгельма Телля, а также рота секции Лепелетье, причем в отношении последней нельзя уточнить время [78]. Канониры секции Елисейских полей отбыли в армию 7 термидора; около часу ночи добровольцы, вернувшиеся из Валансьенна, вывели орудия [79]. То же произошло часом позже в секции Бонн-Нувель [80].

Но тогда уже было поздно. Коммуна упустила время, когда надо было действовать. Около десяти часов вечера повстанческие власти располагали 17 ротами канониров и 32 орудиями. Конвент же имел еще при себе лишь роту канониров [81]. Лишь к 11 часам верные Конвенту роты начали стекаться к Тюильри. В течение нескольких часов Коммуна имела подавляющее превосходство в артиллерии. Это был решающий козырь, если бы нашелся энергичный начальник, чтобы руководить этими силами.

* * *

Недостаточно было поднять на ноги вооруженные силы. Надо еще было в соответствии с методами, испытанными в знаменательные дни 10 августа и 31 мая, вовлечь в восстание секционные власти. Флёрио, Пейан и Анрио приказали каждому помощнику командира секции уведомить одного революционного комиссара о том, что он должен немедленно явиться в Ратушу. Когда в половине шестого собрался Генеральный совет, он принял постановление, коим различные секционные власти, гражданские и революционные комитеты и командиры вооруженных сил обязывались явиться в Коммуну и принести присягу о спасении родины.

Большая часть революционных комитетов уже собралась, когда между 7 часами 30 минутами и 9 часами до них дошло это постановление. Останутся ли они верными правительственным комитетам, с которыми они были связаны декретом от 14 фримера, или же присоединятся к Коммуне и таким образом позволят ей одновременно и увлечь за собою народ и воздействовать на Конвент демонстрацией единства секций?

Отдельные комитеты не знали никаких колебаний. Так было прежде всего в секциях западной части города. Революционный комитет секции Тюильри собрался еще в 2 часа по устному приказу председателя Конвента, переданному через служащего; около 5 часов гражданский комитет объявил свои заседания непрерывными; около 8 часов оба комитета постановили обсуждать и действовать совместно [82]. Такую же позицию заняли комитеты секции Республики [83]. В секции Елисейских полей активно действует гражданский комитет, он увлекает за собой революционный комитет; собравшись около 7 часов, он немедленно доводит до сведения Комитета общественного спасения приказы, полученные от Генерального совета, несмотря на возражения одного из своих членов, Козетта, который «выразил удивление по поводу того, что не исполнили приказа Коммуны», и отказался участвовать в обсуждениях [84]. В центральнои части города оба комитета секции Музея к 5 часам высказались в пользу Конвента; то же происходит в секции Революционной [85]. Комитеты секции Ломбар, которым Шателен, член Генерального совета, предложил в 5 часов явиться и принести присягу Коммуне, отказались, утверждая, что *по закону* они признают только Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности [86]. В секции Тампля, несмотря на давление со стороны Тальбо, члена Генерального совета, комитеты отказались около 6 часов повиноваться предписаниям Коммуны; приказ оставаться на своих местах был получен ими от Комитета общественного спасения лишь в 9 часов [87]. Оба комитета секции Сплочения около 6 часов объявляют свои заседания непрерывными и вступают в связь с правительственными властями; благотворительный комитет присоединяется к гражданскому комитету [88]. На левом берегу Сены гражданский комитет секции Гренельского фонтана в 5 часов объявил свои заседания непрерывными; революционный комитет присоединился к нему, чтобы выработать общую петицию к Конвенту «от имени граждан секции» [89]. Оба комитета секции Единства примкнули к Конвенту около 5 часов [90]. Таким образом, комиссары 10 секций центральной и западной частей города с самого начала высказались в пользу Конвента. В других секциях отнюдь не наблюдалась подобная быстрота решений и такое единодушие.

В некоторых секциях, в то время как революционные, комитеты сразу же примкнули к правительственным властям, гражданские комитеты долго упорствовали в своей позиции сочувствия повстанческой Коммуне. В центральной части города революционный комитет секции Французских гвардейцев без колебаний немедленно высказался в пользу Конвента. Гражданский комитет, наоборот, после 8 часов вечера принес присягу Генеральному совету. Признав позже *коварные* намерения Коммуны, этот комитет явился в Конвент, чтобы «отречься от заблуждения, в которое он невольно впал» [91]. В секции Хлебного рынка революционный комитет около 7 часов отказался принести присягу, тогда как гражданский комитет,

собравшись в 5 часов, выполнил 3 часа спустя приказ Коммуны о созыве общего собрания секции. И только в 10 часов гражданский комитет решил прекратить связь с Генеральным советом [92]. Революционный комитет секции Гравилье без малейшего колебания встал на сторону правительства и даже довел до сведения Коммуны о своей присяге на верность Конвенту. Что касается гражданского комитета этой секции, его поведение было более двусмысленным: собравшись еще до 4 часов, он послал двух комиссаров в Конвент — «позондировать общественное мнение»— и двух в Коммуну — «разведать положение вещей»; эти два комиссара принесли присягу. Когда после 10 часов комитетом была получена прокламация Конвента, он отказался ее огласить под предлогом слишком позднего времени, однако созвал общее собрание [93]. В секции Общественного договора революционный комитет собрался лишь в половине шестого. В 7 часов туда прибыл приказ Комитета общественного спасения оставаться на своем посту; с этого момента революционный комитет активно действует в пользу Конвента. Меж тем как гражданский комитет отказывается действовать, ссылаясь на отсутствие приказа; когда около 10 часов он получил прокламацию Конвента, то удовольствовался тем, что передал ее общему собранию; наконец к полуночи он решился присоединить некоторых своих членов к делегации, отправляющейся в Конвент [94]. В секции Пуассоньер, в то время как революционный комитет стал на сторону правительства, гражданский комитет в 10 часов посылает одного из своих членов в Коммуну «просить тексты постановлений, которые там могут быть приняты и должны быть пересланы секциям» [95]. На левом берегу Сены в секции Инвалидов революционный комитет сразу же высказался в пользу правительства, тогда как гражданский комитет послал после 9 часов двух комиссаров в Генеральный совет; правда, из соображений осторожности он в то же время послал двух других комиссаров в Конвент [96]. Такое же расхождение отмечается в секции Муция Сцеволы. Еще до 6 часов революционный комитет объявил свои заседания непрерывными и возобновил свою присягу верности Конвенту. Гражданский же комитет послал после 8 часов двух своих членов в Генеральный совет, «чтобы получить информацию и приказания», а затем в 9 часов — еще двух. Гражданский комитет изменил свою позицию лишь к 11 часам, когда узнал о том, что Коммуна объявлена вне закона [97].

Без колебаний высказались в пользу Конвента также революционный комитет секции Единства, который еще в 3 часа поклялся остаться верным национальному представительству [98], и революционный комитет секции Марата, высказавшийся в пользу Конвента около 6 часов вечера [99]. Хотя революционный комитет секции Друзей отечества дольше медлил с принятием решения, однако около половины девятого он отказался принести присягу Коммуне; это было за полчаса до того, как он получил от Комитета общественного спасения приказ оставаться на месте [100].

Однако некоторые комитеты высказались в пользу Коммуны и только тогда примкнули к Конвенту, когда его победа стала бесспорной. В центральной части города комитеты секции Неделимости принесли присягу Генеральному совету. И только в 2 часа ночи 10 термидора они решились объявить, что Коммуна потеряла их доверие, и послали в Конвент комиссаров, чтобы доставить туда это постановление [101]. Революционный комитет секции Бонди реагировал быстрее: его комиссары принесли присягу Коммуне около 6 часов вечера, но по возвращении в комитет — около 9 часов — отреклись от своей присяги. Что касается гражданского комитета, то он только в 10 часов объявил свои заседания непрерывными и высказался определенно лишь после 11 часов, когда до него дошел декрет об объявлении Коммуны вне закона [102]. Объединившиеся комитеты секции Предместья Монмартр в 9 часов делегировали своих комиссаров в Генеральный совет «для участия в обсуждениях и последующего сообщения»; приказ Комитета общественного спасения оставаться на своих местах дошел до них лишь в 10 часов [103]. Около восьми часов каждый из комитетов секции Фобур-дю-Нор направил 4 комиссаров в Коммуну; по протоколам нельзя установить точно, когда они изменили свою позицию — около 11 часов, когда на общем собрании было сообщено о восстании Коммуны, или в 2 часа ночи, как утверждает один из доносов [104]. На левом берегу Сены революционный комитет секции Обсерватории до конца упорствовал в своем сочувственном отношении к Коммуне. Гражданину, сообщившему комитету в час ночи о декрете, объявившем Коммуну вне закона, председатель комитета Дюмонтье ответил с иронией: «Если Коммуна вне закона, то и мы тоже вне закона». Позднее Гулар, типограф, заявит: «Неведение и заблуждение руководили нашими действиями в ночь с 9 на 10 термидора». Что касается гражданского комитета, то его протокол упоминает об открытии в 10 часов вечера заседания общего собрания, но затем следует пробел до 5 часов утра [105]. Комитеты секции Финистера принесли присягу Коммуне и изменили свое решение только около 11 часов. Однако следует отметить, что около часу ночи Жанси, член Генерального совета, явившись во главе отряда, арестовал 4 комиссаров, побудивших революционный комитет изменить свою позицию [106]. В секции Братства один документ следственного производства констатирует, что сношения гражданского и революционного комитетов с правительственными комитетеми датированы лишь 10 термидора; это многозначительный пробел. В самом деле, оба комитета, к которым присоединился и благотворительный комитет, единогласно решили присягнуть Коммуне. Ни один документ не позволяет точно установить, когда они передумали [107]. Таким образом, в 7 секциях гражданские и революционные комиссары не колеблясь примкнули к повстанческой Коммуне.

Лишь в немногих секциях гражданские комитеты высказались в пользу Конвента, тогда как революционные комитеты заняли

противоположную позицию. Так было в секции Пик. Гражданский комитет, объявивший в 8 часов свои заседания непрерывными, около половины десятого отказался повиноваться Коммуне, а в революционном комитете Мутонне выступил в поддержку Коммуны: «Если мы этого не сделаем, а она одержит верх, нас отстегают». Комитет последовал за ним. Только после полуночи Мутонне заявил: «Так как Робеспьер предатель, надо следовать за Конвентом» [108]. В секции Брута комитет около половины десятого обсуждал вопрос о том, пойти ли ему присягать Коммуне *в полном составе или послать делегацию*. Заместитель командира секции заявил, что вооруженные силы выступят только в пользу Конвента. «Тише, тише, Стенвиль, не торопись»,— ответил ему один из комиссаров. Когда около 10 часов гражданский комитет предложил революционному комитету послать общую депутацию в Конвент, это было встречено *мрачным молчанием*. Председатель ответил, «что он сомневается в том, сможет ли революционный комитет присоединиться к гражданскому комитету для посылки этой депутации» [109]. Без колебаний высказался также в пользу Коммуны революционный комитет секции Вооруженного человека. «Если нужно новое 31 мая, — сказал комиссар Потен,— надо его осуществить». В то время как собравшийся к 7 часам гражданский комитет принял решение ждать приказов Конвента, революционный комитет отказался от совместных с ним обсуждений. Приказ оставаться на своем месте был получен революционным комитетом от Комитета общественного спасения в 10 часов. Однако когда Форестье, член мятежной Коммуны, явился около часу ночи, революционный комитет не реагировал на это и оставил его на свободе. 20 термидора общее собрание секции заявило, что революционный комитет оставался *пассивным в отношении Конвента* [110]. Это сказано очень мягко.

С другой стороны, во многих секциях комитеты придерживались осторожной линии поведения, выжидали, как повернутся события, или не смущаясь отказывались от своих решений. Некоторые секции высказались лишь тогда, когда до них дошло постановление Комитета общественного спасения, предписывавшее оставаться на своем месте. Другие, еще более осторожные, избегали компрометировать себя связями с тем или другим лагерем и примкнули к Конвенту лишь тогда, когда его победа стала несомненной.

На левом берегу Сены революционный комитет секции Французского Пантеона еще в 5 часов послал комиссара в Коммуну, но приказал ему не участвовать ни в каких обсуждениях; гражданский комитет действовал с такой же осторожностью. В 8 часов прибыли правительственные приказы; комитетам осталось лишь повиноваться [111]. В секции Санкюлотов по приказу общего собрания комитеты в 8 часов послали делегатов присягать Коммуне. В 9 часов эти комитеты примкнули к Конвенту; до них дошел приказ оставаться на своем месте [112]. Около этого же времени определили свою позицию и комитеты секции Сите. Собравшись в 7 часов, гражданский комитет этой секции посылает в Коммуну двух комиссаров, но отказывается принести присягу. Когда около 9 часов Лекривен, секретарь Революционного трибунала, стал убеждать гражданский комитет примкнуть к восстанию («Когда звучит набат, Конвент ничего не значит, народ осуществляет свой суверенитет»), комитет распорядился арестовать его. Одновременно революционный комитет заверил Конвент в своей лояльности [113]. Если в секции Бон-Консей комитеты по настоянию Лешенара, члена Генерального совета, послали около 7 часов 3 своих членов в Коммуну, то эти комиссары благоразумно отказались принести присягу; когда около 9 часов они вернулись, комитеты высказались в пользу Конвента [114]. В Сент-Антуанском предместье комитеты секции Попенкур, избегая определенно высказаться, назначили около 8 часов комиссаров, *с тем чтобы те отправились выяснить состояние общественного мнения* как в Коммуне, так и в Конвенте. Эти комитеты заняли четкую позицию лишь через 3 часа, когда до них дошел правительственный приказ оставаться на своем месте [115]. Такова же, по-видимому, была линия поведения секции Монтрей [116]. Когда в секции Кенз-Вен получили письмо Генерального совета с требованием явиться и принести присягу, комитеты, поддержанные всеми секционными властями, выразили свои опасения «относительно мотивов вооруженного сборища» и свою заботу «не создавать помех Революционному правительству» и ограничились заявлением, что «не признают никого, кроме Республики, единой и неделимой» [117]. Комитеты секции Арсенала тоже держались выжидательной тактики. После 10 часов Мерсье из Генерального совета призвал гражданский комитет принести присягу: «Я вам советую поспешить». Что касается революционного комитета, то позднее следствие установило, что реестр его дебатов не содержал «9 и 10 термидора ничего примечательного». В полночь оба комитета решились послать делегацию в Конвент — «это средоточие всей власти»[118]. В секции Горы, в то время как гражданский комитет уже в 5 часов объявил себя в распоряжении правительства, революционный комитет явился в Конвент лишь 10 термидора в 6 часов утра. «Тем не менее революционный комитет, по-видимому, тоже высказался против заговорщиков»,— говорится в заключительном акте следствия, благоприятно истолковавшего молчание, которое хранила вся секция [119]. Поведение революционного комитета секции Бонне-Руж характерно для той выжидательной позиции, в которой искали спасения многие секционные комитеты. «Судя по его переписке, он оттягивал свое решение, пока не выяснится, на чьей стороне победа. Четыре письма, адресованных вечером Комитету общественного спасения и Комитету общественной безопасности, информируют их о предложениях Коммуны без упоминания о том, принимают или отвергают эти предложения члены революционного комитета. Однако в докладе о Коммуне нет ни одного документа, который доказывал бы, что комитет примкнул к муниципалитету.

Между 4 и 5 часами [10 термидора] он известил Комитеты о признании общим собранием Конвента»[120].

Состоявшаяся 9 термидора проба сил доказала эффективность правительственной централизации. Только 10 революционных комитетов высказались за Коммуну и упорствовали в этом столь долго, что окончательно скомпрометировали себя. Двенадцать комитетов колебались, уклоняясь от занятия определенной позиции или поспешно отказываясь от своего решения. Восемнадцать революционных комитетов с самого начала примкнули к Конвенту и отказались послать депутатов в Коммуну для принесения присяги, которой от них требовали, причем это было сделано даже до получения приказа правительственных комитетов оставаться на своих местах и отчитываться ежечасно. Это показывает, как далеко зашел процесс порабощения секционного персонала. Революционная практика, на которую повстанческая Коммуна возлагала свои надежды, потерпела поражение в борьбе с диктаторским аппаратом, обратившимся в конечном счете против тех, кто так много сделал, чтобы его выковать,— против робеспьеристской группы, опиравшейся на якобинцев.

* * *

Политические принципы, как и практика восстания, требовали в конечном счете прибегнуть к суверенному народу: когда звучал набат и провозглашали восстание, народ брал в свои руки осуществление своих прав. Следовательно, чтобы узаконить попытку Коммуны, необходимо было созвать общие собрания секций — поднявшийся народ продиктует свою суверенную волю Конвенту. Постановление Генерального совета предписывало немедленно созвать общие собрания для обсуждения грозящих родине опасностей; каждое общее собрание должно было назначить комиссаров, чтобы ежечасно сноситься с Советом.

Гражданский комитет был единственным органом секции, правомочным открывать общие собрания. В 8 секциях гражданские комитеты, примкнувшие к Конвенту или занявшие выжидательную позицию, отказались выполнить постановление Генерального совета; так было в секциях западной и особенно центральной части города. Никаких собраний не было в секциях Тюильри, Республики, Музея, Революционной, Ломбар и Сплочения [121]. В восточной части комитеты секции Арсенала, обсудив постановление Генерального совета, приняли решение перейти к очередным делам; около 9 часов член муниципалитета Мерсье выразил по этому поводу удивление: «Почему нет общего собрания?»[122] На левом берегу гражданский комитет секции Гренельского фонтана, получив около половины десятого постановление Совета, отказался выполнить его. Совместно с революционным комитетом он представляет адрес Конвенту якобы от имени граждан секции [123].

В 20 секциях общие собрания состоялись достаточно поздно, чтобы иметь возможность без дискуссии высказаться против Коммуны и послать в Конвент адрес с выражением своей лояльности. В секции Тампля общее собрание открылось как будто около половины девятого, вопреки мнению гражданского комитета, но на нем присутствовало всего только «5 граждан и несколько других», так как все мужчины были под ружьем. Около 9 часов был получен пакет из Коммуны, но «так как собрание узнало [через гражданских и революционных комиссаров], что Коммуна восстала, все от нее исходящее было с ужасом отвергнуто»[124]. В секции Горы сразу после получения постановления Совета председатель общего собрания, посоветовавшись с гражданским комитетом, открыл заседание собрания в 9 часов при небольшом числе присутствующих. «Так как не ясно, что происходит, было предложено послать в Конвент людей для получения приказаний»; секционные комитеты, у которых запросили разъяснений, заявили, что они остаются на своем посту. Число присутствующих увеличилось. Сообщили о том, что Анрио объявлен вне закона; гражданский комитет провел одобрение прокламации Конвента. После этого собрание единогласно объявило недействительным созванное Коммуной заседание и в полном составе отправилось к барьеру Конвента; это произошло в половине одиннадцатого [125]. Председатель общего собрания секции Вооруженного человека получил около 7 часов приказ созвать собрание; он тянул, ожидая приказов Конвента. Около половины девятого граждане собрались сначала как *братское* собрание, а затем — как собрание *совещательное*. Один из граждан рассказал о заседании Конвента; один из революционных комиссаров предложил собранию примкнуть к Коммуне, но это не нашло никакого отклика. В 10 часов была послана депутация в Конвент [126]. Общее собрание секции Мон-Блан открылось около половины десятого. «Боязнь быть введенным в заблуждение побудила собрание выбрать делегацию для получения указаний от Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности». Когда член Генерального совета Ланглуа потребовал, чтобы делегаты отправились присягать Коммуне, собрание, несмотря на его настояния, приняло постановление перейти к очередным делам [127]. В секции Хлебного рынка заседание тоже открылось около половины десятого. Гражданский комитет немедленно отправился туда, чтобы руководить дебатами; около 10 часов на собрании была зачитана прокламация Конвента. Когда вскоре за тем явился член Генерального совета, чтобы побудить собрание послать делегацию в Коммуну, его арестовали [128]. В 10 часов открылись общие собрания в секциях Вильгельма Телля, Рынка и в более отдаленных секциях Фобур-дю-Нор и Кенз-Вен [129]. К тому времени прибыли правительственные приказы и стало известно о мятеже Коммуны; граждане без колебаний примкнули к Конвенту. Общее собрание секции Французских гвардейцев открылось, по-видимому, после 10 часов. Бюргюбюрю, управляю-

щий ружейной мануфактурой, выразил удивление по поводу того, что секция не послала никакой делегации в Коммуну. Он выразил опасение, «как бы на секцию не стали косо смотреть, если она не поступит так же, как другие», но это замечание не нашло никакого отклика. Собрание единогласно постановило примкнуть к Конвенту [130]. Комитеты секции Предместья Монмартр созвали общее собрание лишь тогда, когда получили правительственные предписания,— после половины одиннадцатого [131]. В секции Монтрей заседание открылось в 11 часов, когда Конвент уже выпустил свою прокламацию [132]. Общие собрания открылись около 11 часов также в секциях Пик и Единства, незадолго до полуночи — в секции Нор и в четверть первого ночи — в секции Бонди; будучи должным образом информированы, они могли лишь засвидетельствовать в адресах свою преданность Конвенту [133]. В секции Инвалидов председатель общего собрания Руссель, сотрудник секретариата Коммуны, предложил гражданскому комитету около половины десятого созвать общее собрание, так как Коммуна объявила себя в состоянии восстания, сказал он, и Конвент теперь ничто. Комитет отказался последовать за Русселем. Однако собрание было созвано около 2 часов ночи: «Благодаря принятым ими мерам [комиссарам] уже не приходилось опасаться влияния Русселя» [134]. В это же время открылось общее собрание секции Прав человека, а также по инициативе гражданского комитета — общее собрание секции Елисейских полей [135]; поздравительные адреса Конвенту были одобрены с энтузиазмом. Такова же была позиция общего собрания секции Гравилье, протокол которого не указывает время открытия собрания; находясь полностью под влиянием гражданского комитета, собрание сразу же заявило, что оно подчиняется Конвенту [136].

В 7 секциях были кое-какие колебания — отдельные борцы высказывались в пользу Коммуны; но общие собрания были вскоре увлечены волной манифестаций лояльности. В секции Муция Сцеволы заседание открылось в 8 часов чтением письма Генерального совета, требовавшего созыва общего собрания, после чего в Коммуну были посланы комиссары «разузнать, что там происходит». Завязалась дискуссия о законности такого созыва; поступило сообщение, что Коммуна объявила восстание. Собрание немедленно отозвало своих комиссаров и объявило себя незаконным. «В стихийном порыве собрание закрывает свое заседание, но постановляет не расходиться, ожидая приказов». Когда член Генерального совета Ланье явился после 10 часов, общее собрание заявило, что оно признает только Конвент [137]. Общие собрания секций Брута и Мезон-Коммюн открылись около половины десятого. В секции Мезон-Коммюн уже была известна прокламация Конвента. Тем не менее завязалась дискуссия, так как некоторые выступали за восставший муниципалитет. После довольно быстро закончившихся прений в Конвент была послана депутация [138]. На общем собрании секции Брута колебания длились дольше. Прокламацию Конвента зачитали в самом начале

заседания. Тем не менее были назначены два комиссара для сношений с Коммуной; но после того как один гражданин сказал, что Коммуна только что была объявлена вне закона, собрание сразу отменило свое постановление. «Поскольку собранию нечего было больше обсуждать», оно стало ждать приказов Конвента [139]. Общее собрание секции Сите тоже открылось около половины десятого. Командир вооруженных сил секции Ванек произнес двусмысленную речь, которую закончил так: «Теперь нам необходимо больше чем когда-либо объединиться, чтобы образовать единое сплетение». Автор доноса на него вопрошает: «Хотел ли он таким образом внушить, что наше спасение в Конвенте, или хотел позондировать настроение секции?» Все же в Конвент были посланы комиссары «собрать точные сведения». Вскоре после этого прибыла правительственная прокламация [140]. В секции Лепелетье оба комитета призвали граждан, собравшихся с оружием в штабе, устроить собрание около половины десятого. Завязалась дискуссия по поводу назначения двух комиссаров для установления связи с Коммуной. К тому времени явились отдельные граждане с сообщениями о событиях; принесли прокламацию Конвента. Собрание высказало свое мнение, затем разошлось. В половине первого ночи оно опять собралось, чтобы проголосовать поздравительный адрес. Когда в час ночи явился Арно из Генерального совета и стал убеждать собрание примкнуть к Коммуне, «ибо завтра будет уже поздно, и мы окажемся первыми жертвами», его тут же арестовали [141]. Гражданский комитет секции Бонн-Нувель в 10 часов открыл собрание выражением чувств преданности Конвенту. Полицейский Жак Верде попытался агитировать за восстание: «Декрет Конвента, объявляющий Коммуну вне закона, не имеет никакого значения для масс суверенного народа». Тем не менее собрание единогласно постановило считать Конвент единственным центром объединения [142]. В секции Арси другой полицейский, Дамур, выступил на общем собрании в пользу Коммуны; еще один гражданин произнес речь в том же духе. Дамур хотел арестовать одного из возражавших ему. «В результате горячей дискуссии завязалась небольшая драка». В конечном счете Дамур был арестован [143].

Пять общих собраний более или менее продолжительное время старались не занимать определенной позиции, посылая комиссаров одновременно и к правительственным властям, и к восставшей Коммуне. В секции Братства заседание открылось в 9 часов чтением постановлений Коммуны, после чего было назначено 6 комиссаров, дабы засвидетельствовать ей чувство единения, воодушевляющее собрание. Но председатель тут же провел постановление о том, что собрание клянется сохранить единство республики и сплотиться вокруг Конвента; в 10 часов была получена прокламация Конвента; посланные в Коммуну комиссары были отозваны [144]. Открывшееся вскоре после 9 часов общее собрание секции Попенкур послало в Коммуну по предложению члена Генерального совета Дориньи

12 комиссаров, «уполномочив их принять участие в обсуждениях, если от них этого потребуют», но одновременно направило столько же комиссаров в Конвент. Комиссары, вернувшиеся около 11 часов, сообщили о восстании Коммуны. Собрание тут же примкнуло к национальному представительству. Около полуночи Дориньи попытался вновь взять собрание в свои руки, но последнее осталось при своем решении [145]. В секции Бон-Консей общее собрание открылось в половине одиннадцатого и послало три делегации — в Коммуну, в Конвент и в Якобинский клуб. Около полуночи вернувшиеся из Коммуны комиссары предложили собранию «без особого энтузиазма» высказаться в ее пользу. Однако полчаса спустя собрание избрало еще одну депутацию в Конвент, чтобы повторить свою присягу. Колебания собрания кончились лишь тогда, когда около трех часов ночи оно узнало, что Коммуна объявлена вне закона [146]. Общее собрание секции Пуассоньер открылось в 10 часов и заслушало одновременно постановления Коммуны и декреты правительства. После этого председатель предложил послать комиссаров «к установленным и высшим властям [то есть к Коммуне и Конвенту], а также к якобинцам», дабы они «наблюдали, а затем доложили». «Когда собранию сообщили приказ правительства секционным комитетам оставаться на своих местах, оно «в стихийном порыве, разглядев те западни, которые ему расставил муниципалитет», примкнуло к Конвенту [147]. Общее собрание секции Неделимости колебалось еще более долго, выслушивая аргументы ораторов той и другой партии, сменявших друг друга. Хотя революционный комиссар Виар сообщил о принятых правительством мерах, в особенности об объявлении Коммуны вне закона, некий Герен рассказал затем, что происходит в Генеральном совете. В 11 часов Гра отметил наличие противоречий между разными сообщениями и предложил собранию *присоединиться* к Конвенту. Выступивший затем Бонифас, заместитель командира вооруженных сил секции, «по-видимому, сомневался в том, что Коммуна совершила преступления». В полночь собрание все еще упорствовало в своем нежелании принять то или иное решение: оно послало делегации в Конвент, в Коммуну и в Якобинский клуб. Если председатель, двусмысленное поведение которого было впоследствии разоблачено, зачитал прокламацию Конвента, то член гражданского комитета Журне, вернувшись из Коммуны, восторженно говорил о мятежных властях и об объявленных вне закона депутатах. Председатель покинул тогда свое кресло и внес предложение, «дабы комиссары заявили Генеральному совету, что секция хочет присоединиться к нему для удержания Республики под руководством Конвента». Лишь в 3 часа ночи революционный комитет смог сообщить правительству, что наконец-то общее собрание *оказалось на высоте положения* [148].

В то время как почти все секционные собрания более или менее добровольно примкнули к Конвенту, 9 общих собраний высказались за Коммуну, направили туда комиссаров для принесения

присяги и более или менее продолжительное время упорствовали в этой позиции. Если нельзя с точностью установить момент, когда собрание секции Друзей отечества примкнуло к Конвенту [149], то относительно секции Финистера известно, что ее собрание высказалось около 11 часов. Собравшись часом раньше, оно послало двух своих комиссаров в Генеральный совет. Но «оно не подозревало о контрреволюционных намерениях Коммуны, ибо как только оно о них узнало, оно проголосовало постановление о своем присоединении к Конвенту». Когда около 2 часов ночи Жанси, член Генерального совета, объявил об аресте 4 революционных комиссаров, он был тут же сам арестован [150]. Собрания секций Санкюлотов, Марата и Общественного договора изменили свою позицию около полуночи. Собрание секции Санкюлотов открылось в 8 часов и объявило себя *первичным* собранием, тем самым оно заявляло, что возвращает себе осуществление своего суверенитета. Революционный комиссар Тома Менар сказал, что надо «взять пушки и идти к Коммуне спасать суверенитет народа». Собрание немедленно направило туда комиссаров и обязало секционные власти пойти принести присягу. Около 10 часов чтение прокламации Конвента породило некоторые колебания; 4 комиссара были сразу же срочно направлены в Конвент, чтобы выяснить, было декретировано объявление вне закона или нет. Когда они вернулись около полуночи, собрание приняло окончательное решение [151]. В секции Марата заседание общего собрания открылось около 10 часов «по требованию большей части граждан, которых побудил собраться их патриотизм и забота об общественном благе». В Коммуну были посланы комиссары. «Но получение прокламации Конвента и ознакомление с поведением Коммуны изменили настроение умов». Когда около полуночи члены Генерального совета Лоран и Варме попытались разжечь повстанческий пыл, их арестовали [152]. Общее собрание секции Общественного договора открылось около 9 часов и оказалось под влиянием Леповра, поднявшегося на трибуну в своем шарфе муниципального должностного лица: он описал «коварно опасности, угрожающие родине» и добился избрания делегации в составе шести человек, которых он немедленно увлек за собой в Коммуну. Об объявлении вне закона стало известно около 10 часов; только около полуночи собрание по предложению гражданского комитета послало делегацию в Конвент [153]. Секции Французского Пантеона и Бонне-Руж приняли окончательное решение около часа ночи. Собрание секции Французского Пантеона открылось, несомненно, около 8 часов и сразу же объявило, что «секция всегда готова присоединиться к Генеральному совету для обсуждения вопроса о средствах спасения родины». Когда около 11 часов распространился слух, что Коммуна объявлена вне закона, собрание начало колебаться. Нескольким решительным людям удалось овладеть настроением собрания. Это были Даген, заседатель мирового суда, и Дюма, секретарь-письмоводитель прокуратуры при Коммуне, который заявил, что, несмотря на объявление

вне закона, «надо держаться твердо». Наконец, «поскольку собрание не могло дольше оставаться в том тревожном состоянии, в каком оно находилось», оно решилось направить комиссаров в Конвент; это произошло в час ночи [154]. В это же время собрание секции Бонне-Руж постановило «отправиться в полном составе на защиту Конвента». Оно открылось еще в 8 часов «в связи с распространившимися смутными слухами» и назначило 8 комиссаров, которым поручено было идти в Коммуну, «не одобряя, однако, того, что там может произойти». Гобо, член Генерального совета, заявил с трибуны, что «когда народ поднялся, нет больше ни Конвента, ни Комитетов» [155]. Два собрания упорствовали еще дольше и примкнули лишь тогда, когда победа правительства стала бесспорной. В секции Шалье два человека долгое время удерживали собрание под своим влиянием при содействии председателя, который не дал слова «добрым комиссарам, вернувшимся из миссии». Этими двумя были Пелетье, мировой судья, и Лемасон, его заседатель. Ланглуа, муниципальный служащий, «подтвердил жалобы двух предыдущих» [156]. Секция Обсерватории, которую держали в руках ее вожаки, упорствовала до раннего утра. Когда ее комиссары, возвращавшиеся из Коммуны и получившие наконец информацию, встретили около 3 часов командира вооруженных сил секции, они сказали: «Ступай скорее на свой пост [то есть в Конвент], нельзя терять времени» [157].

Таким образом, позиция секций опрокинула расчеты Коммуны: лишь меньшинство последовало за повстанческими властями. Некоторые ученые подчеркивают необычный состав общих собраний в день 9 термидора [158]. Если начиная с предыдущего лета эти собрания были покинуты умеренными и благодаря этому состояли из решительно настроенного меньшинства, то в этот день они были наводнены массой граждан, захлестнувшей борцов. В большинстве секций сигнал сбора вызвал сосредоточение всех граждан в секционных центрах; они и заполнили общие собрания, которые оказались гораздо более многочисленными, чем всегда. Обычных руководителей секций это привело в замешательство. Некоторые из них пытались прибегнуть к запугиванию, но в конечном счете должны были склониться перед общей волей. Когда в секции Попенкур «один гражданин, не имевший обыкновения приходить на собрания, стал настойчиво просить слова», от него потребовали свидетельства о гражданской благонадежности и отправили в революционный комитет. Тем не менее собрание вскоре после этого примкнуло к Конвенту [159].

Однако народным борцам приходилось и раньше, при других обстоятельствах, сталкиваться с умеренными. Так, например, весной 1793 года, когда они силой изгнали их из собраний. Присоединение общих собраний к Конвенту объясняется не столько возвращением в собрания большого числа умеренных, сколько ослаблением революционного сознания и усилением правительственного аппарата. Секционные власти, вместо того чтобы образовать руководящие

кадры восстания, как это было во время предыдущих выступлений, превратились в большинстве случаев в органы передачи правительственных распоряжений. Когда повстанческие власти были объявлены вне закона и была оглашена прокламация Конвента, то масса граждан восприняла это тем более легко, что действия Коммуны были нерешительными и беспорядочными.

* * *

Вследствие беспомощности Исполнительного комитета восставшей Коммуны и отсутствия энергичных мер со стороны объявленных вне закона представителей развязка драмы была достигнута без боя: повстанческие власти были покинуты своими сторонниками, в то время как их противники готовились к атаке. Национальные гвардейцы и канониры, собравшиеся перед Ратушей, были оставлены без инструкций и снабжения. Вскоре распространился слух, что Коммуна объявлена вне закона. Примкнувшие к Конвенту секции послали комиссаров, чтобы вернуть свои отряды. Мало-помалу Гревская площадь опустела.

В 10 часов вечера национальные гвардейцы и канониры уже начинают возвращаться в свои секции. Ришар, командир вооруженных сил секции Сплочения, который принес присягу и расписался, дал тогда приказ приведенным им 200 человекам уходить повзводно [160]. Командир вооруженных сил секции Братства Варен, выйдя из Генерального совета, где он также принес присягу, «но республиканского характера» и при этом отказался расписаться в списке присутствующих, увел своих сто человек и увез оба орудия [161]. Тогда же, в 10 часов, секция Французского Пантеона отозвала обратно своих людей (1200 человек) и свои два орудия. Рота канониров секции Рынка была отозвана около 11 часов [162]. К этому же времени 4 комиссара секции Муция Сцеволы передали канонирам секции приказ присоединиться к Конвенту: «Мы должны были применить силу, чтобы уйти с площади», так как полковник парижской артиллерии Пионье воспротивился этому уходу [163]. Канониры секции Бонне-Руж были отозваны около полуночи комиссарами общего собрания; за 2 часа до этого командир вооруженных сил секции послал за ними старшего сержанта, который тщетно искал их! [164] Отряд секции Друзей отечества (400 человек) вернулся в свою секцию после полуночи; в течение 4 часов люди оставались «в ожидании своего командира, который пошел в Коммуну». В полночь Анрио пришел подбодрить их и убедить остаться. Они оставались еще некоторое время, «все еще без начальника». Наконец капитаны решились вернуться в секцию без него. Они пришли туда в час ночи [165].

К этому времени верные Коммуне силы так поредели, что два гражданских комиссара из секции Арси смогли зачитать на углу улицы Ванери и площади прокламацию Конвента и декреты об

объявлении Коммуны вне закона. Их арестовали, но они, однако, усилили смятение. Все больше людей стало покидать площадь.

Канониры секции Прав человека, которые так упорно стояли за Коммуну, слышали, как зачитали декрет об объявлении вне закона. Напрасно муниципальные должностные лица увещевали их «не покидать должностных лиц народа»— они отправились к площади Карусели [166]. В это же время, около часу ночи, прибыли комиссары секции Фобур-дю-Нор, разыскивавшие канониров своей секции. Комиссары немедленно увели их. Младший лейтенант этих канониров Сансон позднее писал: «Мы пребывали без движения, не получая никаких сведений о том, что происходит, и нас так основательно забыли, что нам даже не сообщили пароля» [167]. Начальник отряда секции Музея лейтенант Вуаенн был поставлен с 60 людьми на лестнице штаба. Около 9 часов, получив от помощника командира вооруженных сил секции приказ отвести свой отряд обратно в секцию, он ответил, что не знает ни Комитета общественного спасения, ни Конвента и что он может получать приказы только от Коммуны. Вуаенн оставался на своем посту до часу ночи. Узнав об объявлении вне закона, он приказывает своим людям уходить «небольшими группами» [168]. Канониры секции Обсерватории покинули площадь примерно в это же время [169]. Остались еще три роты канониров секций Ломбар, Кенз-Вен и Попенкур. Их рвение ослабело после столь долгого бесполезного стояния; к тому времени декреты Конвента уже были известны. Когда у входа на площадь появился отряд комиссаров, которые зачитали правительственную прокламацию, началось беспорядочное бегство. Две роты секций Кенз-Вен и Попенкур отправились по набережным по направлению к площади Карусели [170]. Канониры секции Ломбар прибыли на Гревскую площадь первыми. Их капитан начал беспокоиться и около 11 часов послал двух человек в секцию; так как общее собрание не заседало, он не знал, на что решиться. Наконец после часу ночи, присоединившись к мнению большинства своих людей, капитан дал приказ уходить [171]. На Гревской площади остался только один батальон секции Финистера. Люди находились там с 7 часов, «не зная, что им делать, ибо в течение всего времени, что они пробыли на площади, ни один офицер вооруженных сил не пришел к ним с приказаниями». В половине второго ночи роты получили приказ уйти, причем не знали, от кого он исходит [172]. Гревская площадь опустела. Коммуна была побеждена без боя.

Если ограничиться анализом событий этого дня, то ответственность за поражение лежит явно на руководителях повстанческой Коммуны, которые не сумели действовать надлежащим образом. Несмотря на усиление правительственного аппарата и на отречение многих секционных властей, санкюлоты тысячами сбежались к Ратуше. Если это движение оказалось тщетным, то ответственность за это падает на Коммуну и на робеспьеристов, которые ждали, пока их прикончат, вместо того чтобы спуститься на Гревскую площадь и стать во главе бойцов.

Но если углубиться в прошлое, то историческая неизбежность 9 термидора вытекает из противоречий революционного движения, а также из противоречий самой санкюлотской массы.

3. Народное движение и буржуазная революция; опыт подведения итогов

Девятое термидора представляет собой в конечном счете трагический эпизод классового конфликта внутри прежнего третьего сословия. Но чтобы правильно оценить это событие, не следует забывать, что революция была, по существу, борьбой между третьим сословием в целом и европейской аристократией. В этой борьбе руководящая роль принадлежала французской буржуазии; иначе и быть не могло. Созданное благодаря союзу монтаньярской буржуазии и парижских санкюлотов Революционное правительство имело своей главной задачей защиту революции против внутренней и внешней аристократии. Что революция поставила буржуазию во главе страны и что монтаньяры не возражали, это понятно само собой: с их точки зрения, это, вероятно, не имело практического значения. Сосредоточив все свои усилия на достижении победы в войне, монтаньяры и особенно робеспьеристы понимали, что третье сословие должно оставаться таким же единым, каким оно было в 1789 году. Этим объясняется их союз с санкюлотами, без которого невозможно было бы установить летом 1793 года Революционное правительство. Этим же объясняется (до весны 1794 года) и позиция верховного арбитра, занимаемая правительством, чтобы возможно равномернее распределить бремя необходимых жертв и сдержать как сопротивление буржуазии, так и народное движение, если б они угрожали делу национальной обороны. Главное — вести войну.

В основном, в ненависти к аристократии и в стремлении к победе, парижские санкюлоты были в полном согласии с Революционным правительством. И они остались верны этому чувству настолько, что даже 13 вандемьера и 18 фрюктидора, подавляя свою законную злобу, некоторые из них помогли термидорианской буржуазии подавить контрреволюцию. Однако вскоре стали проявляться противоречия между Революционным правительством и парижскими санкюлотами. Хотя они возникли в результате войны, они тем не менее отражали неизменные тенденции двух различных социальных категорий.

В политическом плане война требовала наличия правительства, облеченного всей полнотой власти, и санкюлоты хорошо это пони-

мали, ибо способствовали его созданию. Но таким образом война и требования, которые она предъявляла, оказывались в противоречии с той демократией, к которой взывали монтаньяры и санкюлоты. Более того, демократия — такая, какую осуществляли на практике санкюлоты — стихийно стремилась к прямому управлению народа, которое по своей слабости было несовместимо с ведением войны. Санкюлоты требовали создания сильного правительства, которое раздавило бы аристократию. Они не предвидели, что для победы это правительство должно будет обуздать их и заставить повиноваться.

С другой стороны, политический идеал санкюлотов, смутно вырисовывавшийся в ходе революционных боев, толкал их не к либеральной демократии, как ее понимала буржуазия, а к народной демократии. Контроль над избранниками, право отзыва народом своих уполномоченных, некоторые формы вроде открытой подачи голосов или голосования выкриками с мест,— все эти черты свидетельствовали о нежелании секционных деятелей довольствоваться формальной демократией. Борьба, которую они вели, имела целью наполнить конкретным содержанием то, что вначале было лишь идеей. Они рассматривали республику как демократию в действии. Наиболее сознательные среди них понимали, что свобода и равенство не даются раз навсегда, но завоевываются каждый день; свобода становится освобождением, равенство — социальным завоеванием. Так осуществляется то всеобщее счастье, которое всеми рассматривается как цель общества. Это не было временным противоречием, порожденным обстоятельствами, это было основное противоречие между буржуазией и парижскими санкюлотами, между Революционным правительством и секционными борцами.

Противоречие это было столь же непреодолимым и в плане экономическом и социальном. Робеспьер и многие другие монтаньяры говорили, что в военное время нельзя управлять так, как в мирное время. Такое утверждение было вполне законно не только с политической точки зрения, но и с экономической. Противоположность интересов между имущими, согласившимися поддерживать Революционное правительство, и наемными рабочими, которые помогли установить это правительство, побуждала последнее, нуждавшееся как в тех, так и в других, занять позицию арбитра.

Будучи сторонниками экономического либерализма, деятели Комитета общественного спасения лишь скрепя сердце встали на путь управляемой экономики. Они примирились с этим лишь потому, что не могли обойтись без таксации и реквизиций, раз они вели большую национальную войну; они смотрели на это как на временные средства, которые будут применяться только до достижения победы. Революция, которой они руководили, хотя и стала демократической, оставалась буржуазной. С этой точки зрения было бы нелепо устанавливать твердые цены на продукты, не вводя одновременно твердых ставок заработной платы, которая являлась составной частью себестоимости. Правительство было вынуждено поддерживать некоторое равновесие между предпринимателями, без которых оно не могло обойтись, и наемными рабочими.

Управляемая экономика оказалась необходимой также и для того, чтобы избежать крушения денежной системы. Чтобы поддержать курс ассигната и сохранить некоторую ценность его вопреки неизбежной инфляции, необходимо было оставить в силе как максимум заработной платы, так и максимум на продукты, ибо в разгар войны правительство не могло и думать об упорядочении денежного обращения. Если бы правительство отнеслось терпимо к повышению заработной платы, оно должно было бы также повысить и плату за поставки для дела национальной обороны и цены за товары военного производства, поскольку оно не собиралось посягать ни на частную собственность, ни на прибыль (подобное предположение исторически абсурдно, поскольку речь идет о буржуазной революции). Итак, Комитет общественного спасения соглашался на установление твердых цен для облегчения дела национальной обороны, финансируемого государством, дабы не развязать «адского цикла» цен, прибылей и заработной платы, что в свою очередь вызвало бы безудержную инфляцию; следствием этого было бы крушение ассигната и падение правительства.

Эта политика требовала сохранения союза монтаньяров и санкюлотов. Но эта политика задевала буржуазию, даже якобинскую, ибо она уничтожала экономическую свободу и ограничивала прибыли. Как бы то ни было, якобинская буржуазия считала необходимой защиту революции и признавала диктатуру Комитетов. Но оставляя в стороне оплачиваемое государством военное производство, а также зерно и фураж, реквизируемые у крестьян, ремесленники и лавочники — даже якобинцы — уклонялись от соблюдения максимума; это делало неизбежным конфликт с наемными рабочими.

Санкюлоты, страдая от инфляции и от недостатка продовольствия, главное внимание, как и при старом порядке, обращали на соотношение между заработной платой и ценами. Добиваясь реквизиции и таксации, они думали не только о национальной обороне, они были еще очень озабочены своим собственным пропитанием. С другой стороны, у трудящихся, естественно, было желание использовать относительную нехватку рабочей силы, чтобы добиться повышения заработной платы независимо от движения цен на продукты. С осени и до весны II года санкюлоты были хозяевами положения в Париже, во всяком случае, Конвент их боялся, и это позволило им добиться увеличения заработной платы (вопреки закону эбертистская Коммуна не провела таксации заработной платы). Такое положение поставило ассигнаты под угрозу, и в то же время усилило недовольство буржуазии. Тогда вмешалось правительство.

Начиная с жерминаля Революционное правительство занялось исправлением положения на предприятиях, прибыли которых падали, ибо они оказались как бы между двумя жерновами — так-

сацией и незаконным увеличением заработной платы. Рядом постановлений Комитета общественного спасения были допущены, вопреки закону, повышения цен по сравнению с вантозскими таблицами максимума. Эти повышения цен не дали бы никакого эффекта, если бы одновременно продолжалось повышение заработной платы. Вот почему появилось постановление робеспьеристской Коммуны от 5 термидора, которое, впрочем, касалось только заработной платы трудящихся Парижа. Но уже в прериале Комитет, имея в виду предстоящую уборку урожая, организовал выступление дистриктов относительно заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Но поступая подобным образом, Коммуна отнимала у трудящихся ранее завоеванные ими преимущества и отказывалась на их глазах от той посреднической роли, которой до того времени придерживалось правительство. Политика управляемой экономики, проводившаяся во II году, не имела классовой базы и поэтому повисла в воздухе. После 9 термидора все здание рухнуло.

Само собой разумеется, что в условиях буржуазного общества арбитраж Комитета должен был неизбежно благоприятствовать в гораздо большей степени имущим, чем лицам наемного труда, ибо первые избегали таксации, поскольку они производили для частных потребителей. Конечно, робеспьеристы внесли бы в это дело порядок, если бы они могли. Конечно, ремесленники и торговцы брали бы меньше с потребителей, если бы было достаточно сырья в мастерских и продуктов в лавках и если бы сбыт обеспечивал им прибыль, которую они сочли бы достаточной. Подмастерья и поденщики всегда утверждали, что уважение к их праву на жизнь требует сохранения определенного соотношения между ценами и заработной платой; они, несомненно, примирились бы с максимумом, если б только были уверены в том, что получат необходимое.

Но Революционное правительство не имело возможности создать гармонию между предложением товаров и продуктов первой необходимости и спросом на них. Условия производства и транспорта не позволяли удовлетворить спрос, ибо в то время они еще не были модернизированы в результате капиталистической концентрации, рационализации и механизации труда. Правительство сталкивалось с препятствиями, порождаемыми экономической структурой эпохи, а война еще усугубляла трудности продовольственного снабжения. Политика управляемой экономики, проводимая во II году, столкнулась в вопросах снабжения мясом и сельскохозяйственными продуктами с непреодолимыми трудностями. К тому же необходимо было бережно относиться к крестьянину. Даже снабжение хлебом сталкивалось с препятствиями, вызванными недостатком транспортных средств и отсутствием той концентрации мельничного дела, которое было впоследствии осуществлено капитализмом.

Поэтому Революционное правительство ограничилось тем, что обеспечило снабжение хлебом парижского населения, и не дошло до введения хлебной карточки во всем государстве. Что касается

остального государства, то оно предоставило местным властям и потребителям изыскание путей к тому, чтобы заставить производителей и торговцев снабжать потребителей, соблюдая максимум. Применение реквизиций было строго ограничено и допускалось лишь для снабжения армии. Так как это не удовлетворяло парижских санкюлотов, то они потребовали увеличения ставок заработной платы и прибегли к забастовкам. Комитеты запретили забастовки, так же как это было при старом порядке. Таким образом, ремесленное производство, которое было не в силах приспособиться к требованиям большой национальной войны, породило непреодолимое противоречие между Революционным правительством и приведшим его к власти народным движением.

* * *

В такой же мере, как и противоречия между Революционным правительством и народным движением, крушение режима II года обусловили противоречия, присущие самим парижским санкюлотам.

Существовало социальное противоречие между якобинцами, вышедшими почти исключительно из рядов буржуазии — мелкой, средней и даже крупной, с одной стороны, и санкюлотами, с другой, если считать, подобно Петиону, что санкюлоты состояли только из поденщиков и ремесленных подмастерьев. Но не следует отождествлять санкюлотов с лицами наемного труда, хотя последние и были наиболее многочисленным элементом. Действительность была более сложной. Санкюлоты не представляли собой класса, а санкюлотское движение — классовой партии. Ремесленники, лавочники и торговцы, подмастерья и поденщики образовали вместе с буржуазным меньшинством коалицию, противопоставившую аристократии непреодолимую силу. Но внутри этой коалиции рос антагонизм между теми, кто, подобно ремесленникам и торговцам, пользовался преимуществами частной собственности на средства производства, и теми, кто, подобно подмастерьям и поденщикам, не располагал ничем, кроме заработной платы.

Это противоречие открыто проявилось в связи с применением максимума. Ремесленники и лавочники находили правильным и справедливым принуждать крестьян кормить горожан. Но они возмутились, как только их тоже подчинили максимуму. Подмастерья не остались в стороне. Всенародное ополчение и гражданская война, создавая нехватку рабочей силы, способствовали повышению заработной платы. Поскольку производители и посредники не соблюдали таксации, с какой стати рабочим быть ее жертвами? Потребности революционной борьбы сплотили воедино парижскую санкюлотскую массу и на время отодвинули на задний план противоречия интересов, сталкивавшие между собой ее различные элементы; но они не могли устранить эти противоречия,

Это противоречие интересов и антагонизм осложнялись к тому же некоторыми социальными представлениями. Внутренние противоречия санкюлотов не отождествлялись точно с противоречиями между имущими и производителями, с одной стороны, и людьми наемного труда — с другой. В частности, среди последних были люди, принадлежавшие к руководящему персоналу, служащие, преподаватели, которые благодаря своему образу жизни смотрели на себя как на буржуа и не хотели смешиваться *с простонародьем* (bas-peuple), даже если они отстаивали его дело. С другой стороны, многие буржуа в собственном смысле этого слова называли себя санкюлотами и действовали как таковые.

Поскольку санкюлоты, стало быть, вербовались из различных социальных слоев, у них не могло быть определенного классового сознания. Если они вообще проявляли враждебное отношение к новому способу производства, то мотивы у них были разные. Ремесленник боялся быть низведенным до положения наемного рабочего; подмастерье ненавидел скупщика, который создавал дороговизну. Если говорить только о подмастерьях, то было бы анахронизмом приписывать им классовое самосознание; их мировоззрение складывалось под влиянием мира ремесленников. Не существовало еще той капиталистической концентрации, которая, объединяя их на заводе и вокруг него, создает сближение, столь благоприятное для пробуждения классовой солидарности.

Однако если у санкюлотов нельзя обнаружить никакого классового сознания, то нельзя отрицать наличия некоторого классового чувства у работников наемного труда. Находясь в подчинении у своих хозяев, они осознавали себя как особую группу, отличающуюся от других не только ручным трудом, не только их местом в производстве, но также и одеждой, питанием, особенно жилищными условиями, развлечениями и нравами. Их отличает также и недостаток образования, которое является монополией людей, занимающих привилегированное положение благодаря своему рождению или богатству; это порождает у людей из народа комплекс неполноценности, а иногда и бессилия. Вожаки санкюлотов часто восставали против *людей с талантом*, но мечтали сравняться с ними и стать, таким образом, хозяевами своей судьбы.

Поскольку парижские санкюлоты представляли собой объединение разнородных элементов, не составляли класса и, следовательно, были лишены классового сознания, они никогда не обладали, несмотря на несколько робких попыток координации, эффективным орудием политической борьбы: у них не было партии со строгой дисциплиной, которая бы вербовала своих членов по классовому признаку и основывалась на строгой чистке. Несомненно, та же черта характерна и для Революционного правительства; якобинцы тоже не представляли собой единого класса. Весь режим II года покоился на идеалистической концепции политической демократии; в этом

причина его слабости. Последствия этого оказались особенно тяжелыми для народного движения.

Если многие народные борцы старались дисциплинировать общие собрания и народные общества, то во многих секциях руководители усугубили зло междоусобной борьбой за власть, а иногда тем, что злоупотребляли ею, когда она оказывалась в их руках. Что касается масс, то, помимо ненависти к аристократии, с которой они предполагали расправиться просто, а именно посредством резни, они не обладали, по-видимому, очень большим политическим чутьем. Массы смутно ожидали от революции каких-то выгод. Они требовали введения максимума не столько для защиты ассигната и обеспечения военного производства, сколько в надежде сохранить посредством таксации и регламентации достигнутый уровень жизни. Когда массы убедились, что во многих отношениях управляемая экономика не дает ожидаемых результатов, они от нее отвернулись и предъявили новые требования. Весьма мало вероятно, чтобы парижские санкюлоты отказались от требования увеличения заработной платы, если бы даже имущие и производители соблюдали максимум — что совершенно исключено — в такой степени, что их прибыль оставалась бы в рамках, которые Революционное правительство считало разумными. Война требовала жертв; одна из этих жертв состояла в том, чтобы не пользоваться порожденными войной обстоятельствами для увеличения своих личных выгод.

В этом смысле 9 термидора оказалось для санкюлотов днем обмана. Недовольные Революционным правительством, они не чувствовали угрозы, которая нависала над ними с его падением. «К черту максимум!»— кричали они. Десять месяцев спустя, изнуренные дороговизной и голодом, осознав наконец, что́ они потеряли, они потребуют восстановления управляемой экономики и в последний раз восстанут и будут окончательно раздавлены и сметены со сцены истории.

* * *

Дело не только во внутренних противоречиях санкюлотской массы. Перерождение народного движения было непосредственным следствием диалектического развития самой истории. Скрытые нападки Комитетов, неизменное усиление Революционного правительства, драма жерминаля и последовавшее за нею охлаждение санкюлотов — все эти факты сами по себе не могут объяснить ослабления народного движения. Оно неибежно должно было затихнуть; когда оно развивалось и побеждало, оно одновременно усиливало те факторы, которые в конечном счете привели к его гибели.

Прежде всего отметим фактор биологического порядка. Большинство секционных вожаков участвовали в движении начиная с 14 июля 1789 года. Они были участниками всех восстаний. После 10 августа их деятельность стала еще более интенсивной. Атмосфе-

ра энтузиазма и возбуждения, характерная для великих выступлений, сменилась нервной усталостью, на смену которой пришел после победы повседневный утомительный труд борца. После пяти лет революционной борьбы сказывалась истощенность сил секционных деятелей, составлявших костяк народного движения. Рядовые борцы, непрестанно ведшие борьбу, не могли избежать этой физической усталости, которая неоднократно вынуждала и руководителей революции на время уходить с политической сцены, в том числе и Робеспьера в мессидоре. Робеспьер как-то сказал, что, когда война затягивается, «народ устает». Народное движение потеряло, таким образом, свою силу и боевой дух.

Следует также отметить фактор психологический, связанный с обстоятельствами того времени. После того как гражданская война окончилась, иностранное вторжение было отражено и наконец война завершилась победой, дальнейшее напряжение сил, казалось, стало ненужным. Эти обстоятельства оказывали воздействие как на народ, так и на буржуазию, хотя у последней были еще и другого рода соображения: она желала не только окончания террора; прекращение политики управляемой экономики интересовало ее не меньше, а также передача правительственной власти и управления в руки нотаблей. Со своей стороны народ хотел пользоваться плодами своих усилий. Такой факт, как открытие в секции Горы реестра, в котором вновь расписывались те, кто одобрил Конституцию, нельзя поэтому рассматривать как простой маневр: в глазах многих борцов Конституционный акт июня 1793 года был символом социальной демократии, они непрестанно требовали осуществления права на общественную помощь и права на образование. Что касается масс, то они требовали прежде всего обеспечения своего права на жизнь. После того как победа стала бесспорной, это означало если не изобилие, то по крайней мере удовлетворительное снабжение продовольствием, обеспечение хлеба насущного. Победа привела к моральной демобилизации народного движения.

Диалектическим следствием военных усилий было то, что силы парижских санкюлотов уменьшались из месяца в месяц. Набор 300 тысяч человек, особый набор для кампании в Вандее, затем для кампании в департаменте Эр, всенародное ополчение, формирование «революционной армии» — все это лишило движение санкюлотов значительной части патриотов, самых молодых и деятельных, часто наиболее сознательных и пылких, для которых защита родины была первым гражданским долгом. Было бы крайне важно для измерения жизненной силы народного движения точно подсчитать утечку людей, вызванную различными наборами. Если подобное исчерпывающее исследование представляется невозможным, то по крайней мере некоторые документы дают представление о понесенной парижскими секциями в 1793 году потере в живой силе. В секции Пик, где во II году было зарегистрировано 3540 человек, имеющих право голоса, в возрасте 21 года и старше, добровольцами

в Вандею записались только за время с 3 до 17 мая 1793 года 233 человека, преимущественно санкюлоты в цвете лет [173]. 17 июля 1793 года секция Финистера уведомляет, что ее вооруженные силы состоят из 12 рот, «но до такой степени истощенных наборами как в линейные войска, так и в добровольческие отряды, что осталось лишь 942 человека в возрасте от 18 до 40 лет». Эта секция насчитывала около 12 тысяч жителей, в ней было зарегистрировано во II году 3783 человека с правом голоса (старше 21 года). Посекционный список людей, способных служить в армии, составленный в июле 1793 года, иллюстрирует это снижение жизнеспособности секционных сил: значительную часть личного состава рот составляют люди в возрасте более 50 и даже 60 лет. Из 3231 человека в секции 1792 года 767 человек (то есть 23,7%) были старше 50 лет. В секции Арси в ротах насчитывалось 2986 человек, «из коих следовало бы вычесть четвертую часть, состоящую из людей старше 60 лет» [174].

Наконец, диалектическим следствием успехов народа было уменьшение численности руководящих кадров санкюлотов. Многие секционные борцы, даже если ими руководило не одно лишь честолюбие, рассматривали получение должности как законное вознаграждение за их активную деятельность. С другой стороны, это было необходимым условием обеспечения силы народного движения; удовлетворение личных интересов совпадало в данном случае с задачами чистки руководящего состава. Но в подобных случаях успех порождает новый вид приспособленчества. Ярким примером такой эволюции являются революционные комиссары. Вначале комиссары были самым боевым элементом политического персонала секций. Это были выходцы из самых плебейских слоев санкюлотской массы, и для обеспечения самого успеха революции необходимо было, чтобы должность их была оплачиваемой. Вскоре страх лишиться приобретенных преимуществ, а равно и усиление Революционного правительства превратили их в послушное орудие в руках власти. В течение II года многие борцы превратились таким образом в служащих. Этот процесс был неизбежным следствием не только внутренней эволюции парижских санкюлотов, но также усиления классовой борьбы как внутри страны, так и на ее границах. Наиболее сознательные элементы среди санкюлотов получили доступ в государственный аппарат; политическая деятельность секционных организаций тем самым тормозилась, учитывая растущие требования национальной обороны. В то же время шло ослабление демократии внутри секций, процесс бюрократизации постепенно парализовал критический дух и активность масс. Следствием этого, наконец, было ослабление народного контроля над аппаратом Революционного правительства, авторитарные тенденции которого все более усиливались. Этот бюрократический склероз лишил парижских санкюлотов доброй части их руководящих кадров.

Эти различные соображения, применимые и ко многим другим ситуациям, помимо той, которая сложилась во II году, объясняют ослабление народного движения, ускорившее его крушение.

* * *

Однако общий итог народного движения II года нельзя считать полностью отрицательным. Правда, ему не удалось достигнуть своих собственных целей — той эгалитарной и народной республики, которой смутно жаждали санкюлоты; этому помешали как исторические условия, так и внутренние противоречия самого движения. Но народное движение тем не менее способствовало историческому прогрессу благодаря решающей помощи, которую оно оказало буржуазной революции.

Последней не удалось бы восторжествовать столь радикальным образом без парижских санкюлотов. С 1789 года и по II год санкюлоты были эффективным орудием революционной борьбы и национальной обороны. Народное движение сделало возможным установление в 1793 году Революционного правительства и, следовательно, поражение внутренней контрреволюции и внешней коалиции. Победой воспользовались термидорианцы. Если они не смогли добиться мира, то это произошло потому, что отказ от управляемой экономики и деморализация войск, лишенных всего необходимого, обрекли армию на паралич и дали врагу время для подготовки новых кампаний. Этот разительный контраст позволяет нам еще лучше оценить деятельность Революционного правительства и важное значение народного движения во II году.

Если мы рассмотрим ход событий в более широкой перспективе, то увидим, что его историческое значение было еще большим. Победа народного движения летом 1793 года имела своим следствием введение террора, страшные удары которого завершили крушение старого общества. При этом не было пощады и высшим слоям буржуазии старого порядка, опирающимся на торговый капитал и в известной мере связанным с социальной и политической системой феодальной аристократии. Санкюлотская масса ремесленников и лавочников, руководящие элементы которой состояли из мелких независимых производителей (как это показывает анализ личного состава парижских революционных комитетов), представляла во II году наиболее эффективную силу в борьбе за уничтожение старого способа производства и связанных с ним общественных отношений. Правда, Термидор повлек за собой реакцию как в экономическом, так и в политическом плане, но к тому времени террор уже расчистил поле для установления новых производственных отношений. В том капиталистическом обществе, которое вышло из революции, промышленность будет господствовать над торговлей; отныне торговый капитал, на который санкюлотская масса нападала столь ожесточенно во II году, не будет иметь самостоятельного существования, поскольку он будет подчинен единственно производительному, промышленному капиталу.

Что касается самих санкюлотов, то экономическая эволюция завершила дифференциацию их рядов. Среди мелких и средних производителей и торговцев, составлявших кадры народного движения в 1793—1794 годах, одни преуспеют и станут промышленниками-капиталистами, другие будут устранены и пополнят собой ряды людей наемного труда. Еще какая-то часть останется связанной с ремеслом и мелкой торговлей. Режим экономической свободы ускорит концентрацию предприятий, что приведет к изменению материальных условий общественной жизни, но вместе с тем и к изменению структуры традиционных народных слоев. Ремесленники и подмастерья предчувствовали, какая им угрожает судьба (ибо на одного удачливого ремесленника, который станет промышленником, сколько придется неудачников?); первые знали, что капиталистическая концентрация влечет за собой закрытие их мастерских и превращает их в людей наемного труда, а подмастерья знали, что введение машин увеличивает опасность безработицы. На протяжении всего XIX века ремесленники и лавочники будут цепляться за свое социальное положение. В связи с этим было бы интересно уточнить, какую часть участников июньского восстания 1848 года и восстания Парижской Коммуны 1871 года составляли пролетарии в собственном смысле этого слова, а какую — представители народных категорий традиционного типа. Это позволило бы установить степень исчезновения последних по мере утверждения промышленного капитализма и вместе с тем подчеркнуло бы одну из причин слабости революционных попыток XIX века.

Так, в своих крайних последствиях проявляется драматический характер классовых боев II года и вместе с тем обрисовываются своеобразные черты нашей современной национальной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] F. Guizot, Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire romain, 1828—1830, 4 vol.; 46e leçon, p. 592 (издание 1839 года), 1 vol. (См. Ф. Гизо, История цивилизации во Франции, Спб., 1877—1881). См. также «L'Histoire de la Révolution d'Angleterre, 1826—1856, 6 vol. (См. Ф. Гизо, История английской революции, т. 1—3, Спб., 1868.)

[2] A. Tocqueville, De la democratie en Amérique (1836—1839). OEuvres complètes, t. I, 1951. Introduction, p. 4. (А. Токвиль, О демократии в Америке, М., 1897.)

[3] Taine, Les origines de la France contemporaine. L'Ancien Régime, 1876, livre IV, chap. III, p. 412.

[4] A. Barnave, Introduction à la Révolution française. Première partie, chap. III, p. 13.

[5] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 429.

[6] J. Jaurès, Histoire socialiste, Indroduction, vol. I, p. 8.

[7] J. Jaurès, op. cit., 4 vol., 1901—1904.

[8] J. Jaurès, Histoire socialiste, edit. Mathiez, 1922, Avertissement, vol. I, p. 5.

[9] J. Jaurès, Histoire socialiste, 1922, Introduction, vol. I, p. 6.

[10] Albert Mathiez, La Révolution française, 1922, vol. I, chap. I et chap. II.

[11] См. в этой связи очерк, озаглавленный «La Révolution française», в «Annales historiques», 1933, p. 1.

[12] Достаточно сослаться на синтетический обзор, сделанный Жоржем Лефевром в 1933 году в результате своих исследований. См. «La Révolution française et les paysans» в «Cahiers de la Révolution française», № 1, p. 6; «Annales historiques», 1933, p. 97; текст был перепечатан в «Etudes sur la Révolution française», 1954, p. 246.

[13] Michelet, Histoire de la Révolution française, 1847—1853, 4 vol. См. предисловие 1847 года (стр. 13 второго издания, 1868).

[14] A Thiers, Histoire de la Révolution française, 1823—1827, 7e édition, 1838, vol. VIII, chap. VI, p. 310.

[15] Michelet, Histoire de la Révolution française, 2e édition, 1868, Préface de 1868, p. XI, XIX, XXI.

[16] Michelet, op. cit., p. XXII.

[17] Mortimer-Ternaux, Histoire de la Terreur, 1792—1794, (1862—1869), 3e édition, 1868, Introduction, vol. I, p. 27.

[18] Ernest Mellié, Les sections de Paris pendant la Révolution française, Introduction, p. 3.

[19] E. Mellie, op. cit., p. 3.

[20] F. Braesch, La Commune du Dix août 1792. Etude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792 (1911). Introduction, p. II.

[21] F. Braesch, op. cit., p. III.

[22] F. Braesch, op. cit., p. IX.

[23] F. Braesch, op. cit., p. VII.

[24] Albert Mathiez, La Vie chère et le mouvement social sous la Terreur, 1927, p. 611 (см. А. Матьез, Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху Террора, М.—Л, 1928).

[25] Daniel Guérin, La lutte des classes sous la première République Bourgeois et «bras nus» (1793—1795), 1946, 2 vol., vol. I, p. 8. В другом месте автор говорит о «сосуществовании буржуазной революции и зародыша пролетарской революции» (vol. I, p. 2).

[26] Albert Mathiez, La Révolution française, vol. III, p. 41; Daniel Guérin, op. cit., vol. I, p. 13.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

[1] Краткие сведения о позиции различных секций во время событий 31 мая — 2 июня приводятся в книге: G. Pariset, Histoire de la France contemporaine, sous la direction d'Ernest Lavisse, vol. II, p. 95 и у Henri Calvet, Un instrument de la Terreur à Paris, p. 30.

[2] AN, C 256, d. 488, p. 7.

[3] AN, C 256, d. 489.

[4] См. Henri Calvet, Remarques sur la participation des sections au mouvement du 31 mai—1er juin 1793, «Annales historiques», 1928, p. 366 и того же автора «Un instrument de la Terreur à Paris», p. 158.

[5] Convention nationale. Adresse de la section des Champs-Elysées. Séance du 20 mai 1793 (BN, Le38 260; Tourneux, № 7993).

[6] BVC, ms, 120.

[7] P.-v. imp. XII, 136.

[8] AN, F7 4651, dossier Colin.

[9] Mortimer-Ternaux, Histoire de la Terreur, VII, p. 308.

[10] BVC, ms 120.

[11] APP, A A/226, p. 78.

[12] AN, C 256, d. 489, p. 32. Адрес Конвенту от 31 мая, в котором осуждался адрес от 24-го.

[13] Convention nationale Extrait du procès-verbal de l'assemblée générale et permanente de la section de Molière-et-Lafontaine. Du vendredi 31 mai 1793. (BN, Le38 2074).

[14] AN, C 355, pl. 1864, p. 51.

[15] AN, W 111, procès-verbal de la séance permanente de l'assemblée générale, 31 mai — 2 juin 1793.

[16] AN, F7 4699, dossier Louis-Nicolas Duval; AN, F7 4708, dossier Flicourt.

[17] AN, F7 4633, dossier Capmas; AN, F7 4635, dossier Candel; AN, F7 4658, dossier Cuvelette; AN, F7 4774[97], dossier Roland.

[18] AN, C 256, d. 489, p. 2, 33.

[19] APP, A A/266, p. 78, P.-v., imp. XII, 112.

[20] AN, C 256, d.489, p. 23.

[21] AN, C 256, d. 489, p. 9.

[22] «Moniteur», XVI, 527.

[23] AN, C 355, pl. 1860, p. 36; APP, A A/266, p. 19.

[24] Section de Bon-Conseil. Extrait du procès-verbal de l'assemblée générale permanente, 5 mai 1793 (BN, Lb[40] 1726)

[25] AN, C 355, pl 1860, p. 22, 26, 27, 29, 30, 32.

[26] AN, F[7]4580, pl. 6.

[27] Section des Droits de l'Homme. Procès-verbal de la séance du 20 mai, l'an deuxième (AN, AD I 70)

[28] AN, C 256, d. 488, p. 46, C 355, pl. 1859, p. 1.

[29] AN, W 11, d. 529.

[30] «Moniteur», XVI, 527, 557.

[31] AN, C 255, d. 480, p. 30; C 256, d. 488, p. 8; C 256, d. 489, p. 8

[32] BVC, ms 120.

[33] AN, C 256, d. 488, p. 10.

[34] AN, C 256, p. 14.

[35] Jacobins, V, 178.

[36] BN, Lb[40] 530; Tourneux, № 8784.

[37] AN, C 335, pl. 1860, p. 26.

[38] AN, C 255, d. 481, p. 14.

[39] AN, C 258, d. 528, p. 2.

[40] Pétition des sections réunies... pour être présentée à la Convention nationale (BN, Mss, Nouv. acq., fr. 2702, f. 232).

[41] «Moniteur», XVI, 566.

[42] AN, F[1] c III Seine 27.

[43] AN, AF IV 1470; Tuetey, IX, № 691.

[44] См. по этому поводу замечания Альбера Матьеза по статье Ц. Фридлянда «Классовая борьба в июне—июле 1793 года» («Annales historiques», 1927, p. 589).

[45] Jacobins, V, 246, 254.

[46] «Père Duchesne», № 242, 247.

[47] AN, C 258, d. 528, p. 11.

[48] Chefs d'accusation contre les trente-deux deputés détenus et dont l'arrestation a été ordonnée. Rédigés par la section du Faubourg-Montmartre, publiés par ordre du Conseil général de la Commune de Paris; BN, Lb[40] 1816; Tourneux, № 8070.

[49] «Moniteur», XVI, 756.

[50] BN, Mss, Anc. suppl. fr. 8606, f. 217

[51] Jacobins, V, 222

[52] AN, F[1] c III Seine 27; Tuetey, IX, № 670.

[53] Section de Beaurepaire Extrait des délibérations de l'Assemblée générale, 3 juin 1793; BN, Lb[40] 395.

[54] BN, Lb[40] 1933; Tourneux, № 6455

[55] BVC, ms 120.

[56] Section du Mail, 5 juin 1793; BN, Lb[40] 1940 *.

[57] «Moniteur», XVI, 622.

[58] «Moniteur», XVI, 591, 705, 750.

[59] BVC, ms 120.

[60] AN, F[7] 4644.

[61] La Section du Mail aux quarante-sept autres sections, 8 juin 1793; BN, Mss, Anc. Suppl. fr. 8606, f 224.

[62] Относительно петиции Восьми тысяч см протоколы заседания Законодательного собрания от 9 июня 1792 года («Moniteur», XII, 618) Петиция Двадцати тысяч была подана в Законодательное собрание 1 июля 1792 года («Moniteur», XIII, 20). (20 июня 1792 года в Париже состоялась организованная жирондистами народная демонстрация, требовавшая принятия декретов о неприсягнувших священниках и об образовании лагеря федератов и протестовавшая против увольнения королем министров-жирондистов —*Ред*.)

[63] Commune de Paris, 2 juin 1793; BN, Lb[40] 1154.

[64] «Moniteur», XVI, 651.

[65] AN, F[1] c III Seine 27

[66] Jacobins, V, 254; AN, F[1] c III Seine 27.

[67] Actes, V, 3

[68] Jacobins, V. 273

[69] Section du Panthéon-Français, Assemblée générale du 27 juin 1793; BN, Lb[40] 2028

[70] BVC, ms 120.

[71] «Moniteur», XVI, 518, 622, 641.

[72] «Moniteur», XVI, 527.

[73] BVC, ms.120

[74] Относительно Раффе см AN, F[7] 4774[86], dossier Nicolas Raffet. Mémoire du citoyen Raffet..; BN, Lb[41] 1548. Vie politique du citoyen Raffet... Imp. s. d. (début an III) in-8, 23 p ; Tourneux, № 24869.

[75] AN, F[7] 4639, d 2.

[76] AN, F[7] 4664.

[77] AN, F[1] c III Seine 27, rapports de l'observateur Dutard; Ad. Schmidt, Tableaux, II, 68, 75, 79.

[78] «Moniteur», XVI, 746. Фрагментарный характер документации не дает возможности воссоздать точную картину этих выборов в каждой секции.

[79] «Journal des Débats», № 442, (2 juillet 1793).

[80] Jacobins, V, 283.

[81] Цитируется у Henri Calvet, Un instrument de la Terreur à Paris, p. 265.

[82] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2684, f. 213.

[83] APP, A A/266, p. 276, procès-verbal de l'assemblée générale de Marseille, 23 juin 1793.

[84] BN, Mss, Nouv. acq., fr. 2684, f. 213.

[85] BVC, ms 120.

[86] BN, Lb[40] 530; Tourneux, № 8784.

[87] AN, F[7] 4597, pl. 8, p. 39. Обвиняемый Бёдо заявил: «Те, кто голосовал за Раффе, не такие головорезы и грабители, как вы».

[88] BVC, ms 120.

[89] AN, W 367, d. 820.

[90] См. Henri Calvet, Un instrument de la Terreur à Paris, p. 192.

[91] AN, F[12] 1547 c.

[92] AN, AF IV 1470.

[93] См. стр. 42 данной книги.

[94] Jacobins, V, 199. См. Albert Mathiez, La vie chère, p. 202 (см русское издание, стр. 155).

[95] AN, C 256, d. 488, p 24.

[96] BN, Lb[41] 2979; «Moniteur», XVI, 606.

[97] «Affiches», 16 juin 1793; «Moniteur», XVI, 658.

[98] «Moniteur, XVI, 674.

[99] «Moniteur», XVI, 682.

[100] «Correspondance politique de Paris et des départements»,22 juin 1793. См. Albert Mathiez, La vie chère, p. 212 (см. русское издание, стр. 163).

[101] «Journal de la Montagne», 23 juin 1793. См. Albert Mathiez, La vie chère, p. 213 (русское издание, стр. 164).

[102] «Correspondance politique de Paris et des départements», 24 juin 1793. См. Albert Mathiez, La vie chère, p. 214 (русское издание, стр 164).

[103] «Moniteur», XVI, 730.

[104] Jacobins, V, 273.

[105] «Moniteur», XVI, 747.

[106] «Moniteur», XVI, 747. Рукописный текст этой петиции находится в досье дела Жака Ру (AN, W 20, d. 1073).

[107] «Moniteur», XVI, 748.

[108] AN, W 20, d. 1073.

[109] «Le Journal de la Montagne» 27 juin 1793.

[110] «Moniteur», XVI, 757.

[111] «Moniteur», XVI, 754.

[112] Département de Paris. Lettre du procureur général syndic du département au Conseil général de la Commune de Paris, 26 juin 1793 (BN, Lb[40] 1320.)

[113] «Moniteur», XVI, 754.

[114] «Moniteur», XVI, 761.

[115] «Moniteur», XVI, 759

[116] «Moniteur», XVII, 1, 2. См Albert Mathiez, La vie chère, p. 235 (русское издание, стр. 180).

[117] «Moniteur», XVI, 759.

[118] «Moniteur», XVI, 762.

[119] AN, W 20, d. 1073.

[120] AN, W 20, d. 1073.

[121] «Correspondance politique de Paris et des départements», 30 juin 1793; «Courrier français», 1er juillet 1793.

[122] «Moniteur», XVII, 2.

[123] AN, W 20, d. 1073, extrait du procès-verbal de la société des Jacobins, 28 juin 1793.

[124] AN, W 20, d. 1073, extrait de délibérations du Conseil général de la Commune, 29 juin 1793.

[125] Jacobins, V, 281. Среди 12 комиссаров были Робеспьер и Колло д'Эрбуа, что говорит о том, какое большое значение придавали якобинцы этому делу.

[126] AN, W 20, d. 1093, extrait des procès-verbaux de la société des Jacobins, 1er juillet 1793

[127] AN, W 20, d. 1093, extrait des procès-verbaux du Conseil général de la Commune, 1er juillet 1793.

[128] AN, C 261, d. 573, p. 1; P.-v imp., 4 juillet 1793;

[129] «Moniteur», XVII, 48.

[130] «Moniteur», XVI, 726.

[131] «Moniteur», XVI, 746.

[132] См. Обращение Национального Конвента к французам от 26 июня 1793 года («Moniteur», XVI, 762).

[133] «Le Coup de Jarnac» (BN, Lb[41] 3187; Tourneux, № 8874). Среди пропагандистских брошюр в защиту Конституции отметим еще следующие: «L'ordre du jour», Imp. s.l.n.d., in-8, 8 p. (AN, AD I 89); «Le vrai jacobin au peuple», Imp. in-4, 4 p. (AN, AD I 70); «Le peuple parisien à ses frères d'armes», Imp. s.l.n d., in-8, 2 p. (BN, Lb[41] 1703; Tourneux, № 4115). Отметим также призыв к всеобщему объединению вокруг Конституции Гойе (Le ministre de la Justice au peuple français, 6 juillet 1793; BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2660, f. 126).

[134] Декреты, касающиеся принятия Конституции, см. в «Moniteur», XVI, 764. Доклад Барера имеется в «Moniteur», XVII, 18

[135] «Moniteur», XVII, 27.

[136] Папка № 23 подсерии B II (сведения о голосовании Конституции 1793, а также Конституции III года) в Национальном архиве содержит интересующие нас протоколы парижских первичных собраний. Приветственные адресы Конвенту (AN, C 261 et 262), так же как procès-verbal imprimé (t. XV), дают возможность уточнить некоторые пункты протоколов первичных собраний.

Отметим два исследования, посвященные принятию Конституции 1793 года: C. Riffaterre, Les revendications économiques et sociales des assemblées primaires de juillet 1793, «Bulletin trimestriel de la Commission de l'histoire économique de la Révolution», 1906, p. 321—380 и R. Baticle, Le plébiscite sur la Constitution de 1793 «La Révolution française», 1909 p. 496 et 1910, p. 5, 117, 193, 327, 385.

[137] AN, B II 23, p. 229. См. речь Лакруа (председателя и оратора депутации от секции Единства) у барьера Конвента от 4 июля 1793 года (BN, Lb[38] 2542, imp, in-8, 8 p.; Tourneux, № 8772).

[138] AN, B II 23, p. 238; Archives parlementaires, LXVIII, 286.

[139] AN, B II 23, p. 180; Archives parlementaires, LXVIII, 382. Конституция 1793 года содержит 124 статьи; статья 59 является предпоследней раздела «О формировании закона»; секция Санкюлотов не обсудила и половины Конституционного акта.

[140] AN, B II 23, p. 240; Archives parlementaires, LXVIII, 287.

[141] AN, B II 23, p. 179; Archives parlementaires, LXVIII, 148.

[142] Досье первичного собрания секции Сплочения содержит только протокол назначения комиссаров, которые должны были официально уведомить Комитет общественного спасения о принятии Конституции (AN, B II 23, p. 201). См. адрес секции Сплочения, направленный в Конвент 2 июля (Archives parlementaires, LXVIII, 148).

[143] AN, B II 23, p. 202 [документ не пронумерован], 207, 250.

[144] AN, B II 23, p. 196.

[145] AN, B II 23, p. 223.

[146] AN, B II 23, p. 235; C 261, d. 573. p. 21

[147] AN, B II 23, p. 234; C 261, d. 573, p. 39.

[148] AN, B II 23, p. 247; BVC, ms 120. В секции Бютт-де-Мулен 105 граждан не откликнулись, когда назвали их имя, в секции Май —324.

[149] AN, B II 23, p. 199.

[150] AN, F[7] 4774[28].

[151] AN, F[7] 4577, pl. 2.

[152] AN, F[7] 4774[67].

[153] AN, C 261, d. 573, p. 8; Archives parlementaires, LXVIII, 258.

[154] AN, C 261, d. 573, p.2.
[155] AN, C 261, d. 573, p. 61.
[156] Archives parlementaires, LXVIII, 254.
[157] AN, C 261, d. 572, p. 29.
[158] AN, C 261, d. 573, p. 3.
[159] AN, C 261, d. 573, p. 29.
[160] AN, C 261, d. 573, p. 5.
[161] Archives parlementaires, LXVIII, 316, 380.
[162] AN, C 262, d. 574, p. 32.
[163] AN, C 261, d. 573, p. 18.
[164] AN, C 261, d. 573, p. 30; Archives parlementaires, LXVIII, 256.
[165] AN, C 261, d. 573, p. 60.
[166] AN, C 261, d. 573, p.30.
[167] «Moniteur», XVI, 620, 622, 630, 638, 651, 657.
[168] «Moniteur», XVII, 10.
[169] «Moniteur», XVII, 27.
[170] «Affiches de la Commune», 6 juillet 1793.
[171] «Moniteur», XVII, 66.
[172] «Moniteur», XVII, 82.
[173] AN, C 262, d. 574, p. 19.
[174] «Affiches», 7 juillet 1793.
[175] «Journal de la Montagne», 10 juillet 1793.
[176] «Affiches», 9 juillet 1793.
[177] «Affiches», 9 juillet 1793.
[178] ~~«Affiches», 10 juillet 1793.~~
[179] Archives parlementaires, LXVIII, 316.
[180] BN, Lb[40] 1794 (3).
[181] Section de Molière-et-Lafontaine. Rapport des commissaires... nommés pour se transporter dans de département de l'Eure. Imp. de la section de Molière-et-Lafontaine (BN, Lb[40] 470).
[182] «Affiches», 12 juillet 1793.
[183] «Affiches», 14 juillet 1793.
[184] «Affiches», 14 juillet 1793.
[185] AN, F[7] 4645. Декларация Комитета общественной безопасности.
[186] AN, W 287, d. 147, affaire Mouchet.
[187] AN, W 287, d. 147, affaire Mouchet
[188] AN, W 287, d. 147.
[189] BN, Mss, Anc. suppl. fr. 8606, f. 274
[190] AN, W 287, d. 147, affaire Mouchet.
[191] AN, W 287, d. 147, affaire Mouchet
[192] AN, W 287, d. 147, affaire Mouchet
[193] APP, AA/266, p. 336.
[194] APP, AA/266, p. 61 et 336.
[195] APP, AA/266, p. 336.
[196] AN, W 287, d. 147, affaire Mouchet.
[197] Section de 1792. Extrait du procès-verbal de l'assemblée générale et permanente... 13 juillet 1793... (BN, Lb[40] 1966*).
[198] «Affiches», 20 juillet 1793.

Глава II

[1] «Affiches», 14 juillet 1793.
[2] APP, AA/266, p. 117.
[3] AN, C 262, d. 578, p. 38.
[4] AN, C 262, d. 578, p. 39.
[5] «Affiches», 16 juillet 1793.
[6] AN, C 262, d. 579, p. 3.
[7] Jacobins, IV, 305.
[8] «Affiches», 16 juillet 1793.
[9] AN, C 259, d. 540, C 260, d. 551.
[10] «Journal de la Montagne», 15 juillet 1793
[11] «Journal de la Montagne», 23 juillet 1793.
[12] Jacobins, V, 301, 304.
[13] «Le Publiciste de la République française, par l'Ombre de Marat, l'Ami du peuple, député à la Convention... № 243—271, 16 juillet 1793 — brumaire an II, in.-8 (BN, Lc[2] 227 Réserve).
[14] «Le Publiciste de la République française par l'Ami de Marat, l'Ami du peuple, auteur de plusieurs ouvrages patriotiques», № 243, 17 juillet 1793, in-8 (BN, Lc[2] 227, Réserve) На номере значится: «De l'Imprimerie de l'Ami de Marat».
[15] «L'Ami du peuple par Leclerc», № 1—24, 20 juillet —15 septembre 1793, in-8 (BN, Lc[2] 704). На номерах указано: «De l'Imprimerie de l'Ami du peuple». Начиная с № 3 название уточняется: «par Leclerc de Lyon».
[16] Отметим, что отныне издание газеты Марата продолжили кордельеры: «L'Ami du peuple, par le club des ~~Cordeliers, Société des Droits~~ de l'homme et du citoyen»; №№ 243 et 244, s. d. (Ventôse, an II), in-8 (BN, Lc[2] 227 Réserve). На номерах значится: «De l'imp. du Club des Cordeliers».
[17] Détail de l'assassinat commis samedi 13 juillet 1793, sur la personne de Marat député à la Convention nationale... Imp. Lebois, s. d. in-8, 8 p. (BN, Lb[41] 3158).
[18] AN, F[1] c III Seine 27.
[19] «Journal de la Montagne», 23 juillet 1793.
[20] Jacobins, V, 312.
[21] См. передовую статью «О генералах» в «Journal de la Montagne», 8 août 1793.
[22] «Le Publiciste de la République française, par l'ombre de Marat», 27 juillet 1793.
[23] Согласно «Moniteur», XVII, 243 и Archives parlementaires, LXIX, 541, в своей петиции кордельеры ограничились требованием оставить Бушотта на посту военного министра.
[24] Pétition présentée à la Convention nationale, le 26 juillet 1793, par les citoyens de la Société des Hommes révolutionnaires du 10 août, séante rue Saint-Denis, aux ci-devant Filles-Dieu. Imp. de la Cour-des-Miracles, s. d. in-8, 4 p. (BN, Lb[40] 823).
[25] Archives parlementaires, LXIX, 441. Письмо Анрио было зачитано Бийо-Варенном.
[26] P.-v., impr., XVII, 334.
[27] «Moniteur», XVII, 287—288.
[28] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2684, f 220.

[29] Jacobins, V, 321.

[30] «Moniteur», XVII, 324.

[31] AN, AF* II 286.

[32] Jacobins, V, 340.

[33] Jacobins, V, 330, 336.

[34] См. ниже, стр. 96.

[35] «Moniteur», XVII, 336.

[36] «Moniteur», XVII, 388.

[37] «Le Publiciste de la République française», № 255.

[38] AN, BB³ 74.

[39] Assemblée générale de la section de la Fontaine-de-Grenelle, du 12 août 1793. Imp. du Journal des hommes libres, s d., in-folio plano (BN, Lb⁴⁰ 3153).

[40] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2668, f. 225.

[41] Об этой стороне петиции секции Арси см., в частности, «Journal de la Montagne», 19 août 1793.

[42] PV, imp., XIX, 76.

[43] AN, C 267, d. 636, p. 3.

[44] Jacobins, V, 337.

[45] AN, C 267, d. 635, p. 36.

[46] AN, AF IV 1470, BB³ 76.

[47] Archives parlementaires, LXIII, 316.

[48] BN, Lb ⁴⁰ 1821, imp. in-8.

[49] «Journal de la Montagne», 1er août 1793.

[50] Vivre libre ou mourir. Le Tocsin et la générale battue par le patriote Moustache. Avis aux braves citoyens qui partent pour la défense de la patrie (AN, AD I 70, imp. s. d., in-8, 8 p.) На документе стоит подпись: *Л. Буссемар*, патриот Мусташ, проживающий на улице Тиршап, дом слесаря, второй этаж. Ничего другого о санкюлоте Буссемаре нам не известно.

[51] «Moniteur», XVII, 322.

[52] «Moniteur», XVII, 323.

[53] «Moniteur», XVII, 387.

[54] AN, C 267, d. 633, p. 17.

[55] Liberté, égalité ou la mort. Section des Arcis Pétition à la Convention nationale (14 août 1793). Paris, imp. Millet, s. d , in-4, 4 p. (BN, Lb⁴⁰ 1695).

[56] См. выше, стр. 86.

[57] AN, C 267, d. 635, p. 38.

[58] AN, C 267, d. 637, p. 8.

[59] «Moniteur», XVII, 79, 354.

[60] «Affiches», 14 juillet 1793.

[61] «Affiches», 19 juillet 1793.

[62] «Affiches», 20 juillet 1793.

[63] «Affiches», 21 juillet 1793.

[64] «Moniteur», XVII, 190.

[65] «Affiches», 22 juillet 1793.

[66] «Affiches», 27 juillet 1793.

[67] «Moniteur», XVII, 209.

[68] Extrait du registre des délibérations de l'assemblée générale Imp. in-folio plano (BN, Lb⁴⁰ 1944).

[69] Extrait du procès-verbal de la séance du 22 juillet 1793 Imp. in-4, 1 p. (BN, Lb⁴⁰ 523*.)

[70] Section de la Réunion. Extrait des minutes des délibérations .. Séance du 13 juillet 1793. Imp. s l.n d., in-8, 18 p. (BN, Lb⁴⁰ 2099).

[71] Section du Finistère Extrait du registre de ses délibérations du 21 juillet 1793. Imp. in-8, 16 p. (BN, Lb⁴⁰ 1821).

[72] AN, AF II 69, d. 508.

[73] «Moniteur», XVII, 188.

[74] См. Henri Calvet, L'accaparement à Paris sous la Terreur. Essai sur l'application de la loi du 26 juillet 1793.

[75] Section de la Maison-Commune. Pétition à la Convention nationale (27 juillet 1793). Imp. in-4, 4 p (BN, Lb⁴⁰ 1945.)

[76] «Moniteur», XVII, 276.

[77] «Moniteur», XVII, 348.

[78] Jacobins, V, 331; «Moniteur», XVII, 332

[79] «Moniteur», XVII, 365.

[80] Номер от 10 августа 1793 года.

[81] «Journal de la Montagne», 14 août 1793.

[82] «Обильный урожай этого года должен быть весь закуплен нацией».

[83] Jacobins, V, 361.

[84] «Journal de la Montagne», 21 août 1793.

[85] AN, C 267, d. 636, p. 3.

[86] «Moniteur», XVII, 377.

[87] «Affiches», 14 août 1793.

[88] «Moniteur», XVII, 413.

[89] «Moniteur», XVII, 414, 429, 437.

[90] AN, C 267, d. 637, p. 19 Extrait des délibérations de l'assemblée générale des commissaires des sections de Paris ..

[91] «Journal de la Montagne», 24 août 1793.

[92] «Moniteur», XVII, 294, 310.

[93] «L'Ami du peuple», 4 août 1793.

[94] «Journal de la Montagne», 7 août 1793.

[95] «Journal de la Montagne», 7 août 1793.

[96] Альбер Матьез в своей книге «Борьба с дороговизной» (стр 213) ошибочно приводит дату 6 августа Робеспьер произнес свою филиппику против Жака Ру и Леклерка в Якобинском клубе вечером 5 августа, так что Леклерк не мог ответить ему уже в номере от 6-го, который набирался 5-го числа.

[97] Jacobins, V, 336.

[98] AN, C 267, d. 631, p. 9.

[99] Tourneux, № 4050.

[100] «Moniteur», XVII, 344.

[101] «Journal de la Montagne», 10 août 1793.

[102] «Journal de la Montagne», 13 août 1793.

[103] «Moniteur», XVII, 374.

[104] BN, Lb⁴⁰ 3153.

[105] Adresse du Comité central et de la Société des Amis de la Constitution séant au Concert, reunis fraternellement, aux citoyens. Imp. s.l n.d., in-8, 4 p. (BN, Lb⁴⁰ 2200.)

[106] «Le Publiciste de la République française», 14 août 1793.

[107] Jacobins, V, 356

[108] Jacobins, V, 360.

[109] «L'Ami du peuple», 21 août 1793.

[110] С волнениями в секции Гравилье 18 и 19 августа 1793 года мы познакомились по досье Жака Ру (AN, W 20, d. 1073). (В советской исторической литературе волнения в секции Гравилье подробно освещены в работе Я. М. Захера «Движение „бешеных"», М., 1962.— *Прим. ред.*)

[111] AN, W 20, d. 1073, показания Жака Батиста Флёри.

[112] «Journal de la Montagne», 24 août 1793; Jacobins, V, 367.

[113] «Publiciste de la République française», № 262, 24 août 1793, № 236, s. d.

[114] «Journal de la Montagne», 24 août 1793.

[115] AN, W 20, d. 1073. Комиссары Коммуны аннулировали решения, принятые секцией Гравилье 18 и 19 августа, и провели переизбрание бюро общего собрания («Journal de la Montagne», 25 août 1793).

[116] «Affiches», 27 août 1793.

[117] AN, W 20, d. 1073.

[118] Tourneux, № 25188.

[119] «Journal de la Montagne», 24 août 1793; Jacobins, V, 367.

[120] См. выше, стр. 97.

[121] «Journal de la Montagne», 22 août 1793.

[122] «Journal de la Montagne», 25 août 1793.

[123] «Journal de la Montagne», 26 août 1793.

Глава III

[1] «Moniteur», XVII, 549.

[2] «Moniteur», XVIII, 586, 597.

[3] BVC, ms 120.

[4] AN, AF II* 286; Tuetey, IX, № 1202.

[5] AN, C 267, d. 638, p. 32.

[6] «Journal de la Montagne», 30 août 1793.

[7] «Moniteur», XVII, 527.

[8] «Moniteur», XVII, 484.

[9] См. № 254 «Le Publiciste», 8 août 1793.

[10] «Moniteur», XVII, 280.

[11] «Moniteur», XVII, 406.

[12] «Moniteur», XVII, 434.

[13] AN, F[7]* 2517, délibération du comité révolutionnaire de la section du Finistère, 26 août 1793.

[14] «Affiches», 26 et 27 août 1793.

[15] «Affiches», 28 août 1793.

[16] «Paris pendant la Terreur», vol .I, p. 4, 10, 16. Ежедневное потребление составляло 1500 мешков, а не 4500, как указывает Тюете (IX, № 1189) и повторяет в свою очередь Матьез («La vie chère», p. 320).

[17] AN, F[7] 3688[3].

[18] Tuetey, IX, № 1212. Приказ от 3 сентября 1793 года, а не от 2-го, как указывает Альбер Матьез («La vie chère», p. 320).

[19] Без даты; частично цитируется Альбером Матьезом (Albert Mathiez, La Révolution française, vol. III, p. 43).

[20] A. Mathies, La Révolution française, vol. III, p. 41.

[21] «Journal de la Montagne», 30 août 1793; Jacobins, V, 381.

[22] «Journal de la Montagne», 2 septembre 1793.

[23] «Journal de la Montagne», 3 septembre 1793.

[24] «Journal de la Montagne», 5 septembre 1793.

[25] «Moniteur», XVII, 559, 564.

[26] Liberté, égalité ou la mort. Section des Arcis Pétition à la Convention nationale (29 août 1793). Imp. s. d , 4 p. (BN, Lb[40] 1696).

[27] Liberté, Egalité ou la Mort Section des Sans-Culottes. Adresse à la Convention nationale (2 septembre 1793). Imp. in-8, 6 p (BN, Lb[40] 2140).

[28] BN, Mss., Anc. sup. fr. 8606, f. 141.

[29] «Moniteur», XVII, 576.

[30] AN, C 270, d. 658, речь Шометта в Конвенте от 4 сентября 1793 года.

[31] Цит. по Albert Mathiez, La vie chère, p. 323 (русское издание, стр. 245).

[32] Мы не будем употреблять слово *пролетариат*, как это делает Даниель Герен (vol. I, p. 74). Разумеется, строительные рабочие, а также рабочие оружейных мастерских принадлежали к наиболее пролетаризированным элементам санкюлотства. Но они еще почти ничем не отличались от подмастерьев, трудившихся на ремесленника, они работали в слабо концентрированных предприятиях, не имея никакого представления о собственных интересах, никакого классового сознания, а потому не являлись еще пролетариями в том смысле, как мы это понимаем сегодня: этот социальный класс возникает только с ростом крупной промышленности.

[33] «Moniteur», XVII, 552.

[34] «Le Républicain français», 6 septembre 1793.

[35] «Journal de la Montagne», 6 septembre 1793.

[36] «Républicain français», 6 septembre 1793.

[37] «Journal de la Montagne», 6 septembre 1793.

[38] AN, C 270, d. 658; «Moniteur», XVII, 574.

[39] «Moniteur», XVII, 574.

[40] «Républicain français», 6 septembre 1793.

[41] «Journal de la Montagne», 6 septembre 1793.

[42] «Républicain français», 6 septembre 1793.

[43] «Républicain français» и «Journal de la Montagne», 6 septembre 1793.

[44] «Républicain français», 6 septembre 1793; «Affiches», 5 septembre 1793.

[45] «Moniteur», XVII, 578. «Républicain français» и «Journal de la Montagne», 6 septembre 1793.

[46] «Journal de la Montagne», 6 septembre 1793.

[47] «Moniteur», XVII, 589.

[48] «Journal de la Montagne», 6, 7 septembre 1793.

[49] «Moniteur», XVII, 586. Список комиссаров секций нам известен (AN, C 271, pl. 665, p. 33).

[50] «Moniteur», XVII, 587.

[51] «Journal de la Montagne», 7 septembre 1793.

[52] Albert Mathiez, La vie chère, p. 328, 338. (Русское издание, стр 256.)

Глава IV

[1] «Moniteur», XVII, 583.
[2] «Moniteur», XVII, 625.
[3] BVC, ms 120.
[4] «Affiches», 16 septembre 1793.
[5] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2647, f. 179.
[6] «Moniteur», XVII, 654.
[7] BVC, ms 120.
[8] «Moniteur», XVII, 686.
[9] BVC, ms 120.
[10] BVC, ms 119, f. 46.
[11] BVC, ms 120.
[12] «Journal de la Montagne», 18 septembre 1793.
[13] «Journal de la Montagne», 19 septembre 1793.
[14] Копия постановления Комитета общественной безопасности хранится в деле Шемитта (Chemitte) (надо читать Шмитта — Schmitt) (AN, F[7] 4645), по доносу которого Варле был арестован; простой предлог, за который ухватился Комитет.
[15] AN, F[1] c III Seine 13.
[16] Донесение наблюдателя Ле Аривеля (AN, F[7] 3688[3]).
[17] «Affiches», 20 septembre 1793.
[18] «Affiches», 20 septembre 1793.
[19] BVC, ms 120.
[20] AN, F[7] 3688[3].
[21] BVC, ms 120.
[22] BVC, ms 120.
[23] BVC, ms 120.
[24] «Affiches», 2 octobre 1793.
[25] BVC, ms 120.
[26] AN, C 275, pl. 710, p. 40.
[27] «Affiches», 8 octobre 1793.
[28] «Journal de la Montagne», 11 octobre 1793.
[29] «Journal de la Montagne», 9 septembre 1793.
[30] «Moniteur», XVII, 654.
[31] «Moniteur», XVII, 661.
[32] «Affiches», 18 septembre 1793.
[33] «Journal de la Montagne», 20, 21 septembre 1793; «Affiches», 20, 22 septembre 1793; «Journal de la Montagne», 25 septembre 1793.
[34] BVC, ms 118, f. 22.
[35] «Journal de la Montagne», 24 du premier mois de l'an II.
[36] Le Club central du département de Paris, séant à l'Evêché, à ses frères les républicains (21 septembre 1793). Imp. in-8, 4 p. (BN, Lb[40] 2370).
[37] «Moniteur», XVII, 755, XVIII, 171.
[38] «Journal de la Montagne», 22 septembre 1793.
[39] BN, Mss, Anc. suppl. fr. 8606, f. 144.
[40] P.-v. imp., XX, 198.
[41] Jacobins, V, 395.
[42] AN, F[7] 3688[3]; rapport de Roubaud, 14 septembre 1793.

[43] «Mercure universel», 21 septembre 1793.
[44] Liberté, Egalité. Vincent, Electeur et Secrétaire général de la Guerre, aux Républicains composant le Comité de surveillance et révolutionnaire de la section d... Imp., s.l.n.d (AN, F[7] 4775[20], dossier Soustère).
[45] AN, F[7] 3688[3].
[46] «Journal de la Montagne», 21 septembre 1793.
[47] «Moniteur», XVII, 730.
[48] Vincent, Electeur, Secrétaire général de la Guerre aux Républicains composant le Comité révolutionnaire de la section de... (Imp. s.l.n.d.; AN, F[7] 4699, dossier Duvivier).
[49] «Moniteur», XVIII, 101.
[50] «Affiches», 3 brumaire an II.
[51] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 43.
[52] «Journal de la Montagne», 9 octobre 1793.
[53] «Moniteur», XVIII, 598, 605, 629.
[54] «Affiches», 8 septembre 1793.
[55] «Moniteur», XVII, 630; «Affiches», 13 septembre 1793.
[56] «Moniteur», XVII, 721.
[57] «Affiches», 1 octobre 1793.
[58] «Moniteur», XVIII, 9, 41, 74.
[59] AN, F[7] 4703.
[60] «Affiches», 5 octobre 1793.
[61] «Affiches», 23 du 1er mois de l'an II.
[62] «Journal de la Montagne», 27 du 1er mois, an II.
[63] «Affiches», 16 brumaire an II.
[64] La section de la Fraternité aux quarante-sept autres sections. Imp. s. d , in-8, 4 p. (AN, AD XVI, 72.)
[65] «Affiches», 27 frimaire an II.
[66] Extrait des registres des séances de l'assemblée générale de la section de la Halle-au-Blé du 29 septembre 1793, 3 p. (BN, LB[40] 1875).
[67] «Journal de la Montagne», 17 brumaire an II.
[68] «Affiches», 18 septembre 1793.
[69] BVC, ms 119, f. 46.
[70] BVC, ms 120.
[71] Régénération parfaite. Aux citoyens de la section de la Montagne. Imp s. d , 4 p. (BN, Lb[40] 1988).
[72] BVC, ms 120.
[73] APP, A A/266, p. 306—309.
[74] «Moniteur», XVII, 679.
[75] AN, F[7] 3688[3], rapport de l'observateur Rousseville 8 septembre 1793.
[76] «Journal de la Montagne», 13 septembre 1793.
[77] «Journal de la Montagne», 17 septembre 1793.
[78] «Journal de la Montagne», 17 septembre 1793.
[79] «Moniteur», XVII, 689
[80] «Moniteur», XVII, 680.
[81] «Moniteur», XVII, 697.
[82] «Journal de la Montagne», 28 septembre 1793.
[83] BN, Lb[40] 1154 g*.

[84] Commune de Paris. Le 20e jour du premier mois, an II de la République française. Extrait du registre des délibérations du Conseil général. Caractères qui doivent distinguer les hommes suspects et à qui on doit refuser le certificat de civisme. Imp. in-8, 4 p. (BN, Lb[40] 224)

[85] «Moniteur», XVIII, 711.

[86] Archives parlementaires, LXXIII, 691.

[87] «Moniteur», XVII, 658.

[88] AN, F[7] 3688[3].

[89] AN, F[7] 3688[3].

[90] Section du Mont-Blanc, Extrait du procès-verbal de l'assemblée générale du 15 septembre 1793, 2 p. (BN, Lb[40] 1980*.)

[91] P.-v. imp., XXI, 21; «Moniteur», XVII, 699.

[92] AN, F[7] 3688[3].

[93] «Affiches», 22 septembre 1793.

[94] AN, C 272, pl. 673, p. 43.

[95] «Moniteur», XVII, 732.

[96] P.-v. imp. XXI, 190.

[97] AN, F[7] 3688[3].

[98] «Journal de la Montagne», 19 septembre 1793.

[99] AN, AA 44, pl. 6, d. 1345.

[100] AN, F[7]* 2486 Выдержка из этого решения имеется в деле Жака Ру (AN, BB[3] 67, d. 65.)

[101] AN, BB[3] 81.

[102] «Journal de la Montagne», 10 septembre 1793.

[103] «Publiciste», № 264, s. d. (приблизительно 12 сентября 1793 года).

[104] «Publiciste», № 265, s. d. (приблизительно 20 сентября 1793 года).

[105] «Publiciste», № 267, s. d.

[106] S. d. (приблизительно 10 сентября 1793 года).

[107] «Publiciste», s. d. (приблизительно 20 сентября 1793 года).

[108] APP, A A/266, p. 120.

[109] «Affiches», 24 septembre 1793.

[110] AN, F[7] 3688[3].

[111] «Journal de la Montagne», 18 septembre 1793.

[112] AN, F[7] 4756.

[113] «Moniteur», XVII, 696.

[114] «Le Publiciste», № 268, s. d. (22 сентября 1793 года?).

[115] Archives parlementaires, LXXIV, 288.

[116] «Moniteur», XVII, 714; Jacobins, V, 412.

[117] AN, F[7] 3688[3].

[118] 13 сентября 1793 года Конвент расширил полномочия Комитета общественного спасения: отныне он должен был представлять на утверждение Собрания членов других комитетов («Moniteur», XVII, 651).

[119] «Moniteur», XVII, 351, 425.

[120] Jacobins, V, 398.

[121] «Moniteur», XVII, 741.

[122] «Moniteur», XVII, 744, 747.

[123] «Moniteur», XVII, 749, 755.

[124] «Journal de la Montagne», 27 septembre 1793.

[125] AN, F[7] 3688[3].

[126] «Moniteur», XVII, 744.

[127] «Moniteur», XVIII, 5.

[128] AN, F[7] 3688[3].

[129] «Moniteur», XVIII, 32, 37.

[130] «Moniteur», XVIII, 39.

[131] Imp. in-8, 8 p. (BN, Lb[41] 3362).

[132] Номер 294, без даты.

[133] С 10 по 24 сентября 1793 года 37 секций представили Конвенту набранные ими контингенты; их послания также служат свидетельством их лояльности.

[134] AN, C 272, pl. 673, p. 36.

[135] AN, C 272, pl. 673, p. 41.

[136] «Moniteur», XVIII, 110.

Глава V

[1] AN, F[7] 4644.

[2] BN, Mss, Nouv. acq. fr., 2662, f. 23, 41, 51, 57. Детурнель прибавил, что предпочитает отцов семейств.

[3] BVC, ms 117.

[4] Pétition de la société Lepeletier à la Convention nationale. Imp. s. d. in-8, 4 p. (BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2660, f. 259).

[5] ADS, D 989.

[6] «Affiches», 7 brumaire an II.

[7] «Journal de la Montagne», 21 brumaire an II.

[8] «Journal de la Montagne», 17 brumaire an II.

[9] «Moniteur», XVIII, 11.

[10] «Moniteur», XVIII, 308.

[11] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2662, f. 46.

[12] «Journal de la Montagne», 26 brumaire an II.

[13] «Affiches», 24 brumaire an II.

[14] BN, Lb[41] 5005.

[15] «Journal de la Montagne», 26 frimaire an II.

[16] BVC, ms 117.

[17] P.-v. imp., XXII, 2, Archives parlementaires, LXXV, 385. Четыре комитета, состоявшие из мировых судей и полицейских комиссаров, должны были выносить окончательное решение в каждом случае.

[18] «Moniteur», XVIII, 130.

[19] «Moniteur», XVIII, 160, 174, 215.

[20] «Journal de la Montagne», 21 brumaire an II.

[21] «Moniteur», XVII, 713.

[22] AN, F[7]* 2478, comité révolutionnaire de la section Lepeletier, 10 brumaire an II.

[23] Actes, VIII, 159.

[24] См. данные, приводимые почти за каждый день в Archives parlementaires (LXXVI—LXXXI).

[25] AN, F[7]* 2508, Registre des procès-verbaux du comité révolutionnaire de la section de l'Unité.

[26] AN, F[7] 4607, d. 3.
[27] AN, F[7] 4593, pl. 6.
[28] ADS, 4 AZ 698.
[29] «Moniteur», XVIII, 216.
[30] AN, F[7] 4593, pl. 6.
[31] AN, F[7] 4728.
[32] «Père Duchesne», № 299, s. d.
[33] «Journal de la Montagne», 8 du 2e mois an II; «Moniteur», XVIII, 286; Jacobins, V, 479.
[34] «Père Duchesne», № 304, s. d.
[35] «Journal de la Montagne», 10 du 2e mois an II; «Moniteur», XVIII, 296.
[36] «Moniteur», XVIII, 290.
[37] См. «Père Duchesne», № 305, s. d.
[38] «Père Duchesne», № 308, s. d. Байи был казнен 20 брюмера, Барнав — 8 фримера II года.
[39] «Moniteur», XVIII, 380, 395.
[40] «Moniteur», XVIII, 394.
[41] «Moniteur», XVIII, 359.
[42] «Journal de la Montagne», 23 brumaire an II.
[43] «Moniteur», XVIII, 404, 418.
[44] Декрет от 20 брюмера был отменен 22 брюмера («Moniteur», XVIII, 418).
[45] «Moniteur», XVIII, 421.
[46] Доклад так и не был представлен.
[47] Actes, VIII, 159. См. выше, стр. 160.
[48] AN, F[7] 4774[92].
[49] «Moniteur», XVIII, 292. Но настоящего нормирования не существовало.
[50] «Affiches», 1er octobre 1793.
[51] «Affiches», 5 octobre 1793.
[52] AN, F[12] 1547 c.
[53] Об этом деле см. Albert Mathiez, La vie chère, p. 512. (См. русское издание, стр. 381—389.)
[54] P.-v. imp., XXII, 62.
[55] AN, C 275, pl. 711, p. 5.
[56] «Moniteur», XVIII, 81.
[57] «Moniteur», XVIII, 105.
[58] «Affiches», 24e jour, 1er mois an II.
[59] «Moniteur», XVIII, 130.
[60] «Moniteur», XVIII, 145.
[61] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2684, f. 233.
[62] AN, D III 256[1], p. 18.
[63] «Affiches», 5 du 2e mois an II.
[64] AN, F[7]* 2478, registre des procès-verbaux du comité révolutionnaire de la section Lepeletier.
[65] Actes, VIII, 159.
[66] «Affiches», 8 brumaire an II.
[67] «Moniteur», XVII, 314.
[68] AN, D III 257.

[69] AN, D III 257.
[70] «Affiches», 10 brumaire an II.
[71] Actes, VIII, 162.
[72] «Moniteur», XVIII, 416.
[73] «Journal de Paris», 8 frimaire an II.
[74] «Journal de la Montagne», 20 brumaire an II.
[75] «Journal de la Montagne», 21 brumaire an II.
[76] Section des Droits-de-l'Homme. Extrait d'un Discours prononcé en la séance du 3 de ce mois, 8 p. (BHVP, 10065*.)
[77] «Affiches», 5 octobre 1793.
[78] BVC, ms 120.
[79] AN, F[7] 4775[40].
[80] AN, F[7] 4775[40].
[81] AN, AF II* 289, f. 80; AN, F[7] 4775[40].
[82] «Affiches», 26 brumaire an II.
[83] P.-v. imp., XXII, 122.
[84] «Moniteur», XVIII, 69.
[85] «Affiches», 8 brumaire an II.
[86] AN, BB[3] 81.
[87] «Moniteur», XVIII, 290.
[88] AN, C 280, d. 761.
[89] P.-v. imp., XXIV, 404.
[90] «Moniteur», XVIII, 350.
[91] «Affiches», 28 brumaire an II.
[92] «Journal de la Montagne», 26 septembre 1793.
[93] «Journal de la Montagne», 1[er] brumaire an II.
[94] «Journal de la Montagne», 10 brumaire an II.
[95] AN, 286, pl. 840, p. 2.
[96] «Journal de la Montagne», 11 frimaire an II.
[97] «Affiches», 12 frimaire an II.
[98] «Moniteur», XVIII, 579.
[99] «Affiches», 14 frimaire an II.
[100] AN, F[7]* 2511, 13 frimaire an II.
[101] «Революционные комитеты будут по-прежнему прямо сноситься без какого бы то ни было посредника с Комитетом общественной безопасности» (раздел II, статья 9).
[102] «Journal de la Montagne», 16 frimaire an II.
[103] «Affiches», 15 frimaire an II.
[104] AN, F[7] 4644.
[105] AN, D XLII 11, p. 235.
[106] «Affiches», 20 frimaire an II.
[107] Club des Cordeliers. Arrêté sur Chaumette et Hébert, ce 17 frimaire an II. Imp. in-folio plano (BN, Lb[40] 3114).
[108] Нам удалось проследить за прениями в Клубе кордельеров благодаря черновикам протоколов, впрочем часто составленным не по форме, которые сохранились в библиотеке Виктора Кузена (ms 117, f. 59—60, 22 frimaire an II; f. 52 et 75, 24 frimaire; две различные, но дополняющие одна другую версии; f. 65—66, 69—70, 78, 27 frimaire).

[109] В нашем распоряжении имеется как само постановление об исключении в первоначальной его редакции (BVC, ms 117, f. 65—66), так и мотивировка, текст которой отредактирован более тщательно (Ibid , f. 69—70, s. d.).

[110] «Affiches», 6 nivôse an II.

[111] «Affiches», 9 nivôse an II.

[112] «Moniteur», XVIII, 584, 590, 610.

[113] Раздел II, статьи 2, 11.

[114] Раздел II, статьи 14—20.

[115] Раздел III, статья 12.

[116] Раздел III, статья 16.

[117] Раздел III, статья 17.

[118] Раздел III, статья 18.

[119] Разделы IV и V.

Глава VI

[1] «Moniteur», XVIII, 493, 525.

[2] «Moniteur», 567.

[3] См. издание «Vieux Cordelier» par Henri Calvet, d'après les notes d'Albert Mathiez; в частности, p. 33.

[4] «Moniteur», XVIII, 615.

[5] «Moniteur», XVIII, 635.

[6] «Moniteur», XVIII, 650.

[7] «Moniteur», XVIII, 656, 661.

[8] AN, C 285, pl. 840, p. 21.

[9] «Moniteur», XVIII, 693.

[10] О столкновениях Лаво и Венсана см. протоколы заседания Якобинского клуба от 5 октября 1793 года («Journal de la Montagne», 10 octobre 1793).

[11] «Journal de la Montagne», 29 frimaire an II.

[12] «Journal de la Montagne», 1er nivôse an II.

[13] P.-v. imp., XXVII, 359.

[14] P.-v. imp., XXVII, 363.

[15] AN, C 286, pl. 843, p. 16.

[16] «Moniteur», XIX, 7.

[17] «Moniteur», XIX, 22, 24.

[18] «Moniteur», XIX, 73.

[19] BVC, ms 117, f. 74.

[20] BVC, ms 117, f. 66 et 79.

[21] AN, F7 4774[98], dossier Ronsin.

[22] AN, C 286, pl. 840, p. 21.

[23] «Moniteur», XIX, 15.

[24] «Moniteur», XIX, 29.

[25] «Moniteur», XIX, 29.

[26] «Journal de la Montagne», 3 et 4 nivôse an II.

[27] «Journal de la Montagne», 4 nivôse an II.

[28] BVC, ms 117, f 83.

[29] AN, F7 3688[3]

[30] BVC, ms 117, f 82

[31] «Affiches», 4 nivôse an II.

[32] AN, F7 3688[3].

[33] «Père Duchesne», № 325, s. d.

[34] AN, AD I 70.

[35] «Moniteur», XIX, 62.

[36] A la Convention national. Pétition de la section Guillaume-Tell en masse, composée de toutes les autorités constituées, de la société populaire et des citovens de tout âge, de tout sexe, le 7 nivôse an II. Imp. in-8, 8 p. (BN, Lb[40] 443).

[37] «Moniteur», XIX, 150; Jacobins, V, 590.

[38] AN, F7 3688[3].

[39] «Journal de la Montagne», 19 nivôse an II.

[40] «Journal de la Montagne», 20 nivôse an II.

[41] AN, F7 3688[3], rapport de Bacon.

[42] AN, W 78, pl. 4, p. 232.

[43] Rapport... fait à la société des Cordeliers... par le citoyen Momoro .. 14 nivôse an II. (BN, Lb[40] 2388.)

[44] Philippeaux, député à la Convention nationale, jugé par lui-même, dans son numéro 43, intitulé «Le Défenseur de la liberté ou l' Ami du genre humain», décembre 1792. (BN, Lb[41] 932.)

[45] BVC, ms 117, f. 88, 90.

[46] BVC, ms 117, f. 88.

[47] «Journal de la Montagne», 1er pluviôse an II.

[48] «Journal de la Montagne», 25 nivôse an II.

[49] См. Albert Mathiez, L'affaire de la Compagnie des Indes (особенно IX и X главы).

[50] «Moniteur», XIX, 184.

[51] «Moniteur», XIX, 192.

[52] AN, F7 3688[3].

[53] BVC, ms 117, f. 99.

[54] BVC, ms 117, f. 91.

[55] AN, F7 4775[48].

[56] AN, F7 4775[48], dossier Vincent.

[57] «Journal de la Montagne», 11 pluviôse an II.

[58] AN, F7 4775[48], dossier Vincent.

[59] BVC, ms 117, f. 102, черновик без даты.

[60] BVC, ms 117, f. 71, черновик постановления, без даты.

[61] «Journal de la Montagne», 3 pluviôse an II.

[62] «Journal de la Montagne», 11 pluviôse an II.

[63] «Journal de la Montagne», 15 pluviôse an II.

[64] BVC, ms 117, f. 104, черновик протокола заседания Общества кордельеров 14 плювиоза II года.

[65] AN, W 191.

[66] «Moniteur», XIX, 629.

[67] «Journal de la Montagne», 22 pluviôse an II.

[68] «Gazette historique et politique de la France et de l'Europe», 22 pluviôse an II.

[69] «Journal de la Montagne», 23 pluviôse an II.

[70] «Journal de la Montagne», 24 pluviôse an II.

[71] AN, W 191.

[72] «Journal de la Montagne», 28 et 29 pluviôse an II.

[73] BVC, ms 117, f. 112—113.

[74] AN, F^7 3688^3.

[75] AN, F^7 4598, pl. 6, p. 39, dossier Bigos, serrurier.

[76] BVC, ms 120.

[77] ADS, 4 AZ 125.

[78] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 61.

[79] «Journal de la Montagne», 26 frimaire an II.

[80] AN, F^7 4775^{24}, dossier Tamisier.

[81] Société populaire de la section des Piques. Discours servant de rapport à l'épuration de ladite société... par le citoyen Moussard, 22 pluviôse an II (BN, Lb^{40} 2458).

[82] AN, AF II 66, pl. 488, p. 11, s.d.n.s.

[83] «Journal de la Montagne», 8 et 9 nivôse an II.

[84] BVC, ms 117, f. 85.

[85] BVC, ms 117, f. 101.

[86] «Journal de la Montagne», 10 et 11 pluviôse an II.

[87] BVC, ms 117, f. 104.

[88] «Feuille de salut public», 19 pluviôse an II (AN, W 416).

[89] AN, W 191.

[90] «Journal de la Montagne», 27 frimaire an II.

[91] AN, W 180. Донос, поступивший 16 жерминаля II года.

[92] AN, F^7 4749, dossier Javey.

[93] «Moniteur», XVIII, 580.

[94] «Affiches», 23 nivôse an II.

[95] «Affiches», 23 nivôse an II.

[96] AN, F^7 4775^{25}.

[97] «Journal de la Montagne», 25 nivôse an II.

[98] AN, F^7 4587, pl. 8, p. 44. Adresse à la Convention nationale, s.d.n.s.

[99] AN, AF* II 294, f. 46.

[100] AN, F^{7*} 2517.

[101] «Journal de la Montagne», 12 pluviôse an II; в «Moniteur» об этом не упоминается.

[102] «Journal de la Montagne», 3 pluviôse an II.

[103] Об этом деле мы знаем главным образом по досье Тальбо (AN, F^7 4775^{24}). См. также две брошюры: «Quelques mots à Mallais sur sa dénonciation faite contre moi au Conseil général de la Commune, le 13 frimaire l'an II» (BN, Ln^{27} 19306). «Talbot ... aux quarante-huit sections et aux sociétés populaires en réponse à l'adresse envoyée par des citoyens de la section du Temple». AN, AD XVI, 72

[104] Жан Батист Малле родился в 1757 году в Лувье, с 1777 по 1781 год солдат Анжуйского полка, затем дамский парикмахер, потом сапожник, дом № 8 на территории Тампля, и — до 30 фримера II года — инспектор меблированных домов, был председателем общего собрания и членом революционного комитета секции Тампля (AN, F^7 4774^{32}).

[105] AN, F^7 4775^{24}, extrait des délibérations du comité révolutionnaire de la section du Temple, 14 frimaire an II.

[106] AN, F^7 4775^{24}, mémoire justificatif de Talbot, 12 nivôse an II. Жан Батист Тальбо, которому во II году было 58 лет, выдавал себя за «каменщика», хотя был фактически подрядчиком каменностроительных работ. «Будучи патриотом 14 июля 1789 года,— пишет Тальбо в своих «Quelques mots à Mallais...»,— я стал революционером на три года раньше тебя, так как ты появился только после 10 августа».

[107] AN, F^7 4775^{24}, rapport du Département de police au Conseil général de la Commune, s.d.

[108] «Journal de la Montagne», 26 nivôse an II.

[109] AN, F^7 4775^{24}.

[110] La section du Temple aux quarante-sept sections et aux sociétés populaires de Paris. (BN, Lb^{40} 2150.)

[111] BVC, ms 118, f. 88, procès-verbal de la société populaire de la section du Temple, 9 pluviôse an II.

[112] «Journal de la Montagne», 19 pluviôse an II; никакого упоминания в «Moniteur».

[113] «Journal de la Montagne», 24 pluviôse an II.

[114] AN, F^7 4775^{24}, rapport de l'Administration de police au Conseil général, 24 pluviôse an II.

[115] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2662, f. 87, 88, 17 nivôse an II.

[116] «Journal de la Montagne», 17 août 1793.

[117] «Affiches», 4 octobre 1793.

[118] AN, C 280, pl. 767, p. 16.

[119] «Moniteur», XVIII, 587.

[120] «Moniteur», XIX, 102.

[121] «Moniteur», XIX, 124.

[122] «Moniteur», XIX, 278.

[123] ADS, D 823. Registre des délibérations de la commission des salpêtres de la section de Brutus.

[124] «Moniteur», XIX, 640.

[125] Liberté-Egalité. Section du Mont-Blanc. Adresse aux sections. BHVP, 10065*.

[126] «Affiches», 27 frimaire an II.

[127] AN, D XL II, rapport de police anonyme, 9 nivôse an II.

[128] AN, F^7 4653, dossier Jean-Baptiste Coppin...

[129] BN, Mss, Nouv. acq. fr 2712, f. 32.

[130] «Journal de la Montagne», 19 pluviôse an II.

[131] «Moniteur», XIX, 598, 616.

[132] AN, W 191, rapport de Bacon; «Paris pendant la Terreur», vol. IV, p. 39, 94, 115, 141, 163.

[133] AN, F^{7*} 2511.

[134] AN, W 191.

[135] Tuetey, L'assistance publique à Paris, vol. IV, nos 534 à 542.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

[1] AN, F^7 4708, dossier Florian. О происхождении слова «санкюлот» и о его распространении см. Ferdinand Brunot, Histoire de la langue française, vol. IX, p. 715.

[2] AN, F[7] 4585, pl. 5, p. 15.

[3] AN, F[7] 4721.

[4] AN, F[7] 4615, d. 3.

[5] AN, F[7] 4595, pl. 2, p. 29.

[6] AN, C 271, pl. 666, p. 37.

[7] AN, C 289, pl. 394, p. 9. Под этой петицией стояло 444 подписи.

[8] AN, F[7] 4736, dossier Guillot; AN, F[7] 4737, dossier Guyot.

[9] APP, A A/266, p. 297.

[10] AN, D XL 23, d. 77. Эта петиция была подписана: «Ангел-хранитель Республики».

[11] AN, C 355, pl. 1864, p. 44.

[12] AN, C 295, pl. 994, p. 27.

[13] Ф. Брюно (Ferdinand Brunot, op. cit., p. 711) впервые находит выражение «порядочные люди» в «Трибюн дю пёпль» Бабефа (№ 35, II, 93). Фактически же это выражение встречается в рукописных документах с июня 1793 года.

[14] AN, D III 256[4], p. 128.

[15] AN, F[7] 4699.

[16] «Tribun du peuple», № 34, 15 brumaire an IV.

[17] AN, F[7] 4774[32].

[18] «Affiches», 27 août 1793.

[19] ADS, 4 AZ 698, s.d.

[20] AN, D III, 251—252, d. 1.

[21] APP, A A/266, p. 73.

[22] AN, W 112.

[23] AN, F[7] 4766.

[24] «Moniteur», XVIII, 90.

[25] AN, F[7] 4595, pl. 2, p. 70.

[26] Rapport fait à l'assemblée générale de la section de l'Unité, à la séance du 10 ventôse... (BN, Lb[40] 530.)

[27] BN, Lb[40] 2432.

[28] AN, F[7] 4585, pl. 5, p. 73.

[29] «Père Duchesne», № 279, s.d. (août 1793).

[30] Относительно того, что понимали под словом «пролетарий» во время революции, см. Ferdinand Brunot, op. cit., vol. IX, p. 710.

[31] BN, Lb[40] 2195.

[32] Приводится у Ferdinand Brunot, op. cit., vol. IX, p. 708.

[33] «Journal de la Montagne», 10 juillet 1793.

[34] «Moniteur», XVI, 101.

[35] AN, C 272, pl. 675, p. 8.

[36] «Père Duchesne», № 283, s.d.

[37] Фердинан Брюно подчеркивает этот общий смысл слова «санкюлот»: «В своих различных применениях оно выражало, в сущности, *преданный Республике*» (op. cit., vol. IX, p. 716).

[38] AN, F[7] 4743.

[39] AN, F[7] 4775[48]; affaire J. B. Vingternier.

[40] «Père Duchesne», № 339, s. d. (pluviôse an II).

[41] AN, F[20]* 19 et F[20] 381. Tableau sommaire de la Population de 48 sections de Paris, d'après les relevés faits le 11 fructidor sur les registres de délivrance des cartes de pain.

[42] AN, F[7] 3688[4]. Population de Paris relativement aux subsistances, 13 pluviôse an III (этот список был направлен Административной комиссии парижской полиции).

[43] F. Braesch, Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791 («La Révolution française», t. 63, 1912, p. 288).

[44] Леон Каен (Léon Cahen) («La population parisienne au milieu du XVIIIe siècle, «Révue de Paris», 1er septembre 1919, p. 146) определяет число наемных рабочих примерно в 100 тысяч человек, следовательно, количество рабочего населения должно составить 400 тыс. при общей численности всего населения в 500—600 тыс. человек.

[45] «Journal de la Montagne», 17 germinal an II.

[46] AN, W 546.

[47] См. по этому вопросу статью Марселя Руффа (Marcel Rouff, Le personnel des premières émeutes de 1789, «La Révolution française», septembre 1909, p. 213) и особенно значительные статьи Жоржа Рюде (George Rudé, La Composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 à 1791, Les émeutes des 25, 26 février 1793 à Paris, «Annales» historiques», 1952, p. 256; 1953, p. 33); «The motives of popular insurrection in Paris during the French Revolution», «The bulletin of the Institute of historical research», 1953, p. 53. См. также замечания Жоржа Лефевра (Georges Lefebvre, A propos de récents articles de George Rudé, «Annales historiques, 1953, p. 289).

[48] См. для сравнения R. Cobb, L'Armée révolutionnaire parisienne, Composition sociale et politique («Bulletin de la Société d'Histoire moderne», juin — juillet 1952, p. 4). Мы пришли к аналогичным выводам.

[49] AN, F[7] 4577 à 4775[53].

[50] Hardy, Mes loisirs ou journal d'événements tels qu'ils parviennent à ma connaissance (BN, Mss, Anc. sup. fr. 6680—6687).

[51] AN, F[7] 4757.

[52] AN, F[7] 4775[42].

Глава II

[1] См. Instruction adressée aux autorités constituées des Départements de Rhône-et-Loire... A Ville-Affranchie, De l'Imprimerie républicaine de Tournachon-Molin, rue Mercière, № 51, S.d., AN, F[7] 4438.

[2] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2684, f. 113

[3] Petition sur les subsistances, suivie d'un projet de décret, par le citoyen Renaud de la section du Marais. BN, Lb[41] 2888.

[4] См. Albert Mathiez, Le manifeste des Enragés, «Annales révolutionnaires», VII, 547.

[5] «Journal de la Montagne», 21 août 1793.

[6] BN, Lb[40] 2140.

[7] «Affiches», 4 frimaire an II.

[8] AN, F[7]* 2514.

[9] AN, F[7] 4774[60].

[10] BN, LB[40] 1760.

[11] Extrait des délibérations de la section du Panthéon-Français du 22 septembre 1792. AN, F[11] 218.

[12] AN, AD I 70, imp in-8, 8 p.

[13] ADS, D 989.

[14] Section des sans-culottes. Adresse à la Convention nationale, 2 septembre 1793. BN, Lb[40] 2140.

[15] «Moniteur», XIV, 636.

[16] BN, Le[38] 2461.

[17] «Père Duchesne», № 273, s.d.

[18] BN, Lb[41] 2383, Paris an I, imp. in-8, 132 p.

[19] О социальных воззрениях Робеспьера см. замечания Жоржа Лефевра относительно вантозских декретов («Questions agraires au temps de la Terreur», p. 4) и его «Discours sur Robespierre» («Annales historiques», 1933, p. 492).

[20] См. Albert Soboul, Les institutions républicaines de Saint-Just d'après les manuscrits de la Bibliothèque nationale («Annales historiques», 1948, p. 193).

[21] BHVP, 109586 (статья XXVII).

[22] Idée sur l'espèce de Gouvernement populaire, qui pourrait convenir à un pays de l'étendue et de la population presumée de la France. Essai présenté à la Convention nationale par un citoyen, 1792, Imp. in-8, 62 p. (AN, AD I 65.)

[23] AN, D XL 23, d. 77, pétition, enregistrée le 10 février 1793.

[24] «Moniteur», XV, 615; XVI, 108.

[25] «Moniteur», XVI, 759.

[26] «Moniteur», XVII, 521.

[27] «Moniteur», XVIII, 538.

[28] AN, C 285, pl. 831, p. 19.

[29] «Moniteur», XVIII, 559.

[30] BHVP, 10065*; Tourneux, № 8081.

[31] AN, C 355, pl. 1860, p. 19.

[32] «Moniteur», XVI, 759.

[33] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2647, f. 7.

[34] AN, F[7]* 2517.

[35] «Moniteur», XVII, 281.

[36] «Moniteur», XVIII, 492.

[37] AN, C 22, d. 482, p. 4.

[38] «Общество обязано кормить бедных граждан либо предоставить им работу...» (статья 21).

[39] BN, Lb[40] 1945.

[40] BN, Lb[40] 1892*.

[41] «Moniteur», XVI, 288.

[42] BN, Lb[40] 3169.

[43] См. статью 21.

[44] AN, C 261, d. 573, p. 30.

[45] «Affiches», 12 brumaire an II.

[46] AN, W 112.

[47] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2662, f. 145; AN, F[7]* 2510.

[48] Projet d'adresse à la Convention nationale proposé par la section de l'Homme-Armé. Imp. s. d (BHVP, 10065).

[49] AN, W 112, rapport de Bacon.

[50] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2704, p. 146.

[51] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2702, f. 232.

[52] BN, Lb[40] 2028; Tourneux, № 8866.

[53] AN, C 261, d. 573, p. 60.

[54] AN, C 261, d. 573, p. 5.

[55] BN, Lb [40] 1729.

[56] AN, C 261, d. 573, p. 18.

[57] AN, C 261, d. 573, p. 30.

[58] «Père Duchesne», № 277.

[59] Archives parlementaires, LXXIII, 9.

[60] BN, Lb[40] 2035.

[61] «Moniteur», XVIII, 346.

[62] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2662, f. 54.

[63] AN, F[7]* 2495.

[64] AN, W 112.

[65] BN, Lb[40] 2131*.

[66] AN, W 112, rapport d'Hanriot.

[67] AN, W 112, rapport Boucheseiche.

[68] AN, D XXXVIII 2, d. 17.

Глава III

[1] Мы нашли выражение «народная республика» в «Essai sur la dénonciation politique» Этьена Барри.

[2] Цитируется у F. Braesch, op. cit., p. 1092.

[3] AN, AD XVI, 70, p. 37.

[4] Section du Théâtre-Français Extrait des registres des délibérations du 30 juillet 1792, an IV. Séance permanente. Déclaration politique. BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2684, f. 125) Подписано: *Дантон*, председатель, *Анакасагор Шометт*, *Моморо*, секретари.

[5] AN, F[7] 4774 [78], dossier Poiré fils.

[6] BN, Lb[40] 1970*.

[7] BN, Lb[40] 1963.

[8] BN, Lb[40] 523*.

[9] AN, AD XVI 73; BN, Lb[39] 4989.

[10] Этот параграф не был напечатан. Он фигурировал только в черновике проекта петиции (APP, A A/266, p. 297).

[11] Liberté, Souveraineté, Egalité (AN, AD I 69).

[12] «Moniteur», XVII, 48.

[13] Albert Mathiez, Le Club des Cordeliers, p. 28.

[14] BN, Lb[40] 3166.

[15] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2647, f. 68.

[16] BN, Lb[40] 487; Tourneux, № 8673.

[17] «Moniteur», XVI, 408.

[18] AN, F[7] 4611.

[19] BN, Lb[40] 3100.

[20] BN, Lb[41] 2381.

[21] ADS, D 691.

[22] AN, F[7] 2494.

[23] AN, W 547; «Moniteur», XXIV, 506.

[24] О праве на восстание см. стр. 282 и далее.

[25] BN, Lb[40] 465; Tourneux, № 8490.

[26] Сен-Жюст только говорит о «воли суверена», но без всяких уточнений.

[27] BN, Mss, Nouv. acq. 2663, f. 178.

[28] AN, W 192.

[29] Actes, XVII, 206.

[30] «Moniteur», XXIV, 505

[31] ADS, 4 AZ 698.

[32] Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, книга III, глава XV.

[33] BVC, ms 118, f. 97.

[34] BN, Lb[40] 461.

[35] Section des citoyens armés de la Place-Vendôme (27 août 1792) (BN, Lb[40] 2064[2]). Документ был подписан Робеспьером в качестве председателя и Гарнье л'Онэ, секретарем.

[36] AN, B I 15.

[37] BN, Lb[40] 1154 g*.

[38] BVC, ms 120.

[39] AN, F[7] 4718, dossier Gaudet.

[40] Adresse du Conseil général de la Commune aux quarante-huit sections (ADS, D 771).

[41] BVC, ms 118, f. 13.

[42] BN, Lb[40], 10842.

[43] BN, Lb[40] 2098.

[44] AN, F[7] 4718, dossier Gaudet.

[45] Section de la Réunion, ci-devant Beaubourg. Extrait des délibérations de l'assemblée générale du 18 septembre 1792 (BN, Lb[40] 2098).

[46] BN, Lb[40] 2027*.

[47] Adresse de la section des Champs-Elysées, arrêtée dans l'assemblée générale du 30 décembre (ADS, D 789). Конвент приказал отпечатать этот адрес, несмотря на протесты Лежандра («Moniteur», XV, 8)

[48] APP, A A/266, p. 248.

[49] BVC, ms 118, f. 104.

[50] «Moniteur», XVI, 537.

[51] «Moniteur», XVI, 548.

[52] AN, C 255, d. 483, p. 15

[53] AN, C 258, d. 529, p. 31.

[54] «Moniteur», XVI, 739.

[55] BN, Lb[40] 3105.

[56] AN, D III 256[3], d. 9, p. 1 et 256[4], d. 5, p. 22.

[57] «Moniteur», XII, 536.

[58] «Moniteur», XIII, 31.

[59] ADS, D 1001.

[60] AN, AD XVI, 70.

[61] BN, Lb[41] 2381; Tourneux, № 8968.

[62] BVC, ms 120.

[63] «Moniteur», XV, 72—75.

[64] «Moniteur», XVI, 464.

[65] BVC, ms 120.

[66] «Moniteur», XVI, 706.

[67] «Moniteur», XXI, 341.

[68] «Moniteur», XXI, 556.

[69] AN, W 546.

[70] APP, A A/266, p. 111.

[71] APP, A A/266, p. 260.

[72] BN, Lb[40] 530.

[73] AN, W 548 (допрос Брута Манье в Военной комиссии, 21 мессидора III года).

[74] «Moniteur», XVI, 289.

[75] AN, F[7] 4774[10].

[76] AN, F[7] 4775[34].

[77] Extrait du registre des délibérations du comité civil de la section du Bonnet-de-la-Liberté Séance du 11 floréal an III. Imp. in-8, 1 f. et 30 p. (BN, Lb[40] 1747).

[78] «Moniteur», XV, 705.

Глава IV

[1] Относительно проблем, изложенных в данной главе, см. Ernest Mellié, Les sections de Paris pendant la Révolution française (21 mai 1790-vendémiaire an IV). Organisation. Fonctionnement.

[2] См. Georges Garrigues, Les Districts parisiens pendant la Révolution française.

[3] AN, W 112.

[4] AN, W 112, rapport Charmont.

[5] BN, Lb[40] 1932; Tourneux, № 8443.

[6] «Moniteur», XIV, 281.

[7] AN, C 355, pl. 1864, p. 6 et 48.

[8] Относительно «40 су» см. далее

[9] BVC, ms 120.

[10] BVC, ms 118 et 120.

[11] APP, A A/166, p. 246.

[12] AN, F[7]* 2510.

[13] AN, F[7]* 2499, 23, 24 et 25 fructidor an III.

[14] «Moniteur», XVII, 576, 583, 625.

[15] AN, W 112

[16] APP, A A/266, p. 121.

[17] ADS, D 989.

[18] AN, F[7] 4677, dossier Didot.

[19] AN, W 191, 23 pluviôse an II.

[20] AN, F[7] 3688[3].

[21] AN, F[7] 3688[3].

[22] AN, W 112.

[23] «Moniteur», XX, 498.

[24] AN, AF* II 40, f. 23, extrait des procès-verbaux des séances du Comité des secours publics.

[25] AN, F[7] 4774[96].

[26] AN, F[7] 4775[44], dossier Verpeau.

[27] «Moniteur», XXI, 555.

[28] AN, F[7] 3688[3].

[29] BHVP, 10065; AN, F[7] 3688[4].

[30] APP, A A/266, p. 86.

[31] Section de la Maison-Commune... (BN, Lb[40] 1944), Section du Mont-Blanc... (BN, Lb[40] 1980*).

[32] AN, F[7]* 2510.

[33] ADS, D 976.

[34] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2715, Journal des opérations du comité civil de la section Révolutionnaire, 29 avril 1793.

[35] «Journal de la Montagne», 13 septembre 1793.

[36] Pétition à la Convention nationale relative aux comités civils des sections de Paris (AN, C 280, pl. 769, p. 39)

[37] BVC, ms 120.

[38] «Moniteur», XX, 315. Декрет от 6 флореаля был дополнен и уточнен декретами от 23 фрюктидора II года и от 28 вандемьера III года.

[39] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2706, f. 1-183 et 2707, f. 23—229.

[40] AN, F[7]* 2489.

[41] ADS, D 1001.

[42] E. Mellié, op. cit., p. 180

[43] AN, F[7]* 2520.

[44] BN, Lb[40] 1181.

[45] AN, F[7]* 2507.

[46] Actes, V, 497.

[47] AN, F[7]* 2478.

[48] AN, F[7]* 2517.

[49] AN, F[7]* 2475.

[50] AN, F[7]* 2512.

[51] См. далее, часть III, глава VI.

[52] См. Marc Bouloiseau, Les comités de surveillance des arrondissements de Paris sous la réaction thermidorienne.

[53] См. Isabelle Bourdin, Les sociétés populaires à Paris pendant la Révolution (фактически до августа 1792 года); ее же: «La société de la section de la Bibliothèque (26 août 1790—25 floréal an II). В более широком плане о народных обществах см. L. de Cardenal, La province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins (1789—1795).

[54] «Moniteur», IX, 808.

[55] Discours sur l'utilité des sociétés patriotiques et populaires, sur la nécessité de les maintenir et de les multiplier partout, 28 septembre 1791 (BN, Lb[40] 638).

[56] Discours, II, 743 (29 сентября 1791 года).

[57] BN, Lb[40] 865.

[58] «Moniteur», XVII, 228.

[59] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2705, f. 36.

[60] BN, Lb[41] 2; BVC, ms 119, f. 127.

[61] Règlement pour la société populaire de la section de la Halle-au-Blé, 2 frimaire an II (BN, Lb[40] 2443)

[62] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 55.

[63] ADS, D 989, société de la section Poissonnière... 14 pluviôse an II.

[64] О значении этого слова см. Ferdinand Brunot, Histoire de la langue française, vol. IX, p. 812.

[65] Discours, II, 745.

[66] ADS, 4 AZ 590.

[67] «Moniteur», IX, 808.

[68] «De l'influence et de l'utilité des clubs par un ami de la Constitution, l'an IV de la liberté» (AN, AD I 65),

[69] AN, C 256, d. 489, p. 4.

[70] «Moniteur», XXI, 728.

[71] AN, AD I 91.

[72] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 179.

[73] Règlement du Comité central des sociétés populaires séant à l'Evêché, 29e jour du premier mois, an II (BN, Lb[40] 2373).

[74] «Affiches», 13 et 19 brumaire an II.

[75] «Affiches», 28 brumaire an II.

[76] «Народные общества созданы для того, чтобы осуществлять надзор за установленными властями» (ADS, D 989, société de la section Poissonnière, 14 nivôse an II).

[77] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 37.

[78] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 51.

[79] ADS, D 989.

[80] APP, A A/266, p. 154.

[81] BVC, ms 120.

[82] AN, F[7] 4646, dossier François Chevalier.

[83] BVC, ms 118, f. 48, Rapport de la commission des 15, s. d.

[84] Avis aux Républicains. Imp. in-8, 8p. (BN, Lb[40] 856).

[85] «Affiches», 12 septembre 1793.

[86] BN, Lb[40] 2169.

[87] British Museum, F. R. 827 (5).

[88] AN, F[20] 381, lettre du comité civil de l'Unité au Département de Paris, 15 fructidor an III.

[89] BN, Lb[40] 2458.

[90] AN, F[20] 381.

[91] AN, C 303, pl. 1099, p 10.

[92] AN, F[20] 381.

[93] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 72, 73, 74, 76.

[94] BN, Mss. Nouv. acq. fr. 2713, f. 80, 297.

[95] AN, W 112.

[96] AN, C 300, pl. 1050, p. 29.

[97] AN, F[7] 4774[37].

[98] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 72, 73.

[99] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, f. 167, s. d.

[100] Liberté aux abois. A vous, bons patriotes, braves sans-culottes. Imp. in-folio plano (BN, Lb[40] 1798).

[101] ADS, D 989.

[102] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713, papiers de la société des Hommes-Libres, feuilles de présence aux séances.

Глава I

[1] AN, W 112, rapport de Béraud, 1er ventôse an II.
[2] AN, F[11] 201.
[3] AN, W 112.
[4] AN, F[7]* 2511.
[5] AN, W 112.
[6] AN, W 112.
[7] AN, W 112.
[8] AN W 112.
[9] «Moniteur», XX, 19.
[10] AN, W 112.
[11] AN, C 295, pl. 988, p. 8.
[12] «Moniteur», XVIII, 579.
[13] AN, W 112.
[14] AN, W 112.
[15] AN, W 112.
[16] AN, W 112.
[17] AN, W 112.
[18] AN, W 112.
[19] AN, W 112.
[20] BN, Lb[40] 1818.
[21] AN, F[7] 4677, dossier Didot.
[22] AN, AF II* 294, f. 121.
[23] AN, W 112.
[24] AN, W 112.
[25] AN, W 112.
[26] «Journal de la Montagne», 8 ventôse an II.
[27] Les membres composant la société populaire du Club séant à la salle électorale... 7 ventôse an II. (AN, AD XVI 70).
[28] «Journal de la Montagne», 11 ventôse an II.
[29] AN, W 112.
[30] «Moniteur», XIX, 629.
[31] «Moniteur», XIX, 565.
[32] «Moniteur», XIX, 589.
[33] «Moniteur», XIX, 611.
[34] AN, C 355, plaq. 1860, p. 26.
[35] «Journal historique et politique», 21 septembre 1793.
[36] AN, F[7] 3688[3].
[37] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2720, f. 28.
[38] «Moniteur», XVIII, 197.
[39] «Journal de la Montagne», 9 brumaire an II.
[40] Jacobins, V, 308.
[41] «Moniteur», XIX, 569.
[42] La section de l'Indivisibilité à la Convention nationale (30 pluviôse an II) Imp. in-4, 8 p. (BN, Lb[40] 1891).

[43] BN, Mss, Nouv. acq fr. 2662, f. 63.
[44] BN, Mss, Nouv. acq fr. 2662, f. 72.
[45] «Moniteur», XIX, 565, 611.
[46] AN, W 112.
[47] A. Mathiez, La Révolution française, vol. III, p.149.
[48] AN, W 76 et 78.
[49] AN, F[7] 4775[48], dossier Vincenot.
[50] AN, W 78; Tuetey, X, № 2194, 2195, 2196.
[51] AN, W 76.
[52] AN, W 77, pl. 6.
[53] AN, W 77.
[54] AN, W 77.

Глава II

[1] AN, W 77, pl. 6, p. 363.
[2] AN, W 112, rapport de Dugas, 12 ventôse an II.
[3] «Moniteur», XIX, 629.
[4] AN, F[7] 4394[2], papiers de Vincent.
[5] AN, W 77.
[6] AN, W 71.
[7] AN, W 76 et 78, 26 ventôse an II.
[8] AN, W 78, plaq. 1, p. 66.
[9] AN, W 78, plaq. 2, p. 215, 24 ventôse an II.
[10] «Journal de la Montagne», 18 ventôse an II.
[11] Albert Mathiez, La Révolution française, vol. III, p. 154.
[12] AN, W 112, rapport de Bacon, 15 ventôse an II.
[13] AN, C 295, pl. 988, p. 28; «Moniteur», XIX, 640.
[14] AN, W 112, rapports de Le Breton, 15 ventôse an II, de Charmont et de Bacon, 16 ventôse an II.
[15] AN, W 112
[16] AN, W 77
[17] AN, W 77, plaq. 1, p. 18.
[18] «Moniteur», XIX, 635.
[19] «Journal de la Montagne», 18 et 19 ventôse an II.
[20] «Moniteur», XIX, 663.
[21] AN, W 78, plaq. 1, p. 59.
[22] «Moniteur», XIX, 664.
[23] AN, W 77, plaq. 4, p. 276; Tuetey, X, № 2263.
[24] Albert Mathiez, La vie chère, p. 554.
[25] «Journal de la Montagne», 21 ventôse an II.
[26] AN, W 112, rapports du 18 ventôse an II.
[27] AN, W 77, plaq. 6, p. 375.
[28] AN, W 77, plaq. 6, p. 344, lettre de l'accusateur public á Pache, 18 ventôse an II.
[29] AN, W 77, plaq. 4, p. 268.
[30] AN, W 112.
[31] AN, W 112, rapport de Prévost.

[32] AN, W 112.
[33] AN, F[7] 4584, pl. 8, p. 40.
[34] AN, W 112.
[35] «Moniteur», XIX, 718.
[36] AN, W 112, rapports de Boucheseiche et de Grivel, 19 et 22 ventôse an II.
[37] AN, W 193; «Moniteur», XIX, 671.
[38] «Moniteur», XIX, 671.
[39] AN, W 112, rapport de Boucheseiche, 19 ventôse an II.
[40] AN, W 77, plaq. 4, p. 269.
[41] AN, W 112, rapport de Boucheseiche, 19 ventôse an II.
[42] AN, W 112, rapports de Boucheseiche et de Grivel, 19 et 22 ventôse an II.
[43] AN, W 112, rapports de Le Harivel et de Dugas, 21 et 22 ventôse an II.
[44] AN, W 339, № 617.
[45] AN, W 112, rapport de Dugas et de Le Breton, 18 ventôse an II.
[46] BN, Lb [41] 4809.
[47] BN, Lb[41] 4809.
[48] BVC, ms 117, f. 112.
[49] «Moniteur», XIX, 629.
[50] AN, W 112, rapports de Boucheseiche et de Le Breton, 19 ventôse an II.
[51] «Moniteur», XIX, 710.
[52] «Journal de la Montagne», 24 ventôse an II.
[53] AN, W 112.
[54] BN, Lc[2] 227 Rés.
[55] BVC, ms 117, f. 118.
[56] BVC, ms 117, f. 118.
[57] AN, W 112, rapport de Boucheseiche.
[58] BVC, ms 117, f. 118.
[59] AN, W 112, Речь идет о № 355 «Пер Дюшен», появившемся 23 вантоза II года.
[60] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2662, f. 155.
[61] AN, C 295, pl. 990, p. 6 et 7.
[62] AN, C 295, pl. 990, p. 16 et pl. 991, p. 2.
[63] AN, W 112, rapport de Bacon, 19 ventôse an II.
[64] ADS, 4 AZ 425.
[65] AN, F 1 c III Seine 27; «Moniteur», XIX, 685.
[66] APP, A A/266, p. 264.
[67] AN, W 112.
[68] AN, F[7] 4775[29], dossier Thomas.
[69] AN, W 112, rapport de Béraud 20 ventôse an II.
[70] «Moniteur», XIX, 706.
[71] AN, BB[3] 76; T u e t e y, X, № 1929.
[72] «Journal de la Montagne», 21 ventôse an II.
[73] AN, BB[3]* 81 B, f. 88.
[74] AN, W 78, pl. 1, p. 31.
[75] «Moniteur», XIX, 686.
[76] «Journal de la Montagne», 25 ventôse an II.
[77] AN, W 77; T u e t e y, X, № 2210.

Глава III

[1] AN, W 112.
[2] AN, W 76, plaq. 1.
[3] AN, W 345, plaq. 676, p. 15.
[4] AN, W 112, rapport de Bacon.
[5] AN, W 76, pl. 1.
[6] Actes, XI, 690.
[7] AN, AF II* 286.
[8] AN, W 170, черновик постановления, написанный рукой Барера и подписанный Барером, Карно, Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенном.
[9] A l b e r t M a t h i e z, La Révolution française, vol. III, p. 156.
[10] Jacobins, V, 681, séance du 23 ventôse an II.
[11] «Journal de la Montagne», 26 ventôse an II.
[12] AN, W 112.
[13] AN, W 112, rapport du 30 ventôse.
[14] Об этом заседании Клуба кордельеров см. черновик протокола заседания (составленный не по форме) (AN, W 193), отчет, помещенный в «Монитёр» (XIX, 726), и донесение наблюдателя Гривеля (AN, W 112).
[15] AN, W 112.
[16] AN, W 77; показания Никола Делоша, каретника-слесаря от 26 вантоза II года.
[17] AN, F[7]* 2471, решение революционного комитета от 30 вантоза II года.
[18] AN, F[7] 4653, dossier Corbin.
[19] AN, W 77, déclaration de Deloche, 26 ventôse an II.
[20] AN, W 112.
[21] AN, W 112, rapport de Bacon.
[22] AN, C 295, pl. 993, p. 42.
[23] AN, C 295, pl. 995, p. 27
[24] AN, C 295, pl. 995, p. 40,51, 41.
[25] AN, C 295, pl. 995, p. 46.
[26] AN, C 299, pl. 1045, p.44.
[27] AN, C 299, pl. 1046, p. 33, 34 et 35.
[28] AN, W 112, rapport du 28 ventôse an II.
[29] AN, W 112.
[30] «Moniteur», XIX, 735.
[31] «Journal de la Montagne», 30 ventôse et 1er germinal an II.
[32] AN, W 112.
[33] BVC, ms 117, f. 119—122.
[34] «Moniteur», XX, 70.
[35] AN, C 299, pl. 1045, p. 8.
[36] AN, C 299, pl. 1045, p. 32.
[37] AN, W 112.
[38] См. статью Матьеза (A l b e r t M a t h i e z, Les deux versions du procès des Hébertistes, «Annales Révolutionnaires», janvier 1919), воспроизведенную в книге «Robespierre terroriste» (p. 140). «Отчет о судебных дебатах представлял собой поле битвы, — пишет Матьез, — это была борьба за общественное мнение».

[39] Подлинные документы процесса Эбера хранятся в папках W 76, 77, 78 Национального архива.

[40] См. помимо документов процесса AN, F⁷ 4649.

[41] См. помимо документов процесса также AN, W 116, 117.

[42] Помимо документов процесса см. AN, F⁷ 4774[83]. См. также статью Альбера Матьеза «Hérault de Séchelles était-il dantoniste?» («Annales révolutionnaires», 1914, p. 485, статья была перепечатана в «La conspiration de l'étranger», p. 222). В качестве доказательства «эбертизма» Эро де Сешеля Матьез ссылается на его отношения с Проли. Но надо было бы еще доказать «эбертизм» самого Проли. Судебные прения не выявили никакой связи между Проли и Эро де Сешелем, с одной стороны, и Эбером и его соратниками — с другой.

[43] Помимо документов процесса, см. AN, F⁷ 4672.

[44] Помимо документов процесса, см. AN, F⁷ 4774[67].

[45] См. помимо документов процесса T u e t e y, X, № 2649—2652, XI, p. LXXI. Что бы ни говорил Матьез, Дюбуиссон не был «эбертистом» (см. «La Révolution et les étrangers», p. 104).

[46] Помимо документов процесса, см. AN, F⁷ 4768.

[47] Помимо документов процесса, см. об Армане — T u e t e y, X, № 2516—2519, XI, p. LVII, а о Катрин Кетино — AN, F⁷ 4774[85].

[48] Помимо документов процесса, см. T u e t e y, X, № 2540, 2542, XI, p. LXII. Буржуа, Жан-Шарль, 25 лет, был столяром, затем инженером, гражданским комиссаром и выборщиком секции Люксембурга в 1792 году; 15 сентября 1792 года был назначен комиссаром исполнительной власти в Тионвиле и Лонгви; 31 мая назначен командиром вооруженых сил своей секции; арестован 26 вантоза II года.

[49] Помимо документов процесса, см. AN, F⁷ 4774[9]. Леклерк Арман Юбер родился в Кони (деп. Нижняя Сена), 21 июля 1793 года был принят на работу в канцелярию военного министерства в качестве помощника начальника; арестован 27 вантоза II года.

[50] Помимо документов процесса, см. AN, F⁷ 4774[40]. Альбер Мазюель родился в Вильфранше, во время процесса ему было 28 лет.

[51] Относительно его роли в августе—сентябре 1792 года см., в частности, его выступления в Якобинском клубе (Jacobins, IV, 235, 245, 264, 282).

[52] AN, W 76; T u e t e y, X, № 2546.

[53] Помимо документов процесса, см. T u e t e y, X, № 2520—2527, XI, p. LVIII. Жан Батист Анкар был родом из Гренобля, во время процесса ему было 52 года.

[54] Помимо документов процесса, см. T u e t e y, X, № 2528—2535, XI, p. LX. Фредерик Пьер Дюкроке, 31 года, родился в Амьене, был арестован в ночь с 23 на 24 вантоза.

[55] AN, W 77, pl. 1, p. 51.

[56] Помимо документов процесса, см. AN, F⁷ 4672, W 94 (283 pièces). Декомб родился в Безансоне в 1764 году.

[57] AN, W 136.

[58] Помимо документов процесса, см. AN, F⁷ 4755.

[59] AN, W 77, plaq. 4, p. 249.

[60] «Moniteur», XX, 17.

[61] T u e t e y, XI, p. LXXV et № 1—18.

[62] AN, W 78, déclaration de Jean Crehant...

[63] AN, W 78, plaq 4, p. 242, déclaration des commissaires de la Trésorerie 28 ventôse an II.

[64] T u e t e y, XI, p. LXXXVI, et № 83—203.

[65] AN, F⁷ 4438, plaq. 1. p. 40, s.d.n.s.

[66] AN, W 77, plaq. 5, p 280—337.

[67] «Moniteur», XX, 19.

[68] AN, W 76, plaq. 2, déposition de Charvin.

[69] AN, W 76; T u e t e y, XI, № 83.

[70] AN, W 76.

[71] AN, W 77, déclaration de François Marchand...

[72] «Père Duchesne», № 279, s d.

[73] T u e t e y, XI, p. LXXIX et № 19—68.

[74] AN, W 76.

[75] AN, F⁷ 4438, plaq, 1, p. 40.

[76] AN, W 78.

[77] AN, W 76.

[78] AN, W 168.

[79] AN, W 76, déclaration de Denis Naudet, 24 ventôse an II.

[80] AN, W 78; T u e t e y; XI, № 2264.

[81] AN, W 76; T u e t e y, X, № 72.

[82] AN, W 78 déclaration d'Etienne Poilleu...

[83] AN, W 78 déclaration de Jean Tarin...

[84] AN, F⁷ 4438, plaq. 1, p. 40.

[85] AN, W 77, plaq. 7, p. 390, déclaration de Verninac.

[86] AN, W 78.

[87] AN, W 78; T u e t e y, XI, № 24.

[88] AN, W 77, plaq. 4, p. 249.

[89] AN, W 77; T u e t e y, X, № 2204.

[90] AN, W 390, d. 905.

[91] BN, Mss, Nouv. acq. fr 2702, f. 16.

[92] A. M a t h i e z, La vie chère, p. 558 (русское издание, стр. 417). Матьез считает, что главной причиной, побудившей комитеты выступить, была «попытка восстания» кордельеров. По нашему мнению, она была лишь предлогом.

[93] «Moniteur», XX, 19.

[94] «Père Duchesne», № 218, 269, 275, 289, 297.

[95] Помимо документов процесса, см. T u e t e y, X, № 2251—2305, XI, p IX. Ронсен родился в Суассоне 1 декабря 1751 года.

[96] AN, W 390, d. 905.

[97] AN, W 77, plaq. 4, p. 249, déclaration de Laboureau, 5 germinal an II.

[98] Помимо документов процесса, см. T u e t e y, X, № 2306—2350, XI, p XX. Венсан родился в Париже в 1767 году.

[99] AN, W 77, plaq. 7, p. 419, 26 ventôse an II.

[100] «Moniteur», XX, 19.

[101] AN, W 76; T u e t e y, XI, № 29.

[102] AN, W 77, 28, 29 et 30 ventôse an II Эти письма были опубликованы А. Матьезом в «Annales révolutionnaires», 1913, p. 250. Венсану было 27 лет.

[103] См. T u e t e y, X, № 2351—2382, XI, p. XXVIII Моморо родился в Безансоне в 1756 году.

[104] AN, F⁷ 4438, plaq. 1, p. 40.

[105] BN, Lb[41] 2978 О том, как толковал Моморо право собственности, см. выше.
[106] AN W 77; T u e t e y, X, № 2366.
[107] AN, W 77; T u e t e y, X, № 2366.
[108] AN, W 77; T u e t e y, X, № 2366.
[109] AN, W 174, донесения от 1—5 жерминаля II года.
[110] AN, W 126.
[111] AN, W 174.
[112] AN, W 126.
[113] AN, W 174.
[114] AN, W 170.
[115] AN, W 174.
[116] AN, W 174.
[117] AN, W 124.
[118] AN, W 170.
[119] AN, W 112
[120] AN, W 174.
[121] AN, W 112.
[122] AN, W 174.
[123], AN, W 174
[124] «Moniteur», X, 106; Jacobins, VI, 29.
[125] «Moniteur», XX, 93.
[126] «Moniteur», XX, 88.

Глава IV

[1] AN, W 149.
[2] AN, F[7] 4435, plaq. 3, p. 51.
[3] Mémoire pour Antoine-Quentin Fouquter, ex-accusateur public près le Tribunal révolutionnaire... (AN, AD I 109).
[4] О Себастьяне Лакруа см. J e a n D a u t r y, Sébastien Lacroix («Annales historique», 1933, p. 49 et 516).
[5] См. список обвиняемых и обвинительный акт в «Moniteur», XX, 191 et 203.
[6] AN, F[7] 4644.
[7] AN, W 345, acte d'accusation, 19 germinal an II. О Шометте см. AN, F[7] 4644 и особенно T 604[1], 604[2], 1611.
[8] О религиозной политике Шометта в целом см. сборник «Arrêtés du Conseil général de la Commune de Paris relatifs aux différents cultes et aux prêtres» (AN, T 1611).
[9] См. статью «Chaumette» в «Grande Encyclopédie».
[10]. A l b e r t M a t h i e z, Chaumette franc-maçon («La Révolution française», 1902, p. 136).
[11] AN, AD I 50; T o u r n e u x, № 22144.
[12] AN W 345, d. 676, p. 57 et 58.

[13] AN W 178, lettre de Caillet, lieutenant de gendarmerie, détenu, au président du Tribunal révolutionnaire, 23 germinal an II.
[14] APP, A A/16, p. 569 bis.
[15] «Moniteur», XIX, 726.
[16] AN W 345; T u e t e y, XI, № 878.
[17] AN, W 193.
[18] AN, F[7] 3688[3].
[19] AN, W 191, rapport de Charmont, 28 pluviôse an II.
[20] AN, W 112, rapport de Charmont, 28 ventôse an II.
[21] AN, W 345, d. 676, p. 53, 21 germinal an II.
[22] AN, W 345, d. 676, p. 52
[23] AN, W 345, d. 676.
[24] AN, W 174.
[25] APP, A A/16—A A/19.
[26] AN, W 85.
[27] APP, A A/266, p. 36.
[28] APP, A B/305, registre d'écrou.
[29] APP, A B/320.
[30] APP, A B/320.
[31] AN, F[7]* 2508
[32] AN, AF* II 286.
[33] «Moniteur», XIX, 443
[34] «Moniteur», XIX, 637.
[35] AN, F[7] 4617, d. 1.
[36] APP, A A/16, p. 592.
[37] AN, W 410, pl. 943.
[38] APP, A A/16, p. 544
[39] AN, F[7] 4774[42].
[40] AN, AF* II 294.
[41] AN, W 136.
[42] AN, W 390, d. 905, 1re partie.
[43] AN, F[7] 4774[19], dossier Leroy dit Eglator.
[44] AN, F[7] 4710, dossier Fouquet, 4775[37], dossier Vaillant.
[45] AN, F[7] 4685.
[46] AN, AF II 66, pl. 488, p. 7.
[47] AN, W 140, lettre au Comité de sûrete générale, s. d.
[48] AN, W 166.
[49] AN, F[7] 4774[10], dossier Le Creps.
[50] AN, F[7] 4775[16].
[51] AN, F[7] 4774[10].
[52] AN, W 174.
[53] AN, W 27, d. 1654; F[7] 4604, dossier Bodson, F[7] 4645, dossier Chemin, F[7] 4775[25], dossier Tarreau.
[54] AN, F[7] 4650, dossier Cochois.
[55] AN, W 149.
[56] AN, F[7]* 2512.
[57] AN, AF II 57.

[58] AN, F[7] 4616, d. 1.
[59] AN, W 76.
[60] AN, F[7] 4721; W 27, d. 1654.
[61] AN, W 121.
[62] AN, F[7]* 2512.
[63] AN, W 381, pl. 880, d. 1933.
[64] AN, F[7] 4774[39].
[65] AN, F[7] 4774[85].
[66] AN, F[7] 4678.
[67] AN, F[7] 4774[9].
[68] AN, F[7] 4756.
[69] AN, F[7] 4607, d 3; W 351, d. 719.
[70] ADS, D 989.
[71] AN, AD XVI 73; Tourneux, № 10022.
[72] AN, C 300, pl. 1055, p. 37.
[73] BVC, ms 119, f. 32, La section du Temple aux Quarante-sept sections de Paris. Imp. in-4, 1 p.
[74] AN, W 76, pl. 1.
[75] APP, A A/266, p. 38 et 39.
[76] AN, F[7] 4716.

Глава V

[1] «Moniteur», XX, 111 et 114.
[2] См. Général Herlaut, Le colonel Bouchotte, II, chap. IX, Fin du ministère, p. 302.
[3] Jacobins, V, 223.
[4] О Пие, его карьере и его связях с Карно см. Général Herlaut, op. cit., p. 306.
[5] О «революционной армии» см. работы Ришара Кобба: Richard Cobb, L'Armée révolutionnaire parisienne à Lyon et dans la région lyonnaise (frimaire — prairial an II) («Albums du Crocodile», Lyon, 1951—1952); «L'Armée révolutionnaire parisienne dans le département de l'Aisne» («Revue du Nord», 1951, p. 242, 1952, p. 51 et 109); «L'Armée révolutionnaire parisienne (composition sociale et politique)» («Bulletin de la Société d'Histoire moderne», juin-juillet 1952, p. 4).
[6] AN, C 295, pl. 995, p 44; Tuetey, X, № 2094.
[7] AN C 299, pl. 1049.
[8] AN, C 299, pl. 1051.
[9] «Moniteur», XX, 66.
[10] Относительно чистки личного состава муниципалитета после процесса Эбера, что, собственно говоря, выходит за рамки данного исследования, см. Michel Eude, Etudes sur la Commune robespierriste, ch. II, La «robespierrisation de la Commune», p. 19. Выражение «робеспьеристская Коммуна» стало общепринятым. На наш взгляд, оно неточно. Тот факт, что очищенная Коммуна поддержала 9 термидора Робеспьера, не достаточен, чтобы характеризовать ее как «робеспьеристскую». Термин «якобинская Коммуна» лучше бы выразил изменение ее характера по сравнению с предыдущей Коммуной санкюлотского толка.
[11] ADS, D 796.

[12] См. Henri Calvet, L'accaparement, p. 189.
[13] «Moniteur», XIX, 591.
[14] «Moniteur», XIX, 669.
[15] «Moniteur», XX, 17.
[16] «Moniteur», XX, 90, 119; Calvet, op. cit., p. 224.
[17] Новая экономическая политика была уточнена декретами о внешней торговле. См. Georges Lefebvre, Le commerce extérieur en l'an II («La Révolution française», 1925, LXXVIII, 132 et 214).
[18] «Moniteur», XIX, p. 688
[19] «Journal de la Montagne», 29 ventôse an II.
[20] «Journal de la Montagne», 3 germinal an II.
[21] «Journal de la Montagne», 14 germinal an II.
[22] «Journal de la Montagne», 24 germinal an II.
[23] AN, F[7] 4774[42], dossier Mercier.
[24] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2662, f. 156 et 173.
[25] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2662, f. 176, 177.
[26] «Moniteur», XXI, 560.
[27] BVC, ms 118, f. 50, 51.
[28] BVC, ms 118, f. 52; AN, C 303, pl. 1099, p. 9.
[29] «Journal de la Montagne», 10 floréal an II.
[30] AN, F[7] 4774[94], dossier Robert.
[31] APP, A A/266, p. 160.
[32] «Moniteur», XX, 417.
[33] «Journal de la Montagne», 25 floréal an II.
[34] «Journal de la Montagne», 27 floréal an II; «Moniteur», XX, 482.
[35] «Journal de la Montagne», 28 et 29 floréal an II.
[36] AN, C 303, pl. 1114, p. 20.
[37] «Moniteur», XX, 474.
[38] BVC, ms 118, f. 25.
[39] APP, A A/266, p. 69.
[40] ADS, D 989.
[41] AN, C 306, pl. 1153, p. 9 et 10.
[42] BVC, ms 119, f. 105—106.
[43] «Journal de la Montagne», 1er prairial an II.
[44] AN, C 303, pl. 1153, p. 7.
[45] «Journal de la Montagne», 3 prairial an II.
[46] «Journal de la Montagne», 3 prairial an II.
[47] AN, C 306, pl. 1154, p. 15.
[48] AN, C 306, pl. 1153, p. 39.
[49] AN, F[7] 4774[42], dossier Mercereau.
[50] APP, A A/266, p. 180, протокол общего собрания секции Монтрей от 15 прериаля II года
[51] См. Isabelle Bourdin, op. cit., p. 356.
[52] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2713., f. 62, 63, 66.
[53] AN, C 306, pl. 1162, p. 11.

Глава VI

[1] «Moniteur», XVIII, 587; XIX, 125, 385.
[2] «Moniteur», XVII, 810.
[3] «Moniteur», XVIII, 309.
[4] «Moniteur», XVII, 808.
[5] «Moniteur», XX, 403.
[6] «Journal de la Montagne», 20 floreal an II.
[7] AN, C 303, pl. 1112, p. 41.
[8] AN, C 303, pl. 1113, p. 8.
[9] AN, C 303, pl. 1114, p. 10.
[10] AN, C 303, pl. 1114, p. 19.
[11] AN, C 306, p. 1153, p. 19; pl. 1154, p. 9.
[12] AN, C 306, pl. 1154, p. 24.
[13] Об Адмира см. R. Schnerb, A propos d'Admirat et du baron de Batz («Annales historiques», 1952, p. 471).
[14] См. Georges Lefebvre, Sur la loi du 22 prairial en II («Annales historiques», 1951, p. 225).
[15] «Moniteur», XX, 540.
[16] AN, C 306, pl. 1154, p. 20 et 24.
[17] «Moniteur», XX, 558, 564, 565.
[18] «Moniteur», XX, 567, 573, 574.
[19] «Journal de la Montagne», 9 messidor an II.
[20] «Moniteur», XXI, 111.
[21] «Moniteur», XXI, 135.
[22] AN, C 309, pl. 1207, p. 23.
[23] AN, C 310, pl. 1211, p. 15, 16, 24.
[24] «Moniteur», XXI, 212, 217.
[25] «Moniteur», XIX, 734.
[26] «Moniteur», XIX, 526, 533.
[27] «Moniteur», XX, 7. Об этом третьем максимуме и его применении см. A. Mathiez, La vie chère, p. 560.
[28] «Moniteur», XX, 7.
[29] О новом направлении в политике внешней торговли см. Georges Lefebvre, Le commerce extérieur en an II («La Révolution française», 1925, LXXVIII, 132, 214).
[30] AN, F^7 4775^{18}.
[31] AN, F^7 4774^4.
[32] AN, AF II* 292.
[34] AN, F^7 4774^{13} dossier Legay
[34] «Moniteur», XX, 231.
[35] «Moniteur», XX, 269.
[36] «Moniteur», XX, 466.
[37] «Moniteur», XX, 489.
[38] «Moniteur», XX, 278.
[39] «Moniteur», XX, 514
[40] «Moniteur», XX, 546.

[41] См. Albert Mathiez, La vie chère, p. 581.
[42] AN, F^7 3688^3.
[43] AN, F^{11} 201.
[44] «Moniteur», XX, 302.
[45] AN, W 124.
[46] AN, F^7 4437.
[47] AN, W 124.
[48] «Moniteur», XX, 378.
[49] AN, W 170.
[50] «Moniteur», XX, 421.
[51] AN, W 124.
[52] AN, W 170.
[53] BN, Mss, Anc. sup. fr. 8606, f. 165.
[54] AN, W 124.
[55] AN, BB^3 76.
[56] См. Camille Richard, Le Comité de salut public et les fabrications de guerre sous la Terreur, p. 720.
[57] APP, A A/19, p. 204, 215.
[58] «Moniteur», XX, 699.
[59] AN, H 2121, Bureau du Corps municipal.
[60] AN, H 2121, f. 19.
[61] AN, F^7 4585, pl. 2, p. 34.
[62] AN, F^7 4585, pl. 2, p. 32.
[63] AN, F^7 4437.
[64] «Journal de la Montagne», 3 messidor an II.
[65] AN, F^7 4437.
[66] AN, F^7 3821, rapport du Bureau de police, 11 messidor an II.
[67] AN, F^7 4435.
[68] AN, F^7 3821, s. d.
[69] AN, D XLII 11, p. 247.
[70] «Moniteur», XIX, 692, 730.
[71] AN, F^7, 4432, plaq. 2, p. 11.
[72] AN, D XLII 11, p. 206.
[73] «Papiers inédits», vol. II, p. 379.
[74] Пейан немедленно известил об этом секции (BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2663, f. 173).
[75] BN, Mss, Nouv. acq. fr. 2686, f. 201.
[76] «Journal de la Montagne», 6 missidor an II.
[77] «Moniteur», XX, 94.
[78] AN, D XLII 1, d. 6, p. 30.
[79] AN, F^1 c III Seine 13.
[80] AN, D XLII 1, d. 8, p. 51.
[81] AN, F^7 4667.
[82] AN, D XLII 11, p. 250.
[83] AN, D XLII 11, p. 241.
[84] AN, D XLII 11, p. 259.
[85] AN, D XLII 11, p. 259.

[86] AN, D XLII 11, p. 261.
[87] AN, D XLII 11, p. 227.
[88] AN, D XLII 11, p. 257.
[89] AN, D III 255—256[1], d. 2, p. 1, письмо Законодательного комитета Комитету общественного спасения от 5 прериаля II года.
[90] AN, D XLII 11, rapport de l'observateur Prévost.
[91] APP, A A/266, p. 12; «Moniteur», XXI, 38.
[92] APP, A A/266, p. 35.
[93] AN, F[7] 4611, dossier Bouin.
[94] J-N. Pache, sur les factions et les partis, les conspirations et les conjurations, et sur celles à l'ordre du jour. A Thin-le-Moutier, le 21 floréal an V (AN, AD I 67 A).
[95] AN, F[7] 4774[61].
[96] AN, T 528, papiers de Payan.
[97] AN, F[7] 4432, pl. 2, p. 11.
[98] AN, F[7] 3821.
[99] AN, T 528, papiers de Payan.
[100] AN, F[7] 4774, dossier Millet.
[101] AN, F[7] 4437.
[102] AN, F[7] 4437.
[103] Actes, XIV, 520.
[104] AN, AF II* 255; F[7] 4428.
[105] AN, AF II* 255.
[106] AN, F[7] 3821.
[107] Tourneux, № 8878.
[108] «Moniteur», XX, 410.
[109] APP, A A/266, p. 283.
[110] AN, C 303, pl. 1114, p. 12.
[111] APP, A A/266, p. 281.
[112] «Journal de la Montagne», 29 prairial an II.
[113] AN, C 309, pl. 1205, p. 32; «Moniteur», XXI, 100.
[114] AN, F[7] 3822.
[115] Jacobins, V, 206.
[116] AN, W 112, rapport de Bacon.
[117] BVC, ms 117, f. 121.
[118] AN, F[7] 4708.
[119] «Journal de la Montagne», 22 messidor an II.
[120] «Journal de la Montagne», 25 messidor an II (приказ от 23 мессидора).
[121] AN, F[1] c III Seine 27.
[122] AN, F[7] 4708.
[123] «Moniteur», XXI, 238.
[124] «Journal de la Montagne», 29 messidor an II.
[125] «Moniteur», XXI, 233.
[126] «Journal de la Montagne», 1er thermidor an II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] В наши намерения не входило дать здесь общий обзор событий 9 термидора и их причин; мы их рассматриваем только в той мере, в какой это связано с парижскими санкюлотами и секциями.

[2] Albert Mathiez, Les divisions dans les Comités à la veille de thermidor («Revue historique», 1915, p. 70). Georges Lefebvre, La rivalité du Comité de salut public et du Comité de sûreté générale (Ibid., 1931, CLXVII, 336).

[3] Arne Ording Le bureau de police du Comité de salut public.

[4] Albert Mathiez, Les séances des 4 et 5 thermidor aux deux Comités de salut public et de sûreté générale («Annales historiques», 1927, p. 193).

[5] AN, F[7] 4774[14], dossier Legray. О деле Легре см. также AN, F[7] 4775[1], dossier Saint-Omer; W 47, d. 3138.

[6] Albert Mathiez, Girondins et Montagnards, p. 193.

[7] AN, F[7] 4774[14].

[8] Арестованный 2 термидора, Легре был освобожден 12 термидора.

[9] AN, F[7] 4610, d. 3.

[10] «Moniteur», XXI, 290.

[11] «Moniteur», XXI, 302.

[12] BN, Le [38] 869, imp. in-8, 44 p.

[13] «Journal de la Montagne», 20 messidor an II. Он был представлен Генеральному совету Коммуны Лерлем от имени Управления общественных работ. Альбер Матьез в статье в «Annales historiques de la Révolution française» («Le maximum des salaires et le 9 thermidor», 1927, p. 149) писал: «Было бы интересно разыскать этот новый максимум поденной оплаты, опубликованный Коммуной 5 термидора, и сопоставить его с ранее действовавшим тарифом. Я тщетно разыскивал его». Эту фразу цитирует Мишель Эд (op. cit., p. 137, n. 3). Как нам известно, существует 4 экземпляра этого документа, напечатанного под заголовком «Tarif du maximum des salaires, façons, gages, main-d'oeuvre, journées de travail dans l'étendue de la Commune de Paris» (imp. s. d., in-4, 61 p., AN, F[12] 1544[30]; AD XI 75; BN, Lb[40] 1154 M*).

[14] Мы отсылаем читателя к сравнительной таблице, опубликованной Жоржем Рюде и Альбером Собулем в их статье «Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor» («Annales historiques» 1954, p. 1). В ней можно найти указание источников данных о размерах заработной платы в вантозе и мессидоре II года.

[15] AN, AF II 47, pl. 368, p. 38.
[16] AN, AF II 48, pl. 374, p. 10.
[17] AN, AF II 47, pl. 367, p. 27.
[18] AN, AF II 47, pl. 366, p. 33.
[19] AN, AF II 47, pl. 366, p. 1.
[20] AN, F[7] 4432, pl. 7, p. 32.
[21] AN, F[7] 4585, dossier Ballin
[22] AN, AF II 47, pl. 366, p. 20.
[23] AN, AF II 47, pl. 366, p. 24; W 79.
[24] AN, AF II 47, pl. 364, p. 47.
[25] AN, AF II 47, pl. 366, p. 27; pl. 367, p. 31.
[26] AN, AF II 47, pl. 367, p. 15; pl. 365, p. 18; W 80.
[27] AN, AF II 47, pl. 366, p. 5.
[28] AN, W 80; AF II 47, pl. 364, p. 24; pl. 365, p. 9.

[29] AN, C 314, pl. 1256, p. 35; AF II 47, pl. 365, p. 39.

[30] AN, F[7] 4585, pl. 3, p. 12.

[31] AN, AF II 47, pl. 366, p. 29.

[32] AN, AF II 47, pl. 364, p. 39.

[33] Не было никакого сигнала к сбору в секциях Тюильри, Горы, Рынка, Муция Сцеволы и Брута (AN, AF II 47, pl. 364, p. 32; pl. 367, p. 12; pl. 366, p. 47; pl. 366, p. 15; pl. 364, p. 5). В секции Тюильри посты были усилены с 5 часов; в секции Горы вооруженные силы заявили о своем подчинении Комитету общественного спасения в 6 часов. В секции Брута около 6 часов распространился слух, что в других секциях бьют сбор, но командир батальона заявил, что он не получал приказа.

[34] Об организации сопротивления комитетами Конвента и о позиции начальников легионов см. P a u l S a i n t e-C l a i r e D e v i l l e, La Commune de l'an II. Vie et mort d'une assemblée révolutionnaire, p. 204.

[35] AN, AF II 47, pl. 367, p. 42.

[36] AN, AF II 47, pl. 364, p. 32; pl. 367, p. 12.

[37] AN, AF II 47, pl. 366, p. 15.

[38] AN, AF II 47, pl. 364, p. 16; pl. 365, p. 3.

[39] AN, AF II 47, pl. 367, p. 27; W 80.

[40] AN, AF II 47, pl. 367, p. 2; pl. 366, p. 29.

[41] AN, AF II 47, pl. 364, p. 1, 5, 39; pl. 365, p. 14; pl. 366, p. 27

[42] AN, AF II 47, pl. 365, p. 45.

[43] AN, F[7] 4432, pl. 8, p. 37; AF II 47, pl. 367, p. 22, 36; pl. 365, p. 52.

[44] AN, AF II, 47, pl. 366, p. 26; pl. 367, p. 15; pl. 364, p. 52.

[45] AN, AF II 47, pl. 367, p. 31; pl. 365, p. 56.

[46] AN, AF II 47, pl. 364, p. 24; pl. 366, p. 20.

[47] AN, AF II 47, pl. 364, p. 46.

[48] AN, AF II 47, pl. 366, p. 5, 6.

[49] AN, AF II 47, pl. 367, p. 17. Ришар около 7 часов принес присягу Коммуне; два часа спустя он от нее отрекся перед комитетами своей секции (AN, W 80, d. 3277).

[50] AN, AF II 47, pl. 365, p. 9; C 314, pl. 1256, p. 35; F[7] 4775[39].

[51] AN, AF II 47, pl. 367, p. 5.

[52] AN, F[7] 4432, pl. 10, p. 15; AF II 47, pl. 366, p. 42.

[53] AN, AF II 47, pl. 365, p. 44.

[54] AN, AF II 47, pl. 366. p. 24.

[55] AN, W 80, d. 3231.

[56] AN, AF II 47, pl. 367, p. 52; F[7] 4432, pl. 4, p. 32; F[7] 4774[80], dossier Potier.

[57] AN, AF II 47, pl. 365, p. 37; F[7] 4433, pl. 4, p. 29.

[58] AN, F[7] 4432, pl. 8, p. 6, 7.

[59] AN, AF II 47, pl. 365, p. 30.

[60] См. Général H e r l a u t, Carnot et les compagnies de canonniers des sections de Paris au 9 thermidor, «Annales historiques», 1951, p. 9.

[61] AN, AF II 47, pl. 366, p. 20.

[62] AN AF II 47, pl. 366, p. 50.

[63] AN, AF II 47, pl. 364, p. 46, 47; F[7] 4432, pl. 5, p. 29; W 80.

[64] AN, AF II 47, pl. 366, p. 5.

[65] AN, AF II 47, pl. 366, p. 29.

[66] AN, AF II 47, pl. 366, p. 24, 38; W 80.

[67] AN, AF II 47, pl. 365, p. 9; F[7] 4432, pl. 8, p. 37.

[68] AN, F[7] 4432, pl. 8, p. 4.

[69] AN, AF II 47, pl. 365, p. 30; F[7] 4585, dossier Bance.

[70] AN, AF II 47, pl. 366, p. 42; p. 15; W 80, d, 3513.

[71] Из секций Бон-Консей, Рынка, Попенкур, Кенз-Вен и Муция Сцеволы.

[72] AN, AF II 47, pl. 366, p. 24.

[73] AN, AF II 47, pl. 367, p. 42; W 79; F[7] 4684, dossier Duclos.

[74] AN, AF II 47, pl. 367, p. 16.

[75] AN, AF II 47, pl. 367, p. 12; pl. 365, p. 3; pl. 364, p. 52.

[76] AN, AF II 47, pl. 367, p. 31; W 80.

[77] AN, AF II 47, pl. 364, p. 12.

[78] AN, AF II 47, pl. 367, p. 20; pl. 366, p. 27; pl. 364, p. 21; pl. 366, p. 26.

[79] AN, AF II 47, pl. 365, p. 45.

[80] AN, AF II 47, pl. 367, p. 36.

[81] Две другие роты несли караул — одна у Тампля, другая у Арсенала. Таким образом, из 30 рот, оставшихся в Париже, 11 отказались исполнять приказы Фонтена.

[82] AN, F[7] 4432, pl. 3, p. 15.

[83] AN, C 314, pl. 1256, p. 83, 84.

[84] AN, F[7] 4432, pl. 3, p. 3, 4.

[85] AN, F[7] 4432, pl. 5, p. 15; pl. 9, p. 37.

[86] AN, F[7] 4432, pl. 6, p. 31.

[87] AN, F[7] 4432, pl. 6, p. 44; AF II 47, pl. 367, p. 28.

[88] AN, AF II 47, pl. 367, p. 17; F[7] 4432, pl. 7, p. 2.

[89] AN, AF II 47, pl. 365, p. 1.

[90] AN, AF II 47, pl. 364, p. 1.

[91] AN, C 314, pl. 1256, p. 53, 54, 55.

[92] AN, AF II 47, pl. 364, p. 49, 51.

[93] AN, F[7] 4432, pl. 6, p. 3, 4, 6.

[94] AN, AF II 47, pl. 365, p. 15, 17.

[95] AN, F[7] 4432, pl. 4, p. 30.

[96] AN, F[7] 4432, pl. 8, p. 34.

[97] AN, C 314, pl. 1256, p. 78; F[7] 4433, pl. 1, p. 55, 71.

[98] AN, AF II 47, pl. 364, p. 13.

[99] AN, F[7] 4432, pl. 9, p. 14, 17, 18.

[100] AN, AF II 47, pl. 367, p. 9.

[101] AN, F[7] 4432, pl. 7, p. 10; C 314, pl. 1256, p. 63.

[102] AN, AF II 47, pl. 367, p. 35; W 80.

[103] AN, F[7] 4433, pl. 1, p. 74.

[104] AN, F[7] 4432, pl. 5, p. 45, 54.

[105] AN, AF II 47, pl. 366, p. 43, 45; F[7] 4730, dossier Goulard.

[106] AN, F[7] 4432, pl. 10, p. 2,4.

[107] AN, F[7] 4432, pl. 7, p. 42; F[7] 4433, pl. 1, p. 52, 53.

[108] AN, AF II 47, pl. 364, p. 36, 38.

[109] AN, F[7] 4432, pl. 4, p. 6.

[110] AN, C 315, pl. 1264, p. 37; AF II 47, pl. 366, p. 4.
[111] AN, F7 4432, pl. 10, p. 21, 25.
[112] AN, AF II 47, pl. 366, p. 7.
[113] AN, F7 4432, pl. 7, p. 32, 36.
[114] AN, AF II 47, pl. 365, p. 30.
[115] AN, AF II 47, pl. 366, p. 34—37.
[116] AN, C 314, pl. 1256, p. 74.
[117] AN, F7 4433, pl. 1, p. 45.
[118] AN, F7 4432, pl. 7, p. 30, 31, 42.
[119] AN, F7 4432, pl. 3, p. 32; pl. 5, p. 25.
[120] AN, F7 4432, pl. 8, p. 7.
[121] AN, F7 4432, pl. 3, p. 15; C 314, pl. 1257, p. 54; AN, F7 4432, pl 9, p. 37; AN, F7 4432, pl. 6, p 31; AF II 47, pl. 367, p. 17.
[122] AN, AF II 47, pl. 367, p. 2.
[123] AN, AF II 47, pl. 365, p. 1.
[124] AN, F7 4432, pl. 6, p. 43.
[125] AN, F7 4432, pl. 3, p. 32; pl. 5, p. 18.
[126] AN, AF II 47, pl. 366, p. 4; C 315, pl. 1264, p. 37.
[127] AN, F7 4432, pl. 3, p. 34, 35; C 314, pl. 1256, p. 72.
[128] AN, AF II 47, pl. 364, p. 49, 50.
[129] AN, F7 4432, pl. 4, p. 14; pl. 5, p 3, 45; AF II 47, pl. 364, p. 24.
[130] AN, C 314, pl. 1256, p. 54, 56; W 79, p. 47.
[131] AN, AF II 47, pl. 364, p. 12.
[132] AN, AF II 47, pl. 367, p. 40; C 314, pl. 1256, p. 75.
[133] AN, C 314, pl. 1256, p. 79; AF II 47, pl. 364, p. 1; C 314, pl 1256, p. 46; F7 4432, pl. 5, p. 35.
[134] AN, F7 4432, pl. 8, p. 34, 37; W 80, d. 3243. Руссель был арестован 12 термидора.
[135] AN, AF II 47, pl. 367, p. 43; W 79; F7 4432, pl. 3, p. 4; AF II 47, pl. 365, p. 50.
[136] AN, F7 4432, pl. 6, p. 5.
[137] AN, F7 4432, pl. 9, p. 4.
[138] AN, AF II 47, pl. 365, p. 18.
[139] AN, F7 4432, pl. 4, p. 8; AF II 47, pl. 364, p. 3.
[140] AN, F7 4432, pl. 7, p. 32. Этот протокол был явно обработан в дальнейшем. См. донос Леграна (Ibid., p. 34, 13 thermidor). 12 термидора Легран опротестовал редакцию протокола: «Я нашел, что речь командира была урезана».
[141] AN, AF II 47, pl. 366, p. 25; W 79.
[142] AN, AF II 47, pl. 364, p. 42; F7 4433, pl. 4, p. 7; W 80, d. 3222.
[143] AN, F7 4660, dossier Jean-François Damour.
[144] AN, F7 4432, pl. 7, p. 43, 45; F7 4433, pl.1, p. 57.
[145] AN, AF II 47, pl. 366, p. 33.
[146] AN, AF II 47, pl. 365, p. 38.
[147] AN, F7 4432, pl. 4, p. 29.
[148] AN, F7 4432, pl. 7, p. 6.
[149] AN, F7 4433, pl. 1, p. 65.
[150] AN, F7 4432, pl. 10, p. 2, 3.
[151] AN, F7 4433, pl. 1, p. 62; AF II 47, pl. 366, p. 7; F7 4774[41], dossier Ménard.
[152] AN, F7 4432, pl. 9, p. 15, 17.
[153] AN, AF II 47, pl. 365, p. 14; W 79; F7 4433, pl. 4, p. 10.
[154] AN, F7 4433, pl. 1, p. 61; pl. 4, p. 16, 17; W 79; W 80, d. 3240.
[155] AN, F7 4432, pl. 8, p. 3, 22.
[156] AN, F7 4433, pl. 4, p. 3, 5; W 80, d. 3591.
[157] AN, AF II 47, pl. 366, p. 42.
[158] Paul Sainte-Claire Deville, op. cit., p. 272.
[159] AN, W 79, d. 3448.
[160] AN, AF II 47, pl. 367, p. 18.
[161] AN, AF II 47, pl. 365, p. 9.
[162] AN, AF II 47, pl. 366, p. 47.
[163] AN, W 80, d. 3513.
[164] AN, F7 4432, pl. 8, p. 4.
[165] AN, F7 4775[28], dossier Thierry, cordonnier, commandant en chef de la section.
[166] AN, F7 4684, dossier Pierre-François Duclos.
[167] AN, W 80, dossier Lemonnier.
[168] AN, F7 4433, pl. 4, p. 6; W 80, d. 3231.
[169] AN, AF II 47, pl. 366, p. 42.
[170] AN, AF II 47, pl. 366, p. 29, 38.
[171] AN, AF II 47, pl. 364, p. 47; F7 4432, pl. 5, p. 29.
[172] AN, F7 4432, pl. 10, p. 4.
[173] ADS, D* 982, Enrôlement pour la Vendée.
[174] AN, AA 15, d. 783. Etat par section des hommes en état de porter les armes, juillet 1793.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ADS — Archives du département de la Seine.
AN — Archives nationales.
APP — Archives de la Préfecture de police.
BAN — Bibliothèque de l'Assemblée nationale.
BHVP — Bibliothèque historique de la Ville de Paris.
BN — Bibliothèque nationale.
Br. M. — British Museum.
BVC — Bibliothèque Victor Cousin.

* * *

Actes — Recueil des actes du Comité de salut public.., par Aulard.
«Affiches» — «Affiches» de la Commune.
«Annales historiques» — «Annales historiques de la Révolution française».
Jacobins — La Société des Jacobins, Recueil de documents.., par Aulard.
Paris — Paris pendant la Terreur. Rapports des agents secrets.., par Pierre Caron.
P.-v. imp.—Procès-verbal de la Convention, imprimé par son ordre.
Tourneux — Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française, par Maurice Tourneux.
Tuetey — Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française, par Alexandre Tuetey.